Анатоль Боровский

Мы –
Юницкие

(XIX – XX – XXI вв.)

Документальный роман

УДК 821.161.1 (476-31)
ББК 84(4Беи)6

Б 83

Боровский, А. Н.

Б 83 Мы – Юницкие: Документальный роман/Анатоль Боровский. – Гомель: ОАО «Полеспечать», 2010.– 600 с.

ISBN 978-985-6632-94-8

Герой нового романа Анатоля Боровского – Анатолий Юницкий – гениальный учёный и изобретатель. Он с детства «заболел» космосом, изучая труды великого Константина Циолковского. И, опираясь на его идеи широкомасштабного освоения космоса в будущем, разработал и предложил человечеству свой путь развития – неракетный – с помощью Общепланетного транспортного средства (ОТС).

А передвигаться на планете он предлагает не по асфальту и железнодорожным путям, а по струнному транспорту Юницкого, который «отпочковался» от ОТС более 20 лет назад.

Роман рассказывает не только о космосе и струнных дорогах, а о судьбах Юницких на протяжении трёх столетий, об истории родного Полесского края.

Книга заинтересует читателей любого возраста и профессии, но особенно тех, кто занимается инновациями и изобретательством.

На обложке – плакат «Зоркавы мір», подготовленный к Первой международной научно-практической конференции по проблемам неракетного освоения космоса, которую А. Э. Юницкий в апреле 1988 г. провёл совместно с Федерацией космонавтики СССР и Всесоюзным обществом «Знание»

Отзывы на книгу присылайте на электронный адрес:

e-mail: bar-anatol@narod.ru
anatolmb@tut.by

УДК 821.161.1(476-31)

ББК 84(4Беи)6

ISBN 978-985-6632-94-8

Представители трёх столетий и семи поколений

Роман прочитал с огромным интересом. Не оставляют равнодушным строчки о судьбе Юницких, о годах репрессий, о том, как в жернова кровавой истории попали отец и мать Эдуарда Юницкого.

Невозможно без волнения читать о том, как проходило детство Эдуарда, когда он находился в детском доме под Петриковом, а потом, когда началась война, вместе с детдомовцами очутился под Ташкентом…

Такая же или почти такая же судьба досталась и сыну Эдуарда Петровича – Анатолию. Через что только он не прошёл, терпя унижения и непризнание, чтобы утвердиться в жизни, показать всему миру, на что способен его мозг. Его идеи по освоению космоса без ракеты и струнный транспорт не имеют аналогов во всём мире.

Оживляют книгу элементы фантастики, когда автор свёл в одну семью гениальных учёных: Циолковского и Юницкого, Николо Теслу и первого изобретателя многоступенчатой ракеты литвина-белоруса Казимира Семеновича. Для них, великих изобретателей и учёных, времени не существует. Они живут в нашем мире по своим законам, которыми управляет Бог.

Автор оживил текст романа, когда вместе с Юницким, по его приглашению, отправился в космос на «Колесе». Читаешь и веришь, что так и могло происходить (и будет некогда происходить), когда человечество объединится, поймёт, что, став единой семьёй землян, можно достичь невозможного...

В центре внимания произведения – судьбы Юницких. Трудные дороги выпали каждому из них, начиная от первых поселенцев на мозырском Полесье, которые и основали деревню Крушники – родину Эдуарда Юницкого и самого автора – Анатоля Боровского. В сталинскую жизнедробилку попал и дед Анатоля – Ян Фицнер.

Автор поставил перед собой трудную задачу – совместить документальный материал и элементы фантастики. Надо отметить, что фантастика присутствует лишь только там, где необходимо высветить, обозначить, соединить временные параметры и посадить за «круглый стол» гениальных учёных, которые в жизни никогда не встречались, потому что жили в разное время. И опять же – в этой плоскости присутствуют не вымышленные герои, а настоящие: Циолковский, Семенович, Тесла и среди них представитель рода Юницких – Анатолий.

В романе присутствует ещё и философская мысль: куда уходит Человек? Вообще куда уходят люди – великие и неприметные, богатые и бедные, гениальные и простые, сеющие и убирающие хлеб на земле? Они жили на земле, трудились, пробивались к вершинам бытия. Какой они оставили след, какой преподнесли следующим поколениям урок? Одни оставили о себе несколько строк в летописях, в книгах, в памяти люд-ской… А остальные, каждый в отдельности, куда они подевались, на каких высотах вечности обосновались?

Их облик растаял в глубинах извечных, а эхо их жизни растворилось в дымке времени. А, может, тот человек не всё рассказал нам, что пережил, почему не допил хмельную чашу счастья или мук, не открылся, за что страдал, что хотел изменить или переменить, чтобы облегчить муки и страдания следующим поколениям… Не узнать нам, к сожалению, всего этого, небытие не отпускает, не дано нам это.

Но гениальным и одержимым, которые жили по заповедям Божьим, заключённым в своём времени, замкнутым в своих, таких изменчивых, днях и ночах, Всевышний подарил умение выходить за рамки времени. И получалось так: где царствовала безысходность, рождалась удача, а безнадёжность приносила свои положительные плоды, когда подстерегала опасность, вдруг выпадала дорога к избавлению.

И наступает удивительное открытие, прозрение: в то неосязаемое пространство, куда не доходил отблеск от луча солнца или луны, не долетал отзвук громкой тишины, неожиданно врывается новая жизнь. И ты продолжаешь уверенно идти к заветной цели, не обращая внимания на то, что и горы казались перевёрнутыми, и поменялись местами звуки и эхо, бытие и небытие… И даже время стало бессильным против твоей уверенности: горы превратились в тропинки и дороги, тишина в мудрость и разум, а сумраки в зрение. Так повелела Сила, более могущественная, чем человек, ибо только Она ведёт человека по запутанным и таинственным дорогам, открывая перед ним замкнутую даль.

Так и у Юницких.

Каждый представитель своего поколения шёл и идёт своими тропами, своей дорогой, вливаясь в огромный шлях человеческого существования на Земле. И только один из рода Юницких предлагает человечеству единственный и приемлемый путь в будущее – дорогу между небом и землёй.

Человечеству только остаётся признать её, избрать её главной для себя…

Иван ШТЕЙНЕР,
доктор филологии, профессор Гомельскогогосударственного университета имени Франциска Скорины, член-корреспондент Международной академии наук Евразии

...Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился, и изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.

Откровение Святого Иоанна Богослова (2.3-4)

КНИГА ПЕРВАЯ

ОТ ДЕРЕВНИ КРУШНИКИ ДО ГОРОДА ТАШКЕНТА

Часть первая

От автора

Анатолия Юницкого я знаю лет двадцать пять, если не больше.

Первый раз мы с ним встретились в то время, когда я работал в молодёжной газете и со своей коллегой Галиной Пшоник брал у Анатолия интервью. Он на то время был уже известным изобретателем, о нём писали в газетах.

Мы долго сидели в гостиничном номере, говорили о его проекте «В космос без ракеты», переходили на другие темы, но все они были связаны с главным кредо Анатолия Юницкого – Космос, Человек, Вселенная...

Мы тогда разошлись далеко за полночь. А когда вышли на улицу, мерещилось, что перед нами прямо на асфальтовую площадку садятся инопланетяне на своем космолёте, выходят из него, направляются к нам...

Это было так реально и правдоподобно, что и тени сомнения в увиденной картине не проскальзывало.

Помнилось ещё, что покалывало в затылке, рука тянулась к виску, чтобы растереть, унять непонятную боль. К сожалению, тогда

ни у меня, ни у коллеги не было диктофона (заветной мечты любого журналиста), и мы писали в своих блокнотах, переспрашивали, уточняли…

А он рассказывал и рассказывал о своих грандиозных планах покорения космоса, для чего не нужно было строить ракеты и нарушать космическую экологию, буравить вселенную и создавать в ней ненужные дыры, о которых говорили учёные всего мира…

То, о чём он говорил, не укладывалось в голове. Это было выше фантастики Жюля Верна и Артура Кларка.

– Вы не верите в это? Сомневаетесь? – переспрашивал он у нас. – Тогда я вам докажу формулами и математическими расчётами…

Перед нами сидел талантливый физик и математик, космический архитектор и конструктор. Я жалел тогда, что его слушают только два человека, а не миллионы. Неужели это человечеству неинтересно?

– Мой проект может быть осуществлён только в том случае, – уточнял Анатолий, – когда в этом заинтересуется всё человечество. Представьте себе огромный обруч вокруг земного шара. Этот обруч имеет свойство расширяться, увеличиваться в размерах. Центробежные силы охватывающего планету ротора, разгоняемого до второй космической скорости электромагнитным полем в вакуумном канале, могут поднять его на сотни километров, в ту сферу, где находится безвоздушное пространство.

А в невесомости и вакууме можно изготавливать фантастические материалы и изделия, которые поднимут нашу цивилизацию на новый уровень развития… Обруч вроде телескопической удочки, когда каждый отсек входит в соседнее помещение, но та удочка кольцевая, беспрерывная… И удлиниться она должна всего на 3 – 5 процентов, чтобы выйти на космическую орбиту.

Он рисует перед нами то, что давно выстрадал, ещё в детстве к нему приходили такие идеи, когда он ещё не знал, что существуют физика и химия, механика и математика… Чтобы не утомлять наш мозг, как он говорил, рисовал самые простейшие формулы, говорил простыми словами, стараясь поменьше употреблять научные термины.

Но всё равно мозг наш оказался перенасыщен неожиданной темой. Словно в сосуд, который вмещал в себя тысячу литров, было влито в два раза больше.

Видя наше утомлённое состояние, чувствуя, что мы из скромности не смеем ему сказать, что больше не можем не только впи-

тывать и запоминать, но и воспринимать его слова, сам прервал интервью:

– Думаю, что на сегодня достаточно того, что вы услышали. В заключение только хочу сказать: космос – это арфа, имеющая миллионы и миллионы струн. Эти струны звенят, издают голос, предназначенный для человечества. Космос зовёт нас к себе, принимая нас за людей разумных и мыслящих. Но, к сожалению, мы ещё не готовы с космосом быть на равных….

Та фраза о космической арфе долго сидела в моей памяти. И когда небо источало мелодично-тревожные звуки, я представлял, как по невидимой и волшебной арфе пробегает дуновение бесконечного времени, незримо касаясь золотых струн – солнечных лучей, – а на Землю, пронизывая каждого из нас, опускается Божественная мелодия нашего прошлого и будущего космического бытия…

Из той нашей первой встречи и долгого разговора выяснилось, что Анатолий является моим родственником. Пусть не близким, но в нашей крови присутствуют гены общих предков – Юницких и Фалинских, Зданевичей и Фицнеров (девичья фамилия моей матери – Фицнер), Кашеедов и Ревуцких…

С его отцом, Эдуардом Петровичем, к сожалению, как-то не пришлось встречаться, хотя в Мозыре, когда я жил там, ходили по одним и тем же улицам.

Следующая встреча состоялась у меня дома. Мы уже вместе рассматривали фотографии наших близких – живых и давно ушедших в лучший мир. Убеждались, что ничего случайного в этом мире нет, что родственная кровь неразрывна, что наши предки, да и не только предки, а и совсем чужие, но родственные по духу люди, из того, параллельного мира, помогают нам, оберегают нас, подсказывают и даже экзаменуют нас на человеческую зрелость. Потому что они в ответе за нас.

Кто из нас не любит слушать тишину? Для кого-то – она просто тишина до звона в ушах. Для другого – лёгкий шёпот космической нежности, которая лечит, успокаивает, придаёт силы. А для третьих космическая тишина – это зов и призыв Вселенной. Это верлибры и терции космической поэзии, мелодии симфоний и ораторий оркестров, состоящих из органов и арф, труб и клавесинов, гуслей и домбр… И множество других музыкальных инструментов, о которых мы никогда не слышали, даже не догадывались, издают свои удивительные звуки в хороводе звёзд и созвездий, Галактик и Вселенной.

Я верю и убедился в том, что у Анатолия Юницкого в космосе свой собственный многоголосый оркестр, и он дирижирует тем оркестром. Он знает, как дирижировать, потому что в общем хоре космической мелодии есть и его ноты, выстраданные, пропущенные через сердце и душу, подсказанные высшими духовными силами и мирами.

Космос открывает перед ним свои тайны, свои сокровища и богатства.

Вселенная приняла его как своего родного сына, как понимающего её, который слышит удары сердца сотворённого Создателем живого организма. И поэтому он большую часть своего времени проводит не на земле, а там, в созвездиях иных миров и цивилизаций, иного измерения времени и ощущения пространства. Ему присуще жить вне времени и в безвременье и одновременно оставаться земным человеком, находясь среди землян, привязанным к ответственности за жизнь отцов и матерей, братьев и сестёр, жены и своих детей…

Всё связано, всё переплетено, и никуда от этого не деться. Трудно разорваться между земным бытом и космическими заботами, вступать в споры и битвы с теми, кто не понимает его, кто не хочет понимать, отмахиваясь от его идей, потому что те идеи не укладываются в заскорузлых мозгах чиновника-обывателя. А раз не укладываются, то – «что-то здесь не так», «бредовые идеи бредового человека», «он – не от мира сего…»

В последнем определении всё правильно. Только смысл читается иной. Анатолий обогнал время на многие столетия, и он сегодня находится не в нашем застойном периоде и пространстве, а в будущем. И он кричит нам, что мы медлим в своём развитии, что окаменели и отстали от стремительного движения вперёд, что пора разорвать оболочку невидимого колпака, нависшего над нами, и вырваться на простор, глотнуть чистого космического нектара, услышать нежный голос небесной арфы.

Как произошло то чудо, что случилось с ним? Кто вдохновил и кто открыл ему тайны небесных сводов? Испокон веков крестьяне припятского Полесья пахали землю, сеяли рожь, и их взгляд был направлен в землю, которая кормила их, одевала, давала жизнь. И только в короткие перерывы от работы они могли взглянуть на небо, и то для того, чтобы проверить по луне – пора ли сеять, какая будет погода завтра…

На мальчишку из-под Брагина, который проводил детство в сотне километров от Гомеля, снизошло вдохновение космического откровения. Он ещё не знал своего предначертания, но в своих снах и мечтах видел Байконур, космонавтов, Константина Циолковского…

И он шагнул на первую ступеньку космической лестницы, которая вела в будущее, в Светлый Мир, в Царство Добра и Любви… А потом оттуда уже полетел ввысь по струнам космической арфы – выше звёзд, выше прошлого и будущего, указав землянам путь их дальнейшего развития и усовершенствования, предначертанный Всевышним…

Его идеи были близки к фантастике, поэтому я, под влиянием его рассказов и долгих бесед – давних и недавних, сам стал соучастником его смелых и гениальных проектов.

Но – обо всём по порядку...

В камере на Лубянке

Он и сам не знает – это был сон или видение… А может, одно и другое, вместе взятое. Видения приходят не к каждому, а только к тем, кто «заболевает» какой-нибудь идеей, проектом, предложением.

Когда она становится навязчивой до невозможности, до одури в голове, пронизывая, сверля мозг днём и ночью, причиняя невыносимую боль, – тогда и охватывает то непонятное состояние, когда сам уже не знаешь, кто ты, где ты, и трудно различить – где сон, а где реальность…

… Камера тесная и сырая. Одно окошко в стене, до которого не дотянуться, чтобы посмотреть, что там, на улице. Видна ли ночью луна на небе, звёзды, таинственный Млечный Путь, Большая и Малая Медведица? Невозможно увидеть их, как и вдохнуть в себя живительный воздух, и от этого боль пронизывает лёгкие – ни вдохнуть, ни выдохнуть…

Окошко в дверях, в которое подаёт надзиратель скудную еду – что-то напоминающее пойло для свиней – было плотно прикрыто.

На уши давила звенящая тишина.

В камере две койки. Но одна из них почему-то пуста. Где второй узник?

Почему он один в камере? В какой он находится тюрьме – какого государства, в каком живёт столетии? От множества вопросов снова раскалывается голова, потому что ни на один из них не может получить вразумительного ответа.

Он дотронулся до дверной ручки, машинально повернул её вниз. Как ни странно, но язычок замка щёлкнул, выскочил из ячейки, и дверь приоткрылась.

«Почему я не заперт? – снова возникает вопрос, за ним следующий: и куда все подевались?»

Он долго колебался – открывать дверь или нет. А вдруг провокация – он откроет её, переступит порог, и тут же раздастся выстрел и пуля войдёт в грудь или в голову, как бабушке Ефросинье? Прислушался: в коридоре тихо. Не слышно шагов, ни криков, даже отдалённых разговоров.

Поборов в себе страх и недоверие, осторожно толкнул дверь. Она слабо пискнула, словно мышь, увидев опасность. Ещё сильнее нажал ладонью на холодную металлическую дверь. Она больше не издала никаких звуков, и открылась наполовину – уже мог пройти в коридор. Но всё равно медлил – осторожничал. Высунув голову, посмотрел в одну сторону узкого коридора, потом, уже переступив порог, выглянул из-за двери в левую сторону – никого.

«А, будь что будет, – принял решение переступить порог и второй ногой, вышел в коридор. – Никто не наблюдает за мной? А где остальные сокамерники? Вышли на прогулку, а меня оставили? Зачем?»

Вопросы, вопросы, вопросы…

Прошёлся в один конец коридора, потом вернулся назад. Показалось, что где-то, в какой-то камере, кто-то зашелестел бумагами. Прислушался: где-то близко, в ближайшей камере. Напрягая до предела слух, старался ступать неслышно, чтобы определить местонахождение странного шороха.

Дойдя до дверей последней камеры слева, остановился. Дверь была приоткрыта. Когда приставил ухо к щёлке, услышал вздох человека.

– К вам можно зайти? – осмелев, задал первый вопрос человеку, сидящему в камере.

Ему никто не ответил.

– К вам можно? – спросил внятно и немного громче.

Снова ответа не последовало.

Тогда он решил зайти без разрешения. Если дверь открыта, то почему нельзя зайти в гости? Правда, нежданный и неприглашён-

ный гость хуже татарина, говорил когда-то дед Антон, но одиночество толкало узника на необдуманные и рискованные поступки.

Взялся за металлическую скобу, потянул дверь на себя. Открыл её настежь.

От дверей увидел, что за столом, сгорбившись, сидел старик. Он углубился в какие-то бумаги, в беспорядке лежащие перед ним. Что-то чёркал на бумаге – то ли писал, то ли исправлял уже написанное.

Гость понял, что узник глуховат, и потому не слышал его вопроса. Когда хотел сделать первый шаг к обитателю одиночки, тот неожиданно повернулся к нему.

– А, это вы? Давно вас дожидаюсь.

Гость подошёл ближе, остановился рядом. Было впечатление, что этого человека он где-то видел, даже давно знал его.

– Мучаетесь от безделья, молодой человек? Угадал?

Он подслеповато прищурился, посмотрев на пришедшего гостя, указав на стул напротив, промолвил:

– Присаживайтесь! Будьте как дома, но не забывайте, что мы с вами в гостях.

– В гостях? – переспросил «молодой человек». – У кого?

– Вы не знаете у кого? – наклонился над ним человек с короткой бородкой, прошептал, нарисовал на сером клочке бумаги летящую вверх ногами неизвестную птицу и рядом с ней лысую голову. – У слуг дьявола.

В неизвестной птице гость увидел усы. И он знал, кому они принадлежат. И череп напомнил «самого человечного».

– А вы кто? – задал свой второй вопрос посетитель.

– Я? Скромный учитель женского епархиального училища, – человек склонил перед ним голову. – А перед этим сдал экстерном экзамены на звание учителя. Преподавал арифметику и геометрию, физику и математику.

– Так вы – Константин Эдуардович Циолковский? – удивился пришелец из соседней камеры.

– А вы, как я понимаю, Анатолий Эдуардович Юницкий?

– Да. Мы – из рода Юницких. Но откуда вы меня знаете? Мы же живём с вами в разных временах. Вас не стало в тридцать пятом, вы не дожили до ужасных сталинских репрессий два года, а я родился четырнадцать лет спустя…

– Ну и что? Даже если бы нас разделяло расстояние в две сотни лет, мы бы с вами обязательно встретились. Нас ничто не

разделяет, нас объединяет не только космос, а и то, через какие тернии мы пробиваемся к его тайнам. Вы тоже занимались космическими поездами, даже не зная, что я потратил на это много времени и сил. Но, как ни странно, передо мной занимались этим и другие, и родом они были из вашей страны… Ваша идея – в космос без ракеты – уникальная, она мне и в голову не приходила.

Константин Циолковский замолчал, откинулся на спинку ветхого кресла, которое чудом оказалось в камере.

– А почему вы здесь работаете, в камере, а не у себя в кабинете?

Учёный кисло улыбнулся, прищуренным взглядом посмотрел на своего собрата:

– Это долгая история…

– А всё же?

Вместо ответа Циолковский подал ему лист бумаги, чтобы он ознакомился с текстом.

«Поручается тов. Рыбакову произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг. В зависимости от обыска задержать гр. Циолковского и реквизировать или конфисковать его товары и оружие. Ордер на арест № 109.»

– Вас арестовало ГубЧК?

– А что здесь удивительного, мой молодой друг? Хотя какой вы молодой, вы почти сегодня в моём возрасте… Следователь Ачкасов завёл мое дело за номером 1096. Ко мне присылали провокатора – будто бы деникинского агента Образцова, чтобы я открыл секретные явки в Москве, но я не поддался на его искренние заверения в его честности. Он утверждал, что послан из Киева начальником разведывательного пункта князем Голицыным-Рарюковым, чтобы получить необходимые сведения о Восточном фронте и о тех намерениях и задачах, которые думают предпринять на нём большевики. Я, по его мнению, должен знать все пункты организации Союза возрождения России.

Вот что написал следователь в конце документа:

«А поэтому, ввиду полной недоказанности виновности Циолковского, но твёрдо в душе скрывающего организацию СВР и подобные организации, предлагаю выслать гр-на Циолковского К.Э. в концентрационный лагерь сроком на 1 год без привлечения к принудительным работам ввиду его старости и слабого здоровья. Декабря 1 дня 1919 года. Следователь Ачкасов».

– Ничего не понимаю! – возмутился сотоварищ учёного. – Если не доказали вашей связи с деникинцами, то почему вас не отпустили? Вам же не поставили ничего в вину!

– Ох, как вы наивно рассуждаете, мой друг! Очень и очень наивно. А вы, Анатолий, позвольте вас спросить, почему оказались в этих казематах?

Циолковский подошёл к тому вопросу, который волновал больше всего его гостя – как он очутился в стенах этого страшного заведения, за какие такие провинности или злодеяния? Сам не помнил, как ему предъявили какие-нибудь требования и арестовали. А сюда приводят только после ареста…

– Не знаю, Константин Эдуардович, право, не знаю, даже и не догадываюсь.

– Да твоё только имя говорит обо всём – хотя ты и Просветитель, Преподобный, но ты и Мученик. Так утверждают греки. Ты будешь всю жизнь мучиться и страдать, отстаивая свои идеи. Алчные будут стараться отнять их у тебя, присвоить себе. А когда им это не удастся, будут прибегать ко всякого рода ухищрениям, поступать подло и агрессивно. А потом окажется, что ты своими теориями и проектами переступишь запретную черту – там, где начинается военно-промышленный комплекс. И тогда они – представители военщины и чекисты, а в твоё время НКВД сменится на МГБ, а потом КГБ, и откроют на тебя охоту – как охотники на загнанного волка, обложат тебя со всех сторон красными флажками. Как открывали они охоту на твоего деда – Петра, и расстреляли его в 1937 году, а потом и на его сына Александра, председателя колхоза… Их расстреляют в один и тот же день – двадцать шестого октября 1937 года… Ну, да ты и сам об этом узнаешь.

– Я им наступил на больную мозоль?

– Хуже – ты без разрешения и согласования раскрываешь их военные тайны, даже и не подозревая, что в твоих руках их тайны и секреты…

Учёный и не заметил, как начал называть младшего собрата на «ты». Это был знак величайшего уважения.

– И что вам сказал чекист Ачкасов, Константин Эдуардович?

– Что? А то и сказал, что должен был сказать с высоты своей должности. Он придумал простой, но иезуитский ход – раз меня нельзя расстрелять, то можно сгноить. Он знал, что я старый и больной человек, да ещё и глухой вдобавок, в концлагере и полгода не протяну. А с его стороны и революционная бдительность соблюдена,

да ещё и большевистская гуманность проявлена. Поэтому он и прошептал мне свои главные иезуитские слова: «Мы не можем вас расстрелять, а для острастки дадим всего годик. А что такое годик, когда мы каждый день выводим сотнями на расстрел… Радуйтесь!»

Гость поднялся с табуретки, хотел пройтись по камере, но она была настолько мала, что не удалось сделать и шага.

– В какое страшное время вы жили, но страшнее всего тридцать седьмой… А концлагеря придумал ещё Ульянов-Ленин.

– Нет, он только последователь, жестокий Наполеон придумал издевательства над своими же людьми. Он так относился и к своим воинам. Когда они замерзали от холода и голода под Москвой, он безжалостно оставил их, а сам убежал во Францию…

– Вы хотите сказать, что все, кто стоит у власти, не заботятся о тех, о ком должны заботиться?

– Если бы только не заботились… Диктаторы всегда уничтожали собственный народ.

– Константин Эдуардович, я вижу, что вы очень устали. Я хочу оставить вас одного.

– Да, да, вы действительно правы. Как говорит моя дочь Любочка, делу время, а отдых тоже необходим. Вы ещё заглянете ко мне? Нам так нужно о многом поговорить, обсудить. Мне нужно кое-что передать вам, мне хочется передать всё это в надёжные руки. Вам я доверяю. Вы придёте ещё к старику, Анатолий?

– Да, обязательно.

Когда он пришёл в свою камеру, увидел, что на второй койке лежит человек.

Отвернувшись к стенке, тот спал, сладко посапывая во сне.

На свою койку он опустился осторожно, чтобы не потревожить нечаянным скрипом своего соседа.

В ушах ещё стоял вопрос: «Вы придёте ещё к старику, Анатолий?» Хотелось о чём-то подумать, порассуждать, но неожиданно он очутился на мягком и огромном облаке, которое унесло его куда-то ввысь – в него он и провалился в глубокий сон.

Истоки рода

Игра в игорном доме на окраине Троицкого предместья Минска накалялась с каждой минутой.

За одним столом сидели трое: дворянин Шумский и двое помещиков – Рудзиевский и Маркварт.

Шумский – щуплый, невысокого роста, курчавый, весёлая улыбка не сходила с лица. Он брал карты из колоды, особо не волнуясь за исход игры, как будто пришёл проиграть в карты своё состояние, которое было ему в тягость.

Помещики выглядели солидными и спокойными, хотя наблюдательному глазу легко было увидеть, что они волнуются, и потому руки у них немного подрагивают.

В этот вечер удача была на стороне дворянина Шумского – он весь вечер выигрывал. Иногда потягивал из огромного фужера шампанское, поглядывая на игроков, снова брал карту.

– Ещё?

– Да, одну. Достаточно. Открывайте свои!

Сначала открыл Рудзиевский, потом и Маркварт.

– Будьте так любезны показать нам свои карты.

Шумский положил перед ними «тройку», «семёрку» и «туз».

– Чёрт возьми! – вскипел и вскочил с места Рудзиевский. – Опять неудача! Еще рискнём, дворянин Шумский? Последний раз, хотя уже далеко за полночь. Мы хотим вернуть проигранное.

– Рискнём. Но что вы поставите на кон?

– Что? – он посмотрел на Маркварта. – Закладные на свои имения.

Шумский стал серьёзным, а потом опять изобразил улыбку, уточнил:

– И где же ваши имения, господа?

– Зелёный Мох и Махновичи. В Мозырском уезде.

– Это в такой глухомани? Так там же одни только черти и водятся. Что я буду в тех болотах делать, если выиграю ваши имения?

– Там много леса, много ягод, рыбы… – парировали помещики, войдя в азарт, надеясь всё-таки отыграться.

– Ну, если уж рыбы много, – уже издевался над ними дворянин Шумский, – тогда я согласен сыграть ещё… Но где ваши бумаги?

Шумский давно охотился за богатыми игроками, знал, где у них находятся имения, убедился, что на тех местах он может сколотить огромное состояние. Рудзиевский и Маркварт почему-то не развернулись – то ли не умели, то ли не хотели. У дворянина родилась заветная мечта – прибрать к рукам те райские места.

Когда они положили на стол бумаги, заверенные печатью с двуглавым орлом, началась финальная игра.

Через шторы на окне начал уже проникать утренний свет. Но игроки этого не замечали. И в один прекрасный момент, когда пришла пора открыть дворянину Шумскому взятые карты, помещики опустили головы. На лицах у них не было ни сожаления, ни страдания – они приняли проигрыш как что-то естественное и закономерное.

– Мы вас поздравляем с выигрышем! – тихо произнесли они, подав руки для пожатия.

– Спасибо, господа! – забрав с бархатной поверхности стола выигранные закладные, произнёс, улыбаясь счастливо и удовлетворённо, дворянин, теперь уже помещик Пётр Игнатьевич Шумский.

…Он приехал на Полесье в разгар лета.

Приехал не один, а с двумя своими дочерьми – Ядвигой и Доминикой. Их возраст подбирался к совершеннолетию, и всё, что они видели в глухих уголках природы, приводило в изумление.

На второй бричке приехал управляющий Адам Сикорский – невысокого роста, черноволосый, с постоянной улыбкой на лице. Когда в первый раз приезжал новоиспечённый помещик в свои владения, повстречался неожиданно с человеком, который первым и встретил его на дороге. Шумский спросил, как проехать в Зелёный Мох, тот ответил:

– Да здесь недалеко, добрый господин, могу показать дорогу. А прежние господа – как?

– Рудзиевский продал мне своё имение, как и Маркварт, и поэтому полноправным хозяином этих земель буду я.

Незнакомец склонил голову в знак приветствия и почитания нового помещика.

Шумский посадил его в бричку, успел по дороге задать своему спутнику несколько вопросов. Тот отвечал кратко, с достоинством, не заискивая перед помещиком.

– Читать-писать умеешь? – задал неожиданный вопрос петербуржец, пристально глядя в его коричневые, словно перезрелые жёлуди, глаза.

– Умею. И не только читать-писать, как вы изволили спросить, но знаю математику и физику, биологию и строительство…

– И откуда здесь, в этой глуши, такие таланты произрастают? – заулыбался Шумский, ему понравился ответ зеленомошца.

– А у нас все талантливы здесь, кого ни возьми.

Его ответ ещё больше пришёлся по душе, подумал: «Не бахвалится, не хвастается своими способностями. Видно, себе на уме человек. Такой бы и подошёл мне на должность управляющего…»

– Зовут-то тебя как?

– Адамом мать назвала. А так мы – Сикорские. Отец небольшую пасеку держит, так мы мёд в Варшаву доставляем. У нас здесь луга с целебными травами, и мёд наш идёт нарасхват. В Варшаве я и учился, как мой старший брат Викентий.

– Вон оно что, – задумчиво произнёс Шумский, – так ты – человек с европейским образованием?

Адам скромно пожал плечами.

– Вот и Зелёный Мох, – промолвил Адам, когда въехали под высокую арку, – ваше имение. Показать наше село?

– Будь так добр, Адам. С благодарностью приму твоё предложение.

А после уже, когда новый помещик познакомился с людьми, поговорил с ними о делах, о погоде, о будущем урожае, убедившись, что крестьяне – народ простой и работящий, приветливый и добродушный, идя рядом с Сикорским, задал основной вопрос:

– Адам, не согласился бы ты стать управляющим моего имения?

Сикорский остановился, посмотрел в глаза помещику – не шутит ли, не зная его, предложил такую должность. Но в глазах помещика не увидел ни издёвки, ни шутки. Шумский стал серьёзным и ожидал ответ на заданный вопрос.

– Вы серьёзно?

– Серьёзнее не бывает. Будешь заниматься строительством имения, всех хозяйственных построек, наверное, и водяной мельницы… Чертежи в Петербурге. Скоро привезу. Ты будешь заниматься в основном лесом. Мы построим в этих местах железную дорогу, будем возить по ней лес. Железная дорога – колея у неё узкая, поэтому и называют её узкоколейка. Для перевозки леса на платформах она как нельзя кстати. Проложим её до деревни Боложевичи и реки Припять, а это тридцать километров. В Германии я её увидел, и она мне понравилась.

Помещик ещё не получил утвердительного ответа, хотя он в этом нисколько не сомневался, но решил сразу же открыть перед

будущим управляющим перспективы и планы устройства земли и территории.

У Шумского во владении были сотни гектаров земли, в основном лесных угодий. Когда-то Екатерина II не поскупилась, как и остальным её верноподданным, за верное служение Отечеству выделяла многим огромные территории «Северо-Западного края» в вечное пользование, в том числе и на Мозырщине.

– Я даю своё согласие, Пётр Игнатьевич! – произнёс Сикорский, пряча свою радость от неожиданного и выгодного предложения. – Спасибо за доверие.

– Ну и прекрасно, – закивал головой помещик. – Мы здесь с тобой закрутим огромные дела. Уверен, что ты справишься со всеми проектами, которые я хочу осуществить…

… А сейчас Шумский приехал вместе с управляющим на нетронутые земли. Трава по пояс, гудение пчёл, убаюкивающее журчание реки, заливистые голоса птиц в густых зарослях – всё это пришлось по душе не только дочерям, но и самому помещику.

– Да, я убедился – здесь хорошие земли, – заметил помещик, осмотрев окрестности, – и нужно сюда заселить людей. Ты уже наметил, кто будет осваивать эти земли, подобрал людей?

– Да, Пётр Игнатьевич. Не далее как позавчера я приехал из Варшавы с тремя братьями-холостяками. Фамилия их Юницкие – Пётр, Адам и Николай. Они не большие грамотеи, но сообразительные и трудолюбивые. Знают толк в лесном деле. Отец привил им с детства любовь к земле. Не хотел их отпускать от себя, но я оставил ему хорошую сумму.

Шумский не стал уточнять, какая это была сумма, не в его это характере.

– А где же они, твои первые поселенцы?

– Здесь рядом, ждут, когда позовём их.

Помещик с удивлением посмотрел на Сикорского.

– Зови, хочу взглянуть на них.

Управляющий заложил два пальца в рот и коротко свистнул.

От реки к ним направлялись три человека. Сначала показались их головы, потом плечи и, поднявшись на берег, во весь рост предстали перед помещиком.

Шумский сразу отметил, что братья были крепышами, сажень в плечах. Светлые чуприны, правильные черты лица, шли, ставя уверенно ступни, словно впечатывали шаги в землю. «Как гренадёры перед командиром, – отметил про себя помещик, – и силища у них, наверное, неимоверная.… Знает управляющий толк в людях, молодец».

Подошли, поздоровались. Шумский подал каждому руку, назвался.

– Николай… Пётр… Адам.

В голосе – уверенность. Во взгляде – теплота. Руки – пудовые кулаки.

Посмотрел на братьев помещик с восхищением, спросил:

– Знаете, зачем я пригласил вас сюда?

– Да. Адам сказал нам.

– И как вы к этому предложению относитесь?

– Обсудить бы надо, – ответил старший – Адам. – От вас хотелось бы услышать, знать подробно, что и к чему. Мы уже всё осмотрели. Места нам понравились. Прекрасные места. Мы обсудили всё сами, уточнить у вас желательно.

– Тогда присядем и всё обсудим.

Пётр Игнатьевич посмотрел вдаль. Увидел, что дочери собирают букеты из трав, первым опустился на клевер. Рядом рос зверобой, синий цикорий голубился неподалёку.

– Слушаю вас, господа Юницкие.

Адам кашлянул в кулак, переглянулся с Николаем и Петром, сказал:

– Мы решили так. Я с Петром остаюсь тут, возле речки. Только он будет строить себе дом вон там, за высокими дубами, за тростниками. И поэтому и название придумали его поселению – Затросница. Около реки я увидел много кустов крушины, и решил назвать будущее село Крушники.

Шумский удивлённо повертел головой, не ожидал такого от них, ведут беседу как учёные-этнографы, как географы и исследователи Полесья.

– Ну а Николай?

– А мы его «засунули» подальше, за несколько вёрст от нас определили ему место. Вернее, он сам выбрал его. Ему там понравилось больше, чем здесь. А раз засунули в глушь, то и название само пришло в голову – Засунье.

Помещик не выдержал, дал волю смеху. Сначала братья не понимали, что вызвало смех у Шумского, а потом и сами расхохотались вместе с ним. Управляющий знал, как братья назвали будущее село, но общий смех поддержал, радуясь, что помещику пришлись по душе «выписанные из-за границы земледельцы и лесовики».

– Молодцы, ребята! Так и запишем в наших документах – «братья Пётр, Адам и Николай Юницкие основали деревни Затросницу, Крушники и Засунье». Я поручу картографам, чтобы они составили

карту этой местности. Выпишу вам документ на вечное пользование этой землёй, заверенный царской гербовой печатью. И ею будут потом владеть ваши дети, внуки, правнуки.

Братья снова радостно переглянулись.

– Последний вопрос, Пётр Игнатьевич…

– Слушаю.

– Сколько нам земли можно взять во владение?

– А сколько бы вы хотели? – весело посмотрел на них помещик.

Пожали плечами.

– Тогда я скажу так: сколько хватит сил для возделывания, столько и берите земли. Обсчитайте вместе с Сикорским, и тогда мы впишем площадь в дарственную для каждого из вас. Согласны с таким предложением?

– Спасибо! Нас всё устраивает.

– Вот и договорились. По рукам! И ещё. По вашему примеру захотят селиться здесь люди. Выделяйте им место. Пусть строятся, возводят себе жилища, хозяйственные дворы. Сикорский вам пояснял, что все, кто будет здесь проживать, будут работать на лесоразработках и строительстве узкоколейки.

– Всё мы знаем. Людей будем приглашать на поселение.

Шумский кивнул головой, пожал каждому руку, словно этим скрепил первоначальный устный договор. Посмотрел в сторону заходящего солнца – оно уже краешком малинового диска касалось дальних вершин сосен, расстегнул ворот белой сорочки.

Незаметно и быстро пролетело время. Помещик Шумский остался доволен прожитым днём. Всё складывалось как нельзя лучше.

– Ну что, разъезжаемся? – спросил у управляющего.

– Да.

– Тогда я с дочерьми поеду, а ты можешь ещё задержаться здесь, обсудить с Юницкими все остальные вопросы. Ядвига! Доминика! – громко позвал он дочерей. – Собирайтесь, поедем!

Кучер Симон ожидал команды помещика и тут же подогнал бричку.

Ядвига и Доминика, о чём-то весело разговаривая, надев на голову венки из цветов, не спеша направлялись к отцу.

Вскоре, поднимая за собой тёплую и лёгкую пыль, карета легко покатилась по узкой дороге в сторону Зелёного Моха.

…С того дня и считается зарождение деревень Крушников и Застосницы. А потом будет Спримачев и Злодеевка, Будки и Бобрик…

Со временем на лесной поляне рядом с Зелёным Мохом вырос двухэтажный дом – дворец, а неподалёку от него заселились из разных деревень мастеровые с семьями.

Началась интенсивная работа по разработке леса. Узкоколейка доставляла сосны и дубы от урочища Горное до Припяти. Там и пристань построили.

Предприимчивый, надо сказать, был помещик, неугомонный. Организовал изготовление деревянной утвари – цебры (кадки), бочонки, корыта, черпаки… Изготавливали мастера древесный уголь, гнали смолу.

Со временем обосновалось в Зелёном Мохе до шестидесяти дворов и хозяйств.

Разрастались и Крушники вместе с Затросницей, Будками, Бобриком…

Растеребили себе поляны, построили избы, сараи, хозяйственные пристройки.

Пётр взял себе жену из деревни Засунье, что находилась недалеко от Лельчиц.

Адам расчистил себе лесную площадь на Затроснице. Привёз жену из-под Петрикова.

Николай, когда с Петром ездил выбирать для него невесту в Засунье, и сам влюбился в местную красавицу. Но не привез её в Крушники, а остался там, в Засунье. Там и обосновался. Дом построил, землю для посевов подготовил, пасеку завёл…

Проходили мимо Адама люди, зашли во двор, попросили воды попить. А Адам угощал их не водой, а холодным, сдобренным мёдом, квасом из погреба.

Очень понравился им берёзовый квас. Поблагодарив, собираясь уходить, спросили:

– А не скучно жить одному на таких просторах?

– Скучно, – согласился Адам Юницкий, – соседей ищу хороших. Могу место рядом предложить, у меня земли много. Выбирайте сами.

– И какую же ты плату с нас за землю возьмёшь? – сразу же задал деловой вопрос человек в домотканой свитке, с чёрной бородой.

– Никакой платы. Поселишься, вместе будем работать у помещика Шумского. Имение его в Зелёном Мохе. Мы же подчиняться будем его управляющему – Сикорскому.

– Так ты не шутишь, добрый человек? – недоверчиво посмотрел на него незнакомец. – Первый раз меня видишь, и такое предложение…

– Нет, не шучу… Как твоя фамилия?

– Зданевич. Виктор Зданевич.

– Так что приходи, Виктор, твоё место, если хочешь, будет рядом со мной. Можешь ещё людей привести. В другом конце деревни раскорчевал делянку мой брат Пётр. Будем обживаться, строиться, и со временем Крушники станут огромным селением…

…Прослышав о таком прекрасном и удивительном месте, один за другим из разных концов Полесья начали приезжать люди, с согласия основателей Крушников расселялись по свободной территории.

Со временем у Петра родилось девять сыновей – один за другим, каждый год. Один из них и был Антон – дед Эдуарда, прадед Анатолия Юницкого.

Со временем все сыновья Петра расселились в Крушниках, только один из них – Владимир – выбрал себе место в деревне Летовище.

Антон, как и Николай когда-то, взял себе в жёны девушку из Засунья. Молва пошла среди Юницких, что красивее невест, как в той деревеньке, нигде нет. И имя у красавицы было необычное – Настазя, что в переводе на «паспортный» язык – Анастасия, Настя, Настенька.

Но невеста оказалась с норовом. Характер проявила. А всё из-за религиозных убеждений.

– Ты – католик, – говорила она, подбоченясь, глядя на него огромными голубыми глазами, ещё больше влюбляя его в себя,– а я – православная. Не разрешит мне отец выходить за тебя замуж.

– Что же мне делать? – опешил жених, боясь, что может потерять красавицу.

– А то и делать, что тебе нужно принять православную веру. Только тогда я стану твоей женой.

Но тут уже отец жениха воспротивился, но не настолько, чтобы ломать жизнь родному сыну.

После долгих уговоров сдался, махнул рукой – поступай как знаешь…

Семь сыновей и две дочери родились у Антона. И один из них Пётр – отец Эдуарда Юницкого.

И все сыновья, возмужав, женились, расселялись по просторным полям. Места хватило всем, и заселялись в тех местах, которые пришлись по душе и хозяину, и молодой жене.

Щука для семьи

Их избушка стояла на самом берегу речушки Сколодинка.

Речка неглубокая, перейти можно в летнее время, но весной, во время половодья, она становилось неузнаваемой – выходила из берегов, разливаясь в луговинах на сотни метров, подступаясь всё ближе и ближе к огородам и усадьбам крушничан…

Справа от их селения шла дорога во вторую часть деревни – в Затросницу, а через мосток речки, выше течения – на Будки. Ещё дальше – Бобрик. Одно название, а ещё и несколько подназваний.

Отец срубил дом рядом с тем местом, где стоял дом деда Антона – на хуторе Злодеевка. Это почти рядом с Крушниками, но на другом берегу речки.

Речка в том году разлилась так широко, что холодные волны плескались у самого порога. Если бы немного выше поднялась вода, то зашла бы непрошенной гостьей в избу. Никогда так не разливалась, не помнят такого крушничане. И мать говорила, что на её памяти не было такого.

Холодно. Голодно. Нечего одеть и обуть, в животе пусто.

От голодной смерти спасает коровёнку, но чтобы она давала молоко, необходимо на зиму запасти для неё сена. Без хозяина трудно его заготовить – Серафиме не под силу…

Она родила восьмерых детей, в живых осталось четверо…

У Эдика так кружится голова, так пронизывают живот резкие боли, что он не выдерживает и падает на пол. Скрутившись калачиком, прижав руки к животу, теряет сознание…

Никого в хате нет – все разбрелись кто куда, главная забота у каждого – разыскать что-нибудь съестное. Выручает всех младший брат Ян, которого все зовут ласково Яник, он – дитя природы, в лесу и у реки чувствует себя своим, всё подчинено ему.

Охотился умело на дятликов. Суп из этих маленьких пернатых не ахти какой, но голод прогнать можно. Он может залезть на самое высокое дерево, найти дупло дятла или другой съедобной птицы. Если не удаётся найти дупло, с камешком караулит, высматривает, когда прилетит он и усядется на ветку. А если усядется, то Яник уже не промахнётся, даже без рогатки попадёт в него.

Прибежал со двора брат, увидел лежащего на полу Эдика, встревоженно спросил:

– Что с тобой, братик?

– Живот… И голова болит.

Голос слабый, еле выговаривает слова.

– Эх, если бы был с нами отец, – сокрушается Яник, вздыхая, – трудно без него… И мать выбивается из сил.

Нет отца. Неизвестно где – в Алдане, где-то на Колыме, но где это, Эдик не знает, как и Яник.

Брат помогает подняться с земли, доводит до полатей.

– Ты наловил меньков, Яник?

– Да…

Уложив на кровать, оставил брата одного. Ему некогда. Он убежал опять в лес, чтобы раздобыть еду…

Немного придя в себя, превозмогая боль, поднялся с кровати.

Ему нужно во что бы то ни стало добиться своего. Крючки он сделал из стальной проволоки. Согнул и заточил на кирпичине. Из конского волоса (отрезал от гривы у колхозного коня) связал крепкую леску. Думал поймать не рыбёшку, а крупную рыбу, чтобы накормить семью. Накормит мать, у которой постоянно в глазах скорбь и уныние. Она часто болеет и никак не может поправиться.

Это от голода, от недоедания…

Меньки (налимы) нужны для живца. На три крючка он нацепит маленьких рыбёшек и забросит вместе с грузилом на глубину реки.

Щуки любят меньков, в этом он убедился. И знал, где они водятся…

Если Ян был живым олицетворением леса, то Эдик и дня не видел себя без реки. Она была для него волшебным созданием, живым организмом, почти человеком, с которым можно говорить обо всём и обсуждать любые житейские вопросы и проблемы… Она, река, его лечила, давала силы.

Вот и теперь, как только он подошёл к ней, как только вдохнул её рыбный запах (ему всегда казалось, что река имеет запах рыбы), ушла куда-то боль из головы, пропала резь в животе.

Он осторожно забросил приманку для щуки подальше от берега, привязал конец к металлическому пруту, который нашёл в прошлом году на дороге, воткнул его недалеко от берега, спрятав от чужого глаза. Ну вот теперь всё. Теперь нужно только дождаться утра. Утром всё и решится. Утро покажет, удачливый он рыбак или

нет. Рыбачить его никто не учил. Он сам научился. И не просто научился, а изобрёл свои секреты, о которых никому не говорил. Потому что знал: поделишься сокровенным – и отвернётся от тебя удача, перейдёт к тому, кто услышал и перенял твоё умение…

Отца нет с ними уже несколько лет. Эдик его и в лицо не помнит. Хотя снится часто, и во сне они разговаривают. Эдик старается не рассказывать о том, как им трудно живётся, но отец, оказывается, и сам знает, что без него они обречены на голод и обнищание, успокаивает сына, гладя по голове: «Ничего, Эдик, ничего, даст Бог, всё наладится… Я скоро вернусь, и мы наладим хорошую жизнь».

Мать рассказывала, как однажды приехали из Мозыря в тёмно-синих одеждах люди и забрали отца. Забрали Михася Крупу, брата Петра и Яна Фицнера. У Яна Фицнера семеро детей – Мария, Яня, Пётр, Эдуард, Володя, Леонид и Адам.

У отца – Петра Антоновича – был брат Фёдор. Жил в Западной Белоруссии – в Давид-Городке, на территории тогдашней Польши. Он поселился там, как говорила мать, ещё до революции, когда Польша входила в состав России. Приехал однажды к ним, чтобы увидеться с братом, долго и не гостил – два дня, и сразу же уехал. Никто не знал, что его приезд оказался роковым и накликал трагедию на весь род Юницких…

Через три дня приехали к ним представители ГубЧКа.

– Брат живёт в Польше? – сверлил глазами приезжий, приставив отца к стене. – Живёт? Признавайся!

– Живёт. Давно там живёт.

– Гостил позавчера у тебя? Говори!

– Гостил, но сразу же и уехал, – признался Пётр Антонович, не понимая, какое он совершил преступление, увидевшись с родным братом.

– Почему не доложил советским органам, что к тебе приходил враг и польский лазутчик?

– Какой он лазутчик? Он же мой родной брат!

– Арестовать! – перешёл на крик чекист, поправляя широкий кожаный ремень на толстом животе. – Пособник шпиона должен понести справедливое наказание.

Когда выводили его на улицу, когда надели на руки наручники, к нему бросилась мать, чтобы обнять его. Но сталинский опричник грубо оттолкнул её, и она, спотыкаясь, отлетела в сторону, упала, ударившись головой о столб. Потеряла сознание. Она уже не видела,

как его усадили на телегу, как он сквозь слёзы смотрел на своё жалкое жилище, на лежащую на земле Серафиму и склонившихся над ней детей – знал, что больше не вернётся к жене и детям…

Серафима очнулась не скоро. Когда пришла в себя, увидела, как над ней склонились Яня, Стася и Эдик, безутешно плакали, понимая, что произошло… Мать носила под сердцем ещё одного ребёнка.

Всего мать родит восемь детей. Но в живых останется четверо. А четверо умерли ещё при Петре.

Потом пришло несколько писем от отца. Писать прямо оттуда он не мог – кем-то передал, и те уже переслали по почте. Мать читала детям первое письмо. Читала полушёпотом, чтобы никто не услышал, потому что знала: письмо было от врага народа, а это тоже строго каралось…

«Дорогие мои Серафимушка и детишки! Шлю вам привет из Алдана, из Якутии. Тут почти круглый год зима. Нас на работу водят под конвоем, а работаем мы на золотых приисках. Мы никакие не пособники шпионов, мы просто бесплатная рабочая сила. Я болею цингой, у меня выпали все зубы, а лечения здесь не оказывают никакого…»

На лице матери слабая светлая улыбка – для неё большая радость письмо от мужа. Хоть это маленькое письмецо связывало их на расстоянии. Отец просил не писать ему писем, потому что это опасно, ещё хуже будет для семьи и для него самого…

Вечером собралась вся семья. Мать так ничего и не выходила, пришла с пустыми руками. Но дети оставили ей супчика из дятликов, Яник поставил перед ней миску.

– А вы ели? – устало спросила мать, глядя на детей.

– Яня всех нас покормила, – ответил Эдик. – Она наварила на всех…

Серафима слабо улыбнулась, отмечая про себя, что дети у неё хорошие помощники. Но чувствовала за собой вину, что не могла сама их всех накормить и одеть, бьётся, как рыба о лёд, а всё впустую…

Проснувшись ещё засветло, Эдик вскочил со своей лежанки.

«Пора проверить, – подумал он, всовывая ноги в растоптанные ботинки, которые давно «просили каши» – прохудились, пальцы выглядывали. – Не может быть, чтобы не клюнула, предчувствие никогда не обманывало меня…»

Донку поставил недалеко от порога – шагов с двадцать. Когда глаза привыкли к утренней темноте, пошёл к своему месту, где

воткнул в землю железный прут. Нащупал его, потом начал тянуть сплетённый конский волос, перебирая руками. Сначала тянулось легко, а потом груз за что-то зацепился. Когда немного подёргал ещё, чуть не упал в воду – что-то неожиданно потянуло его на глубину. Еле удержался, по колено вошёл в холодную воду…

Тогда он выдернул из воды упор и, сколько смог, отступил от берега, воткнул прут в землю. Потом осторожно перенёс ещё дальше. На конце лески, понятно было, на крючок попалась рыба. Щука? Да, кто же ещё, кроме неё, захочет попробовать менька?

Уже появились первые проблески утренней зари, но до рассвета ещё было далеко.

Так шаг за шагом он отходил и отходил от берега, притягивая ближе и ближе свою добычу. Теперь она от него не уйдёт, только бы выдержала самодельная леска. Но Эдик выбирал самый крепкий конский волос – отрезал его у молодого скакуна, перед этим попробовав разорвать его. А когда соединил воедино пять-шесть волосин, разорвать не смог. Вот такую леску он и подготовил для ночной донки…

Отошёл уже шагов десять, ровно столько, сколько и было той лески. На берегу в траве зашевелилось что-то огромное. Он даже испугался, увидев, что его трофей не был похож на щуку. Что-то страшное и огромное.

Вначале он даже боялся подходить к неизвестному чудовищу. Сом? И на него не похоже. Эдик догадался сбегать к избе и взять топорик – мало ли что. Тут же вернулся, подошёл ближе к своей добыче. И тогда увидел, что на крючок попалась огромная щука – спина серая, пасть с острыми зубами раскрывалась, стараясь освободиться от крючка.

Эдик определил, что щука зацепилась на крючок ещё вечером, потому что сейчас она была измотана и не могла сопротивляться. Она только изгибалась, не имея сил ударить хвостом.

Рыбак знал, как нужно ему поступить. Он взялся за леску и начал медленно и упорно подтягивать щуку к берегу. Надо вытащить на берег хотя бы голову, а дальше… Дальше он топориком переломит ей хребет, и тогда она уже не сможет уйти назад в реку… Вот уже и голова показалась, ещё рывок, ещё один… Щука уже не сопротивлялась, подчинилась воле рыбака. И вот тогда он подбежал к ней, со всего размаху ударил по хребту. Кость хрустнула, рыба перестала шевелиться…

Эдик сел на берегу, потом лёг на спину. Он чувствовал себя победителем, не слабым мальчишкой, а взрослым, как отец,

мужчиной. Про себя подумал, что ничего само в руки не приходит, за всё нужно бороться и сражаться. Таков закон жизни.

Он нарочно оттягивал ту минуту, когда начнёт вытаскивать из прибрежной осоки гигантскую щуку. В том, что она была огромная, у него не было и тени сомнений. Подумал ещё, что это для него огромная, потому что он ещё ребёнок, а для взрослых – просто большая щука…

Вытащить её на берег никак не удавалось. Леска для этого не годилась. Отыскал пеньковую верёвку, продел её под жабры, завязал конец на голове. Только потом начал тянуть, перекинув верёвку за спину. Шаг, второй, третий… Щука только на треть высунулась из воды, а дальше тянуть детских сил не хватало… Эдик решил отдохнуть и сел рядом с головой щуки. Никогда ещё ему не удавалось изловить такую огромную рыбину… Вот обрадуется мать, когда увидит его улов.

Только с третьей попытки вытащил из воды щуку. Своим глазам не верил – если лечь рядом с ней, то по длине она будет больше его, и еще хвост впридачу. Но как ни странно, щука уже легко скользила по земле, когда он волок её, как санки по снегу.

Притянул к самому порогу и, устав от тяжёлой работы, сел на колодку перед входом в избу. Мог и сам затянуть в хату, но решил поступить иначе. Удивился и обрадовался он сам, а теперь пусть удивление и радость перейдут к матери, брату и сёстрам.

– А не пора ли вам всем проснуться? – спросил он во весь голос. – Сколько можно спать?

Мать раскрыла глаза и посмотрела с удивлением на Эдика, который стоял посреди избы в мокрой одежде, с улыбкой на лице. Не понимала ничего – что это стало с сыном? Уже и остальные проснулись. Ян подошёл к нему, встал рядом, не понимая, почему брат всех разбудил.

– Что случилось, Эдик? – спросила мать, не вставая с лежанки.

– Да к нам какая-то добыча прибилась, не знаю, что с ней и делать, – Эдик прятал улыбку, но радости своей никак скрыть не мог.

– Какая добыча?

– А она у порога, выгляньте – увидите…

Первой выбежала во двор Яня. Удивлённо и радостно вскрикнула, ударила в ладошки, подпрыгнула, возвратилась в хату.

– Мама, там… Ой, там… Иди взгляни сама.

Все вышли во двор. Последним за ними вышел и Эдик.

Когда ликование и недоумение утихли, мать подошла к сыну:

– Неужели, сынок, это ты поймал?

– Да.

Она прислонила его к себе, прошептала:

– Кормилец ты наш! Ты весь в отца. Он тоже таких щук ловил. Его рыбацкая душа, значит, переселилась в тебя... Теперь мы наедимся досыта.

И в самом деле, мать сварила уху, нажарила и напарила, оставила и для того, чтобы высушить рыбу в печи. Как всегда сушила она вьюнов и налимов, которых ловили Эдик и Ян...

Ели кто сколько хотел, добавляя себе по несколько раз.

Радовалась мать, что подрастают сыновья и дочери, знала, что все вместе они одолеют горе-беду, встанут на ноги с Божьей помощью.

И было бы оно так, если бы...

Мать Серафима

Самые светлые воспоминания у Эдика о матери. Постоянно голос её слышит, глаза помнит – светлые и добрые, излучающие небесный свет. Никогда не повышала голос на детей, всегда ласково и нежно говорила с ними, и слова для этого подыскивала особенные, проникновенные...

Более всего запомнились её песни. Вернее, одна...

Говорили, что мать когда-то была первой певуньей на всю деревню. Запоёт на своём хуторе, а слышно в другом конце Крушников – в Будках и Бобрике, скачет весёлое эхо по реке, словно мячик, отскакивает от воды и ввысь устремляется...

Тех песен Эдик не слышал, потому что не родился ещё, а услышал позже, когда не стало отца и они остались одни. Земли у них не было, только несколько грядок перед окнами. Мать всегда сажала огурцы, потом солила их на зиму в кадке.

На всю жизнь запомнилось... Мать сидит в грядке, полет огурцы. Её лицо озарено неземным светом, хотя в глазах затаённая боль и горе, на щёки сползают непрошенные слёзы, и тогда она, чтобы приглушить своё внутреннее состояние, дрожащим голосом затягивает песню:

Пасею гурочкі нізка над вадою,
сама буду паліваці горкаю слязою...
Расціце, гурочкі, у чатыры радочкі,
не бачыла міленькага чатыры гадочкі...



Тодор и Авдоля Кашеед с детьми

Её голос пронизывает детские сердца – все вчетвером сидят рядом с ней, помогают полоть. Мать пела и плакала, не в силах утаить от детей свою боль, свою горькую долю, утирала тыльной стороной ладони слёзы, ещё ниже наклоняясь над землёю…

Не раз во сне она звала Эдика на ту грядку, и он снова – в который раз! – слышал её удивительную песню. Каждый раз песня имела разные оттенки – то она лилась весело и радостно, а в другой раз слышалась такой выстраданной и горькой, что Эдуард просыпался от боли в груди и вскакивал с постели… А песня всё равно стояла в ушах, но звучала всё тише и тише, медленно уходя из его сознания и сна…

– Сынок, – рассказывала потом мать Эдику, – отца моего, а значит, твоего деда, звали Ян Зданевич. А моя мама, бабушка твоя, Юля, из рода Кашеедов, она родная сестра Авдоли Кашеед. Вот смотри, фотография, сделанная ещё до революции в Петрикове. На ней – дед Тодор и бабушка Авдоля, а вокруг их дети – мои двоюродные сёстры и братья. Здесь они не все... Так вот сзади них

стоит моя двоюродная сестра Настазя, которая жила в Крушниках, она будет носить фамилию Фицнер, родит семерых детей. Так что Кашееды и Юницкие – родственники...

…Бригадир колхоза приходил, спрашивал у матери, когда она оставит хутор Злодеевка и переберётся на территорию колхоза. Угрожал, что если не оставит с детьми хутор, к ней будут приняты самые строгие меры, что советская власть не потерпит кулаков и одноособников.

Как ни больно было оставлять насиженный угол – жили рядом с селищем деда Антона, которое находилось в полусотне шагов от них, – пришлось подчиниться. Правление колхоза имени Сталина находилось в деревне Камень – в километре от Крушников.

Переехали жить на окраину – Затросницу, в чужую хату, необжитую, прохудившуюся. Но так хоть матери было ближе ходить на колхозные работы.

Да вот беда – если хата деда Антона состояла из двух половин, и можно было хоть как-то развернуться, то здесь, в чужой избушке, места в два раза меньше – четыре на четыре метра. Да ещё печь занимала треть площади. Хатина стояла почти на болоте, и потому постоянная сырость и мокрые стены…

Зимой не во что обуться, одна пара старых истоптанных латаных-перелатаных что-то вроде сапог на всех, а снежный покров притягивает, манит к себе… И дети босиком по снегу, а потом и по льду хоть как-то старались удовлетворить своё детское желание – «поковзаться» по гладкой поверхности хотя бы босыми ногами…

Эдик ложится на живот и не может оторвать взгляд от подлёдной картины – от течения шевелятся, словно живые, водоросли, а между ними даже видно, как шарахаются в разные стороны испуганные щуки и окуни…

Смотрел бы и смотрел, не отрываясь, в подводное царство, да уже ног не слышно – посинели, окоченели… Бежать надо скорее в хату, на печь, чтобы отогреть их, а потом снова босиком на лёд. Как ни упрашивала мать детей не бегать по снегу босыми, да разве усидишь дома, когда на улице такая красота… Махнула только рукой на детские забавы, себя укоряя, что не может обуть и одеть детей, чтобы они, как все, могли радоваться зиме и наслаждаться ею. Помощи никакой – ни от родственников, которые сами прозябали в нищете, ни от колхоза…

Эдик пошёл в школу, в первый класс. И на первом же уроке учитель Белковец поднял его с места, спросил:

– Ну а ты, сучоныш врага народа, чем можешь похвалиться – буквы знаешь?

– Я не только буквы знаю, а и стихи… Могу прочитать Максима Богдановича, о зиме…

– Это не обязательно, – перебил его учитель, – сыну врага народа не обязательно читать стихи Богдановича, надо учить стихи о великом вожде нашего народа – о Сталине…

Шёл в школу с радостным настроением, а ему, как мокрую тряпку, бросили в лицо – «сын врага народа». Проглотил обиду, только нахмурился, склонившись над партой. Хотелось заплакать, но усилием воли сдержал в себе внутреннюю жалость, сжал под партой кулаки, не зная, как унять в себе дрожь и негодование.

Белковец носил военную форму, перепоясывался широким кожаным ремнём. Когда ходил между парт, слышно было, как скрипят у него хромовые сапоги. То, что говорил он ученикам, Эдик не слышал – его переполняла злость, и было желание подняться и выйти из класса и больше никогда не приходить в школу. Подумал, что школа для него превратится в ад, потому что для Белковца он будет постоянным объектом для издевательств и насмешек.

Матери дома ничего не сказал, как прошёл первый день в школе, зачем? У неё и так хватает забот и переживаний, она ничем не поможет ему, хотя бы и пожаловался.

Мать за трудодни получила две горсти зерна, под мышкой принесла домой. Высушила в печи, разделила наполовину – запас. Испекла хлеб, запах которого остался у Эдика на всю жизнь, отрезала каждому по краюхе. Но не сразу дала, а подождала, пока хлеб остынет, когда не опасно его есть горячим на голодный желудок…

Две круглые буханки порезала на равные дольки, разложила аккуратно на противень и снова сунула в тёплую печь. Дети посмотрели на неё, переглянулись.

– Это нам будет на дорогу, детки мои, – ответила мать на их немой вопрос. – Думала я, думала и решила, что не будет у нас здесь житья, надо ехать к отцу – в Алдан. И ему подмога будет, и мы как-нибудь проживём. Хуже, чем здесь, не будет. Вот поэтому я и заготавливаю сухари. Как вы – хотите ехать к отцу?

Ответили радостным хором:

– Хотим! Хотим!

– Только об этом, деточки мои, сохрани Боже, никому не говорите, – попросила шёпотом Серафима. – Мы уедем тайно, чтобы никто не знал…

И каждый из детей уже лелеял мечту, как они выберутся в далёкое путешествие, как встретят отца и обрадуют его своим приездом. А мешочек медленно, но пополнялся сухарями. Мать его спрятала под печь, чтобы никто из чужих, если наведается, не увидел. Строго-настрого приказала не брать оттуда ни единого кусочка… Никто не нарушил её наказа.

Пришло время, когда мать объявила детям:

– Детки мои, завтра мы уезжаем. Я договорилась с подводой – нас завезут на станцию в Мозырь. Доедем до Гомеля, а потом уже дальше. Я обо всём разузнала. Ехать будем долго, около месяца…

…Отец пришёл под утро.

Как он вошёл в хату, никто не слышал. Бросил котомку у порога, сел за стол. Сцепив пальцы, положил руки на стол. Руки худые, с выпуклыми жилами. От былого залихватского чуба ничего не осталось – голова без единого волоска.

Пётр Антонович молчаливо и неподвижно сидел за столом, глядя в одну точку – на Серафиму. Губы сжаты, щёки провалены – во рту не осталось ни единого зуба.

Эдика что-то подмывало вскочить и подбежать к отцу, но он прежде посмотрел на мать. Она молча покачала головой: «Нельзя, нельзя теперь подходить к нему, и разговаривать с ним нельзя…» Приказала строгим взглядом находиться на своих местах и молчать. Как ни странно, никто в эту минуту не спал. Все с удивлением смотрели на отца.

Верили и не верили в чудо, происходящее на их глазах, никто не осмеливался нарушить молчание: не могли ослушаться мать…

Потом он опустил низко голову, тупо смотрел в стол.

Те мгновения длились, казалось, вечность. Они смотрели на мужа и отца и не могли оторвать взгляда. Каждый старался запомнить его таким, каким он предстал перед ними.

Тяжело вздохнув, расцепил руки. Обвёл взглядом хату, немного дольше остановил свой взгляд на Серафиме и детях, что-то хотел им сказать, но не проронил ни слова. Поднялся, тяжело вздохнув, подошёл к двери. Поднял с земли котомку, повесил на плечо. Ещё раз оглянулся и вышел в нераскрытую дверь…

Долго не проходило оцепенение от этого видения.

– Мама, что это было? К нам приходил отец?

Мать, вытирая слёзы, с дрожью в голосе ответила:

– Это его душа приходила попрощаться с нами прежде, чем улететь на небо…

– Как попрощаться, мама?! Он снова куда-нибудь уехал? – не понимала младшая Анастасия.

– Он умер, детки мои. Нет у нас больше отца и хозяина… И он предупредил нас о чём-то…

Все поднялись со своих мест, подошли к матери. Каждый старался обнять её, что-то сказать. Но никто не проронил ни единого слова.

Все молча склонились над мамой, прислонив к ней свои головы…

Мать собрала на стол, пригласила детей завтракать. Дымилась в чугунке картошка, на сковороде – яичница на кусочках пожелтевшего сала. Мать решила накормить детей на дорогу как следует. Всем нужны были силы хотя бы на первые дни, а потом как-нибудь – мир не без добрых людей.

Только взялись за ложки, как услышали за окнами храп лошади.

Мать прильнула к окну.

С коня слезал незнакомец. Он был одет в ту одежду, в которой были и те, что забрали отца. Всадник привязал к забору лошадь, направился к порогу.

– Ой, детки мои! – побледнела мать, посмотрела на детей, и в её глазах вспыхнули ужас, тревога, страх. – Беда! Новая беда на нашу семью. Вот почему отец приходил к нам.

Энкавэдист без стука открыл дверь и вошёл в хату. Стал у порога, осмотрел жилище.

– Ефросинья Юницкая? – металлическим голосом спросил он, держа в руке хлыст, которым погонял лошадь. Голос и тон, с каким спросил, не предвещали ничего хорошего.

– Серафима я… Юницкая.

– Это неважно – Серафима, Ефросинья… Собирайтесь. Вы арестованы.

– Куда собираться? – упавшим голосом переспросила Серафима Ивановна. – За что меня арестовываете? В чём моя вина?

– Вы являетесь пособницей польской дефензивы, как и брат вашего мужа – Фёдор. Когда он приходил к вам, вы не удосужились известить нас о его тайном проникновении на территорию СССР… Собирайтесь, разберёмся!

Энкавэдист не дал даже проститься с детьми, оттолкнул их, когда они бросились к ней, чтобы обнять, заорал:

– Не сметь! Назад! Вся ваша семья – враги народа!

Когда вышли на улицу, Эдик заметил, как за забором, согнувшись, чтобы его не заметили, спешил удалиться Белковец.

«Так это твоих рук дело? – подумал он, глядя ему вслед. – Это ты, значит, показал дорогу энкавэдисту к нам, как и к другим указывал… Змей ты подколодный!»

А в это время приезжий связал верёвкой руки Серафиме и повёл её к лошади.

Мать оглянулась, посмотрела на детей. Не могла вымолвить хотя бы слово – в горле застрял тугой комок, перехватил дыхание.

Плакали Анастасия и Яня, глядя, как уходит от них мать, оставляя их наедине с собой.

У Эдика запечатлелась та картина на всю жизнь: опричник уселся на лошадь, ударил хлыстом по бокам, а следом шла мать, спотыкаясь по земле, чуть ли не падая…

Всадник не отпускал верёвку, привязанную к рукам матери, словно боялся, что она убежит от него, скроется в глухом лесу. Это напомнило то, как мать, зацепив верёвку за рога коровы, привела её в сарай…

Больше свою мать дети никогда не увидели.

…Это потом Эдуард Юницкий узнает о её судьбе, когда добьётся разрешения в органах КГБ ознакомиться с её делом. Правда, не он добьётся, а его друг – Васкан Чобонян, с которым работали вместе.

В деле матери всего одна страничка. Отпечатки пальцев, а рядом – следы крови. Острая боль пронзила сердце. Получалось так, что её расстреляли на третий день после того, как увели из дому.

«Следователь – сержант госбезопасности Бергман:

– Ты видела, как в 1924 году приходил Фёдор – брат твоего мужа – к своему отцу Антону?

Молчание. Опять прозвучал тот же вопрос:

– Ты видела?

После третьего ответила:

– Он переночевал у Антона и утром уехал.

– Почему не донесла об этом властям?

В ответ молчание.

Приговор:

За связь с белополяками – расстрелять».

И весь допрос, который, видимо, длился не больше минуты. Формальный, никому не нужный допрос. А арестованной было всего лишь сорок лет.

Пожилой полковник КГБ стоял неотступно рядом, как будто боялся, что унесёт с собой Эдуард Юницкий ценный документ.

– За что, за что, товарищ полковник, её расстреляли? Она же не умела ни читать, ни писать. Паровоза в жизни не видела. Когда получала пайку зерна, которая умещалась в горстке руки, в колхозе за свой непосильный труд, в ведомости вместо росписи ставила крестик… Неужели она и в самом деле была врагом народа? Зачем такая грубая и нечеловеческая фальсификация?

– Если бы следователь не сфальсифицировал это дело, его самого ожидал расстрел. Были такие, которые не хотели оформлять такие дела. Их сразу же расстреливали – и таких насчитывалось около тридцати тысяч…

– Уму непостижимо…

– Она призналась, что работала на польскую дефензиву.

– Когда на бумагу стекала кровь во время пыток, можно признаться, что она покушалась на самого товарища Сталина…

– Ну знаете ли…

Молчал полковник, ожидал, когда Юницкий ознакомится и со вторым делом – отца.

Раскрыл вторую папку – ***«Дело Юницкого Петра Антоновича»***. Дело завели в 1930 году, когда его арестовали. Папка была толще, чем у матери.

В одной папке – фамилии тридцати человек. Всех судили одновременно, одним махом. Подсудимые были из разных деревень – Камень и Глиница, Спримачев и Зимовая Буда, Гиневичев Груд и Осовецкая Буда, Криничная Гряда и Сколодин, Турбинка и Осовец, Зарубаное и Конопелька… Фамилии – Кашевич, Крупа, Реут, Хмелевский, Фалинский, Фицнер, Зданевич, Ящиковский и другие. Всем – по десять лет каторги.

Страниц много, как на настоящих шпионов заведено дело. Отыскал страницы допроса отца, вчитался в строчки.

«Следователь:

– Юницкий, какая у вас была связь с белополяками в двадцатом году?

Ответ:

– Я шёл к своей тётке в деревню Засунье – сестре мой матери Анастасии. Когда я шёл, меня неожиданно настигли поляки и посадили на телегу, чтобы отвезти к себе в участок – в Лельчицы. Когда мы переезжали ручей, я спрыгнул с телеги и убежал в лес. А потом пришёл в свою деревню Крушники. Больше я с ними не встречался, и никогда я с белополяками не был связан.

Приговор:

За связь с белополяками Юницкий П. А. приговаривается к десяти годам каторги. Признать его как социально опасный элемент – СОЭ».

Второй раз завели на него дело уже там, на приисках, в Алдане. И приговор был краткий, не подлежащий обжалованию, – расстрелять!

И когда Эдуард Юницкий сопоставил даты, то оказалось, что отец ранним утром приходил к ним в хату именно тогда, когда его расстреляли. Мать не ошиблась в своем предположении-предчувствии, обо всём знала, чувствуя смерть мужа сердцем и душой.

Был расстрелян и родной брат отца – Ефрем. Расстреливали под Ляховцами. Там же расстреляли деда Антона, Василя, Яна и Фёдора. Фёдора привезли на то место из Давид-Городка – и тоже расстреляли… Ещё троих братьев матери – Карла, Владимира и Фёдора Зданевичей.

Карл работал в Бобруйске на железной дороге. Приехал к матери в гости. Не успели поговорить с матерью, как на деревню обрушился «чёрный ворон» – хапун, как называли сельчане ловлю энкавэдистами живых людей…

Карл знал, что это такое. Успел выскочить в сени, проломил доски с обратной стороны, со всех ног бросился в лес, до которого можно было добежать за несколько шагов… Но кто-то из «черноворонавцев» увидел его, бежащего, и взял на мушку. Поразил с первого выстрела. По безоружным мишеням сталинско-ворошиловский стрелок стрелял метко и без промаха.

А если брать двоюродных по линии отца – Юницких, то и пальцев не хватит на руках – девятнадцать человек расстреляли.

У деда Антона был брат – Владимир. Поселился в деревушке Летовище. Сын его – старший лейтенант Винцент Юницкий – служил на Дальнем Востоке.

Написал письмо отцу, что собирается приехать к нему в отпуск. Отец ответил, что вся родня будет рада его видеть, пусть приезжает.

А спустя три дня, когда отослал письмо, прошёлся вихрем по деревням очередной «хапун», и его вместе с другими сельчанами арестовали.

Сын об этом не знал, и через некоторое время явился в отцовский дом.

Мать обрадовалась его приезду, но и головой покачала:

– Не ко времени ты, сынок, приехал, ох, не ко времени. Твой отец находится в застенках НКВД. Боюсь, чтобы и тебя не постигла такая судьба.

– За что арестовали? Значит, были на то какие-то причины, – нахмурился Винцент – до него на Дальний Восток не докатилась ещё волна репрессий, и он честно верил только советской пропаганде, из газет знал, что у Советской власти множество врагов – как внутренних, так и внешних. – Я съезжу в управление НКВД, там разберутся…

Мать, видя, как сын наивно и по-детски рассуждает, коротко сказала:

– Никуда ты не поедешь. А поедешь, то назад не вернёшься…

Она была мудрее сына.

Соседи посоветовали:

– Винцент, срочно уезжай, потому что и тебя из-за отца арестуют. Загубят опричники твою душу, загубят как пить дать. Не откладывай даже на завтра.

Он недоверчиво посмотрел на советчиков:

– Меня? Офицера Красной Армии? Да быть такого не может!

А когда ему напомнили, что арестовывают и генералов, и директоров заводов, расстреливают всех подряд, задумался.

Мать встала перед иконами, попросила Бога вразумить сына, направить на правильный путь.

Глубокой ночью он оставил деревню.

Через два дня после его отъезда явились работники НКВД, предъявили матери ордер на арест её сына, а она в ответ пожала плечами:

– Не знаю, где он, нет его у нас…

Никто из соседей не доносил на него. Оставалось только одно – один Белковец знал о приезде сына, который «автоматически становился» сыном врага народа.

Спасло Винцента от ареста чудо и сообразительность как односельчан, так и матери.

Впоследствии он дослужится до начальника штаба дивизии, а в 1945 году 22 апреля полковник Юницкий получит смертельное ранение под Будапештом… После войны родной брат Леонид отыскал его могилу.

На фронтах же Отечественной войны погибло девять Юницких…

Тех, кого недорасстреляли энкавэдисты, уничтожили фашисты, довершили чёрное дело… Энкавэдисты и фашисты – близнецы-братья.

Парадоксы жизни и судеб Юницких.

Перед тем, как покинуть неприветливые кабинеты Гомельского КГБ, Эдуард Юницкий положил на стол лист бумаги, на котором были напечатаны фамилии земляков – родственников и односельчан:

– Это вам на память, товарищ полковник!..

Репрессированные из деревни Крушники:

Карл Иванович **Зданевич** – родился в 1895 году, убит при аресте в **1937** году.

Владимир Иванович **Зданевич** – 1881, расстрелян 24.11.**1937**.

Фёдор Иванович **Зданевич** – 1901, расстрелян 26.10.**1937**.

Павел Петрович **Кашеед** – 1892, расстрелян 26.10.**1937**.

Пётр Фёдорович **Кашеед** – 1884, расстрелян 16.02. **1938**.

Григорий Николаевич **Кашеед** – 1888, расстрелян 24.12.**1937**.

Фёдор Фёдорович **Кашеед** – 1901, расстрелян 26.10.**1937**.

Иосиф Иванович **Кашевич** – 1902, арестован в **1937**, судьба неизвестна.

Иосиф Николаевич **Кашевич** – 1900, расстрелян 26.10.**1937**.

Франц Николаевич **Кашевич** – 1891, расстрелян 26.10.**1937**.

Дмитрий Юлианович **Крупа** – 1890, расстрелян 1.12.**1937**.

Левон Петрович **Крупа** – 1901, расстрелян 26.10.**1937**.

Николай Иванович **Крупа** – 1895, расстрелян 26.10.**1937**.

Пётр Августович **Крупа** – 1865, расстрелян 26.10.**1937**.

Пётр Иванович **Крупа** – 1900, арестован в **1937**, судьба неизвестна.

Яков Петрович **Крупа** – 1889, расстрелян 26.10.**1937**.

Андрей Васильевич **Реуцкий** – 1898, расстрелян 26.10.**1937**.

Апанас Васильевич **Реуцкий** – 1892, расстрелян 26.10.**1937**.

Сабина Иосифовна **Фалинская** – 1887, расстреляна 16.02.**1938**.

Виктор Иосифович **Фалинский** – 1899, расстрелян 26.10.**1937**.

Пётр Иосифович **Фалинский** – 1901, расстрелян 26.10.**1937**.

Ян Адамович **Фицнер** – 1889, сослан в апреле **1930** в Сибирь, осталось семеро детей, пропал без вести.



Бронислава Крупа и Эдуард Юницкий возлагают цветы к памятнику невинно убиенным Юницким

Александр Антонович **Юницкий** – 1889, председатель местного колхоза, расстрелян 26.10.**1937**.

Владимир Петрович **Юницкий** – 1882, расстрелян 20.10. **1937**,

его родной брат Антон Петрович **Юницкий** – 1872, расстрелян 26.10.**1937**,

его сыновья:

Пётр **Юницкий** – 1894, арестован в **1930**, осуждён на 10 лет, погиб в застенках НКВД;

Фёдор **Юницкий** – 1897, расстрелян 26.10.**1937**;

Ефрем **Юницкий** – 1903, расстрелян 26.10.**1937**;

Василь **Юницкий** – 1912, расстрелян 26.10.**1937**;

Иван **Юницкий** – 1914, расстрелян 24.12.**1937**;

сноха Ефросинья Ивановна **Юницкая** – 1897, расстреляна 20.03. **1938**.

Иосиф Иванович **Юницкий** – 1904, расстрелян 16.02.**1938**.

Левон Карлович **Юницкий** – 1896, арестован в **1937**, судьба неизвестна.

Петр Юзефович **Юницкий** – 1900, арестован в **1937**, судьба неизвестна.

Матвей Юльянович **Юницкий** – 1912, расстрелян 16.10.**1938**.
Юльян Людвикович **Юницкий** – 1896, расстрелян 29.2.**1937**.
Антон Адамович **Юницкий** – 1884, расстрелян 26.10.**1937**.
Пётр Адамович **Юницкий** – 1887, расстрелян 26.10.**1937**.
Николай Адамович **Юницкий** – 1910, расстрелян 26.10.**1937**.
Михаил Иосифович **Юницкий** – 1886, расстрелян 26.10.**1937**.
Пётр Иосифович **Юницкий** – 1887, расстрелян 26.10.**1937**.

В душе всё кипело и негодовало.

Когда они вместе с Васканом Чобоняном, другом, выпили по стопке «горькой», Эдуард не удержался, достал из внутреннего кармана блокнот. Тут же, без единой запинки и правки написал:

Репрессированным из деревни Крушники

...Чёрный ворон...Ворон чёрный
с клювом острым и когтями...
эмгэбисты-сталинисты, –
сотворили что вы с нами?
Век жестокий и кровавый,
людской крови текут реки, –
у антихриста есть нравы
людоедов-человеков...
Где Господь? Ведь он же видит
сатаны разгул безбожный...
Нету сил стерпеть такое, –
разве можно? Разве можно?!

Протянул листок Васкану. Тот долго вчитывался, перечитывал снова, вздохнул:

– Да, пришлось вам перенести невозможное...

Эдуард и Васкан сблизились тогда, когда Юницкий возглавлял строительное управление МПМК-105. Сам Бог помог им сойтись, подружиться, стать единомышленниками. Предложил Чобоняну стать его заместителем. Тот с радостью согласился и стал незаменимым человеком. Надо «пробить» трубы в Москве? Поехал – сделал. Возникла острая необходимость в «нержавейке»? Устранил проблему.

Случилась беда в Армении – землетрясение. Поехал к землякам, возглавил стройуправление и возводил жилые объекты.

Часть вторая

Ненависть власти

Беда никогда не приходит одна. Она обязательно неожиданно нагрянет вместе со своими сородичами и ближайшими помощниками. Выгонишь её, непрошенную гостью, в дверь, а она уже в окно стучится, прогонишь от окна, а она уже через дымоход старается пролезть...

Никакого сладу с ней нет, не поддаётся ни на какие уговоры.

Как будто кто послал проклятие на род Юницких за какие-то грехи или преступления.

Но никто не помнит из Юницких, чтобы кто-то из предков отправил на тот свет чью-то невинную душу, обидел кого неосторожным словом, не подал руку помощи. Не было такого.

За что же тогда прогневался на них Всевышний? За то, что не верят люди в Него? Так нет же, каждый день – утром и вечером – возносят к нему молитвы, прося у Него помощи и защиты. Неужели не слышит их просьбы, отвернулся от них? Или испытывает на прочность – духовную и физическую?

Послал Бог испытание, но не дал силы, чтобы выдержать адовы муки и удары судьбы. Но, опять же, никто не роптал, никто не обиделся, что Бог не взял под своё покровительство, значит, так надо, и нужно нести свой крест.

Так и жили всё время, зная одну заповедь: на всё воля Божья…

Переступив через свою гордость, решил всё же попросить помощи или совета у Белковца. Эдик не знал, к кому, кроме него, можно было ещё обратиться за помощью.

Когда тот выходил из школы после уроков, и подошёл к нему Эдик Юницкий.

Поздоровался, спросил:

– Можно спросить у вас, Геннадий Петрович?

Учитель нахмурился, показывая своим видом, что недоволен тем, что его остановил ученик среди улицы.

– Спрашивай.

– Мы не знаем, как нам выжить. Никакой нет помощи. Все отвернулись от нас. В чём наша вина?

Белковец ухмыльнулся, посмотрел презрительно на Эдика, чуть ли не прошипел сквозь зубы:

– Ваша вина в том, что вы – дети врагов народа. И нет вам, сучьи дети, никакой помощи и поддержки – ни от государства, ни от школы. Во всём виноваты ваши родители – они уготовили вам такую судьбу. Особенно мать – Ефросинья, что смолчала о связи с врагами...

– Она – Серафима!

– Всё равно – враг народа!

Произнёс и зашагал дальше своей дорогой, довольный, что ответил по всей строгости закона, демонстрируя перед подростком своё непримиримое отношение к врагам Советской власти.

Другого от него Эдик и не ожидал. Это была последняя надежда получить не помощь, а хотя бы совет, как жить дальше. Укоряя себя уже за то, что унизился перед таким человеком, произнёс вдогонку, глядя на уходящего учителя, выстраданную фразу:

– Настигнет и вас кара Божья! Не может быть, чтобы таких подонков, стукачей НКВД, не покарал Бог...

Жить стало невыносимо трудно. Старшая сестра Яня, которой было четырнадцать лет, выбивалась из сил, заменив младшим детям мать и отца. На ней держалась детская семья – она кормила, чем могла, хорошо ещё, что помогали чем-нибудь Яник и Эдик.

А тут новая напасть – пришла утром доить корову, а её нет на месте. Увели, оставив детей без главного источника пропитания.

Следующее утро принесло новые неприятности – воры украли кабанчика и кур. Хоть с голоду помирай.

Яня ходила на работу в лесхоз, сжигала после трелёвки леса кучи веток – ловжи. Получала за это копейки, за которые можно было купить что-нибудь съестное.

Страшно стало даже спать в хате. Поэтому Ян, вскарабкавшись на дуб, которому было более чем триста лет, соорудил там лежак. Закрепил жерди и доски, привязал их к ветви дуба – и готовы нары.

Благодаря своей сноровке Ян мог забраться на любое дерево, чтобы насобирать в шапку птичьих яиц. Собирали смугу – молодые побеги сладкой травы, молодые побеги на верхушках сосны, жёлуди...

Жёлуди толкли в ступе, потом заваривали содержимое в чугунке.

Когда наступало лето, становилось веселее на душе. Лето – это пора ягод, осень – пора грибов. Выкручивались как могли.

Местная власть не хотела заботиться о них, ничем не помогала. Даже в детский дом им была заказана дорога – для детей врагов народа не находилось там места.

Созрела черника. Сначала сами отъелись досыта, что на неё уже не могли смотреть, а потом только начали собирать для продажи.

– Яник, давай соберём кошель (сплетённый короб из сосновой дранки) черники, и я отнесу её в Мозырь, – предложил Эдуард.

– А ты знаешь, сколько километров до того Мозыря? – спросил брат.

– Знаю. Больше сорока.

– И ты сможешь дойти туда?

– Дойду. Не умирать же с голоду.

Поднялись ещё затемно. Нужно пройти ещё несколько километров до тех мест, где по пояс растут черничные плантации. Там и ягоды крупные, быстрее собрать можно, чтобы много не тратить времени.

Эдик знает дорогу в тот загадочный город. И знает, где рынок находится. Показала ему ту дорогу тётка Марина Юницкая, соседка. Она и сказала, что утром собирается идти в город, чтобы продать там ягоды.

– Тётя Марина, а можно и я с вами пойду? – неожиданно напросился Эдик. – Мы умираем с голоду, ни копейки нет, хлеба давно не видели.

Марина смерила взглядом мальчугана с ног до головы, засомневалась:

– А дойдёшь ли? Сутки идти надо – утром выйдем, и только на следующее утро придём на рынок.

– Сил у меня, тётя Марина, хватит. Я много черники брать не буду…

– Ладно, Эдуард Петрович, договорились, – вздохнула, улыбаясь, женщина. – Моего хозяина Яна арестовали вместе с Петром и другими крушничанами… Горемыки вы несчастные… Значит, так – на рассвете я буду тебя ждать у развилки дорог. Не опоздай, дорога долгая, и я ждать тебя долго не буду.

– Не опоздаю! – пообещал радостный Эдик. – Приду ещё затемно.

…Боялся проспать, поэтому несколько раз за ночь просыпался. А когда на деревне в чьём-то дворе подал голос первый петух, поднялся. Яник и не слышал, как Эдик спустился с дуба, – спал глубоким сном. Достал в сенях кошель с черникой, вытащил из тайника.

Вечером все вместе перебрали чернику, выбросили повреждённые и зелёные, что изредка попадались, ни одного листочка не покинули. Ягодки одна в одну, крупные и крепкие.

На улице темно, хотя на небе ни одного облачка. Но Эдик научился видеть в темноте, различал дорогу, по которой нужно было идти.

Ноги холодила роса. Было ощущение, что он идёт по снегу, когда выбегал на улицу зимой. Но знал, что сейчас не отморозит ноги, они привыкнут к холоду, и он не будет его ощущать.

И в самом деле, пройдя босиком луговину с высокой травой, покрытой крупными каплями росы, ощутил теплоту. А потом и вовсе горели ноги, будто шёл по горячим углям…

Когда пришёл на развилку, его ожидало разочарование: тётки Марины не было – значит, она не дождалась его и пошла сама.

Видны были следы женских ног, и они вели в ту сторону, куда надо было идти. Он чуть не заплакал, снимая с плеч кошель с ягодами.

«Идти самому? – пришла к нему спасительная мысль. – А почему бы и нет? Дорогой расспрошу людей, как идти… Ничего страшного не случилось».

– Эдик! – услышал за спиной голос. – Ты уже здесь?

Вздрогнуло от радости сердце – тётка Марина! Значит, пришёл раньше её, это она опоздала, а не он.

– Подумал, что я ушла, не дождавшись тебя?

Он молчал, глядя в землю, не хотел признаваться в своих подозрениях.

Передохнув немного, посмотрела на «ягодника»:

– Ну что, пойдём? Вдвоём веселей будет шагать.

– Пойдём, тётя Марина.

Она перекрестилась, зажмурив глаза, произнесла:

– Господи, помоги нам!..

У Марины за спиной огромный кошель, не то что у него, Эдика. И как только она донесёт его до города?

Женщина шла впереди, он сзади. Шли молча, на разговоры силы не тратили.

Уже и рассветать стало, лес заговорил птичьими голосами, дорогу перебежал заяц, перед этим остановился, посмотрел в их сторону – и нырнул в чащу кустарника.

Дорога то расширялась, то сужалась и походила вовсе на глухую тропинку. Чаще встречались лужи, и они не обходили их, шли прямо по ним. Ноги стали чёрными, словно вымазались в сажу.

Перед глазами Эдика маячил кошель Марины, её чёрные ноги. Юбка вся мокрая, в брызгах грязи…

Согнувшись, чтобы груз удобнее лежал на спине, шла и шла вперёд, не произнося ни единого слова. Усталость Эдик почувствовал не сразу, а когда минули Казимировку, когда путь лежал на Слободу. Ещё и четвёртой части дороги не прошли…

– Может, передохнём, Эдик? – остановилась Марина, как будто спрашивая у него разрешения на привал. – Не устал?

– Ещё нет, – соврал её спутник.

Он поставил свой кошель, потом помог снять со спины ягоды своей спутницы.

Женщина упала на траву, раскинула в стороны руки. Часто дышала, зажмурив глаза. Грудь её то поднималась, то опускалась – не могла отдышаться. Долго лежала, не двигаясь, в таком положении.

Лежал на спине и Эдик. Потом догадался поднять ноги и прислонить их к стволу дуба – чтобы ушла из них усталость. Так учила его мать, когда они ходили собирать малину в Чертень и останавливались, чтобы отдохнуть.

Тем временем Марина приподнялась с земли, отвязала от пояса узелок, развязала его. Разложила возле себя еду.

– Есть хочешь, Эдик?

– Нет, я не голоден.

– А обманывать ты не научился, – упрекнула его, улыбаясь, – садись, позавтракаем.

Она знала, что Эдику и взять-то с собой нечего, поэтому позаботилась взять и на него. Он упирался, отнекивался, и тогда соседка уже строгим голосом приказала ему разделить с ней еду.

Ломоть хлеба, мягкое и пахучее белое сало, луковицы и огурец он проглотил, давясь слюной.

Женщина даже отвернулась, чтобы не смущать его, чтобы он не увидел её сочувствующий и жалеющий взгляд…

Перед тем, как тронуться в путь, женщина поднялась и направилась к ручью.

Смыв с ног грязь, юбку на себе вымыла и выжала. Улыбка на лице, словно избавилась от усталости.

Уже не садясь на землю, спросила:

– Что, мой верный спутник и охранник, пошагаем дальше?

Её голос был похож на материнский. И была она в том возрасте, что и мать, когда её забрали.

Солнце уже выглянуло из-за вершин леса за полем, испарилась роса на траве. Скоро начнётся жаркий день, а двум путешественникам предстоял ещё долгий и долгий путь…

…В стороне осталась Романовка, потом Слобода…

До Мозыря ещё шагать и шагать. Марина решила заночевать у старушки, которая жила на окраине деревни. Ягодница и раньше у неё останавливалась, поэтому, даже не спрашивая у хозяйки разрешения, уверенно зашла в пустой сарай.

Среди ночи, толкнув Эдика под бок, зашептала:

– Вставай, Петрович, пора. К утру мы должны успеть к началу торговли…

Как не хотелось вставать! Слипались глаза, не прошла боль в ногах и спине. Казалось, он бы всё отдал, чтобы поспать ещё пару часиков…

Ещё не рассветало, как они вышли на шоссе, которое вело в сторону города.

Вошли в город, когда люди ещё спали.

У ворот рынка сняли с себя коробки, поставили рядом на землю.

Сами, прислонившись к стене, дремали, ожидая, когда город проснётся и откроются ворота рынка, когда горожане увидят продавцов, которые преодолели за сутки более сорока километров…

За решёткой

…Когда Анатолий проснулся, увидел, что сокамерник сидит у него в ногах на кровати и молча смотрит на него. Глаза добрые, голубые, чуть-чуть насмешливый взгляд, губы толстые, приоткрытый в улыбке рот. Даже в полумраке светились белизной зубы.

– Любишь ты, однако, поспать, около часа сижу возле тебя, а ты как убитый на поле битвы… Всё сражаешься, воюешь с недругами?

Волосы светлые, как стебли перезрелой пшеницы, копна волос и одна прядь свесилась на лоб, почти прикрыла бровь.

– Ты кто?

– Казимир.А ты – Анатолий, не так ли? И фамилия твоя Юницкий?

– Мы разве знакомы?

– Возможно. Должны быть знакомы. Мы с тобой братья.

Юницкий недоуменно смотрел на своего собеседника, ничего не понимая. Сплошные загадки, которые не разгадываются с первого раза, закодированные какие-то, намёки и подсказки. Новый вопрос задавать было как-то не с руки, ожидал, когда Казимир, как он назвался, прояснит обстановку…

– Ты недавно посещал Константина Циолковского, да?

– Посещал. Поговорили немного со стариком, – пожал плечами Анатолий. – Посадили его опричники, непонятно за что посадили.

– Ты о нём впервые когда узнал?

– Когда учился в школе. В учебнике о нём прочитал.

– В советском учебнике, – уточнил почему-то сосед по камере. – А ты слышал когда-нибудь о таком учёном как бельгийский инженер Бинг?

Анатолий отрицательно качнул головой.

– А слышал ли ты об американском учёном Годдарде?

– Не слышал…

– А о Казимире Семеновиче ты имеешь какие-нибудь сведения?

– К сожалению, нет.

Казимир улыбнулся доверчиво, положив свою руку на руку Анатолия, как бы соединяя братские разорванные узы. Юницкий тут же ощутил, как горячий поток доброжелательной энергии начал вливаться в его организм. Это было удивительно и неожиданно. Но, как ни странно, то тепло было приятным, словно материнское касание, когда он нуждался в материнской ласке и нежности.

– Ничего странного в этом нет, Анатолий. Потому что вам подсовывали сфальсифицированные учебники, имеющие своей целью отнять правду, заменив её ложью…

Казимир не отнимал руки, смотрел в глаза.

– Ты – дитя космоса, что нас и объединяет и роднит, поэтому тебе легко будет перенестись в столицу Нидерландов – Амстердам, в 1650 год. Этот город славился разными ремёслами, торговлей. Это был ещё и центр книгопечатания. Там и была напечатана моя книга «Великое искусство артиллерии». Я написал ее на латыни – языке науки. И подписался такими словами: «Шляхтич-литвин из Великого княжества Литовского Казимир Семенович». В учебнике, о котором ты мне говорил, утверждается, что первооткрывателем и основоположником создания многоступенчатой ракеты является Константин Эдуардович Циолковский. Но я, дорогой Анатолий, ещё за двести пятьдесят лет до него изобрел конструкцию такой ракеты. Ты об этом слышал?

– К сожалению, нет.

– Ещё скажу. Полтора столетия мой труд был наиболее основательным и авторитетным в области артиллерии и пиротехники. Книга была издана на французском и немецком языках. А в пре-

дисловии к английскому изданию в 1729 году издатель от имени учёных того времени утверждал: «Авторитет К. Семеновича был и до сегодняшнего дня остаётся для ракетчиков и фейерверкеров чем-то святым».

– А родом ты откуда, Казимир?

– Я почти земляк твой. Ты на мозырском Полесье родился, а я среди голубых озёр, поэтому у меня и глаза такие голубые – на Витебщине, под Полоцком, откуда и наш Франтишек Скорина – первопечатник.

– А главное твоё занятие?

– Я – профессиональный военный.

– Любишь, значит, воевать? – Юницкому почему-то захотелось подбросить колючку.

– Наоборот, – стал серьёзным Казимир, – ненавижу войну. Война – это самое большое несчастье для человечества.

– Извини, – попросил прощения Анатолий, – сорвалось. Натерпелся я от военных.

– Я и сам от них не в восторге.

Казимир отнял свою руку, поднялся. Остановился посреди камеры.

– Ты извини, что я пристал к тебе со своими разговорами. Поговорить захотелось. Одиночество угнетает.

Сел на кровать, вздохнул.

– А как ты здесь очутился, Казимир? Со мной КГБ ведёт душещипательные беседы, а чтобы я много не брал на себя, как они говорят, отправляют сюда на перевоспитание. Циолковский получил год концлагерей и ему не выжить в таких трудных условиях, хотя я знаю, что он будет освобождён из-под ареста…

– Его спасёт случайность.

– Ты не обижен на Циолковского?

– Да нет. Потому что не знаю, он использовал мое изобретение или его самого осенило? А что думают по этому поводу Бинг и Годдард – я не знаю.

– Ты с ним не хочешь встретиться, Казимир? Поспорить, поговорить, потому что споры о первенстве не утихают до сих пор.

– Нет. Не потому, что не хочу, а по той причине, что слишком большой отрезок времени нас разделяет. Хотя по космическим меркам это всего лишь секунда. Да и к Великому княжеству Литовскому учёный относился не совсем доброжелательно. Но об этом не будем, это не наша тема.

В камере воцарилось молчание. Оно не угнетало детей космоса, не разъединяло, просто наступила короткая пауза, которая всегда присутствует в разговоре великих людей.

– Казимир, извини, – Анатолий повернулся на правый бок, подпёр голову раскрытой ладонью, – ты не ответил на мой вопрос: как ты очутился здесь? На тебя же не заводило КГБ дело.

– На каждого из нас в любом столетии заведено то ли дело, то ли досье, – отозвался автор многоступенчатой ракеты. – Мы всегда под прицелом державного ока и спецслужб. Но здесь я очутился не по причине своих научных открытий, всё более чем прозаично. Любовь вмешалась.

– Любовь? – удивился полешук. – И как можно из-за любви оказаться на этом жёстком ложе? Да ещё перенестись в наш век…

– Можно, мой друг Анатолий, можно! Но вкратце я тебе изложу историю, чтобы у тебя было более ясное представление обо мне. Вспыхнуло казацко-крестьянское антифеодальное восстание на Украине и Беларуси в 1595 году. Им руководил Наливайко. Когда он пошёл на Полесье, Случчину и Могилёвщину, к повстанцам присоединились крестьяне, мещане, мелкие феодалы. А в начале семнадцатого столетия произошли выступления ремесленников против феодального и религиозного угнетения, а также против эксплуататорской верхушки городского населения в Могилёве и в моём Витебске… Наибольшего размаха восстание достигло во время освободительной войны украинского и белорусского народов 1648–1654 годов. В восемнадцатом столетии известное тебе крупное восстание крестьян и городской бедноты в Кричеве и Кричевском старостве – 1743–1744 годов. В русско-польскую войну 1654–1667 годов на территории Великого княжества Литовского происходили военные действия, в процессе которых разрушались города и сёла. Русские войска заняли почти все белорусские земли, Восточную Литву вместе с Вильно и Ковно. Царь Алексей Михайлович, получив согласие части белорусской и литовской шляхты во главе со Станиславом Ордой, объявил себя Великим князем Белой Руси и Великим князем Литовским. Кстати, с того времени эти титулы вошли в состав полного титула русских царей и императоров…

Анатолий внимательно слушал своего предка-учёного и был удивлён, что тот так хорошо разбирается в истории.

– Так вот, – продолжил Казимир свой рассказ после короткого молчания, – другая группа феодалов Великого княжества Ли-

товского под руководством великого гетмана Януша Радзивилла, чтобы создать отдельное Литовское государство на территории Литвы и Беларуси, в 1655 году подписывает договор со Швецией и заключает унию Литвы со Швецией. Радзивиллы хотели создать своё княжество на территории Новогрудского воеводства. А потом разделение Речи Посполитой, внутренние противоречия… Войска Екатерины II уничтожили и конституционные реформы, и Конституцию…

Казимир прервал свой рассказ – кто-то приоткрыл дверь их камеры. К ним никто не заходил – дверь так и осталась полураскрытой. Они недоуменно переглянулись, ожидая развязки. Рассказчик встал и подошёл к двери. Отворил её больше, выглянул в коридор. Никого.

– Начинаются галлюцинации, – вернулся и сел на свою койку военный учёный, – значит, время позднее, и поэтому нам пора спать. Если нас за эту ночь не разлучат, то мы продолжим беседу завтра.

Он лёг на своё ложе, повернулся к стене. Но потом неожиданно поднялся, сел на лежаке, достал из-под матраса папку, перевязанную бечёвкой.

– Может случиться, что мы завтра и не встретимся. Так я на этот случай подготовил тебе свои записи. В папке история моей любви, о которой я не договорил, о моей идее космоса и человечества… Я не знаю, сохранились ли они в архивах, но я тебе даю оригиналы.

– Спасибо, Казимир. Я обязательно их прочитаю.

Он снова лёг на правый бок, отвернувшись к стене.

А Анатолий ещё долго ворочался с боку на бок, подбивал раз за разом твёрдую, словно камень, подушку, стараясь уснуть, но к нему не приходил сон. Слишком много неожиданного свалилось на его голову. Разве он мог предположить, что их, исследователей космических путей, сведёт судьба в этом мрачном заведении.

«Но космосом занимались, как говорил Казимир, Рудольф Бинг и Роберт Хитчингс Годдард, – подумал Юницкий, – а вдруг и они здесь, в каких-нибудь камерах…. Если нас троих собрали здесь, то почему и они не могут оказаться среди нас?..»

В камере уже стало совсем темно. Не видно и квадратика окошка над головой – слилось с чернотой заоконья. И тогда его, словно птицу, понесло в голубое поднебесье.

Он мчался по струнам времени, словно воздушный паровоз по блестящим рельсам…

По миру с сумой

…Продали ягоды быстро. Покупатели сразу определили, что у них черника лучше других, что продавалась на рынке.

Около Эдика остановился покупатель, присмотрелся к лесным дарам. Взял одну ягоду в рот, попробовал на вкус, вторую.

– И почём у тебя стакан? – спросил, глядя на продавца.

Марина сказала Эдику, по какой цене черника, она перед этим пробежала по рядам, узнала всё, поэтому ответил уверенно:

– По восемь копеек.

Покупатель поставил перед ним кастрюльку, попросил насыпать ему двадцать стаканов. Эдик осторожно насыпал ягоды в стакан, досыпал доверху, как научила его Марина. Высыпал, считал стаканы, а в мозгу неотступно сверила мысль: «Двадцать стаканов умножить на восемь копеек – получится рубль и шестьдесят копеек…»

Видя, как аккуратно насыпает паренёк чернику и какая она красивая, покупатель предложил:

– Слушай, мне понравилась твоя ягода. Думаю, и моей Анне Марковне понравится. Чтобы ты здесь долго не стоял, я куплю у тебя весь твой товар. Я живу здесь недалеко – около площади. Следующий раз, как принесёшь чернику, приходи прямо ко мне домой. Я у тебя куплю столько, сколько ты принесёшь. Вай-вай, какие прекрасные ягоды!

Эдик не знал, как поступить, и посмотрел на свою спутницу. Она кивнула ему головой в знак согласия, только попросила, чтобы он вернулся к ней.

Довольный и счастливый, он возвратился к тётке Марине. Она продала почти всю свою чернику – ещё немного оставалось на дне, и возле неё стояли покупатели.

Потом они зашли в продовольственный магазин.

На вырученные деньги Эдик купил две буханки хлеба.

Только после этого они отправились в обратный путь…

…Ещё несколько раз отправлялся Эдик Юницкий в Мозырь. Отправлялся один, ни к кому не пристраиваясь. Марина Юницкая то ли заболела, то ли перестала ходить в такую даль, неизвестно. Для него главным было то, что он хорошо изучил дорогу, и в любой день мог отправиться к Гузману – так звали постоянного покупателя.

Давид Тимофеевич Гузман – председатель городского совета, известный в городе человек. У него двое детей, приветливая жена. И идти к нему недалеко – живёт около площади.

За те проданные четыре-пять килограммов черники Эдик мог купить две буханки хлеба. Но пока шёл домой, почти всё съедал за дорогу. Стакан черники стоил восемь копеек, а буханка хлеба – восемьдесят… Две буханки – рубль и шестьдесят копеек. Да ещё не доплатил хитрый еврей, обманул без зазрения совести и виду не подал, что надул… Понял Эдик, что ухо надо всегда и везде держать востро.

Получалось так: что купит, то и проест за дорогу. Домой приносил маленькую краюху хлеба, оставшись всё равно голодным. Себе в убыток оказывался его «гешефт», как говорил когда-то дед Антон.

Никто не видел выхода из создавшейся ситуации. Они были обречены на медленную смерть. Понимали – никто им не поможет, потому что они чужие на своей родине, и те, кто довёл их до нищенского существования, отказывались признавать в них людей и брать опеку над ними…

Оставалось одно – самим выживать в этом жестоком и бесчеловечном мире.

– Пойдем, Яник, побираться, – предложил однажды Эдик младшему брату.

– Как это – побираться? – переспросил Ян, нахмурившись.

– А очень просто – будем ходить по селениям и хуторам, просить милостыню. Или наниматься на работу, за что нас будут кормить. Дома мы умрём с голоду. Вон как разрываются Яня и Стася, не по силам им кормить четырёх…

Ян задумался. Не знал, что ответить. Почему-то не хотелось ходить и клянчить у людей. Вся еда в лесу находится, только не ленись. Но сам знал, что это не так. Не всегда и лес выручал их. Как и река. Часто ложились спать, ничего не положив на зуб. Но и без брата не мог оставаться. Следовательно, нужно принять его предложение, идти по миру вместе, взявшись за руки.

Сначала прошли Летовище и Осовец. Бойчее оказался Эдик, он смело заходил во двор к незнакомым хозяевам, спрашивал:

– Может, какая работа есть у вас?

Кто откликался на жалостливый голос паренька, а кто просто прогонял со двора, говоря, что и самим нечего есть…

В Шестовичах повезло – женщина попросила дрова поколоть. Но перед этим покормила ребят. Эдик легко справлялся с тонкими

поленьями, раскалывая их на две половинки. Эту работу он и дома делал не раз, так что трудностей никаких не было.

Яник собирал готовые поленья, складывал их под навес.

Работа была выполнена к обеду. И женщина снова усадила их за стол, угостила горячим борщом, слегка сдобренным свиным жиром. На дорогу положила в мешочек несколько сухарей, две жареные плотвицы сухие в придачу, даже поблагодарила подростков за помощь.

Но не все оказывались такими сердобольными, как та женщина. На порог не пускали, собак с цепи спускали. Яника злой пёс ухватил бы за ногу, если бы не успел отскочить от калитки.

Первый снег выпал в ноябре, убелил всё вокруг. А Эдик и Ян в старой одежонке согреться не могут, дрожат от холода. Кто-то дал им фуфайку, кто-то – старый-престарый тулуп, облезлый и почти сгнивший. Но и этим подаяниям они были рады, прикрывали тело от злого и колючего ветра…

Припять не замёрзла, ещё ходил паром. Еле уговорили Юницкие, чтобы паромщик переправил их на другой берег – в Петриков.

Ходили от дома к дому. Увидев через окно или со двора, что к ним просятся нищие мальчишки, отворачивались от них.

Пошли на рынок, там решили попробовать счастья. Яник отлучился от брата, пошёл туда, где было много повозок. А вскоре вернулся радостный, показал, что в сумке лежит полбуханки хлеба и несколько луковиц.

– Украл? – догадался Эдик.

– Нет, заработал. Хомут помог починить одному человеку…

Удивлялся Эдик своему младшему брату – тот начал зарабатывать на хлеб. Значит, вдвоём не пропадут, только умей вертеться…

Ночевали в каком-то заброшенном сарае на окраине Петрикова. Когда обняли друг друга, стало теплее. Но всё равно под утро зуб на зуб не попадал.

Снова утром спешили на рынок. Вечером возвращались в свою «гостиницу». Чтобы холод не так донимал их, немного обустроили своё прибежище.

На следующее утро пришли на рынок, и опять на следующий день…

Но счастье отвернулось от них – никому не нужна была их помощь, от них просто отмахивались, посылая ко всем чертям…

– Возвращаться в Крушники надо, – принял опять решение Эдик. – Зима нам не помощница…

Ехала в их сторону полуторка. Но водитель доехал только до моста через Птичь и остановился, высадил ребят. Повернул машину влево от основной дороги. Не знали, куда идти, на что надеяться. Впереди ночь, а спрятаться негде.

Пошли по железной дороге в сторону железнодорожного моста. Как только подошли к нему, их остановил часовой:

– Кто вы и откуда? Куда направляетесь?

Рассказали, ничего не скрывая. Часовой поверил им, посоветовал:

– А вы, хлопчики, вон туда сходите. Может, помогут.

Он показал им в ту сторону, где светились огоньки. Направились туда.

Это были ворота воинской части. Эдик увидел за воротами военного и испугался: живые воспоминания о людях в военной форме, которые увели в неизвестность их родителей, вызвали отрицательную реакцию.

– Бежим отсюда! – крикнул Эдик, взяв за руку брата.

Но было поздно. На крыльцо вышел офицер с красной повязкой на рукаве, удивился, увидев двух малолетних бродяг.

– Вы откуда, ребятки?

Голос у него вроде бы и не злой, даже доброжелательный. Офицер ожидал ответа.

– Бродяжничаем мы, побираемся, – нашёлся Яник, – остались без родителей и без крова над головой. Дома ещё две сестрёнки… Не знаем, куда идти дальше, замерзаем…

«А если и нас арестуют, как родителей? – подумал с ужасом Эдик, не зная, как выкрутиться из этой ситуации. – Что подумают сестрёнки, когда мы не вернёмся домой?»

– Что мне с вами делать? – спросил у самого себя военный. – И отпускать вас в такой холод не хочется. Кушать хотите?

– Хотим! – первым отозвался Яник.

– Тогда проходите через проходную, – распахнул он перед ними дверь.

Когда они очутились на территории воинской части, он и скомандовал по-военному:

– А теперь, друзья, в столовую шагом марш!

Столовая находилось рядом. В ней уже почти никого не было. Только в белых халатах дежурные собирали с длинных столов миски и ложки.

– Садитесь за этот стол, а я что-нибудь придумаю, – сказал их добродетель, подошёл к раскрытому окошку, о чём-то стал говорить с солдатом в белом колпаке.

Не успели опомниться, как через какое-то время перед ними на столе поставил солдат большую алюминиевую кастрюлю, какой они никогда не видели, зачерпнул черпаком горячий борщ и разлил по мискам. Запах ударил в нос, и всё поплыло перед глазами.

На подносе лежала целая горка хлеба.

Чтобы не мешать и не смущать их, офицер и солдат отошли в сторону, предоставив бродягам полную свободу действий. Они, давясь, запихивали в рот содержимое миски и никак не могли понять, отчего на них свалилось такое неожиданное счастье.

Когда съели и по одной, и по второй порции, и по третьей, отложили в сторону ложки. Почти одновременно икнули, переполнив желудок вкусной едой.

Тот же офицер завёл их в какой-то отсек, в котором стояло несколько коек, спросил:

– Какие у вас фамилии?

– Юницкие мы. Я – Эдик, а он мой брат Ян.

– Братья? – поднял кверху кустистые брови офицер. – Это хорошо… Так что, товарищи Юницкие, можете раздеться, умыться – рядом умывальник, и ложитесь спать. Вам отдохнуть надо, вы еле на ногах стоите… Спите, сколько хотите, я утром приду проведаю вас. Разговор к вам имеется деловой, выгодный для вас. Спокойной ночи!

Не верилось, не верилось в такое чудо! Впервые в жизни они легли на настоящую кровать с белыми простынями, с мягкой подушкой. Укрывшись тёплым одеялом, сразу же провалились в сон…

Чудеса, да и только! А говорят, что только в сказках чудеса. Неправда, они и в жизни случаются. Редко, но случаются.

Спали они до середины следующего дня, и их никто не будил. Заглядывал к ним несколько раз тот же дежурный офицер, но, видя, что они спят безмятежным сном, осторожно прикрывал двери.

Проснулись, к умывальнику пошли. С мылом помыли руки, лицо.

Когда вернулись, покровитель уже ожидал их – сидел на табуретке.

– Как спалось?

– Хорошо спали. У вас тепло и спокойно.

– Ну и прекрасно! – остался доволен офицер. – Если вам так у нас понравилось, то почему бы не остаться насовсем. Если вы без родителей, сироты, то мы можем вас усыновить, и вы будете жить при нашей воинской части. Мы вас оденем в военную форму, и вы будете проходить как подростки воинскую службу. Вы согласны?

Эдик посмотрел на Яника, как будто спросил: «А что? Это же прекрасно, когда нас будут кормить, одевать! Такое счастье нам и не снилось».

– Мы согласны! – ответил радостно брат.

Офицер достал из кармана блокнотик.

– Чтобы всё оформить по закону, нам нужно знать, из какой вы местности, как звали отца и мать, почему вы остались одни.

Майор получил от братьев всю необходимую информацию.

А когда они вернулись из столовой, их ожидало разочарование. За то время, пока они отсутствовали, начальство воинской части навело о Юницких справки.

И майор уже не так ласково говорил с ними, стал строгим и неприступным. Чуть ли не набросился с упрёками:

– Почему вы сразу не сказали, что вы дети родителей-врагов народа? Родители ваши репрессированы за связь с белополяками.

Ясно стало, что заветная мечта, которая взлетела в их воображении в небо голубой птицей, исчезла, растворилась, ушла в небытие. И тогда для них впервые прозвучало неизвестное и страшное слово «репрессированные», которое пристанет к ним как клеймо, как метка отбраковки ненужных элементов от здорового и правильного общества.

Потом Эдуард Юницкий будет чувствовать это всю свою жизнь…

– А вы и не спрашивали нас об этом! – уныло, но с нотками злости, ответил Эдик, глядя спокойно в глаза майору с красной повязкой на рукаве.

– Так, – вздохнул офицер, – быстренько собирайтесь – я проведу вас до проходной, а потом катитесь на все четыре стороны! Приказ ясен?

А что им собираться – мешочки дорожные за плечо, и поминай как звали.

Молча оставили комнату, которая подарила им хорошую ночь и мечту, поплелись вслед за их благодетелем и обидчиком.

На прощание он не сказал ни единого слова. Хмуро посмотрел им вслед, вернулся в дежурное помещение. И на том спасибо, спасибо, что накормили и обогрели. Хоть попробовали кусочек иной жизни, какая им недоступна, но к которой они будут стремиться, добиваясь лучшей доли.

Наступил вечер. Сгустились на небе тучи, начал усиливаться ветер. Ясно было, что начиналась пурга, и нужно было где-то

укрыться от непогоды. В серой мгле недалеко от дороги увидели скирду с соломой. Не сговариваясь, направились туда.

Выгребли нору, и получилось хорошее укрытие. Старались не вспоминать то, что случилось с ними, как их обласкали и выбросили на улицу…

– Эх, кусочек бы хлеба сейчас, – мечтательно произнёс Эдик, чувствуя, как к нему подступается тепло от спрессованной соломы, – хотя бы сухарик…

– Нет ничего проще, – ответил брат, достал из кармана два ломтя хлеба, протянул один.

– Откуда? – удивился и обрадовался Эдик.

– Стянул, когда были в столовой. Ты и не видел.

– Ты стал настоящим вором, – то ли упрекнул, то ли похвалил брат.

…Не скоро они добрались до Крушников…

Дорошевичи

Однажды в их Богом забытый край приехала машина – газогенераторная, как её называли.

Как она смогла добраться по болотам и пескам, никто не знал. Справа и слева от кабины стояли круглые печки. Водитель подкладывал в горящий огонь берёзовые чурки, ожидал, когда нагреются титаны, и только тогда трогал полуторку с места.

Эдик стоял рядом, наблюдал, как грузчики бросали в кузов дрова – берёзовые метровки. Нагрузили мало, по-видимому, боялись, чтобы полуторка не забуксовала в болотных местах.

Как только машина тронулась с места, у Эдика мгновенно созрела мысль – догнать и забраться в кузов. Он не знал, почему ему это захотелось сделать, как будто кто-то подталкивал к этому, толкал даже в спину, говоря, что только в этом поступке сможет найти избавление от всех бед.

Когда он вскарабкался наверх, вспомнил, что ничего не сказал Яну. Тот стоял у дороги и недоуменно смотрел, как удалялась машина с братом.

– Догоняй! – крикнул Эдик и замахал рукой, показывая, что тот не должен отставать. – Беги ко мне!

И Ян послушался – зов брата подтолкнул к действию, и неизвестная сила подхватила его, понесла по машинной колее. Хорошо, что полуторка по колдобинам и рытвинам двигалась медленно, пе-

реваливаясь с боку на бок, – быстро догнал, вцепился руками в борт, подтянулся и очутился рядом с Эдиком.

– Куда мы едем? – спросил младший брат.

– Не знаю, но в Крушниках больше оставаться нам нельзя… Мы здесь для всех чужие. Мы все здесь погибнем, умрём с голоду.

– А где будем своими?

– Не знаю… Будем искать счастья в других местах. Мир большой, может, и для нас найдётся место.

Полуторка по пути останавливалась, водитель с кем-то переговаривался, обещая приехать в ближайшее время. Потом набрал в колодце воды, залил в радиатор. Подбросил чурок в печку. Всё это время братья не подавали голоса, прижались к полу, боясь, чтобы их не увидел шофёр.

Полуторка опять тронулась с места.

Мозырь показался неожиданно. То расстояние, что Эдик проходил за двое суток, машина преодолела за несколько часов. Как только полуторка замедлила ход перед перекрёстком, братья соскочили с неё через задний борт.

…Они впервые увидели каменные дома. Когда Эдик приходил в город, то видел только деревянные постройки окраины, а тут Мозырь предстал перед ним огромным и внушительным. Долго стояли, не сходя с места, с удивлением рассматривая удивительные строения, улицы, по которым двигались машины, конные повозки.

Для Яна город представлялся сказкой – впервые увидел его и не представлял, что он может быть таким огромным и величественным.

Они попали в другой мир, на другую планету. Не знали, что их ожидает впереди, как отнесётся к ним и сам город, и его жители. В тот момент они не задумывались над этим, видение волшебного города полностью поглотило их, очаровало…

Когда прошли первое оцепенение и восторг, опустились на землю.

Хотелось есть, и потому одновременно спросили у самих себя:

– Куда пойдём?

– А куда глаза глядят… Пошли туда, где много народу. А много народу на базаре.

– Пошли…

Эдик и не знал, что город стоит на холмах, что между холмами проходят улицы. Шли мимо церкви из двух куполов, спустились вниз. Оказалось, что в городе есть пристань.

Вот и рынок. Стояли телеги, на которых бойко торговали продавцы своим товаром – сыром, сметаной, пирогами… Рядом с ними, расставив глиняные горшки, сидел горшечник. На соседней телеге лежали поросята, выставив свои розовые «пятачки».

Глаза разбегались от увиденного. Никогда не видели столько людей – спешащих и кричащих, задумчивых и весёлых, бойких и медлительных.

А когда увидели, как продавали сало и мясо, копчёности, от запахов закружилась голова и подступила тошнота. Голод брал своё.

Эдик подобрал полусгнившее яблоко, разломал его пополам – поделился с братом.

Ещё больше усилился голод. Ходили между повозками, надеясь найти что-нибудь пожевать. Напрасно. Люди берегли каждую крошку хлеба, особо не разбрасывались, богатых или зажиточных среди продавцов не было.

Когда солнце начало клониться к горизонту, люди стали разъезжаться. А потом рынок и вовсе опустел. Только люди в длинных серых фартуках подметатли торговую площадь. На братьев никто не обращал внимания – они сидели, прижавшись к забору, плакали. Ими овладели отчаяние и страх – одни в чужом городе, в котором нет ни знакомых, ни родственников…

– Кто такие? Откуда? – раздался над ними строгий мужской голос. – Фамилии!

– Юницкие. Я – Эдик, а это мой брат Ян. Мы – беспризорники, остались без родителей. Приехали утром в город. Что дальше делать, не знаем.

На мужчине была длинная, чуть ли не до колен, рубашка из толстой тёмно-синей ткани, сам перепоясан ремнём. Точь-в-точь, как и у того, что прискакал на лошади и потащил на верёвке мать…

– Пошли со мной!

– Куда? – испуганно спросили братья.

– Определю вас в детское учреждение, чтобы вы были под присмотром.

Он отвёл их в детский сад. Объяснил заведующей, что от неё требуется, и удалился, исполнив свой служебный долг.

В детсаду, как и в воинской части, им отвели уголок. Заведующая, молчаливая и строгая женщина, принесла им поесть – по миске каши с котлетой и компот.

Утром позвала к себе в кабинет. Раскрыв тетрадь, попросила назвать свои фамилии. Сделала запись в тетради. Не спрашивала ничего о родителях, из какой местности. Это и успокоило ребят.

– Побудете у нас несколько дней, – пояснила она, – а потом вы будете определены в детский дом. Если нужно будет в чём-то помочь нашим нянечкам, не откажите в такой любезности, хорошо?

Оба в знак согласия кивнули головой.

Интересно было бродить по городу, рассматривать вывески на стенах домов, слышать разговоры жителей города. У братьев не было необходимости ходить и попрошайничать – они всегда могли поесть там, куда их определили. Когда их попросили сложить дрова под навес, с радостью выполнили эту работу.

Удивительный факт случился. Идя по улице, Эдик встретил Гузмана, того самого, которому продавал в прошлом году чернику. Тот даже обрадовался, встретив подростка, поинтересовался, почему больше не приходит в город продавать ягоды.

– Другими делами занят, Давид Тимофеевич, более интересными, – уклонился от правдивого ответа Эдуард, вспомнив, как, когда приходил к Гузману, тот и вовсе не заплатил за пять стаканов, сделал вид, что рассчитался сполна…

А однажды утром их навестили женщина и мужчина в очках.

– Мы из детского дома, который находится в Дорошевичах, – пояснила тётенька, садясь на табуретку. – Мы по просьбе местных органов власти определили вас к себе. На пристани стоит пароход, который доставит вас в Дорошевичи. Нам поручено вас сопровождать. Вы согласны влиться в наш коллектив?

– Согласны.

И впервые Юницкие очутились на пароходе, впервые видят правый и левый берег, людей на берегу. Один пейзаж сменяется другим, ещё более интересным… И всюду по берегу рыбаки с удочками. Интересно, а детдом находится возле реки? Дяденька утвердительно кивает головой, не отрывая взгляда от книги. Это уже хорошо, отмечает про себя Эдик, без этого занятия жить трудно и неинтересно.

– Яник, слушай, а ведь сёстры ничего не знают о нас, – с горечью произнёс брат, нахмурившись, не отрывая взгляда от берега Припяти, – мы же уехали, не предупредив их…

– И мы о них ничего не знаем, – согласился Ян. – Может, потом, позже разыщем их, а теперь и признаваться нельзя, что они

остались… Начнут докапываться, и узнают, что мы – дети родителей-врагов народа.

Они шептались, боясь, чтобы не услышали те, кто сопровождал их.

Но очкарик читал книгу, а женщина спустилась на нижнюю палубу.

…Зинаида Петровна, как узнали позже братья её имя, подвела их к кабинету, усадила на стулья. Отнесла директору их бумаги, оформленные ещё в детском саду, выйдя, сказала:

– Ожидайте, вас позовёт Исаак Зельдович.

И сама ушла по своим делам.

От нечего делать начали рассматривать плакаты и картинки, развешанные по стенам коридора. Один стенд привлёк их внимание. Он рассказывал о Дорошевичах. Юницкие начали внимательно вчитываться в текст.

«Дорошевичи находятся на левом берегу Припяти. Имеется пристань. Деревня принадлежит Лясковицкому сельскому совету Петриковского района Гомельской области. Находится в 22 километрах от Петрикова. До Гомеля 212 километров. 34 километра от станции Муляровка…»

На дверях кабинета таблички – директор детдома Бурштейн Исаак Зельдович. Завуч – Нодельман Абрам Абрамович. Воспитатель – Рабинович Михаил Захарович…

– Ну и семейка их тут подобралась, – кисло улыбнулся Эдуард, – и здесь без них не обошлось… Не дадут они нам житья.

– Не дадут…

Двери открылись, и на пороге возник Исаак Зельдович.

– Заходите, молодые люди!

Бурштейн расспросил обо всём подробно. Всё время потирал пальцем крючковатый нос, морщился, всматриваясь в подростков.

– Значит, Юницкие… Родом из Крушников. Мать и отец как враги народа арестованы и расстреляны. Бездомные. Советская власть гуманная, она заботится о каждом человеке. И товарищ Сталин говорил, что каждый человек – это богатство нашей Родины…

Он больше говорил, чем спрашивал. Поучал, наставлял, предупреждал о суровом наказании, которое последует после того, если они будут нарушать дисциплину и хулиганить.

– Вам всё ясно и понятно?

Кивок головой в ответ.

Исаак Зельдович позвал воспитателя – Рабиновича:

– Михаил Захарович, определи новеньких. Это дети врагов народа. Построже надо с ними, построже… За ними нужен глаз да глаз.

– Само собой, Исаак Зельдович.

Помещение просторное – на сорок коек. Завуч показал, где они будут располагаться. Братья хотели, чтобы их койки были рядом, но почему-то получилось, что оказались в разных местах – Эдик возле входной двери, а Ян – с противоположной стороны возле окна, посередине ряда.

Познакомились сразу же с другими ребятами. Из разных мест приехали они в Дорошевичи. Нашлись и земляки: Вилий Лазарев с сестрой Ниной и Григорий Мицура – из-под Петрикова, Иван Курбан и Дмитрий Валюшицкий из-под Турова, Мария Шавловская и Ева Кохан – из Хойникского района, Алексей Лис – из-под Мозыря, Дмитрий Домасевич из деревни Вышилов из-под Петрикова, Галя Власевич из Дзержинска Туровского района…

– АА не любит, если кто нарушает внутренний распорядок, – почти шёпотом поведал Вилий Лазарев, наклоняясь к Эдику, – у него своё наказание – приглашает к себе в кабинет и избивает резиновой дубинкой…

– А кто такой АА?

– Абрам Абрамович, завуч. Нодельман. Сволочь ещё та. Нас не любит, но к своему еврейчику Генику относится, как отец родной. А воспиталки ничего, с ними жить можно, понятливые бабы. На них даже можно «Беломор» заработать.

– Как?

– Ладно, как-нибудь расскажу, а теперь давай спать…

Вилий вёл беседу как взрослый, как опытный детдомовец, знающий все нюансы и секреты детдомовской жизни. Эдику он понравился, и поэтому решил держаться его, завязать с ним дружбу.

Оказалось, что они будут учиться в одном классе. Эдику досталось место в последнем ряду, и сидел он один, так Вилий сам подсел к нему, зная, что сосед по койке не будет против. А он и в самом деле не противился, даже обрадовался, протянув под партой для пожатия руку.

Скрепили союз крепким рукопожатием.

И полетели дни за днями. Эдик здорово отстал в учёбе, и поэтому приходилось вечерами штудировать учебники, догонять

одноклассников. Его никто не заставлял, сам знал, что нужно учиться, без учёбы он ничего в жизни не добьётся… И Яну говорил о том же, помогая и ему наверстать упущенное.

Возненавидел почему-то Эдика Меер Каган. Полуслепой, постоянно щурящийся, картавя и произнося с протяжной и булькающей в горле хрипотцой каждое слово, в котором присутствует «р», ехидно улыбаясь, обзывая обидными словами, не давал Юницкому прохода.

То в коридоре ногу подставит, то незаметно бросит камешек в голову, а то и в лицо плюнет… Помня совет Лазарева, старался не обращать внимания на дурные выходки еврейчика, терпел, глотая обиду и слёзы, зная, что у него защиты никакой нет, да ещё сын «врагов народа».

Однажды, подойдя к Эдуарду и тронув его за плечо, Каган невинным голосом спросил:

– Ты православный или католик?

– Католик, а что? – не подозревая подвоха, ответил простодушно.

– Значит, ты – поляк! – утвердительно промолвил Меер.

– Я – белорус! – не согласился Эдуард.

– Поляк! Поляк! – радостно вскрикивал обидчик.

– Тогда ты – жид! – тихо сказал Юницкий, не выдержав издевательств с его стороны.

У Меера округлились глаза, почти вылезли из орбит. Он тяжело задышал, раскрыв рот, хотел снова произнести что-то оскорбительное и злое, переменился в лице…

Каган страдал косоглазием и, чтобы на чём-то сосредоточиться, крутил головой, стараясь найти точку зрительной опоры. А сейчас он запрокинул голову назад, вдохнув в себя воздух, затаил дыхание…

– Я, я… – «заякал» оскорблённый таким определением его национальности, побежал к завучу, на ходу лепеча угрозы и обещания.

АА прибежал в комнату тут же, не прошло и минуты, ни слова не говоря, при всех уцепился пальцами за ухо, поволок в канцелярию.

Толкнув Эдика на середину комнаты, закрыл за собою дверь. Вытащив из шуфляды стола толстый резиновый шланг, тут же огрел по голове подростка.

Бил и бил, с оттяжкой взмахивая над головой, по чём попало, приговаривая:

– Это тебе за жида, мужик вонючий! Получай!

Эдик, теряя сознание и падая на стол, хотел ухватиться за подоконник, но его настиг ещё более изощрённый удар – по голове. Долго не приходил в себя.

Очнувшись, заплакал. Вздрагивали плечи, горела, вся в синяках, спина.

Мало издевательств, так АА затолкал его в шкаф и закрыл на ключ. Находясь в бессознательном состоянии, как сквозь сон услышал:

– Подохни, сволочь! Пг-г-госидишь, мужик вонючий, в шкафу всю ночь!

В голосе Нодельмана послышался ему голос Белковца – тот тоже картавил и любил издеваться над учениками.

Их голоса и лица слились воедино…

Дальше он уже ничего не помнил.

Утром АА выпустил его из заточения. Выталкивая в дверь, пригрозил:

– Если г-гасскажешь кому, в колонию загремишь. А там всю дурь из твоей дурной башки вышибут в г-г-газ…

На первом уроке, увидев, в каком он состоянии, подошла к нему учительница русского языка Ева Борисовна, спросила:

– Что с тобой, Юницкий?

Он согнул голову над партой. Молчал. Слёзы капали на страницы раскрытого учебника. Учительница отошла от него и больше не задавала вопросов.

– От АА досталось? – шёпотом спросил сосед по парте.

Ответил кивком головы.

– Ну, гад подколодный, дождёшься…

В детском доме все неожиданно засуетились. Никто не знал, отчего такой переполох. А потом Эдик услышал, как Зинаида Петровна кому-то поясняла, какие документы нужно подготовить для приезжего прокурора. Добавила ещё, что прокурор будет выслушивать жалобы как от воспитанников детдома, так и от педагогов.

«А что, если подойти к прокурору и показать ему синяки на спине? – пришла неожиданная мысль к детдомовцу Эдику Юницкому. – Издевательство налицо... И покажу, где находится резиновый шланг».

И прибыл в детдом прокурор. При галифе, в блестящих хромовых сапогах, в фуражке с блестящим козырьком. Когда Эдик его увидел, обомлел: прокурором Петриковского района являлся… бывший его учитель – Белковец.

И пропала всякая охота с ним встречаться. Он же не поверит ему, а поверит АА, и ещё загребут в колонию.

Но они встретились. Как ни прятался от него детдомовец, сын «врагов народа», чуть не сшиб Белковца с ног, перебегая территорию двора.

Отпрянув от вершителя законов и справедливости, Эдик застыл на месте. Опустил голову – не хотел встречаться взглядом со своим врагом.

Но от цепкого взгляда петриковского прокурора ничего не могло ускользнуть, даже мелочь.

– Ты?! Юницкий? Как тебя сюда занесло? – голос не такой язвительный и пренебрежительный, как тогда, при последней встрече, когда Эдик спрашивал совета, как жить дальше, а тихий, спокойный, хотя и безрадостный.

– Занесло…

– Ну-ну, – хмыкнул прокурор под нос, вздохнул и пошёл по своему маршруту – его на крыльце ожидал директор детдома.

А Эдик не мог сдвинуться с места – оцепенел, словно ноги приросли к земле.

Перед его глазами воочию родилась та картина, когда связанную по рукам мать потащил палач на заклание. Это при его, Белковца, активном участии не одна крушникская семья лишилась хозяина или хозяйки. Об этом открыто говорили в Крушниках, и потому его боялись, как огня, обходили при встрече стороной…

На чужом горе он приобрёл себе должность прокурора района.

Белковец поднялся по ступенькам на крыльцо, перебросился словами с директором, повернул голову в сторону Юницкого.

Детдомовец резко отвернулся, чтобы лишний раз не встретиться с ним взглядом. Это было больнее, чем вскрыть кровоточащую рану…

В коридоре во время переменки, когда Эдик стоял у окна и разговаривал с Вилием, подошёл к ним Меер. Глядя на Юницкого, злорадно спросил:

– Ну и как дела у тебя?

– Иди отсюда, жид пархатый!

Эдик хотел еще со всего размаху всадить ему в нюх кулак, но передумал: слова не подошьёшь к делу, а синяк выдаст, и будут последствия…

Лазарев рассмеялся, а лицо Кагана покрылось красными пятнами. Он снова побежал к своему защитнику.

Но, к удивлению Юницкого, на этот раз АА не прибежал, чтобы ухватить его за ухо, затащить в канцелярию и наказать, наверное, перенёс экзекуцию до лучших времён. Или боялся это сделать при прокуроре, кто знает…

Яник

Будет неправдой, если сказать, что все дни были сплошь чёрные и беспросветные. Нет, совсем нет. В серость детдомовских будней вкрапливались и светлые пятна, которые оставляли хороший след, и светлые воспоминания.

Втянулись, привыкли Эдуард и Ян Юницкие к распорядку дня, к педагогам и воспитателям, поварам и сторожам… Почти всех знали по именам и фамилиям, клички присваивали им сами – Пшик и Удод, Гнус и Куль, Шланг и Нос… Каждому по заслугам, по поведению и отношению к воспитанникам.

Когда детдомовцы были предоставлены сами себе, когда взрослые занимались своими делами – личными и общественными, каждый находил себе занятие по душе. Или не находил и бездельничал целый день, так сказать, бил баклуши, слоняясь из угла в угол…

Для приличия и своего же спокойствия Эдик и Ян подходили к воспитательнице Новиковой, показывая, что они очень уважают её авторитет, отпрашивались:

– Вера Петровна, можно мы уйдём на целый день в лес? Соскучились без него. А вам грибов насобираем.

– Да, ребятки, можно… Только не заблудитесь, чтобы мы вас всем детдомом не искали.

– Не заблудимся, – пообещали дуэтом, – лес для нас – дом родной.

Яник… Дитя природы, не представляющий себя без реки и леса, без лугов и болотных чащоб. Он и запомнился таким Эдуарду – лесным волшебником-невидимкой, перескакивающим с дерева на дерево, словно обезьяна, перелетающим с ветки на ветку проворнее серо-жёлтых белок; чуть ли не в обнимку с лесными зверями – косулями и волками, оленями и лосями…

Удивительный человек! Неземное создание! Мягкая и ранимая душа, он никогда не обижал ни кошку, ни змею, ни безобидного ужа… Они составляли словно единое целое, симбиоз небесного и земного, настоящего и потустороннего…

Как только Ян переступает порог леса, сразу же преображается, становится иным человеком, даже не человеком, а лесовиком-волшебником, зверем и птицей, деревом и водой, небом и облаком.

Никто не знал Яника и не чувствовал его душу так, как чувствовал её Эдик. Может, даже и он до конца не мог постигнуть

тайны его внутреннего мира, его внутреннего космоса. Она, тайна, видимо, была спрятана за семью печатями, за тысячи километров глубоко в земле и ещё выше в небе. Никто не мог достучаться до неё, увидеть и ощутить её безграничность и доброту.

Казалось, отправь его хоть и на год в лес – в любую пору года, в любую погоду – дождь или слякоть, в снежные метели или осенние бураны, он выживет, сольётся с деревьями и листьями, будет питаться воздухом и энергией старосветских дубов, вознося в Космос молитвы Всевышнему, и возвратится домой живой и невредимый...

Вот каким человеком был брат Эдика – Ян Юницкий!

– Поведу я тебя, Эдик, в свои тайные места, – предложил однажды младший брат, когда они вошли в лес, оставив за спиной Дорошевичи, унылый детдом вместе с Бурштейном, Нодельманом и Рабиновичем, несправедливостью и обидами, горечью и страхом оказаться в колонии, которую обещал каждый раз жестокий завуч...

– А у тебя и здесь есть потайные места? – удивился брат.

– Да.

– И когда ты успел их открыть?

– Успел. Никто и не знал, когда я уходил в лес. Я и ночью уходил, когда все спали. И ты даже не знал, а я тебе не говорил.

Удивлял и радовал младший брат, каждый день придумывая что-нибудь новое и интересное.

– Веди. Не терпится посмотреть... Интересно, чем ты меня удивишь на этот раз.

– Удивлю. Только когда увидишь что необычное, не шевелись. Не произноси ни единого звука. Шороха чтобы не было слышно, даже твоего вздоха. То, что увидишь, принимай как должное.

Загадочным и необычным выглядел в этот момент Ян. Глаза горели внутренним огнём, походка изменилась, стала пружинистой и лёгкой, как у рыси, словно он не шёл по земле, а летел над ней.

Эдику на мгновение показалось, что Ян выглядел намного старше его – лет на двадцать, не меньше. Даже голос изменился, стал твёрдым и грубым, как у взрослого человека.

Перескочили ручей, поднялись на бугорок. Потом опять спустились вниз. Ян, оказывается, знал досконально каждую тропинку, каждое дерево.

Эдуард старался не отставать от него, шёл чуть ли не по пятам – след в след.

– Стой! – неожиданно остановил Ян Эдика и сам остановился. Посмотрел между деревьев, будто кого там увидел. – Стой здесь. Прислонись к дубу, чтобы быть незаметным.

Ничего не понимал Эдуард – какую тайну скрывает от него? Что за ней стоит?

Ян оставил его и медленно пошел вперёд. Дойдя до центра поляны, остановился. Вынул что-то из кармана, вытянул руку. И в тот же момент к нему слетелись птицы – синицы и иволги, вертиголовки и дрозды… Они уселись на плечи и голову, на вытянутые руки – облепили всего, словно соскучились по нему. А Ян стоял, зажмурив глаза, радостно улыбался. Он в это время, наверное, был счастливейшим человеком на земле.

«Чудеса, – подумал Эдик, не отрывая взгляда от птичьей стайки, слушая неугомонное и радостное щебетанье птиц, радуясь, что присутствует при таком волшебном явлении. – И когда только успел с ними познакомиться и подружиться? Такого и в сказках не бывает…»

А потом к Яну подошла косуля, дотронулась рогами до плеча.

Ян обнял её за шею, прислонил к себе. Птицы расселись и на пятнистой спине, не переставая разговаривать на своём птичьем языке. А потом и лось подошёл, ударил копытом по земле, словно извещая о своём появлении…

Эдику показалось, что к нему, Яну, подползли то ли ужи, то ли змеи, поползли по нём, обвивая руки, забираясь на голову… Внутри всё похолодело. Не верилось, что такое может происходить. Боялся даже дышать, чтобы не нарушить данное брату обещание.

Подошли и волк с волчицей. Но они улеглись рядом с Яном. Он их погладил по голове… Все стали ручными, доверчивыми, добрыми. Звери и птицы не боялись человека, а он не боялся их. Они любили друг друга, понимали язык друг друга, и между ними не было никакого разлада и несогласия. Идиллия мира и взаимопонимания.

«А есть ли такое взаимопонимание между человеками? – подумал Эдуард. – Почему человеческий мир так жесток и безжалостен? И невозможно сказать, что человек жесток, словно зверь. И неужели зверь человечнее и добрее людей?..»

Тысячи вопросов пронеслись в голове, и ни на один он не смог ответить. И никто в мире не мог на них ответить. Это было под силу разве Яну. Но он, хотя и знает ответ, никогда его не скажет. Ответ в нашем подсознании, даже не в коре головного мозга.

Ответ в нашем втором «я», которое неотступно следует за нами, всегда находится рядом с нами, выполняя роль ангела-хранителя…

А потом, через мгновение, на поляне остался один Ян. Видение исчезло, или животный мир испугался чего-то и растворился в доли секунды. Эдуард сожалел, что пропустил тот момент, когда фантастическое видение превратилось в обыденную жизнь. Исчезли загадки и волшебства, тайны и секретности…

Он стоял так же, как и вначале – с вытянутой рукой и не двигался. Когда последняя птица с красно-жёлтым оперением склюнула последнюю крошку и взмыла вверх.

Ян опустил руку.

Постояв еще немного, направился в сторону Эдуарда.

Подошёл и сел возле корня дуба, прислонившись головой к шершавому стволу. Молчал, закрыв глаза. Эдуард боялся неосторожным словом нарушить его состояние, ожидал, когда тот придёт в себя и первым заговорит.

Молчание, казалось, длилось целую вечность.

Где-то далеко за Дорошевичами в небе вспыхнула яркая молния. Вслед за ней прокатился раскатистый гром. Ян, вздрогнув, пришёл в себя. Повернулся к брату, удивлённо посмотрел на него, словно впервые увидел, и не узнал его...

Уже когда вышли из лесу, когда Ян снова стал тем, кем был до этого, Эдуард спросил его:

– Что это было, брат?

Ян устало улыбнулся, тихо произнёс:

– Я показал тебе, что могу находиться в другом мире – среди животных.

Эдуард обнял его, притянул к себе:

– Спасибо. Я такого чуда никогда в жизни не видел, может, больше и не увижу.

Вспомнив, что не собрали грибов для Веры Петровны, снова вернулись в лес. Чтобы набрать лукошко, им достаточно было одного часа.

В детдом пришли с полным, через край, лукошком. Боровички один в один, беленькие, крепкие. Даже и «спасибо» женщина не сказала, когда принесли и отдали ей грибы.

А им и не надо благодарности, главное, что она отпускает их на волю, а это стоило дороже грибов.

Припять

Манила и притягивала Юницких к себе река.

Не побудут день на берегу, не забросят удочки – на душе муторно, словно что-то ценное потеряли и найти никак не могут. А когда посидят с удочками на берегу, наловят целую вязанку окуней да плотвиц, радостно на душе и весело становится, петь хочется…

– Вера Петровна, у вас рыба закончилась, можно мы ещё наловим? – пристают братья к воспитательнице.

– Вы меня уже закормили той рыбой, – нарочито отнекивается Новикова, глядя на братьев с улыбкой, – да ладно уж, соседей угощать буду…

Им всё равно, кого будет угощать их воспитательница, только бы дала им «вольную» на целый день. Она вынесла из кладовки их рыбацкую амуницию – удочки и сачок для подхвата улова, в придачу хозяйственную сумочку, в которую положила хлеб и котлеты с луком.

У братьев есть укромное место, где они подкармливают рыбу, всегда знают, что с пустыми руками не возвратятся. Такого ещё не было, чтобы они без единой рыбки показались на глаза Вере Петровне. У других рыбаков пусто, а у них – наоборот. И никто не знал, в чём секрет. А у них и секретов никаких не было.

Однажды поспорили с местными мальчишками, кто больше рыбы наловит.

На кон поставили десять бутылок «ситра» и по булочке-саечке.

Победили Юницкие, выиграли десять бутылок лимонада. И потом честно разделили их между своими друзьями.

Но один раз они вернулись без улова. Не по причине неулова, а…

Расположились в тот день между двумя плотами из толстых брёвен. Они служили как дополнительные платформы пристани для лодок и дебаркадеров. Вместе с ними были и друзья – Вилий Лазарев и Алексей Лис. Они не любили рыбачить, но им было интересно в это время находиться рядом с братьми, наблюдать, как они вытаскивают из реки одну за другой рыбу.

Улов нанизывали через жабры на длинный ивовый прут. Зацепив его верёвкой, прикрепляли конец к помосту, чтобы не сплыл. Рыба находилась в воде.

Клёв в то утро, как и всегда, был хороший. Рыба цеплялась одна за другой. Хорошо ловились окуни и плотва, ерши и подлещики. Уже и не вмещались на ивовой хворостине.

– Хватит, – положил Эдуард рядом с собой удочку, – для Веры будет предостаточно…

– И я так думаю, – согласился с ним Ян, вытащив поплавок из воды.

Но не спешили уходить – хорошо было сидеть около тёплой воды, нежиться на солнце. Если бы кто попросил их наловить ещё, они и ещё столько наловили бы, но в тот день заказчиков не было. Новикова будет довольна уловом, а они отдыхом.

Вилий научился курить. Сделает глубокую затяжку, гонористо выпустит дым или форсисто вытолкнет изо рта белые кольца. Всегда в кармане был «Беломорканал».

– Кто тебе даёт деньги на сигареты? – поинтересовался Эдик.

– Матросы, – ответил он и рассмеялся. – Они откупаются ими от меня.

Юницкий ничего не понимал.

– Матросы с флотилии приходят к нашим воспиталкам. Чаще всего к Катерине и Еве. Они потом любят уединяться в глухих зарослях у Припяти. Как только разденутся, как только начнут, ну… сам знаешь… мы выныриваем из кустов и орём, став рядом с ними – голенькими и возбуждёнными: «Давай, матрос, «Беломор»! Иначе доложим Бурштейну о нашей воспиталке!» Всегда срабатывает.

И расхохотался. Эдику его проделки и признание не понравились, и поэтому он, нахмурившись и покраснев, опустил голову…

– Ну, теперь пора идти домой, – предложил Эдуард, имея в виду, что для них родной дом – детский дом, – а то мы слишком засиделись сегодня…

Ему и рыбу нести, что он всегда делал, потому что улов тянул килограммов на десять. Но как только он наклонился над водой и руку протянул туда, где был привязан ивовый прут, из воды неожиданно высунулось огромное страшилище. Раскрыв огромную пасть с мелкими белыми зубами, наведя тем самым ужас на рыбаков, оно с водой втянуло в красное горло всю рыбу вместе с толстой и длинной веткой…

Сомкнув пасть, чудище тут же ушло под воду, подняв высокий столб серой с водорослями воды.

Все трое отпрянули назад, упали на спину, не понимая, кто или что это было, не могли отдышаться от страха. Перепуганными глазами смотрели друг на друга и туда, где только что было неизвестное чудовище.

– Рыбаки говорили, что в Припяти плавает сом-великан. Может, это он проглотил наш улов?

– Может быть. Он мог и тебя схватить, если бы ты сунул в воду руку, – промолвил Петя, качая головой. – Чудо-юдо…

Вот тогда они впервые пришли к Вере Петровне без рыбы.

Та удивилась, выгнув дугой чёрные подкрашенные брови:

– Что, не было клёва?

– Да нет, был, и хороший, – ответили Вилий и Алексей, – но только огромный сом на наших глазах уволок весь улов.

Не знали, поверила ли она в то, что услышала, или приняла всё за детскую шутку или обман. Подумала, видимо, что они и не были вовсе на реке, но, когда спустя неделю местные рыбаки подцепили сома на большой крючок и потом еле погрузили его на полуторку, пришлось поверить.

Тот сом не вмещался в машине. Пришлось его изогнуть буквой «П» таким образом, чтобы голова и хвост упирались в заднюю часть борта, а бок прислонился к кабине. Говорили, слышал Эдуард, что мог он весить не менее трёхсот килограммов…

Но Эдуард знал и другое: пойманный сом, которого погрузили в полуторку, был не тот, что отнял у них рыбу – их «вор» был намного меньше.

Но об этом он не сказал воспитательнице, боясь, что она может больше не пустить его с братом на Припять.

…Улучив момент, завуч всё-таки заволок Эдуарда Юницкого снова в канцелярию.

– Опять обзывал мальчика жидом? – брызгал слюной Нодельман, предвкушая расправу над Юницким.

– Я не обзывал его. Мне книгу в школе показывали с названием «Жиды на Полесье». А в книгах разве врут?

– Ты опять за своё?! – взвизгнул от негодования АА. – Ты и надо мной решил поиздеваться? Сгною в колонии! – закричал во весь голос, беря в руки резиновый шланг, который прошёлся не по одной крестьянско-христианской спине.

Бил наотмашь, пока не устала рука, пока лоб не покрылся испариной. Потом, как и раньше, запер его в шкаф.

Среди ночи кто-то через форточку залез в канцелярию.

– Ты в шкафу, Эдик?

Узнав голос Вилия, ответил:

– Да.

Дверцу друг открыл в считанные секунды. Помог выбраться из тесного шкафа – занемели ноги, и Юницкий уже не мог стоять.

У Лазарева давно созрел дерзкий план отмщения, и он решил его осуществить.

Высунул верхнюю шуфляду стола, в которой находились документы АА – это были докладные воспитателей и учителей о плохом поведении воспитанников, сгрёб их в кучу, засунул в карман.

Лежал там и резиновый чёрный, словно болотный уж, толстый шланг.

В стол Вилий положил какую-то коробку. Прикрепил две нитки – одну к краю стола, вторую – к шуфляде.

– Что ты придумал, Виля?

– Ничего. Завтра узнаешь…

Утром Нодельман пришёл раньше всех на работу, чтобы никто не увидел, как он будет выпроваживать за дверь непокорного воспитанника.

Каково было его удивление, когда того не оказалось на месте.

Он бросился к столу, чтобы проверить сохранность документов и наличие орудия истязания. Но, когда высунул из стола шуфляду, сработала хлопушка, начинённая порохом. Абраму Абрамовичу обожгло руки и опалило лицо. Он стал похожим на африканского негра.

Брался за животы от смеха весь детдом. Говорили, что завуч подорвался на мине.

Он тогда сразу же побежал домой, закрыв лицо, и жена – Клара Моисеевна – ставила ему примочки и делала соляные компрессы. На работу он не показывался несколько дней.

Бурштейн вначале хотел обратиться в милицию, но передумал, боясь, как бы тот случай не отразился на его карьере и репутации детдома, который в отделе районного образования был на хорошем счету.

Заведующий отделом был его близкий родственник, дальним родственником был и заведующий Полесского губотдела образования – круговая порука.

Больше не подходил к Эдику Меер, обходил стороной, только бросал на него ненавидящий взгляд.

Затаил злобу на Юницкого Абрам Абрамович.

И Эдуард знал, что у него может начаться новая полоса невезения и экзекуций.

Но прошла неделя, вторая…

– Юницкий! – во время перерыва школьных занятий подошёл к нему АА. – Подготовь домашнее задание по моему предмету и завтра после уроков придёшь ко мне в канцелярию – покажешь.

Мурашки пробежали по телу – что означало прийти к АА «с домашним заданием», как говорили детдомовцы, и козе, как говорят, было понятно. Пришла мысль – убежать из детдома и, таким образом, избежать встречи с инквизитором.

На этот раз он может и в живых не оставить или искалечить до неузнаваемости.

Как говорил дед Антон – нет счастья, так несчастье помогает. Так и у Эдика.

К концу дня почтальон Мальвина принесла завучу прямо в канцелярию какую-то бумажку, попросила расписаться в своей книге. Абрам Абрамович, прочитав текст, побледнел, схватился за сердце.

В дрожащих руках он держал повестку из военкомата.

Абрама Абрамовича призывали в ряды Красной Армии – началось освобождение Западной Белоруссии.

Это и спасло Эдуарда Юницкого от дальнейших преследований и издевательств.

На дворе стоял 1939 год…



Янина Юницкая, 18 лет, Мозырь, 1941 г.

…Не знали братья, что вскоре после их неожиданного исчезновения Яня и Стася вслед за ними подались в Мозырь. Яня устроилась на работу на хлебозавод.



Стася Юницкая, 18 лет, 1944 г.

Младшую сестру нигде не брали на работу – малолетка. Вспомнив, что Эдик продавал всегда чернику какому-то Гузману, жившему возле площади, решила навестить его.

Давид Тимофеевич Гузман к тому времени стал председателем Мозырского городского совета.

Она отыскала его по указанному Эдиком адресу.

Стася стала нянькой детей Гузмана и домработницей…

Сёстры не знали, где находились их братья, как и те не знали об их существовании.

Это потом Эдуард Юницкий узнает, что в 1939 году их разделяла всего пара десятков километров…

Часть третья

Война

Ещё задолго до начала войны, мимо Дорошевичей, в западном направлении беспрерывно – днём и ночью – двигались войска. Днём шла пехота, а ночью – артиллерия, лошади тянули тяжёлые пушки и орудия…

Предчувствие и запах войны…

Этого состояния Эдуарду никогда не забыть. Все до единого знали, что вот-вот начнётся война… Когда однажды днём пехота остановилась на привал у самой деревни, к красноармейцам стали подходить и детдомовцы, и взрослые жители.

– Дяденька, а куда вы идёте? – подошли к группе сидящих на земле солдат Эдуард с Яном.

Старый солдат, сворачивая «козью ножку» из махорки, посмотрел на них, со вздохом ответил:

– На німцив, діти мо|, на німцив…

Солдат с прокуренными усами был украинцем.

На дворе был апрель сорок первого года… Они шли на войну, зная, что она вот-вот разразится. До её начала оставалось всего два месяца…

И она грянула. Для кого неожиданно, а для кого как неизбежное и ожидаемое явление…

Левитан по чёрной тарелке, висящей в коридоре школы детдома, объявил, что на Советский Союз без объявления войны напала германская армия.

Спустя некоторое время над Днепровской флотилией и Дорошевичами начали летать фашистские самолёты с крестами на крыльях. На бреющем полёте они снижались до самой земли, сбрасывали бомбы.

Взлетели в воздух буксиры, разбомблён штаб флотилии… Бомба взорвалась возле самого здания детдома, от ударной волны вылетели из окон стёкла.

Все в панике, не знали, как быть, что делать… Бурштейн начал звонить в Мозырь, но связь с городом была прервана. Он в растерянности, напуган… Никогда в жизни не принимал решений сам, привык выполнять только команды и приказы, а здесь никакой команды не поступало.

Связь с миром оборвалась, а под его началом более двухсот воспитанников.

Утром снова бомбили. Самолёты прилетали со стороны Мозыря, а потом опять возвращались туда. Глядя на улетающих стервятников, Эдик, обнимая брата, подумал: «Неужели и город бомбят? А где сейчас наши сёстры?»

И только семнадцатого июля Бурштейн построил в колонну всех воспитанников, чтобы объявить, что поступила команда двигаться всем коллективом в Петриков, до которого было двадцать пять километров.

Нещадно палило солнце, все обливались потом. На первом привале всех детей покормили, выдав каждому сухой паёк – хлеб и сало. Медсестра детдома Люба Зарецкая то и дело подбегала к директору, справлялась о здоровье, предлагала свою помощь. Он только отмахивался от неё, показывая, что ей надо находиться среди детей…

В Петриков пришли глубокой ночью.

Их посадили на две огромные баржи, на которых перевозили речной песок. Сидели под открытым небом, прямо на металлической поверхности, которая ночью становилась ледяной. Только когда подстелили под себя свои курточки, перестала бить дрожь.

Вилий и Алексей держались своих друзей – Яна и Эдика. Неподалёку от них сидели Иван и Дмитрий, Нина, Мария и Ева…

Буксир тянул баржу вниз по Припяти. Дальше маршрут лежал ниже по Днепру – детдом эвакуировали в тыл, подальше от бомбёжек, подальше от войны…

– Будем держаться вместе, что бы ни случилось, – предложили друзья, сжимая руку Эдуарда.

– Будем.

В темноте их руки сошлись в крепком пожатии. Словно дали клятву не разлучаться на тяжёлых военных дорогах.

Утром их разбудили громкие голоса и восклицания.

Оказалось, что приплыли в Мозырь – баржи пристали к пристани.

На голову Эдика кто-то бросил тяжёлый мешок. Вилия оттеснила какая-то грузная тётка. Яник упал на спину – на нём лежал чемодан…

– Сара, иди к нам! Здесь свободно! – кричала женщина, садясь прямо на Эдика.

– Изя, не зевай, занимай место!

– Хаим, ты куда подевался? – недоумевал кто-то за спиной Юницкого.

Две баржи оказались переполненными людьми. И все до одного были евреи. Они убегали из Мозыря куда глаза глядят, стремились эвакуироваться вместе с детдомом. Баржа оказалась перегруженной и осела на дно. Ясно было, что её с места теперь не сдвинуть, а если и сдвинут, то по дороге можно перевернуться…

Бурштейн как мог уговаривал евреев оставить баржи, но его голос не производил на них никакого воздействия. Все сидели молча на своих чемоданах и котомках, не двигаясь с места. Эдик попробовал освободиться от пассажирки, которая сидела на нём, но она грубо произнесла те слова, что говорил ему во время избиения АА. Он уже начал задыхаться. В это время Вилий изо всех сил столкнул женщину с Юницкого, обматерил её последними словами.

Это подействовало лучше всяких уговоров. Она уже молчала и исподлобья смотрела на смелого и наглого, как ей казалось, детдомовца.

Видя, что никакими словами и никакой силой нельзя уговорить людей земли обетованной, физрук детдомовской школы Иван Иванович Неверовский, взобравшись на будку баржи, громко произнёс:

– Таварищи-граждане! Наш рейс отменяется. Только что стало известно, что перед Киевом немцы форсировали Днепр. Они направляются в сторону Мозыря. Нам необходимо принять меры по срочному передвижению в лес!

И что тут началось! Непрошенные пассажиры, объятые новым страхом, снова взялись за свои котомки и чемоданы, ринулись, крича и расталкивая друг друга, на берег…

Баржи, освободившись от груза, выровнялись и вернулись в прежнее положение.

Когда всё стихло, физрук попрощался со всеми, пожелав удачного пути, сошёл на берег.

У него в кармане лежала повестка из военкомата, куда он и направлялся.

Когда буксир потащил баржи дальше, он ещё долго стоял на берегу, махая рукой детдомовцам, к которым привык, которых полюбил как своих родных и близких…

Плыли в полной темноте – без огней и световых обозначений, чтобы не привлечь внимание немецкой авиации.

Но не иголка же они в стоге сена – как только рассвело, налетели на них самолёты. Бомбы не сбрасывали, а строчили по ним из пулемётов… Потом удивлялся Эдуард – строчили не по ним, а по воде… Словно горох сыпали сверху, маленькие фонтанчики вспыхивали от пуль на воде. Если бы немецкие лётчики хотели расстрелять их детдомовскую компанию, они бы это сделали в доли секунды: видимо, видели, что на борту дети… Наверное, решили просто попугать. Ни одна пуля не полетела на баржи, никто не был ранен, даже не царапнуло…

Но зато директор детдома Бурштейн стал весь белый, колотился от страха, качал головой:

– Вай-вай! Зачем мне это всё нужно? Зачем мне подставлять голову под гитлеровские бомбы?

Сделали очередную остановку, не доплыв до Киева. Остановились перед мостом через Днепр. До него было с полкилометра, не больше. Когда Люба Зарецкая начала разносить детям сухари, неожиданно с запада вынырнули в небе самолёты. На их крыльях хорошо были видны звёзды. Дети отчаянно и радостно начали махать советским доблестным лётчикам, прыгать на платформе, кричать, морально поддерживая их с земли…

Самолёты начали круто разворачиваться и снижаться. На бреющем полёте подлетели к мосту и начали сбрасывать бомбы. На глазах детдомовцев рухнули опоры моста, и то место обволокло дымом…

Все затихли, опустили руки. Недоуменно смотрели друг на друга, не понимая, что случилось на их глазах: «Советские самолёты разбомбили мост? Для чего? По нему же двигались люди и техника… Ошибка? Или так надо было?» Никто не знал – ни детдомовцы, ни те, кто плыл вместе с ними.

Зарецкая хотела уточнить у Бурштейна, плыть ли им дальше или стоять пока на месте, но, сколько ни искала его на барже, найти не могла.

– Директор сошёл на берег, – показал в сторону ивовых кустов Иван Курбан, – ещё перед бомбёжкой моста…

– С вещами сошёл?

– С двумя чемоданами…

Больше его никогда не видели.

– Иван, а Рабиновича ты не видел?

– А он, как только мы причалили к берегу, ещё в Мозыре высадился… С чемоданами и котомками.

– Он сидел рядом со мной, а потом я его не видел больше, – подтвердил Меер Каган слова Ивана Курбана.

– Ну и дела, – горестно вздохнула Зарецкая.

Детдом остался без руководства. Тогда Люба подошла к воспитательнице детдома Ларисе Миткевич, которая сидела молча на пустом ящике, тронула за плечо:

– Лариса Сергеевна, принимайте руководство! Кроме вас некому.

Та, оценив ситуацию, кивнула головой.

…Доплыли до Днепропетровска, где и была их конечная остановка.

Там же повезли детдомовцев на железнодорожный вокзал, где для них подготовили товарные вагоны. Покормили горячим супом и котлетами, дали запить киселём и компотом.

Паровоз подал предупредительный гудок, и состав медленно тронулся с места.

По пути останавливались, заправлялись водой, продуктами.

Впервые увидели шахты, терриконы, проезжая станцию имени Кагановича.

На той же станции, когда состав отправили на запасной путь, Яник толкнул брата под бок:

– Эдик, плохо мне… Живот болит очень.

Люба Зарецкая, пощупав живот, сразу определила:

– Дизентерия у тебя… И у других тоже. Чем-то отравились.

Дизентерийных набралось десять человек.

Всех их решили поместить в больницу железной дороги.

Зарецкая оформила все необходимые документы – медицинские карточки, которые завела на каждого в детском доме, передала дежурному врачу.

Эдик и Вилий сопровождали паренька до больницы. Дальше их не пускали, поэтому пришлось распрощаться перед входом в лечебное учреждение.

– Ничего страшного, поправлюсь и догоню вас, – пряча боль, постарался улыбнуться Ян, глядя на Эдика. – Ну, пронял немного кровавый понос, пройдёт…

Эдуард обнял его, прижал к себе. На всю жизнь запомнил то состояние, которое овладело им, когда держал в объятиях самого близкого для себя человека.

Предчувствие вечной разлуки пронзило сердце, кольнуло в висок.

– Дай Бог!

«Господи, сделай так, чтобы мы снова встретились с ним! Я не знаю, где сёстры, живы ли они, и остаётся теперь для меня самым родным только мой любимый и единственный брат – лесной Волшебник и Чародей! Боже, ты всё можешь, всё в твоей власти!..»

Чтобы не показывать своих слёз, резко отвернулся и пошёл в направлении вокзала. Следом за ним шли Лазарев и Люба Зарецкая…

Пересчитали всех, чтобы убедиться, что никто не отстал, не отлучился. Все на месте, никто не вышел из вагона.

Подали знак машинисту, что можно трогаться.

Когда дали зелёный, состав медленно поплыл по железнодорожному полотну.

Отъехали от станции недалеко, машинист сбавил ход – почему-то снова остановились. Выглянули в проём, но ничего не увидели в вечерней пелене.

Но зато сзади, откуда ехал состав, кто-то увидел вспышки огня, потом послышались глухие взрывы. Огонь поднялся высоко над станцией имени Кагановича. Откуда-то со стороны летели туда самолёты и сбрасывали бомбы…

«Боже мой! – застонал Эдуард Юницкий, упираясь лбом в шершавую доску стены. – Там же Яник!»

Стоять он не мог, подкашивались ноги. Он еле дошел до нар, упал словно подкошенный.

О чём-то спросил Иван Курбан, подошла Маринка Шабалтас, но Эдик лежал неподвижно на нарах, отвернувшись к стене. Никак не мог унять слёз, ручьём текущих из глаз… Никогда, казалось, так не было больно на душе. К нему впервые пришло ощущение родственности и голоса родственной крови, что сидит в каждом человеке.

Он всхлипывал долго и мучительно, а боль острой занозой сидела в сердце, не отпускала, проникала всё глубже и глубже в изболевшуюся душу подростка. Первые раны от слуг НКВД, когда мать заковывали в наручники, потом раны, которые нанёс Белковец, третьи шрамы оставил на сердце АА, избивая его до полусмерти, а сейчас новые – глубокие, кровавые и незаживающие…

Не заметил, как уснул, – приснилось, что отправился вместе с Яником на речку и уже вместе ловили рыбу. Ян дёргал и дёргал за удилище, выбрасывая на берег блестящую на утреннем солнце рыбу, весело смеялся, радуясь жизни…

А рядом с ним, за спиной, стояла косуля, положив ему голову на плечо – как и тогда, когда впервые увидел, как окружили брата лесные звери…

Двадцать суток они были в пути.

Состав прибыл на станцию своего назначения под утро.

– Выходите из вагонов! – подал команду начальник состава. – Конечная остановка – Бузулук.

Первой вышла из вагона Лариса Миткевич.

– Всем выйти на платформу! – подала команду.

Детдомовцы трут кулаками слипшиеся от сна глаза, не могут проснуться. Не понимают, что с ними, куда приехали.

Повыскакивали из двух вагонов, сбились в кучу, ожидали следующей команды.

– Кто из вас директор детдома? – послышался голос неизвестного человека, который стоял среди платформы.

Лариса подняла руку, подала голос.

К ней подошел паренёк, назвался, сказал:

– Подводы вас ожидают. Вас двести человек?

– Да. Двести детей и остальные работники детдома.

– Мы пригнали подводы с запасом. На всех хватит. Мы вас завезём в село Ефимовка – отсюда около ста километров. Ефимовка находится в Андреевском районе Оренбургской области. У вас есть чем покормить детей?

– Нет, все продукты закончились.

– Не беда, мы взяли с собой. По дороге, на первой остановке, всех накормим. Можете грузиться.

– Долго будем ехать? – уточнила у возницы.

– Суток трое, не меньше. Волы быстрее идти не могут…

Миткевич только удручённо покачала головой.

Погрузка заняла около часа – пока построили всех, сверили по списку, пока распределили по подводам…

Дорога была долгая и тяжёлая. Дети сначала шалили – надоедало сидеть на телеге, соскакивали, шли рядом или бегали, догоняя друг друга.

А потом сдались, устали, и больше никто уже не поднимался с телег…

Медсестра давала каждому какие-то таблетки, как она поясняла, чтобы не было ни у кого дизентерии.

Ехали полдня. Сделали первый привал. Разожгли костёр, сварили на всех суп из свиных костей, повар бросил туда несколько картофелин, крупы, лук.

Сразу же после обеда снова погрузились на телеги и тронулись дальше. Остановились и на ужин. Но и после этого не задерживались – продолжали двигаться дальше.

Многие уснули, прислонившись друг к другу. Медленно двигался караван телег с детдомовцами…

Утром завтрака не было, дотянули до обеда.

Снова в котле сварили похлёбку, каждый получил по маленькому кусочку хлеба. Запивали компотом из яблок и груш.

Глубокой ночью въехали в Ефимовку.

Село было огромное, несколько сотен дворов. В центре находился деревянный клуб. В нём и было решено организовать детский дом для детей из Белоруссии.

Сонные детдомовцы, ещё не проснувшись до конца, войдя в помещение, сразу же попадали на солому, которую предусмотрительно расстелили для них ещё до приезда. Для уставших детей главным был в это время сон. Более чем сто детей поселили в актовом зале, остальных разместили по разным комнатам и закуткам.

Места хватило всем.

Не ложились только Лариса Миткевич и медсестра Люба Зарецкая, они обдумывали, как расположить и расселить на следующий день детей.

…Так началась и продолжалась жизнь Эдуарда Юницкого в эвакуации – в диких степях Предуралья.

Он спал и не знал о диких степях, о том, что они находятся недалеко от Урала. Он во сне был далеко от этих мест.

Ему снились мать и отец, что сидят они за одним столом, и вместе с ними Яник, Яня и Стася…

И было у него на душе спокойно и умиротворённо, ничего его не тревожило и не беспокоило.

Рядом с ним спали его друзья…Не знали, что утром у них начнётся иная жизнь. Они переступят порог взрослости и возмужания…

Ефимово-Дорошевичский детский дом

Их не будили, ожидали, когда проснутся сами. Детдомовцы не проснулись утром, не проснулись, когда пришло время обеда. И вечером никто из них не проснулся.

– Пусть спят, устали за дорогу, – ответила Лариса на немой вопрос медсестры. – Пусть набираются сил…

Она, соглашаясь с этим решением, кивнула головой.

Все пробудились почти одновременно, как будто невидимый сторож их сна подал команду «подъём». Они долго не могли прийти в себя, не могли сориентироваться, определить, где находятся.

Эдик посмотрел на Лиса, сидящего рядом с ним:

– Мы уже приехали, Лёша?

– Наверное, да.

Потом послышались разговоры остальных, кто проснулся и приходил в себя. Кто-то поднялся, а кто-то продолжал лежать или сидеть. Посередине помещения на столе горела керосиновая лампа, отбрасывая слабый свет.

– Проснулись? – спохватилась, услышав голос воспитанников, Зарецкая, поднялась из своего угла. – Наверное, проголодались? Проголодались, ясное дело.

Поспешила к костру, снова разожгла его, поставила на треногу кастрюлю, после неё вторую, а потом третью… Воспитанники помогали ей, разливали варево по мискам, носили на столы.

Ефимовка спала. Ни единого огонька в окнах. Только в сером небе над головой висел золотой круг луны, словно холодная печать горькой судьбы белорусских детей, у которых сначала отняли отцов и матерей, а потом бросили в омут беспросветности и ада на выживание и медленную смерть… И потом у выживших будут добиваться признания, как на допросе, что у них было счастливое детство, и это детство дал им единственный добрый на земле человек – Иосиф Сталин…

Портрет усатого тирана висел на стене. И его всевидящее око должно строго следить за поведением и верноподданностью. И никто не смел его ослушаться, обмануть. Эдик для интереса становился справа от него – тиран поворачивал туда свой острый взгляд, становился в левый угол – то же самое… Не спрятаться и не скрыться от него, усача… Удивлялся, как такое могло быть.

Это потом, через много лет, Эдуард Юницкий запишет в дневнике свои ощущения от взгляда на портрет. Его детский ум с цепкой памятью фиксировал в мозгу каждый факт жизни, даже самый незначительный на первый взгляд, в памяти откладывались фамилии и имена, события и эпизоды – горькие или радостные, сны и видения, судьбы людей и их воспоминания; пройдёт много лет, а он и сам будет удивляться – как это всё уложилось в его голове, не стёрлось из памяти, не выветрилось…

Чего было больше в его жизни – плохого или хорошего? Он бы все ассоциации и переживания объединил в одно определение – жизнь он прожил тяжёлую и горестную. А в тяжёлой жизни было всё – горькое и сладкое, трагическое и радостное, горестное и весёлое… Запишет в своей интимной книжице: «Врагу не пожелал бы я такой жизни. Даже тем, кто мне уготовил такую судьбу».

Тот портрет вождя всех народов сыграл трагическую роль в жизни четырёх воспитанников. Но об этом отдельно…

Кто-то постучал в окно. В темноте слабо различимое обличье Яника. «Неужели догнал? Каким образом? На чём приехал?»

Спотыкаясь, расталкивая всех, кто стоял на его пути, бежал к дверям, чтобы выскочить на улицу, встретить и обнять братика, прижать к себе… Все удивлённо смотрели на него, не понимая, что с ним происходит, пожимали плечами.

Эдик подбежал к окну, в которое стучался Ян, но у окна никого не было. Осмотрелся вокруг, стараясь отыскать его взглядом – никого. И тогда он понял, что это было видение, что ему показалось, что это только в его воображении возник образ брата. Но он не хотел всё равно с этим смириться – лицо его виделось естественным и осязаемым, весёлым и радостным.

Он сел под окном и заплакал. Заплакал без слёз, потому что их было выплакано столько, что на полчеловечества хватило бы. Плакала его душа, отяжелённая недетскими болями и несчастьями, обидами на несправедливость бытия, неясность завтрашнего дня…

– Что с тобой? – услышал он над собой голос. Над ним склонилась Галя Власевич, дотронулась до плеча. – Кто тебя обидел, Эдик?

Она обняла его, прижала к себе, словно хотела его боль принять на себя.

Его плечи вздрагивали, и тогда он заплакал навзрыд, теряя ощущение времени и пространства, и дикий, почти нечеловеческий, крик вырвался из его детской груди. Галя испугалась и побежала к Зарецкой, позвала её.

Он не помнил, как его принесли в помещение, положили на солому и укрыли одеялом, чтобы согрелся, чтобы унялась дрожь во всём теле. Забеспокоилась медсестра, не знала, приступ какой болезни у него, только догадывалась, и потому, посмотрев на детдомовцев, обступивших их и с тревогой смотрящих на лежащего подростка, приложила палец к губам: «Тс-сс, дети… Тихо…»

И ни один из них не произнёс ни единого слова, затаив дыхание и вздох, вышли на улицу, молчаливо стояли или сидели на своих местах…

Рядом с ним находилась Люба Зарецкая, готовая прийти на помощь в любой момент.

А потом рядом с ним села Галина. Положив ладонь на его лоб, слушала, как по сосудам пульсирует кровь. Долго не отходила от него…

…Война докатилась и до Ефимовки.

Она ощущалась во всём – стали кормить хуже, жили почти впроголодь, в село всё чаще и чаще начали приходить с фронта «похоронки» и раздирающий, леденящий душу крик вдовы, получившей известие о смерти мужа, был слышен во всех концах селения. Возвращались в родную Ефимовку её сыновья, превратившись в инвалидов, – у одного не было руки, у второго – ноги, а то и обеих ног, слепые или искалеченные вражескими осколками или пулями стали вчерашние богатыри…

Война уже через два месяца подобрала всех мужиков, которые до последнего времени оставались в селе.

Последний ушёл, едва достигнув призывного возраста, невеста или суженая – Клавдия – билась в истерике, не желая выпускать из своих объятий Ерофея.

Остались в селе одни женщины и дети.

Детдомовцы стали «нахлебниками».

Никакой помощи ниоткуда, а сами себя прокормить не могли.

…Вместе со всеми прибыл в Ефимовку и Меер Каган.

Сторонился все время Юницкого, избегал с ним встреч. А Эдик как будто и не держал на него зла, словно забыл, что из-за него терпел экзекуцию от АА.

Однажды, проходя по дороге недалеко от здания детдома, увидел сидящего и плачущего на земле Меера Кагана. Удивился, подошёл, сел рядом.

– Что случилось, Меер?

Тот молчал, только всхлипывал, опустив голову.

– Есть хочешь?

– Нет…

– Неправда. Хочешь. На, возьми, – подал кусочек хлеба Эдуард.

– Я не могу взять от тебя хлеб.

– Это почему же? Брезгуешь от мужика брать подаяние?

– Нет, Эдик, я очень виноват перед тобой. Виноват за то, что причинил тебе боль там, в Дорошевичах. Меня к этому подучивал АА, а я, дурак, рад стараться… Поэтому извини меня, карай меня, жида, как хочешь.

– Извиняю, Каган, извиняю. А хлеб возьми, съешь, прибавятся силы. Возьми.

На этот раз Меер принял дар от своего бывшего недруга. Хотя друзьями они и не стали, но неприязни друг к другу не чувствовали.

Исполняющая обязанности директора детдома Лариса Миткевич вместе с Любой Зарецкой не раз ходили к председателю колхоза Ерофееву, но тот беспомощно разводил руками:

– Откуда я возьму для вас пропитание? Нет мужских рабочих рук, одни женские, что они могут?

– Какой же выход, Семён Андреевич? Умрут же дети от голода…

– Не знаю, Лариса Сергеевна, хоть убейте меня, не знаю. А, может, из пацанов создать какую бригаду, подключить их к труду?

Миткевич задумалась, посмотрела на председателя колхоза:

– А что? В вашем предложении что-то есть. Сегодня же поговорим с детьми. Думаю, найдутся такие…

Вечером собрали воспитанников, построили в два ряда.

– Кто из вас когда-нибудь работал на лошадях или волах?

Больше половины подняли руки.

– Это хорошо. Значит, мы можем хоть чем-то помочь колхозу. А помочь мы можем тем, что примем активное участие в уборке. Созрели хлеба, нужно стягивать копны пшеницы на зерноток. И если мы не поможем, зерно погибнет. Останется голодным население села и мы вместе с ними. Работать будете не бесплатно, каждый из вас получит по одному килограмму хлеба и фунт масла в придачу. Согласны?

Кто же откажется от хлеба и масла?

– Да! – хором ответили будущие помощники колхоза.

Лариса Сергеевна раскрыла журнал, начала называть фамилии:

– Валюшицкий!

– Я.

– Лазарев!

– Я!

– Талецкий! Юницкий! Мицура! Курбан!..

Список работников на волах увеличился до двадцати.

– Кто сможет из вас или хочет работать на тракторе?

Снова подняты руки.

А мальчишкам от девяти до двенадцати лет… Далеко даже до совершеннолетия, но на них ложился груз взрослых мужчин.

Как говорится, жизнь научит всему. В Крушниках также на волах возили дрова, таскали тяжёлые брёвна, снопы свозили на зерноток. «Цоб-цобе!» – и слушаются волы команды белорусского мальчугана Юницкого, «цоб-цобе!» – и пошли волы Вилия Лазарева на пшеничное поле…

Показали, как обращаться с тракторами и управлять ими, и уже гул тракторов слышен со всех концов.

Ожило село, снова послышались знакомые звуки, в закрома колхоза ссыпалась зрелая пшеница. А это означало, что не придёт на порог голод, не постучится в окно костлявая старуха с косой…

Когда выдали первую «зарплату» – хлеб, да ещё и масло, – радость была безграничная! Не мучил голод, не урчали кишки от пустоты в животе, в теле появились сила и уверенность, твёрже стояли на ногах, и не шаталась земля перед глазами…

Сколько нужно для того, чтобы стал человек счастливым? А они, малолетние работники, почувствовали себя счастливыми и нужными людям.

И не только людям, а и своему коллективу детдомовцев – их заработок был весомой добавкой к скудному пайку, который выделялся местными властями.

Так относительно благополучно закончился первый год их пребывания в Ефимовке – 1941-й год, первый год войны…

Ребята взрослели, мужали, становились мужчинами, потому что они не ожидали «сталинского пайка», а сами зарабатывали себе на жизнь.

Происки усатого тирана

Какая радость была у мальчишек, когда им выдали «первую зарплату» – по буханке хлеба и в бумажной коробке сливочное масло!

Эдик пришёл в детдом и сразу же поделился заработанным пайком с Галей Власевич, к которой проникся уважением и душевной теплотой. Помнил её руки, лежащие на его лбу. Взгляд её притягивал, магнитом тянуло к ней.

Он отрезал краюху хлеба, намазал маслом и подал ей.

– Мне? – удивилась, раскрыв от удивления и радости глаза, смотрела на него.

– Да, тебе, Галка, ты заслужила.

– Чем заслужила?

– Добрым отношением ко мне.

– Ну, ты скажешь, – не нашлась, что возразить, закраснелась вся.

К ним подошла Марина Шабалтас. Эдик пригласил и её сесть рядом, угостил бутербродом. Эдику нравилась и Маринка, но больше почему-то тянуло к Галине.

Мимо них проходила Фира Самуиловна, стрельнула взглядом в их сторону, резко отвернулась. Не любили её дети, но ещё больше она не любила детей. Не раз слышали от неё презрительное: «Мужичьё поганое! Воры и убийцы!» Её старалась урезонить и Люба Зарецкая, но ненадолго. Пройдёт время, и она снова набрасывалась на кого-нибудь из детей, старалась уколоть как можно больнее, обзывая воспитанников обидными словами.

Фира работала в детдоме завхозом и была в курсе всех дел и событий. Она тоже была из эвакуированных, но как прибилась к детдому, устроилась на работу, никто не знал. Опасались с ней встречаться, попадаться на глаза. Душой чувствовали, что она человек нехороший, с чёрствым сердцем.

Мало кто знал, что она родом из городского посёлка Паричи, что недалеко от Бобруйска, что муж её, Мордух Борухович, руководил банком в Паричах. Фира купила дом в Ефимовке и вела там своё хозяйство…

Возненавидела она одного из воспитанников – Стёпу Куженко. Он не реагировал на её замечания и обзывания, отмахивался. Но однажды она его так достала своими оскорблениями типа «мужик вонючий», что он огрызнулся, словно затравленный зверь, сквозь слёзы закричал:

– Что ты ко мне пристала, жидовка пархатая? Вот доберётся сюда Гитлер, тебя первую на столбе повесит!..

Фира Самуиловна остолбенела, у неё отвисла челюсть, не ожидала, что получит такой ответ. И потому ждала удобного случая, чтобы расквитаться с ним…

И случай такой подвернулся.

…Снова получили сельскохозяйственные труженики свою зарплату.

За ударный труд Степану Куженко выдали даже двойную зарплату – он на тракторе работал круглые сутки, не спал, не отдыхал. И так целую неделю. Удивлялись, как у него хватило сил выдержать такой темп. Председатель колхоза кроме этого наградил его похвальной грамотой с изображением вождя.

Степан щедро делился своей зарплатой со своими друзьями, девочками, которые хорошо относились к нему и считали его другом. Запивали горячим чаем, который с радостью приготовила для участников пира тётя Нюра.

Участники «застолья» разошлись, каждый был занят своим делом. Остался Степан и несколько его друзей. Масла оставалось ещё много, и Куженко решил спрятать его за портрет Сталина. А перед этим, обмакнув палец в мягкое масло, провёл им по губам вождя. Посмотрел на усача с блестящими губами, сказал:

– Если пропадёт моё масло, я скажу, что это ты его украл, душегуб проклятый!

Никто не видел, что из-за дверей кладовки выглядывала завхоз Фира – она всё видела и слышала.

…Автобус из Оренбургского областного отдела образования прибыл в детдом среди недели – в среду. Двое мужчин пошли к директору, привезли ей какие-то бумаги, забрали у неё отчёты для отдела образования. Вышли на крыльцо.

Один из них, весело улыбаясь, предложил воспитанникам детдома:

– Ребята, кто из вас желает покататься?

– Я! Я! Я! – подняли руки несколько человек.

Первым подошёл к нему Эдуард.

– Как твоя фамилия?

– Юницкий!

– Нет, директор сказала, что только передовикам можно прокатиться. Кто из вас Куженко, Курбан?

Сели в автобус «передовики», которых отобрали представители отдела образования и директор детдома. Мест свободных в автобусе было много, и ребята не понимали, почему и их не взяли на прогулку.

«Передовики» в детский дом не вернулись.

Не вернулись и на следующий день. И спустя неделю их никто не увидел. Эдуард и все его друзья недоумевали – что с ними случилось, куда подевались? Директор детдома ничего вразумительного не ответила, отмахнулась только от них, сказала, что она обо всём знает. Но сама была хмурая и без настроения, в глаза не смотрела.

А ещё позже в село снова прикатил тот же автобус. На этот раз пригласили Эдуарда Юницкого и его нескольких друзей в салон, но не для прогулки. Вместе с ними ехали директор детдома Миткевич и кладовщица Фира Самуиловна. На лице Фиры то ли радость, то ли удовлетворение.

– Лариса Сергеевна, куда мы едем? – встревоженно поинтересовался Эдуард. – Это не похоже на прогулку.

Помолчав немного, обдумывая ответ, повернулась к нему:

– Мы едем на суд. Судят ваших друзей – Куженко и Курбана.

– За что судят? – чуть ли не закричал Эдуард.

– Не надо было издеваться над товарищем Сталиным, – со вздохом произнесла Лариса Сергеевна, нахмурилась, смотрела за окно. – А так – трибунал…

Видно было, что она говорит с ними не искренне, ей что-то мешало, а что, догадаться не могли. Не знали, что Фира, хотя и смотрела в окно, фиксировала каждое произнесённое слово директрисы, её вздох, даже, наверное, мысли и настроение.

Трибунал проходил в здании областного суда. Председателем трибунала был генерал – строгий, с орлиным носом. Голос громкий, казалось, что стёкла в окнах дребезжат, когда он обвинял «преступников» в их злодеянии.

На скамье подсудимых сидели воспитанники детского дома. Сидели с опущенными головами, словно признавали за собой страшное уголовное преступление, которое они совершили.

Выступала свидетельницей Фира, которая и донесла в органы НКВД о надругательстве над товарищем Сталиным.

– Да, я подтверждаю, что это он, Степан Куженко, маслом измазал губы нашему вождю и учителю товарищу Сталину!

В качестве свидетеля на трибуну вызвали и Эдуарда Юницкого.

Генерал, сверля его пронизывающим, леденящим душу взглядом, переспрашивал:

– Вы видели, как это происходило?

Эдуард молчал, опустив голову.

– Я у вас спрашиваю, свидетель Юницкий, вы видели, как воспитанник детского дома Куженко производил действия, несовместимые с моральным обликом советского человека и порочащие детское учреждение?

Молчание в ответ.

Снова послышался Эдуарду голос сексота-школьного учителя, АА, того, кто приезжал и заковывал в наручники мать… Получалось так, что он теперь должен выступать в роли Белковца – очернить своего друга.

– Я… не видел.

– Свидетель Юницкий, предупреждаю вас – за дачу ложных показаний вы будете подвергнуты уголовному наказанию, что влечёт за собой десять лет колонии со строгим содержанием.

Ударив ладонью по столу, генерал громовым голосом переспросил:

– Так вы видели или не видели?

Вначале скатилась на щеку слеза, а потом только молча кивнул головой. Но не произнёс больше ни слова.

Председатель трибунала в конце объявил, что Степан Куженко осуждён на семь лет, а за то, что Ваня Курбан поддакивал и хохотал во время издевательского акта над вождём, ему дали пять лет.

Эдуард стоял рядом и молчал, и только поэтому Фира Самуиловна не донесла на него...

…Но, как ни странно, то соревнование с присуждением звания передовиков и победителей сыграло и вторую злую нечеловеческую шутку. А злая шутка вылилась в самое настоящее издевательство.

Как только начался новый, тысяча девятьсот сорок второй год, на Ефимовский детский дом пришла из Андреевского района (из отдела народного образования) депеша.

Это была разнарядка в форме приказа по законам военного времени – отправлять детей, отличившихся в колхозном труде, для поступления в ФЗО.

Миткевич знала, что приказы вышестоящей организации нужно выполнять. Не выполнишь – по головке не погладят. Она чувствовала и за собой некоторую вину – это она с подачи председателя колхоза подбила воспитанников на «ударный труд», но это только ради того, чтобы спасти детишек детского дома от голодной смерти.

Но понимала и другое: работать в поле вместе с теми, с кем сдружился, к которым привык – это одно. Но в малолетнем возрасте в том ФЗО осваивать взрослую специальность, вдали от родного коллектива – это совсем другое… Они не смогут выжить в тяжёлых условиях жестокой действительности со звериным оскалом, где никто и никого не жалеет, не заботится…

Разве не понимали этого там, рассуждала директор, в отделе образования, что они ещё дети, малолетние дети, не окрепшие душой и телом. Их легко сломить, обозлить, состарить раньше времени. Это же бесчеловечно – выжать из них всё возможное, а потом выбросить за борт жизни…

Лариса Сергеевна вызвала к себе Эдуарда Юницкого. Решила проверить, как он отнесётся к инициативе отдела образования. Похвалила вначале, что он хорошо зарекомендовал себя – и учится хорошо, и колхозу помогает, выложила главное:

– Учиться тебе дальше надо. Тебя как лучшего воспитанника и ученика мы решили отправить на учёбу в училище фабрично-заводского обучения. Будешь полностью на государственном обеспечении, как и у нас, выдадут красивую форму, получишь специальность – и перед тобой открыта дорога в большую зрелую жизнь. Какая перспектива открывается для тебя! Родители гордились бы тобой!

Последнюю фразу не надо бы говорить, сорвалось с языка, не подумала, увлеклась директорским назиданием, но поздно…

Когда услышал о родителях, нахмурился. На его лице от предложенных перспектив счастливой жизни не отразилось ни радости, ни заинтересованности.

– Ты не хочешь поступать в ФЗО?

– Нет! – твёрдо заявил Эдуард. – Мне и здесь с моими друзьями хорошо. Я хлеб чужой не ем, стараюсь сам зарабатывать на пропитание.

– Но я уже подала списки в районный отдел образования! Мы должны выполнить разнарядку, понимаешь. С тобой поедет ещё пять человек, так что твои друзья останутся при тебе.

– Подали списки? Ну и поезжайте на здоровье вместо меня. А я тут останусь…

…Страшнее и бесчеловечнее не придумать. Как будто тот усач, видя, что дети-безотцовщины, ещё как-то карабкаются и барахтаются, стараясь выплыть из советско-сталинского омута, хватаются за жизнь как за соломинку, решил загнать их на тот свет в полном смысле этого слова. А тот свет находился где? Конечно же, под землей!

Ремесленное училище находилось в Домбаровке – Южный Урал, недалеко от Орска. А это угольные шахты. Шахте нужны были крепильщики, а они ушли воевать. Их место должны были занять одиннадцатилетние мальчишки. Где, в каком государстве отправляли малышню под землю, да и не только под землю, а на взрослый непосильный труд?

Кто ответит им, малолетним, кто ответит им, взрослым, когда они каким-то чудом и доживут до взрослой жизни? У них от той надорванности уже в детском возрасте приобретались пороки сердца, болезни почек, желудка, крови, а психически они уже были мертвы, ничего не ощущая и не осознавая, кто они, откуда они и для чего родились на свет.

А никому и не нужны были их ощущения и душевное состояние, они служили скотом, тягловой силой, словно ефимовские и крушниковские безмолвные волы, которые должны были беспрекословно находиться в советско-сталинском ярме и молча тянуть свою лямку, строить для кого-то светлое коммунистическое будущее…

Для кого-то, но не для себя, потому что у них было отнято всё – отец и мать, братья и сёстры, доброта и нежность, а всё это заменили голодом и холодом, унижением и втоптанным в грязь их человеческим достоинством…

– Вы будете иметь прекрасную специальность! – на первом уроке сказал им преподаватель. – Многие хотят попасть к нам, но мы не всех принимаем. Крепильщик – это основа угольного дела, от него зависят жизнь и дневная норма выработки шахтёра. Вы…

Эдуард не слушал его, отвернулся и смотрел в окно, в проёме которого играли блики солнца, а в лучах его грелись хохлатые воробьи…

Скрепя сердце терпел одну неделю, дотянул до второй – и бросил ненавистную учёбу, сбежал, вернулся в родной детдом. Миткевич, показалось, даже и не удивилась его неожиданному возвращению, улыбнулась, словно одобряла его решение.

Как ни в чём не бывало, начал ходить на занятия в школу. Ему очень хотелось доучиться, получить аттестат зрелости, а потом только поступить туда, где приобретёт специальность по душе.

Но снова через месяц вызывает его директор, а вместе с ним ещё девятнадцать человек.

– Направляем вас в Оренбургское ремесленное училище, – обвела она взглядом своих воспитанников. Она должна была говорить с ними строго, как настоящий директор. – Будете учиться на электросварщиков, работа как раз для вашего возраста…

Учёба длилась около трёх месяцев. Все до единого плакали. Плакали оттого, что за день нахватаются «зайцев» – вспышек от электросварки, и от этого всю ночь резало до боли глаза, ощущение, будто глаза засыпаны песком, днём же ничего не видели перед собой, потому что всё время слезились глаза… Испытывали страшные муки, страшные боли. И постоянно от этого нестерпимо болела голова.

Руководство посчитало, что они получили необходимые знания и опыт в сварочной профессии, поэтому сократило до минимума срок их обучения и отправило работать в разные места.

Летом 1942 года Эдуарда Юницкого направили работать на военный завод, который находился в Верхней Туре Свердловской области – за Нижним Тагилом.

Завод изготавливал для фронта бомбы, и весили они около ста килограммов.

В задачу маленького сварщика входила приварка стабилизатора к тем бомбам. Приварить ещё ничего, но ту бомбу надо было ещё повернуть нужной стороной. Но это же не полено, которое хотя бы ломом можно сдвинуть с места… Здесь совсем другое, не всякому взрослому под силу.

А Эдик выглядел щупленьким и маленьким, вечное недоедание и голод обессилели его организм, на нём, казалось, светилось тело – кожа да кости. А тут ещё злюка-мастер обзывал разными словами, упрекал, что он хлеб государства жрёт, а сам работать не хочет…

Понял, что от голода он умрёт возле этих бомб, и никто не вспомнит о нём… Ни одного человека не нашлось, кто протянул бы ему руку помощи, обнял за плечи, поддержал хотя бы добрым словом… Без одежды, без обуви, ходил почти босой, и каждый день голодный. Шатался, обессилев, словно пьяный...

Снова вернулся в родной детдом.

Не удивилась Лариса Сергеевна и на этот раз, как не удивились и преподаватели в школе.

Опять – уже весной 1943 года – направляют на учёбу, уже на токаря. Выучился, на военном заводе вытачивал болванки для снарядов. А болванки по шестьдесят килограммов, вдвоём не поднять…

Цех под открытым небом, снег падает, мороз под худую одежонку забирается. По двое на станок определили. Горячие масляные стружки летят под стол. Они немного согревают, не дают окоченеть.

Когда обтачивался снаряд, по очереди заползали под станок и грелись падающими горячими металлическими стружками. Меняли вместе в станке болванку снаряда – и опять один из них отправлялся греться в эти замасленные стружки…

Кому под силу выдержать такое? Можно выдержать, но только не ребёнку…

Сбежал. Как в той сказке – я от дедушки ушёл, я от бабушки ушёл. От крепёжника ушёл, и от сварщика сбежал, и от токаря, злой усач, уйду…

Приняла директор назад, ничего не поделаешь. А через неделю вручили ему направление в новое ремесленное – учиться на кочегара паровоза. Под самый новый, 1944-й, год стал учеником Медногорского ФЗО Оренбургской области.

Полмесяца бросал лопатой уголёк в топку паровоза. Работа не то чтобы пыльная, а адская, такой, наверное, и в аду сатана не придумал. Побросает Эдуард с часок, а потом падает без чувств на пол, отдышаться не может, и кровавые мухи мельтешат в глазах…

Никому не пожалуешься, никому не поплачешься, слёзы твои никому не нужны, да и никто им не поверит – ни усач, ни его слуги… Нужно терпеть, терпеть и ещё раз терпеть – до бесконечности.

И уже родной матерью казалась директор-воспитатель Лариса Миткевич, которая никогда на него не кричала, слова плохого не сказала.

После работы был чумазее негра – одни зубы белели на измождённом детском лице, покрытом ядовитой угольной пылью. Она впитывалась не только в глаза и тело, не только проникала в лёгкие, отчего было трудно дышать и постоянно донимал кашель, но и в душу… Даже харкал кровью.

Боясь, чтобы не забила его угольная пыль насмерть, опять сбежал.

Браво, НКВД!

...Утро красит нежным светом
стены древнего Кремля,
просыпается с рассветом
вся Советская страна... –

встретил его детдом пафосной песней – на столбе около клуба детдома висела «тарелка» – радиоприёмник – и бодрый голос певца разлетался по округе...

– Опять сбежал? – встретила его спокойно Миткевич. А на ухо прошептала, словно боясь, что кто услышит её слова: – Ну и правильно... А в голос промолвила: – Ладно, оставайся, что с тобой поделаешь.

Директору слали и слали разнарядки. И их приходилось выполнять. Но сказать, что никто не наказывал её, когда детдомовцы возвращались в родной коллектив, будет неправдой. И один выговор объявляли, и второй, и третий... Но она стояла на своём, как могла, защищала свой детский полк, старалась доказать бесчеловечность тех разнарядок...

В пятый раз Эдуарда направляют на учёбу, на этот раз в Медногорское училище – осваивать специальность токаря. После учёбы пятнадцать дней вытачивал детали к автомату ППШ. И там повторялось всё снова – кормили два раза в день, и ни разу не было ощущения, что наелся, только ещё больше хотелось есть... А раздобыть хотя бы кусочек хлеба возможности не было.

Детдом и на этот раз принял беглеца. Правда, не с распростёртыми объятиями, но и не отвернулся от него, не отторг. И на том спасибо.

Хочешь жить – умей вертеться...

И вертелся, набирался ума-разума, учился жить и выживать.

...Говорят – не копай яму другому, ибо сам упадешь в неё.

Так и здесь получилось. Ходила по детдому завхоз Фира, словно начальник отдела областного образования. Даже указывала Ларисе Сергеевне на недостатки, требовала более уважительного отношения к себе. Чем-то не угодила ей тётя Нюра, и она с жалобой прямо к директору, пригрозила: «Не примете меры, слетите с директорства!»

Все боялись её, старались не трогать, обходили стороной.

Но однажды...

Приехали товарищи из НКВД, на белые её ручки наручники набросили. Она округлила глаза, ничего не понимая. За сердце схватилась, начала изображать из себя смертельно больную – на пол упала, ногами засучила.

Товарищи из органов создали комиссию по обыску её дома. В комиссию включили Ларису Сергеевну, Любу Зарецкую, тётю Нюру и несколько жителей Ефимовки.

Когда открыли подвал, то члены комиссии ахнули от удивления. На полках лежало двести пар хромовых сапог, десятки рулонов дорогой ткани из шерсти и других дорогостоящих материалов… Бриллианты и кольца, серебро и другие украшения…

– Откуда это у вас? – спросили у неё.

– Муж привёз.

– А где ваш муж?

– Находится в трудовой армии, в Оренбурге.

– Кем он там служит?

– Директором хлебозавода…

Оказалось, что до войны в Паричах её муж, Мордух Борухович Кацман, возглавлял банк.

Когда началась война, прихватил из хранилища миллионы рублей и драгоценности из сейфов.

Каким-то образом смог эвакуировать жену в те места, где находился детский дом. Купил дом и тайно ночью привёз ей награбленные миллионы и драгоценности.

Когда определился служить в трудовую армию, руководил хлебозаводом.

На суде оправдывался:

– Я не воровал. Я взял деньги и хотел их по дороге сдать в банк. Но, к сожалению, уже не работало ни одно государственное банковское учреждение. А потом, когда стало ясно, что я их не смогу сдать, превратил деньги в сапоги и рулоны тканей… А что мне, скажите, оставалось делать?

Суд приговорил Кацмана к пятнадцати годам строгого режима, а его спутницу – кладовщицу детдома Фиру Кацман – к десяти годам.

Узнав об этом, все до одного детдомовцы и вместе с ними директор со своими помощниками зааплодировали, шутили:

– Слава доблестным нашим энкавэдистам! Да здравствует отмщенье!

Нельзя, конечно, радоваться чужому горю, но сколько горя она принесла другим, одному Богу известно.

Выживай кто как может…

Хотя в детдоме кормили во много раз хуже, чем там, где он применял свои специальности на практике, он не стремился возвратиться в ту среду. Здесь, хоть и голодно, но всегда можно что-нибудь раздобыть… Хотя это зависит от того, владеешь ли приёмами попрошайничества и хитростью, умеешь ли ты вызвать жалость и сострадание к себе людей…

Талант актёра должен иметь детдомовец, настойчивость и желание выжить.

Но одновременно с этим детдомовец должен уметь обманывать, притворяться, быть жестоким к другим, воровать, клянчить, попрошайничать и ничего не бояться. Должен стать волком, волком злым и непримиримым, чтобы добывать себе по волчьим законам пищу. Иначе… Иначе – смерть.

Разброд и шатания… Где уж тут до дисциплины, до строгого распорядка!

Слонялись детдомовцы по селу, в соседние наведывались, клянчили у жителей хотя бы корочку хлеба, обязательно приговаривая: «Без отца мы и матери, отданы сами себе, подайте ради Христа…» И при этом крестились, вызывая религиозные чувства у сельчан.

Кто верил из них, а кто не верил в Бога, но все крестились, склонив голову…

Не мог Эдик Юницкий притворяться, не мог обманывать, что он верит в Бога.

Дед Антон каждое утро и вечер молился, иконы в хате у него висели в углу, но как-то не передал он внуку благоговение к Господу.

Придя вечером в детдом с «охоты», доставали попрошайки из мешочков и потрёпанных сумок куски хлеба, варёные картофелины, очистки от картофелин, даже макуху, которой кормили животных, размачивали её в воде и ели.

Скудными были их подаяния, но и они поддерживали еле теплящуюся в детях жизнь.

Эдуард, глядя на них, глотал слюну, отворачивался, чтобы не задохнуться в ней.

Кто-то толкнул его за плечо:

– Эдик, угостись.

Это был Аркадий Талецкий – проныра и вор, хитрый и изворотливый, из любой ситуации всегда выходил сухим.

Он протянул ему картофелину и кусочек мясной косточки.

Юницкий отказался, отвернулся снова. Аркадий силой повернул его плечо к себе, всунул насильно в руку свой подарок:

– Знаю, что ты два дня ничего во рту не держал, подкрепись…

И сам отошёл, чтобы не видеть смущение Юницкого – он мог умереть с голоду, но не попросить поесть…

Эдик не ел, он положил на язык кусочек картофелины и, словно конфету, перекатывал во рту. Боялся проглотить сразу. Тогда он не почувствует её вкус, всё равно оставшись голодным. А косточку держал во рту целую ночь, наслаждаясь её солоновато-терпким вкусом… Изжевал, словно пёс, до такой степени, что перестала быть твёрдой косточкой, а превратилась в вязкую кашицу, – проглотил её. После этого захотелось пить.

Чтобы не разбудить спящих, подошёл к бачку и набрал полную кружку тёплой воды. Пил и пил, пока не утолил жажду…

Еле дошёл до своего места. Дошёл – и упал без чувств.

…Однажды Аркадий Талецкий предложил Эдику возглавить операцию «по отнятию хлеба у государства».

– Ты был и токарем, и слесарем, кочегаром и сварщиком, – раскрывал карты Аркадий, – но нигде ты не добился успеха. Предлагаю тебе должность прораба, а компанию я уже подобрал.

Эдуард молчал, смотрел на Аркадия. Тот, перед тем, как что-то совершить или предложить, наговорит «сто бочек арестантов». И сразу не поймёшь, чего он хочет. Ожидал, когда Талецкий доходчивым языком объяснит суть своей идеи.

– Не доходит? – смеётся и присаживается рядом новый друг. – Вижу, что ты ничего не понимаешь. Так вот, переходим к главному. В местной церкви, которую закрыли давно, находится зернохранилище. Стены в этой церкви толстые и прочные. Ты как специалист, разбирающийся в строительстве, должен что-то придумать, чтобы мы пробили эту стену. Дырку нужно сделать на толщину пальца, чтобы потом оттуда мы смогли проволокой вытаскивать зерно. Понял задачу?

Эдуард не сразу соображает, что от него хочет Аркадий. Если воровать у государства, то это уже уголовное дело, а это известно чем заканчивается.

– Почему молчишь? – не отставал от него автор идеи. – Или я непонятно тебе объяснил задачу?

– Понятно, – отозвался Эдуард. – Но я не знаю, как можно пробить стену метровой толщины…

– Должен знать. Ты же специалист широкого профиля. Думай. Есть нечего, а из-за каких-то пары килограммов зерна государство не обеднеет. Оно нас ограбило в миллион раз больше. И поэтому мы не красть у него будем, а возвращать долги.

– Согласен. Дай мне время до утра. Я что-нибудь придумаю.

И придумал. Отыскал на колхозном дворе несколько кусков арматуры, один из них оказался с зазубренным концом – как сверло. Там же отыскал и старый молот.

Потом только изложил Аркадию свой план и проект приспособления.

– Ты, Эдик, молоток. Соображаешь.

Пошли и проверили всё на практике. Медленно, но металлический штырь миллиметр за миллиметром входил в стену. За ним попробовал вгрызаться в стену и Аркадий.

– Всё понятно. У нас получится. Будем бить по очереди. Выставим вокруг церкви часовых, чтобы кто не нагрянул неожиданно. А если кто появится, будут петь песню «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек...»

Месяц пробивались к заветной цели. Работали до глубокой ночи, долбили каждый день...

Последний удар сделал Вилий Лазарев – штырь прошёл насквозь. А потом приспособили проволоку, которой выгребали из длинного узкого отверстия по десять-пятнадцать зёрен.

Когда наполнялась доверху банка, шли на пустырь за Ефимовку. Раскладывали костёр и на старом противне жарили зёрна. Потом Эдуард отыскал старую гильзу и предложил в ней толочь подсушенную пшеницу. Получалась мука.

В их команде были и девчата, те, которых считали надёжными и проверенными – Нина Лазарева, Ева Кохан, Мария Шавловская и Марина Шабалтас. Они были часовыми.

А потом и казанок отыскали. На костре готовили затерюху, которой угощала всех тётя Нюра. А здесь вместо неё готовили похлёбку свои повара.

...Другом Аркадия Талецкого был Гришка Мицура.

Кого хочешь обдурит, обведёт вокруг пальца, соврёт и не покраснеет. Глаза бегают, не знают, за что зацепиться, тараторит, не может остановиться.

И никогда не поймёшь, когда он говорит правду, а когда лжёт...

Лето сорок третьего... Жара невыносимая. В помещении духота и раскрыты все окна.

Среди ночи Аркадий и Гриша наклонились над Эдуардом:

– Мы решили в Казахстан податься, айда с нами?

– Зачем в Казахстан?

– Я нашёл на дороге семнадцать плиток чая – упали, видимо, с машины, которая в магазин приезжала. У казахов менять будем на еду. Айда!

– А нас не хватятся?

– Да кому мы нужны, каждый занят своим делом…

Подались пешком в сторону реки Урал. Пересекли реку – на пароме.

Шли две недели полупустынными степями.

По пути встречались юрты, казахи, пасущие в долине лошадей и овец. Дали по блину и куску мяса, замахали руками, чтобы дальше шли, не задерживались.

Углубились далеко в северо-западный Казахстан, почти до Аральского моря дошли.

Аркадий заходил в жилища, предлагал плитку чая, просил дать с собой еды – масла, яиц, лепёшек...

Умел разговаривать с казахами, даже несколько слов знал, как здороваться, как прощаться… Всё время наклонялся, прикладывая руку к левой груди, доброжелательно улыбался.

Молча, не вступая в разговоры, казахи протягивали лаваши и куски мяса неизвестно какого животного – овцы или лошади. Не спрашивали, не уточняли, шли дальше, на ходу разделив «трофей», жевали, запивая водой, которую предусмотрительно взяли у казахов в дорогу.

Зашли в селение, в котором было много юрт, много лошадей и овец.

– Дорогой, чай нужен? – залебезил Талецкий, в поклоне согнулся, увидев впереди пожилого казаха, который вёл за уздцы лошадь.– Есть прекрасный чай – цейлонский, послали родители поменять на съестное.

– Да, очень нужен, не завозили давно нам чая, – встретил приветливо казах с обвисшей белой бородкой, – чай всегда нужен, любовь всегда нужен, заходите, дам всё, что захотите… чай нужен…

Как только они зашли в крайнюю юрту, он тут же закрыл дверь, схватил кнут, которым погонял лошадей и набросился на них:

– Чай нужен… нужен… ворованного брать казах не будет... Чипана проклятая, нет на вас шайтана… Чипана!

И кнут хлестал каждого, кто не успел увернуться. Плётка приставала к телу, обжигая хуже горячих угольев. Устал казах махать кнутом, а они не могли стоять на ногах от побоев, попадали на землю…

– Утром приду, не один приду… Чипана! Попробуете убежать, на лошади догоню, чипана!

И ушёл казах, оставив их, лежащих, окровавленных, на земле.

Ночью прокралась к ним неизвестная женщина. Шёпотом сказала:

– Я украинка – Олеся. Живу тут много лет. Слышала его разговор, он в сельсовет поехал, чтобы вас забрала милиция. Бегите! С Богом!

Они не верили в своё избавление. Поблагодарив сердобольную женщину, тут же выскочили из своего заточения.

Отбежав далеко от селения, остановились под невысоким деревом.

Аркадий разгрёб песок у корневища, спрятал туда оставшиеся пачки чая.

– Если когда-нибудь кого из вас занесёт сюда, можете воспользоваться… И больше никому не говорите об этом тайнике.

Мучит жажда – воды нет, одни солонцы. От кишлака до кишлака километров пятьдесят-шестьдесят – расстояние немаленькое. Прилягут где в затишье на ночь, а шакалы рядом, жуткий вой на всю степь подымают, мурашки по спине бегают… Мальчишки идут и идут, ночлег ищут, а шакалы не отстают, загрызть грозятся, в темноте блестят огоньки глаз.

Не знали, сколько отошли от детдома – сто, двести или триста километров. Не километры волновали, а еда. Когда её было много, а когда и пусто несколько дней.

Спустя много лет Эдуард Юницкий посмотрит по карте тот маршрут и за голову возьмётся – более восьмисот километров они тогда преодолели, это столько же, сколько от Гомеля до Москвы. Уму непостижимо! А тогда не умели определять расстояние – просто шли и шли от кишлака к кишлаку, вымаливая у казахов хотя бы лепёшку…

Когда пришли в детдом, их не узнали – осунувшиеся, чёрные и грязные. Одежда, истлевшая от пота, еле-еле прикрывала тело. Никто их не искал, даже и не интересовались – ушли так ушли, тремя едоками меньше…

Гришка Мицура со своей сестрой достали из тайника запасы на чёрный день, покормили их. Подошёл к ним Алексей Лис, спросил, в какую сторону ходили бродяжничать…

Оказалось, что кто-то ограбил детдомовский продовольственный склад. Пропали продукты и семнадцать плиток чая.

Эдуард посмотрел на Аркадия Талецкого, укоризненно покачав головой: «Ну как же ты мог? Своих оставить без чая – преступление против совести». Почувствовал, как лицо залилось горячей краской, корил себя, что поддался на дурной поступок, знал бы, что чай ворованный, никогда бы в жизни не пошёл с ним к казахам.

Талецкий отвернулся – как и не видел осуждающего взгляда Юницкого, даже и не чувствовал своей вины: руководствовался законом детдомовца – никогда и ни за что не отвечать, не чувствовать за собой вины и угрызения совести.

В середине дня к детскому дому подъехала машина. В ней сидели чумазые пацанята – привезли шпану, собранную, вернее, выловленную на железнодорожных вокзалах. Они высыпали, словно горох, из грузовика и смотрели на оседлых детдомовцев, словно спрашивая: «Ну как тут у вас, жрачку дают?»

Вели себя развязно и нагло, заглядывая в каждый угол, по привычке приглядываясь к тому, «что плохо лежит».

– Принимайте пополнение! – подошёл к Ларисе Сергеевне работник милиции. – Прибыли для перевоспитания, так сказать. Прошу любить и жаловать!

– Сколько вы их привезли? – уточнила директор.

– Двадцать пять человек беспризорников. Распишитесь в получении!

Директор ставит свою подпись, отдаёт расписку назад. Смотрит на новеньких, сердце кровью обливается – сколько их таких несчастных по всей стране? В Белоруссии и Украине, России и странах Балтии, Узбекистане и Чечне… Тысячи и миллионы, потерявшие отцов или на фронтах, или расстрелянных энкавэдистами… Как обогреть их всех, накормить? Никто им не заменит мать и отца, никто…

Эдуарду Юницкому с первого взгляда приглянулся чернявый паренёк с курчавой головой. В глазах хитринка, цепкий недетский взгляд – взгляд опытного «шпанёнка», которому ничего не страшно, который ничего и никого не боится…

– Сашка-цыган, – назвался тот.

– Ну а я – Эдик Юницкий…

– Ну вот и познакомились.

Уединились на заброшенном пустыре. Жуя сухарь, Сашка, лёжа на спине и глядя в небесную синь, то ли фантазировал, то ли и в са-

мом деле испытал на себе прелести вольной жизни, делился впечатлениями:

– Представляешь, сидишь на крыше вагона… Ветер в лицо, а вокруг такая красота, такой пейзаж, что душа замирает! Билет не надо покупать, маршрут не надо выбирать – устроился на крыше, и поминай как звали. Едешь и думаешь – ты богатый человек, потому что ты вольный и независим ни от кого. Даже когда попадёшь в лапы милиции, ну и что? Оформят куда-нибудь, отправят с глаз подальше. Устроят нас на ночь, а утром нас и след простыл…

– Давно бродяжничаешь?

– Давно. Как остался без родителей. Расстреляли отца в тридцать восьмом, а мать умерла в лагере…

– И у меня расстреляли.

– Я и отсюда убегу. Здесь нет размаха дорог, здесь как в тюрьме, а я простор люблю, а запах железной дороги и гудки паровозов мне ночами снятся, – не отрывал он взгляд от перистых облаков, мечтательно расхваливал прелести и выгоды жизни кочевника-путешественника. А потом неожиданно, повернувшись к Эдуарду, предложил: – А давай, Эдик, со мной! Ты парень башковитый, смелый, не пропадём вместе. Ты же здесь умрёшь с голоду. Вместе с нами будет Аркадий Талецкий. Он согласен. Поездим по свету, может, и в Америку переберёмся жить…

Эдуард ответил не сразу. Ему и хотелось броситься вслед за Сашкой-цыганом, заманчиво он рассказывал, но и детдом был ему не чужой, сдружился с ребятами, сроднились, считай.

– Я подумаю.

Жаркий август сорок третьего… Когда все улеглись спать, на улице Юницкого дожидались Сашка-цыган и Аркадий Талецкий.

– Ну, окончательно надумался?

– Да.

Никто не заметил их побег. Никого это не встревожило, не обеспокоило.

И началась шальная и рискованная жизнь. Сашка крутился словно юла – на минуту отойдёт от Эдуарда, смотришь, уже что-то раздобыл, у кого-то что-то «одолжил». Цепкие руки у него были, как и цепкий орлиный взгляд. Карабкался на вагоны словно кошка, спрыгивал с любой высоты – и ничего, как мячик, как детская игрушка…

Кочевали втроём по «железке» Урала, пересаживались с одного состава на другой, меняли маршруты и дороги, шныряли по рынкам, воровали всё, что попадалось под руки…

И Эдуард в азарт вошёл, сам не заметил, как стал вором, но не вором-карманником – не научился этому ремеслу. На базаре промышлял – одной рукой трогает булку или яблоко, а вторая рука уже потащила незаметно в карман что-то другое…

Не отставал ото всех и Талецкий – освоил быстро воровскую жизнь, даже вошёл в азарт.

На другом рынке их окружили несколько человек, закрутили руки назад, куда-то повели, избили до полусмерти, потом отпустили…

Заедали вши, пальцы раздирали тело до крови. Сгнила одежда, на ногах подобие обуви – без подошвы, босыми ногами ступали по земле.

Выбирались за город, раскладывали костёр, раздевались догола – и выжаривали вшей, и только слышен треск, когда они падали в огонь…

Укрывались звёздным небом; ласкал их лица тёплый ветер; грела их спины тёплая земля, не успевшая остыть за ночь…

«Это летом хорошо, – думал Эдуард, глядя в звёздное небо, – а что будет, когда зима придёт со своими морозами и пронизывающим до костей ветром?»

Но старался отбрасывать эту мысль от себя – сегодня хорошо, ну и ладно, а что будет с ними завтра – одному Богу известно…

…Бывает в жизни такое… Рассказал бы кому об этом случае Эдуард Юницкий – никто бы не поверил. Он и сам в то не поверил, потому что сколько раз видел перед собой отца или мать, Яника или сестёр – и каждый раз оказывалось, что это было видение, мираж, плод его воображения… А, может, и не воображения, а энергия реальности, потому что он постоянно чувствовал их рядом, даже ощущал, как они дотрагивались до него. Сначала он боялся, думал, что сходит с ума или «что-то с головой», но со временем привык к ним, даже разговаривал с ними, спрашивал совета, рассказывал о себе.

И открыл для себя одну истину: когда он находился среди родных, то чувствовал, как от них исходили тепло, душевная поддержка. Они словно руками поддерживали его, когда он падал, поскользнувшись или споткнувшись о что-то, берегли даже его сон… Удивительное это было ощущение!

Прошёл день неудачно. Ну, не совсем чтобы неудачно, кое-что собрали, просто запасов не сделали. А это плохо. Утром просыпаешься, голод мучит, кишки марш играют. Не раз такое было. По-

этому всегда старались наворовать с запасом, чтобы утром, перекусив, снова ринуться на поиски еды…

Оренбург, надо признать, встретил их не очень ласково. А они надеялись на его гостеприимность, думали, что он откроет перед ними свои запасы съестного, ситро угостит, на блюдечке с золотой каёмочкой им удачу преподнесёт.

Не вышло. Облом получился.

Но они не расстраивались, не переживали – не впервой слюнки глотать.

Привыкли уже, научились вдоволь есть сладкий голод, голодом закусывать и им же запивать…

Перебросились в карты, да сразу же и пропала охота играть дальше.

– Куда дальше подадимся? – цвиркая слюной через плечо, изображая из себя настоящего вора, спросил Аркашка.

– Так мы же решили – на Дальний Восток, к Тихому океану. Владивосток осваивать будем. А там на корабль сядем, который повезёт нас в Америку.

Сашка-цыган говорил как заправский разведчик – он всё знал, всё предвидел и всё видел:

– В Америке здорово. Жратвы – до отвала. Они нашим солдатам на фронт присылают тысячами тонн тушёнку.

Сидят на платформе, мирно беседуют. Золотые замки в мыслях возводят. Они ещё те строители и фантазёры, им всё по плечу!

– Но и в детдоме нашем хорошо, – вздохнул Эдуард, вспоминая уже добрым словом детдом и своих ребят, – летом мы никогда не голодали…

– Что ты заладил – детдом, детдом… Фигня твой детдом, вы впроголодь всегда жили…

– Не всегда! – заступился за родной коллектив Юницкий… – Правду говорю!

И в это же время, как он произнёс громко последнюю фразу – его выдало картавое «р», и услышал за своей спиной осторожный вкрадчивый голос:

– Эдик, это ты?

Голос до боли знакомый – неужели? Неужели снова его начали посещать видения? И, как правило, это происходило тогда, когда он чувствовал голод. Он и сейчас сжимал до боли его кишки, кружилась голова.

– Неужели? Эдик!

Какая-то девушка обняла его, прижала к себе, громко заплакала:

– А мы думали с Яней, что тебя и в живых давно нет! А ты здесь оказался – за тысячи километров от Мозыря. Как тебя, дорогой братик, занесло сюда?

Он всё ещё не видел лица, но по голосу узнал – безошибочно узнал свою младшую сестру – Стасю, которая обнимала и целовала его, роняя слёзы на голову…

Такого не могло быть! Опять видение!

Чтобы не нанести своему сердцу травму и на этот раз, вырвался из её объятий, вскочил с места и, не оглядываясь, нырнул под товарный вагон, перекатился по рельсам на другую сторону, перекрестился, чтобы непонятное видение не преследовало его…

И побежал вдоль платформы подальше от того места, боясь чтобы образ его сестры не погнался за ним…

Бежал до тех пор, пока хватило сил. Забежал в какой-то глухой уголок и упал под тень тенистых тополей.

Упал и, как тогда, увидев в окне Яника, забился, рыдая, в судорогах… Падая, потерял сознание, больно ударившись о корневище тополя.

Его заметили только под вечер.

Какая-то старушка наклонилась над ним, дала попить, приподняв голову, и сидела рядом до тех пор, пока он не пришёл в себя…

Под американским флагом

Он прокрался к их убежищу ночью. Перед этим долго стоял вдалеке от вагона, присматривался, не осталась ли на том месте Стася-Анастасия.

Вокруг было тихо. Только гудки паровозов перекликались между собой, как будто вели ночной разговор. В вагон для верности заглянул – нет, нет её и в вагоне. Значит, видение исчезло и не будет его мучить…

– А, вернулся, – подал голос Сашка-цыган, первым увидев Эдика, – хотел от нас убежать, да?

– Не убегал я, туалет искал, опять схватило…

– Знаем мы твой туалет, – добродушно промолвил и Аркадий, поворачиваясь на бок, – ложись, мы подготовили для тебя место… Завтра отчаливаем на Владивосток.

О сестре – ни слова. Значит, и в самом деле они её не видели, а, когда он вскочил, подумали, что убежать надумал от них.

Долго не мог уснуть. Не хотел впускать вечернее воспоминание о сестре, но в ушах звучал нежный и растерянно-радостный голос Стаси: «Эдик, это ты? Как ты здесь очутился, братик мой?..»

Дороги, дороги, дороги…

Что это за город такой таинственный – Владивосток, из которого можно перебраться в Америку? С поезда на поезд, с крыши на крышу вагона, и только ветер свистит в ушах. В большом городе оставляли поезд, спешили на базар, который всегда был при станции…

Сашка и Аркадий стали профессиональными карманниками, в любой карман залезут, и человек не почувствует их руки. Эдуарду эта профессия не пришлась по душе.

Он мог только сделать вид, что завязывает шнурки на ботинках, присядет, а тем временем с прилавка стянет у зазевавшейся тётки лепёшку… Отойдёт, сжуёт – и снова на следующие ряды.

Ловили их, били, сдавали в милицию, а те – в детский приёмник, но опять убегали, садились на вагоны – и снова вперёд, снова навстречу ветру.

Когда ехали по байкальской дороге, дрожь от страха пробегала по всему телу: вниз глянешь – метров триста обрыв, кажется, вот-вот снесёт тебя, и ты полетишь камнем вниз, вверх посмотришь – высокие скалы, с которых в любой момент может скатиться камешек в несколько пудов на голову…

Полтора месяца добирались до Владивостока.

Огромный вокзал, огромная площадь. А вдали, в голубой дымке, высокие корабли видны – манили к себе, притягивали.

– Главное – на корабль пробраться, – на правах командира объявил Сашка-цыган, – а там уже, под американским флагом, доберёмся до места назначения…

К ним неожиданно подошли военные с красными повязками на рукаве, спросили строгим голосом:

– Кто такие и откуда?

Не ожидали, совсем не ожидали встретиться с патрулем. И откуда их только принесло?

– Мы… мы… – невнятно мямлила тройка, не зная, правду говорить или врать до конца.

Их привели в комендатуру, посадили рядышком на стулья.

Оторвавшись от своих дел, к ним подошёл какой-то высокий начальник и, округлив глаза, гаркнул:

– Бродяги?

– Да, – оторопели беглецы.

– И куда ж собрались, ребята?

– В Америку, – признались чистосердечно, опустив головы.

– Куда-куда? – уточнил офицер с двумя большими звёздами на погонах.

– Под американским флагом в Америку…

Подполковник задумался, покрутил рыжие усы, задумался.

– Да-а-а… А вы хоть знаете, как выглядит американский флаг?

Все трое покачали отрицательно головой.

– Вот незадача, – посмотрел он на своего дежурного помощника, пряча улыбку, – собрались в Америку, а какой у них флаг, не знаете. Не готовились?

Молчит тройка, не знают детдомовцы, издевается офицер над ними или докопаться до правды хочет.

– Значит так, советские американцы, – принял решение подполковник, – раз не готовились, то нужно восполнить этот пробел. Для начала мы вас сдадим в детдом, вы там будете учиться и заодно выучите флаги всех стран, а потом посмотрим на ваше поведение… Голодны?

– Да…

– Петренко! – крикнул куда-то в сторону подполковник. – Покорми ребят, видишь, устали с дороги.

Пока они ели солдатские щи, за ними приехала пожилая женщина. Дождалась, когда они окончат трапезу, подошла к ним:

– Поедем, ребята, со мной.

– Куда? – испуганно спросили беглецы.

– Не бойтесь, всего лишь в детский приёмник… Там условия хорошие.

– Мы согласны, – сделали вид, что рады этому известию, – а то нам надоело болтаться по свету.

Когда она начала дремать, склонив голову на грудь, они оставили её и на первой же станции сошли с поезда.

– Куда теперь?

– Стало холодать. Поедем в тёплый Ташкент…

…Теми же путями и методами доехали до станции Кандагач.

Вторые сутки ничего во рту не было. Заели вши, всё тело расцарапано и разодрано, фуфайки на теле еле держатся – сгнили.

Эдуард у кого-то стянул зимнюю шапку – на улице ноябрь, землю лижут злые ветра. Вечер, рынок не работает, негде раздобыть поесть… От голода подступает к горлу тошнота, дрожат ноги.

В вокзал не пускают, дежурные грозятся сдать в милицию. Ходят вокруг вокзала, в окна заглядывают, а чего, и сами не знают.

И увидел Сашка-цыган, что под окном лежит и спит женщина, а у её ног спящая девочка. Женщина под голову подложила солдатский вещмешок.

– Принеси булыжник, – просит, показывая на гору камней в стороне, – только побыстрее…

Эдик выполнил его просьбу. Сашка приподнял голову женщины, а Эдуард в это время вытащил вещмешок и быстро подложил камень. Сашка осторожно опустил голову, схватил добычу и со всех ног бросился наутёк, боясь, чтобы его не догнали.

Прибежали в пристанционный парк. На столбе светится тусклая лампочка. Спрятаться негде. Увидели в углу парка печь, в которой варят смолу. Смола засохла, по твёрдому слою можно ходить, даже лечь и остаться на всю ночь…

Развязали вещмешок. Там были и колбаса, и пирог, и даже бутылка водки. Богатство!

Шла по парку ватага блатачей. На своём балагурят, маты гнут, ругаются между собой, в чём-то не сговорившись…

– У него надо русаки (на блатном жаргоне – сапоги) снять…

– А перо в бок не хочешь?

– Да я, гадом буду, видел, как он их рядом поставил.

Сидящие в печи прислушались, замолчали. Притихли. Да неповоротливый Талецкий ударил локтем в стенку печи. Ватага стихла, стали определять, откуда стук пошёл.

Пришли к печи и заглянули внутрь, посветили фонариком, удивились:

– Так тут жмурики живут, пошерстить их надо…

Выволокли их оттуда, отняли вещмешок с продуктами да ещё пинков надавали… Шапку у Эдика отняли, фуфайку побрезговали брать – воняла дорогой и мазутом.

– Да поделитесь хоть немного, – попросил Сашка, – трое суток голодаем…

– И ещё пять поголодаешь! – ответил со смехом один из них. – А будешь рыпаться – на финку наткнёшься!

Была радость вначале, что ограбили женщину, наверное, солдатку, а, когда самих воров ограбили, обидно стало. Недаром в народе говорят – долг платежом красен. Что сотворили, то и получили.

«Нет, не приносит воровство счастья и удовольствия, как расписывал Сашка-цыган, – горько подумал Эдуард Юницкий. – С какого это дурного ума я оставил родной детдом, что хотел найти, чего добиться? Учёбу забросил, стал вором и попрошайкой… А чем завтра буду заниматься, когда вырасту? По карманам лазить?..»

Не жалел, ой не жалел он слов для уничижения самого себя. Самыми последними и обидными обзывал, проклинал, что чужим умом живёт, что только его поманят пальцем – и он тут же бежит следом. Хватит! Достаточно! Своя голова на плечах!..

Чувствовал, что до детдома не так уж и далеко – каких-нибудь километров семьсот-восемьсот, по тем меркам сибирских дорог всего два-три перегона…

Утром и выложил друзьям свою позицию:

– В детдом вернуться хочу. Учиться хочу. Человеком быть хочу. В Ташкент я с вами не поеду.

Сашка-цыган тут показал себя во всей красе – приставил нож к горлу, прошипел злостно и угрожающе:

– Попробуй только убежать от нас – поймаю, под поезд брошу или горло перережу!..

Дорога из Оренбурга на Ташкент – район Кзыл-Орды… Встретились так называемые два «пятьсот-весёлых» поезда. «Весёлые» – значит, товарные вагоны, в которых стоят буржуйки, труба выведена наверх. Народ и прозвал их весёлыми, потому что набивалось много пассажиров и всем хватало места…

Один поезд шёл из Ташкента на Оренбург, а второй – назад, в Ташкент.

Эдуард, улучив момент, когда Сашка спал, привязавшись к тёплой трубе, отвязал себя и соскочил с вагона.

Пересел на другой состав… Друзья не проснулись, не слышали, как он их оставил одних.

Ура! Теперь дорога в родной детдом открыта! Только бы приняли назад, только бы приняли!..

Блудный сын

– Ты же отсутствовал полгода! – услышал Эдуард в ответ на свою просьбу принять его обратно в детдом. – Нам неизвестно, где ты бродяжничал, может, убил кого за это время… Да и документов на тебя нет, я их сдал в отдел народного образования. На каких правах я тебя приму обратно?

Эдуард молчит, опустив голову.

Директор дома новый – однорукий фронтовик Федорук. Он неумолим и безжалостен.

Смотрит на Эдика, стегает больно словами, словно плетью по спине. А чем оправдаться, что сказать, чтобы он поверил, что и сам признаёт свою вину, что глупо поступил, неразумно.

И Любы Зарецкой не видно, она бы вступилась, забросила за него словцо. Нет её, или не работает совсем, уехала из этих мест, или отлучилась по своим медицинским делам… И во дворе незнакомые дети играют, своих не видно.

Ему даже показалось, что он вовсе и не в свой детдом вернулся, а в какой-то незнакомый, даже чужой. И он, оказывается, здесь чужой. Детдом не принял его, обиделся, что изменил ему его воспитанник, променял «вторую родину» на опасные и бродяжные дороги. И не вымолить теперь прощения, не замолить свой грех…

Одна слеза капнула на колени, вторая…

– Так что извини, Юницкий, сам виноват… Ты сам себя вычеркнул из списков воспитанников детдома.

Три дня его кормили дети, но потом стыдно стало, им и самим нечего есть, а они с ним делятся своими скудными порциями. Галя Власевич, обрадовавшись, что он вернулся, готова была отдать последнее. Но у неё и последнего не было, как и у Маринки Шабалтас.

«Видимо, всё-таки прав Сашка-цыган, – глотая слёзы, подумал Эдуард, обдумывая свое незавидное положение. – И Федорук не виноват, я же для него никто – пустое место, – я не существую, в списках не числюсь… На что я надеялся? Надо, видимо, опять прибиваться к своей воровской команде, возвращаться к прежней жизни…»

До станции сто километров, по зимнему насту ему не дойти. Изредка приходят на зерноток грузовые машины – вцепиться бы в

которую и добраться до Бузулука, а потом на Оренбург – там Аркашка и Сашка будут пропадать, его дожидаться…

Воет метель, заносит дороги, ни зги не видать… Укрыться негде – зерноток закрыт на замок, а, когда придёт машина или она совсем не появится, неизвестно. Сел под ивовый куст, голову спрятал между колен. Хорошо, что шапку зимнюю Галка Власевич где-то раздобыла, на голову нахлобучила, с упрёком сказала:

– От себя не убежишь… Возвращайся – ждать буду.

А потом стало как-то тепло, уютно. Мать села рядом, укрыла его кожушком, а Яник подал ему кружку горячего чая. У ног Рыжик мурлыкает, закрыв глаза. Хорошо на душе, приятно…

Есть же в жизни счастливые минуты. Он улыбается, зажмурив глаза, чувствуя, как рука матери дотрагивается до лба…

– Вставай! – не говорит, а приказывает мать, толкая под бок, у неё почему-то грубый мужской голос. – Что с тобой? Вставай, Эдуард!

Кто-то трясёт его за плечи, помогает встать с промёрзлой земли.

– Ты куда это собрался?

Еле узнаёт в незнакомце Федорука, отвечает:

– Вы же не принимаете меня в детский дом, поэтому я решил снова вернуться к своей компании…

Директор довёл его до детдома, попросил, чтобы отогрели, растёрли спиртом тело.

– Завтра зайди ко мне, Юницкий, поговорим…

Утром Эдуард уже сидел в комнатушке директора. Тот молчал, перебирал какие-то бумажки на столе.

– Ну что, блудный сын, вернулся? – на пороге стояла Люба Зарецкая. Голос у неё мягкий, материнский, но Эдик не поднял на неё глаза, так и сидел с опущенной головой – стыдно было встретиться взглядом. – Ты ли это, Эдуард?

Она уже села рядом с ним, дотронулась до плеча. Ещё несколько слезинок выкатилось на щеку…

– Так ты даже и плакать умеешь?

Эдуард думал, что она пожалеет его, войдёт в его положение, а она, как и директор вчера, издевалась над ним.

«Если и она не поддержала меня, – подумал с горечью беглец, – то нет для меня места в детдоме. Мало того, так ещё и в колонию какую сдадут, как когда-то грозился АА. Эх, дурак я, дурак, на уговоры Сашки-цыгана поддался… Так мне и надо, и я сам себя уже не жалею…»

– Дмитрий Петрович, это один из лучших наших воспитанников, но по глупости связался с дурной компанией, – уже перешла на серьёзный тон Люба, – и раз вернулся к нам, то есть надежда, что он исправится. Правда, Эдуард Юницкий?

Он, всё ещё не поднимая головы, кивнул в ответ.

Воцарилось молчание. И длилось оно вечность, так, во всяком случае, показалось Эдику. Стыдно ему было до невозможности, в пору под землю провалиться, на колени упасть и попросить прощения за своё поведение, за то, что таким неблагодарным оказался по отношению к родному коллективу.

– Ну что мне с тобой делать? – вздохнул Федорук, прикуривая очередную сигарету, предыдущая ещё не затухла, лежала в пепельнице. – И принять нельзя, и прогнать не могу.

Эдик уже хотел вскочить и клятвенно заверить и Любу, и директора: «Я больше так не буду поступать! Я исправлюсь и больше никогда в жизни не поскользнусь», но тут Федорук опередил его, задал простой и необходимый в таком случае вопрос:

– Чтобы вернуть тебя в ряды воспитанников, я должен получить от тебя обещание, даже клятву, что ты никогда и ни при каких обстоятельствах не оставишь детский дом. Хочу это услышать из твоих уст.

Только после этого Эдуард Юницкий поднялся со стула, посмотрел виновато и открыто на директора детдома и, волнуясь, но твёрдо, произнёс:

– Дмитрий Петрович, я обещаю, что больше никаких дурных поступков не совершу. Я хочу быть в детдоме, хочу учиться и закончить школу.

Федорук и Зарецкая переглянулись, понимая состояние подростка. Они увидели в нём не того ершистого и настороженного зверька, которым он выглядел перед этим, а совершенно другого человека – почти взрослого, серьёзного и добродушного.

– Похвально! – одобрил его словесную тираду директор. – Будем считать, что блудный сын, возвратясь в родные пенаты, взялся за ум. Любовь Лазаревна, покормите его, переоденьте и приведите в надлежащий вид.

– Спасибо! – поблагодарила вместо Эдуарда директора Зарецкая.

– Но это еще не всё, Юницкий, не всё… Принять тебя в детдом – это ещё полдела. Остальное зависит от тебя. Поэтому ты

должен прямо сейчас сходить в школу к директору, попросить, чтобы тебя приняли в восьмой класс… Если примет тебя Колмыцкая, тогда вопрос мы закроем.

На лице Эдуарда улыбка. Глупая, детская улыбка. Да он на колени станет, умолять будет директора принять его в школу, и учиться будет только на «отлично», и всё сделает для того, чтобы оправдать доверие и Федорука, и Зарецкой.

– Спасибо! – догадался поблагодарить фронтовика и Эдуард.

– Не за что! Скажи Колмыцкой, что я принял тебя в детдом.

«Что я слышу? Неужели Бог смилостивился надо мной? Значит, Ты есть, Господи?!»

Он сразу же побежал в школу. На его счастье директор школы находилась в своём кабинете. Робко постучал, потом и переступил порог.

Бросилось в глаза, что женщина, сидящая за столом у окна, была одноглазая. Она оторвалась от бумаг, посмотрела на вошедшего мальчугана.

– Слушаю тебя. С чем пришёл?

– Евдокия Максимовна, – почти жалобным голосом начал свой монолог «блудный сын», – возьмите меня в школу. Федорук принимает меня в детдом с условием, что вы примете меня… Мне некуда деться, наездился, набродяжничал, не могу больше скитаться по свету…

Колмыцкая взглядом изучала «возвращенца», спросила, как звать. Ответил, не сводя с неё глаз. Понимал, что это у него была последняя надежда, и что он вот-вот готов был упасть на колени и слёзно умолять эту строгую женщину принять его в школу. Надежда его была слабая-слабая, готовая оборваться в любой момент. Если откажет, он бухнется на колени, будет взывать к небесам и к Богу, чтобы вымолить у неё и прощение, и сострадание…

– Да, задал ты мне задачку, Эдуард Юницкий. Беглец Эдуард Юницкий.

Евдокия Максимовна вздохнула, закрыла какую-то книгу, опять пристально посмотрела на него.

– Но я просто так принять тебя не могу…

«Неужели отказ?..»

– Но если ты пообещаешь, слово мне дашь, что будешь хорошо учиться и не отлынивать от учёбы, я зачисляю тебя учеником в восьмой класс. Так как – будешь хорошо учиться?

Она уже улыбалась, глядя на растерянного и обрадованного Юницкого, ожидая ответ.

Набрав в лёгкие воздуха, возбуждённый от радости, промолвил слова, которые шли от самого сердца:

– Буду! Буду хорошо учиться, Евдокия Максимовна! Обещаю!

А утром 24 декабря 1944 года Эдуард Юницкий сел за школьную парту – начал учиться в восьмом классе средней школы…

«Отче наш, иже еси на небесех!..»

Бог послал на жизненном пути Юницкого тётю Нюру.

Тёте Нюре под пятьдесят, никогда не была замужем. Работала в детдоме поваром. Очень жалела детишек – последнее готова была отдать им, последнюю одежду и копейку.

Намается Эдик за день, набегается, сядет уроки готовить – в голову ничего не идёт, голод поджимает. Куда, к кому пойти, к кому в ноги упасть, попросить, чтобы покормили – конечно же, к поварихе.

– Тётя Нюра, а тёть Нюра, – смотрит в её глаза ученик восьмого класса Эдуард Юницкий, а дальше стесняется попросить, – я…

– Затерюхи хочешь?

Он кивает головой, протягивает алюминиевую кружку. Повариха наливает ему доверху серенького супчика – черпак муки, разбавленной ста черпаками воды… Не заметил, как выпил. Больше не просит, но тётя Нюра протягивает к нему руку, взглядом просит дать ей кружку. Снова наливает.

И Эдуард тут же отходит, чтобы не показаться надоедливым и настырным, спасибо и за это, спасибо, что не прогнала, а имела на то полное право…

– Опять накурился? – морщится лицо у поварихи, отворачивается, словно от нечистого духа.

– Ага, – не может солгать Эдуард, потому что этого скрыть нельзя – папиросный дым от него слышен за версту, а от её чуткого нюха это никак не скроешь.

– Эдик, ну разве можно так? Это же сатанинский фимиам, который отравляет и разлагает душу христианина. Давно этим занимаешься?

– Да с первого класса, как только начал пасти коров… Дубовые листья мы курили.

Повариха сокрушённо качает головой:

– Это же большой грех… Признайся, у кого вчера уворовал яйца?

Он молчит, стыдно признаваться, но и утаить не может, кому-кому, а тёте Нюре не соврёшь, насквозь видит…

– У бабушки Евдокии.

– Она мне об этом сказала. Хорошо, что не обманываешь меня… Ох, горе мне с тобой, горе, – вздыхает повариха, словно мать родная сокрушается и горюет над поведением родного сына. – Эдик, ты губишь свою душу… Воровство – большой грех. На страшном суде ты будешь держать ответ перед Господом...

– А курицу последнюю в семье у кого уворовал?

– У деда Максима…

– И что мне только с тобой делать?

Эдуард ей понравился, сама не знала, почему, – в его детско-наивных глазах она увидела столько доброты и теплоты внутреннего духовного мира, что ей захотелось укрепить силы детской души, хоть малую малость поддержать его своим женским вниманием. Знала, что лишний черпак затерюхи – не то, что она хотела дать.

Он был похож на загнанного в клетку зверька – осторожного и недоверчивого. За свой короткий отрезок жизни он, видимо, испытал нечеловеческие муки, боль и обиду, разочарование и несправедливость.

Внутри него всё окаменело, зачерствело, на сердце – сплошные раны и царапины. Для детского организма это слишком. Душу подростка надо отогреть, растопить лёд, размягчить окаменевшее сердце. Не огнём костра, не тёплым одеялом, а духовной благодатью…

Она видела его насквозь. Даже раны его видела. Когда-то мать передала ей умение проникать в людские души, распознавать в них добро и зло, фальшь и искренность. А детские души были раскрыты настежь, как ворота в небесный рай, только умей тронуть или хотя бы дотронуться до той невидимой струны невидимой арфы – и она зазвенит нежно и отзывчиво, откликнувшись на внутренний зов.

Когда он лежал, потеряв сознание от истощения, от внутренних своих болезней, которые прицепились к нему, о которых он не знал и не догадывался даже, и не в силах была помочь ему Зарецкая, Нюра сжала его голову до боли и перекрестила. Он вскрикнул, не приходя в себя. Когда Люба посмотрела недоуменно на неё, прошептала: «Так надо, теперь пусть поспит…»

– Эдик, – попросила она его однажды, – не помог бы ты мне, милок, домой занести мешок с моими трантами? Хочу дома постирать. Я один мешок, а ты – второй…

– Я согласен! – сразу же откликнулся Эдуард.

…Жила она почти в конце села.

Дом стоял за высокими тополями, невдалеке от дороги, и утопал в зарослях сирени и жасмина. Женщина открыла калитку, пропустила его вперёд. Показала, куда бросить тяжёлый мешок. У Эдика на лбу выступил пот, мешочек оказался не из лёгких.

Хотел уже распрощаться с хозяйкой, повернул обратно, да услышал недоуменное:

– А ты куда, Эдуард?

– Домой. Просьбу вашу, тётя Нюра, я выполнил.

– А в дом не желаешь зайти? – остановила его на полпути к калитке.

Он даже и не подумал об этом: попросили принести – принёс, а в дом войти? Пожал плечами, удивившись, что его зовут в гости. Не помнит такого, чтобы кто его приглашал в свой дом. А раз в гости, то, наверное, накормит.

Хозяйка раскрыла перед ним дверь:

– Заходи, не скромничай. Ты же мне как родной – сколько раз затерюхой угощала… Да все вы, горемычные, родные для меня. Все на виду вы у меня, как одна семья…

Двери невысокие, поэтому Эдик пригнулся, чтобы не зацепиться за перекладину. В избе полумрак, не сразу глаза привыкли к горнице. А когда присмотрелся, увидел, что за столом сидели несколько старушек, и на лавах вдоль стены, всех около пятнадцати было, все смотрели с интересом на него.

– Здравствуйте, бабушки! – поклонился, не отрывая от них взгляда.

– Здравствуй, родимый, здравствуй! – хором ответили они, тоже наклонившись.

– Это мой помощничек! – похвасталась хозяйка. – Эдиком зовут. А это мои соседки, – обратилась уже к нему. – Справа – бабушки Лукерья, Авдотья и Анна, а слева – бабушка Анастасия, бабушка Евдокия, Альбина и Тося…

Ему показалось, что он находится дома – среди своих крушничанок. Раньше часто к матери приходили старушки, о жизни говорили, песни пели… Мать их чаем угощала, коржики, посыпанные сахаром, на стол ставила… Запомнил Эдик те коржики – сладкие, черникой приправленные, только мать умела такие печь…

– В ногах правды нет, милок, проходи, смелей только, здесь все свои…

Нюра перед ним табуретку поставила возле стола. А старушки, оказывается, чаёвничали. Книги перед ними на столе лежали,

свеча в центре стояла зажжённая. Потом хозяйка поставила миску борща, приправленного маленькими кусочками сала, положила ложку то ли кислого молока, то ли сметаны…

И блины масленые на столе стояли – из пшена.

Он взялся за ложку, а старушки, чтобы не смущать паренька, между собой заговорили. Вспоминали об урожае прошлой осени, о том, кто получил из женщин похоронку на своего мужа или сына…

– Да, война проклятая никого не обошла, в каждый дом заглянула… И когда только тому супостату голову открутят?..

Вздыхали старушки, сетовали на тяжёлую и голодную жизнь, крестились, когда вспоминали тех, кто не вернулся с фронта…

– А у тебя, Эдик, кто остался из родных? – поинтересовались, увидев, что он справился со своим обедом и киселём запивает.

Поставил стакан на стол, опустил голову.

– Не знаю… По дороге братик заболел и остался в больнице, не знаю, живой ли – когда отъезжали, видели, как станцию бомбили… Остались на родине две сестрёнки, но я ничего не знаю о них…

– А отец или мать?

– Отца сослали и расстреляли… Мать в тридцать седьмом расстреляли…

Завздыхали женщины, головой качали, понимая его сиротское горе. Больше ни о чём не спрашивали, зная, что и так своими расспросами в грусть вогнали – вон и кисель перестал пить…

– Трудное тебе испытание послал Бог, ой трудное… Терпи, милок, ничего не поделаешь…

Молчит Эдик, не знает, что ещё говорить женщинам.

– А учишься-то как, Эдик? – перевели тему разговора на другие рельсы.

– Учусь хорошо.

– И читаешь хорошо? – уточнили, глядя добродушно на него.

Женщины все были в чёрном, и платки были чёрные, только выбивались из-под платков седые пряди. Да в глазах грусть и печаль, которую не спрячешь, никуда не затолкаешь.

– И читать могу. Учитель пятёрки за чтение ставит.

– Это очень хорошо, – заулыбались старушки, переглядываясь, – что ты у нас грамотей… Нам и Нюрка сказывала, что ты в отличниках ходишь. Так, может, ты у нас за учителя будешь?

Не понимал Эдуард, что хотят от него милые старушки, – все как одна одинаково улыбчивые и добродушные, с ласковыми одинаковыми голосами и взглядами. От них исходило какое-то благо-

приятное тепло, умиротворение и спокойствие, словно в их душах не было никакого страха и боязни перед завтрашним днём, потому что им под силу преодолеть всё, что выпадет на их долю…

– Внучек, дорогой, мы – неграмотные старушки, читать не умеем, а слушать будем с удовольствием. Не смог бы ты, голубок, прочитать нам Евангелие?

– Попробую… Но только я никогда не читал таких книг.

– Когда-то мы в церковь ходили, но храм закрыли, отняли его у нас. И нам негде молиться. Так вот мы собираемся у Нюры и говорим о Боге, молимся…

Бабушка Анастасия, что сидела первая слева, подала ему книжку в чёрной обложке, на ней изображён крест. На вкладке прочитал: *«Сказание о земной жизни пресвятой Богородицы съ изложением пророчествъ и преобразований, относящихся къ ней, ученія Церкви о Ней, чудес и чудотворныхъ икон Ея, на основаніи священнаго писания, свидетельствъ св. отцевъ и церковныхъ преданій…»*

Читалось с трудом. Он не знал, что означали буквы, похожие на «ъ», читал, растягивая и произнося с трудом каждое слово. Прочитал ещё:

«Отъ Московского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется, Москва, 20 октября 1903 года. Цензоръ Протоіерей Іоанн Петропавловскій».

– Это, батюшка мой, по церковнославянски написано, – пояснила Анастасия, вытирая губы уголком платка, – а та буква, на твёрдый знак похожая, «ять» называется…

Сначала недоверчиво отнёсся к книге, в школе это не приветствовалось – чтение Библии и других церковных книг, а потом и интересно стало. Прочитал дальше, уже не обращая внимания на «ять»:

– *«Се отныне ублажатъ Мя вси роди: яко сотвори Мне величіе Сильный (Лук. 1, 48. 49), – ответствовала Пресвятая Богородица на приветствие праведной Елисаветы; и длинный рядъ веков, протекшихъ съ того времени, какъ изречены эти слова, служитъ подтвержденіем непреложности ихъ. Имя Божіей Матери чтится и прославляется всеми христіанамі. Предізбраніе Ея для велікой тайны воплощенія Сына Божія, чистота и высокая святость жизни, служеніе домостроительству Божию о спасеніи людей, предстательство предъ престолом Божіимъ о всемъ мире и непрерывный рядъ благодеяній тре-*

бужщимъ помощи Ея: вот лучи несравненной славы, принадлежащей Честнейшей Херувим и Славнейшей Серафимъ…»

Далее читать Эдуард не стал, решил передохнуть, перевести дух. Впервые в жизни он читал такой, вначале непонятный и трудный текст, а потом как-то незаметно и язык, и внутреннее зрение соединились, и он начал читать сносно, уже не спотыкаясь так, как в самом начале…

Даже старушки, одобрительно кивая головой, похвалили его, подбодрили:

– Молодец, как быстро начал осваивать церковнославянский язык! Через урок-два ты уже будешь читать как настоящий священник.

Перехваливали, конечно, они его способности, сам знал, что до «тройки» даже не дотягивает, но у него неожиданно появился интерес к этим загадочным и интересным книгам.

Ох, и хитрая тётя Нюра! Мешок, видите ли, ей надо поднести, будто бы и сама не могла с этим справиться… Да это она просто нашла предлог, чтобы привести его к себе, в общество этих милых религиозных женщин. Он понял, откуда у них была духовная сила – от веры в Бога, от молитвы.

Да и не входило в её задачу обратить его в веру, совсем другое – она, не имея ни сына, ни дочери, видимо, хотела отдать ему свою нерастраченную любовь и нежность.

Может, он и ошибался, может, ему это всё казалось и мечталось, но сердце его отозвалось на доброту и милосердие Нюры… Эх, тётя Нюра, тётя Нюра, о тебе будут жить воспоминания всю жизнь, ибо только ей одной было под силу направить его на ту единственную дорогу, по которой он отправился с благословения и её, и религиозных старух…

– Милок, приходи и завтра к нам читать «Святое писание», – просят они, умилённо глядя на него, – у тебя хорошо получается. Придёшь?

Эдуард смотрит на детдомовскую повариху, будто спрашивает у неё разрешения.

– Придёт, придёт, – ответила она за него, – мне и завтра нужно мешок принести… Сама не донесу.

Нюра на дорогу опять покормила – напекла оладьев, и он, макал их в грушевое варенье, запивая горячим чаем. Робости уже не испытывал, чувствовал себя как в своей семье.

– Мы подготовили для тебя подарок, – протянула ему бабушка Анастасия толстую общую тетрадь в зелёной обложке. Пояснила: – Будешь описывать свою жизнь и заносить её в тетрадь…

Обрадовался неожиданному подарку Эдуард. Взял в руки, полистал – страницы в клеточку, что ему очень нравилось.

– Спасибо, бабушка Анастасия! Хороший подарок!

Полный карман белых семечек насыпали, хороший кусок хлеба в придачу дали.

– Приходи, внучок, будем ждать!..

…Когда окончились занятия в школе, позвала тётя Нюра его снова к себе. Сказала, чтобы и учебники взял с собой – у неё и подготовится к завтрашним занятиям.

Он нёс за спиной мешок, она шла рядом.

Со стороны можно было подумать, что мать идёт со своим сыном, возвращаются домой.

Женщин, заметил Эдуард, стало ещё больше – за столом места не хватило, так они на скамейках около стены сели.

Нюра тут же его за стол усадила, но не за тот, за которым сидели «слушатели духовной академии», как определил, шутя, про себя Юницкий, а за маленький, который стоял у порога около окна.

Но сначала он подошёл к женщинам, поздоровался. Справился о здоровье (знал ещё с раннего детства, что пожилым людям нравится, когда интересуются их здоровьем – значит, добра желают, духовно поддерживают), о том, как день прошёл…

– Всё от Бога зависит, какое у нас будет здоровье, – ответили женщины.

Наскоро перекусив, уселся за стол. Его помощница – бабушка Анастасия – подала ему Евангелие:

– Сегодня, Эдик, будешь Ветхий Завет читать. С самого начала…

Читалось уже легко, уже уверенно скользил взгляд по строчкам:

«Первая книга Моисеева – Бытие. В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безводна и пуста, и тьма над бездной; и Дух Божий носился над водою…»

Книга книг захватила его, словно невидимый тот Дух обволок таинственным и волшебным теплом, погрузив в неизведанные глубины и тут же подняв на невиданные доселе высоты… Он уже парил над землёй, парил не как птица, имеющая крылья, а бестелесное существо – лёгкое, как перышко, невидимое и неосязаемое.

Такого ощущения он никогда не испытывал и поэтому приятно удивился. То он летал во сне и сверху смотрел на свои Крушники, на речку, на свою хату, а тут он и земного шара не видел – умчался в другие миры и созвездия… Удивительное и захватывающее явление!

«И сказал Бог: да соберётся вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так…»

Сидят женщины, внимательно слушают, будто впервые слышат волшебные слова Святого Писания. А их учитель всё увереннее и увереннее складывает слова, читая их внятно, протяжно, с интонациями и ударениями…

«И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так…»

…Так каждый вечер. Со временем почувствовал себя своим среди них. Если вначале согласился читать Евангелие только ради того, чтобы его кормили, так со временем уже начало и тянуть в их круг, не мог дождаться окончания уроков, чтобы окунуться в другой, загадочный и притягательный мир. Постигал истины Божьего учения, научился (вернее, вспомнил, как учила его мать) молиться, обращая свой взор к иконам.

Каждый вечер, возвращаясь в детдом, заваливался на койку, укрывался с головой одеялом и до глубокой ночи читал молитвы. Он заучил их на память, и они постоянно были у него на языке…

«Величай, душе моя, Честнейшую горних воинств Деву Пречистую Богородицу.

Недоумеет всяк язык благохвалити по достоянию, изумевает же ум и премирный пети Тя, Богородице; обаче Благая сущи, веру приими, ибо любовь веси божественную нашу: Ты бо христиан еси Предстательница, Тя величаем…»

Молился и молился, и чувствовал, как в него вливалась, словно в пустой сосуд, Божья благодать. Он бы стоял и на коленях перед образом Христа и Богородицы, кланялся до земли в поклоне, но в детдоме не было икон, а были только образы идолов – Ленина, Сталина, Берии…

Он читал бабушкам Евангелие, а они учили его христианской жизни:

– Никогда не бери чужого, внучек, грех большой перед Богом… Не кради.

– Не обманывай никого, не завидуй, не ленись, стойко переноси те трудности, что послал тебе Бог…

Научился сверять свою жизнь с теми заповедями, которые дал людям Всевышний. Удивительно, но со временем даже почувствовал, что рядом с ним находится Он и следит за его каждым шагом, за поступками и даже мыслями, и потому нельзя было Его подвести, обмануть, кому-нибудь нагрубить, чему-нибудь завидовать...

Менялся Эдуард Юницкий на глазах, не узнавали его в школе, удивлялись его как внешнему, так и внутреннему духовному росту.

Исчезли колючки и грубость, развязность и сквернословие, не узнать его, совсем другой человек. Радовалась за него повариха Нюра, что добилась своего, размягчила зачерствелую душу мальчонки…

Бросил курить.

Директор школы Колмыцкая, вручая аттестат зрелости за восемь классов, похвалила:

– Ты молодец, Юницкий! Слово своё сдержал. Ты закончил учёбу круглым отличником!

Тётя Нюра, стоя позади всех, заплакала. Её радость была самой большой и искренней, и никто из присутствующих этой радости не заметил…

Вот какой след оставила в его жизни повариха вместе со своими верующими старушками! Они все вместе вернули его к жизни, к радости, к уверенности в завтрашнем дне, они сотворили чудо!

Холодное дыхание родины

Эдик у бабушек был то ли регентом, то ли пастором… Не задумывался над тем, как называлось общество старушек – сектой, общиной, школой катехизации по изучению Святых книг или как-то иначе… Это было и не столь важно. Важно то, что он стал, как и они, – верующим христианином.

Пусть и не глубоко и искренне верующим, ибо для этого нужны годы и годы, чтобы вникнуть в глубины и тайны Книги книг, но то, что он вступил в другую жизнь, что перед ним открылись невидимые доселе врата светлости и Божьей благодати – в этом не было никакого сомнения.

Эдуард помнил, что удивило его в первые дни, когда приехал в Ефимовку.

Мужики пили каждый день, матерились благими матами. В Крушниках он никогда не слышал сквернословия, и не пил никто из

мужчин водки, пьяным не валялся под забором… А тут сплошь и рядом. Как будто попал в другой мир, в другую культуру, в другое государство.

И такое противоречие – старушки читают Евангелие, и стараются людей сделать духовно чистыми и светлыми, и его приучают к этому. А в самой Ефимовке мат едет на мате и матом погоняет…

Парадокс. Старушки не хотят допустить, чтобы и Эдик был подобен на таких односельчан, старались вырвать его из того болота, молились за него.

В поведении – прилежный, в учёбе – лучший из учеников, в общественной жизни – не узнать. Нарадоваться не могли учителя… Не знали, что так повлияло на его характер, кто и какую силу употребил, чтобы ершистый и колючий по характеру мальчуган превратился в передового советского ученика-отличника. Стал, как они говорили, шёлковым.

Они не знали только одного – советская педагогика и принципы воспитания подрастающего поколения были здесь ни при чём.

Эдуард читал Святые книги два года – в восьмом классе, и когда начал учиться в девятом.

Но летом 1944 года Ефимовский детский дом перевели в село Костино того же района – за пятнадцать километров, где находился детдом, также эвакуированный из Белоруссии – Костюковичский Могилёвской области. Произошло объединение двух детдомов.

Директором объединённого учреждения стала Оксана Павловна Белоконь, которой не было ещё и тридцати лет. Стройная, красивая, с длинной, до пояса, косой.

– Как же, внучок, наши посиделки? – спросили у него члены общины, когда он объявил им, что их переводят в другое место. – Кто же нам будет читать Святые книги?

– Я буду читать. Но не каждый вечер. Сначала я разведаю, что и как, выясню обстановку, что-нибудь придумаю. Выйдем из этого положения.

Не хотелось расставаться со своими внимательными слушателями, а им не хотелось, чтобы он их оставил.

Как выяснилось, в Костино не было средней школы, а Эдуарду нужно идти в девятый класс. Школа была только в районном центре. До райцентра было десять километров. Выходило так, что из Андреевки было десять километров до Костино, и столько же до Ефимовки – получался треугольник.

Оксана Павловна за месяц до первого сентября позвала Эдуарда Юницкого к себе.

– Ты дальше учиться имеешь желание? – спросила она.

– Имею, и большое желание, Оксана Павловна. Я очень хочу учиться дальше, окончить среднюю школу, получить аттестат зрелости…

– Правильно, другого ответа от отличника я и не ждала. Ты знаешь, что у нас нет средней школы. Можно учиться в райцентре. Я вот о чём подумала. Надо снять для тебя квартиру в Андреевке рядом со школой, чтобы ты учился дальше.

– А это возможно? – затаил дыхание, радуясь и удивляясь, что директор детдома проявляет о нём такую заботу.

«Господи! Спасибо Тебе, что помогаешь мне, заботишься обо мне!»

– Возможно. Тебя будут снабжать пайком, хозяйка будет готовить тебе еду. Ты должен учиться дальше.

– Спасибо, Оксана Павловна!

Белоконь и нашла ему квартиру рядом со школой. Чувашка Марина Николаева с радостью согласилась принять к себе на квартиру белорусского паренька из детского дома.

А в Ефимовку приходил к старушкам и Нюре два раза в неделю – в среду, когда было мало уроков, и в воскресенье. Пробегал легко десять километров до села – что ему это расстояние, когда проходил он и по восемьсот – до Аральского моря.

В своем дневнике (в тетради, которую подарили женщины) Эдуард запишет первое предложение: «*Крёстной матерью для меня стала тётя Нюра. Ангелами-хранителями – милые и добрые старушки. Бог посылает мне добрых людей. Таких, как Белоконь. Как чувашка Марина, которая относится ко мне, как к родному сыну… Молюсь я за них всех. Спаси их, Господи!*»

За зиму 1945 года Эдуард вырос не только духовно, но и физически, в полном смысле этого слова. На хороших харчах, без вечного недоедания, проводя каждый день в молитве радостно и весело, он подрос без малого на двадцать сантиметров. Почти взрослым стал. Не узнавали его Нюра с подружками, чуть ли не на «вы» его называли.

День Победы восприняли с радостью и воодушевлением. Правда, не все, во многих семьях оплакивали погибших мужей и сыновей.

Возвращались фронтовики.

Большинство из них – раненые и искалеченные войной.

…Девять классов окончил с отличными оценками. Радовался Эдуард, радовалась его ангел-хранитель со своими старшими подругами, радовалась успехам своего подопечного и Оксана Павловна.

– Ну, что, Эдуард, остался один годик – и ты получишь аттестат зрелости. Можешь поступать потом в любой вуз, все дороги откроются перед тобой. Ты чего молчишь? Не рад, что такая перспектива открывается перед тобой?

– Рад, но…

– Что «но»? – не понимала она угнетённого состояния своего воспитанника. – Случилось что?

– Да нет, Оксана Павловна… Обстоятельства. Мои друзья уже уехали в освобождённую от фашистов Белоруссию. Один я остался. На родину хочется...

– Так то друзья! – поднялась из-за стола директор. – Они на двойки и тройки учились, и им всё равно – учиться дальше или нет. Но ты же должен десять окончить, и есть возможность стать медалистом. А раз золотая медаль, то примут тебя почти без экзаменов в любое учебное заведение. Нет, я не имею права отпустить тебя. Обижайся на меня, не обижайся, а я не разрешаю тебе ломать собственную жизнь, не возьму на свою душу такой грех. Так что иди и подумай, придёшь ко мне завтра…

И на следующий день он настаивал на своем. Целую неделю сопротивлялась Оксана Павловна, уговаривая Эдуарда остаться и доучиться.

Стоял на своём. Сам знал, что поступает неправильно, что директор ему не желает плохого, а только добра, но дурная старая привычка сыграла свою неблагодарную роль – как все, так и я. Стадный инстинкт.

Упёрся, словно молодой бычок всеми четырьмя ногами упёрся, никакая сила не сдвинет с места.

– Ладно, Юницкий, твоя взяла. Большую ошибку делаешь. Одно меня утешает, что ты, увидев, что творится у тебя на родине, опять назад захочешь. До начала учебного года ещё есть время. Съезди, посмотри и возвращайся. Да вот что ещё, Эдуард. Зарецкая говорила, что у тебя с сердцем не всё в порядке. Лечиться тебе нужно, а не отправляться в такие тяжёлые путешествия.

– Когда-нибудь подлечусь, а теперь недосуг. Спасибо, Оксана Павловна! Спасибо за всё, что вы для меня сделали!

– Да ладно, благодарить меня не нужно, сделала – значит, помнить обо мне будешь. Езжай в свою Белоруссию. Доброй дороги!

Не мог, не попрощавшись, расстаться с Нюрой и старушками, в тот же вечер подался к ним.

Как всегда, все были в сборе. Как всегда, слушали с огромным вниманием.

Когда сказал, что уезжает завтра, сокрушённо завздыхали:

– Так уж тому и быть. Родина всегда тянет к себе. Спасибо, внучок, что коротал с нами вечера. Бог не забудет твоей доброты. И мы не забудем.

Все разошлись, но осталась бабушка Анастасия. Похожа она была на бабушку Настазю, что осталась в Крушниках. Лицо в морщинках, взгляд тёплый и добродушный, голос тихий и мягкий.

– Внучок Эдик, хочу на дорогу тебе несколько слов сказать.

За столом сидела и Нюра. И ей было интересно, что скажет старая пророчица и деревенский народный доктор Анастасия.

– Твои прадеды расчистили на Полесье свои делянки, – продолжала она, глядя на Эдуарда, – каждый себе, и начали жить, детей рожать. Каждый из нас расчищает себе своё поле жизни. От них пошёл ваш род Юницких. Господом назначено так, чтобы ты продолжил свой род. Тобой будет расчищена первая делянка. И на ней вырастут молодой дубок и берёзка. Дубок даст твоё продолжение. Но жизнь распорядится так, что тебе будет не по нраву та делянка. И ты подготовишь себе другую. И на ней вырастут дубок и берёзка. Берёзка завянет, а дубок даст желудок, и пойдёт дальше твой корень и род…

Эдуард слушал, но ничего не понимал из её рассказа. Перебивать и расспрашивать не стал. Анастасия в этот момент была непохожа на себя, она преобразилась, видя будущие года в его жизни, – лик её стал светел и мудр.

– Сейчас ты ничего не поймёшь, и поэтому ни о чём не спрашивай. А когда-нибудь о нас вспомнишь, своё пребывание в этих местах вспомнишь. Пусть хранит тебя Господь.

Анастасия подошла к нему, обхватила руками его голову, поцеловала в лоб.

Вздохнула, взглянув на него последний раз, пошла к порогу.

В ту ночь не пошёл в детдом Эдуард – остался ночевать у своей благодетельницы и ангела-хранителя. И спал он крепко, будто находился в отчем доме.

…Добрался среди лета до Мозыря.

Тем же путём, что когда-то носил чернику в город, подался в родную деревню.

Не узнать селения – сожжено несколько раз фашистами. У людей нет хат, и все живут в куренях и в землянках.

Его не узнали. Он расспросил, где находятся его родственники.

Отыскал тётку Стёпу – родную сестру отца. Как оказалось, она стала тёщей Ивана Агольца, которого Эдик знал.

И мать его отца – баба Настазя – Анастасия – жила вместе с ней.

– А мы тебя уже и не чаяли увидеть! – запричитала она, увидев внука, обняла его, расцеловала. – И где же ты, родной внучек, бродил по свету? Я ничего не знаю о Янике, о твоих сёстрах…



Вдова расстрелянного Ефрема Антоновича Юницкого – Эмилия Петровна с детьми: стоят (слева направо) Янина и Станислава, сидят Бронислава и Валентин

– И я не знаю, бабулечка…

– Покормила бы я тебя, Эдик, да нечем, голодаем все… На всю деревню одна корова, детишкам только достаётся, чтобы не умерли с голоду.

На людях нет одежды, они голые. А что будет с ними зимой?

Эдуард оставил бабушке последний сухарик, который остался от продовольственного детдомовского пайка.

От деревни исходило холодное и голодное дыхание – она не приняла его, не узнала. Он тоже её не узнал, как и не узнал

того места, где стояла их хатина – место заросло бурьяном и чертополохом.

Сел среди своего селища прямо на землю, на бугорок. Положил рядом с собой чемоданчик – подарок ефимовских старушек, раскрыл его, достал подарочную общую тетрадь, которая стала его дневником, и химический карандаш. Задумался.

«Я сижу на пепелище родной хаты. Август, страшная жара, но мне, сидящему на родном пепелище, холодно. И кажется, что ветер знойного дня – холодный, и слепящее глаза солнце тоже холодное… Один только дуб, на ветвях которого мы ночевали с Яником, признал меня. Когда обнял его, почувствовал тепло. И на том спасибо…

Горько сожалею, что не послушался Оксаны Павловны. Зачем приехал? Подышать родиной? Ну, дыши-дыши, сколько влезет, и что от этого изменится? На душе полегчает? Наоборот, в мою душу влилась ещё большая боль, и заноза проникла ещё глубже в душу… Я бессилен что-нибудь изменить, как бы этого не хотел. Надо искать хоть какую-нибудь работу. А какую? И где? Я имею специальность? Ты же не захотел окончить школу и приобрести её…

…Завтра иду в Махновичи. Там находится леспромхоз. Может, возьмут на работу?..»

– Счетоводом пойдёшь? – спросил у него начальник лесоучастка Кульчицкий. – Нам счетоводы нужны.

– Пойду. Какой оклад? – спросил Эдуард о главном.

– Двести семьдесят рублей и паёк муки восемь килограммов.

– Буханка хлеба стоит двести пятьдесят рублей. За буханку хлеба работать?

– Но за паёк испечь можно не одну буханку, – парировал Кульчицкий.

Эдуард носился с утра до вечера по вырубкам и местам погрузки древесины на платформы «кукушки», измерял, умножал, делил… Еле доползал до хаты Марии Коноплич, к которой определился на временное проживание. Два месяца хватило его терпения для работы в этой должности.

Получив вторую получку и мешочек муки, подал заявление об увольнении.

«Кульчицкий не удивился, спокойно подписал заявление. А я обрадовался, что избавился от работы, которая тяготила меня. Куда теперь, неугомонная душа?

Странно, но я почувствовал зов своей «второй родины». Тётя Нюра приснилась, старушки, Оксана Павловна – все в один голос спрашивают, как мне на родине живётся. Да, мне надо туда, надо окончить школу в Андреевке. Без аттестата зрелости я никто. Ну пропустил месяц, ничего страшного, наверстаю… День и ночь сидеть буду над учебниками, но добьюсь своего…

Моя дорога лежала в обратную сторону – в Бузулук.

Хозяйка из моей муки испекла мне две буханки хлеба на дорогу.

«Кукушка» на Ельск из Зелёного Моха должна прибыть вечером. Но я прождал её и час, и два, но она не появилась. Что делать? И решил я отправиться по узкоколейке пешком. До Ельска тридцать километров. Но что мне эти тридцать, когда я сотни не считал за расстояние… Что мне дождь, когда я сроднился с ним за долгие дороги скитаний?

Утром пришёл в Ельск. А оттуда уже легко было добраться до Калинковичей.

Прибыл на станцию эшелон. Спрашиваю у дежурного, куда едет. Оказывается, в Челябинск. Обрадовавшись, подбегаю к открытым платформам. На одной из них сидел, подбоченясь, бравый старшина в папахе, усы подкручивал, курил. Побоялся к нему подходить, к следующей платформе подошёл, на которой солдат сидел.

– Дяденька, возьмите меня с собой!

– Залезай! – разрешил мне служивый.

Но когда я забросил свой чемоданчик на платформу, а потом попробовал подняться следом, ударил меня прямо в лицо подошвой сапога. Я отлетел от платформы и шлёпнулся, словно сноп, на платформу, больно ударившись головой об асфальт…

Уже лёжа на спине, видел, как к нему подскочил старшина, влепил ему такую оплеуху, что мой обидчик слетел со своего сидения и упал на пол. Вынув из кобуры пистолет, наставил на солдата, заорал:

– Ты что над пареньком издеваешься? Застрелю, гад, как паршивого пса!

Он даже пистолет ко лбу приставил. Но не выстрелил, а со всей силы кулаком саданул ему по физиономии, пустив красную юшку. А мне сказал:

– Залезай! А этих подонков только так и надо учить.

Повёл на свою платформу, неся мой чемоданчик в руках.

Когда расположились, усевшись между двумя высокими ящиками, старшина подал мне руку:

– Будем знакомиться – старшина Ткачёв. Иван Сергеевич.

– А я – Эдик Юницкий. В Бузулук еду.

Я рассказал ему о себе, о детдоме, о том, что недоучился и возвращаюсь назад, чтобы завершить дело.

– Слушай, Эдуард Петрович! Я – художник. Живу в Москве. У меня только одна мать. Ты мне приглянулся сразу. Поехали ко мне в Москву. Я усыновлю тебя. Ты окончишь школу, станешь великим человеком, слово даю! Как тебе? Не думай, я человек серьёзный. А если не веришь, что я художник, на, посмотри!

Ткачёв достал из своего чемоданчика твёрдые листы бумаги, обвёрнутые холщовой тканью. Я начал их с интересом рассматривать. Что-то кольнуло в сердце, сдавило дыхание… На одной картине сидел солдат и держал в руках книгу. Книгу я узнал – это была Библия. На второй – тоже солдат, но без руки и ноги, таких я видел там, в Ефимовке, когда возвращались с войны фронтовики… А на следующей мать обнимает своего сына-фронтовика. Наверное, художник нарисовал самого себя и свою мать, мечтал, когда она обнимет его…

А тем временем старшина достал из вещмешка две банки тушёнки, бутыль водки. Водка с нерусской наклейкой.

Он открыл тушёнку, нарезал хлеб. Дал мне ложку и открытую банку.

Не спрашивал, как я отнёсся к рисункам, его это не волновало, и сам, наверное, знал, что он хороший художник…

– Ну что, дёрнем шнапсу, дорогой Эдуард! За наше знакомство, за то, что ты неожиданно стал для меня сыном.

Я воспротивился, покачал головой.

– Давай, ничего страшного не случится! А потом будем спать всю дорогу.

Я категорически отказался.

Тогда он налил себе полную алюминиевую кружку и одним махом осушил её до дна. Положив на хлеб тушёнку, начал закусывать.

Он не пьянел, но больше и не наливал себе.

– Слушай, Эдуард, мне пришла в голову вот какая мысль. Не поедем мы с тобой на платформе, а поедем в настоящем вагоне, где есть полки для того, чтобы поспать и отдохнуть. Я возьму билеты на двоих. Посидим на вокзале, и в три часа ночи отправимся в путь. Я это время посплю, а ты меня в половине третьего разбудишь. Идёт?

– Идёт! – согласился я.

Но когда он уснул, расположившись в углу, подстелив под себя шинель, я сбежал от него.

Сбежал, сам не зная почему.

Побоялся ехать с ним, хотя не видел в нём подозрительного человека, наоборот, через картины его убедился, что он добрый и душевный человек…

Вышел опять на платформу, у которой только что остановился новый эшелон. Спрашиваю, куда идёт состав. Ответили, что на Уфу. Попросился взять с собой.

Через трое суток прибыл в Бузулук.

Ни знакомых, ни жилья, никакого уголка, где бы я мог остановиться. И не знал, как добраться до Костино, где находился мой детдом, которым руководила Оксана Белоконь…

Подремал до утра на вокзале. Потом решил походить по городу, порасспрашивать, как добраться до моих мест…

Идя по улице имени Сталина, увидел на деревянном щите объявления. Одно из них мне бросилось в глаза. Присмотрелся внимательно, начал читать.

«Для тех, кто окончил девять классов. Кто желает стать гидротехником, предлагаем поступить к нам на ускоренные курсы, что будет считаться учёбой в техникуме. Одиноким предоставляется общежитие».

Меня всё устраивало. Когда пришёл в канцелярию гидромелиоративного техникума, меня с удовольствием приняли на учёбу.

Так я и на этот раз не доехал до детдома и средней школы в Андреевке.

Сто пятьдесят рублей стипендия, булка хлеба стоила двести сорок-двести пятьдесят рублей. Как говорится, из огня да в полымя.

Мой невидимый враг, которому я очень не нравился, не позволил мне добраться до Оксаны Павловны и средней школы.

А нужно было всего лишь походить и спросить у сведущих людей, как попасть в мой детдом. Добрые люди нашлись бы, помогли выкрутиться из этой ситуации, – и сразу бы всё разрешилось, пришло в норму.

Так нет, как сам потом признавался, дурная кровь взыграла, как у молодого жеребчика, решил, не послушался голоса собственного сердца…

Те двое суток, что мы когда-то ехали на волах, ничего по сравнению с тем, что я испытывал во время гидротехнической учёбы…

Опять кто-то меня столкнул с основной дороги...»

Доверю мысли и сомнения дневнику

Спасало то, что рядом была железнодорожная станция. На станцию прибывают всевозможные грузы. А грузы всегда надо выгружать. А как? Руками грузчиков…

И Эдуард Юницкий сколачивает бригаду из трёх человек, которые согласны поработать всю ночь на разгрузке угля и получить за свою работу по пятьсот рублей. А это две буханки хлеба.

Теперь Эдуард Юницкий не расстаётся со своим дневником. Когда возьмёт в руки тетрадь, ему кажется, что рядом с ним находятся тётя Нюра и её пожилые подруги…

«Окончил я техникум в 1946 году. На руках специальность – гидротехник.

Это моё призвание или случайность в моей жизни? Не знаю, потому как и не знаю, какое моё в жизни призвание. Может, помогла бы мне выбрать будущую специальность Оксана Павловна, она мудрая и опытная, но я подвёл её, можно сказать, изменил ей, плюнул в лицо…

И Ткачёву плюнул в лицо. Может, сделал бы он из меня прекрасного художника, дал образование. Может, моя жизнь потекла бы в иное русло – счастливое и радостное, но меня опять кто-то толкал под бок и уводил от собственного счастья.

А потом хоть кусай локти, хоть не кусай – ничего изменить нельзя.

Обидно, очень обидно, но такой я, видимо, человек, с такой судьбой и характером – сам себе враг…

Свои мысли, сомнения и вопросы я доверяю только дневнику. Он меня не укоряет, не стыдит, ни о чём не спрашивает… Он мой и собеседник, и советчик, и друг.

Так о чём я? Ах да, о работе…

Отправляют по направлению меня в Сокмару – под Оренбург.

Оказалось, что в райземотделе не было свободной должности гидротехника. Держали меня месяц на разных работах, а потом отправили назад в Оренбургское управление.

Направили в город Орск – мастером в контору «Мелиорбурвод».

Что у меня было в наличии? Старая железнодорожная шинель, мятые штаны, которые я никогда не имел возможности погладить, и гимнастёрка. Все моё имущество и богатство. В шинели я ходил и спал на ней, когда было холодно, укрывался ею в пятидесятиградусный мороз…

Меня заедали вши, мучил постоянный голод…

Исходил пешком весь Южный Урал.

Я в этой конторе мучился с полгода. Спал на столах, питался чем придётся. И вспоминал, какими вкусными маслеными блинами угощали меня тётя Нюра и старушки. Давился слюной от воспоминаний, а вернуть те дни было нельзя…

Впереди – тупик, сзади – трясина, завтрашний день – серый туман…

Диким зверем, загнанным снова в невидимую клетку, почувствовал я себя и ощутил холодное дыхание чужбины, безразличное отношение к себе. Нигде мне нет пристанища, нигде не могу зацепиться, почувствовать твердь под ногами… Кто я в этом мире? Почему чужой?

Неужели и Бог отвернулся от меня, продолжая посылать мне испытания и искушения?

«Терпите для вашего же исправления»?

Сколько можно исправляться, меняться, усовершенствоваться и терпеть… Ради чего терпеть? Это же бесконечный процесс… Прости меня, Господи, если у меня грешные, противные Тебе, мысли и рассуждения!..

В родном доме и углы помогают? Так говорят в народе? И решил снова вернуться к родным углам, к родным пепелищам.

Оставив без сожаления работу, помчался по железной дороге на перекладных, как и раньше, потому что денег не было на билет, – на родную Мозырщину…»

Проходя центральную площадь города – площадь имени Горького, наткнулся на вывеску, висевшую перед входом одного из домов: «Полесская контора «Облмелиорводстрой». Обрадовался, что это связано с моей специальностью.

Показал в отделе кадров свои документы.

– Так ты же наш человек – техник-гидротехник! – обрадовался кадровик. – Берём тебя геодезистом. Согласен?

– Конечно, согласен, – ответил я, радуясь, что так неожиданно нашёл областную мелиоративную организацию и получил работу.

С марта по октябрь я исходил все болота мозырского Полесья. Для проектирования осушительных работ производил съёмки в Хойникском районе, в Брагинском…

Мы делали сетку со всеми отметками, а потом после нас проводили по тем местам каналы.

В один из дней почувствовал, что тянет меня моя малая родина, болит по ней моя исстрадавшаяся душа. Просто невмоготу становилось, вспомная о ней.

Магнитом тянула она к себе, звала в свои лесные чащобы и грибные поляны, но более всего я стремился встретиться с людьми, найти среди них родственников – близких или дальних…

И когда пришла суббота, а это был выходной, бросив всё, знакомой тропой подался в свой родной край. Километр за километром отмеривал я шагами, узнавал и не узнавал окрестности, которыми когда-то проходил с черникой, и чувствовал, как тепло и радостно становится на душе от встречи с родными местами.

Запах лесов и полей пьянил меня, вселял уверенность в завтрашнем дне, и я почувствовал, что без родной земли и деревни я в этом мире никто.

В Крушники пришёл утром, когда начало подниматься из-за леса солнце. К людям пришёл, по которым соскучился, начал выяснять, кто в деревне живёт.

Рассказали, пояснили, кто у меня родственники.

– А Броня приходится тебе двоюродной сестрой, – сказали мне женщины. – Она в другом конце живёт…

В маленькой хатинке жила тётя Амиля со своими детьми – Броней и Валиком.

– Да, Эдик, моего мужа и отца детей – Ефрема – расстреляли энкавэдисты, как и твоего отца Петра, родного брата нашего Ефрема. Так что Броня и Валик доводятся тебе двоюродными братом и сестрой. Ефрем взял меня из рода Кашеедов, выходит, и они твои родственники…

Я подошёл к ним и всех обнял.

Так я нашёл своих родственников, а они меня… И почувствовал, что теперь от моей малой родины не оторвёт меня никакая сила.

Куда бы ни забросила меня судьба, но я всё равно вернусь к этим родным хатам и дубам, к клёкоту аистов и звонкой тишине, к душевному теплу моих родных сельчан…

И мать тогда мне приснилась – радостная, весёлая. Угощала чём-то, говорила:

– Как хорошо, что ты дома, и совсем недалеко от меня и отца.

…А жить-то негде, как всегда. Приеду с работы в Мозырь, высплюсь на диване, а умыться негде, это же не дом, не гостиница. Мучался, одним словом.

Видя такое моё бедственное положение, Иван Михайлович Мелех предложил:

– А давай-ка, дорогой Эдуард Петрович, пошлём тебя в Комарин районным мелиоратором. Будешь представителем мелиорации от райисполкома. Там ты быстрее добьёшься для себя удобств. И главное, ни от кого не будешь зависеть, сам себе хозяин. А к нам будешь приезжать только с отчётами о проделанной работе.

Это была осень 1947 года…

По плану я должен был обследовать и производить съёмку в деревне Крюки – двадцать километров от Комарина. Там и определили мне хату, в которой я обосновался у хозяев. Выделили мне отдельную комнату со столом и шкафом, которую я превратил в свой кабинет мелиоратора.

Там, в Крюках, и приглянулась мне девушка, которую звали Юлия. Днём работаю, а вечерами с ней бродим по лугам и полям, соловьёв слушаем. Так наслушались, что через некоторое время она призналась мне: «Эдик, я, кажется, беременна…»

Когда уже была на восьмом месяце, пошли с нею в ЗАГС. А вскоре родился первенец, которого назвали Толиком – Анатолием.

Переезжаем в Комарин, снимаем квартиру. Умирает неожиданно мать Юлии – Евдокия. Осталось на руках у Юлии шестеро малолетних детей. Евдокия – вдова, муж Степан Яковец погиб на фронте. Что делать? Решаем снова возвращаться в Крюки, жить вместе с детьми в их землянке.

У меня зарплата копеечная, она устроилась почтальоном работать, а на руках грудной ребёнок. На шестерых детей не выделяется никакой помощи. Самим нечего есть, а как прокормить ещё шесть ртов? Остаётся одно – чтобы дети пошли по моему пути, – определить их в детский дом. Для них это было единственным спасением…

Мне подсказали, чтобы я сходил к председателю райисполкома Ивану Михайловичу Пинчуку. Он пошёл мне навстречу – поручил отделу райисполкома определить сирот Яковцов в детское учреждение…

И надо же… Иду по улице Комарина, навстречу девушка, до боли знакомая, узнаю и не узнаю её. Когда поравнялись, глядя ей в глаза, удивлённо спрашиваю:

– Маринка, ты ли это?

– Я, Эдик, я! – обрадовалась и она встрече, бросилась ко мне на шею. – Как ты здесь оказался?

Это была Марина Шабалтас, товарищ по несчастью – воспитанница нашего детского дома. С ней мы были ещё в Дорошевичах.

– Я работаю мелиоратором. А ты?

– Я здесь в детском доме, иду из школы. Оканчиваю десятый класс.

– Ты молодчина, Маринка, а я так и не «добил» десятилетку. И куда думаешь потом поступать?

– В университет – филологом хочу быть.

– Я рад за тебя. Пусть исполнится твоя мечта.

– Ты женат?

– Да, сын у меня, Толик.

– Как здорово! Ты продолжаешь род Юницких.

– Я знаю, где находится детдом, я загляну к тебе, обязательно загляну! А теперь мне нужно успеть в одну контору. До встречи!

– До встречи, Эдик!

Я потом не раз навещал её. Какая-никакая зарплата, но я старался купить для неё сладостей, печенья, конфет. И всегда наши встречи были приятными и дружескими. Было о чём вспомнить, о чём поговорить.

Она не раз доказывала, что на неё можно было положиться, всегда была строгой и молчаливой. Мы вместе разрешали детдомовские проблемы, и она подсказывала не раз, как лучше выкрутиться из создавшейся ситуации, своя была, как говорят, в доску. И не придал значения, когда она тянулась ко мне, помогала выстоять, поддержать в трудную минуту.

– Ты не знаешь, Эдик, что стало со Степаном Куженко и Иваном Курбаном, которых осудил трибунал?

– Они погибли в лагерях, которые находились недалеко от нас – под Уралом…

– Жаль. Глупо всё вышло. И всё из-за завхоза…

Мы долго молчали после этих слов, вспоминая, какой ценой доставалось нам то масло, из-за которого погибли наши друзья…

Нам было о чём вспомнить…

Если можно назвать радостным событием встречу двух обездоленных душ детдомовцев, то и вторая встреча, не менее важная, на следующий день произошла в Мозыре. Но не с детдомовцем, а с медсестрой Любой Зарецкой.

На улице посреди города встретились. Сразу же узнали друг друга. В глазах Любы радость, удивление. Любочка даже расплакалась, увидев меня, обняла.

– Здравствуй, здравствуй, Эдик! Как я рада тебя видеть!

– И я вас, Любовь Лазаревна!

Узнав, что я работаю, и о себе рассказала – работает в больнице медсестрой. Специальность на всю жизнь и менять её не хочет. Хорошая, прекрасная, душевная женщина!

Сколько она для меня сделала хорошего, сколько раз защищала от того же Нодельмана, и там, в Ефимовке, от местных самодуров.

Наговориться не могли, вспоминая то тяжелоё время.

– Здоровье как, Эдик? Помню, с сердцем у тебя были проблемы.

– Да по-разному…

– Приходи ко мне в больницу, положим тебя на лечение.

– Хорошо, приду обязательно…

– Да, вот что ещё, Эдуард. Не держи зла на тех, кто причинял тебе зло в Дорошевичах, избивая и оскорбляя тебя. Я и сама говорила, что грех издеваться над сиротой. Когда завуч хотел опять позвать тебя в канцелярию, я сказала ему, если он это сделает, позвоню в облоно. Испугался…

– Спасибо, Любовь Лазаревна! Я уже и забыл о том времени. Да и богомольные старушки в Ефимовке научили прощать обидчикам и врагам своим…

– Ну и правильно. Спаси, Господи!

Она обняла меня на прощание, расцеловала.

…А вечером, когда стоял в парке на берегу Припяти, на том самом месте, где пристала когда-то наша баржа, произошла и третья встреча – с Иваном Неверовским. Это он тогда, пойдя на хитрость, освободил баржу от непрошенных гостей.

По-мужски обнялись.

Долго не говорили – Иван Иванович спешил на работу. Но я и за это короткое время узнал, что он работает судьёй, приглашал меня в гости.

Он уходил, а я смотрел ему вслед и опять всплыло в памяти то время, когда мы находились на перегруженной барже, и он, молодой, грустно смотрел нам вслед…

Как быстро бежит время!

…Пристрастился к охоте. От удочки перешёл к ружью. Дичи в лесу хватало, поэтому я никогда не возвращался домой с пустыми руками.

Когда Толику исполнилось одиннадцать месяцев, мне прислали в марте 1950 года повестку из райвоенкомата. Пришла пора служить в армии…

Попадаю в Первую штурмовую авиационную дивизию, 74-й штурмовой авиаполк – в Барановичи. Направляют в школу авиаспециалистов. Из полесских болот меня подняли в небеса. Окончил десятимесячные курсы воздушных стрелков. Летал на штурмовике ИЛ-10 в качестве воздушного стрелка.

У меня за плечами среднее образование, даже среднее специальное. Это уже кое-что, на ступеньку, а то и на три выше своих сослуживцев. Поэтому однажды замполит Песемский предложил мне:

– Комсорг Юницкий, ты не против, если мы тебя отправим в Военно-воздушную академию имени Жуковского?

– Так я же не офицер.

– А туда принимают девяносто процентов офицеров, а десять просто военнослужащих…

– Я согласен...

…Послали меня на отборочные экзамены в Минск. Я всё прошёл успешно, и был допущен до сдачи экзаменов в академию. Какой-то полковник, не знаю его фамилию, человек в годах, с седой головой, посмотрев мой диплом мелиоратора, сказал:

– Для поступления такой документ не годится… Нужен аттестат зрелости за десять классов. Надо, Юницкий, поступить так. Ты возвращаешься в свою часть, берёшь отпуск на сорок пять суток для подготовки к экзаменам. Заодно прикрепляешься к средней школе и сдаёшь экзамены для аттестата зрелости. Только после этого у тебя будет всё нормально.

Какими только словами я не обзывал самого себя, добрым словом вспоминая Оксану Павловну. Она же мне добра желала, предвидев заранее, какие трудности встречу на своём пути. Не послушался, на дыбки встал, тоской по родине прикрылся. А чем ты прикроешь своё тугодумие? Это я уже спрашивал у самого себя, издеваясь над собой. Ничем не прикрою. Умных людей не послушал… А зря.

Вернулся в часть, которая стояла в Скиделе – на полевом аэродроме.

Командир эскадрильи подполковник Будаков, выслушав мой рассказ и мою просьбу, сказал:

– Разрешаю, сержант Юницкий, съездить в Гродненское облоно и решить все вопросы. Действуй, добивайся своего! И ещё. Раз ты будущий офицер, разрешаю и к семье заскочить, только долго не задерживайся!

– Есть долго не задерживаться! – бодро ответил командиру.

Он мне крепко пожал на прощанье руку.

…Начальник областного управления образования, поняв моё состояние, тут же при мне дал команду отделу, чтобы написали бумагу для Скидельского районо о моём прикреплении к одной из школ города.

С тем документом я и вернулся в Скидель.

А оттуда направили меня в среднюю школу деревни Лунное, которая находилась на берегу Нёмана.

Пришлось сесть за парту вместе с учениками десятого класса.

Директор школы, глянув на мой аттестат за девять классов, пожал плечами:

– Юницкий, немного огорчу тебя. Этот аттестат для нашей школы не подходит. В нём нет оценок за экзамен по ботанике, астрономии и по многим другим предметам.

А это больше двадцати предметов.

– Что делать будем? Если подготовишься по этим предметам, примем у тебя экзамены.

Ночью готовлюсь к урокам, а днём учусь… Я не из ленивой породы, выдерживал и не такое. Даже не просил никого о помощи – ни учителей, ни десятиклассников. Всё сам, всё сам…

Удалось сдать все экзамены. Директор вручил мне долгожданный аттестат зрелости. Только теперь за спиной у меня была десятилетка.

Когда рассказал своей Юлии Степановне о том, что еду сдавать экзамены в академию, радостно промолвила:

– Я счастлива за тебя. Пусть тебе повезёт. Большим человеком будешь. А потом и я как-нибудь школу закончу, поступлю в училище, где готовят культработников.

Юля очень хорошо пела. Вместе с подругами целый хор организовала. И красавицей слыла на все Крюки. И подруга у неё была – тоже Юлей звали. Когда решали, у какой Юлии будут устраивать танцы, то обычно уточняли: «У какой? Красавицы?» Мне было приятно, что так отзывались о моей жене.

Еду в Москву. Целый месяц надо сдавать экзамены. Сочинение, математика, физика, химия плюс иностранный язык.

Первый экзамен – сочинение. Три темы. Первые что-то о Достоевском, вторая – о Пушкине, третья – «Война и мир» Толстого… А четвёртая – вольная тема, но с конкретным уклоном: «Иосиф Сталин – великий вождь и борец за мир во всём мире».

Как не взяться за Сталина, как не отблагодарить его за счастливое моё детство, за радость, которую он дал мне и моим родителям? Грех не отблагодарить.

И я старался. Я писал с упоением и вдохновением. Подбирал слова и синонимы, приводил по памяти стихи о вожде, потом перешёл к мировому капитализму… Не надо смеяться и издеваться надо мною, когда прочитаете эти строки – просто вы не были в моей шкуре, не испытали на себе тот ад ужаса, который выпал на мою долю. И дай Бог, чтобы никогда никому не достался. Врагу своему не пожелаю такого.

Кажется, первым положил сочинение на стол. Преподаватель даже удивился, как я быстро справился с заданием. Справился-то быстро, а какую оценку получу? Волновался ли я? Не знаю. В жизни было столько волнений, что сочинение для меня было пустой забавой. Я прекрасно знал русский язык, за что меня не раз хвалили в школе, и даже сама Оксана Белоконь.

– Юницкий, танцуй! – прибежал ко мне в комнату спустя некоторое время мой сосед по койке – Егор Поверенков. – У тебя твёрдая «пятёрка»! Поздравляю!

Поступали в академию полковники и подполковники, майоры и капитаны – двух слов правильно написать не могли. В этом я сам убедился, когда они выходили к доске и пробовали писать простые предложения. А я сдал на «отлично».

Как будто Сталин, чувствуя за собой вину за миллионы убиенных и моих родных, решил сделать для меня доброе дело – проложил удачную дорогу и к остальным экзаменам. Правда, на последнем экзамене случился сбой по немецкому языку. Как ни старался вытягивать из себя немецкие слова, как ни изгалялся, и как не хотел преподаватель ставить оценку ниже «пятёрки», не смог я вытянуть на высший бал.

Четыре пятёрки и одна четвёрка! Кто может похвастаться такими оценками? Как оказалось, никто.

– Э, сержант! – восклицали полковники, узнав о моих удачах. – Считай, что ты уже слушатель военной академии. Мы с «трояками» и то мечтаем попасть, а ты… Молодец!

А ночью приснилась мать. Мы с ней собираем грибы. Мать насобирала полный кошель, а я – ни одного грибочка. Расстроился. А мать, улыбаясь, успокаивает меня:

– Не переживай, Эдик, не расстраивайся… А на генералов зла не держи, они же подневольные.

А сестра, увидев у меня пустой кошель, заплакала…

Мандатная комиссия. Сидят два генерала и три полковника.

Вызывают меня. Переступив порог, строго по уставу докладываю о прибытии. Генерал-лейтенант отыскал мою папку среди множества других, начал листать. Потом передал второму генералу, что-то прошептал ему. Тот передал следующему…

Папка опять вернулась назад – к председателю мандатной комиссии.

– Мы рады, что вы сдали успешно экзамены. Но мандатная комиссия вынесла решение отправить вас обратно в свою часть, где вы будете проходить воинскую службу.

У меня в глазах всё потемнело. Почему?! Что случилось?

– Почему? – осмелился задать им вопрос. – Я же…

И осёкся. Больше я не произнёс ни единого слова. Только что-то больно сдавило виски, и генералы начали качаться передо мною, будто сидели на палубе корабля.

Сталин всё-таки догнал меня и здесь, и уже – обухом по голове, словно спрашивал с грузинским акцентом: «Чито, дарагой, в акадэмию захотэл? Враг народа – и в акадэмию?»

Вышел в коридор, а меня обступили офицеры, обнимают, поздравляют, даже не спрашивая, они были уверены, что меня зачислили в академию…

Я вырвался из их объятий, ничего не поясняя, опустив голову, выбежал во двор.

Вернулся в часть. Меня оставили снова комсоргом эскадрильи, вручили списки комсомольцев. И только через два месяца подходит ко мне замполит полка, спрашивает:

– Юницкий, а что у тебя случилось с матерью?

– Умерла.

– Нет, она не умерла. Она считается врагом народа, её расстреляли за связь с поляками. Вот почему тебя не приняли в академию, хотя ты один из всех сдал успешно экзамены…

– Товарищ подполковник, я не знаю, что случилось с матерью. В тридцать седьмом пришёл к нам в дом какой-то военный, сказал

матери собираться и куда-то увёл её… Нам никто не сообщал о её судьбе, и поэтому я не знаю, что с ней стало. Мы все думали, что она умерла. Так и писал во всех анкетах – умерла.

Замполит вздохнул, обнял меня за плечи:

– Жаль, очень жаль, что так случилось…

– И мне жаль…

…Когда я служил в армии, в 1952 году Юля родила второго ребёнка.

Мы назвали нашу дочь Тамарой…

Часть четвёртая

В камеру – добровольно

…Константин Циолковский прищурился, посмотрел на пришедшего гостя, улыбнулся:

– Решил всё-таки навестить старика?

– Обещал, вот и пришёл, Константин Эдуардович.

– Рад, весьма рад, Анатолий. Если бы пришёл завтра, меня бы ты здесь не застал.

– Почему?

Циолковский ответил не сразу. Он сидел за столом, на котором не было ни одной бумажки. И весь его вид был то ли подавленный, то ли безразличный, не понять.

– Меня же вчера отпустили.

– Вчера?

– Да. Случилось невероятное. Я уже прощался с жизнью, зная, что из когтей двуглавого сталинского орла мне не вырваться, слишком глубоко запустил их Ачкасов. Простоял на коленях всю ночь, молился, просил у Господа помощи и прощения грехов моих…

– Вы верите в Бога? – удивился гость, садясь в кресло напротив него.

– Я не верю, я твёрдо знаю, что существует Высший разум и Повелитель – Господь Бог. Без Него ничего не может быть, ничего не может существовать…

Анатолий не удивился – великие учёные планеты всегда были глубоко верующими людьми. Его же учили атеисты, отрицающие существование Всевышнего.

За спиной отворилась дверь, и порог переступил неизвестный человек в военной форме. Подойдя к столу, строго спросил у учёного:

– Как вы могли, Константин Эдуардович?

– Что – смог?

– Вернуться опять в эти казематы. Вы же рискуете своей жизнью, как и я рисковал.

– Да пустяки всё это, дорогой Ефим Георгиевич! Что им стоит прийти ко мне домой и снова предъявить ордер на арест?

– Но всё же, как-никак… Глупо с вашей стороны, очень глупо, извините за замечание. Но чтобы утром я вас здесь не видел!

Циолковский попробовал оправдаться:

– Но поймите и меня. Выхожу на свободу, иду на вокзал, а мой поезд ушёл час назад. Следующий – только завтра. Где ночевать? Замерзать на улице? Ну я и пошёл к вашему ведомству, постучал в железные ворота, попросился снова в камеру.

Ефим Георгиевич еле сдерживает смех, его гнев уже утих, и он переводит взгляд на гостя узника, словно интересуется: «А это кто у вас? По какому делу проходит?»

– Видишь, гость из завтрашнего дня, дорогой Анатолий Юницкий, какие у нас тут дела творятся? – своим обращением он заодно и представил благодетелю и ангелу-хранителю своего продолжателя в области небесной сферы.

– Но здесь же не гостиница, Константин Эдуардович! – взмолился Ефим Георгиевич. – Всё! Чтобы утром вы были на вокзале и никогда сюда не возвращались!

Циолковский, улыбаясь, закивал головой.

Когда за ним закрылась дверь, Юницкий поинтересовался, чем расстроен ушедший человек.

– Да банальная история вышла, мой друг! Хвала Богу, что в ЧК служат не только Ачкасовы! Он хотел меня сгноить в подвалах Лубянки, а Ефим Георгиевич Евдокимов, которого ты имел честь лицезреть сейчас, он же начальник Особого отдела МЧК, взяв моё дело, наложил на постановлении ЧК красными чернилами следующую резолюцию: *«Освободить и дело прекратить. Е. Евдокимов. 1.12.1919 года».*

– Невероятно! – воскликнул Анатолий. – Даже такие люди у них работают?

– Слава Богу, да. Это уникальный человек. Хотя он и атеист, но стал моим ангелом-хранителем, его послал мне Бог. Евдокимов, кстати, кавалер ордена Ленина и пяти орденов Красного Знамени.

Он будет в сороковом году репрессирован, а только через шестнадцать лет его посмертно реабилитируют.

– Для вас был ангелом-хранителем, а ему Бог не дал…

– Да, к сожалению. Так вот, вчера меня освободили. Пришёл на вокзал, а мой поезд ушёл. Вот я и попросился у товарищей чекистов провести ещё одну ночь у них – сверх срока. Удивительно то, что они, нарушив всякие юридические правила и законы, впустили меня обратно.

– Уму непостижимо! И завтра вы едете в Калугу?

– Да, еду. Дел накопилось – не переделать. Начал работу над новыми моделями дирижаблей и аэропланов, набрасываю статьи о полёте в космос, разрабатываю параллельно сюжеты будущих книг на философские темы… А там не за горами и семьдесят с половиной лет стукнет, так что, батенька, нет времени умирать, никто за меня мою работу не сделает…

– Да, никто. Зададите вы не одну загадку учёным, которые будут биться над осуществлением ваших проектов, удивляться, как вы до этого додумались…

Константин Эдуардович ничего не ответил на его слова. Опустил голову, погрузился в свои мысли… Он в это время был далеко не только от серой камеры и своего гостя, своей Калуги, но даже земли, – унесло его в далёкие миры и пространства.

Молчал и гость.

Молчание длилось долго, казалось, вечность. Циолковский, склонившись над столом, наверное, дремал, невзирая на присутствие изобретателя – автора, отрицавшего ракеты как таковые, указывавшего путь в космос без них…

– Так на чём, коллега, мы остановились? – очнувшись от дремоты, выпрямился Константин Эдуардович, глядя на Юницкого. – Ах да, я позвал тебя, чтобы мы обсудили проблемы космоса и его освоение человечеством. Разве не так?

– Да, и поэтому я перед вами.

– Ну что, Анатолий, сын Эдуарда, хочешь спорить со мной, выяснять истину?

Взгляд Циолковского нацелен прямо в Юницкого, взгляд въедливый, насмешливый, даже издевательский, который говорил: «А не слишком ты смелый опровергать мои идеи?»

– Спорить я не люблю, Константин Эдуардович. Спор – это последнее дело, хотя, как утверждают, что в споре рождается истина.

– Ну тогда хорошо, – вздохнул калужанин, откладывая в сторону слуховую трубу, – а то я подумал, что ты ершистый и забияка. Ошибся, значит.

– Да.

– Продолжим, друг мой! У нас очень мало времени.

Анатолий кивнул головой, прислонился к стене:

– Я всегда спокойно отношусь к тем, кто не верит в меня, считает меня, ну как бы это объяснить…

– Не надо объяснять, Анатолий, – замахал руками Константин Эдуардович, – по себе знаю, пальцем у виска крутят, детишки камнями бросают в спину, считая меня сумасшедшим…

Анатолий кивал головой:

– Вот вы писали: «Многие иное думают, что я хлопочу о ракете и забочусь о её судьбе только как ракеты. Это было грубейшей ошибкой. Ракета для меня только способ, только метод проникновения в глубину Космоса, но отнюдь не самоцель. Будет иной способ передвижения в Космосе – приму и его. Вся суть – в переселении с Земли и в заселении Космоса».

– Писал, писал, виноват… Такие мысли рождались в голове.

– И вы всерьёз думаете, что мы дети космоса? Что нам начертано жить там, в космическом пространстве?

Циолковский чувствовал, что эта идея не нравилась его оппоненту, но ответил вполне определённо:

– Да. И не только думал, но и утверждал. Придёт пора, что нам будет тесно на Земле…

Анатолий пожал плечами, чуть заметно покачал головой:

– Я противоположного мнения об этом, и поэтому с вами не соглашусь. Нас создал Господь земными существами, и мы должны жить на Земле, в своей колыбели.

Циолковский не обиделся, услышав слова своего коллеги: спор двух учёных – это не доказывание с пеной у рта своей правоты.

Анатолий знал, что в поисках средств преодоления гравитации, которые он вёл на основе строгих физико-математических расчётов как физик, не пугаясь грандиозных величин, которые неожиданно получались, Константин Эдуардович пришёл к идее сооружений планетарного размаха. Ещё в 1879 году он издал свои знаменитые «Рязанские тетради». В них – рисунки планет с окружающими их кольцами, качелями, пушками и мостами вперемежку с расчётами скоростей, ускорений и даже времени движения тел в условиях притяжения различных небесных тел.

А в 1896 году выходит знаменитая книга «Грёзы о Земле и небе и эффекты всемирного тяготения». Наряду с идеей искусственного спутника Земли впервые публикуется оценка возможностей ТКС – транспортных космических сооружений. Он впервые говорит и об экваториальном помосте, который выходит «за пределы атмосферы до высоты в 300 вёрст, по которому движется поезд со скоростью 8 вёрст в 1 секунду с тем, чтобы в его вагонах тяжесть уничтожалась центробежной силой».

И ещё – о башне, выстроенной на экваторе. При восхождении на неё «тяжесть понемногу уменьшается, не изменяя направления; на расстоянии 34 тысячи вёрст совсем уничтожается, затем выше опять обнаруживается с силой, пропорциональной удалению от критической точки, но направление её обратно, так что человек головой обращается к Земле, которую видит у себя сверху».

Циолковский рассчитывал величину подобных башен и для других планет.

– Ты же знаешь, что я занимался и пушечными снарядами…

– Да, знаю… Изучал, удивлялся. Правильно заметили, что после вылета из ствола наступает невесомость, и отмечаете, что если взять пушку длиной не в несколько вёрст, а в несколько сотен раз больше, «то предприятие будет сравнительно не настолько бездумно…»

– Нелепость?

Юницкий улыбнулся, зная, на что намекал Константин Эдуардович. Хотя в целом учёный оценивал эти сооружения для Земли как «в практическом отношении нелепость», тут же оговаривался, что «тем не менее, даже в планетной системе, этой песчинке в пространстве бесчисленного множества других таких же систем, мы видим нечто подобное, созерцая кольца Сатурна в телескоп!..»

– Гениальная нелепость! – воскликнул Анатолий.

Повернуть бы время вспять...

Оказывается, всё это время Эдуарда Юницкого разыскивала его родная сестра – Стася – Анастасия. Подавала во всесоюзный розыск, писала сотни писем в разные инстанции. Она знала, что брат жив, не могла же она обознаться тогда, встретив его неожиданно на железнодорожной станции Оренбурга…

И в один из дней 1947 года на улицу Артиллерийскую в Ашхабаде пришло письмо с гербовой печатью, в котором сообщалось, что «Ваш брат Эдуард Петрович Юницкий в настоящее время живёт и работает районным мелиоратором в Комаринском районе Гомельской области. Его адрес…»

Боже! Какая для неё это была радость! Стася думала, что Эдуард находился где-то рядом около Оренбурга или даже в самом городе, а он, оказывается, на родине живёт и работает… Слава Богу, что отыскался!

«Дорогой мой братик, любимый и незабываемый Эдик! – писала она ему в первом письме. – После той встречи на станции и твоего неожиданного исчезновения я не знала, что и думать, что с тобой стряслось… Это же надо – за тысячи километров от Полесья, от наших Крушников, Бог послал нам случайную и мимолётную встречу на той станции…

Я же тогда устроилась на работу к Гузману, которому ты продавал чернику и к которому посоветовал обратиться. После того, как вы с Яником пропали куда-то, не предупредив нас, мы с Яниной отправились в Мозырь. Она устроилась работать на хлебозавод, а меня не принимали на работу – малолетка. Вот тогда я и вспомнила о Гузмане. Он взял к себе на работу – я стала домработницей и нянькой его двоих детей. Когда началась война, Давида Тимофеевича призвали в армию, а потом он приехал, чтобы эвакуировать свою семью. Анна Марковна одна не захотела ехать, пожелала, чтобы с нею поехала и нянька. Так я очутилась там, под Оренбургом. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я ушла от Гузманов. Ничего не скажу, люди они хорошие, за всё время от них не слышала ни одного плохого слова.

Потом устроилась на военный завод. И вот в то утро я шла на работу, переходила платформу и услышала твой голос… Не поверила своим глазам и ушам, но это был ты, любимый мой Эдик! Не могу понять и до сегодняшнего дня, почему ты, оттолкнув меня, тогда убежал. На платформе остались сидеть двое твоих друзей, но я ничего не спрашивала о тебе.

Очень хочу тебя увидеть, обнять и расцеловать. Я не знаю ничего о Янике, о Яне, которую угнали в Германию – где она, жива ли?

Я живу в Ашхабаде. Муж мой офицер, ликвидирует последствия землетрясений, занимается строительством. Собираемся переезжать в Казахстан.

Напиши, напиши мне обязательно, не потеряйся снова. Да хранит тебя Бог!

Твоя Стася-Тося-Анастасия. Обнимаю тебя и целую».

Эдуард запишет в своем дневнике:

«Я ответил Анастасии на её письмо, но увиделись мы только через шесть лет – в 1953 году, когда демобилизовался из армии – техником-лейтенантом…

А позже события в моей жизни сложились так, что лучше и не вспоминать. Сам не знаю, как всё произошло. Затмение какое-то снизошло на меня. И оправдываться не хотелось, но и вину с себя не снимешь. Жизнь такая штука, что предсказать свой завтрашний день невозможно. Вроде идёшь по ровному полю, по ровной дороге, а потом – раз! – и поскользнулся. Оказывается, дорога подмёрзшей была, а ты и не знал, что неожиданно зима наступила…

Приехав к сестре, рассказал всё о себе. Рассказал, ничего не скрывая. Никого не обвиняя, никого не упрекая. Анастасия вздыхала, не знала, какие подобрать слова. Только и сказала:

– Это, наверное, не от тебя зависело. Что-то есть над нами, что сильнее нас.

И рассказал я сестре о судьбе нашей Яни…

Стася работала у Гузмана, а Яня на хлебозаводе. В 1943 году её с подругой – дочкой моей крёстной Сабины Марией – угнали фашисты в Германию. Сначала они работали на военном заводе, а потом у бауэра. Селение бомбили советские самолёты. На глазах у Марии от взрыва бомбы Янине оторвало голову от туловища, и она подкатилась к самым её ногам. Это было ужасное зрелище, рассказывала Мария, когда встретил её в 1947 году, оно снилось ей каждую ночь…

В январе 1954 года поступил на вечернее отделение Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства – на гидромелиоративный факультет.

Работал участковым гидротехником и вечерами учился в институте.

Чтобы пополнить свой бюджет и чем-то помочь сестре (у неё двое детей), ночами сидел над курсовыми проектами для студентов, этим и зарабатывал на жизнь. А днями работал на сорокоградусной жаре на возведении плотин, еле выдерживал. Домой приходил чуть живой.

На работе – ад. В прямом и переносном смысле. В Белоруссии жара не поднималась выше тридцати, а тут воздух прогревался до пятидесяти градусов. Постоянно мучила жажда. Я никак не мог напиться. И через каждые пять-десять минут бегал к арыку, зачерпывал кружкой ледяную воду, жадно пил и пил, не опасаясь, что могу заболеть ангиной, простудить лёгкие…

Видя моё состояние, понимая, что со мной творится, сжалился надо мной узбек Надыр, сочувственно зацокал языком:

– Вах-вах, дорогой Эд, неправильно делаешь, себе смерть готовишь… Нельзя так часто пить холодную воду, добрых духов убиваешь в себе. Хочешь, научу тебя выжить, здоровым будешь, меня благодарить будешь… Аллаха благодарить будешь.

– Хочу, Надыр, научи.

– Приходи ко мне завтра домой. Учить тебя буду.

Надыр Уразматов работает вместе со мной на возведении плотины на арыке. Он бригадир. У него в подчинении пятнадцать человек. Все слушаются его беспрекословно, не ленятся, не пьют, как у нас, работают спокойно и без понуканий. Был сильный разлив перед этим – река взбунтовалась, вышла из берегов. Плотину вода снесла, будто её и не было совсем. Пришлось строить новую.

У Надыра несколько юрт. В одной жила старшая жена, во второй – главная. В следующих – остальные. Сколько всего было жён у него, я не знал. Познакомился с главной, которая готовила нам еду, – во рту у неё не было ни единого зуба – курила и что-то постоянно держала под языком…

И повёл меня Надыр на «свой» арык. Свой – потому что у каждого была своя территория. Над арыком – мостик. На мостике – огромный самовар, много пиал. За ним, ниже по течению, тоже мостик. Дальше – ещё мостик. И всюду на них самовары. И дым из каждого, словно у нас в Крушниках утром из каждого дымохода – идиллия местной жизни.

Когда закипел самовар, хозяин налил чуть больше половины кипятка в фарфоровый чайник. А перед этим он высыпал три огромные горсти зелёного чая. Весело глядя на меня, поясняет:

– Пить холодную воду из арыка – смерть. Пить надо горячий зелёный чай. И ты никогда – в любую жару – не будешь хотеть пить. Бери на работу большой термос, заливай в него подготовленный чай. Жить долго будешь. Это тебе Надыр Уразматов говорит…

Он разливает в пиалы ароматный напиток, предлагает попробовать. Сам отпивает из своей пиалы, зажмуривается от удоволь-

ствия. На меня смотрит, ожидает моей реакции… Я ещё не могу определить вкус, как и не могу ему дать ответ. Но когда я выпил вторую пиалу, почувствовал, что нас окружает не жара, а прохлада. Удивился я своему ощущению и открытию.

Улыбаюсь, нахваливаю напиток, и в моих словах нет фальши, нет натянутости:

– Божественный напиток, Надыр!

– Так и Надыр тебе говорит…

Он рад, что мне его чай пришёлся по душе. И он наливает мне третью пиалу, затем четвёртую. Я не отказываюсь и от пятой. И чувствую, как в меня вливаются бодрость и сила, как меня обволакивает хорошее настроение. Мне хочется обнять хозяина арыка, поблагодарить его за моё спасение и отношение ко мне.

– Моя спросить хочет, Эд…

– Спрашивай, Надыр.

– До тебя был начальник, деньги требовал за арык. Когда не давали, строго наказывал, шайтаном мы прозвали его. А ты не только не требуешь, а даже отказываешься, когда мы тебе предлагаем… Нехорошо поступаешь с нами, ой как нехорошо! Обиду держат на тебя мои друзья, не уважаешь ты их. Почему обижаешь, дорогой, мы же от чистого сердца. Нам хорошо, и ты живи хорошо, мы же тебе хорошо делаем… Аллах видит, и мы видим, что ты хороший человек…

Я не знал, как ответить на его вопрос. Да, подсовывали мне незаметно в карман десятки и четвертаки, когда я напрямую отказывался брать у них прижившуюся до меня «мзду», домой приходили под разными предлогами и оставляли под скатертью деньги… Не мог я брать, не понимал, как за государственную воду можно брать взятку.

– Надыр, твой Аллах и мой Иисус Христос не разрешают нам брать чужого. Грех большой. Одна из заповедей так и гласит: «Не укради!»

– Кто крадёт? У кого крадёт? Но твой Бог ещё говорит: «Да не оскудеет рука дающего». Ты неправду говоришь, Эд, большую неправду…

Сколько мы с ним не спорили, переубедить его я не смог.

Я выбросил свой главный контраргумент:

– Надыр, я не буду ни от кого брать деньги. Если кто-то осмелится мне дать их, я переведусь на работу в другое место. Вместо меня придёт другой начальник – ему и давайте. И на этом давай поставим точку. А за чай огромное спасибо!

После этого на строительстве я больше никогда не бегал к арыку, чтобы утолить жажду. По той простой причине, что у меня её, жажды, не было. Достаточно было выпить полпиалы чая, чтобы два-три часа мне не хотелось пить. Удивительно! Вот что значит совет мудрого человека.

Кстати, когда я переходил на новое место работы, «арыкчане» всё же преподнесли мне подарок не из дешёвых. Резная работа мастера XVI века – правителя Улугбека. Работа не имеет цены – редчайшая работа.

Но то уже была не взятка, потому как я уже не был у них начальником. То была простая человеческая благодарность. И я оценил их поступок.

…Полюбил я Ташкент, полюбил интересных и работящих людей.

Когда ещё учился, с интересом слушал рассказы преподавателей об этом сказочном городе, городе поэтов и мастеровых, городе творцов и зодчих…

Расположен он в предгорьях Тянь-Шаня, в долине реки Чирчик – притока Сырдарьи. Первое упоминание о Ташкенте – II – начало I столетия до нашей эры под названием Юни. С начала первого тысячелетия новой эры до конца XV столетия – под названием Чечкент, Бинкент, Ташкент.

А с XI столетия входил в древнюю область Чач, Тюркский каганат, арабский халифат, государства караханидов, каракитаев, восточно-туркестанского ханства и государства Тимуридов.

В XVI–XVIII столетиях попеременно под властью узбекских, бухарских, канадских и казахских ханов. В конце XVIII столетия является центром самостоятельного феодального владения. В 1865 году подпадает под зависимость от России. С 1867 года – центр Туркестанского генерал-губернаторства.

В 1899 году к Ташкенту проложена Среднеазиатская железная дорога, а через два года соединена железной дорогой с Оренбургом.

С большим интересом я бродил по окрестностям. В десятом столетии Ташкент разделялся на четыре части, был окружён стенами. В центре находились цитадель и внутренний город, а за ними – внутренний и окружной пригород. От центра к городским воротам вели узенькие кривые радиальные улицы.

Я посетил все восемь театров – оперы и балета имени Навои, музыкальной драмы имени М. Горького, музыкальный имени Мукими, драмы имени Хамзы, «Еш Гвардия», узбекский театр юно-

го зрителя имени Ахунбабаева, русский театр юного зрителя, театр кукол…

Всё мне было интересно, и я с каждым днём открывал для себя неизвестные страницы этого древнего города. Если что не понимал на узбекском языке, мне с удовольствием помогали друзья-узбеки, тот же Надыр Уразматов, который стал моим лучшим другом и советчиком.

По долгу своей работы знакомился и исследовал природу края. Исходил две части Узбекистана – северо-западную равнинную часть (плато Устюрт, Туранскую низину с дельтой Амударьи и пустыню Кызылкум). Плато Устюрт, которое представляет из себя волнистую равнину с плоскими откосами и бессточными впадинами.

А как богат узбекский фольклор – достаны, сказки, песни, народные драмы. Записано и обработано более трёхсот текстов от разных сказочников. Я зачитывался книгами – героическим эпосом «Алпамыш», «Айслу», героико-романическими достанами «Гор оглы», «Рустамхан»… А так хотелось прочитать Саяди (дастан «Тахир и Зухра»), Маджлиси (дастан «Сайфульмулк»), Надира и Шатии… Поразил меня поэт и мыслитель Алишер Навои. Каждая строчка – как стрела, выпущенная из лука, каждая мысль – золотой источник и кладезь мудрости.

Любовался минаретом Калян в Бухаре, который был возведён в XII столетии. Узбеки ежедневно посещают мавзолей Гур-Эмир в Самарканде.

Я открывал для себя другой мир – богатый и неповторимый, сказочный и красочный.

Познакомился с местными поэтами и художниками, самодеятельными артистами. Любил слушать их песни, кое-что записывал в свою тетрадь, которую постоянно носил с собой.

– А мы бы хотели послушать песню твоего народа, Эдуард, – просила меня Зухра, исполнительница народных песен, – я ничего не знаю о песнях Белоруссии…

И я им пел песню, которую пела мать:

Пасею гурочкі нізка над вадою,
сама буду палівацi горкаю слязою…

Для Зухры я написал и белорусский вариант, и на русском языке.

А как мне было приятно слушать, когда на одном из концертов она исполнила песню матери. Мне показалось даже, что и Серафима, моя мама, сидела рядом со мной и аплодировала… Образ матери

всегда у меня ассоциировался с преподобной Ефросиньей Полоцкой – защитницей народа Белоруссии…

Как рассказать о неожиданной странице моей жизни, не знаю.

Свела меня судьба с Зоей Шершовой и её матерью. У Зои дочь была – Танюша. Муж пил – развелась. Не забывал, что в Крюках у меня жена, двое детей. Поддался искушению, не устоял. То ли отвык от Юлии, то ли что другое, но я не проявил твёрдости в своём поведении. Вспоминал, что говорил Юлии, когда она однажды спросила: «Ты хочешь бросить нас?» Я ответил, что знаю, что такое безотцовщина и как детдомовец никогда не смогу оставить семью… Получалось, что я был не хозяин своим словам… А это было не похоже на меня…

Надо было учиться шесть лет, но я окончил институт за три с половиной года. Пришлось, правда, поднатужиться. Ну и помогла мне здорово, конечно, Зоя.

С благодарностью я всегда вспоминаю Ташкент, преподавателей института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, своих друзей-студентов. Хорошее было время! Хорошая была студенческая семья! Все мы были уже взрослые люди, имели за плечами не один год работы, и поэтому заочная учёба заложила в наших сердцах азы дружбы и взаимовыручки.

Получил диплом инженера-гидротехника. Казалось, и работа по душе, хотя и нелегко было работать, сложно и напряжённо, и с коллективом сдружился, но всё чаще и чаще вспоминал Мозырь, Полесье, Крушники, Броню… Когда невмоготу стало, когда в мои сны начали стучаться возгласы родных мест, принял решение – ехать поближе к родным местам.

В Чернигов пригласили друзья – там была работа по моей специальности. Взяли с охотой, даже уголок отдельный выделили, потому что заранее сказал, что ко мне приедет жена с двумя детьми…

В июле того же года переехал на Гомельщину – ещё ближе к родным просторам.

Начал работать начальником участка в Калинковичской машинно-мелиоративной станции.

С первых дней понравилась руководству моя работа. Впору на Доску почёта портрет мой помещать. Это не мои слова, а моего начальника. И директор станции прочил меня в свои заместители.

– Так ты же прирождённый мелиоратор, – хвалил меня Пирогов, – с тобой можно горы свернуть, а не только болота осушать…

В это время приехала в Чернигов Зоя. Не найдя меня там, разыскала в Калинковичах.

И в это же самое время, отчаявшись, не имея от меня поддержки, приехала ко мне с детьми Юлия, чтобы разобраться в ситуации…

Я не ожидал такого стечения обстоятельств. Кем я тогда выглядел перед рабочим коллективом, можно только догадываться.

Ну и… случилось то, что и должно было случиться.

…Бюро райкома партии.

Строгие лица коммунистов, которым дано право вершить судьбы людей. Это в их власти было – кого казнить, кого миловать. Так сказать, прокуратура в прокуратуре.

Поставили передо мной условие – или возвращайся к жене, или исключим из партии.

– Можно я изложу причины, почему так произошло?

– Мы ничего не хотим слушать, налицо – морально-бытовое разложение, – твердили одно и то же члены бюро, – а это противоречит моральному кодексу и принципам партии, что влечёт за собой…

– Я хочу…

– То, что вы хотите, нас не интересует, – стояли на своём неумолимые члены бюро, настроенные уже до этого наказать меня по всей строгости, – есть, товарищи, мнение, за политическую близорукость, за морально-бытовое разложение…

Потрясение было огромное. Нигде на работу не брали, потому что характеристику выдали такую, что не доверили бы мне и улицы подметать…

И в самом деле, в какие двери не стучался, спрашивали главное – состою ли я в партии. Когда отвечал честно, что исключён, на этом разговор и прекращался.

Думал устроиться чернорабочим в какую-нибудь строительную организацию, но сразу же мне слышался язвительный вопрос: «А вы член партии?..»

Уже всерьёз начал задумываться, чтобы вернуться в тёплые края, где меня принимали куда более радушно и тепло, чем на родной земле. Там я получил образование, там, наверное, и должен его применить. Диалектика, закон сохранения веществ – где взял, там и положи.

Но всё откладывал, откладывал свой переезд. Разрывался на две половины. Сражались между собой уверенность и сомнения.

Не хотели отпускать родные места, но ещё больше манила к себе «вторая родина»…

Случайно познакомился с директором Мозырской машинно-тракторной станции Иваном Петровичем Котовым. МТС находилась под Мозырем – в Бобрах. Захотелось нам пива, стояли в очереди, дожидаясь, когда полногрудая женщина нальёт в бокал холодного пенистого напитка.

Жара на улице стояла, словно в Ташкенте.

Когда уселись на скамью, разговорились. Слово за слово, и на его вопрос, где работаю, ответил, что «лынды бью», что означало – лодырничаю.

– А образование какое у тебя? – задал он мне вопрос.

– Мелиоратор я, арыки под Ташкентом прокладывал – плотины строил.

– Так ты же наш человек! – обрадовался Иван Петрович.

– Ваш, да не ваш, – охладил я его восторг, – с пляминкой я, меченый…

Рассказал ему всё, ничего не утаивая. Нахмурился он, задумался.

А потом промолвил:

– Приходи ко мне послезавтра. Я посоветуюсь с кем надо. Хочу помочь тебе. Если я тебе предложу должность инженера-гидротехника – пойдёшь?

Потом он мне сказал прийти через день, потом через два дня. Я подумал, что если он снова скажет прийти через день, пошлю его подальше…

Но когда переступил порог в указанный день, он с порога объявил:

– Пиши заявление. Ничего я толком так и не добился. На свой страх и риск принимаю тебя на работу. Умный не выдаст, свинья не съест…

И по сегодняшний день я благодарен ему за смелость, за то, что поверил мне.

Благодаря ему я ступил на первую ступеньку своего возвращения и восхождения к вершинам своего рабочего роста, ко мне снова вернулось уважение и звание рабочего человека. А что может быть важнее в нашей жизни? Нам орденов не надо, нам уважение и благодарность подавай!

И богатства нам не надо! Как-нибудь без него обойдёмся. Это я к тому, что у меня на то время в наличии была одна фуфайка, старая шинель, прохудившиеся кирзовые сапоги да пара брюк – даже не праздничных. Вот и всё, что я сумел нажить, накопить.

Работали мы с ним, как говорят, душа в душу. Я придумывал новые прогрессивные формы работы, чтобы заинтересовать рабочих, дать им возможность заработать чуть больше, чем зарплата. Рабочие потянулись ко мне, поверили мне. Когда нужно было поработать в выходные, с радостью соглашались…

Начался новый год. Не люблю прикипать к одному месту работы, пропадает новизна ощущений, мне всегда хотелось испробовать себя на новом месте.

И неожиданно мне предложили новую работу…

Когда однажды объявил Ивану Петровичу, что предложили мне испробовать себя на новом поприще, недоуменно промолвил:

– Так у тебя же здесь прекрасные перспективы! Иди ко мне в заместители. А через год-другой меня заменишь – друзья в Минск переманивают меня. Ты же столько сделал для машинно-тракторной станции, что до тебя и за пять лет не смогли… Зарплата малая? Назначим больше.

– Да нет, Иван Петрович, не в зарплате дело. Я уже пообещал…

– Что ж, очень жаль. Но спасибо огромное тебе за работу.

Мы, расставаясь, обнялись. Я высказал ему свою благодарность за то, что взял меня в трудное время в свой коллектив…

А дальше как в калейдоскопе дней – январь 1958 года…

Получил предложение от гомельских руководителей перейти работать прорабом-сантехником управления начальника работ № 86 в Мозырь, которое возглавлял Шаповалов.

В мою задачу входило обслуживание Полесской зоны от Турова до Комарина. Это огромная территория. А какая природа, какие пейзажи!

В лесах водятся чёрные аисты, в болотах много уток и цаплей, и каждое утро слышится птичье многоголосие, в ушах стоит мажорная музыка любимого Полесья.

Дышу и надышаться не могу родным целительным воздухом, такого голубого и прозрачного неба, кажется мне, нигде нет на всём земном шаре. А сколько в лесу грибов и ягод – радостного занятия ещё с детства! И Припять притягивает меня постоянно – лучшего отдыха, чем рыбная ловля, не могу и придумать…

Начали жить с Зоей Дмитриевной. А со временем и Екатерину Николаевну к себе забрали, и Танечку – дочь Зои…

1959 год…

…Родилась дочь Людмила, в 1962 году – сын Эдуард.

Однажды мне приснились баба Нюра и прорицательница Анастасия… Анастасия спросила у меня: «Ну как твои делянки?»

Проснувшись, я не мог взять в толк – о каких делянках она меня спрашивала. А потом дошло – о дубке и берёзах спрашивала. Жизнь с Юлией, а потом с Зоей. И у Юлии родился сын (дубок) и дочь (берёзка), и у Зои – Эдик и Людмила… Как она могла знать, что из одной семьи (делянки) я войду в другую? И о чём это она ещё говорила? Что не буду счастлив от того перехода? Не знаю, не знаю…

Трудно что-то сказать однозначно.

Там же, в Светлогорске, меня, как блудного сына, возвращают в свою стаю вершители судеб – принимают снова в ряды КПСС. Как будто я стал другим, идейным и стойким борцом за идеалы коммунизма, и что сердце в моей груди стало биться так, как того и требовал Устав КПСС. Как будто красная книжечка с силуэтом вождя будет мне верной помощницей в семейной жизни и работе…

Наградили заодно Почётной Грамотой Верховного Совета БССР, словно извинились за то исключение из рядов КПСС…

С той поры (да и значительно раньше) я и к партии относился с недоверием, и даже больше… На кой бы она мне сдалась, если бы не служила пропуском-допуском к работе. Словно в концлагере нашивка на бушлате, которую носил отец, с номером на сером материале. Есть та нашивка – получай должность и работу, нет – ты человек второго, а то и третьего сорта.

О времена, о нравы!

И никогда та партия Ленина-Сталина не попросила у меня прощения, что отправила на тот свет отца и мать, а нас выбросила на свалку, как отбросы «детей врагов народа»…

Я всё жду того покаяния и извинения, но что-то долго приходит к этой страшной и кровавой организации осознание своей вины, слишком долго… И дождусь ли я когда их прозрения, или их всю жизнь будет сопровождать презрение?

А если и дождусь покаяния, то пусть оно произойдёт там, у братской могилы моих родичей – Юницких, которую я сам, на свои средства, поставил на кладбище в деревне Крушники, и пусть они, виновные и палачи, встанут на колени и попросят у Бога прощения за свои злодеяния! Жутко! Бесчеловечно!..



Бронислава (Юницкая) и Алентий Крупа
с дочерью Анечкой, 1964 г.



Участники районной партконференции, 1983 г.
В центре – Э. Юницкий

Январь 1961 года…

Меня назначают начальником Мозырского хозрасчётного участка треста «Белсантехмонтаж» – на правах начальника управления.

Прошёл ровно год…

Январь выдался холодный, морозно-колючий, с метелями и буранами. Земля стала каменной, как скала, ни вгрызться в неё, ни продолбить…

Вызвали в Гомель, в обком партии. Секретарь Леточевский, который ведёт строительство, без всяких предисловий ставит меня перед фактом:

– Мы тут посовещались и решили, что ты засиделся на Мозырском хозрасчётном участке.

Я молчу, не зная, к чему клонит Евгений Данилович. Голос у него спокойный, деловой, заранее знает, что я могу ответить.

– Посылаем тебя в деревню, которая называется Шатилки. Там создаётся новое строительное управление № 130 треста «Белсантехмонтаж». Ты его должен возглавить. Как смотришь на предложение обкома партии?

Мне хотелось пожать плечами, тем самым сказать, что привык к тому, что перехожу с места на место, но отвечаю так, как и должен отвечать:

– Я согласен.

Можно было бы добавить традиционное «постараюсь оправдать доверие родной коммунистической партии», но обошёлся только кивком головы.

Это потом, когда мы возведём кварталы жилых домов, когда вступит в строй объединение «Химволокно», Шатилки утратят своё древнее и хорошее, на мой взгляд, название и станут городом Светлогорском.

Сколько таких «светлогорсков» по Союзу – не счесть, много ума не надо, чтобы придумать такое «оригинальное» название…

Но это я так, к слову.

И приехал сын к отцу…

И приехал сын к отцу,
и спросила кроха –
что такое хорошо,
и что такое плохо…

Так перефразировал Эдуард Юницкий поэта Маяковского, удивившись, как точно сказал поэт о его сыне. Будто об Анатолии и писал…

Но обо всём по порядку.

Поздно в тот вечер пришёл домой начальник строительного управления Юницкий. Перед тем, как зайти в подъезд, постоял на улице, подышал воздухом. Уже стемнело. В сером небе перемаргивались звёзды, вот-вот должна родиться молодая луна.

«Завтра будет хороший день, – подумалось, глядя на небо, – должно получиться с окончанием работы на строительстве котельной… Затягиваем с вводом…»

Упала куда-то в Березину горящая звезда, казалось, было слышно, как закипела вода в реке. Всегда, глядя в небо, ему вспоминается, как он, лёжа с ребятами на крыше товарного вагона, смотрел неотрывно в небо… Загадывали желания. Каждый – своё.

Сейчас он не загадал желание, но почему-то вспомнил о сыне. Ночью Толик пришёл ему во сне. Он держал в руках какую-то книгу, но ничего не говорил. Смотрел прямо в глаза и молчал. Сжалось сердце, когда они молча смотрели друг на друга…

Посмотрел на окна квартиры. Зоя и дети уже спали.

Войдя в подъезд, по привычке достал из кармана ключи, чтобы открыть почтовый ящик. Достал газеты, а их было несколько, и хотел взять их под мышку… Из кипы выпало письмо и упало на пол. Он поднял его, но не стал читать – в подъезде был тусклый свет.

Уже когда разделся, когда пошёл на кухню, чтобы разогреть ужин, положил на стол газеты и письмо. Не удержался, посмотрел, от кого. Что-то кольнуло в висок, тепло пробежало по телу, задрожала рука.

«Неужели? Неужели ты не только сном напомнил о себе, а и весточкой?»

«Дорогой и любимый отец!»

Эдуард вздрогнул, прочитав первое предложение. Так ещё Толик ни разу не обращался к нему. «Дорогой и любимый….» Будто кто разрезал луковицу и положил перед самым лицом. Строчки раздвоились, запрыгали. Чтобы унять волнение, он достал из шкафчика бутылку коньяка, налил половину фужера и выпил одним залпом.

Только потом продолжил чтение, чувствуя, как улеглось первое волнение.

«Дорогой и любимый отец!

Пишет тебе твой сын – Анатолий.

Прошло много лет, как мы последний раз виделись с тобой. Но я каждый день думал о тебе, потому что ты родной и близкий мне человек, ты дал мне жизнь…»

Эдуард снова отложил в сторону письмо, кто-то опять поднёс разрезанную луковицу к глазам, и снова рука потянулась к «Белому аисту»…

«Всё время я задавал себе вопрос: «Почему так случилось?» – и не находил ответа. Однажды я подумал, что ответа на свой вопрос я никогда не получу. А пойму всё, когда сам стану взрослым. Я не осуждаю ни тебя, ни мать, на это я не имею никакого права.

Я знаю главное – у меня есть отец, а у тебя есть сын.

И прости меня, что я с большим опозданием (а может, и не опозданием) осознал всё, разобрался в себе. Я никогда не задавал таких вопросов матери, потому что знаю, она не в силах ответить и сказать так, чтобы я понял всё в этой жизни. Никто не в силах мне сказать.

Не советовался с ней и по поводу написания письма. Я скажу ей тогда, когда отправлю. Я уже почти взрослый человек и могу самостоятельно принимать какие-то решения, особенно когда это касается взаимоотношений отца и сына.

Нам нужно о многом поговорить с тобой, многое обсудить.

Поэтому я, дорогой папа, обращаюсь к тебе с просьбой – можно ли мне приехать к тебе в гости, когда закончу учёбу и начнутся в школе каникулы? Очень хочу приехать к тебе.

Обнимаю тебя. Твой сын Толик Юницкий.

Напиши мне, буду ждать от тебя ответа».

Кто-то убрал со стола жгучую луковицу, но вместо этого защемило в левом боку. Слабо так защемило, даже сладостно. Сердце вздрогнуло не от боли, а от радости. Сын! К нему приедет сын! Какое это будет радостное событие!

Рука уже не тянулась к бутылке, на душе стало спокойно и светло.

Эдуард раскрыл настежь окно, выключил свет.

Сел на табуретку, облокотившись на подоконник, и долго смотрел в ночное небо. Искал ту звезду, на которую он загадал ещё там, под Ташкентом, когда он остался ночевать у арыка и не смог сомкнуть глаза до утра – знал, что он и теперь не сможет уснуть, а будет вспоминать, вспоминать, вспоминать…

В раскрытое окно, словно свежее дуновение ветра, ворвались воспоминания, и послышались голоса людей, далёкие паровозные гудки, крики матери, возгласы детдомовцев…

Среди ночи заплакала дочь, и Зоя проснулась, подошла к кроватке, успокоила. А когда пришла на кухню, увидела сидящего около окна мужа.

– Что случилось, Эдуард? – спросила, подойдя к нему.

На улице уже светало.

– Письмо от Толика получил. Просится к нам в гости.

– Конечно же, пусть приезжает. Мы будем рады.

Зоя положила руки ему на плечи:

– Так и не ложился?

– Нет. Да и на работу скоро…

Автобус из Гомеля немного задерживался, и эти минуты опоздания были для Эдуарда Петровича мучительными, но и радостными одновременно. Радость встречи с сыном – это как первое свидание с любимой, волнительное и тревожное.

Но автобус подъехал почему-то с другой стороны – подъехал и остановился почти рядом с ним.

Один пассажир вышел, второй, за ними женщина с кошёлкой…

Последним вышел паренёк с сумкой в руках и прищуренным взглядом смотрел на Эдуарда, улыбался.

«Неужели Толик? Не может быть, чтобы так вырос…»

– Толик? – спросил у паренька, пробуя сделать первый шаг навстречу. – Ты?

Улыбка ещё больше озарила лицо, в глазах – радость и волнение, он не выдержал и первым бросился к отцу в объятия. Эдуард обнял его, прижал к себе.

Они молча стояли и минуту, и две, прохожие и пассажиры удивлялись этой встрече, оборачивались, не понимая, почему они не могут оторваться друг от друга.

– Ну, здравствуй, сын! – отстранил отец его от себя, не отрывая рук, глядя уже в глаза. – Здравствуй, Толик!

И опять прильнули друг к другу, уже целуясь, радуясь, что обнимают друг друга.

Когда прошло первое волнение, когда освободились из объятий, Эдуард, показывая на рядом стоящую женщину, промолвил:

– А это Зоя Дмитриевна.

– С приездом, Толик! Очень хорошо, что ты собрался проведать отца.

Когда сели за стол, Толик поставил на стол литровую бутылку с коньячного цвета напитком. Отец вопросительно посмотрел на сына.

– Это я сам, отец, изготовил. Из ржаного хлеба, высший сорт. Такого напитка ты не найдёшь ни в одном ресторане мира.

– Самогон?

– Юнигон, – поправил он отца. – Юницкий изготавливал его, поэтому и «юнигон».

Когда отец попробовал гостинец, цокнул языком:

– Класс! Мы в Крушниках такого качества не достигали. А у тебя в самом деле – лучше армянского коньяка.

– И с какой целью изготавливаешь этот продукт? – не подумав, спросил у Толика отец. – Для чего?

– Как для чего? Юнигон – это и поле распахать и посеять, и дрова из лесу привезти, бригадиру дать, чтобы не приставал с работой… Это как американский доллар – валюта, без самогонки в деревне – ни туда и ни сюда…

Эдуард опустил голову, упрекнул себя, что забыл, как мать, выбиваясь из сил, иногда занималась тем же. Значит, сыну приходится несладко, раз сам вынужден расплачиваться такой же валютой…

Открыв дверь, на кухню зашла заспанная дочь, удивлённо смотрела на приезжего.

– Это наша Людочка, – пояснила Зоя Дмитриевна. – А с ней и Эдик…

Дочка подошла и встала рядом с гостем. Толик взял её на руки и посадил на колени.

Эдик на кухню не пошёл, занялся своими делами – начал строить пирамиды на полу.

– А это – Толик, братик твой, – пояснила Зоя дочери, – он приехал к нам в гости. Он у нас будет гостить целое лето.

– Хочешь отдохнуть в пионерском лагере? – спросил у него Эдуард.

– Да, хочу.

– А потом у нас будешь. Пойдём с тобой на рыбалку, будем ловить лещей и щук. Умеешь рыбачить?

– Немного. От нас Припять далековато, так мы в нашей речушке Несвич ловим удочками. А Несвич в Брагинку впадает.

– Ну и прекрасно, Толик! Так что настраивайся на всё лето жить у нас. Матери сказал, что к нам поехал?

– Да.

– Отпустила, не противилась?

– Да нет, сказала, что я же не к чужим еду, а к родному отцу…

– Правильно сказала, умница, – похвалил Эдуард бывшую жену. – Как учёбу закончил?

– Все «пятёрки».

– Молодец! Кем же хочешь стать после школы? Какую специальность мечтаешь получить?

Толик посмотрел на отца, серьёзно ответил:

– Ракеты буду конструировать.

– Ого! И откуда это у тебя?

– Не знаю. Когда прочитал книги о Циолковском, понял, что жизнь свою я свяжу с космосом.

Эдуарду захотелось пошутить, высказать своё недоумение, но вовремя спохватился – сын говорил с ним как взрослый, и его любое замечание могло просто обидеть парня, – смолчал. Подумал только: «Я в его возрасте не о ракетах думал, а как выжить, как не испортить, вытачивая, деталь для бомбы, как сварить деталь… Но всё правильно – дети должны обгонять своих родителей, как по уму, так и по интеллектуальному развитию. Закон диалектики…»

– Серьёзная, Толя, у тебя мечта. Пусть Бог поможет тебе в её осуществлении.

Следующий день был не рабочий, и они вместе почти целый день ходили по городу, были на речке, на строительных площадках. Отец рассказывал и показывал, вызывая у сына интерес к его работе, к городу.

Толик расспрашивал, уточнял, почему так, а не иначе работают механизмы, какая производительность труда, есть ли в тресте рационализаторы, которые придумывают, как усовершенствовать технику…

«Ничего себе, – смеялся в душе Эдуард, – чего доброго, ещё экзамен мне устроит по азам экономики, допытываться начнёт о социалистическом соревновании бригад, спросит, почему неэкономно

расходуем строительные материалы, почему простаивает техника, расспросит о коэффициенте полезного действия каждого механизма…»

Радовался, что сын не поверхностно судит о жизни и работе, умеет в уме множить и делить, но… Но чувствовал, что главного разговора пока не получалось. Или сын нарочно уходил в сторону, беседуя с ним, или сама по себе ускользала тема, неизвестно, но искусственно подогнать и вклинить её в разговор Эдуарду не хотелось. Да и не знал, с какой стороны к ней подступиться, какие слова подобрать, чтобы не обидеть, не испугать Толика своим наступлением… Не ребёнок, уже имеет свое мнение, уверен в себе, не по годам умён и развит.

«Нет, не сегодня, – подумал Эдуард, – рано, слишком рано, не надо спешить и подгонять события, торопить их – всему своё время. А может, и вовсе не нужно трогать тему взрослых? Если же у него болит на душе, сам спросит, задаст вопрос прямо в лоб – и не уйдёшь от ответа, не соврёшь, выложишь всё начистоту. Начнёшь сам первый – получится, что ты виноват в чём-то, обелить себя хочешь, свалить вину на других… Нет, нельзя и вовсе начинать этот разговор. Когда-нибудь, когда-нибудь…»

На том и порешил, и сразу же почувствовал, как стало легче на душе.

Накупили в магазине крючков и удочек, самый настоящий спиннинг получил Толик в подарок, стал настоящим рыболовом.

И потом вместе сидели на берегу Березины. Отец учил сына рыбацким премудростям, хотя Толик был в этой области далеко не дилетант.

Рыба ловилась хорошо, погода благоприятствовала им. Сын радовался каждой пойманной рыбе, смеялся, глядя радостно на отца, по колено заходил в воду, чтобы сачком подтянуть пойманную рыбу…

А Эдуард испытывал в это время огромную радость и счастье, чего он так долго ожидал. Он верил, что это случится, произойдёт, но когда – предположить не мог… Он был готов всего себя отдать, чтобы слышать, как сын радуется жизни, хохочет, подпрыгивает, бегая по росной траве…

Понравилось Толику и в пионерском лагере, который находился недалеко от Светлогорска, на берегу Березины. Там он нашёл друзей, со многими познакомился, потом будет переписываться с ними…

А потом и ещё полтора месяца он жил у них. И привык, и не чувствовал себя посторонним или чужим, потому что и отец, и Зоя Дмитриевна окружили его теплом и заботой…

Незаметно пролетело радостное время – время единения с сыном. Оба поняли, что «контакт» произошёл и что их родственную и духовную связь не сможет разорвать никакая сила.

И разговор, который хотел затеять Эдуард, чтобы выяснить отношение сына ко всем прошлым произошедшим событиям, отпал сам по себе. Как ненужный, как пустой…

Почти каждую ночь отправлялись на рыбалку, варили уху. Сидели у костра, и всё никак не могли наговориться, утолить жажду общения.

Но однажды, когда одни сидели вечером у костра, Толя задал ему неожиданный вопрос. Нет, не о том, о чём хотел поговорить отец с сыном, совсем не о том. Вопрос был взрослый.

– Отец, спросить хочу. Словами Маяковского. Что в нашей жизни оценивается хорошо, а что плохо. Человек и жизнь. Люди и общество. Я, живя в Крюках, встречался со всеми проявлениями человеческого бытия: пьянством, разгулом, несправедливостью, жестокостью, человеческим тупоумием, да простит меня Бог, и увидел, какой человек незащищённый в своей стране… Люди сами по себе – прекрасные и добрые, сочувствующие и отзывчивые, но они поставлены в такие нечеловеческие условия, что лучшие их качества исчезают из их душ, и в них трудно уже узнать тех, которыми они были десять-двадцать лет назад…

«Да, ты не кроха, – вот тогда подумал с уважением о сыне Эдуард, – далеко не ребёнок, и тебе сейчас не двенадцать лет, а почти мой возраст… И это очень хорошо, что ты задумываешься над такими вопросами. Меня они волновали и волнуют всю жизнь, до сегодняшнего дня. Ну и задачку ты мне, сын, загадал, только бы не упасть в твоих глазах своими неубедительными рассуждениями и доводами, дай Бог мне силы и разум достойно ответить на твои вопросы…»

– Да, Толик, – вздохнул отец, подливая очередной черпак пахучей ухи в металлическую тарелку, – сложные вопросы ты пробуешь решить… Не каждый и философ ответит тебе достойно. Но я постараюсь, как смогу, ответить, что такое хорошо и что такое плохо… Я не философ, не учитель, я – отец, строитель, я…

Долго думал, с чего начать. Задача перед ним была не из лёгких. Если раньше он просто отвечал на какие-то вопросы, предлагал, советовал, спорил, доказывая свою точку зрения, то здесь ничего не надо доказывать, ни в чём не нужно убеждать. Убеждений и без него хватило, школа внесла достаточно бацилл и вирусов советской идеологии. На ней и его воспитывали педагоги вроде Белковца и АА, но были и Оксана Белоконь, и Люба Зарецкая, и ещё много замечательных людей, давших ему очень много хорошего…

Но главные педагоги, сопровождавшие его – холод и голод, сиротство, унижение, бесправие, замешанное на горьких слезах и отчаянии…

Но как-то удалось вырваться из тех нечеловеческих условий, и не только вырваться, но найти в себе силы простить всем обиды, нанесённые в детстве… Вырваться и стать человеком, сохранив или воспитав в своей душе доброту и сочувствие к людям, нежность и порядочность, честность и человечность.

– Можно, сын, ответить кратко, как и писал поэт, но тот ответ прозвучал неискренне и пафосно – в духе заказной темы. Поэтому, если мы проговорим и всю ночь и следующую, и ещё несколько ночей, ответ всё равно будет неполный.

Сын молчал. Верилось Эдуарду, что он понимал его.

– Я сегодня только начну говорить, но отвечать на твой вопрос я буду всю жизнь. Верю, что эта встреча у нас не последняя…

– Конечно, нет…

– Я рад твоему ответу. Спасибо. Ты должен знать, Толя, откуда пошёл род Юницких, кто твои деды и прадеды, кто твоя бабушка Серафима и дед Пётр. Это были замечательные люди. Я расскажу тебе, сколько появилось на свет Юницких, и сколько их расстреляли сталинские опричники, сколько погибло на фронтах войны… Расскажу тебе о моих братьях и сёстрах, о твоих дядьях и тётях, – Анастасии и Янине, об Иване, которого звали Ян… О себе расскажу, как я, будучи в твоём возрасте, вытачивал детали для бомб и снарядов, как умирал с голоду, еле выжил…

Толя смотрел в огонь, хмурился, слушал, не перебивая.

За спиной, в темноте, подала голос какая-то птица, напомнив о позднем времени, но отец и сын не слышали, как небесные часы отсчитывали свои секунды. У них было своё измерение времени, которое не подчинялось никаким законам отсчёта. Для них не существовало понятия «рано» или «поздно».

– Не поняв это, ты не поймёшь мой долгий ответ. О многом, Толик, мне нужно рассказать тебе…

Эдуард подбрасывает сухие ветки в костёр, и он вспыхивает, бросая в серое небо красные искорки, и говорит, говорит… Он нащупал ту тропу, по которой будет идти в разговоре с сыном и не ошибётся в подборе слов, мыслей, суждений.

Если сын поймёт его исповедь, а это уже и в самом деле получалась исповедь отца перед сыном, то на многие поставленные вопросы он получит ответ. А ответ – это вся жизнь Эдуарда. И она должна повториться в нём, в Анатолии.

Филин снова что-то произнёс, глухо ухнул, словно уронил что-то в болотную трясину, но двое сидящих у костра не слышали его.

Эдуард шёл по своей тропе не спеша, уверенно и гордо. Он забросил за спину котомку со своими воспоминаниями, своим опытом жизни и вытаскивал из неё целые страницы, щедро делясь ими со своим сыном…

…Закончились каникулы. Так быстро пролетели, как один день.

Пришла пора Толику возвращаться домой.

И не на автовокзал поехали его провожать, а персональный «газик» для него выделил отец, чтобы без забот добрался в родную деревню.

Отец обнял его, прижал к себе:

– Как лето прошло, сын?

– Лучше и быть не может, отец! Спасибо! Я обязательно приеду на следующий год!

Каждое лето приезжал. И это были незабываемые дни и ночи. И беседы их заканчивались под самое утро. Они словно навёрстывали упущенное за долгие годы время, когда они не видели друг друга.



В гостях у отца

А потом Толя не приехал. Написал уже из Казахстана, известил, что мать переехала жить к сестре. Но и оттуда, не выдержав разлуки, приехал к отцу. Несколько суток ехал до Москвы. А в Москве, побывав на ВДНХ, отдал последнюю «пятёрку» за пластинку «Битлов», которую предложил ему из-под полы спекулянт…

А когда решил похвастаться, какое ему досталось богатство, вставил пластинку в проигрыватель – из динамика послышалась траурная музыка…

...Потом строительное управление разделили надвое. Вторая «половина» находилась в Мозыре.

Эдуард Юницкий стал начальником управления.

Год проработал в этой должности…

Крест с колючей проволокой

Январь 1968 года…

…Позвонил из Гомеля секретарь обкома партии по строительству Леточевский:

– Эдуард Петрович, не смог бы ты послезавтра приехать в обком?

– На бюро – за строгачом?

– А что, заслужил разве?

– У вас и заслуживать не надо: решили – и «строганули».

– Надо – «строганём», – добродушно промолвил в тон Евгений Данилович. – Работу новую тебе решили предложить.

– Это какую же?

– Секрет. Приедешь – узнаешь. Сначала ты должен пройти согласование с Языковичем – первым секретарём. А потом – в ЦК партии. Ну, сам знаешь, как это всё делается…

Голову не ломал над тем, куда и кем назначат. Всё равно не откажешься. Потому что закон был такой – второй раз не предложат.

В назначенное время он был в кабинете секретаря. У того собрались руководители трестов, которых он знал, начальники строительных управлений, инженеры и прорабы.

Секретарь называл фамилии руководителей, чтобы они отчитались о проделанной работе. Кто, глядя в бумажку, а кто и без неё, докладывали о сделанном.

Вопрос – ответ, замечание – ответ. Сергей Иванович не любил «разводить бодягу», как он сам говорил, поэтому требовал краткого и чёткого доклада.

Дошла очередь и до Эдуарда Юницкого. Он перечислил сданные в эксплуатацию объекты, признал, что не всё гладко идёт на «Химволокне», поэтому сроки со вводом промышленных площадей немного сдвигаются.

– Эдуард Петрович, мы перед этим посоветовались с управляющими трестов и предлагаем вам возглавить строительный трест в вашем родном городе – «Мозырьсельстрой». Как вы смотрите на это?

Предложение пришлось по душе – работать в родном городе, как сказал Леточевский, приятно и почётно. За год работы начальником управления раззнакомился, завёл друзей, партийные работники видели в нём опытного строителя.

Юницкий обвёл присутствующих взглядом, ответил:

– Если вы считаете, что я достоин такой должности, то я даю своё согласие.

Все поздравили его с новым назначением. Хотя ещё нужно было пройти последнюю ступеньку в ЦК. Но знали: никогда никого не отправляли ни с чем, когда к ним направлял кандидатуру на утверждение обком партии.

Но на душе у него большой радости не было. Потому что знал, что это за должность – управляющий строительным трестом.

В Светлогорске и Мозыре перед этим было трудно, а тут во много раз будет тяжелее. Но что поделаешь: слово не воробей, вылетело – назад не прилетит, не поймаешь.

Эдуард запишет потом в своей тетради:

«Я дал согласие, а потом и горько сожалел. Почему? По своей натуре я человек впечатлительный и восприимчивый, всё пропускал через своё сердце… И чужую боль, и горе воспринимал как свою собственную боль.

Сегодня на одном объекте, завтра – на другом. Там ладится, в другом месте «как мокрое горит». Руку нужно было держать на рабочем пульсе, забывая о собственном. Голова кружится? Пройдёт. Кольнуло в левом боку? Таблетку под язык. Не доспал? Когда-нибудь отоспимся, на том свете подушки из чистого пуха…

Но шутки, как говорят, в сторону…

Я особо не придал тогда большого значения словам Оксаны Белоконь, когда она предупреждала меня о больном и подорванном тяжёлой жизнью сердце. Не внял её голосу, не прислушался, словно глухой был… Отмахнулся, словно от надоедливой мухи. И рядом же была медсестра Люба, которая могла посодействовать моему лечению, не прислушался.

А сердце напомнило о себе неожиданно, да ещё и в самое неподходящее время.

Да напомнило так, что перепугал Зою, начальство насторожилось. В первую очередь насторожился Леточевский, с которым мы крепко подружились, недоумевал, почему я отмахиваюсь от врачей, настаивал, чтобы я лёг в кардиологическое отделение и всерьёз занялся своим здоровьем.

Находясь в командировке в Наровлянском районе, прямо на строительном объекте – возводили крупный животноводческий комплекс, и нужно было его во что бы то ни стало сдать к сроку – потерял сознание.

«Скорая» отвезла в больницу. Гипертонический криз.

И это в 39 лет!..

Сразу же ко мне в больницу приехал Евгений Данилович. Шутя, чтобы как-то подбодрить меня, строго-шутливым голосом сказал:

– Вот поправишься, на бюро обкома позову, влеплю тебе выговор с занесением – за халатное отношение к собственному здоровью.

– Приму как должное, – слабо улыбаясь, отвечаю ему».

... Спустя много лет Эдуарду Юницкому прислали документы о реабилитации его родителей.

Одна справка из Гомельского областного суда за подписью А. Галкина и вторая – из управления КГБ Республики Беларусь за подписью Н.Кузьменко.

Бумаги констатировали *главное* – за отсутствием состава преступления Е. И. Юницкую и П. А. Юницкого –

р е а б и л и т и р о в а т ь .

...А впереди Эдуарда Юницкого ожидали ещё большие нагрузки и переживания, накачки, выговоры, стрессы, заслушивание отчётов на бюро райкома, горкома, обкома…

Он никогда не шёл лёгкими путями – только через трудности к победе, к вершинам своего строительного олимпа.

Республика Беларусь

УПРАВЛЕНИЕ КОМИТЕТА [illegible] БЯСПЕКI [illegible] по Гомельской области

СПРАВКА

[illegible] июня [illegible] 97 г.

№ 10/122640

г. Гомель

В соответствии с постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от [illegible] октября 1994 г. № [illegible] [illegible], [illegible] года рождения, проживающий в городе [illegible], ул. [illegible], 24, кв. 7, признан пострадавшим от политических репрессий, как сын расстрелянной 20 марта 1938 года по постановлению Комиссии НКВД и прокурора СССР от [illegible] 1937 года /обвинялась по ст. [illegible] УК БССР/ [illegible], 1897 года рождения, уроженки и жительницы дер. [illegible] района Гомельской области, до ареста в 1937 г. колхозницы.

[illegible] реабилитирована посмертно военным трибуналом Белорусского военного округа /за отсутствием события преступления/ 11 октября 1956 года.

Основание: архивное дело № 122640 в УКГБ Гомельской области.

[illegible] подразделения УКГБ [illegible]

Белорусская Советская Социалистическая Республика

ГОМЕЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД

Почтовый индекс [illegible]
г. Гомель-[illegible], ул. [illegible]

от 23.05.89 № 44 е-16

На № ________ от ________

СПРАВКА

Дело по обвинению [illegible] Петра Антоновича, 1894 года рождения пересмотрено президиумом Гомельского областного суда 24 июля 1978 года.

Постановление Тройки при [illegible] по БВО от 27 апреля 1930 года в отношении [illegible] П.А. [illegible] дело прекращено.

[illegible] П.А. по данному делу реабилитирован.

До ареста он был единоличником.

И.О. Председателя Гомельского областного суда А.К. Галкин

Долгожданные документы о реабилитации родителей



Заместитель министра строительства БССР И. П. Медведь приехал в Мозырь для вручения Переходящего знамени ЦК КПСС, Совета Министров и ВЦСПС



Управляющему стройтрестом «Мозырьсельстрой» Эдуарду Юницкому – 40 лет

Но были не только огорчения, а и радости, победы.

В 1969 году победили во Всесоюзном соревновании между строительными организациями СССР – первое место.

...За время работы Эдуарда Юницкого в должности управляющего трестом «Мозырьсельстрой» тысячи введённых жилых домов и промышленных построек, ферм и животноводческих комплексов по всей территории мозырского Полесья...

Племянник Евгений

Приехал я однажды в гости к се-

стре Анастасии и её мужу Валентину Блюдо в гости. Жили они уже в то время в Чернигове.

Призналась сестра, что не всё ладно с сыном Женей. В дурную компанию попал, в милиции на учёте.

– Ума не приложу, что делать. И не поддаётся на уговоры, злой стал, нелюдимый. И отца не слушает, никого не слушает.



Валентин Данилович и Анастасия Петровна Блюдо

...Вечером, прогуливаясь по городу, провёл с племянником, как говорят, идейно-воспитательную работу. Женя хмурился, молчал. Почему-то не хватило смелости спорить с родственником.

И не ожидал вовсе, когда Эдуард Петрович чуть ли не за грудки схватил его, приблизил к себе и, глядя ему в глаза, чуть ли не закричал:

– Ты о нас подумал? Об отце и матери. Обо мне подумал, каково мне чувствовать, что родной, единственный племянник находится в беде? В большой беде. А ты для меня самый родной и близкий, и потому я в ответе за тебя.

Женя опустил глаза, не знал, что ответить.

– Ты когда перестанешь маяться дурью?

Голос Эдуарда звучал словно набат.

На самых высоких тонах уже разговаривал с племянником.

Потом сидели на скамейке, говорили, говорили... Эдуард рассказал о себе, о своих родителях, о Яне и Анастасии.

– А теперь слушай меня внимательно, – подытожил беседу Эдуард Юницкий. – Завтра же ты должен быть у меня. Это мой приказ. На правах старшего по возрасту и самого близкого род-



Семья племянника Жени Блюдо
слева направо: дочь Кристина, сын Валентин и жена Лариса

ственника. Потому что у тебя два пути – или завтра сесть в тюрьму, или, приехав ко мне, избрать тот правильный путь, которым ты и должен идти. Ожидаю тебя завтра-послезавтра у себя дома.

Женя глубоко вздохнул, ответил:

– Приеду. Обязательно...

Он сдержал слово. Но приехал только спустя несколько дней. Снова пришлось с ним вести беседу.

– Всё понял, – серьёзно ответил племянник. – Больше со мной такого не повторится...

Женя начал работать в Мозыре. Женился. Получил квартиру. Сегодня он работает на Мозырском НПЗ – изоляционщиком труб высокого давления.

Эдуарда называет своим вторым отцом.

Стал незаменимым помощником по бытовым и иным вопросам.

Эдуард Юницкий гордится своим племянником.

Страничка из дневника

«...Ничего в жизни не проходит бесследно, ничто не исчезает, не оставляя следов.

Присылают в управление «Межколхозстроя» жалобу от жительницы Ельска. Женщина пишет, что квартира, в которую она вселилась, непригодна для жилья.

Письмо секретарша положила мне на стол – для принятия решения. Читаю – жалоба подтверждена юристом высшего класса, полковником в отставке Белковцом. Что-то кольнуло в левом боку, в висок иголочка впилась: «Не он ли, мой давний знакомый, преданный друг Сталина и НКВД?»

Никому не поручал проверять жалобу, сам поехал на место.

Съездил на объект, посмотрел жилой дом, встретился с женщиной, что писала жалобу. С объекта сняли рабочих, которые тут же устранили недоделки. А потом только явился к юристу-полковнику.

За столом сидел грузный, убелённый сединами и в цивильном костюме, бывший прокурор. Я его узнал сразу же, переступив порог. Он меня – нет. Я положил ему на стол его «послание», отдельно – письмо-расписку жалобщицы, что она всем удовлетворена и не имеет больше претензий к строителям.

Разговорились, как старые знакомые. Он похвастался:

– Всю жизнь проработал военным прокурором, а вот уже несколько лет как вышел в отставку. Приходится заниматься вот такими делами – реагирую на сигналы населения.

Я всё время ловил его взгляд, старался уловить хотя бы искорку вины за его прошлое – за то, как он доносил в органы «о неблагонадёжных», называл фамилии «врагов народа». Его доносы были в делах невинно осуждённых...

Не знаю почему, но мне было жаль этого человека. Он не чувствовал за собой никакой вины, но я-то знал, что он совершил преступления против людей, сдав их в когтистые лапы сталинских палачей.

Дойдя до дверей, взявшись за ручку, посмотрел на него, спросил:

– Вы сдавали энкавэдистам людей только из Крушников или и из соседних деревень? Я тот сучий сын – ученик Юницкий, которого вы оставили без матери.

Лицо его побагровело, глаза налились злостью.

Я переступил порог и закрыл за собой дверь...»

Ах, как годы летят!..



Эдуард Юницкий всегда приходит к кресту с колючей проволокой, чтобы почтить память невинно убиенных в годы сталинских репрессий



В кресле управляющего трестом «Мозырьсельстрой»

Каждый день в дороге, в командировке, среди рабочих на строительстве объектов, на совещаниях и пленумах обкома и ЦК КПБ. Зоя Дмитриевна привыкла к его поздним приездам домой, раннему уходу на работу: к этому обязывали должность, его положение, ответственное отношение к порученному делу...

В октябре 1971 года после настоятельных просьб, ссылаясь на подорванное здоровье, попросился на другую работу – стал директором Гомельского филиала института «Гипросельмаш», который позже переименуют в «Гипроживмаш». И там доказал, что умеет руководить людьми, старался внедрять в жизнь свежие идеи, проекты, предложения. Коллектив из пятисот человек уважал своего руководителя за прямоту и честность, поддерживал его смелые начинания.

В семидесятых это было…

Возникла необходимость построить в Гомеле административное здание проектного института, в котором бы разместился коллектив по сельскохозяйственному машиностроению. А возводить такие постройки тогда категорически запрещалось: такой вопрос решался только на самом высоком уровне – в Москве.

Но сначала нужно было создать такой коллектив, подобрать директора, а потом уже думать о том, где разместить специалистов.

Обком партии предложил Эдуарду Юницкому заняться этой проблемой, хотя и сами особо не верили в успех, отправили в Москву.

Он попал на приём к министру тракторного и сельскохозяйственного машиностроения Синицыну. На удивление, министр принял ходока из Гомеля, внимательно выслушал и неожиданно дал согласие на назначение его директором вновь создаваемой проектной организации. Более того, выдали на руки приказ о его назначении…

Сначала ютились в здании «Гомсельмаша». Но гул станков не давал возможности сосредоточиться, аккуратно выполнять свою работу.

Снова отправился в Москву – за разрешением строительства административного здания, в котором бы разместился творческий коллектив. Но министр дал «добро» только после десятой встречи.

Юницкий оказался настырным ходоком, не сдавался. В конце концов было получено не только согласие на строительство, но и, самое главное, выделены средства для строительства.

Победителем он возвратился в родной Гомель.

Удивлению партийных секретарей не было предела.

– И как только тебе удалось этого добиться? – спрашивали

они. – Мы много лет пытались «выбить» у них этот объект – и никак не удавалось сдвинуть с мёртвой точки эту проблему. А ты... Не поделишься опытом, Эдуард Петрович?

Он загадочно улыбался, прищурив глаза, отвечал:

– Дорогие друзья! Нужно слова знать те, самые нужные, самые необходимые, что до сердца и души доходят...

И он не кривил душой.

Решили выкупить у «Беларусьнефти» проектную документацию многоэтажного здания, а трест № 14 выступил заказчиком стро-



ительства. В кратчайшие сроки был возведён тот высотный корпус, и коллектив перебрался в просторные апартаменты, где были созданы все условия для плодотворной работы.

Три года возглавлял он творческий коллектив проектного института «Гипросельмаш», в котором трудилось до пятисот человек, три года… А на четвёртый душа затосковала по Мозырю, по Припяти, хотя он и так почти каждые выходные мчал в родные места… Замучила, как он сам признавался, ностальгия. И он подал заявление, чтобы его освободили от занимаемой должности.

Когда торжественно отмечали его уход (многие удивлялись, почему он так поступил), то и вручили ему самовар и Приветственный адрес.

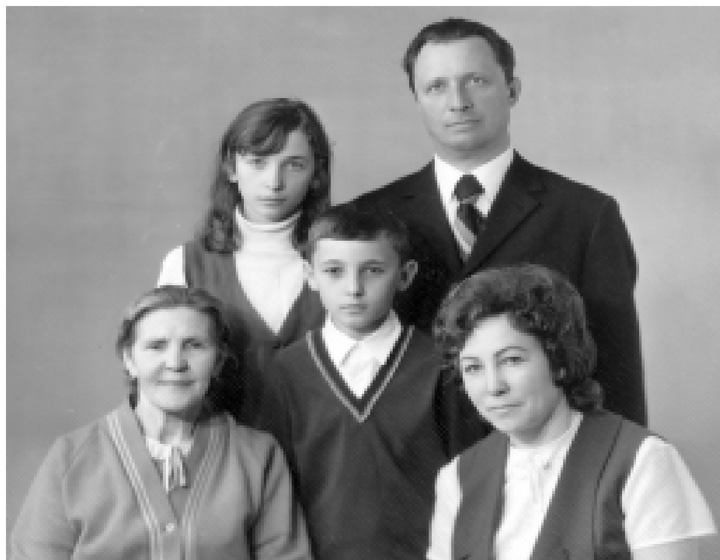
И его понимала жена – не перечила, знала, что он без родной Припяти, без Крушников и Мозыря не может прожить. В мае 1973 года семья оставляет четырёхкомнатную квартиру, и по зову души и сердца Юницкие вернулись в город над Припятью.

Вернулся в родное ПМК «Белсантехмонтаж», которое и создавал когда-то. Проработал до января 1978 года. Получил предложение перейти на новую должность в межколхозную ПМК Облмежколхозстроя – МПМК-55.

Почти десять лет отдал колхозному строительству. Около четырёхсот квартир получили рабочие этой организации. Такого до Эдуарда Юницкого не было. Он заботился о каждом человеке ПМК. Поэтому и сложился крепкий коллектив, люди держались за работу, не считаясь со временем, выходили на строительные объекты в любое время, не обращая внимания на мороз и слякоть, жару и солнцепёк.

Почему-то не нравилось начальнику Облмежколхозстроя А. Кирьянову, что Эдуард Юницкий имел такой высокий авторитет среди людей. Всячески старался подставить его, при всех отругать и выставить в неприглядном свете. Доводил до инфарктного состояние, знал, чем можно его выбить из колеи.

А ещё больше обозлило Кирьянова, когда Эдуарда Юницкого за успехи в работе наградили орденом Дружбы народов, а чуть позже и второй Грамотой Верховного Совета БССР.



Семья Юницких
вверху – дочь Людмила, сын Эдуард, Эдуард Петрович,
внизу – Екатерина Николаевна и Зоя Дмитриевна



Сын Эдуард с семьёй



Анатолий любит приезжать к отцу на дачу,
которая находится на берегу Припяти под Мозырем.
Лучежевичи, 2009 г.

После этого нападки ещё более усилились.

Он не обращался за поддержкой или защитой своих высокопоставленных друзей, не привык жаловаться, просить помощи.

А после очередной стычки, выслушав обидные слова в свой адрес, снова попал на больничную койку. Не выдержал, там же, лёжа на кровати, взял в руки лист бумаги, написал на имя Кирьянова заявление: «Прошу меня уволить...»

Тот даже не соизволил посетить его в больнице, ободрить, попросить прощения за хамское отношение и поведение, с радостью поставил свою подпись на заявлении.

А до пенсии Эдуарду Петровичу оставалось всего два года...

Перебивался случайной работой – работал техником, старшим прорабом, трудился на других разных работах.

Но неугомонный Юницкий не мог ограничиться этим, и поэтому в 1988 году организовал кооператив «Строитель». Сначала в него

входило четыре человека, а потом и все пятьсот. И переименовали его в кооперативное объединение «Мозырьстрой». Коллектив огромный, задачи огромные, за короткое время, создав фонды на миллиарды рублей (по нынешним ценам), оставил работу: подводило здоровье.

Передав в надёжные руки своё детище, решил организовать новое, чуть поменьше. Но коммерсанта или бизнесмена из него не получилось, и поэтому в сентябре 1995 года ушёл, как говорят, на заслуженный отдых – стал пенсионером. Но богатства за все годы не накопил, только болезни, снова вынужден пойти хоть на какую работу – пенсии на жизнь не хватало.

Но тут пришёл на выручку старый друг – Васкан Чобонян, которого он когда-то взял к себе заместителем. Он предложил Эдуарду снова стать строителем – предложил ему должность заместителя по строительству.

Шутил Эдуард: «Вот чтобы ты к этой должности да ещё и здоровье мне дал».

Годы брали своё.

Поэтому, поработав некоторое время, дождался, когда «стукнуло» семьдесят, окончательно распрощался с работой.

А Васкан взял на себя функции благодетеля и покровителя своего старшего друга: на нём заботы о здоровье, об отдыхе, помогает в трудные минуты и словом и делом...

Хорошо иметь надёжных и верных друзей!

Эдуард Петрович всё лето проводит на даче. Любит на рассвете посидеть с удочками на Припяти. Но и это удовольствие уже в прошлом – трудно дойти до реки, спуститься по отлогому спуску.

Живёт на даче до глубокой осени. Когда наступают холода, перебирается в город – в свою квартиру на улице Саета.

А потом с нетерпением ждёт прихода весны, чтобы съездить в родные Крушники, погостить несколько дней у сестры Брони, а потом – снова в Лучежевичи...

Но случилось непредвиденное. В самую жару, под сорок градусов, когда Бронислава Ефремовна полола грядки в огороде, случился инсульт.

«Скорая» приехала в Крушники через полтора часа.

Довезли до больницы, но она, не приходя в сознание, умерла.

Оборвалась последняя ниточка связи с близкой родственницей, которая была для него ближе родной сестры.

Тяжело переживать утрату близких...



Дорога на малую Родину

КНИГА ВТОРАя

ОТ ЗЕМЛИ ДО КОСМОСА

Часть первая

Всё сплелось – и вчера, и сегодня, и завтра,
как счастье и горе, небесной мелодии грусть, –
я по струнам звенящим космической арфы
в Галактику, к небу и звёздам стремлюсь...

Из дневника Анатолия Юницкого

Спасительный круг для землян

– Хочешь со мной прокатиться в космос? – спросил у меня однажды Анатолий.

И я не знал: то ли это происходило в моих снах, то ли это всё стало явью.

– В космос?

– Да.

– Когда?

– Прямо сейчас.

Он посмотрел на меня, словно хотел убедиться, отвечаю ли я ему на полном серьёзе или просто поддакиваю, зная, что никакого полёта произойти не может, бросил подсказку:

– Помнишь, как Пётр увидел идущего по воде Христа? И сам уверовал, что и он сможет пройти, а потом на него снизошёл страх, и он сразу провалился в воду. Так и ты – если поверишь, будешь верить до конца, то мы отправимся с тобой в космическое путешествие. Без ракеты, которую изобрели Семенович и Циолковский, на моём колесе…

– Я готов лететь с тобой, – отвечаю уверенно, и тени сомнения не было ни в душе, ни на моём лице. – Но где стартовая площадка или пульт управления, как нам привыкли показывать фантасты и киношники?

– Контакт? – послышался в динамике мужской голос.

– Есть контакт! – ответил женский голос.

– Готовимся к взлёту!

– Мы находимся с тобой на стартовой площадке, – почему-то вздохнул Анатолий и посмотрел за окно. – Взгляни, мы медленно начали отрываться от земли. Полёт начался! Колесом дорога! Так говорят у нас на Полесье.

Я взглянул вниз. Наша ракета… Да нет, не ракета, – вот что значит, когда срабатывает стереотип мышления и привычка мыслить устоявшимися категориями, – а что-то вроде железнодорожного состава оторвалось от бетонных опор на земле, и мы медленно начали подниматься ввысь.

Чтобы лучше присмотреться к «составу», я выглянул в окно. Он был непрерывный и напоминал трубу с телескопическими вставками, изогнутую по окружности земли. Этот круг незаметно растягивался по мере поднятия в космос.

Если опоры, с которых поднялся круг, стояли на земле, тогда как же держались они на море или океане?

Океан от солнечных лучей переливался разноцветной радугой и был похож на цветущий луг, буйство красок переливалось через край.

– Когда прозвучало сообщение «есть контакт», то это означает, что ОТС по всей своей длине открепили от эстакады. А до этого в течение нескольких дней находящийся внутри вакуумного канала бесконечный кольцевой маховик разгоняли вдоль корпуса. Когда его скорость достигла той, с которой летают над землёй спутники, маховик потерял свой вес. Но его разгон продолжался дальше. И когда центробежная сила от маховика превысила вес траспортного средства, тогда и началось главное… Я увидел, как автоматически отбросились стартовые держатели, как медленно круг-состав по мере поднятия в космос и выхода на низкую круговую орбиту начал незаметно растягиваться.

Изо всех сил старался не показывать своего удивления и восхищения, чтобы не нарушить того духовного единения с Командором космического корабля, – я же поверил во всё, принял как естественное явление и потому должен быть ко всему готовым.

Огромный круг длиной в сорок тысяч километров по окружности начал увеличиваться в диаметре, растягиваться, словно резиновый. Сразу же подумалось – это же сколько нужно дополнительно растянуться, чтобы подняться в космос? Километры и километры…

Угадав мои мысли, Анатолий успокаивает:

– Чтобы подняться в космос на сто километров, он растягива-

ется всего примерно на 1,6 процента – это 1,6 сантиметра на каждый метр длины.

Беззвучно открылась дверь, и в комнату зашёл в голубом комбинезоне с такими же голубыми глазами юноша, произнёс:

– Командор, мы поднимаемся на второй уровень. Все системы работают надёжно. Включена энергетическая сеть для работы предприятий.

– Хорошо, Эдуард, продолжайте.

И, повернувшись ко мне, попросил:

– Пора закрыть иллюминатор.

Я тут же плотно повернул верхний и нижний рычаги до упора.

– Через горы, реки и долины… – произнёс Командор задумчиво, прищурив глаза, глядя куда-то в глубь времени и пространства. – Как в песне. Это я к тому, что эстакада, на которой зиждется ОТС, построена по экватору всей планеты через горы и моря. Сложно было добиться взаимопонимания людей земного шара по этому вопросу. Мешали стереотипы – возведённые границы, разделяющие страны с разным укладом жизни, безопасность стран, угроза нападения извне... Особенно противились этому проекту военные – они не понимали, как это можно прожить в мире без войн, без гонки вооружения, без бюджетных вливаний в новые противостояния…

Не отрываясь, смотрю за окно. Поднялись выше облаков, которые скрыли голубую планету. Сажусь рядом с Командором.

– Установить эстакады в океане нам помогли японские инженеры, которые проектировали на море аэропорт.

– В море аэропорт? – уточнил, но не удивился его сообщению. – А качка?

– Они всё предусмотрели. Дрейф определяется с точностью до одного сантиметра. Они предложили опоры на платформах-понтонах, а те, в свою очередь, крепятся якорями за океанское дно. Но это не просто опоры – в них размещены энергетические подстанции и административные помещения, жилые комплексы, различные коммуникации, которые обеспечивают надёжную и бесперебойную работу ОТС – общепланетного транспортного средства.

За окном пролетели непонятные объекты сплюснутой круглой формы. Я посмотрел на Анатолия. Он улыбнулся:

– НЛО? – спросишь ты у меня. Уже давно это опознанные объекты. Мы живём с ними в дружбе. Они помогают нам, а мы им. Когда наши агрегаты работают на полную мощь, они подзаряжаются у нас. Мы для них оборудовали специальные отсеки для подзарядки.

– С ними налажен контакт?

– Полный. Мы от них отстали на несколько тысячелетий в своём развитии. Я был у них на корабле. Меня удивило, что у них нет никаких рычагов управления. Они мысленно посылают команды – и космолёт слушается их беспрекословно.

Подумал, что и в самом деле мы ещё дети в сравнении с развитием соседних цивилизаций. Подмывало спросить, почему же они как сверхумные существа не оказывают нам никакой помощи, не направляют нас по пути прогресса и духовного развития, но Анатолий опередил меня:

– Они в ответе за нас, поэтому оказывают нам тайную помощь. Помогали в смутные времена войн, не допустили, чтобы нас поработили воинствующие племена и народы. Не допустили, чтобы атомная бомба Чернобыля расколола земной шар. Они долго ожидали, когда человечество поумнеет и станет добрее, милосерднее, когда обратит свои взоры и души к Создателю Вселенной и Земли…

Мы поднялись на высоту, выше которой уже не поднимались самолёты. Давления на барабанные ушные перепонки не чувствовалось, мы словно находились на земле и сидели в кабинете учёного Анатолия Юницкого.

Снова открылась дверь, на пороге стоял Эдуард.

– Мы вышли на контрольную орбиту. Двигатели и агрегаты цехов работают в рабочем ритме. Какие будут указания, Командор?

– Приступить к работе. Какой срок определили на этот раз?

– Для изготовления медицинских препаратов и лекарств требуется удлинить время работы на семь дней. Цеха по изготовлению металла легче воды закончат свою работу раньше. Специалисты будут проводить время в библиотеках, бассейнах, укреплять своё здоровье в поликлиниках…

Академик Юницкий согласно кивнул головой. И, повернувшись ко мне, с улыбкой спросил:

– А не прогуляться ли нам, мой дорогой посетитель, по нашему ОТС? Так сказать, экскурсию наладить? Как ты?

– Согласен. С удовольствием пройдусь по твоей обители.

Сначала мы шли по долгому, с множеством круглых окон, коридору. Сопровождая меня, Командор продолжал рассказывать мне о своём детище.

– Сам видел, визуально ОТС – обычный тор большого, удивительно большого, диаметра. Он свободно умещается и лежит на

эстакаде. Часть внутреннего пространства трубы – колеса, круга – занимает вакуумный канал, в котором и находится сердце всей системы – маховик. Точнее, два маховика. Мы, кстати, идём по ним, точнее – по защитному кожуху. А всё остальное место – для полезной нагрузки.

– На каком мы сейчас отрезке пути?

– На атмосферном. Ощущаешь, нас немного придавливает к полу – мы поднимаемся с небольшим ускорением. Это как при взлёте обычного самолёта, особых перегрузок нет. В ракете бы нас так придавливало к сидениям, что и пошевелиться было бы невозможно. Мы отделяемся от земли и поднимаемся вверх со скоростью спортивного автомобиля. Мы можем приблизить её к ракетной скорости, но тогда значительно увеличится лобовое сопротивление атмосферы, к тому же резко увеличится ускорение разгона. А это будет означать, что всех пассажиров «колеса», которых насчитывается больше миллиона – не забывай, что длина ОТС – сорок миллионов метров, поэтому для пассажиров места более чем достаточно – нужно было бы перед этим готовить к полёту, как настоящих космонавтов. А так на борту может находиться любой человек любого возраста…

Мы проходим пассажирский салон. В нём тихо, не слышно никаких посторонних звуков. Сидят, переговариваясь друг с другом, люди, на нас не обращают внимания.

Вращается маховик по окружности внутри космического «колеса», но его совсем не слышно. Не стучат, как на стыках рельсов, колёса, потому что колёс как таковых нет, а движение бесконечного кольцевого маховика происходит в магнитном поле, не касаясь стенок канала… Тело постепенно становится лёгким, хочется оттолкнуться от пола и полететь – тор не только увеличивался в диаметре, но и с небольшим ускорением начинал вращение вокруг планеты, то есть вокруг оси вращения, совпадающей с осью вращения Земли.

Когда я подошёл к иллюминатору и взглянул в него, увидел далеко внизу белые облака.

– На каком мы расстоянии от земли, Командор? – спрашиваю у Юницкого.

– Высота подъёма в данный момент триста километров. Окружность «колечка» увеличилась почти на пять процентов. Запас хода ещё остаётся значительным – конструкция выдерживает растяжение как минимум до двенадцати процентов. ОТС выходит в откры-

тый космос.

На стене вспыхнул огромный экран. За пультом управления сидит Эдуард, смотрит на нас, оповещает:

– Командор, мы находимся на самой низкой орбите. Разрешите сделать первую рабочую остановку.

– Да, разрешаю, – отвечает Анатолий Юницкий в невидимый микрофончик. – Готовьтесь к следующему этапу подъёма.

Ознакомительная прогулка по кольцу продолжалась.

Я уже перестал удивляться всему увиденному и услышанному, чувствовал себя давним пассажиром корабля – спасительного круга человечества.

Происходящее не было фантазией, не было сном, не было и больным воображением великого учёного.

Мы жили с ним в реальном и прекрасном мире, в каком жило всё человечество планеты…

Общепланетное транспортное средство действовало в заданном режиме.

Я посмотрел в прозрачный потолок – мы приближались к первому кольцу космического производственного ожерелья. Вот-вот должна произойти стыковка ОТС с постоянно действующей на орбите кольцевой космической лабораторией-заводом, с тысячами самых разнообразных цехов.

Когда мы зашли в следующее помещение, Анатолий пояснил:

– Здесь находится автоматический пульт управления. Таких пультов по всему кругу насчитывается несколько сотен. Представители каждой страны управляют своими предприятиями и лабораториями. Ведётся управление и осуществляется руководство и с земли. При необходимости в любую секунду можно связаться с любой точкой управления. Каждый говорит на своём языке, но компьютеры автоматически переводят разговор на все языки мира.

– Командор! – послышался голос Эдуарда. – Стыковка произойдёт через тридцать минут. Началось более интенсивное торможение маховика.

– Всё понял. Спасибо, Эдик!

Взглядом спросил у академика – что происходит в данный момент.

– Перед стыковкой «круг» переводится на режим, при котором тяжёлый взлётный маховик начинает торможение и в соответствии с законом сохранения момента количества движения начинает раскручиваться сама «труба» с пассажирами и грузами внутри, которая начинает набирать ту же первую космическую скорость, что

и спутниковый пояс вокруг земли…

Мы ощутили лёгкий толчок, будто тронулся с места железнодорожный состав.

Анатолий хотел что-то сказать, но на экране монитора появился Эдуард, спокойным голосом доложил:

– Есть стыковка! Через полчаса начинаем разгрузку.

– Хорошо.

Наше средство вплотную сошлось с технологическим кругом.

– Как сказал Эдуард, скоро начнётся погрузка произведённой продукции. В это же время произойдёт и смена вахты, которую несут земляне на орбитальных станциях, вроде той, когда летали буровики в Тюмень из Гомеля на буровые скважины. Только здесь не буровики, а специалисты всевозможных профессий, которые трудятся на промышленных космических предприятиях и в научно-исследовательских лабораториях.

– И сколько же груза за один рейс может опустить на землю ОТС или поднять обратно в космос?

Анатолий, не отрываясь от монитора, ответил:

– Миллионы и миллионы тонн. Соизмеримо с земными объёмами груза, которые ежегодно перевозятся по планете. А этот груз необычный, и создать его в земных условиях невозможно. Это материалы для монтажа солнечных электростанций мощностью в десятки миллионов киловатт, размещённых на орбите. Этой энергии вполне достаточно для металлургических и химических заводов, размещённых здесь же, именно для той части «грязных» производств, которые перенесены с земли в космос. Но здесь эти производства – экологически чистые, что обеспечили принципиально новые технологические ресурсы, имеющиеся на орбите – невесомость и вакуум, высокие температуры на освещённых солнцем поверхностях и низкие – в тени. Готовая продукция складывается в контейнеры и опускается затем вниз на ОТС.

– Этим грузом заполняются все контейнеры?

– Да нет, в остальных ёмкостях – мусор, который нельзя утилизировать на земле. К этому можно ещё добавить и радиоактивные отходы. И это всё можно спрятать в дальнем космосе, который бездонен, и этот мусор не представит угрозы ни Космосу, ни здоровью человека, живущего в миллиардах километров на Земле. А рабочие, которых сменит очередная вахта, возвращаются на землю. В родной дом. Только сейчас это выражение приобрело настоящий истинный смысл – дом родной. Почему? А потому, что учё-

ные всего земного шара работают над тем, как очистить землю и воду от вредных веществ и загрязнений, которое происходило долгие десятилетия и столетия. Раны земли постепенно затягиваются, реки, озёра и моря возвращаются в свой первоначальный вид, как когда они были кристально чистыми и в них не погибало и не мутировало всё живое. Это, слава Богу, сделать ещё возможно, ещё не поздно, пока раны – не смертельные. Земля постепенно становится местом отдыха и семейного благополучия, потому что вокруг чистый воздух, дожди проливают чистую влагу, от чего вырастает обильный урожай овощей и злаковых – безо всяких химикатов и удобрений… И только в этих условиях можно назвать планету Земля колыбелью цивилизации.

– Да, – соглашаюсь я, – как и задумал Создатель в самом начале её зарождения.

Мы идём дальше. Экскурсия, которую ведёт Главный Экскурсовод, продолжается.

Я уже ничему не удивляюсь.

И это радует Анатолия Юницкого…

Перед тем, как возвратиться на родную землю, система энергопитания ОТС заряжается от солнечных батарей. На борт нашего подвижного круга-колеса загружаются уникальные материалы, полученные в лабораториях и цехах космической орбиты. Это – оптика и кристаллы наивысшего качества, химические чистые лекарства, металлы и сталь, которые легче воды, потому что они произведены в условиях вакуума и невесомости. И эта продукция не идет ни в какое сравнение с земной. Она высокопрочная и чистая, не поддаётся коррозии. А от этого зависит качество работы механизмов и конструкций – они станут лёгкими и долговечными, не поддающимися износу.

Мы возвращаемся в ту комнату, в которой находились вначале.

Анатолий сел за свой стол, если это можно так сказать в условиях этой кратковременной, в течение нескольких часов, невесомости, и углубился в чтение и изучение чертежей и схем.

– Мы расстыковываемся, Командор! – посылает новое сообщение Эдуард, и мы снова ощущаем лёгкое и короткое подрагивание.

– С Богом! – напутствует Анатолий экипаж. – Спасибо за чёткую работу!

На посадку нашего круга-обода ведёт уже «лёгкий» маховик. Он движется навстречу «тяжёлому». От этого конструкция мед-

ленно начинает приобретать первоначальный вид – сжимается до той степени, в которой она была перед подъёмом в космос и до нуля сбрасывает окружную и вертикальную скорость.

Мы приземляемся на эстакаду, и я вижу тот узкий «коридор», установленный самым натуральным образом – когда совпадают «плоскости» центров масс земли и «колеса». Это как маятник огромных часов, отведённый далеко в сторону, но неизбежно возвращающийся в исходное положение. Хотя перед этим этот образ – ОТС – академик Юницкий перефразировал немного иначе: как шляпа необходимого размера. Он любил носить шляпу – может, и от этого у него рождаются такие образы? Не знаю…

Колесо Юницкого плавно, даже не как самолёт, а как пушинка, опускается на посадочную полосу и замирает на эстакаде.

Мы поднимались несколько часов и столько же опускались. Больше времени затрачивали гомельские буровики, чтобы попасть на тюменские буровые скважины и вернуться назад…

Мы ещё некоторое время не оставляем помещения. А я, еле сдерживая любопытство, подхожу к иллюминатору. Вижу, как на параллельной эстакаде, высота которой с полсотни метров, ожидают юнибусы. Их много, не счесть. В каждый загружается прибывшая с орбиты продукция.

Юнибусы стоят не на земле, они висят в воздухе. Не совсем в воздухе, а находятся на струнных рельсах. Это второе крупное транспортное изобретение академика Анатолия Юницкого. Со временем его струнные дороги будут опосывать весь земной шар, и с лица земли исчезнут асфальтные и бетонные дороги, которые под себя отняли и уничтожили плодородную почву на территории, равной по площади нескольким странам, таким как Германия.

– Командор! Разгрузка закончена! Какие будут указания?

Голос у Эдуарда весёлый, радостный.

– Всем спасибо! Всем отдыхать, и до встречи!

– До встречи!

Наше путешествие закончилось. Анатолий отложил в сторону бумаги и папки, вышел из-за стола. Он не спросил, понравилось ли мне путешествовать вместе с ним, каково моё ощущение полёта, только пожал на прощание руку:

– Захочешь снова полететь в космос – дай знать. Место для тебя всегда забронировано.

– Ты остаёшься?

– Да, у меня ещё много работы. До встречи!

– До встречи, Командор! Я обязательно захочу снова подняться в космос. В самое ближайшее время. Спасибо за путешествие!

Когда я дотронулся до дверной ручки, меня остановил Командор:

– Чуть не забыл. Мы всегда дарим нашим гостям сувениры. А для тебя, я уверен, очень подойдёт ручка, заправленная космическими чернилами. Знаю, что ты давно перешёл на компьютерное печатание, но эта ручка заменит тебе любую клавиатуру.

Через стеклянную стену я видел, что Анатолия ожидали его коллеги-пассажиры. И я не спрашивал у него, кто они. Я их знал. Это были Константин Циолковский, Казимир Семенович, Рудольф Бинг, Николо Тесла, Артур Кларк и Роберт Годдард. Анатолий сдержал своё обещание взять их на борт, когда начнутся испытания его «колеса вокруг планеты». Они ещё долго будут спорить между собой, что-то доказывать, что-то опровергать, но, в конце-концов, согласятся, что изобретение Анатолия – самое оригинальное, самое перспективное, самое удобное, и на ближайшие столетия лучшего проекта не предвидится…

На платформе меня ожидал юнибус, стоящий на струнах. Им не управлял водитель, им управлял компьютер. Передо мной раскрылись двери, и я вошёл в салон. Как только сел в кресло, транспортное средство тронулось с места.

Ощущение, что летел по воздуху. За окном мелькали верхушки деревьев, голубизна неба настраивала на добродушный лад. Прикрыв глаза, затылком упёрся в спинку кресла. Не мог понять своего настроения – мною овладела то ли радость, то ли ощущение значимости открытой в своей жизни неизвестной доселе космической страницы.

До центра Гомеля юнибус довёз меня за несколько часов, хотя расстояние от эстакадной платформы до города насчитывало несколько тысяч километров.

Сойдя на платформу и очутившись около своего дома, дал волю удивлению:

– Так это мне всё приснилось или произошло на самом деле?

В моей руке была авторучка, которую подарил мне Анатолий Юницкий. Я не ощущал её веса. Когда положил на ладонь и попробовал подбросить её, она осталась «лежать» в воздухе – не падала, но и не поднималась.

Такой волшебной ручки в моей жизни ещё не было.

Отзывы и суждения

Об Анатолии Юницком заговорили в прессе, на радио. О его изобретении узнали не только у нас, но и за рубежом.

Сказать, что всё было воспринято на «ура», будет неправильно. Были разные оценки и суждения.

Кто как не космонавты, посетившие космос, могли дать правильную оценку, высказать свои суждения о брошенном спасительном круге для человечества и о самом авторе?

Одним из первых откликнулся лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза белорус Пётр Климук:

– Я думаю, если бы большинство людей поднялось в космос, то на планете Земля больше не происходили бы войны и военные конфликты. Спросите, почему? Потому что в будущем, когда появятся чрезвычайно огромные орбитальные станции (освоение космического пространства могут осуществлять все страны), мы там, в космосе, будем считать: не человек из Советского Союза, не гражданин, допустим, Польши, Чехословакии или Соединённых Штатов Америки, а просто землянин. Каждый человек, независимо от того, какой он нации и какому государству принадлежит, будет работать для человечества, для землян. И мне кажется, именно космос и даст каждому из людей равные права на защиту своей земли.

Поддерживая идею Анатолия Юницкого, первый заместитель председателя Федерации космонавтики СССР И. Борисенко (Москва) посылает в 1987 году в Гомельский обком партии и областной совет научно-технических обществ обращение:

«Просим рассмотреть вопрос об организации инициативной группы или общественного конструкторского бюро по проблемам безракетной космической техники при областном совете Научно-технического общества. Решение организационных вопросов поручается члену Федерации космонавтики СССР тов. А.Э. Юницкому, который работает в ней продолжительное время и является автором предлагаемой безракетной системы...»

И. Бестужев-Лада, доктор исторических наук, сопредседатель Комитета исследований будущей Международной социологической ассоциации (Москва) утверждает:

– Демографы ООН прогнозируют, что в XXI веке рост земного народонаселения будет постепенно уменьшаться и примерно к 2150 году народонаселение стабилизируется на уровне 13,5 миллиардов человек. Это очень много. Достаточно сказать, что вся земля без Антарктиды – это ровно 13,5 миллиарда гектаров. По гектару на человека. Это очень мало. Очень высокая энергетическая нагрузка.



Фрагмент очерка об ОТС А. Юницкого, напечатанного в журнале «Беларусь», № 3, 1987 г. Автор – Виктор Жук

Нельзя забывать, что многие страны Азии, Африки, Латинской Америки только-только начинают становиться крупными поставщиками и производителями энергии. Если продолжить эту линию развития, то тогда становится понятным опасение специалистов, которые говорят об опасности перегрева земной атмосферы, «оранжерейного» эффекта, подъёма уровня вод мирового океана на несколько метров, ну а в том случае, когда начнёт таять и Антарктида, – даже на несколько десятков метров. А катастрофические явления…

Мы должны попробовать двигаться в направлении так называемого «общества низкой энергетики», чтобы эффект жизни был тот же и даже лучше, чем сейчас, чтобы качество жизни было более высоким, а энергии мы тратили бы намного меньше.

И вот в этой связи проект Анатолия Юницкого, его идея представляется мне наиболее интересной. Правда, оговорюсь, необычной. В сущности, это принципиально новый вид транспортного средства.

Доктор технических наук, заведующий лабораторией контактного взаимодействия тел ВНИИ оптико-физических измерений (Москва) А. Силин:

– Это глобальный проект, требующий рассмотрения не только с технической и экономической точек зрения, но и с позиций, так сказать, всего человечества, поскольку он требует объединения уси-

лий всех людей.

Что можно сказать о его осуществлении? Ну, во-первых, с позиций физики это проект корректный и не вызывает никаких сомнений. А во-вторых, за кажущейся внешней простотой главной идеи и совсем необычным его конструкторским воплощением проглядывается глубокое понимание сущности поставленной задачи и смелое, свободное от груза устоявшихся традиций, инженерное представление и мышление, умноженное на отличную осведомленность о самых последних новинках и достижениях разных ветвей техники. Значит, спорить можно только о некоторых, чисто технических, проблемах…

Продолжение диалога с Циолковским

Казалось, Константин Эдуардович задремал. Он склонил голову над столом, и непонятно было, то ли он задумался над вопросом Анатолия Юницкого, то ли дрёма напала на него…

Гость молчал, осматривал жилище заключённого, выпущенного на свободу. Серые стены, серый потолок, серый свет, пробивающийся сквозь зарешеченное окно. Юницкий подумал, что даже если бы оно и было распахнуто, то жилец камеры не пожелал бы уйти на свободу через окно.

Он сейчас был свободен, хотя находился на территории заключённого. Парадокс. Это напоминало птицу, имеющую крылья, но находящуюся взаперти…

– Так на чём мы остановились? – очнувшись, спросил один учёный у другого. – Так вы говорите, дорогой коллега, что впервые познакомились со мной, вернее, с моими трудами, будучи учеником?

– Да, Константин Эдуардович, в школе я прочитал всё, что о вас написано. Правда, у меня в то время не было ни энциклопедий, ни справочников, но я добрался до Брагинской районной библиотеки и попросил литературу о вас.

– Занятно, занятно. И что же вы открыли для себя, прочитав то, что писали обо мне?

– Много чего интересного… Может, не столько интересного, как удивительного. Удивительное то, что, не зная ваших открытий, я интуитивно пробовал открывать для себя то, что вы открыли раньше. Прочитав, я даже испугался.

– Чего испугались? Что я украл у вас ваше открытие? – Циолковский хитро прищурился, с улыбкой смотрел на собеседника, приставив к правому уху ладошку, чтобы лучше услышать ответ.

– Да нет, Константин Эдуардович, скорее наоборот. Я себя уличил в плагиате. Будто в каком-то фантасмагорическом сне я списал тайно у вас ваши открытия. Мне снились часто сны о космосе, полёты на другие планеты… Снились огромные полки книг, и все они были о космосе, о покорении космоса. Я читал их с упоением, даже записывал что-то в свою тетрадь.

Циолковский весело посмотрел на Анатолия, засмеялся.

– Удивительно! – воскликнул он, запрокинув голову, руку положил на седую бороду. – Так и мне снились те стеллажи! Скажите, а не было ли в ваших снах серой собаки, которая стерегла то богатство?

Учёный уже не смеялся, он выпрямился, пристально впился глазами в своего гостя.

Анатолий побледнел. Откуда он знает о собаке? Неужели им снился один и тот же сон? Разве такое может быть?

– Да, я помню ту собаку. У нее был красный ошейник. И лежала она на коричневой медвежьей шубе. Она лежала молча, высунув язык, не обращая на меня внимание – признавала меня за своего.

– Уму непостижимо! – Циолковский ударил ладонями себе по коленям. – Фантастика!

– Одна из ваших книг «Планета транспортного средства» была среди тех книг. Потом мне её дали и в библиотеке. Странно то, что перед входом в библиотеку лежала на земле точно такая же собака. Видимо, она принадлежала кому-то из сотрудников библиотеки. И я думал, оказывается, параллельно над тем же, но я ещё не мог написать тот труд о том, как отправиться в космос без ракеты, потому что не хватало знаний. А потом, когда мне дали вашу книгу «В грёзах о земле и небе», я и ужаснулся, что моё открытие было сделано вами.

Анатолий уже поднялся с табуретки, начал ходить по узкому пространству.

– Вы описывали такой эпизод… Просили читателя представить себе малую планету, а по экватору проложена железная дорога. А по ней движется поезд, который без начала и без конца: поезд – замкнутый круг.

Потом поезд начинает двигаться, он ускоряет и ускоряет ход, – разгоняется до такой степени, что уже отрывается от земли, поднимаясь в космос.

Он приобретает первую космическую скорость. Вы знали, что спутники земли невесомые. Почему? Потому, что сила притяжения и центробежная сила уравновешивают друг друга. И поезд, когда достигает

первой космической скорости, тоже становится невесомым.

Циолковский внимательно слушал своего последователя, который стоял у окна и рассказывал калужскому учёному о его изобретении.

– Ну и что, Анатолий, вы хотели пояснить мне? Говорите, не обижусь, если вы старика в чём-нибудь обвините.

Юницкий улыбнулся:

– Разве я похож на обвинителя? Это следователи и обвинители определили вас сюда, а я хочу найти истину. Вот вы, Константин Эдуардович, достигли первой космической скорости. Прекрасно. А дальше что? Вы же всё равно остались на планете. А чтобы выйти в космос, нужно увеличить диаметр, не так ли?

– Верно.

– Ваш поезд должен растянуться и стать струной.

– Гитарной? – съязвил Циолковский, хитро улыбаясь. – Или скрипичной?

– Поезд должен натянуться, но по окружности. Гитара или скрипка начинают звучать, когда у них струны натянуты. А у космических струн другой закон натяжения. Вы взяли малую планету, но мы же живём на Земле диаметром более 12 тысяч километров. Первая космическая скорость – около восьми километров в секунду… А как её получить на Земле, на которой присутствует атмосфера? И на Земле есть моря, океаны, горы… А что если мы этот поезд поместим в трубу? И из трубы выкачаем воздух, уберём рельсы. Только при этом условии нам ничего не может помешать приобрести первую космическую скорость. Это же не полёт пули из снайперской винтовки. Пуле легко «пробить» атмосферу, а как это сделать огромному составу вагонов?

Циолковский перестал улыбаться, задумался, внимательно глядя на своего оппонента, заёрзал на стуле.

– Занятно, занятно, – еле заметно покачал головой Константин Эдуардович, – мне нравится ход ваших мыслей… Очень интересно, слушаю вас внимательно, Анатолий, будьте добры продолжать.

Но Юницкий не спешил продолжать. Он знал, с кем разговаривает, с кем вступил в диалог. Представилась замечательная возможность проверить свои предположения и выводы по теме, которая волновала его и будет волновать всю жизнь.

– Я предлагаю заменить рельсы на магнитный подвес и расположить состав так, чтобы он не касался стенок, потолка и днища.

– Логично! – подхватил идею Юницкого учёный. – Тогда уби-

рается сопротивление, не так ли? Но тогда ответьте мне на такой вопрос: а где взять энергию, чтобы привести в движение такую махину?

– А эту функцию будет исполнять то же магнитное поле.

Циолковский недоуменно пожал плечами:

– Как это возможно?

Анатолий подошёл к столу и сел напротив.

Но в этот момент распахнулась дверь, и порог камеры переступил солдат в зелёной фуражке с подносом в руках. На подносе стояло два стакана горячего чая, на блюдечке лежало несколько галет. Циолковский удивлённо посмотрел на «официанта».

– Ваш благодетель приказал напоить вас чаем, – тихим голосом пояснил охранник. – Он сказал, что у вас будет разговор до утра, поэтому подкрепитесь…

– Спасибо, служивый, – закивал благодарственно узник, – весьма вам признателен.

Когда закрылась дверь, Юницкий продолжил:

– Так вот… О магнитном поле. Электродвигатели крутят магнитное поле, это вам прекрасно известно как физику, вы же об этом говорите своим ученикам. Но опять же – зачем поезд? Это сколько же уйдет для этого металла, да и длина его будет сорок тысяч километров. Давайте мы поезд заменим ротором. А его размер составит всего несколько десятков сантиметров в поперечнике. Да пусть он весит даже 100 килограммов на погонный метр, но это всего 100 тонн на километр. Всего – четыре миллиона тонн. Всё равно это очень мало металла. Больше весят одни только легковые автомобили в таком мегаполисе, как, например, Москва. Делать при этом тоннель нужно не шесть метров в диаметре, как в подземном метро, а сантиметров пятьдесят. И вот мы поезд превратили в такую вот конструкцию.

Старик подпёр бороду рукой, неотрывно смотрел на своего гостя, с нетерпением ожидал, что тот скажет дальше.

– Давайте нашу конструкцию разгонять дальше. Когда мы достигаем первой космической скорости, наш невидимый поезд становится невесомым. У нас же нет колёс и рельсов, можем смело разгонять и дальше. Возникнет центробежная сила, направленная вкаждой точке вертикально вверх, которая превысит вес конструкции. Если погонный метр весит, допустим, двести килограммов, а центробежная сила составит двести пятьдесят, то что произойдёт с конструкцией?

– Поднимется, – поддержал его Циолковский, – оторвётся от

эстакады. Я теперь понимаю. Земной шар – не идеальная окружность. Труба-тоннель может опираться на горы, ниспадать вниз – в долины и каньоны… А ротор, по мере ускорения движения, будет отрывать конструкцию от земли вначале ту, которая находится ниже, а потом выше и выше?

Анатолий обрадовался, что Циолковский заинтересованно включился в разговор, что поддержал его идею. Значит, он соглашается с ней, и в выводах и предложениях нет никаких противоречий.

– Да, уважаемый Константин Эдуардович, действительно это так. Я уже не один десяток лет бьюсь над этой проблемой, стучусь в непробиваемую стенку, но меня не понимают. А если и понимают, то просят подождать несколько столетий, чтобы её претворить в жизнь.

– Обидно, – вздохнул узник, – очень обидно. Меня с моими идеями пытались определить в дом душевнобольных, и вас, наверное, относят к разряду тех людей, у которых «не все дома»?

– Случается, Константин Эдуардович.

– Так мы отвлеклись, дорогой коллега… Идём с вами дальше. С нетерпением жду дальнейшего изложения ваших мыслей.

На этот раз поднялся со своего места Циолковский. Выйдя из-за стола, потянулся, кряхтя, развёл руки в стороны, распрямил плечи. Потом прислонился спиной к стене, скрестил руки на груди.

– Вся изогнутая конструкция вначале имеет избыточную энергию. Но любая система стремится к равновесию. Поэтому те места, которые «выпадают» из идеальной окружности, «проваливаются», начинают выравниваться и «подстраиваться» под нужную окружность до тех пор, пока не будет создан необходимый радиус. И тот же радиус, как и диаметр, начинает увеличиваться. Труба может удлиняться до необходимых параметров, и это зависит от того, на какую высоту она будет подниматься. Растяжение на каждом телескопическом стыке всего состава составит всего несколько десятков сантиметров.

Анатолий, вспомнив о чае, сделал несколько глотков. Чай ещё не успел остыть, придал немного бодрости. Отпил из своего стакана и Циолковский.

– Так вот… Для того, чтобы подняться в космос, необходимо иметь общую скорость более восьми километров в секунду – выше первой космической скорости. Когда мы выведем нашу конструкцию в безвоздушное пространство, можем остановить подъём. Корабль, назовём его так, не сможет упасть на землю, потому что сила притяжения Землёй каждого погонного метра корабля ком-

пенсируется точно такой же по величине центробежной силой. Потом мы уже на этот статор-ротор можем подвесить отдельные кабинки – через десять метров, через сто, неважно, где сидят в капсулах люди, находятся грузы… За один рейс можно вывести в космос миллионы людей и миллионы тонн груза. А можем и надеть сплошной корпус-трубу с телескопоческими стыками.

Два человека, находящиеся в камере на Лубянке, не замечали времени.

Они никак не могли наговориться, насладиться идеей, которая была главной в их жизни. Циолковский не перебивал своего младшего друга, слушал, радуясь, что у его младшего коллеги такие неординарные полёты мысли, такие смелые предложения по освоению космического пространства.

Анатолий Юницкий, найдя в Циолковском заинтересованного собеседника и слушателя, рассказывал и рассказывал о своём детище, опасаясь одного – чтобы не застал их за разговором внезапно рассвет… Тогда он не договорит обо всём, что хотел, что волновало его.

Он старался убедить Константина Эдуардовича, что его спасительный круг для человечества – не ракета, когда нужно подвергаться нечеловеческим нагрузкам во время старта. Круг отрывается от земли медленно, и поэтому нет никаких перегрузок. Ещё в апреле 1988 года Анатолий рассказывал о своём проекте в газетах и журналах, в телевизионных передачах. Лётчик-космонавт СССР Игорь Петрович Волк, с которым проводили в Гомеле международную конференцию по ОТС, рассказывал, что когда он тренировался для полётов на «Буране», то испытывал на себе огромные перегрузки. Казалось, кожа на голове вот-вот лопнет, и полопаются сосуды тела. На него давил вес более тонны.

Чтобы попасть на околоземную космическую орбиту, ракете нужно менее чем за десять минут вырваться в безвоздушное пространство. Если же за это время ракета, сжигая сотни и даже тысячи тонн топлива, не наберёт нужной скорости, то она упадёт обратно на землю, не достигнув своей цели. А в ОТС никакого топлива не нужно, и не за семь-десять минут планетарное колесо наберёт заданную высоту и заданную скорость, а можно подниматься и два часа, и десять, и сутки… Человек не будет ощущать перегрузок. Можно подняться в космос как на автомобиле, регулируя подходящую для себя скорость.

– Константин Эдуардович, вы великий учёный, но и великий

фантазёр. Вы мечтаете о том, что человек поселится на других планетах – Сатурне, Марсе, Юпитере… Абсурд. Никогда с вами не соглашусь!

Циолковский подался немного вперед, упёрся грудью в краешек стола, спросил:

– Почему? Убедите меня в этом.

– Пожалуйста, только не обижайтесь на мою смелость. В споре рождается истина, разве не так?

– Так, так, мой друг, валяйте!..

Анатолий улыбнулся, ему понравилось его «валяйте». Он допил давно остывший чай.

– Хорошо, буду валять… Взять ваши мысленные проекты с малыми планетами, что можно соорудить поезд на малой планете. Вы – философ, вы – величайший мыслитель, но… Вы говорите, что человек, вышедший в космос, зелёный, потому что он усваивает солнечное излучение, радиацию, и он, как растение, живёт привольно в космосе. Тема для фантаста-литератора. Но вы поняли, что поезд вокруг Юпитера – это нереально, и вы обратились к ракете как к единственному виду транспорта, при помощи которого человек оставит землю. Гениально! Но только на тот момент, как вы подумали об этом. Но мы идём вместе с вами дальше. Представим, Константин Эдуардович, что мы живём с вами на планете Юпитер. Или на Сатурне. Как физик, вы знаете, что там сила тяжести в несколько раз больше, чем на Земле, как и плотность атмосферы на порядок выше.

– Да, согласен. И от этого никуда не деться. Законы космоса.

– С земли мы видим, как сгорает, падая, звезда-метеорит. Мы загадываем желания. Идиллия, не правда ли? Но мы знаем, что это сгорает обычный кусок камня или металла, когда он попадает в атмосферу. Сгорел метеорит. Сгорел за несколько секунд, войдя в разряжённые слои атмосферы со скоростью двадцать-тридцать километров в секунду. А ракета, чтобы разогнаться с того же Юпитера, должна иметь скорость около пятидесяти километров в секунду – но никак не восьми километров в секунду, как при старте с Земли. Значит, топливо должно гореть не семь-десять минут, а тридцать пять – пятьдесят минут, чтобы с тем же ускорением разгонять ракету. Но если оно будет так долго гореть, то сила тяги реактивных двигателей будет в 25 раз ниже веса в пять раз потяжелевшей ракеты! Я вижу, как всё топливо сгорает, а ракета на стартовом столе даже не шелохнулась…

– Хм-х, – невнятно произнёс изобретатель ракеты, – ккх-х…

– Потому что у стартующей с поверхности планеты космической ракеты должно быть одно обязательное свойство – тяга двигателей должна быть больше веса корабля. Почему в моё время получил такое большое развитие легковой автомобиль? Потому что ему не нужна тяга больше, чем его вес. Его тяга в сотню килограмм позволяет развивать скорость в сто и более километров в час. Но автомобиль весит полторы-две тонны. И он движется не по вертикали, а по горизонтали. А ракета резко отличается от автомобиля. И у неё совсем другие особенности и законы. Более того, вы представьте, что необходимо пройти со скоростью 10–20–30 километров в секунду плотные слои атмосферы, которые значительно плотнее земной атмосферы – не разряжённые, куда падают метеориты, да ещё если представить, что метеориты падают не сверху, а снизу, где наиболее плотные слои – в десятки и сотни раз более плотные, – вольфрам сгорит за секунду… Да нет таких материалов и не будет никогда. Поэтому, уважаемый Константин Эдуардович, относясь к вам с величайшим уважением, никак не могу принять ваш проект широкомасштабного освоения космоса при помощи телеги-ракеты… Тот путь, который вы предсказали, нам, сатуринянам-юпитеринянам не подходит. А вот ваша идея с поездом – в самую точку. Но, опять же, с оговоркой – если ваш поезд будем разгонять не в атмосфере, на железных рельсах, а в вакууме, не касаясь ни одной стенки… Это же можно делать как на Юпитере, так и на Сатурне, неважно, какая там плотная атмосфера. А в вакууме разгоняйте ваш поезд хоть до ста километров в секунду. Но так много и не надо, а хотя бы семьдесят, восемьдесят километров в секунду. Откачали из трубы атмосферу (неважно, какая она плотная) – и всё, путь свободен! Эффект будет достигнут. Да те же ускорители заряжённых частиц, работающие на тех же физических принципах, способны разгонять до скорости триста тысяч километров в секунду. Те же принципы разгона. И вы на Сатурн прилетите с Земли не на ракете. А если и на ракете, то обратно вы взлететь не сможете. Поэтому ваши фантазии отправиться в путешествие на Сатурн или Юпитер на ракете – нереальны!

– Не подходит моя ракета? – засмеялся добродушно Циолковский, нисколько не обидевшись на Анатолия за его несогласие, покачал головой: – И чем же она вам не понравилась, будьте так любезны, изложите мне главный довод в вашем несогласии…

Анатолий снова поднялся с табуретки. Он не замечал сгустив-

шихся сумерек, не замечал времени, им овладела одержимость и потребность выговориться, даже поспорить с великим учёным-фантазёром. Потом снова сел, нервно потирая руки.

– Современные ракетоносители с реактивным двигателем имеют мощность порядка ста миллионов лошадиных сил. Можно ли представить те сто миллионов лошадей, которые впрягаются в хомут и разгоняют космический аппарат? Для того только, чтобы поднять в космос какие-то мизерные десять тонн полезной нагрузки. При так раскладе получается коэффициент полезного действия… менее одного процента. Менее одного процента, Константин Эдуардович! У современного паровоза – пятнадцать! Уму непостижимо. А если говорить, сколько вреда приносит экологии планеты сгораемое высокотоксичное топливо, причём в основном в уязвимых верхних слоях атмосферы, которое не просто сгорает, а извергается со скоростью в несколько километров в секунду с температурой в несколько тысяч градусов, то легко и сделать главный вывод: запускать в большом количестве ракеты в космос – самоубийство.

– Правильно – самоубийство! – раздался неожиданно за спиной Анатолия Юницкого хрипловатый голос. – Я поддерживаю тебя, мой друг!

Непонятно откуда взялась в камере третья табуретка, и нежданный гость уселся на неё. Смотрел на Циолковского и Юницкого, улыбался.

– Всё спорите? Всё хотите истину найти в споре? А истину никто не знает, она принадлежит самому Богу.

Циолковский и Юницкий знали, кто пришёл к ним в гости, знали, хотя никогда с ним не встречались. Перед ними сидел Николо Тесла. Известный на весь мир гениальный Тесла.

– А чего это вы в темноте сидите? – удивился он. – Экономите электроэнергию?

– Да нет, просто на ночь отключают свет во всех камерах, – пояснил Константин Эдуардович.

– Ну, мы это легко исправим, – пообещал Николо.

Он направил указательный палец на лампочку – и она вспыхнула слабым светом. Потом опять «выстрелил» пальцем в неё – свет стал немного ярче.

– Теперь достаточно, – удовлетворённо заметил житель Нью-Йорка, живущий на улице Ист-Хьюстон, 48. – Не люблю яркого света. Хотя в темноте я вижу лучше, чем при свете… Вы хоть меня увидите.

– А мы и не заметили, что сидим в темноте, – признался Ана-

толий и в самом деле не заметил того, беседа освещала их голоса и лица.

Юницкому почему-то стало не по себе от взгляда Николо – лихорадочный блеск чёрных глаз, в уголках губ затаённая улыбка. Знал, что ему под силу невозможное, например, он мог сравнять с землёй не только эту тюрьму, в которой они находились, а и весь город… Загадочный человек, но гениальный до безумия. Он даже на расстоянии слышал биение сердца любого человека, мог определить артериальное давление.

Знал Анатолий и то, что в учебниках физики почему-то не упоминали его имени. А зря. Ведь это он открыл существование переменного тока, флюоресцентный свет, беспроводную передачу энергии, это он построил первые в мире электрические часы, турбину, двигатель на солнечной энергии. Ему принадлежит изобретение радио, а не Маркони и Попову, получение трёхфазного тока раньше, чем это сделал Доливо-Добровольский. Весь мир признаёт, что на его изобретениях выросла вся энергетика двадцатого столетия. Число его открытий измерялось тысячами, просто не всё он выносил на суд учёных и чиновников от власти – как военной, так и гражданской.

Анатолий знал, что Тесла несколько десятилетий занимался главной проблемой – энергией всей Вселенной. Хотел докопаться до секретов движения Солнца и других светил. Пробовал невозможное – управлять космической энергией. Ему, как говорили, даже удалось наладить связь с другими мирами. Но он никогда не кичился своей значимостью и гениальностью, отшучивался только, когда его называли гениальным изобретателем, говорил, что просто исполняет роль проводника идей. А когда спрашивали, кто руководитель всех его идей, показывал куда-то вверх, не говорил, что он посланник Божий, а что идеи ему подсказывал эфир.

Знал Юницкий и то, что Николо Тесла занимался тем, чем и он занимается – общепланетным транспортным средством: колесом вокруг Земли. Но тут с ним можно поспорить. Если следовать логике Теслы, то по расчётам Юницкого предлагаемый транспорт подняться в космос не мог…

Гениальный изобретатель родился не в Америке, а в Сербии – в небольшом городке Смилян 9 июля 1856 года. Почти на год раньше Константина Циолковского. Так что они почти ровесники.

– Вы, кажется, говорили о самоубийстве? О широкомасштабных запусках ракетоносителей в космос? Я услышал ваш спор или

диалог и решил оторваться от своих опытов в лаборатории, прийти к вам. Правда, ваши апартаменты намного отличаются от моих, но что поделаешь. Послушайте, Анатолий и Константин, а давайте мы перенесёмся вместе с вами в моё жилище – просторное и светлое, со свежим воздухом – и там продолжим разговор, а?

Циолковский, услышав его приглашение, сразу же замахал руками:

– Нет, нет, нет!.. Что вы, Николо! Мы здесь временно. Я утром ухожу, а Анатолий прилетел из будущего, на сегодня он ещё не родился. Так что утром мы оставим это мрачное заведение.

– Ну как хотите, – пожал плечами американец. – Я бы вам построил лаборатории, и вы бы занимались своим любимым делом. Ладно, вам виднее. Все стремятся в Америку. И я отправился туда в 1884 году. Да не просто в неизвестную страну, а к самому Томасу Эдисону, с рекомендательным письмом от парижского учёного с такими словами: «Я знаю двух великих людей. Один из них вы, а второй – этот молодой человек». По дороге в Нью-Йорк меня ограбили подчистую – пропали все мои вещи и тетради с записями новых открытий. Кстати, Анатолий, о том колесе вокруг земли, чем и вы занимаетесь… В кармане всего четыре цента. Судьба подсовывает мне первый случай. На Бродвее увидел людей, которые тщетно пытались починить электромотор. Предложил свои услуги. Отремонтировал я его за считанные минуты. И в моём кармане поселились первые двадцать долларов…

«Точно так же, как и меня ограбили в Москве, – подумал Юницкий, – пути Господни неисповедимы…».

– Да, Константин, Анатолий здесь прав, тысячу раз прав, что летать в космос на ракете – идея абсурдная.

– Но и ваша, прошу извинить, Николо, идея о транспортном средстве не совсем удачная. – Анатолий, получалось, заступался за Циолковского, не хотелось, чтобы он сразу набросился на него. – Я изучал ваш труд, подходил к нему и так, и эдак… Не вписывается почему-то.

Лучики чёрных глаз Николо впились в Юницкого. Видимо, не ожидал такого смелого возражения от изобретателя.

– Это почему же, позвольте вас спросить? Чем не понравилась моя идея? В чём мои просчёты?

– Просчёты? – наклонился к нему Анатолий. – Простое колесо не сможет оторваться от земли. Не сможет взлететь в небо.

Тесла нахмурился, отчего чёрные крылья бровей сошлись на переносице и стали подобны на летящую чёрную птицу, дотронулся

кулаком до усов. Потом улыбнулся, глядя на Циолковского и Юницкого, переспросил:

– Это почему же не сможет взлететь? Я обладаю такой силой энергии, что могу поднять в небо корабли и танки, взять энергию ниоткуда – из воздуха и земли… И вас могу поднять до потолка…

После его слов все втроём начали вместе со столом подниматься выше и выше. Николо не отрывал взгляд от Анатолия, ожидал, когда испугается Циолковский. Головы уже уперлись в потолок. Казалось, потолок раскроется – и они полетят дальше…

– Достаточно! – чуть ли не закричал Константин Эдуардович.– Достаточно фокусов!

Так же медленно опустились на пол.

Анатолий спокойным голосом промолвил:

– Может, танки и корабли взлетят в космос, но круг ваш не взлетит. Законы физики и энергии не пустят.

– Ну и смелый ты же, однако! Хвалю. Но и услышать хочу твои доводы против моего проекта.

Юницкий ожидал от Николо такой просьбы. Для этого, видимо, он и пришел «на огонёк», чтобы «сразиться» с изобретателем этого и следующего за ним столетия.

– Что ж, пожалуйста… В 1895 году Вестингауз ввёл в строй крупнейшую в мире Ниагарскую ГЭС. На ней работали ваши сверхмощные генераторы. Прекрасно! Хвала Николо! Тогда же вы изобрели и серию радиоуправляемых самоходных механизмов, которые назвали «телеавтоматами». Да, вы построили в Колорадо для своих экспериментов башню с большой медной сферой на верхушке. Вы генерировали потенциалы, разряжающиеся стрелами молний длиной до полусотни метров. Слышались громовые раскаты, а вокруг башни пылал огромный световой шар. Искры проскакивали под копытами лошадей и под ногами людей. И за двадцать пять миль от башни одновременно загоралось более двухсот лампочек. Энергия была передана лампочкам не по проводам, а посредством земли.

– Извини, Анатолий, что перебиваю, но об этом я наслышан, – положил Николо свою ладонь на руку Юницкого, – ты мне о главном скажи, о главном…

– Ты великий изобретатель и учёный, Николо!

Тесла поморщился, словно от зубной боли, покачал укоризненно головой.

– О главном? Пожалуйста. Вы писали: «Представим себе эстакаду вокруг Земли по её экватору. А потом, построив на эстакаде вокруг Земли беспрерывное кольцо, уберём эстакаду. Внутри – пла-

нета Земля. Давайте затормозим кольцо… Земля вращается со скоростью пятьсот метров в секунду, а кольцо стоит на месте. Через час мы ступим на землю другой страны, которая будет находиться от первоначальной точки в тысяче восьмистах километрах…» Вы прекрасно знаете электротехнику, и никто лучше вас её не знает во всём мире. Но вы представляете, какое это будет сжатие в кольце? Кольцо длиной в сорок тысяч километров… Мы знаем арочные мосты, они бывают достаточно большие. А давайте представим – длина моста километр, пять километров? А десять? А двенадцать тысяч километров? Напряжения сжатия в несущей конструкции превзойдут тысячи тонн на один квадратный сантиметр – а всё это нужно ещё поднять в космос. Нет таких в природе материалов, чтобы соорудить такой комплекс. А если мы и применим сверхлёгкий, но высокопрочный материал, даже легче воды, то, оторвавшись от эстакады, сжатый круг потеряет устойчивость, так как он станет самонесущим.

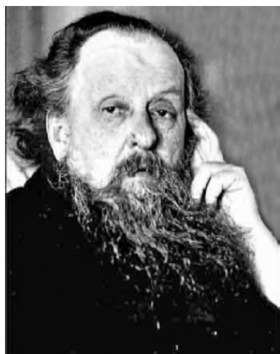
Константин Циолковский не вмешивался в разговор, не перебивал, ни о чём не спрашивал, его словно и не интересовала совсем дискуссия двух изобретателей. Может, он и не слышал их разговор – в последнее время у него совсем пропадал слух. А раз не слышал, то и вовсе мог задремать – уже было далеко за полночь. Только двоим собеседникам было не до сна, им хотелось закончить свой разговор и мирно разойтись…

– Гитарная струна, если сравнивать, устойчивость не потеряет – она растянута, не так ли? А в вашем случае конструкция сжата. Возьмём даже в поперечнике десять метров или километр. Километр. Предположим, мы соорудили столб высотой в двенадцать тысяч километров и толщиной в километр. Он будет стоять, Николо? Никогда, сами об этом знаете. А то, что я предлагаю, при любой длине устойчивость не потеряет. Мне радостно, что ваше кольцо вокруг планеты реализовано, хотя и по-другому – не по принципу сжатия, а работающее на растяжение…

– Да, я не подумал, здесь действительно идея растяжения, – согласился Тесла и в знак одобрения покивал головой, отчего чёрный, на два пробора, чуб закрыл глаза. – Ты здесь прав. Действительно, когда я покупал скрипку или гитару в магазине, то натягивал-растягивал струны до тех пор, пока не получал нужный звук. Похвально, Анатолий! Ты исправил мою ошибку. Как и ошибку Константина.

Юницкий покачал головой:

– Не я исправил, а законы космоса и физики. Поперечник коль-



Константин Циолковский

ца не может быть большим, иначе оно будет слишком тяжёлым, да и чрезмерно материалоёмким и дорогим. Только растянутая система с малыми поперечными размерами не потеряет устойчивость и, не меняя формы, выйдет за пределы атмосферы планеты. И это единственный выход. За счёт внутренних сил системы, как в случае с бароном Мюнхгаузеном, потому что есть своя экология и на Юпитере и на Сатурне, и на других тяжёлых планетах, и её не нужно нарушать. А тот способ, который предлагаю я, нигде и ничего не нарушает. Нам космос практически не нужен. Представим, что мы сатуриняне и что у нас на Сатурне, этом газовом гиганте, давление в тысячи атмосфер, а там, в космосе, – вакуум. У нас попросту нет таких скафандров, чтобы внутри были тысячи атмосфер. Поэтому космос нужен не для нашего расселения, а для обслуживания нашей цивилизации – размещения производств, промышленности, энергетики, для утилизации промышленных отходов. По этим принципам мы и построили кольца вокруг планеты.

Создатель – есть такая основная теория – построил мир по принципу растянутых струн. Мельчайшие частицы нашего мира, невидимые под самым сильным микроскопом, – это и есть те самые вантовые струны. В основе мироздания, Творец, зная, что струна – самый устойчивый элемент, и построил этот Мир таким. Рукотворные вантовые и висячие мосты или канатные дороги – это также струнные конструкции. А наши трубчатые кости? Почему они такие прочные? Потому что одни волокна в них растянуты, а другие сжаты. Паутина – струнная конструкция. А железобетон и предварительно напряжённая арматура, завоевавшие весь мир? То же самое – струны. Почему высокие деревья устойчивы и не падают? Струны в них натянуты… Ветер качает, а бамбук или дуб стоят столетия, и ничего с ними не происходит.

Есть четыре вида нагружения материальных конструкций – сжатие, растяжение, изгиб и кручение. Но самое благоприятное в конструкционных элементах и в несущей материи нашего реального мира – растяжение. На башенном подъёмном кране два несущих конструкционных элемента – один сжат, а другой растянут. Сжата башня с множеством железа, а растянут канат, который держит

крюк. Нагрузки на них одинаковы, а расход стали отличается в десятки раз. Создатель научил нас жить вместе со струнами, но «недоучил», не надоумил нас лишь только на то, что мы должны строить не асфальтовые и бетонные дороги, нанося земле ущерб, а передвигаться по струнным рельсам, поднявшись над землёй, с разной скоростью и на любые расстояния…



Николо Тесла

В камере воцарилась тишина. Циолковский тихо посапывал во сне, Анатолий выговорился и молчал. Задумался и Тесла, напряжённо вглядываясь в глубину не только пола, а и планеты…

– Твои предложения не лишены научной логики, – неожиданно согласился Николо Тесла, – жаль, что мы живём с тобой в разное время, вместе мы бы перевернули весь мир…

Юницкий покачал головой:

– Я не хочу переворачивать мир, я хочу бросить человечеству спасательный круг. Рассуждая над всеми нашими вопросами и проблемами, я пришёл к выводу, что абсурдно тянуть десяткам миллионов лошадей груз в десять тонн. Экономически абсурдно и глупо. Один запуск ракеты-носителя стоит сотни миллионов, а иногда и миллиарды долларов. За один запуск космической ракеты выводится на орбиту груз примерно в десять тонн. Каждая буханка хлеба, выведенная на орбиту, становится золотым слитком. По стоимости. И сам космонавт становится «золотым». Но это уже, дорогой Николо Тесла, совсем другая, хотя и параллельная тема. А на улице уже, видишь, светает, и пора будить нашего уважаемого Константина…

– Не надо будить, – не поддержал его Николо, – пусть отдыхает… И хорошо, что он не слышал нашего разговора. Не надо его разочаровывать в целесообразности его открытия. Я соглашусь с тобой и с твоими выводами относительно моего проекта. Просто я рассчитывал на ту энергию, которая мне подвластна. Но о ней не будут знать многие тысячелетия. Я бы мог раскрыть тебе несколько своих тайн относительно космоса, но ты сам сказал, что уже поздно, вернее, уже утро. Но прежде, чем мы расстанемся, готов ответить на твои хотя бы несколько вопросов. Знаю, ты их хочешь задать…

– Хочу, Николо. Вопрос первый. Исчезли твои дневники с сек-

ретными записями. Никто не знает, в какие они руки попали. Могут ли они попасть в руки какого-нибудь маньяка, и он уничтожит земной шар, как ты утверждал, что тебе это по силе – ты изобрёл некий разрушающий вибратор?

Николо отрицательно покачал головой:

– Никогда и никто не воспользуется моими записями. Они написаны таким языком, которого нет во всей вселенной. И ни одному компьютерному расшифровщику это не под силу.

– А Пентагону, в руках которого твоё секретное оружие? Пропавшие корабли в море, причины свёртываемости крови… Передача мыслей на расстоянии…

– С моим уходом из жизни они не смогут воспользоваться ни одним изобретением. А в завещании я написал, что применять их можно будет только после моей смерти.

– Тунгусский метеорит – твоих рук дело?

– Это не я, но знаю, кто это сделал. Об этом в зашифрованном виде я сказал в своих стихах. Мне стало жаль планету и людей, живущих на ней. Но, признаюсь, преграду «метеориту» соорудил я, зная о катастрофе за несколько лет вперёд.

– Мы можем постичь второй мир, который рядом с нами?

– Можете, но это будет не скоро. И то, если на то будет воля Божья.

Николо положил на стол обе ладони, словно положил конец расспросам и ответам:

– Всё. Ты не спросил о самом главном, но через десять секунд нас здесь не будет. И пусть благополучно доберётся Константин до своей Калуги. А тебе желаю обойти все рогатки тех органов, которые стоят на страже государственных интересов и не выпускают тебя из поля своего зрения, как и не выпускало меня в своё время моё родное ФБР…

Они пожали друг другу руки.

– Вот что ещё. У меня к тебе просьба. Когда будешь испытывать спасительный круг человечества, не забудь пригласить на борт меня и твоего собеседника Константина. Нам это будет интересно.

– Хорошо, обещаю.

Дотронувшись до руки Николо, Юницкий почувствовал, как непонятная, но живительная и благоприятная энергия вошла в него, заставила вздрогнуть от неожиданности. По телу разлилась радость, лихорадочно заработал мозг, и перед его глазами поплыли формулы и цифры, и он начал медленно подниматься в космос по струнам

небесной арфы выше и выше до тех пор, пока не ступил на первую ступеньку безвоздушной площадки…

Мысленный эксперимент Юницкого

Мы сидим с Анатолием Юницким на втором этаже деревянного дома – дачи – его отца. Беседуем. Всё о том же космосе, всё о той же ракете…

Он пришёл к выводу и глубоко убеждён, что широкомасштабно осваивать космос нужно, но только без ракеты. И не по десять тонн груза «забрасывать» на орбиту, как делали это «Шаттлы» или «Бураны» вместе с «Союзами». Города там строить, заводы? Глупо все это… Если строить их с помощью ракет, они не окупятся и за миллионы лет.

– Давай мы мысленно с тобой проведём эксперимент, – говорит он мне. – Ты знаешь, что все, кто занимался космическими проектами и предлагал неожиданные идеи, которые будто бы подрывают устои государства, были под подозрением и бдительным оком инквизиции, ФБР, НКВД, КГБ… Попал под перископ кэгэбистской подводной лодки и я…

Анатолий вспоминает, как он написал статью о покорении космоса без ракеты в журналах «Техника молодёжи», «Наука и техника», «Рационализатор и изобретатель» и многих других. Это был вынужденный шаг – опубликовать своё изобретение во всевозможных научно-популярных журналах, потому что более пяти лет он добивался, чтобы ему выдали авторское свидетельство – и всё безрезультатно. Велась только переписка, и слали ему каждый раз отписки. Всего было около пятисот аргументов против, как будто проверяли, в своём ли уме парень, взявшийся за космические высоты. И что не хватит энергии, материалов – бетона и стали – на сооружение такого планетарного масштаба. И что не учитывается влияние Луны и солнечного ветра. Что планета Земля – не идеальный шар, а – геоид, который сделает орбиту космического кольца неустойчивой… Надоело играть в подкидного дурака, разослал во все журналы свои рукописи. И всё напечатали. Как это отразилось на жизни автора, вопрос второй, но радостно было уже хотя бы от того, что его поддержали, благодарили за присланные материалы, просили и ещё присылать…

Инженера путей сообщения Анатолия Юницкого – он выпускник Белорусской политехнической академии – заинтересовала ракета только как вид космического транспорта по перевозке грузов,

а не как величайшее достижение ракетно-космической отрасли Советского Союза. Как транспортник, он понимал, что очень много нерационально расходуется энергии на перевозку грузов. Ракета возит саму себя. И всё это безумно дорого.

Чтобы чуть-чуть освоить космос при помощи ракеты, необходимо вложить труд миллионов и миллионов людей. Но есть народная мудрость – овчинка выделки не стоит. Сколько вложено в этот проект? Более триллиона долларов. Работает всё человечество несколько десятилетий. Расчёты он делал в восьмидесятых годах прошлого века во время тех публикаций. Сколько вывели на орбиту грузов за двадцать пять – тридцать лет? Порядка двадцати тысяч тонн. На какое расстояние? Триста километров. С помощью чего? Транспортного средства под названием «Ракета». Хорошо, замечательно! А давайте найдём аналог на земле. Юницкий нашёл аналог на земле – одна лошадь и одна телега. Обычная лошадь с обычной телегой за такое же время сможет перевезти на такое же расстояние такое же количество грузов. С точки зрения транспорта, когда не нужно ни усилий, ни затрат, ни талантов, а самое обычное действие – выполнение транспортной работы. Вот об этой аналогии инженер Юницкий и написал…

Было сделано смелое и уничижительное обвинение современной ракетной науке – ваше достижение, уважаемые господа, – утверждал Анатолий Юницкий, – я сравниваю с телегой и лошадью. Другое сравнение на ум не приходит, хоть убейте!

Ну, каково? Брошен вызов всему советскому ракетостроению, на которое было потрачено огромное, ну просто преогромное количество народных средств. И всё ради чего? «Мы – первые в космосе! Гагарин – первый космонавт в мире!» А до экономического эффекта ещё ой как далеко! И что обидно, его невозможно и дождаться, потому что его попросту не будет!

Юницкий предложил всем учёным и инженерам от ракетостроения провести самый простейший мысленный эксперимент.

– Нас на Земле проживает около шести миллиардов человек, – говорит он. – Давайте уберём с земли весь транспорт – наземный, подводный, воздушный – и оставим на планете одну-единственную лошадь и одну-единственную телегу, чтобы решать все транспортные проблемы всей земной цивилизации. Мы хотим покорить космос, строить там города и заводы – давайте впряжём нашу лошадку, и пусть она помогает нам строить и воздвигать аналогичную по масштабам космическую цивилизацию. Пусть помогает нам плавить руду, ездить в отпуск, отправляться в дальние путеше-

ствия… Представили, что будет? Не смейтесь, это не смешно. Я нарисовал только горькую картину, соответствующую нашей действительности. Вы хотите сказать обратное? Но факты же говорят сами за себя. Скажете, глупость? А не глупость ли посылать в космос мизерный объём грузов при огромнейших расходах?! А об экологии вы забыли? Лошадь пройдёт, оставит после себя коричневые шарики, но от этого трава ещё гуще будет расти, а после старта ракеты?.. Ну, каков Юницкий?

А он обличает и утверждает, что ракеты дырявят озоновый слой и ионосферу планеты, оставляют после себя «дыры» размером с Францию. Даже неграмотные старики и старушки утверждают, что ракеты понаделали дырок в небе и на земле невозможно дышать и пить воду…

От ракет действительно меняется климат на планете, появляются дополнительные засухи и наводнения, штормы и ураганы. Болезни сыплются на людей, как и те же ядовитые дожди. А на каком топливе отрываются от земли некоторые ракеты? Ну, мудрецы… Несколько его миллиграммов могут на тот свет отправить человека. Это страшнее цианистого калия. Причём ракету нужно заправлять с избытком, чтобы она долетела до нужной высоты. А когда отделяется нижняя ступень «Протона», который стартует с Байконура, то она падает на Алтае. И там, как правило, вместе с ней падает 200–300–500 килограммов гептила – сверхтоксичного ракетного топлива. Этот яд пострашнее боевого отравляющего вещества иприта. Один грамм гептила отравляет один кубический километр атмосферы. Одна тысячная доля миллиграмма этого вещества на литр воздуха является смертельной концентрацией для всего живого. Упавшего с первой ступенью ракеты горючего достаточно для того, чтобы убить население нескольких стран. Конечно, если дать каждому тот яд. Жутко становится от этой мысли.

Так это только один старт. Это всего лишь один проезд «космической» телеги, после которой трава гуще не стала, а наоборот, завяла на корню даже в сотнях километров от старта. А если этих ракет должно быть миллионы, как и автомобилей и поездов сегодня? Ракеты выполняют в настоящее время очень узкую и частную задачу, а не решают транспортные проблемы всего человечества, стремящегося стать космической цивилизацией. Можно попугать Америку не только ботинком, а и показать ей «Кузькину мать»… Выполняют ещё и некоторые научные задачи – как человек чувствует себя в невесомости, а какая там радиация, а как она дей-

ствует на организм человека, животных, растений – и так далее.

Да, это важно, да, это необходимо, и других вариантов сегодня не имеется, все следуют теории Циолковского, и никуда от этого не деться. Как и не было другого варианта сто лет назад – как езда на паровозе. Затем паровоз ушёл, потому что он плох. Все сошлись на этом выводе. Поэтому мы ещё долго будем летать на ракетах, пока не скажем, что и этот путь плох и себя исчерпал, что необходимо другое решение. Мы силой мысли не сможем полететь в космос. И как барон Мюнхгаузен, не можем вытащить себя из болота вместе с лошадью. И на Луну по канату не взберёмся, зная законы физики, что это невозможно…

– Поэтому та система, которую я предлагаю, – утверждает Юницкий, – она возможна, она жизненна, и это есть единственно правильный выход из создавшегося положения. Но одна страна, какой бы богатой она ни была, этого не сделает. Да и не в деньгах дело, а только в едином стремлении всего человечества можно добиться осуществления этого проекта. Околоземной космос мы неизбежно должны промышленно освоить. Но не для того, чтобы жить там, ведь мы – продукт земных условий, результат миллиардов лет эволюции именно в земных условиях. Мы должны ощущать земное притяжение, дышать земным воздухом с запахом трав, пить чистую родниковую воду, питаться привычными и натуральными продуктами. На орбите мы никогда не привыкнем к космическим условиям жизни. А если и привыкнем, то космические «зелёные человечки» Циолковского не будут людьми. Это будут биороботы. А я говорю о людях, о наших внуках и правнуках. И неизвестно ещё, какая эволюция нас может ожидать в космосе с совсем иными, враждебными и чуждыми всему живому условиями. Эта область не изучена и не будет изучена до конца. Нельзя перечеркнуть миллиарды лет эволюции земной жизни. Бог создал Землю и Человека на ней, чтобы он жил и возделывал живую же почву, добывая земные продукты питания. Это наша среда обитания, только на Земле мы будем счастливы и здоровы.

Ландшафтная природа и природа нашего происхождения – земная, но не лунная или марсианская, даже не орбитальная. И мы сами являемся частью биосферы. Без неё мы умрем, погибнем, как и всё живое на планете. И если кто мечтает, что после того, как мы отравим земную жизнь и поймём, что на Земле жить больше невозможно, и начнём искать счастья на других планетах, переселившись туда, – это утопия и абсурд. Никогда не будет такого. Поэто-

му нужно родную Землю лелеять, любить, оберегать, помочь ей оправиться от тех ран, которые нанесли ей люди неразумные.

– Но мы должны выйти в космос, – продолжает свою мысль Анатолий Юницкий, – и вывести туда все «грязные» производства, металлургию, химию, промышленную энергетику и другие технологии. Но самим нет нужды отрываться от земли, которая является для всего человечества общим домом и колыбелью. Не мы выбрали технократический путь развития, а наши предки. И у нас нет иного пути, как двигаться вперёд. Нельзя, как лелеют мечту отдельные, больные на голову политики, уничтожить миллиарды «лишних» людей, чтобы оставшийся «золотой» миллиард жил в своё удовольствие. Кощунственно это, как и планы Гитлера. Да, первобытные люди жили в пещерах, изобрели орудия производства и оружие, чтобы убивать и добывать пропитание. Научились выделывать шкуры из убитых зверей. Жгли костры в пещере, то есть в доме, в котором жили. А потом в двадцать лет умирали от рака лёгких, не понимая, что, находясь в пещере без свежего воздуха, вдыхали в себя дым и копоть. Они реализовывали свои технологии в своих маленьких пещерах. И технологии были маленькие. Потом всё-таки догадались вынести свои технологи из пещер, наружу, то есть из своих домов. И перестали умирать от рака лёгких. Это был период начала технологического прогресса.

Нас сегодня более шести миллиардов, и мы находимся не в пещере. Страна наша – это всего лишь комната в общем доме. И никак нельзя в одном углу комнаты жечь костёр, в другом – плавить сталь, а в третьем – строить атомную станцию… Все скажут, что это глупо. И правильно скажут. Выход только один – в недалёком будущем необходимо разделить в пространстве созданную Природой биосферу и созданную Человеком техносферу, которые функционируют по разным принципам и принципиально не совместимы друг с другом. Иначе вторая победит первую, и человечество само себя уничтожит.

Получается новый абсурд. Если мы скажем, что первобытные люди были умнее нас, не избежать насмешек. И не только насмешек, пальцем повертят у виска.

– Тогда почему они, поняв губительную для себя ситуацию, вынесли технологии из пещер, в которых жили, чтобы вести здоровый образ жизни, говоря современным языком? – вопрошает академик Юницкий. – А мы, к сожалению, так и продолжаем развивать

технологии в своей пещере. Но мы ведь тоже знаем, что, губя всё живое на земле, тем самым убиваем себя. Знаем – и губим, знаем – и насылаем на себя болезни, сокращая свою жизнь… Как ни странно это звучит, но мои предложения лучше принимались в советское время, когда был Союз. Тогда прогнозировали будущее и признавали мой проект, одобряли его. Тогда говорили о человеке и человечестве, о его выживании, о гуманности, а сегодня на смену пришли алчность и накопление богатств, строительство яхт и дворцов, вилл на берегах лазурных морей… И не один такой олигарх-умник подумает: «На своей яхте я уплыву в море подальше от ваших проблем, спрячусь в вилле и доживу спокойно до глубокой старости…» Не получится. Он не выйдет за пределы своей квартиры – биосферы, будет дышать тем дымом и теми ядами, что и все, есть и пить то, что и другие земляне. Всем будет плохо. Никакие деньги и богатство не спасут. Они пока не понимают этого. Но это понимание рано или поздно к ним придёт. И потом они вынуждены будут вместе со всеми искать выход из тупика. А выход есть – он один-единственный…

И дальше Анатолий Юницкий рассуждает о будущем нашей цивилизации, предупреждая об опасности, которая нас подстерегает. И в который раз говорит, что помощи нам ждать неоткуда. Мы сами себе должны помочь.

Как экологически чисто, не нарушая законы физики и не опираясь на какие-то неизвестные вещи, не оглядываясь и не опираясь на принципы антигравитации и другие ощущения вне земли, описываемые фантастами, выйти достойно и цивилизованно из замкнутого круга нашего морального и физического падения? Думать надо вместе, всем миром, ожидая, когда мы вместе прозреем, научимся быть человеком разумным.

Но есть и другое ожидание. Не раз кем-то и когда-то высказывалась ущербная мысль: «Зачем так волноваться? Нам помогут другие цивилизации. Не зря же летают над нашей землёй разные там «тарелочки» и НЛО. Значит, нам хотят помочь, да пока не выходят на контакт…»

Смешно и обидно слышать такое. И невдомёк им, горе-оптимистам, что с той самой первой секунды, как они вздумают нам помочь, и начнётся наша деградация и смерть. Где сегодня народ майя, индейцы в Америке? Где? Им хотели помочь, вмешались в их образ жизни, и что? Они исчезли. Так исчезнем и мы, и следа от нас не останется… Мы сами должны помочь себе, преодолеть своё инертное мышление, прорвать ту оболочку, тот колпак, тот кокон,

в котором мы замурованы, и просто обязаны вырваться в космический простор, обновив тем самым свой мозг, ощутив новизну, обретя силу разума.

Потому что те цивилизации, оторвавшись от своей колыбели жизни, пересев в «тарелочку», давным-давно решили свои проблемы. И они летают вокруг нас и удивляются: «Ну когда же земляне вырвутся технологически из земного притяжения? Что им мешает? Сколько же ждать, когда они оторвутся от земли, смогут легко постигать другие миры, перед этим превратив свою планету в цветущий рай? Бог создал рай для человека, а он, человек, сам превращает её в ад…»

Не придут на помощь, не помогут и пальцем не пошевелят, господа присяжные заседатели неизвестно какого суда! Они же гуманны и считают нас людьми разумными и гуманными. Так станем же ими, оправдаем их надежды! И чем раньше, тем лучше.

Стучится Юницкий, надеясь, что люди услышат слова Библии: «Стучите – и вам откроют, просите – и вам дадут…» Но он не просит, он просто стучит последние годы в разные двери – властителей и чиновников, учёных и олигархов, стучит к тем, от кого зависит будущее планеты и своей страны… Он кричит на весь мир, но его крика не слышно, как и эхо не отлетает от его голоса. Его зов напоминает глас вопиющего в пустыне…

Свадьба

Влюбился Анатолий, влюбился в самую красивую студентку института. Под окнами её общежития простаивал, даже стихи посвящал ей, чего до этого никогда не делал. И, хотя в поклонниках у девушки недостатка не было, случилось так, что именно Юницкий оказался её избранником.

А когда предложил стать его женой, сразу же согласилась. Правда, за несколько месяцев перед этим Анатолий сумел расстроить её свадьбу с другом детства, на которую уже были приглашены гости, а сам Анатолий явился туда незваным гостем.

– Отец, женюсь! – слышался радостный голос в телефонной трубке. – Женюсь! Приглашаю тебя на свадьбу!

– Ты же ещё молодой, доучиться надо, – перечил Эдуард, – куда спешишь?

– Я не спешу, отец, в самый раз. Приедешь на свадьбу?

– Ну, раз приглашаешь, приеду. Мать с Тамарой приедут?

– Да.

Перед тем, как приехать на свадьбу, Эдуард Юницкий позвонил в Казахстан – с Тамарой связался. Спросил, какого размера обувь она носит, потому что собирался привезти ей в подарок туфли.

Полетел из Гомеля на Москву, а оттуда добрался до Тюмени.

Была скромная студенческая свадьба, но отец привёз сыну хорошие подарки.

Играла музыка, пел свадебные песни тамада. Всем было весело. Видел Анатолий, как отец, о чём-то переговорив с Тамарой, подошёл к матери. Но она отвернулась от него, даже говорить не захотела. Отошла от него подальше, чтобы и рядом не стоять. И Анатолий подумал: «Да, глубоко сидит рана в сердце матери, не простила ему обиду, которую он нанёс ей… Нам всем нанёс…»

Эдуард недоуменно пожал плечами, отошёл от неё. И целый вечер сидел молчаливо, глядя на веселящихся студентов.

Эдуард у сына долго не задержался – в Мозыре ожидали его дела, намечался ввод нового объекта в эксплуатацию.

Утром решил поговорить с Тамарой.

Она задала единственный вопрос:

– Отец, скажи, только честно, – почему ты оставил нас, таких маленьких, одних, без поддержки?

Эдуард опустил голову, глубоко вздохнул, ответил:

– Дочка, как тебе ответить? Жизнь прожить – не поле перейти…Так уж случилось. За что и прошу прощения у вас всех.

Они ещё перебросились несколькими словами. Она хотела похвастаться ему своими успехами, победами на всесоюзных конкурсах в области циркового искусства, о своих болячках, но решила ничего не говорить.

– Тамара, а как ты отнесёшься к моему предложению – приехать ко мне на летние каникулы? Создам тебе все необходимые условия.

Она улыбнулась, глядя в глаза Эдуарду Петровичу.

– Рада, отец, что ты приглашаешь меня в гости. Но, к сожалению, я не смогу этого сделать.

– Почему?

– Во-первых, у меня в этом году выпускной. Во-вторых, я еду поступать в Московское эстрадно-цирковое училище. Как, кстати, ты оцениваешь мой выбор будущей профессии?

Отец пожал плечами:

– Это же твой выбор. А мне только остаётся пожелать тебе успехов на этом поприще.

– Спасибо, отец!

Уже расставаясь, задержал её. Посмотрев в глаза, с грустью произнёс:

– Томочка, доченька, вчера мы остались вдвоём в номере с твоим женихом – Виктором. То, что он брал меня за грудки и упрекал, почему я бросил семью, это ладно, здесь он прав. Но он говорил мне и другие вещи, которые я не принимаю и не воспринимаю. Он очень злой и нехороший человек. По-моему, он слишком пристрастился к алкоголю, а это – беда. Я как отец говорю тебе – хорошо подумай перед тем, как отдавать ему руку и сердце.

Она удивилась предупреждению отца, улыбнулась, ответила:

– Хорошо, отец, я подумаю. Спасибо за заботу обо мне.

А потом Анатолий напишет отцу письмо, в котором попросит помощи в трудоустройстве. Учёбу не бросил, но вместе с женой после рождения сына Дениса перешли на заочное обучение. Потом перевелись в Минск, оканчивали институт в столице Беларуси.

Дипломной работой Анатолий избрал строительство моста. Спроектировал «свой» мост, не похожий на те, что обычно строили, чем и поверг в изумление и восхищение не только руководителя дипломного проекта, а и преподавательский коллектив… Работу признали лучшей среди всех дипломных проектов.

Из Мозыря Эдуарда Юницкого перевели на новую работу – он возглавил Гомельский проектный институт «Гипрожилмаш».

Переехал из Тюмени в Гомель и Анатолий, а потом уже приехала и Галина с четырёхмесячным Денисом. Некоторое время жили цыганским табором, как шутил Эдуард Юницкий, потому что к тому времени приехали к Эдуарду тёща Екатерина Николаевна и Танечка. А ещё – Люда и Эдик, Зоя Дмитриевна, сам Эдуард Петрович. И Анатолий с Галиной и Денисом.

Видя такое, Эдуард попросил своего друга Золотухина – управляющего строительным трестом № 10, чтобы тот помог с комнатой в общежитии. Тот пошёл навстречу.

А потом, когда Анатолий перешёл на работу в дорожно-строительный трест, через два года выделили «двушку» – по улице Кирова. Казалось, жизнь налаживалась, входила в свои берега. Но не земные, а космические проблемы не давали покоя инженеру Анатолию Юницкому, «спасительному колесу человечества» отдавал больше времени, чем Галине и Денису… Так, в крайнем случае, казалось Галине Юницкой.

Хотя и зарегистрировал Анатолий свой брак с Галиной, но повенчался с космосом. Так уж распорядился Всевышний. Тут уже ничего нельзя было поделать.

Этого не понимала жена. Когда увидела, что муж не оправдал её надежд, больших надежд, начала закатывать ему скандалы…

...Когда отец вышел на пенсию и вернулся из Гомеля в Мозырь, Анатолий любил приезжать к нему на дачу, которая находилась на берегу Припяти – в Лучежевичах…

Любовь к рыбалке осталась на всю жизнь. И они с отцом проводили время на берегу реки, а потом, как в далёком детстве, раскладывали костёр и сидели у него.

Сидели и грелись душевным теплом, которое источали души отца и сына. А в это время продолжался разговор, начатый ещё на берегу Березины, – и слушает Анатолий ответ на свой недетский вопрос «что такое хорошо, и что такое плохо»…

Ответ длиною в жизнь.

Уже и Анатолий второй раз женат, уже две дочери у него, а хочется и хочется слушать ответ-исповедь отца.

Каждый раз Толя слышит что-то новое, ранее неизвестное, и удивляется, что отец в малом видит большое, а в большом может увидеть малое.

И убеждается: отец не только талантливый Строитель, но и прекрасный Педагог.

Часть вторая

– Когда я опубликовал свои статьи, – продолжает свой рассказ Анатолий Юницкий, – в которых осмелился сравнить космические достижения с повозкой, телегой, которую тянет одна лошадка, то советские разработчики ракетостроения почему-то отнесли это на свой счёт. А я же говорил не о них и не о Советском Союзе, и даже не об американских инженерах, а о цивилизации вообще.

– Представляю реакцию…

– Нет, ты не представляешь. Что после этого началось! Против меня ополчилась пресса, будто бы не было других тем для обсуждения. Известный учёный в своих обличительных статьях в мой адрес высказывал такие эпитеты – «параноик инженер-изобретатель из Гомеля», «будучи не в своём уме», «посягнул на достижения советской науки и техники в области развития космонавтики, и его за это нужно привлечь к ответственности». «Как он посмел? Кто он такой? Недоучка, прожектёр…» И так далее, и так далее. А я ведь просто высказал своё личное мнение о недостатках и даже ущербности ракеты как транспортного средства.

После этого своё пристальное внимание обратил на меня и КГБ.

Меня обвиняли уже в том, что я являлся шпионом иностранных разведок (не польских, как моя бабушка и все родственники Юницкие в 1937 году), что обладаю даром телепатии, воздействую на умы советских людей отрицательно; даже уличали меня в том, что я являлся дальним родственником… Циолковского, поэтому в моей голове рождались такие бредовые идеи…

Некий Таран начал таранить меня (под «мудрым», конечно же, руководством тех же органов) своими повестками в суд. Первые мои статьи появились в журналах «Изобретатель и рационализатор» и «Техника молодёжи» в 1982 году – наверное, самые популярнейшие журналы в Советском Союзе в те годы, где публиковались самые смелые и невероятные идеи. Статьи мои касались космической программы. « В небо на колесе», «Космическая пересадочная» – такие заглавия были у моих статей. Их было много.

И вот однажды, придя домой с работы, получаю повестку в суд. И это через несколько лет после тех публикаций. Меня обвиняли, знаешь, в чём? Никогда не угадаешь. В том, что я эти статьи не писал, писал не я, а он, Таран. И что это не мои идеи, а идеи Тарана, и что это он публиковал их под псевдонимом «Юницкий Анатолий Эдуардович».

– Невероятно!

– И мне пришлось оправдываться, что я не плагиатор. И в Гомеле проходили те суды, и в Москве. И на суд вызывались редакторы журналов, которые меня знали несколько лет – я у них был десятки раз, рассказывал о своём открытии. И однажды, придя в суд, я увидел истца: невзрачный, нервный человек. Редактор журнала «Техника молодёжи» Захарченко – известный писатель, был на суде вместе со мной в качестве ответчика. И Нина Карпова была ответчиком – главный редактор журнала «Рационализатор и изобретатель». Таран был возмущён тем, что гонорары за статьи заплатили некоему Юницкому, а не ему. За одну статью я получил сорок пять рублей, а за вторую – тридцать. Помню, что купил жене за гонорар на день рождения индийские бронзовые подсвечники.

– И что же советский гуманный суд?

– И суд не постыдился провести этот комедийный спектакль. Судья спросил у Тарана, почему он выбрал себе такой псевдоним. Истец, не моргнув глазом, признался: «Я хотел даже взять псевдоним «Константин Эдуардович Циолковский», но посчитал это нескромным. Тогда я решил взять только его отчество. После этого…» Одним словом, плёл несуразицу. О каких-то невидимых чернилах, которыми он подписывался и в редакции журнала не удосужились прочитать его настоящую фамилию, потому что не прогладили его рукопись горячим утюгом. И о том, как он, москвич, ездил в Гомель и оттуда посылал свои статьи… со своего «псевдонимовского» адреса: город Гомель, улица Кирова, дом 90, квартира 40. И что он не виноват, что именно по этому адресу проживает какой-то там Юницкий…

Когда я приехал в Москву на очередное заседание суда (попробуй не явись!), поселился в гостинице «Россия». Мне выделили полулюкс – номер на двоих. Со мной поселился некий человек, представился, назвался полковником милиции из Подмосковья, даже удостоверение своё на стол положил, чтобы я убедился в его порядочности. Позвонил мне в это время Саша Майборода, мой давний друг, который тоже занимался космическими проектами, попросил, чтобы я спустился вниз. Мы перебросились с ним несколькими фразами, условились встретиться утром. Когда вернулся, моего соседа по номеру не было. Когда полез в пиджак, чтобы достать кошелёк и пойти поужинать, кошелька не оказалось. И остался я без копейки. У Николо Теслы было четыре цента, а у меня – ни копейки… А завтра очередной бредовый суд… Как потом мне сказали, тот товарищ специально селился в такие номера, чтобы чистить

карманы или сумки у соседа.

Было проблематично уехать из Москвы – никого в городе я не знал…

Когда приезжал в Гомель, приходил на работу – а в то время я работал в Институте механики металлополимерных систем – на меня все смотрели с подозрением. Не знали, из-за чего меня так часто вызывают в суд, но, как говорят, нет дыма без огня, значит, нахожусь под подозрением. Нелегко это было, противно, гадко, потому что не чувствовал за собой никакой вины. Но я знал, что дело не в том, виноват я в чём-либо или не виноват, надо мной довлел груз органов, которые хотели сломить меня, заставить отказаться, как они говорили, от «бредовых идей»…

Да что сотрудники, родная жена стала с недоверием относиться ко мне, не раз говорила: «Что-то здесь не так, подозрительный ты человек, Толя…» Повестки в суд бросали в наш почтовый ящик. Бумажки были с печатью, а в них указано, что «…В случае неявки вы будете принудительно доставлены в суд работниками милиции». Об этом знали соседи, друзья, знакомые… Это были 84-й, 85-й, 86-й год…

Ну пусть я – простой инженер из Гомеля, а Захарченко – публицист и писатель – чем он провинился перед Тараном? Мы знали, откуда дул ветер. Основной причиной вызовов в суд для Захарченко было то, что он посмел опубликовать в своём журнале «Техника молодёжи» фантастический роман Артура Кларка «Фонтаны рая». Кларк посвятил своё произведение главному советскому диссиденту того времени – академику Сахарову. Вскоре Захарченко сняли с должности главного редактора журнала.

Мало этого, так тот же Таран обратился в гомельский суд, обвинив меня в том, что я обладаю телепатией. Аргументы? У него умер отец, и он с того света поведал сыну, что в его смерти виновен я.

– И суд принял это к производству?

– А как же – катать меня, так по полной программе. Но из-за абсурдности претензий суд, слава Богу, не состоялся. А потом Таран подаёт новый иск. На этот раз обвиняет меня в том, что я являюсь шпионом иностранных разведок. И снова из-за абсурдности суд не принял иск. Но повестки и в том, и в других случаях мне присылали. У меня сохранилось несколько решений судов. А иск, что я украл у него идею перочинного ножа на двух шарнирах и передал этот секрет какому-то немцу на Олимпиаде-80 в Москве? Были и «свидетели» моей неблагонадёжности. Из-за этого я не мог

поехать туристом даже в Болгарию, потому что на заседании парткома института, без рекомендации которого никто не мог поехать за границу, мне заявили, что я специально отстану от автобуса и сбегу на Запад.

– И никому не пришло на ум сдать его в «психушку»?

– Но на это нужно решение суда и психиатрическое заключение. Диссидентов отправляли туда без суда и следствия, но того, кто представлял «заказ», оберегали… Скорее всего, меня туда могли определить, чего они, собственно говоря, и добивались… Давление на мою психику было огромным. Меня пытались сделать сумасшедшим. И, понимая это, а я работал тогда начальником патентного отдела института и являлся известным изобретателем, все знали, что у меня нормальная психика, но… Опять же, были такие, которые многозначительно утверждали, что нет дыма без огня… Видя такое, зная, что большую роль в нашей жизни играет бумажка, заверенная печатью, я вынужден был обратиться в психиатрическую лечебницу Гомеля. Я показал медикам свои публикации, патенты на свои изобретения, рассказал о сыне и жене. Медики задавали мне вопросы, я отвечал на них. Они удивлялись, как я выдерживал такой прессинг на протяжении нескольких лет. Выдали мне справку, что я не сумасшедший и не шизофреник, а самый что ни на есть нормальный, трезво мыслящий человек. Но после посещения того медучреждения я сам заинтересовался вопросами психики. Узнал о признаках шизофрении, хотя меня, чтобы просветить в этой области, хорошо «подковали» психотерапевты лечебницы. Я рассказал им о Таране, и они заочно поставили ему диагноз. Оказывается, один из признаков шизофрении – когда человек ставит подряд несколько восклицательных и вопросительных знаков, очень много подчёркиваний слов и предложений, выделяет их шрифтом, ставит многоточия где надо и где не надо. Таран старался донести до судей важность его мыслей, требовал обратить внимание на те слова, что подчеркнул. После моих «открытий» в этой области я не подчёркиваю лишний раз слова в тексте, избегаю восклицательных знаков, хотя я и не ставил их практически никогда. Даже когда и нужно было подчеркнуть важность своих доводов, я не делал этого. Смешно, но это так. Когда я показал исковые заявления Тарана, они покачали головой: «Да, явные признаки».

– И что ты вынес из этой ситуации? Что чувствовал – обиду, злость?

– Наоборот. Я был благодарен судьбе, что она преподнесла

мне такие уроки.

– Не понимаю тебя, Анатолий, тебя избивали, издевались над тобой, хотели согнуть в бараний рог, а ты говоришь «спасибо» своим обидчикам?

– Именно спасибо. Мы должны быть благодарны за самые больные удары судьбы, принимать их как должное, так как эти испытания посланы нам свыше. А пройдя их, мы делаемся сильнее, мягче и добродушнее.

Я никак не мог взять в толк его высказывания и взгляд на жизнь. Значит, в его душе не жило то чувство, каким больны многие люди,– отмщение. Значит, он никогда не злился на своих врагов, и на друзей, с которыми работал рядом, которым доверял во всём, и которые предавали его в самый неподходящий момент.

На работе засиживался чуть ли не до утра, стараясь закончить очередное изобретение. Дома работать было невозможно, опять слышал бы упреки: «Да лучше бы ты таксистом пошёл работать, как сосед, деньги зарабатывал. Семью же надо кормить». Напрасно упрекала, он зарабатывал значительно больше неё. За внедрённые изобретения не раз получал и по три, и по пять тысяч рублей. А таких внедрённых изобретений, в том числе в оборонке, было более двадцати. Модные шубы покупал жене, украшения. Но она не воспринимала его образ жизни, часто при сыне говорила, что он неудачник, что не зря его вызывают в суды, значит, в чём-то замешан, живёт не как честный советский человек…

А он жил активной жизнью изобретателя и учёного. В его голове роились тысячи и тысячи технических решений, но не хватало сил и даже охоты их оформлять, потому что на это уходило много времени. Одного его не допускали к оформлению, просто не принимали частную заявку. Нужно было обязательно «прилепить» к открытию несколько начальников, руководителей разного ранга и сделать его ведомственным, а не частным. И на всех «авторов» выплачивалось не более двадцати тысяч рублей, если, конечно же, экономический эффект от внедрения превышал миллион рублей. Ему же, настоящему автору, доставалась пятая, а то и десятая часть гонорара. А «соавторы» потом ещё и косились: «И как это в наш дружный коллектив затесался Юницкий?» Приходилось и в суд подавать. Правда, не на соавторов, а на заводы, использовавшие изобретения и не желавшие платить вознаграждение. Разработали машину для резки волокон для одного из заводов Гомеля, который изготавливал ворсонит. Предложение внедрили в жизнь, был полу-

чен огромный экономический эффект – несколько миллионов рублей, а гонорар не выплатили. Суд удовлетворил иск. И в Украину ездил за получением гонорара – три тысячи рублей там получил.

У него были всевозможные внедрённые в народное хозяйство изобретения: машины для резки волокон, инструменты для заточки и шлифовки стекла для электронной промышленности, алмазные инструменты, штампы для получения корпусов микросхем, токосъём для генератора атомной подводной лодки, несколько оригинальных решений в конструкции фундаментов зданий, научное оборудование и приборы, усовершенствование кинескопа телевизора, есть даже валок для шелушения зерна – их более двадцати, и они все практически реализованные, имеются также секретные изобретения, о которых нельзя говорить…

Так напрашивается вопрос – а кто вы, Анатолий Юницкий? Человек с больным воображением или большой фантазёр? Если бы это было так, то хотя бы одно его изобретение было бы рассмотрено? Но всё дело в том, что они не только рассмотрены, но и получили путёвку в жизнь. А экономический эффект его творческой мысли подсчитан и оценён ещё в советское время более чем в сто миллионов рублей. Советских рублей, когда рубль был сильнее доллара. Так что он давно миллионер – Рокфеллер или Ротшильд, но он не видел тех денег, даже тысячную часть честно заработанного вознаграждения не видел. Потому что перед творческими людьми в области промышленных технологий советские чиновники поставили рогатки. Строго, например, указано, что «изобретатель может получить два процента от экономического эффекта, но в течение пяти лет и не более двадцати тысяч рублей за одно изобретение». Даже если изобретение используется двадцать лет, то получить можно гонорар только за пять лет.

Доходило до абсурда. Есть такое выражение – «и мы пахали». Юницкий вспоминает, как однажды – через пять лет – начали выплачивать гонорар за одно из изобретений, и начальник цеха этого завода недоуменно спрашивал у своих коллег: «Скажите, а как, интересно, Юницкий попал в наш творческий коллектив? И он тоже хочет какие-то деньги получить?» Вот что значит «примазаться» к чужому изобретению, а потом и не знать, кто истинный автор. Так было почти по всем «служебным» изобретениям.

А по всем «неслужебным» изобретениям: нового типа летательные аппараты, электростанции, накопители энергии, пусковые

ракетные установки, новые виды оружия – было даже антиСОИ, и многое другое, – стабильно отказывали в выдаче авторских свидетельств СССР. И только после тридцатого отказа он перестал подавать такие заявки, в то время как по «служебным» заявкам выдача положительных решений была стопроцентной. Даже сто двадцати процентной – некоторые заявки разделяли на две, поэтому по пятидесяти «служебным» заявкам Анатолия Юницкого было выдано более шестидесяти авторских свидетельств на изобретения.

В институте полимеров, где он работал, было специальное конструкторское бюро. Когда начальнику конструкторского бюро, а он был и председателем Научно-технического совета института, дающего разрешение на подачу служебной заявки, попадала очередная заявка на изобретение, то он ручкой с красными чернилами писал на уголке: «До каких пор в заявку на изобретение от Института будет попадать фамилия Юницкий?»

А это были те заявки, в которые он включал других ради того, чтобы изобретение «прошло» и претворилось в жизнь. В те заявки Анатолий вписывал и фамилию начальника. Для верности и уверенности, что изобретению будет дан ход. Но, как ни странно, этот же начальник стал вообще вычёркивать фамилию «Юницкий» из заявок. Лишали его права как автора изобретения. Тогда эти вопросы выносились на Научно-технический совет и после этого восстанавливался Юницкий, а вычёркивались лжесоавторы, в том числе и начальник. Это порождало новые конфликты.

Раз его вычеркнули из заявки, второй, третий…

На одном из заседаний Научно-технического совета Юницкий не выдержал, поднялся с места, задал всем вопрос:

– Друзья! А вы хоть знаете, что такое соавтор? Вот заявка на изобретение, оформленная мною. В ней стоит рядом со всеми фамилия начальника, хотя он сам за свою жизнь не сделал ни одного изобретения. Он всегда «примазавшийся». Скажите все, кого я включил в заявку, кто такой соавтор? Я спрашиваю потому, что у меня, кроме технического, есть и высшее патентное образование, и я начальник патентно-лицензионного отдела института. Вот формула изобретения с так называемыми признаками изобретения. Каждый соавтор должен сделать определённый изобретательский шаг. Например, если бы мы изобрели прибор для освещения и показали, чем, к примеру, отличается наша лампочка от обычной парафиновой свечки, и чем – от другой известной лампочки. Как пишет-

ся в этом случае формула изобретения? «Прибор для освещения, включающий источник света». И далее – общие признаки: включающий в себя то и то, и отличительные признаки: отличающийся тем и тем… Всё это описывается очень кратко, всего одним предложением, логично. Если это сделал один человек, то он автор. А если кто-то предлагал в лампочке заменить вольфрамовую нить на какую-то другую, а другой предлагал вместо одного газа закачать в лампочку другой газ, тогда это уже признаки соавторства. Вот сейчас идёт заседание совета. У нас заявка, описание и формула изобретения, в которой написано «включающее то и то, отличающееся тем и тем…» Скажите, уважаемые коллеги, кто из вас, включая и начальника, предложил хоть один отличительный признак? Молчите? А это кто предложил? А это? Молчите? Если вы пришли ко мне, образно говоря, с идеей известной свечки, а я придумал другой осветительный прибор – лампочку – и оформил на это заявку, включив по традиции и вас, то вы-то здесь причём? Ребята, извините, но я вынужден подать заявку один, так как я единственный автор этого изобретения. А вы здесь просто случайные, некомпетентные в изобретательстве люди… Вы никакие не соавторы, а «прилипалы», привыкшие получать деньги за чужие изобретения.

Он подал заявку от себя в тот же день.

После этого на его заявках красные чернила больше не появлялись…

В самом начале своего изобретательского пути он встретился с неумением правильно оформлять заявки на изобретение. Мало что-то изобрести, открыть, нужно это ещё и грамотно, по всем правилам советской бюрократии, привести в соответствие с требованиями подачи в патентное ведомство. Анатолий, не пройдя сходу тот путь, понял – нужно освоить ещё одну профессию – патентно-изобретательское право. В его голове каждый день рождались новые идеи, они пёрли из него, как из рога изобилия. Он помогал молодым рационализаторам, учил, как находить «золотое зерно» в поисках нового и неизведанного. Учил других, а тут сам обжёгся – не приняли его изобретение, не из-за слабости идеи, а из-за слабого оформления.

Лидером в изобретательстве тогда был Институт механики металлополимерных систем Академии наук Белоруссии. Там ключом било изобретательство и творческая мысль, там находились мозги

и основная наука Гомельской области. Первые места в Советском Союзе стал занимать коллектив в области изобретательства, когда Анатолий Юницкий возглавил патентный отдел.

Деятельность его расширилась. Он стал консультантом областного совета ВОИР – Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Учился сам, учил других. Благодаря ему, более тысячи человек стали изобретателями. Имеется в виду, что они получили авторские свидетельства на свои изобретения. Даже не умножая на экономический эффект, полученный от внедрения изобретений и рацпредложений каждого из них, очевидно главное – выгода для государства огромная. Сам же он не гнался за количеством изобретений, и если бы занимался только этим и законы разрешали внедрять его предложения каждый день, то он подавал бы заявки чуть ли не каждый час… Но не это его занимало, совсем не это. Он знал, как улучшить любой технологический процесс в любой области, знал физические законы, как решать ту или иную техническую задачу. Теорией решения изобретательских задач он овладел в совершенстве и стал в этой области недосягаемым.

Между своими открытиями и открытиями молодых изобретателей, между судами с Тараном у него и родились в голове транспортные струны… И многое другое. Но он решил не распыляться и остановился на двух ипостасях – бросил космический спасательный круг человечеству и захотел посадить человека в скоростные струнные «юнибусы».

Он решил только этим двум отраслеобразущим разработкам посвятить всю свою дальнейшую жизнь. А струнный транспорт выбрал как наиболее крупный коммерческий проект, на котором можно заработать миллиарды, чтобы затем вложить эти миллиарды в разработку «космического колеса», реализующего самый экологически чистый «принцип барона Мюнгхаузена» для индустриализации космоса.

Это было 25 лет назад…

В 1902 году один из безработных после окончания политеха, стал экспертом Швейцарского патентного бюро в Берне. Он прослужил там семь лет, пройдя серьёзную школу изобретательства, и научился отделять «зёрна от плевел», как говорил позднее. Без чего не была бы создана теория относительности, так как этим учёным был Альберт Эйнштейн.

Анатолий Юницкий в течение двенадцати лет прошёл ещё боль-

шую школу, ещё глубже стал разбирался в патентном деле, потому что ему нужно было больше приложить усилий для разгребания советских бюрократических заторов и рогаток, чтобы достичь своего. В Америке, Англии или в другой капиталистической стране он не потратил бы впустую столько сил, защищаясь от «грозного ока» и сражаясь с тупоумием чиновников от науки, доказывая в судах, что он в здравом уме, – свой талант он вложил бы в реализацию своих идей.

За одни только технологические открытия, которым не придавал особого значения, он стал бы известным, богатым и независимым от жизненных коллизий, человеком. Как, например, Николо Тесла...

Если бы…

Люби врагов своих…

Суды, Таран, заявки, изобретения, чиновничьи рогатки…

Неустроенность дома… Атмосфера в семье накалялась с каждым днём, неудовольствие Галины продолжалось и усиливалось, и переубедить её в чём-то, успокоить было делом бесполезным. Мало того, так жена и сына старалась настроить против отца…

Более того – и сама не хотела съездить в гости к своей свекрови, но и сына родного не пускала к ней.

Ещё когда Анатолий работал в дорожностроительном тресте, подал ряд заявок на изобретения, хотя тогда толком и не знал, как нужно оформлять те бумаги, как защищать свои идеи. Не было соответствующих знаний.

Идей было много, и он подал десятки заявок. И если сравнивать их с теми, что были поданы затем в институте полимеров, то они резко отличаются друг от друга. Каждая из них во много раз сильнее, чем те пятьдесят институтских, служебных, заявок. Из пятидесяти тех заявок было получено шестьдесят пять авторских свидетельств. В процентном соотношении выдача авторских свидетельств составила более чем сто процентов. А по тем заявкам, что сам подавал – ноль выдачи. Один и тот же человек. Но там он был одиночка – суды, доказательства своей невиновности и так далее, а здесь – от организации. Так сказать, под прикрытием.

В чём заключались его изобретения, те, что предлагал он один? Новые типы оружия, новые летательные аппараты, электростанции нового типа, и так далее, и так далее. Сотни изобретений в раз-

ных областях науки и техники. В результате отдача – ноль, и получил головную боль от КГБ, который пропустил его через мясорубку судов. Тогда он подумал: «А зачем тратить свою жизнь на пустое занятие и сражаться с ветряными мельницами?»

Ему не хотелось доказывать «таранам», что он не верблюд, доказывать, что он не виртуальный Юницкий, не псевдоним, а живой человек, который живёт в Гомеле по адресу ул. Кирова, дом 90, кв. 40, и это не случайный, не подставной адрес, как утверждал истец. Утверждал ещё, что это улица известного революционера, 90 – это градусы спирта, а 40 – градусы водки, поэтому он и взял такой «псевдонимовский» адрес… Голова идёт кругом от таких «обличений»…

– Но, тем не менее, – улыбается Анатолий Юницкий, – я благодарен Тарану и его духовному вдохновителю – Комитету государственной безопасности. Благодарен судам, медикам психиатрической лечебницы, всем тем, кто делал мне зло, отравляя жизнь. Непонятно высказываюсь? «Да любите врагов ваших» – одна из заповедей Иисуса Христа. Истина этих слов мне открылась во всём своём значении, во всей глубине христианской морали. «Любите врагов ваших!» Какие прекрасные слова! Мне пытались что-то подсказать, посоветовать, как жить и действовать в тех тяжелейших условиях. Но я был глух к их предостережениям и советам. Я даже не слушал их и не слышал. Потому что знал – я сам должен пройти свой путь, который подарил мне Господь, испытать всё, что придётся, вынести самые тяжёлые испытания. И даже я не соглашусь с привычными словами «вместе – мы сильнее». Сильнее – чем? Умом, физической силой, интеллектом? Абсурд. Я – сам по себе, я – одинокий путник на своей дороге.

Господь даёт каждому человеку столько силы, чтобы её хватило на тысячи и тысячи людей. Просто её нужно уметь самому использовать, разумно ею распорядиться, тогда не страшны никакие испытания и нападки. Пройдя этот путь, человек становится сильным и непоколебимым в своих взглядах, у него нет сомнений в поведении и действиях, потому что он уверен – Бог приведёт его к победе. Так и я – буду всю жизнь благодарен Всевышнему, который послал мне такие испытания, из которых я вышел победителем. Победителем самого себя. А это самая главная победа в жизни каждого человека…

Добившись первых успехов в изобретательстве, я не почивал на лаврах, не кричал на весь свет, какой я гениальный и умный, поэтому любите меня; у меня никогда не было гордыни, не возно-

сил я себя до небес, наоборот, старался спуститься с небес на землю, хотя не переставал думать, как человеку отправиться в то небо…

Анатолий никогда в жизни никого не обвинял, не таил обиду на того, кто делал ему больно и плохо. Проходили суды, выбивая его из творческой колеи. Но он между судами умудрялся совершенствовать свои идеи и изобретения. И говорил спасибо Богу, что проходили те суды. У него только удваивались силы, чётче работала творческая мысль. Родились проблемы? Так ты же в них и виноват – из-за тебя они возникли. Сам родил их – сам и гаси. Не проси ни у кого помощи. Легко (приобретя новые силы) написал научную монографию, которая была издана в 1995 году – «Струнные транспортные системы: на Земле и в космосе». Благодаря тем судам, как это ни абсурдно звучит, он находит дополнительные решения проблем в струнно-транспортной системе, которые улучшают её. Анатолию надо было искать аргументы, не становиться в позу и кричать, что все дураки, а он один умный, ему надо было найти решение и заявить всем – вот оно, избавление от всех проблем.

Появился в солидной газете материал «Параноик из Гомеля». Как на это реагировать ему, Юницкому? Никак. Его это не занимало, не злило, не угнетало. Вызывало лишь слабую улыбку. Ну и что? Пусть пишут, пусть упражняются, раз такое занятие составляет для кляузников удовольствие. Автор публикации с возмущением задаётся вопросом: «А где взять столько бетона и металла, чтобы построить его абсурдную дорогу?»

Как он мог ответить на этот вопрос? В той же газете? Отписываться, оправдываться? Себе дороже…

А он в это время сидел в кабине космолёта или за пультом управления струнного транспорта… Он думал о том, что не приходило в голову ни одному человеку на земле. Даже Николо Тесла, хотя тот параллельно шёл своим путём.

Он думал об эстакаде, на которой будет установлен струнный транспорт. Как сделать её устойчивой и прочной, какой нужен бетон, сколько его будет нужно, на какой высоте удобнее разместить струны… И он взялся за математические расчёты, чтобы убедить скептиков и злопыхателей в их недальновидности. Потому что космическая дорога, хоть и очень дорогая и материалоёмкая, но единственная, которая спасёт мир от загрязнения земли и атмосферы.

Зная в совершенстве сопромат, физику и другие точные науки, он решил докопаться до самой сути строительства эстакад. Зада-

ча стояла не из простых – как сделать их дешевле, чтобы они были долговечнее, экономичнее, эффективнее, чтобы материала пошло меньше, чтобы ураганы и штормы не были страшны, и чтобы не порвались струны, по которым будут переправляться люди и огромное количество грузов…

Юницкий пошёл по пути упрощения конструкции. Это всего лишь сопромат, сопротивление материалов, не более того. Не от гитары и балалайки он пришёл… Он всё время искал оптимальные решения. И когда он начал сравнивать с балками и традиционными опорами, которые употребляются для строительства мостов, то пришёл к выводу, что у него принципиально новая конструкция.

Когда не мог достучаться до умов устно, выступал со своими выкладками и аргументами в прессе. Выступил с докладом в Федерации космонавтики. Он заявлял главный свой тезис: «Дорогие мои! Сколько, скажите, пошло бетона на Саяно-Шушенскую ГЭС? Не считали? А я сосчитал. Вслушайтесь внимательно в мои слова – бетона, потраченного на строительство Саяно-Шушенской ГЭС, вполне достаточно, чтобы опоясать земной шар опорами для эстакады общепланетного транспортного средства! А вы утверждаете, что не хватит материала на строительство тех опор. Полнейшая чушь! Потрачено на ГЭС порядка пяти миллионов кубов бетона. А на опоры потребуется от трёх до четырёх миллионов кубов. И на погонный метр конструкции приходится всего чуть более тонны металла – всего лишь одна десятая часть металла, потраченного на выпуск легковых автомобилей мировым автопромом. Так хватит материалов или его количество неизмеримо огромное?»

Уже с другой стороны послышались упрёки в его адрес: «То, что вы предлагаете – безумие!» В ответ Юницкий задаёт им вопрос: «Вы знаете, сколько выпущено только легковых автомобилей в мире? Я не говорю о рельсах, шпалах, тепловозах, теплоходах, самолётах, грузовиках, построенных домах, на изготовление и строительство которых пошло огромное количество всевозможных материалов? Легковых автомобилей сколько выпустили? Более пятисот миллионов! А в среднем длина автомобиля? Четыре метра. А высота? Полтора метра. Я предлагаю вам построить из автомобилей, как из кирпичиков, стену по экватору. Какая будет её высота? Более ста метров. А эстакада, о которой идёт речь, займёт высоту не более пятнадцати – двадцати метров. Но она – не сплошная стена, как из автомобилей, а «прозрачная», ажурная.

Снова нападки: «Так у вас энергии не хватит!» Опять Юницкий

парирует: «Давайте опять обратимся к расчётам. Ракета разгоняется несколько минут. А я разгоняю ротор… например, один месяц. Какая общая мощность привода транспортного средства будет при КПД электродвигателя 90 процентов? Посчитаем. Вот результат – сорок миллионов лошадиных сил. Сколько ракета поднимает полезного груза за один старт? Десять тонн… А ОТС сколько выводит на орбиту за один раз? Миллион тонн. Если у ракеты на одну тонну груза неодходимо десять миллионов лошадей мощностей, то у меня – всего сорок лошадей, то есть в 250 тысяч раз меньше. А всё потому, что КПД двигателя у космического колеса в сто раз выше, чем у ракеты, а время его работы на полную мощность – в тысячи раз больше… Так хватит или не хватит энергии, ответьте? У человечества этой энергии с избытком, а вы говорите… На ракеты хватает, на автомобили, имеющие суммарную мощность двигателей в несколько десятков миллиардов киловатт, хватает, на мировую промышленность, потребляющую миллиарды киловатт, также хватает, а здесь не хватит?..»

И таких контраргументов, если посчитать за все годы, было более чем полтысячи. Более пятисот несогласий, протестов, возражений, критических и обидных выпадов. Переписка с учёными, которые резко отвергали проект, статьи в журналах и газетах, ракетчики, которые в штыки встречали каждое его возражение или даже объяснение…

Друзья даже советовали:

– Ну что ты взялся за неосуществимую мечту, которая никогда не может быть реализована? Вот если бы ты о рыбалке написал, о том, как ловить лещей, а ты в этом большой дока, вон какой урок нам преподнёс на рыбалке, тогда бы тебе цены не было. А ты хочешь поймать журавля в небе…

Парадоксально, но в те восьмидесятый-восемьдесят пятый годы, на которые пришёлся наиболее интенсивный камнепад критики, Юницкий работал с наибольшей эффективностью. Адекватная реакция – его били, но он этого не слышал, его критиковали за утопизм, а он сидел над расчётами и формулами… И добивался успеха. Радовался, что у него получалось, что он уверенно шёл к тем вершинам, к которым стремился. И ночи, и дни, и выходные – всё было подчинено одной цели. Он не чувствовал усталости, сила била через край. Потому что, находясь в родной стихии, не замечаешь ни времени, ни затраченных сил… И семье старался уделить максимум внимания, хотя это не всегда удавалось.

Но он успевал ещё работать и с изобретателями, которых у него было более двухсот человек только в родном институте. И изобретатели не новички, не начинающие, а кандидаты наук, доктора наук, академики. С каждым нужно поговорить обстоятельно, на его уровне, помочь правильно оформить заявку, чтобы наверняка, на сто процентов, защитить изобретение. Как начальник патентного отдела он знал своё дело в совершенстве. Каждый научный сотрудник института был изобретателем. Об институте и его талантливых сотрудниках знали в Союзе. Когда речь заходила о Гомеле, то говорили: «А, это там, где Юницкий ведает патентным отделом?»

Не все заявки доходили до патентного ведомства. Зная, что решение слабое, не тянущее на уровень изобретения, он не давал «добро» на его продвижение дальше, чтобы не получилось осечки. С ним спорили, аргументировали свои доводы, но потом всё же соглашались. И он всегда оказывался прав.

Вёл он, например, такие беседы с уважаемыми академиками:

– Иван Петрович, вы представьте, что вы Создатель и изобрели обезьяну, которую запатентовали, а затем изобрели и человека. И хотите своё второе изобретение запатентовать. А я, как руководитель патентного отдела, не одобрю вашу заявку и не стану её оформлять.

– Это почему же? – удивляется изобретатель.

– Потому, что человек от обезьяны ничем не отличается – с точки зрения изобретательства. Не я это выдумал. Здесь нет изобретательского шага, нет отличий.

– Как нет отличий? – чуть ли не вскакивает с места Иван Петрович.

– Давайте разбираться. У человека пять пальцев, а у обезьяны разве семь? Два глаза? Нос?

– Так у неё же шерсть густая…

– Но это уже количественный признак.

– Так у неё хвост.

– Так и у нас хвост, копчик. Так что и печень, и сердце, и лёгкие – всё есть у того и у того. То, что вы считаете отличием, это не отличие. А то, что отличает, это не патентуется. А отличается совсем другим – количеством нервных клеток в головном мозге и связями между ними, человек отличается от обезьяны знаниями. То, что может человек – печатать, писать, строить, творчески думать, – обезьяна этого делать не может. А то, что сутулая обезьяна, так и среди людей такие встречаются. Есть даже очень похожие на

обезьян, но они всё равно люди. И отличий как таковых, исходя из патентного права, между ними нет.

И такие примеры приходилось приводить, хотя и смешные, но доступные, доходчивые. Приходили десятки изобретателей с «вечными» двигателями. И до сих пор продолжают приходить. И хотя Анатолий знает, что невозможно его изобрести, всё же старается убедить пришедшего в его неправоте. В каждом конкретном случае эта ошибка своя и необходимо её найти и аргументированно объяснить изобретателю.

Есть простые объяснения, есть сложные и очень сложные.

Есть вещи, которые противоречат Природе. Невозможно залить в бак машины десять литров бензина и проехать на нём тысячу километров, причём ехать всё время в гору.

Анатолий Юницкий приводит самое простое объяснение.

Создатель сотворил мир. Родился человек, были гены. Происходит генное развитие. От человека и родится человек, но не обезьяна или слон. С двумя глазами, ушами, зубами… С научной точки зрения когда-то, давным-давно, была сингулярность – точка, Большой взрыв. В той точке до этого ничего не было, там был нуль. И вот именно там, в нуле, и было всё заложено. Там и родились «гены» нашего Мира, нашей Вселенной. И по тем законам начал развиваться Мир. И те законы физики, о которых мы говорим, математика и физика, химия и астрономия – были заложены именно там.

«Как можно это опровергнуть? – обращается Анатолий к изобретателю. – Давай попросим у Создателя право сотворения мира, вернёмся туда, назад, и по другим законам создадим новый мир. Когда ты докажешь, что ты создал свой, новый физический мир, тогда ты будешь прав. Там ты сможешь изобрести «вечный» двигатель, потому что там действут свои, совсем другие законы. Но тогда и тебя, и самой земли, и возможно, самой материи не будет, всё будет по-другому, потому что вы не впишетесь в те, другие законы. Но ты не можешь вернуться в то время, как и не сможешь быть Создателем…»

Так вот, если говорить о законе сохранения энергии, то чаще всего его и пытаются нарушить изобретатели, а закон этот и есть познание. Опять же это можно пояснить простым примером. Не может быть коэффициент полезного действия выше ста процентов в нашем Мире. Если правильно понимать физику. Можно услышать об атомных электростанциях такое утверждение: «На атом-

ных станциях килограмм урана даёт энергию целый год… А угля нужно употребить вон сколько!»

Но Анатолий отвечает, что уран – это не уголь. Там происходят совсем другие процессы, при которых получается огромное количество тепла, и это никак нельзя сравнивать с углём. Если ты килограммом угля вскипятил чайник, это одно, а, когда килограммом угля вскипятил озеро, это другое. Если оппонент говорит, что уран повышает КПД более ста процентов – десять тысяч! И – ошибается. Дай Бог – тридцать процентов. Изобретатель часто не понимает и этого. А ведь происходит всего лишь тепловой цикл. Теплоноситель греет воду, вода греет другой контур, и дальше пар крутит турбину… Это как работа двигателя внутреннего сгорания. А температура холодильника, температура нагревателя, промежуточные потери, другие минусы… И в итоге – КПД около тридцати процентов.

Если Создатель создал мир, то, конечно же, позаботился и о том, чтобы наш мир был устойчив. Он не мог создать то, что вскоре может умереть, погибнуть.

Аналогом закона сохранения энергии является такой пример. Возьмём воздушный шарик, надуем его. Оболочка у него целая. Он может быть шаром каких угодно больших размеров, хоть со Вселенную. А если мы возьмём иголку и сделаем в нём маленькую дырочку, то локально нарушим его целостность, локально нарушим закон его сохранения! Шар либо сразу лопнет, либо весь воздух выйдет через прокол, пусть и за миллиард лет, но выйдет. Почему это случится? Да потому, что в этом месте нарушена целостность шарика. Нарушился закон сохранения. Так и в нашем Мире – если произойдёт нарушение закона сохранения энергии только в одном месте Вселенной, пусть даже самое малое нарушение – с маковое зёрнышко, пусть в одном из устройств того же гениального Теслы, – произойдут необратимые процессы. Через эту «дырочку» и выйдет в другой мир вся энергия Вселенной и она просто «сдуется». И почему тот изобретатель думает, что он сможет сделать ту «дырочку» во Вселенной, сделать вечный двигатель, поправ все законы, созданные Творцом? И ссылка на наши мизерные знания о Вселенной и законах её развития здесь не аргумент. Да, мы очень мало знаем, но будущие знания не перечеркнут наши, «старые» знания, а лишь дополнят и усилят их.

Задумывается изобретатель, вздыхает. Соглашается и не соглашается с руководителем патентного отдела. Это он потом «созре-

ет», если он аналитик и может критиковать самого себя, придёт со временем к мысли, что нельзя переделать законы Природы и Жизни, потому что они подчинены главному закону – закону сохранения энергии Создателя.

Анатолий к тому времени был уже не начинающий изобретатель, не дилетант в этом деле. Когда он «обжёгся» на оформлении первой заявки на изобретение мыла, которое не тонет, её отвергли как неправильно оформленную, хотя ему в оформлении заявки помогали общественные патентоведы, тогда он решил получить второе образование: по изобретательству и патентному праву. В Москве тогда работал Институт повышения квалификации рационализаторов и изобретателей. Учился без отрыва от производства. Около двадцати человек от Гомельской области проходили там учёбу. В основном это были сотрудники института полимеров и несколько человек из области.

За время, пока Юницкий задавал себе множество вопросов и отвечал на них, он, как бы между прочим, играючи, не придавая даже этому большого значения, сделал более шестидесяти изобретений по профилю института. И так же легко, «шутя», получил за них авторские свидетельства СССР.

Он хладнокровно отнёсся даже к тому, что его трижды признавали лучшим изобретателем института, утвердили руководителем патентной службы, пригласили работать в качестве консультанта в областной совет общества изобретателей и рационализаторов.

Как-то, идя по узкому коридору института, повстречал директора института, академика Академии наук Беларуси А. Свиридёнка. Тот, подойдя, обнял его за плечи, восхищённо сказал:

– Так у тебя же, друг мой, не голова, а компьютер, ЭВМ! Молодец! Давай поступай в аспирантуру. Предлагаю тебе свои услуги – с радостью возьмусь быть твоим руководителем.

Предложение академика Анатолию Юницкому понравилась. Он даже удивился, что директор института так запросто с ним разговаривает – как с равным. Без задней мысли, ободрённый предложением, он осторожно уточнил:

– А можно главной темой взять моё «космическое транспортное средство»?

Услышав об этом, Анатолий Иванович посерьёзнел, потёр подбородок, вздохнул:

– Знаешь, Анатолий… Если начистоту, то я бы сказал так: на твоём «колесе» покуда никуда невозможно отправиться, подчёркиваю – пока. Я серьёзно изучил твой проект, и ни одного изъяна в

нём не нашёл. Всё аргументировано, экономически обосновано. Молодчина. Но для диссертации такая тема – «беззащитная», не имеющая никаких шансов. Чтобы поддержать тебя или отрицать твою идею, даже нет таких специалистов. Кто сможет тебя взять «под крыло»? И я не большой специалист в это области. Так что ты одиночка, изгой… Подумай, Толя, хорошенько подумай…

На академика не обиделся, наоборот, был благодарен ему.

Благодарен за то, что тот, не пряча в душе никаких задних мыслей, сказал ему прямо и открыто, чтобы он не терял напрасно время и силы, предлагая в качестве темы диссертации свою идею. Время – не только деньги, его нужно использовать сполна, не распыляясь, сберегая силы для главного.

«А что, если и в самом деле прислушаться к словам Свиридёнка? – сверлила каждый день неотступная мысль. – «Законсервировать» своё изобретение, привести в норму свою жизнь, больше времени уделить семье, защититься по «проходной» теме, тем более что руководитель уже есть. Да и уже больше десятка внедрённых изобретений по тематике института имеется… А потом, когда выбьюсь на твёрдую, без ухабов, дорогу, снова взяться за ОТС?»

Но и сомнения не оставляли его ни на один день. И сколько же может длиться «консервация»? Пять, десять, пятьдесят лет? А к тому времени ему будет… Страшно подумать. Каждый день дорог, а не только год.

А может получиться и так, как путешествие в родную деревню Крюки Брагинского района, что у самой границы с Украиной.

Десять лет собирался посетить её, хотя снилась она почти каждую ночь, детство звало туда, голоса деревни, запахи, закаты и рассветы, друзья звали, чтобы отправиться в засыпанные немецкие склады за порохом… Да откладывал на «потом», «как-нибудь позже…»

А потом Чернобыль громыхнул, накрыв Крюки, что в восьми километрах, ядовитым пеплом. На всём земном шаре не найдёшь более ядовитого места, чем его родная деревня. Убедился в этом, когда потом позже отправился туда вместе со съёмочной группой телевидения и вместе с Виктором Козько, белорусским писателем, с которым познакомились и подружились.

Сюжет тогда получился страшный и ужасающий. С того времени и сон пропал у Юницкого, словно вырвали у него сердце, оторвали от родной земли. Там сейчас «зона», в которую не пускают. Поздно, очень поздно решил отправиться на свою малую родину Анатолий. Нет у него сейчас родины. Отняли. Отняли те, кто бил

себя в грудь и доказывал, что атом – мирный и безобидный. Доказывая, договорились даже до того, что станцию можно было бы построить даже на Красной Площади в Москве, настолько она безопасна. А ещё академики утверждали, что электрическая энергия – экологически самая чистая.

Оказывается, наоборот, – монстр, чудище, гибрид войны и смерти. И если над человечеством нависнут ядерные кулаки с ядерной начинкой, его «колесо» уже не будет нужно, не спасёт оно человечество. Даже звёзды в небе покажутся чужими, потому что его детище названо «Звёздный мир». А есть же и «Звёздные войны». Всё смешалось, всё слилось воедино, и мозги разрываются от мыслей и перенапряжения – а как быть дальше? Бог пока не спешит спасать человечество и своё детище, ждёт разумных решений от человека. Тогда кто спасёт нас, отведёт беду?..

Анатолий сел прямо на землю возле остова печи своей хаты, не опасаясь, что сидит на «атомном реакторе». Хату ограбили и сожгли мародёры. И не только его хату, а и все дома деревни.

Он сидел и плакал, не стесняясь своих слёз. Слышал удары сердца своих Крюков, а своё сердце готово было выскочить из груди. И он упал на землю, разбросав руки, словно обнимая не только землю своего селища, а и всего мира…

«Боже, прости мои вольные и невольные грехи и провинности, виноват я, что не простился с живой деревней, а сейчас она мёртвая и ничего не может сказать в ответ… Мои милые Крюки, простите, что долго не приезжал! За всю жизнь я не смогу замолить свою вину!»

У него вздрагивали плечи, бил озноб, хотя на улице стояла почти сорокаградусная чернобыльская жара.

– Толя, поднимайся, – тронул осторожно его за плечо Виктор Козько, – нельзя нам долго здесь задерживаться… Нельзя. Поехали. Вставай.

Когда он сидел в «рафике», откинувшись на заднее сидение, услышал чей-то голос: «Отложишь на «потом» свою струнную дорогу, никогда не претворишь в жизнь! Это твоё детище, это – твоя жизнь…»

– Хорошо, – прошептал, не открывая глаза, Анатолий Юницкий. – Не буду откладывать…

Его шёпота никто не слышал.

Шипя шинами по асфальту, «рафик» стремительно мчался в

направлении Гомеля…

… После этого, где-то через месяц, он полетел в Казахстан – к матери.

Когда пришла сестра Тамара, рассказал, что стало с их Крюками. Показал фотографии.

Сестра заплакала, увидев на фото разорённое гнездо, среди которого торчал остов их печи, которая когда-то согревала, кормила, нежила, лечила…

Мать долго смотрела на фотографии, гладила руками, что-то шептала – словно молитву по умершему. Перекрестилась, глядя на иконы.

– Божья кара снизошла на всех, – вздохнула она, – хотя Бог никогда никого не карает. Значит, на нас просто прогневался Бог, а мы сами себя покарали…

Долго они говорили в ту ночь – вспоминали, вспоминали.

– Как живёшь, сын? Почему без Дениски приехал?

– Весь в делах, мама, ни минуты свободной…

Сын рассказал о себе. Рассказал обо всех перипетиях, судах, о том, что постоянно встречает непонимание. Но не жалуется на свою судьбу.

Мать долго молчала, а потом спросила:

– Сын, а правильную ли ты дорогу выбрал в жизни? Ты запускал вместе с друзьями ракеты в детстве, мечтал о космосе. Но то было в детстве. А сейчас ты взрослый человек, имеешь жену, сына… Неужели ты, Толик, и остался в том детском возрасте?

Анатолий обнял мать за плечи, прислонил к себе:

– Да, мама, остался, и мне не хочется почему-то взрослеть.

– Ну, тогда и я останусь молодой вместе с тобой, – пошутила Юлия Степановна, не перечила сыну, а серьёзно добавила: – Избрал свою дорогу, то и иди по ней. И пусть тебе помогает Господь!

Доводы эксперта

Рабочий день подходил к концу.

Анатолий зашёл к начальнику отдела строительства Олегу Кривко, попросил:

– Найди пару минут, загляни ко мне… Хочу посоветоваться.

Когда почти все работники строительного треста оставили ра-

бочие места, к Анатолию Юницкому зашёл Олег.

Юницкий разложил на столе листы ватмана, рисунки, чертежи. Рассказал другу о своём проекте, ожидая найти у него поддержку, услышать подсказку, узнать его отношение ко всему этому…

– Понимаешь, Толя, кривить душой не буду, – не отрываясь от чертежей, начал излагать друг своё отношение к услышанному и увиденному, – идея мне понравилась, интересная, фантастически интересная. Но я не представляю, как такая махина может подняться в космос? Знаю, что у тебя есть контраргументы, ты обязательно вспомнишь скептиков, которые когда-то утверждали, что паровоз не сможет катиться по гладким рельсам и забуксует, а самолёт не поднимется в воздух по той причине, что он тяжелее воздуха…

Анатолий сразу понял, что Кривко не принимает его изобретательство, не имеет даже желания глубоко вникнуть в суть проблемы, приподняться немного над землёй, оторваться от неё хотя бы на миллиметр.

– Но я, Толя, не скептик, – продолжал Олег, – я – чистый практик, верящий только фактам и законам физики. И – строительства. Мы строим дома, разные объекты, зная, для кого строим и насколько прочны будут наши строения. Мы видим глазом, можем потрогать руками. Ты же строишь неизвестно что. У нас здесь, на земле, столько замыслов, предложений, изобретений, что на века хватит, а у тебя – заоблачные фантазии. Нам не хватает хороших дорог на земле, а ты предлагаешь воздушные дороги, воздушные замки. Сегодня в космос летают ракеты, делают уникальную работу. Ты предлагаешь другое – «колесо Юницкого» и утверждаешь, что оно лучше? Докажи, друг мой, докажи, и я стану твоим единомышленником, а так…

Разговора не получилось. Олег даже не захотел выслушать аргументы, не подтолкнул к дискуссии, к спору, словно мечом взмахнул, ставя точку в разговоре, – нет, такого быть не может потому, что такого быть не может никогда…

«Зря я затеял это – поделиться с ним своими мыслями, – с сожалением подумал Юницкий, но не обиделся на друга, обвинив самого себя, что сам, видимо, не готов к глубокому анализу и аргументации, не подготовил его заранее, не заинтересовал… В любом деле нужна подготовка – как моральная, так и техническая…»

– Извини, Толя, за прямоту, я так думаю. Да и спешить мне на вокзал нужно – встретить человека надо из Москвы.

А Анатолий рассчитывал, что Олег задержится у него надолго, что они будут пить крепкий чай и спорить, спорить и спорить. Ну, пусть не спорить, а искать вместе точки соприкосновения. И вдво-

ём будут мечтать о звёздах и космосе.

Они бы спорили и искали вместе истину. Докапывались бы до причин неэффективного использования энергии в разных сферах жизни, в том же строительстве, к которому они имеют непосредственное отношение.

Он бы Олегу рассказал много чего интересного и занимательного.

Например, о той же энергетике, которую называют кровеносной системой социально-общественного организма. Чтобы она работала исправно, чтобы равномерно по сосудам двигалась «кровь», человечество должно для этого потратить столько своей собственной энергии, что невольно задумаешься: «А из всего добытого сколько потрачено энергии напрасно?»

Сегодня над этими вопросами человечество не задумывается, почти не задумывается. А завтра? Не бездонная же наша планета, в которой хранятся источники сырья для создания энергии! Но, добывая ту энергию, мы уничтожаем живое на земле, в том числе и самих себя. Непонятно? Мы в собственном доме не только сорим разными отходами и ядовитыми выхлопами, но и коптим трубами химических заводов и комбинатов… И всё ради чего? Чтобы жил человек? А как ему жить в копоти и саже, пить воду, смешанную с навозной жижей, текущей со свиноферм и животноводческих ферм? Мы же можем погибнуть на своей же планете, как те мамонты! Утрирует Юницкий? Издевается? А куда от правды деться?

Мы погружаемся в болото нечистот все глубже и глубже, стремительнее и стремительнее. Уже недалеко осталось и до рта… Да что Юницкий! Учёные-экологи утверждают: третья мировая война и её результаты придут неожиданно, в случае, если мы не будем ни над чем задумываться и проработаем «в том же режиме» хотя бы… пятьдесят лет. Больше и не нужно. Регресс прогрессирует. И с такой скоростью, что мы этого не замечаем, как не замечаем полёта секунды в нашей жизни.

Сегодня идут споры о том, где не нужно, а где нужно строить атомные станции, чтобы они не угрожали здоровью людей. А ведь в нашей общей комнате человечества только четыре угла. И какая разница, в каком углу поставить ту АЭС? Она же всё равно будет в нашей квартире! И мы будем с ней спать в обнимку!

А наш энергетический хлеб и огромные запасы энергии находятся не в недрах земли, которую трогать нельзя, а совсем рядом – в космосе. Да об этом говорил в прошлом столетии глуховатый чудак из Калуги Константин Циолковский, до него – Казимир Се-

менович и Роберт Годдард, да тот же Николо Тесла. Их призывы звучали приблизительно так: «Люди! Не рубите сук, на котором сидите! Не выгребайте из недр Земли запасы энергии, вы этим самым копаете себе могилу! Одумайтесь!»

Они раньше всех взлетели в мыслях над Землёй и увидели, и удивились: это же очень маленькая планета! И возможности её крайне ограничены! Но вокруг неё расположены неисчерпаемые океаны энергии и такие же запасы сырья. Но чтобы их взять, нужно выйти в космос. А на чём? На ракете? Не все из них предлагали транспортное средство в виде ракеты…

Есть такая наука – статистика. Упрямая, неподкупная. Если её применить к космосу, то получается такая арифметика: если хотя бы один процент продукции будет изготавливаться в космосе, то грузопоток на трассе «Земля – Космос – Земля» будет исчисляться не миллионами, а десятками миллионов тонн в год. Фантастическое число? Да нет, реальное, и реальнее быть не может. Всего лишь один процент продукции для шести миллиардов человек. А если десять процентов для десяти миллиардов человек или пятьдесят – для двенадцати миллиардов?

Скажите, скептики или реалисты, ракетам поднять в космос такой груз под силу? Да сами ракетоносители весят тысячи тонн, а поднимают на орбиту «маковое зёрнышко», а то и меньше. Это означает, что груз составляет никак не более пяти процентов стартового веса. Если же мы представим всю цепь затрат на полёт ракеты, то экономическая формула сделает нам следующий вывод: «Господа! А коэффициент полезного действия от вашей керосинки-напалма-ракеты составит не более… одного процента! На порядок меньше, чем у паровоза».

И никто из нас не покраснел от стыда? Нет? А жаль…

Стоимость доставки на орбиту одного килограмма груза на такой современной ракете-носителе, как американский «Шаттл», составляет от двадцати до пятидесяти тысяч долларов. Тогда обычный кирпич для строительства промышленного предприятия в космосе станет по цене золотым слитком наивысшей пробы. Ничего удивительного, так как каждый полёт «Шаттла» обходится налогоплательщику более чем в миллиард долларов.

Те же американские учёные признают тот факт, что если осуществить восемьдесят пять запусков «Шаттла» в год, то этого будет вполне достаточно для того, чтобы разрушить озоновый слой и ионосферу Земли, которые верно несут свою службу, доверенную Господом, – оберегают все живые организмы от радиации и

ультрафиолетового излучения.

А если к этому ещё присоединить сотни тонн вредных соединений хлора и окислов алюминия, отравляющих атмосферу во время старта? А сколько сгорает кислорода и озона в озоновом слое? И при всём при этом ракеты перевезут всего лишь несколько тысяч тонн грузов в год. Это как один небольшой железнодорожный состав за один рейс…

Циолковский не отрицал, что есть много недостатков в ракете. Говорил и о том отрицательном влиянии на живые организмы. И делал при этом главную сноску – это лишь первые, пусть и неудалые, шаги в познании космоса. Не в покорении его, а в разглядывании, в знакомстве, в изучении. Не более того.

Анатолий Юницкий, открыв неизведанные ранее возможности полёта в космос, не стоял настойчиво на своих позициях, не утверждал, что это аксиома, не требующая доказательств. Доказывать всегда нужно своё видение, но и прислушиваться к мнениям других. В споре всегда рождается истина. Олег Кривко представлял отряд тех людей, которые не верили в то, во что трудно поверить, а требовали доказательств. Как на суде, где невозможно доказать правоту или же виновность подсудимого. Анатолий был ни тот и ни другой. Он старался прорвать собственной головой оболочку неверия и невежества человечества.

Циолковский знал о недостатках ракеты, которую изобрёл. Но параллельно с этим изобретением он искал и другие средства выхода в космическое пространство. В своих пророческих видениях он представлял многоэтажные поезда, идущие, летящие по экватору. Здесь, конечно же, есть что-то общее с «колесом» Юницкого. Но, опять же, идея общая, но в деталях и подходах есть существенная разница.

Анатолий создал свою, отличительную формулу действия своего «космического колеса». Рентабельной промышленность на околоземной орбите станет лишь только в том случае, когда космический транспорт по стоимости перевозок приблизится к уровню наземных перевозок. А вот здесь уже Юницкий твёрдо стоит на своём утверждении: его ОТС может обеспечить это уже сегодня, когда КПД линейного электродвигателя с электродинамическим подвесом составит более пятидесяти процентов. А это означает, что стоимость доставки одного килограмма груза на орбиту составит не более пяти долларов. Значит, можно с полной уверенностью утверждать, что «колесо Юницкого», которое он называет ОТС, самое прогрессивное, самое производительное в мире, которое не будет «выплёвывать» реактивные газы из своих сопел из-за отсут-

ствия и тех и других.

А ракеты? На ваш вопрос можно ответить утвердительно – да, ракеты нельзя сбрасывать со счетов, они же нужны будут и тогда, когда мы начнём отправляться в межпланетные путешествия. Без них там не обойтись.

…Долго тогда сидел в своём кабинете Анатолий Юницкий. Уже сгустилась за окном темень, заглядывала в помещение любопытная луна.

Телефонный звонок вывел из задумчивости.

– Ты долго там будешь время убивать со своими любовницами?

Голос жены был злой и раздражительный.

– Не злись, я задержался с работой. Выхожу.

Но идти домой не спешил. Не первый раз слышал упрёки от жены, поэтому к её звонку отнесся спокойно. Он достал из папки чистый бланк, подумав немного, написал: «В Государственный комитет СССР по изобретательству и рационализации. Заявка. Прошу зарегистрировать мой проект ОТС и рассмотреть вопрос о выдаче мне авторского свидетельства на моё изобретение. Прилагаются…»

Идя домой, он зашёл на железнодорожный вокзал, где почтовое отделение работает круглосуточно, и отправил в Москву заказное письмо. Вздохнул облегчённо. Ему казалось, что его изобретение подымет престиж страны в глазах всего человечества. Он гордился своей страной, своей родиной. Своей малой родиной, имя которой – Беларусь…

Жена встретила холодно, даже не взглянув в его сторону, не предложив ужин.

Он взглянул на настенные часы – стрелка показывала чуть больше одиннадцати вечера…

…Ответ на заявку пришёл ровно через два месяца.

С волнением он вскрыл конверт, пробежался взглядом по первым строчкам. Это был ответ из отдела предварительной экспертизы. Ответ отрицательный. Заявка не прошла самый первый барьер.

Неизвестный эксперт утверждал: предлагаемое вами сооружение не имеет прецедента, его просто не с чем сравнивать. Ещё – заявка оформлена на уровне идеи, тогда как патентной защите подлежат только технические решения. А дальше уже эксперт с высоты своего непререкаемого положения позволил себе и сарказм: «В конце концов, откуда вы собираетесь взять необходимые для строительства денежные средства, строительные материалы, металл, бе-

тон, электроэнергию? Не из космоса ли, товарищ Юницкий?»

В душе от прочитанного не ощутил ни горечи, ни обиды. Обида разве только на самого себя: значит, не смог грамотно представить свою идею. А идея, как известно, чего-то стоит, когда она может защищаться. А раз не могла защититься, значит, она ещё слабая, не имеющая ни мускулов, ни убедительности.

Когда он пришёл поздно домой, жена спросила:

– Где был?

– На работе, где же ещё?

– Ты не скажешь, как её зовут, твою «работу»?

Но он, казалось, не слышал её. Он был далеко и от жены, и от своего дома, даже далеко от земли.

Заменить название? Но что это даст, что изменит? Нет-нет, пусть так и останется – ОТС. Но в другой заявке, которую он оформлял через год, Анатолий не просто изложил принципиальную схему, но и обосновал многие конструктивные особенности «колеса». Кроме этого, он принял к сведению «дополнительные вопросы» злого эксперта. По прошествии времени он ему уже не казался таким злым, просто колючим, сомневающимся субъектом.

– Ты меня хотя бы слышишь? – что-то надоедливое звенело над ухом.

Эксперт правильно ставил вопросы. Где взять столько металла? Любой бы засомневался, потому что на всё сооружение нужно не менее сорока миллионов тонн. Хотя один только СССР выплавлял тогда стали каждый год сто пятьдесят миллионов тонн. А если подсчитать, сколько выплавляют её все страны, вместе взятые? Тут же подсчитал, что только «цепочка» из легковых автомобилей, а их на земле более пятисот миллионов, может «окрутить» планету по экватору пятьдесят и более раз. При этом автомобили разных марок строить куда более сложно, чем участки однотипной «трубы». В достаточном количестве на земле и остальных строительных материалов.

– Ну, я так больше не могу, и такое продолжаться больше не может!..

Тяжелее, конечно, с энергией. Для одного рейса ОТС к нему пришлось бы подключить пару-тройку процентов электростанций всего мира – не так уж и много. Это если рассматривать с позиций сегодняшнего дня. Но прогноз предполагает, что к началу будущего столетия и тысячелетия необходимая для взлёта «колеса» энергия составит только один процент от той, что будет вырабатываться на планете Земля.

Юницкий написал свои выводы, задумался. Потом начал писать дальше. Он обращался к своему эксперту:

«Но все эти вопросы второстепенные. Главные другие. И один из них такой – а где взять огромные средства на такое сооружение? Ваш вопрос, товарищ эксперт, имеет право на возражение. А я вам отвечу так: самый простейший вариант ОТС – это когда в космос выводится один маховик с полезной нагрузкой – будет стоить около двухсот миллиардов долларов. Даже если эти затраты и быстро окупятся (а это в самом деле так), понятно, что одной стране – СССР или США – они не под силу. Не по карману. Хотя нет… Только Соединённые Штаты планируют израсходовать на военные нужды в ближайшие пять лет два триллиона долларов».

Дальше Анатолий Юницкий бросился в рассуждения. Коснулся «Стратегической оборонной инициативы» – СОИ. Американцы подсчитали, что эта инициатива для них обойдётся в триллион долларов, плюс к этому нужно ежегодно добавлять более трёхсот миллиардов для её обслуживания на орбите. И все эти деньги, как ни странно, выбрасываются в космос, словно на ветер. Известно всем, что любая военная техника, какой бы она дорогостоящей и современной не была, всё равно пойдёт на слом, не принеся никакой пользы или выгоды. Не будем брать во внимание отцов военно-промышленного комплекса, ибо они всегда думали иначе, потому что запланированы и зазомбированы на уничтожение и смерть. Им чем дороже, тем лучше. Дело другое – найти альтернативу в этом вопросе. А она есть. Это – мирная космическая программа, которая намного дешевле СОИ. Но ОТС, в своём даже самом дорогом грузопассажирском варианте, «выльется» всего в один триллион.

Дорогой эксперт! Я предлагаю ОТС вместо СОИ! Вы представляете, что это такое? Монополисты-подрядчики получат куда больше прибыли, потому что их средства будут вложены в своё, особенное промышленное предприятие с полезной отдачей. А перевести, переоборудовать военно-космическую промышленность и поставить её на мирные рельсы сложности особой не составит. А для ОТС будут кстати те же радары, компьютеры, защитные покрытия… Да и миллионы тех учёных, инженеров, рабочих, занятых на военном производстве, не останутся без работы, а их семьи – без средств существования. Более того, уважаемый эксперт, только при закладке эстакады – такого гигантского «позвоночника» через всю планету – получат работу миллионы и миллионы безработных. А когда начнётся вахтовая работа в космосе, слово «безработный» вообще будет выброшено из лексикона.

ОТС – это единая земная артерия, общепланетный территориально-производственный комплекс, позволяющий и помогающий осваивать океан, сближающий на всех уровнях развития страны Северного и Южного полушария, Востока и Запада, предотвращающий глобальные экономические и экологические кризисы. И это, в конце концов, станет становым хребтом нашей планеты Земля.

Убедил ли я в чём-нибудь Вас, строгий судья и эксперт? Ещё нет?

Идём дальше. Я не говорю о том, что сегодня созданы все необходимые технические возможности начать такое строительство на Земле. Проблема только в том, как договориться всем странам одновременно. Снять барьеры и препятствия, социальные барьеры, разделяющие Восток и Запад.

Я предлагаю человечеству «купить билет» и укатить в третье тысячелетие на моём «космическом колесе», которое сыграет в истории не меньшую роль, чем первое колесо на заре цивилизации. Есть такой шанс – отправиться в будущее. Тогда и начнётся поистине человеческая космическая эволюция, с элементами наивысшей цивилизации. Потому что творческие ресурсы ума можно приравнять разве только к энергетическим ресурсам Солнца с его неутомимой энергетикой. Но как и Солнце, пробиваясь сквозь сложные барьеры земной атмосферы, теряет значительную часть своей энергии, так и люди под давлением земных забот и проблем пока реализуют свой творческий и энергетический потенциал всего-то на три-четыре процента. Пространство, которое необходимо покорить и завоевать человеку, находится у него… под шляпой.

Есть такое понятие – «бездна мощностей». Это всё та же дешёвая и экологически чистая энергия. Только она способна освободить людей от изнурительного труда. А это уже будет претворение мечты Циолковского – «осваивая космос, человечество совершенствует себя». И если он себя раскрепостит, человек станет разумным человеком, что тогда можно ожидать от него? Тогда и моё «колесо» для «мозгового треста», который объединит творческую энергию и мыслительный потенциал всех людей планеты, будет просто детской игрушкой.

Эта заявка уже выглядела внушительно – тянула на докторскую диссертацию. Аж шестьдесят машинописных страниц! Двадцать фигур чертежей, формулы, таблицы, рисунки…

Он не надеялся ни на успех, ни на поражение. Это было своего рода проверка. Проверка не только самого себя и позиций

советского Госкомизобретательства, а и ещё определение ситуации, в которой он оказался. Неясности он не выносил. Или вы докажите, что идея полна абсурда, или, будьте так добры, определитесь с моим статусом. Так он думал, отсылая толстый конверт со своими выкладками…

– Так ты придёшь сегодня домой или останешься у неё ночевать? – голос у Галины раздражённый, почти крик, вот-вот случится истерика.

– Выхожу. Я уже одет.

…Месяц ожидания, второй.

И, придя однажды с работы домой увидел в почтовом ящике конверт.

Обратный адрес не комитета по изобретениям, а из Научно-исследовательского института патентной экспертизы. Тут же, не отходя от ящиков, прикреплённых к стене, прочитал ответ.

А он был неутешительный. Осторожный был ответ, словно боялись обидеть автора ОТС. Анатолий пожал плечами – общие слова, ничего не значащие. Можно было подумать, что его шестьдесят страниц никто и не читал. Потому что не приводилось ни одного аргумента ни в пользу проекта, ни против него.

Переступив порог квартиры, объявил жене:

– Я уезжаю сегодня в Москву. Дай мне запасную рубашку.

Она удивилась:

– За синицей в небе едешь? Всё угомониться не можешь со своими прожектами. Боже, как мне всё это надоело! Я же тебе русским языком сказала – такое больше продолжаться не может. Или ты не слышал меня?

…С большим трудом добился встречи с тем человеком, который писал ему запрос. Им оказался средних лет патентный эксперт, гладко выбритый, надушенный иностранными духами, в глазах – безразличие.

– И как только вам такое могло прийти в голову? – глядя на него, спросил недоуменно чиновник от изобретательства. – Я прочитал все ваши страницы. И признал вашу идею, ну, как бы вам это помягче сказать…

– Абсурдной, – помог ему точнее высказать мысль.

– Да, приблизительно так. Ну давайте допустим вместе с вами, что идея осуществима. Но проходить же она будет не по нашей

территории. Тогда возникает вопрос – почему вы хотите получить авторское свидетельство у нас? Опять же, построить ваше «колесо» можно только лишь при одном главном условии – когда на всей земле будет построен коммунизм. Но тогда не нужна будет и защита авторских прав – не так ли?

Чиновник улыбался, глядя с иронией на недоумевающего гостя. Потом нахмурился, сжал губы, процедил сквозь зубы:

– Уважаемый товарищ Юницкий! Вы что, думаете, что у нас нет других дел, кроме как заниматься вашими утопическими проектами? Стыдились бы отнимать у занятых людей дорогое время!

И он тут же углубился в чтение каких-то бумаг, лежащих перед ним на столе. Своим видом он показывал, что разговор окончен, что уже давно посетитель должен был оставить кабинет.

Анатолий вздохнул, глядя на эксперта, поднялся со стула. Ещё мгновение стоял, ожидая, когда тот оторвётся от бумаг и скажет что-нибудь, прояснит до конца ситуацию.

Понял одно – эксперт ни черта не понял, отмахнулся, даже не вникнув в суть проблемы. И если они так относятся к каждому смелому изобретению, то через эти толстые стенки и толстые лбы никогда не пробиться свежей мысли, проекту, изобретению… Значит, эксперт и его определил, что он похож на стакан воды, в котором от электрокипятильника кипит-булькает пустая затея, и что он похож на того ходока, который стучится в разные кабинеты высоких инстанций в надежде заполучить за свои предложения деньги… И уже строго оценивая самого себя, в какой он оказался ситуации, подумал: «А что? Так оно и выглядит со стороны… Чиновнику же от этого ничего не перепадёт, поэтому не тужься, как при родах, ничего не родится в этих кабинетах».

В тот же день вернулся домой.

Колёса вагона на стыках твердили: «Подумай, подумай, подумай…»

Никто не хочет думать о том, что будет завтра. Чем больше приблизился Анатолий к будущему, тем выше возводились перед ним барьеры непонимания и непризнания. Да, неблагодарное это занятие – смотреть в будущее. Не от того ли всё это происходит, что мы в него и сами не верим?

«По-думай, по-думай…»

И пришла неожиданная мысль. Сама идея материализуется или хотя бы признается тогда, когда о ней узнают люди. А как могут узнать люди, много людей? Когда прочитают, конечно, ознакомят-

ся, вникнут спокойно в суть проблемы…

И так он впервые переступил порог журналов «Изобретатель и рационализатор» и «Техника молодёжи». Не сразу приняли его сторону и там. Он долго убеждал редактора, приводил десятки доводов и аргументов. И лёд тронулся! Первый журнал напечатал его выкладки в четвёртом номере за 1982 год, а второй, в том же году, предоставил ему страницы в номере шесть.

И это была первая радость. Радость оттого, что он заявил о себе, что нашёл читателей и теперь будет ожидать от них ответной реакции.

Когда они признают все вместе, действительно признают, что «колесо» не полетит в космос, он отступится от своей идеи, забросит её и займётся земными делами, как того и желает жена.

Но здесь Анатолий, шутя, сказал сам себе: «Но ещё неизвестно, как оно обернётся… Слепой сказал – посмотрим». Под «слепым» он имел в виду судьбу, которая не только распоряжается нами, а может затянуть в такие дебри, что впору вызывать на помощь Сусанина…

А что оставалось Анатолию, как не шутить?

С ней, с шуткой, жить веселее, за ней можно спрятаться, скрыть свои истинные чувства и намерения. А ему-то и скрывать было нечего – весь на виду, с открытым сердцем и душой.

Жаль только, что те, кто должен был понять и увидеть его духовный мир, были слепы и глухи…

Артур Кларк – фантаст

Как ни странно, но их пути пересеклись. Одновременно журнал «Техника молодёжи» (1982 год, № 6, стр. 34–36) напечатал фантастический роман Артура Кларка «Фонтаны рая», а инженер из Гомеля Анатолий Юницкий выступил со своим предложением под заглавием «В космос… на колесе».

Разные изобретатели всего мира предлагали свои идеи, как выйти в космос. Предлагался и космический лифт.

В Советской стране родилась идея, способная разрешить эту проблему. Предложил её ленинградский инженер Юрий Арцутанов. Своё видение он изложил в статье «В Космос – на электровозе» и напечатал в «Комсомольской правде» 31 июля 1960 года.

В чём заключалась его идея? Это устройство представляло собой здание (якорь) на поверхности Земли и спутник, который висел на геостационарной орбите. Он, спутник, неподвижен относительно определённой экваториальной точки Земли, потому что вращается вместе с планетой в суточном цикле с той же угловой скоростью.

Спутник и здание должны быть связаны между собой сверхпрочными канатами, по которым и должны бегать автономные кабины лифта.

Писатель-фантаст прочитал внимательно о «космических лифтах» и пришёл в неописуемый восторг, что и подтолкнуло его к написанию романа «Фонтаны рая». В основу взято некое строительство на Земле, которое занимается такими лифтами по всему периметру экватора планеты.

Прочитал тот роман и Анатолий Юницкий. Восторга у него не возникло, потому что у самого из головы не выходила мысль о своём видении выхода в космос, но и не отверг он предложение другого учёного. Принял, как говорят, к сведению.

И вот тогда он отнёс в редакцию журнала свой материал «В космос… на колесе».

«… Космическое будущее человечества за последние полвека превратилось из гениальной гипотезы К. Э. Циолковского в прогнозируемую очевидность, в область реального приложения сегодняшних знаний. Ещё спорят о том, что заставит человека покинуть родную планету, но мало кто уже сомневается, что он непременно поселится в космосе. Артур Кларк, например, вслед за Н. Ф. Фёдоровым, К. Э. Циолковским, М. К. Тихонравовым, Ф. Дайсоном, Д. О'Нейлом считает, что расселение человека в космосе – неизбежный процесс. «Может оказаться, что прекрасная наша Земля всего лишь место краткой передышки на пути между Мировым океаном, где мы родились, и звёздным океаном, куда мы ныне устремили свои дерзания», – пишет он.

…Сейчас преимущества космической технологии для ряда производств не вызывают у специалистов сомнений. Более того, стало понятным, что в силу ограниченности сырьевых, энергетических и других ресурсов планеты, а также в силу пространственной ограниченности земной среды обитания человека массовое освоение космического пространства неизбежно уже в ближайшем будущем. Так, например, опасность перегрева атмосферы уже достаточно скоро заставит вынести с Земли в космическое пространство наиболее

энергоёмкие производства.

В последние годы всё чаще появляются различные проекты «великого переселения народов» с Земли, строительства астрогородов, космических производственных баз и мощных энергетических установок. И самое слабое место любого из этих проектов – транспорт. Чтобы выяснить возникающие трудности, рассмотрим конкретный пример из недалёкого будущего.

По оценкам экспертов Международного демографического общества, численность населения планеты составит к 2050 году 11,5 миллиардов человек. В настоящее время в развитых странах годовой объём промышленной продукции в расчёте на одного жителя составляет 30 тонн. Если средний мировой уровень производства достигнет к середине будущего века хотя бы уровня современных развитых стран, то на Земле ежегодно будет производиться свыше 300 миллиардов тонн промышленной продукции.

Для того чтобы всерьёз говорить о значительном вкладе космической технологии в земную, её доля в производстве продукции должна быть равна хотя бы одному проценту. В абсолютном выражении это составит 3 миллиарда тонн готовой продукции. Если перевести продукцию на сырьё, то транспортные перевозки на трассе «Земля – Космос – Земля» должны составить величину порядка 10 миллиардов тонн грузов в год.

Ни одна из известных транспортных схем не сможет обеспечить такой фантастический (по нынешним представлениям) объём перевозок. Но с этой задачей даже шутя справится предлагаемое общепланетное транспортное средство, представляющее собой своеобразное колесо или, вернее, только обод, надетый на Землю по её экватору.

Представим себе такую картину. Вдоль экватора идёт специальная эстакада, высота которой в зависимости от рельефа в пределах от нескольких десятков до нескольких сотен метров. На океанских просторах, а они составляют 75 процентов от длины, эстакада размещена на плавучих опорах, заякоренных на дне. Общепланетное транспортное средство (ОТС) размещено поверх эстакады и имеет в поперечном сечении диаметр порядка 10 метров.

Общая масса ОТС – 1,6 миллиардов тонн (40 тонн на погонный метр), грузоподъёмность – 200 миллионов тонн (5 тонн на погонный метр), пассажировместимость – 200 миллионов человек. Расчётное число выходов ОТС в космос за пятидесятилетний срок службы – 10 тысяч.

Прежде чем перейти к более подробному описанию конструкции и работы общепланетного транспортного средства, сравним приведённые цифры с возможностями других транспортных устройств, предназначенных для выведения грузов на околоземную орбиту.

Чтобы выполнить аналогичную транспортную работу с помощью, например, космических кораблей многократного использования, подобных «Шаттлу», их общий стартовый вес должен быть равен 100 триллионов тонн. При работе этих кораблей в атмосферу должно быть выброшено 60 триллионов тонн продуктов сгорания твёрдого топлива, содержащих свыше 6 триллионов тонн газообразного хлористого водорода. Очевидно, что даже в тысячи и в миллионы раз меньший выброс был бы гибельным для всего живого на планете. Поэтому ракетная транспортная схема неприемлема.

По оценкам специалистов, масса широко обсуждаемого в печати космического лифта Ю. Арцутанова («Техника молодёжи» № 4 за 1977 год и № 4 за 1979 год) будет не менее нескольких миллиардов тонн, а пропускная способность – на уровне слабозагруженной современной железной дороги, то есть порядка 10 тысяч тонн грузов в сутки. Поэтому для обеспечения такой же пропускной способности, как у ОТС, понадобится 2 тысячи лифтов общей длиной 100 миллионов километров и общей массой в триллионы тонн. Лифты должны быть изготовлены из уникальных по своим прочностным характеристикам материалов, которые ещё не получены даже в лабораторных условиях. Значит, и эта транспортная схема неконкурентоспособна.

После подачи электрической энергии на обмотку линейного электродвигателя возникает бегущее магнитное поле. В верхней бесконечной ленте, имеющей магнитную подвеску и являющейся ротором двигателя, наводится ток. Ток будет взаимодействовать с породившим его магнитным полем, и лента, не испытывающая никакого сопротивления (она размещена в вакууме в канале, расположенном по оси корпуса ОТС), придёт в движение. Точнее, во вращение вокруг Земли. При достижении первой космической скорости лента станет невесомой. При дальнейшем разгоне её центробежная сила через магнитную подвеску станет оказывать на корпус ОТС всевозрастающую вертикальную подъёмную силу, пока не уравновесит каждый его погонный метр (транспортное средство как бы станет невесомым – чем не антигравитационный корабль?). В удерживаемое на эстакаде транспортное средство с предварительно раскрученной до скорости 16 километров в секунду верхней лентой, имеющей массу 9 тонн на погонный метр, и точно

такой же, но лежащей неподвижно нижней лентой, размещают груз и пассажиров. Это делается в основном внутри, а частично и снаружи корпуса ОТС, но так, чтобы нагрузка в целом была равномерно распределена по его длине. После освобождения от захватов, удерживающих ОТС на эстакаде, его диаметр под действием подъёмной силы начнёт медленно расти, а каждый его погонный метр – подниматься над Землей. Поскольку форма окружности отвечает минимуму энергии, то транспортное средство, до этого копировавшее профиль эстакады, примет после подъёма форму идеального кольца.

Хотя после подъёма с эстакады ОТС будет отдано в руки воздушных стихий – штормов, смерчей, гроз, они не окажут на его работу никакого влияния. Расчёты показывают, что ни на что не опирающееся транспортное средство обладает уникальной изгибной жёсткостью и устойчивостью, недоступной статическим конструкциям и обусловленной движением бесконечной ленты. Например, дополнительная нагрузка в 100 тысяч тонн (двадцать тяжеловесных железнодорожных составов), приложенная к участку ОТС длиной в 1 км, изогнёт его относительно идеальной окружности всего на 20 сантиметров.

Анализ показывает, что поднявшееся транспортное средство будет находиться в равновесии только в том случае, если его общая кинетическая энергия будет равна энергии тела такой же массы, движущегося с первой космической скоростью. Если общая энергия будет большей, диаметр кольца начнёт увеличиваться, меньшей – уменьшаться. Тогда для подъёма ОТС необходимо иметь либо первоначальный избыток кинетической энергии (ленту разгоняют на Земле до более высокой скорости), либо в процессе подъёма нужно уменьшать массу транспортного средства путём сброса балласта. Предпочтительнее всего их сочетание. В качестве балласта наиболее целесообразно использовать экологически чистые вещества: воду или предварительно сжатый или сжиженный газ, например воздух. Общий расход балласта при подъёме на высоту в 300 километров – порядка 10 –100 кг на погонный метр кольца.

Растяжение корпуса ОТС по мере увеличения его диаметра будет сравнительно невелико: длина кольца будет увеличиваться на 1,57% для каждых 100 километров подъёма над Землей. Удлинение корпуса компенсируют путем перемещения друг относительно друга его блоков, концы которых телескопически входят один в другой и связаны между собой, например, гидроцилиндрами. Бесконечные ленты линейных электродвигателей будут удлиняться за

счёт их упругого растяжения. Для создания требуемых растягивающих нагрузок понадобятся незначительные радиальные усилия. Например, для получения продольного усилия в 6400 тонн понадобится превышение центробежных сил над весом ОТС, равное всего 1 килограмм на погонный метр.

Скорость подъёма ОТС на любом из участков пути может быть задана в широких пределах: от скорости пешехода до скорости самолёта. Атмосферный участок транспортное средство проходит на минимальных скоростях.

После выхода из плотных слоёв атмосферы включают обратимый привод верхней бесконечной ленты на генераторный режим. Лента начнёт тормозиться, а двигатель – вырабатывать электрический ток. Эту энергию переключают на двигатель второй ленты, включённый на прямой режим. Нижняя лента, имеющая ту же массу, что и верхняя, до этого неподвижная относительно корпуса, начинает вращаться в обратную сторону. Так обеспечивается в процессе вывода неизменность кинетической энергии вращающихся вокруг планеты элементов ОТС. В противном случае кольцо может сесть обратно на Землю.

Корпус транспортного средства и всё, что к нему прикреплено – груз, линейные электродвигатели и т. п., подчиняясь закону сохранения момента количества движения системы, придёт во вращение. Он начнёт крутиться в ту же сторону, что и верхняя бесконечная лента, пока не достигнет окружной скорости, равной первой космической. Радиальная скорость упадёт до нуля. После этого на высоте 400–600 километров выгружают груз и пассажиров, сразу оказавшихся у места назначения – первого промышленного и энергетического ожерелья Земли, находящегося на этой же высоте.

Таким путем ОТС будет выведено в ближний космос за 1–2 часа, если перегрузки в нём будут приняты на уровне современных аэробусов в момент их взлёта (ускорение порядка 1–2 м/с^2).

Посадка ОТС на Землю осуществляется в обратном порядке.

В процессе транспортного цикла не понадобится подвод энергии извне. ОТС обойдётся первоначальным запасом кинетической энергии, которая с верхней бесконечной ленты в процессе взлёта будет перераспределена на корпус, а при посадке опять отдана ленте. К ней, кстати, присоединится и энергия космического груза, доставляемого на Землю. Например, доставка тонны груза с Луны даст такое же количество энергии, что и тонна нефти (лунный груз по отношению к Земле обладает кинетической и потенциальной энергией, которая утилизируется ОТС и преобразуется в электри-

ческую форму).

По пути в космос и обратно или в промежутках между рейсами ОТС будет получать такое количество дешёвой энергии, которое обеспечит как собственные потребности в ней, так и потребности человечества в целом.

Кроме описанного источника энергии – энергии космического груза, есть по меньшей мере ещё три источника: солнечная энергия, ионосфера планеты и энергия вращения Земли вокруг своей оси.

Первый источник особых пояснений не требует. На ОТС могут быть размещены как солнечные специальные панели, так и сам его корпус может быть выполнен в виде солнечной батареи. ОТС сможет перевозить энергию, получаемую солнечными орбитальными электростанциями, на Землю экологически чистым путем: под воздействием солнечного излучения вода, специально доставленная на орбиту, будет разложена на водород и кислород. В задачу ОТС будет входить лишь доставка в космос воды и обратная доставка водорода и кислорода, которые при сжигании на Земле дадут ту же воду.

Во втором источнике, возобновляемом Солнцем, энергия будет браться из токов ионосферы, ведь разность потенциалов между ней и Землёй равна 400 тысяч вольт.

Не составит особого труда заставить поработать на человечество и энергию вращения планеты вокруг своей оси. Причём экологически безбоязненно, так как в течение миллионов лет этим же занята без особых последствий и Луна. Правда, торможение Земли Луной сопровождается приливами и отливами, чего не будет в случае торможения планеты с помощью ОТС. Расчёты показывают, что, если отбирать в течение века среднюю мощность в 100 миллиардов киловатт, то окружная скорость экваториальных точек Земли уменьшится всего на ... 0,3 миллиметра в секунду. Правда, законы механики накладывают свои ограничения – эта энергия может быть взята только при одностороннем грузопотоке, то есть тогда, когда между планетой и окружающим пространством будет происходить односторонний обмен массой.

Получаемую энергию ОТС будет либо аккумулировать в своих бесконечных лентах, либо передавать её на Землю.

Не зная грядущих достижений науки и техники, тем не менее, опираясь на фундаментальные законы физики, справедливые и для будущего, можно утверждать, что уровень эффективности ОТС для других схем вообще недосягаем.

Во-первых, ОТС (с разогнанной лентой) – единственно возмож-

ное транспортное средство, которое, подобно барону Мюнхгаузену, вытащившему себя за волосы из болота, способно без взаимодействия с окружающим миром, только за счёт внутренних сил, вывести себя в космос. Любой другой транспорт, будь то автомобиль, самолёт, ракета или антигравитационный корабль, становится транспортом лишь в результате взаимодействия с окружающей средой: поверхностью планеты, воздухом путём выброса продуктов горения или взаимодействия с гравитационным полем. Ничего этого ОТС не требуется, так как в процессе работы положение его центра масс в пространстве, совпадающее с центром масс Земли, не изменяется. Поэтому ОТС – экологически самое чистое из всех возможных транспортных средств.

Во-вторых, при установившемся грузопотоке, а это рано или поздно наступит, когда начнётся эксплуатация недр Луны и астероидов, объёмы перевозок в направлениях «Космос – Земля» и обратно сравняются. Поскольку электромагнитный двигатель ОТС теоретически может иметь КПД, равный 100%, то однажды разогнанное транспортное средство может «вечно» функционировать без затрат энергии. Практически же понадобится незначительный подвод энергии, необходимой для компенсации потерь в двигателе.

В-третьих, благодаря тому, что каждый погонный метр ОТС является самонесущим, его конструкция испытывает только незначительные местные нагрузки, обусловленные усилиями подвески корпуса. Более или менее значительные усилия появляются лишь при нештатных режимах работы транспортного средства: при смещении кольца относительно Земли (при несовпадении центра кольца с центром масс планеты в плоскости кольца), при неравномерной его загрузке или неравномерной работе привода бесконечных лент. Однако и в этих случаях напряжения в конструкции будут незначительными, на уровне нагруженности самолётных конструкций. К тому же система управления ОТС должна быстро парировать отклонения и восстанавливать штатный режим.

Таким образом, вся конструкция колеса может быть построена из рядовых конструкционных материалов, что также является его преимуществом.

Что же касается бесконечных лент, то они могут быть набраны по длине из чередующихся металлических и полимерных пластин, например медных и полиуретановых. Это обеспечит требуемые продольную деформативность и поперечную электропроводность. Магнитная подвеска может быть обеспечена как постоянными магнитами (в настоящее время есть магниты, один килограмм которых в

состоянии удержать груз в пять тонн), так и электромагнитами. Расчётные скорости движения лент также могут быть получены с помощью решений, известных сегодня. Например, в США разработан проект метро «Планетран», в котором вагоны, имеющие линейные электродвигатели и магнитную подвеску, будут мчаться по вакуумированному тоннелю со скоростью 6,25 километров в секунду. Фантастика? Нет, реальность, подтверждённая законами физики и транспортных средств.

Согласно прогнозам национальной комиссии США по вопросам политики в области материалов мировое производство стали достигнет в середине будущего века 3,5 миллиардов тонн в год. Примерно половина конструктивных элементов ОТС может быть изготовлена из стали (800 миллионов тонн), поэтому, тратя на ОТС лишь 5% выплавляемой стали, человечество сможет его построить за пять лет.

При трёхпроцентном годовом росте наземных транспортных затрат человечество будет расходовать к 2050 году на транспорт 4 триллиона долларов в год. Если половина этих средств будет тратиться на строительство ОТС, то оно может быть сооружено в течение 5 лет при общей стоимости порядка 10 триллионов долларов.

Как видим, в середине века потребности человечества в космическом транспорте совпадут с его материальными и экономическими возможностями.

Несмотря на кажущиеся огромные затраты на ОТС, они очень быстро окупятся. При этом себестоимость космических перевозок будет на уровне наземных: 10 копеек за килограмм груза. Низкая себестоимость перевозок позволит наконец-то вывезти с Земли весь мусор, по меньшей мере, его наиболее опасную часть — радиоактивные отходы.

А как оценить экономически, например, то, что ОТС может быть использовано в общепланетной энергосистеме в качестве аккумулирующей электростанции с пиковой мощностью 10^{13} киловатт? Что корпус ОТС – готовый радиотелескоп высокой разрешающей способности, которая так необходима для расширения наших знаний о вселенной и для поиска космических братьев по разуму? Что вакуумированные кожухи бесконечных лент с их магнитной подвеской и линейными электродвигателями – готовые ускорители заряженных частиц максимально возможных в условиях Земли размеров? И на этом многофункциональность ОТС не исчерпывается.

С уверенностью можно сказать, что это «невесомое» космическое колесо в единственном экземпляре сумеет послужить чело-

вечеству с такой же великой пользой, как служат ему миллионы его земных предшественников».

…Прочитал Анатолий «Фонтаны рая». Он не давал ему ни литературную оценку, ни технологическую. Каждый имеет право на видение будущего – как Юрий Арцутанов, так и Артур Кларк.

И неожиданно для себя он решил написать знаменитому фантасту письмо. Тем более, что им предоставили страницы в одном и том же журнале. Пусть не натолкнёт и не вдохновит «колесо» на написание очередного романа, но пусть хотя бы знает, что есть и другие идеи, предложения по освоению космоса.

А как написать, когда он не знает английского языка? В школе ещё проблемы были с изучением немецкого, легче формулы запоминались и открывались, но заучивание правил и слов…

Обратился к своим помощникам в научном творчестве.

– Да нет проблем, – ответили, – ты только изложи текст, а мы из него сделаем то, что надо.

Изложил на двух страницах. Рассказал о себе, о том, что у него много идей и предложений, но они не из области фантастики, а реальны, способные легко и просто поднять человека в космическое пространство… Много писать не хотел, боялся утомить писателя, отнять у него драгоценное время. Письмо напечатали на машинке, чтобы Артуру Кларку было легче читать.

И, к большому удивлению и радости, спустя несколько месяцев в Гомель пришло письмо из Коломбо, где жил в то время фантаст, и было оно адресовано Анатолию Юницкому.

Естественно, письмо прошло «фильтрацию», было для органов опасение, что в этом письме могло скрываться что-то подозрительное, наносящее вред Стране Советов…

Он подержал его в руках, а потом попросил друзей:

– Прочитайте, интересно, что он мне ответил.

Николай Мышкин (доктор технических наук, в настоящее время – директор Института механики металлополимерных систем Академии наук Беларуси) сразу же начал переводить:

– Уважаемый господин Юницкий! С большой радостью и удовлетворением прочитал Ваше письмо. Оно меня тронуло и взволновало. Радостно, что на нашей планете есть люди, которым не даёт покоя технократическое развитие человечества на земле. Они испытывают беспокойство и тревогу за будущее планеты, и не важно, тот человек живет в Советском Союзе или Японии, Америке или Франции… Я пока очень занят, работаю над новой книгой,

поэтому моё письмо будет кратким.

В ближайшее время, как закончу работу, я напишу вам обстоятельное письмо.

Я в свой компьютер заложил Ваши координаты, Вашу идею. Они мне представляются интересными и перспективными.

Действуйте!

Победы добиваются настойчивые и целеустремлённые. Верю, что к таковым Вы и относитесь. Обнимаю Вас.

С уважением, Артур Кларк

P.S.

Дорогой Анатолий! А на остальные Ваши вопросы ответом пусть послужит моё интервью, которое я дал журналистам. Думаю, Вы узнаете немного больше обо мне. Пишите мне о себе, о Ваших новых идеях, буду рад ответить.

« – Какие у Вас увлечения, кроме научной фантастики?

– У меня несколько хобби, но все они стали либо профессией, либо бизнесом, так что вернее сказать, что у меня вообще нет хобби. Например, мальчиком я интересовался звёздами, строил маленькие телескопы, потом телескопы побольше, даже 20-см рефлектор. Моё увлечение астрономией стало, в конце концов, почти профессией: в основе моих книг лежит именно эта наука. Затем я заинтересовался глубинным ныряем, подводными исследованиями, и это привело меня на остров. Теперь у меня подводный бизнес для туристов. Фотография также была моим хобби, но множество своих снимков я использовал в книгах. Пожалуй, единственное настоящее хобби – это настольный теннис. На пинг-понге я пока не зарабатываю.

– Что Вы можете рассказать о подводном мире?

– Я начал интересоваться подводными исследованиями в силу своего интереса к астрономии. Это звучит довольно странно, но еще 25 лет назад я понял, что под водой можно воссоздать ощущение невесомости, характерное для пребывания в космосе. Поэтому начал заниматься ныряем, чтобы почувствовать, что значит не иметь веса. И это привело меня к исследованиям Большого Барьерного Рифа и Индийского океана здесь, на острове. Море – это чужой мир, полный странных неведомых существ и очень интересный для исследователя.

– Страна, в которой Вы сейчас живёте, имеет очень богатое прошлое, богатую историю, культуру. Вы наверняка много ездили по стране, изучали её. Используете ли Вы эти впечатления, знания

в своих произведениях?

– Я живу в Шри-Ланке уже более 20 лет. Вот уже почти два года, как я не покидал острова. Мне никуда не хочется уезжать, здесь я вполне счастлив и чувствую себя как дома. Я путешествовал по стране. У этой страны удивительная, чарующая история, насчитывающая 2500 лет. Я много писал о ней в своих книгах, и в последней – «Фонтаны рая» – действие происходит только в Шри-Ланке. Основное действие разворачивается на Пике Адама, Священной горе, на самой вершине которой есть храм. В гору ведёт огромная лестница протяжённостью пять километров. В своей книге я использовал много исторических моментов в качестве основы романа, хотя многое и изменял.

– Любите ли Вы путешествовать?

– Я много путешествовал, читал лекции в США, был на многих международных конференциях. Раньше мне это нравилось, но сейчас мне уже не хочется путешествовать, возможно, потому, что старею. Мне никуда не хочется уезжать из Шри-Ланки, но я допускаю, что если опять начну путешествовать, то буду снова получать огромное удовольствие. Начать – вот основная проблема.

– Собираетесь ли Вы посетить Советский Союз?

– Конечно, я хотел бы побывать в Советском Союзе. У меня там много друзей. Хотел бы встретиться с Юрием Арцутановым, у которого я взял идею для последней книги. Впрочем, ко мне приезжает так много людей, что, сидя здесь, я вижусь со всеми.

– Где Вы хотели бы побывать в Советском Союзе?

– В первую очередь, в Звёздном городке. Хотелось бы встретиться с астрономами, с космонавтами, со многими, из которых я познакомился на международных конференциях. Приятно было бы посетить ваши крупные обсерватории, а также побывать на месте падения Тунгусского метеорита. Впрочем, я не так уж много знаю о Советском Союзе.

– Что Вы думаете о Тунгусском метеорите?

– Я читал довольно много об этом явлении. Уверен, что это была комета или очень большой метеорит. Но есть нечто таинственное и непонятное – огромное тепловое излучение, которое по мощности можно сравнить только со взрывом атомной бомбы. Тем не менее, я весьма сомневаюсь в том, что это был космический корабль, который взорвался.

– Кстати, Ваше мнение об НЛО и инопланетянах, которые якобы нас посещают?

– Я очень скептически отношусь к рассказам об НЛО. В небе

происходят, разумеется, странные явления, ещё не изученные людьми: астрономические, метеорологические... Я не верю, что у нас были посетители из космоса, по крайней мере, за последнее время. Вполне возможно, что сотни тысяч лет назад на Землю прилетали пришельцы из космоса. Они могут прилететь завтра, могут приземлиться в моём саду. Что я буду делать? Естественно, я буду очень осторожен, так как в одном я абсолютно уверен – любые пришельцы из космоса даже отдалённо не будут напоминать людей. Люди, я полагаю, живут только на нашей планете. На других планетах разумные существа совершенно другие. И людям будет очень трудно с ними общаться. Мы не можем даже установить достаточно хорошего контакта с дельфинами и обезьянами, которые во многом ближе к нам, чем любые пришельцы из космоса. Поэтому, прежде чем приблизиться к пришельцам, я скорее всего, сначала посмотрел бы на них в телескоп, издали.

– Наконец, что бы Вы хотели сказать советским читателям?

– Был рад узнать, что им нравятся мои книги. Хочу пожелать советским людям всего самого лучшего. Надеюсь когда-нибудь побывать в вашей стране...»

Когда Анатолий Юницкий был в редакции журнала «Техника молодёжи», ему показали письмо от писателя-фантаста. В конверт была вложена желтоватая нить из тончайших скрученных волокон. В письме Артур Кларк писал: «Эта нить – самая прочная в мире. Она не разорвётся под собственной тяжестью, если её спустить с высоты 200 километров. Как видите, на пути к космическому лифту есть первые успехи».

В постскриптуме писатель сообщал: *«В последние годы интерес к космическому лифту чрезвычайно возрос. На конгрессе Международной астронавтической федерации (Мюнхен, сентябрь 1979 года) я выступил с сообщением «Космический лифт: мысленный эксперимент или ключ к Вселенной?», а затем имел удовольствие повторить его в Королевском научном обществе с той самой кафедры, с которой выступали Дэви, Фарадей и другие выдающиеся учёные. А всего через несколько месяцев после опубликования «Фонтанов рая» появился ещё один роман о космическом лифте – «Паутинка между мирами», принадлежащий перу выдающегося инженера Чарльза Шеффильда, президента Американской астронавтической ассоциации...»*

Прочитав письмо, Анатолий подумал про себя: «Поиски, поис-

ки… Каждый из изобретателей идёт своей дорогой, и одному Богу известно, что приемлемо для человечества, какое новшество предпочтительнее. Всё в Его руках и власти…»

Часть третья

Крюки

Оглядываясь туда, в свое далёкое прошлое, в своё детство, он, Анатолий Юницкий, с каждым разом открывал для себя забытые страницы своей биографии. Незначительные эпизоды, события, случаи с высоты прожитых лет смотрелись как-то иначе, по-другому, чем тогда, в детстве. Трагическое казалось теперь смешным, а смешное, наоборот, высвечивалось с оттенком боли и грусти.

Чего было больше в его детстве – радости или грусти? Да всё вперемежку. Но главное – было трудно. Очень трудно. Мать работала в колхозе, и поднимать на ноги двоих детей одной было не под силу.

Он так и не понял, почему отец оставил их, хотя чувствовал, что он очень любил его, Анатолия. Тогда, в тот вечер, когда отец уходил навсегда, взял сына на руки, обнял. Потом долго смотрел в грустные глаза, вздохнул:

– Ты всегда будешь любимым моим сыном…

Посадил на колени Тамару. Она показывала ему куклу, которую смастерила перед его приездом…

– Вот если бы ты, Юля, не приехала тогда с детьми, может, я бы и возвратился к вам, а так…

– А мне подачки, Эдуард, не нужны… – ответила мать, стоя у печи. – Ты всё решил сам.

Он как будто не слышал её, сам себе сказал:

– А сейчас что? И здесь двое детей, и там вторым беременна…

У отца на глазах слёзы. И Анатолий ничего не понимал, что случилось, отчего произошёл раскол в семье, он одинаково любил как мать, так и отца. Отец опустил Тамару на землю, поцеловал. Пошёл к калитке.

Толик вышел следом, смотрел, как уходил отец по улице. Он ни разу не оглянулся. Шёл и шёл, низко склонив голову.

Когда Толик подрос, мать, уходя ранним утром на колхозные работы, оставляла на него хозяйство. Нужно было накормить свиней, кур и другую живность, которую держала мать в хозяйстве.

Когда приходила очередь пасти скот, он становился пастухом.

Вспомнилось… Случилось всё среди белого дня, когда светило ярко солнце.

Было тихо. Ни один листочек на деревьях не шелохнётся. И потом откуда-то, со стороны Припяти, дохнул слабый ветерок. Всколыхнул тонкие ветви кустов, пригнул их к земле. И в тот же миг застыли на месте коровы, подняв к небу головы. Потом они начали реветь, беспокойно переходить с места на место. Толя ничего не понимал. Так они могли реветь, когда рядом находились волки, затаившись в кустах. Но в это время их не было нигде рядом, он это знал твёрдо. Тогда отчего поселились в стаде беспокойство и страх?

Потом на глазах начало темнеть. Солнце становилось всё слабее и слабее, будто угасала нить электрической лампочки, когда на улице переставал работать движок кинопередвижки.

А коровы как будто взбесились. Послышался тревожный рёв, топот копыт. Они поднимали кверху головы, тревожно мычали, словно чувствовали боль, а потом одновременно, словно сговорившись, начали разбегаться, совершая огромные прыжки, в разные стороны.

Свет от солнца слабел с каждой секундой, и потом оно погасло совсем. Среди дня наступила ночь. Толя ничего не понимал, что случилось. Он не видел перед собой не только стадо, но и луг, деревья. Ничего не было видно – наступила самая настоящая ночь. Он посмотрел в небо, стараясь увидеть звёзды. Но и звёзд не было видно – будто кто-то покрыл небо чёрной сажей. А в том месте, где было солнце, чётко выделялся чёрный круг. Закрался в душу непонятный страх, словно передавшись от обезумевших коров.

А потом медленно начало «рассветать». Толик посмотрел на чёрный круг солнца. Сначала показался маленький серпик, потом он начал увеличиваться – солнце словно освобождалось из плена, стремилось снова стать светилом. Когда стало больно глазам, он отвёл взгляд, посмотрел под ноги. Глаза слезились, словно перед ними были разрезанные луковицы, обжигала невыносимая боль…

Он сел на землю. Тёр кулачками глаза, стараясь хоть как-то унять боль и жжение.

Опять заиграл всеми красками день. Только птицы не подавали голосов, словно онемели, перепутав день с ночью.

Толик осмотрелся – стадо разбежалось, ни одной коровы не было на лугу.

Не скоро он их собрал в единое стадо. Они перестали есть,

молчаливо стояли одна возле одной, тупо глядя в землю.

– Это, Толик, было солнечное затмение, – пояснила вечером мать. – И мы в это время находились в поле, испугались, не знали, что это такое. Корову подоил?

– Да, молоко процедил и поставил в кладовку, – ответила за него сестрёнка, – я ему помогала.

– Молодцы, – похвалила мать, – что бы я без вас делала…

Доить корову Толя научился с ранних лет. Взрослые женщины удивлялись, как это у него получалось быстро и удавалось не обронить ни одной капли за ведро. Обеими руками доил, как заправский дояр. Его никто не учил, даже мать. Однажды она пришла поздно с колхозного поля, а корова подоена. Пошла проверить, не осталось ли в вымени молоко – ничего не выдоила.

Очень любил Толик лес, природу, ходить на рыбалку и собирать грибы и ягоды.

Обувь сбрасывал в апреле, а когда приходил октябрь, наступали первые холода, снова обувался. Не по причине закалки, он не знал тогда, что это такое, а из-за того, что не было той обуви. И по лесу ходил босой, и по болотам, собирая малину, не боясь, что может укусить гадюка. Любил собирать чернику, научился собирать её обеими руками. Обгонял даже взрослых женщин и тех, кто для сбора черники применяли «гребёнку» – приспособление вроде ковшика, с тонкими железными прутиками. А Толя никогда не пользовался гребёнкой, видел, как это приспособление губит черничник – обрывает листья и ранит ветви. А у него черника в лукошке чистая, без единого листика.

Были у него свои потайные земляничные, малиновые, смородиновые, ежевичные места. Никогда не приходил с пустыми руками, всегда приносил короб, доверху нагруженный ягодами.

Сестра не любила собирать щавель и ежевику.

Ежевика колючая – руки всегда исколоты, с ранами. Но когда они шли по деревне с полным восьмилитровым ведром ежевики, сельчане удивлялись:

– И где вы такую крупную находите? Нам никогда такая не встречалась.

– Это Толик знает, – отвечала Тамара, гордясь своим братом.

И это было подспорьем в продовольственном бюджете семьи. Мать умудрялась без сахара наварить варенья. В магазине никогда ничего не было, кроме ржавой селёдки. А хоть бы сахар и был, то его не за что было купить – в колхозе, кроме как «палочками» за

трудодни, ничего не платили. Да ещё в конце года ей говорили, что это она должна колхозу… За то, что дров привезли, сена, выделили коня, чтобы огород вспахать… В долгах, как в шелках. А долг истребовать колхозное начальство умело.

Приснился однажды Тамаре сон, который она помнит и до сегодняшнего дня. Будто перед ней вырос огромный ствол щавеля. Приставив лестницу, поднялась на первые отростки. У неё в руках ножницы. Она раз за разом отрезает зелёные ветки, складывает в мешок, который висит у неё за спиной. Она старается нарезать столько щавеля, чтобы потом мать её больше не заставляла заниматься этим…

И научился Толик запретному промыслу.

А что делать? Выживать-то как-то надо. Испокон веков у сельского жителя существовала твёрдая, точнее, жидкая, валюта, которая никогда не подвергалась ни девальвации, ни инфляции, ни дефолту. Об этих мудрёных словах никто из полешуков и слыхом тогда не слыхивал. Такая «валюта» была твёрже доллара и фунта стерлингов.

– Толик, – однажды обратилась к нему мать, – ты уже подрос, знаешь, как тяжело добывается хлеб, когда ни от кого нет помощи… Огород посадить – нужна бутылка, дров из лесу привезти – без неё не обойтись. А ту бутылку или купить нужно, или отработать. Подумала я и решила, что самим нужно гнать самогонку.

Сын молчал, не зная, какую роль в этом деле отведёт ему мать. И не знал, что нужно для того, чтобы заняться этим делом.

– Я достала молочный бидон, пришлось же опять расплачиваться частично деньгами, а частично самогонкой, – продолжала, вздыхая, Юлия Степановна, чувствуя некоторую неловкость в затеянном мероприятии, – спрятала его в кладовке. В воскресенье придёт к нам Мирон, колхозный конюх, и вы вместе с ним оборудуете этот агрегат. – Надо, очень надо этим заняться, сынок, все гонят, а мы что, не сумеем разве? – спрашивала мать, словно просила прощения у Толика за свою инициативу.

– Сумеем, мама, – поддержал её сын, чтобы она не сомневалась в его поддержке.

Приспособление сделали примитивное, но никто до того времени не модернизировал самогонный аппарат, не усовершенствовал. Простой молочный бидон на тридцать литров. Готовится брага из варёной картошки, свёклы и проросшего зерна, которая стоит

долгое время, «созревая до кондиции». Она должна быть не густой, но и не жидкой. От бидона через трубу идёт пар в «сухопарник», а потом от него в змеевик, который находится в бадье с холодной водой… В бидоне приспособлена вертушка с лопастями – мешалка, которую нужно вращать беспрерывно, больше часа, периодически подбрасывая дрова, чтобы не подгорела брага и не испортился при выходе продукт. Процесс самогоноварения происходил в сенцах, где земляной пол, при закрытых дверях. В хате, крытой соломой, горит костёр. На костре – бидон. Не спиртзавод, но всё же…

Когда Анатолий справился с первым своим заданием – получилось полтора десятка бутылок отменного самогона, мать обрадовалась. Похвалила сына за умение и качество работы, промолвила:

– Теперь любой работник с охотой придёт к нам, зная, что будет и угощение, и выпивка.

Так оно и было. Когда видела, что «валюта» иссякает, мать просила сына снова помолоть на жерновах пророщенное зерно. Запаривала брагу для следующего захода… И было так десятки, если не сотни раз за многие годы.

А в колхозе всё больше и больше загружали работой.

Мать одна не справлялась с дополнительной нормой, которую нужно было выполнять в свободное от работы в колхозе время, по прополке делянки свёклы, кукурузы. А делянки большие, в сотни метров длиной… Всё вручную, согнувшись в три погибели. И попробуй не выполни норму, бригадир Руденок тут же занесёт в список нерадивых, оштрафует ещё, и тот штраф никогда не отработаешь… Словно при крепостном праве жили, когда никому невозможно было пожаловаться на ущемление твоих прав и унижение человеческого достоинства. Об этих понятиях никто никогда не знал, словно вьючное животное, вроде колхозных волов, тянули сельчане лямку советского принудительного бесплатного труда…

Толик часто приходил к матери в поле, рядом с ней выдёргивал сорняки, прореживал рядки. Он помнил, что нужно дома прополоть картошку и морковь, покормить младшую сестрёнку, накормить живность, встретить Машку и подоить её…

А в третьем классе, когда шли занятия в школе, он ежедневно находился на картофельном поле – полным ходом шла уборка картофеля. Подрезали плугом борозды, выворачивая клубни наверх, и их нужно было вручную собирать в ведро, нести к телеге и высы-

пать… Учётчик отмечал каждое высыпанное ведро против каждой фамилии. К концу дня оказывалось, что третьеклассник Толя Юницкий накапывал картошки в два раза больше, чем взрослые копальщики, не говоря уже о старшеклассниках из их школы…

В школе организовали соревнование по быстроте чистки картофеля. Да не просто первым почистить, а срезать кожуру тоненько-тоненько. Не каждый мог справиться с этой задачей – кожуру проверяли строгие судьи.

Первое место досталось ему, Толику Юницкому.

Это потом, через много лет, ему попалась книга рекордов Гиннесса. Он прочитал об одном рекорде – долгожительстве пса, который дожил до тридцати двух лет. Когда спросили у хозяина, в чём секрет долгожительства его четвероногого друга, тот ответил: «Секрета никакого нет – я постоянно кормил своего пса картофельными очистками».

Вспоминая те соревнования, он и сегодня думает о том, что мы плохо обходимся с этим ценным продуктом, срезая с него самую ценную часть. Завезли когда-то в Европу этот диковинный картофель, и кому-то пришло в голову очищать его от кожуры. Так и повелось с тех пор, и никак нельзя переломить человечество, убедить людей, что кожура – самое ценное, что есть в картофеле. А в кожуре находятся ценные биологические вещества. Поэтому Толик любит запечённую картошку и для него в мире нет ничего вкуснее белорусской бульбы.

За какую бы физическую работу ни брался Толик, в каком бы соревновании ни участвовал – всегда выходил победителем.

Трудоголик он был, никогда не уставал от любой тяжёлой работы.

Взял за правило – никогда не оставлять работу неоконченной, не останавливаться на полпути, делать её качественно и в срок. Этим принципам он следовал всю свою жизнь…

– Толя, мы идём завтра на немецкий склад добывать порох, – забежал к нему в дом Коля Пугач, ты как – свободен?

Рядом с ним стояли Володя Кузьменок и Витя Драпезо.

– Не совсем, но на пару часиков отлучиться смогу, – ответил Толя, – если уговорю сестрёнку остаться одной.

Уговорил. Достал из тайника маленькую баночку малинового варенья, поставил на стол. Рядом положил коржик, сказал:

– Мы с ребятами сбегаем в лес и скоро вернёмся. Надо, чтобы ты побыла одна. Останешься? Но если мы не придём, ты побу-

дешь одна?

Тамара, не отрывая взгляд от варенья, с радостью согласилась.

Копались в оврагах, отыскивали патроны, отламывали пули и высыпали из гильз порох. Отыскивали мины и снаряды. Их умел обезвреживать Коля Пугач, но просил друзей отойти подальше – погибать, так одному, зачем и их подвергать опасности?

А порох ссыпали в одну стеклянную банку. Это для Толика. Он смастерил ракету, и её нужно поднять в воздух. Без пороха в небо она не полетит. Друзьям было интересно, как это будет происходить.

В одном из окопов отыскали каску бойца, истлевшую записную книжку и медаль.

– Отнесём всё это в школу, – предложил Анатолий, – для музея – хорошие экспонаты.

Решили остаться на всю ночь, чтобы с утра снова заняться раскопками.

Разложили костёр, улеглись вокруг него. Володя вызвался накопать картошки на колхозном поле, чтобы испечь её в золе. Идея понравилась. И когда картошка испеклась в горячей золе, с удовольствием уплетали её за обе щёки вперемешку с помидорами, которые он отыскал на дальних огородах.

Чудесная выдалась ночь, удивительная. Звёздная и тихая, тёплая и загадочная.

– Смотрите – звёзды падают, знички, – показал рукой Володя.– Загадываем свои желания!

В небе над Припятью падали, сгорая, звёзды. И каждый из друзей загадывал своё желание, обещая рассекретить его через сорок-пятьдесят лет.

Звёзды падали и падали, словно звездопад обрушился на землю, как будто специально для них, чтобы желаний хватило на всю жизнь. А потом звёздный дождь прекратился. Как неожиданно начался, так в одно мгновение и затих.

– Почему сгорают звёзды? – первым нарушил молчание Коля Пугач, повернувшись к Толику.

– Потому что они попадают на огромной скорости в атмосферу. Они не могут пробиться сквозь толщу воздуха, имея огромную скорость, и сгорают, словно мотыльки в огне…

– Откуда знаешь?

– Прочитал в книгах о космосе. Это есть такая наука – астрономия.

– Но мы же ещё не проходили этот предмет в школе.

– Ну и что? Просто мне захотелось раньше времени узнать о

звёздах. И о Циолковском.

– Кто такой Циолковский?

– Учёный из Калуги. Он придумал ракету, на которой можно улететь на другие планеты.

– Ух ты! – воскликнул Коля. – Человек сядет в ракету и – айда, полетит к звёздам?

– Выше звёзд.

Долго они проговорили в ту ночь. Тогда и загадал Толя заветное желание: связать свою жизнь с космосом. Он ещё не знал, какая это будет связь, но то, что он будет иметь к этому непосредственное отношение, был уверен твёрдо.

…Старт ракеты наметили на воскресенье. Запустить ракету решили вместе с «космонавтом». Для этого решили использовать лягушку. Её поймал Коля Пугач, закрыл в банку. Её затолкали в корпус ракеты – в отсек для пассажиров.

Конструктор Толя Юницкий установил ракету на кусок широкой доски, чтобы огонь мог отталкиваться от твёрдой площадки – он ещё не знал, что для ракеты это не только не важно, а даже хуже для неё.

– Приготовиться к старту! – подаёт команду Володя.

– Есть приготовиться! – отвечает конструктор.

– Старт!

Толя подносит зажжённую свечку к хвостовому оперенью ракеты, и все трое отбегают на несколько шагов – так приказал конструктор.

Секунда, вторая, третья… Язычок маленького пламени от дуновения ветра шатается и никак не может остановиться под соплом. А потом зашипел порох, ракета вздрогнула, а потом резко оторвалась от земли и взмыла в небо…

Она поднялась выше сосны, на мгновение застыла и перевернулась – горение пороха прекратилось, и её больше ничего не поднимало вверх.

– Ура! – закричал Володя. – Ракета взлетела в небо!

Она упала на землю в нескольких десятках метров от них.

Приоткрыли кабину «космонавта» – оттуда выскочила испуганная лягушка, прыгнула в траву.

– Скачи, ты послужила науке, – удовлетворённо произнёс Коля, поднимая ракету с земли.

– Если бы заложить пороха в два раза больше, она бы поднялась ещё выше, так, Толик?



3-й класс Крюковской средней школы. В центре – учительница Полина Александровна и её любимый ученик Толя Юницкий

Конструктор покачал головой:

– Нет, она тогда бы взорвалась. Нужна совершенно новая конструкция, изготовленная из другого материала.

– Соорудишь новую? – приставали к нему друзья.

– Нет, такого материала ещё не придумали.

– А жаль. Следующим космонавтом была бы кошка. Хорошая у меня есть кошка, самый настоящий космонавт: с дерева на дерево перелетает, как белка…

...Тамаре шесть лет, Анатолию – девять.

В три часа ночи Толик, дотрагиваясь до плеча, будит сестричку:

– Тома, поднимайся, пора…

Девчонка не хочет просыпаться, мычит что-то невнятное сквозь сон.

– Вставай, а то наши грибы убегут в другие лукошки…

– М-ммм… Спать хочу. Иди один.

Толик подхватывает её на руки, выносит из хаты. Но она всё равно не просыпается, стоит, шатаясь, вот-вот упадёт, думая, что она в постели… Брат подхватывает её, тормошит:

– Просыпайся, в лес пора идти…

Ещё темно, ещё звёзды не погасли, ещё глубокая ночь, а они идут на ощупь по тропинке, которая ведёт в лес. Толик держит сестрёнку за руку, боясь, чтобы она не споткнулась и не упала в канаву.

Вот перешли ручей по жердям, которые положил год назад Толик, обошли болотце стороной, взошли на горку, снова спустились. Теперь тропа будет идти через вереск, через папоротник, через мох. У Толика были свои места, где он всегда набирал полный короб грибов. И сейчас был уверен, что удача не отвернётся от него.



У новогодней ёлки

А вот и его место, куда он и стремился. Белые свечки берёз светились в темноте таинственно и загадочно, манили к себе, в свою чащу. Но ещё рано, не видно грибов, ещё темнота не ушла в сосновый бор, висела ещё на неподвижных ветвях.

– Полежим, – предложил Толик, – ещё полчасика нужно подождать.

Они ложатся рядом, и он прижимает к себе сестрёнку, обнимает, чтобы согреть своим теплом: ночная прохлада заползает под одежду, будто хочет сама согреться. Смотрят в небо. В небе огромные-огромные звёзды, словно переспелые антоновки, висят на невидимых подвесках.

– Вон, Тамара, справа – ковшик, это Большая Медведица, а от неё, если пять раз отмерить высотой ковшика, и Полярная звезда – начало Малой Медведицы.

– Как интересно! – восхищается девочка, ещё плотнее прижимаясь к тёплому телу брата. – Ты можешь сосчитать, сколько звёзд на небе?

– Этого никто не сможет сделать…

– Они не сосчитаемы?

– Да, нет таких чисел в мире…

Он рассказывает и рассказывает ей вдохновенно о космосе, увлекаясь своим же рассказом, и спустя некоторое время слышит, как, уснув, сладко сопит носом его слушательница. Толик умолкает, не отрываясь от звёздного хоровода, думает о далёких планетах и мирах. И ему так хорошо и приятно лежать на прохладной

земле, ощущать спиной мягкость мха, что забывает на мгновение, что он на земле, ему кажется, что он полетел в космос по мановению волшебной палочки. Перелетая с одной звезды на другую, устремился ещё выше, туда, где неизвестность, туда, где пустота, но в которой, возможно, своя жизнь, свое жизненное пространство.

Подала голос первая утренняя птица, отстучал клювом по дереву приветственную телеграмму дятел. Лес начал просыпаться, оживать. Он приподнял голову – наступил рассвет. Вот-вот начнётся настоящее утро. Медлить нельзя: именно в этот момент, пока не исчез еле заметный туман, стлавшийся по земле, нужно идти к грибам.

– Встаём, Томочка, – подаёт команду грибник, – боровички уже проснулись и ждут нас.

Она с трудом просыпается, но слушается братика, встаёт на ноги. Вздрагивает всем телом, словно прогоняя остатки сна, весело говорит:

– А я готова!

Ещё не отошли и пяти шагов, как воскликнула с радостью:

– Я нашла! Какой красивый боровичок! Какая шляпа у него, словно у принца из сказки, которую ты мне вчера читал. А вот ещё, и ещё!

Сестрёнка хохочет, словно попала в сказку, опустилась на колени и склонилась над семейством боровичков. У неё в руках нож, и она аккуратно, как учил Толик, срезает у самой земли гриб, а белую ножку прикрывает мхом. Братик говорил, что завтра на этом месте вырастет новый гриб, и она знает, что это так. Она складывает в кучку собранные грибы, ожидает, когда придёт за ними брат.

А он тоже нашёл грибное семейство, целая поляна устлана ими, и все маленькие, чуть больше спелых желудей, один в один, что и срезать их жаль, а только смотреть и радоваться, какая щедрая природа, как она одаривает человека своим богатством. И он аккуратно срезает у самой земли грибок, маскирует белый круг мхом, прячет следы от чужого взгляда.

А Тамара новую горку подготовила для Толика, чуть поодаль от неё открылся новый коричнево-белый ковёр. И она, уже молча, испытав первую детскую радость, спокойно продолжала собирать лесные дары.

– Да ты больше меня нарезала, молодчина! – хвалит брат, подходя к ней, складывая в короб крепкие, один в один, боровики.

– Да их тут протьма, хоть косу закладывай, – отвечает по-взрослому, как мать, не реагируя на его похвалу. – Мы их быстро насобираем, правда?

– Да, уже больше половины в коробе, – соглашается брат и радуется, что у него такая талантливая помощница. Радость от встречи с грибами полностью забрала у неё сон, и она, радостно улыбаясь, переходит от одного грибного места к другому. – А ещё не наступило утро…

Не заметили, как и наполнился короб. А чтобы вместились все собранные грибы, Толик натыкал по всему периметру тонких прутьев – и короб стал вдвое вместительнее. А остальные, что не вместились, положили в хозяйственную серую сетку – в самый раз для Томы, не тяжело будет нести.

Когда подходили к Крюкам, встретили сельчан, идущих в лес по грибы. Увидев «трофей» ребят, они удивились:

– И когда вы это только успели? Наверное, ночевали в лесу, чтобы собрать столько грибов?

– Это не мы собирали, – смеётся Анатолий, глядя радостно на них, – это нам лесовик насобирал… Он собирает тем, кто не спит долго.

Они в ответ только кивали головой.

Уже когда отошли от людей, услышали добродушную похвалу:

– Работящие у Юли дети, без отца растут, только на самих себя надеются…

– Да, нужда заставит вертеться, живут без хозяина в доме.

И в ягоды вместе с Тамарой ходили. Не так рано вставали, когда ходили по грибы, но всё же долго не залёживались. Не было большой охоты у сестрёнки собирать чернику или ту же малину, но тут уже Толя проявлял настойчивость, а то и строгость.

– А зимой кто любит угоститься вареньем? Не ты ли, Томочка, а?

– Я, я, – соглашается с ним сестра, но всё же берёт кошёлку, вдевает в дужку руку и забрасывает за плечо. – Но и ты сластёна, тоже любишь варенье.

Сестра хочет хоть чем-то поддеть брата, улыбается.

– И мать любит, – говорит Толя, – все любят. Но у матери нет времени ходить по ягоды, ей на колхозную работу надо идти. У неё даже выходных никогда нет, чтобы побыть с нами целый день.

– Да, нет, – вздыхает, понимая, Тамара. – Что ж, поможем ей…

И опять же Толя успевает наполнить короб черникой в самое короткое время, у него две руки, как две молнии. Удивляется Тама-

ра, глядя на его проворность: два взмаха рукой – и полные горсти. Сама же собирала медленно, как будто нехотя, хотя и в самом деле не имела огромного желания. Просто она всё делала в замедленном темпе, чем и отличалась от работоспособности брата.

Свой короб наполнит, потом и её, воскликнет:

– Вот и ты свою норму выполнила! А теперь – пора домой…

Начинается уборка хлеба – Толя устраивается помощником комбайнёра. Работа круглые сутки без сна и отдыха. Пыль забивается в горло, уши и покрывает всё тело. Тысячи остяков впиваются в тело, и нет возможности потереть жгучее место, отряхнуться. Комбайн без остановки идёт и идёт по полю, оставляя после себя скирды соломы. Он долгим шестом подталкивает тяжёлую массу, чтобы она не скапливалась, а падала быстрее в накопитель.

Комбайнёр Пётр Рабенок время от времени оглядывается, чтобы убедиться, как работает его помощник. Когда их взгляды встречаются, на немой вопрос комбайнёра отвечает кивком головы: «Всё нормально!» Так они условились в самом начале уборки. Ни разу не запросил Толик замены, выдерживал все нагрузки.

А потом начиналась заготовка кормов. Зелёная масса падает в кузов машины, а Толина задача – «танцевать» по всей площади, утрамбовывая и рассовывая эту массу по углам. За день так натанцуется, что ночью ноги схватывают судороги…

За колхозную работу мать не получала ни копейки, как и Толя, когда выходил на работу. А всё для того, чтобы правление колхоза выделило машину или телегу привезти из лесу дрова, которые Толя сам и заготавливал. Ему не под силу было грузить те дрова, нанимали помощников. И тогда уже с ними мать рассчитывалась «жидкой валютой».

Однажды случилось непредвиденное…

На колхозном дворе подрались два скотника. Кто-то написал письмо в милицию. Через три дня приехал в Крюки представитель районного отдела, лейтенант милиции, чтобы опросить свидетелей.

А перед этим Толя только что закончил процесс изготовления тягловой силы – «жидкой валюты». Вынес в кладовку бидон и сухопарник, змеевик. Всю самогонку он слил в ведро, зная, что получится нужная крепость и её потом можно разливать по бутылкам, поставил в сенцах рядом с ведром, в котором была колодезная вода.

И увидел через окно, как к их дому направляется милиционер с кожаной сумкой в руке.

«Ну всё, пропал, – подумал со страхом изготовитель «зелёного

зелья», – оштрафует, как пить дать… И позор на всю деревню. С самогонщиками разговор короткий – составление протокола, потом суд…»

Толя молча показал Тамаре, чтобы она села на скамейку, рядом с вёдрами.

Перед тем как открыть двери, лейтенант Кашперко (узнал потом, как его звали) постучался.

– Да, заходите! – крикнул громко, чтобы тот услышал его.

Милиционер переступил порог, поздоровался. Толя ответил.

– А мать где, Анатолий? – спросил работник милиции, подходя к столу.

– На работе, где ж ей быть. А зачем она вам?

– На машинном дворе драка произошла, сказали, что мать твоя видела, как они сцепились. Ничего тебе не рассказывала?

– Да нет, – пожал плечами Толя. – Если бы видела, рассказала бы мне.

– А сам ничего не слышал?

– Нет.

Тамара сидела молча, смотрела на милиционера. Она, казалось, оцепенела. Всех детей пугали милиционерами, и вот сейчас один из них предстал перед ней.

– Ладно, следующим разом зайду, – щёлкнул замочком, закрывая планшетку. – А матери скажи, что заходил, что хотел выяснить обстоятельства хулиганства и драки. До свидания.

– До свидания, – промолвил Толя, вздохнув облегчённо, что пронесло, что не случилось беды.

Кашперко дотронулся до дверной ручки, нажал на язычок клямки, но, увидев на скамейке ведро с водой, остановился.

– Свежая вода?

– Да, только что принёс из колодца.

Он взял кружку, стоящую между вёдрами, зачерпнул из того ведра, в котором смешал Толя и первач, и «померную» (вторую бутылку, которую обычно отдавали тому, кто разрешал выгнать на своём самогонном аппарате), и «отгон» – остатки самогона…

Толя зажмурил глаза, оборвалось всё внутри.

Милиционер поднёс кружку к губам, начал пить. Сделал один глоток, второй, третий… Не отрываясь, выпил до дна. На его лице не было ни удивления, ни улыбки – ни один мускул не дрогнул.

Вернулся к столу, отщипнул от начатой буханки хлеба горбушку, положил в рот, начал жевать. Проглотив, облегчённо вздохнул.

В это время Толя находился в космосе – между небом и землёй. Он уже готовился к самому худшему исходу.

Милиционер почему-то посмотрел в окно, ещё раз вздохнул, промолвил:

– Молодец! Не испортил рожь, продукт получился отменный.

Только после этого подошёл к дверям, уверенно нажал клямку, открыв дверь, согнувшись, нырнул в проём.

Толя не выглянул в окно, чтобы проводить взглядом уходящего стража порядка и убедиться, что тот не вернётся, он не мог сдвинуться с места. Оцепенение длилось с минуту. Потом только подошёл к лавке, опустился на неё рядом с ведром, из которого несколько минут назад Кашперко «продегустировал» его продукт…

К нему, соскочив со скамейки, подошла Тамара. Сочувственно посмотрела в его глаза. Ничего не сказала – она уже понимала, что произошло и что могло случиться.

Толик устало положил руку ей на голову.

А потом пришла мать. Глядя на растерянное лицо сына, испуганно спросила:

– Что случилось, Толик?

Тамара пояснила вместо него:

– А к нам дядя милиционер приходил.

– Зачем? – встревожилась мать. – Что ему нужно было?

Оправившись от потрясения, сын рассказал, что случилось. И про «дегустацию» рассказал.

– Бог уберёг нас от несчастья, – перекрестилась мать на икону, склонив голову. – Впредь нужно быть осторожными.

Юлия Степановна, чтобы заработать хоть какие копейки, устроилась дополнительно работать уборщицей в школу. Ей нужно было вымыть полы в нескольких классах, и одна она не справлялась, помогал сын. До глубокой ночи он возился с тряпкой и ведром, пока во всех классах не блестел пол и нигде не было заметно ни одной пылинки.

Мать не хотела, чтобы сын занимался этой грязной работой, но он не слушался её – почти каждый вечер приходил к ней на помощь.

Так и здесь удивили директора школы дети Юлии Степановны.

Приходит директриса в класс, порог боится переступить: весь пол блестит яичной желтизной, словно светится изнутри.

У учителей спросила, кто это так постарался навести чистоту.

– Да это дети уборщицы всю ночь вместе с ней трудились, ножами скоблили пол...

Запомнилось и другое…

Но то было раньше, когда Толик и в школу ещё не ходил. Нашёл в окопе несколько ржавых патронов, принёс домой. Разломал, высыпал порох на бумагу, а потом скрутил трубочку из бумаги, наполнил её порохом. Поверх обвертел второй трубкой – получилось вроде ракеты. Поджёг свое изобретение. Оно начало летать по хате, запуталось в фиранках – шторах – на окне.

Они вспыхнули, словно порох, и огонь начал подниматься к потолку. Вот-вот коснётся сухих сосновых досок, которые также могут воспламениться. Ничего лучше Толя не смог придумать, как скомкать горящую ещё «ракету» и сунуть в угол под какие-то мешки.

На его счастье, в хату зашла мать. Увидев, что разгорается пожар и огонь через минуту невозможно будет загасить, схватила ведро и вылила его содержимое на пламя. Вся хата наполнилась дымом.

Мать схватила что-то в руки, чтобы отлупить злоумышленника по мягкому месту, но он успел выбежать во двор. Долго не возвращался, ожидая, когда уляжется её гнев.

Да таких примеров были десятки и сотни, когда он становился виной какого-нибудь случая. То взрывчатку под смолистый пень подложит и подорвёт – в доме для разжигания дров в печи нужна лучина, то создаст дымовую завесу из старой киноплёнки, которую выбросил за ненадобностью киномеханик. Его всё больше и больше занимала пиротехника.

Нашёл тонкую металлическую трубку и предложил друзьям сделать из неё ружьё. И не просто сделать, а стрелять из него, попадать в цель. А для этого нужно было раздобыть порох.

Друзья были удивлены, как из простой трубки можно изготовить оружие. Но первым и главным правилом во время демонстрации его изобретений было осторожное обращение.

Толя понимал, что все его проделки и новшества опасны, и неожиданный взрыв может не только полыхнуть и выбить глаз, но и отправить в мир иной.

Неожиданность всегда сопряжена со скоростью. Это он начал понимать с тех пор, как в его руках оказался порох, который, воспламеняясь, приводил в действие неживые предметы.

Друзья просили изготовить взрывное устройство для глушения рыбы, но он наотрез отказался, сказал, что этим никогда не будет заниматься, пусть удочками ловят. Он не мог убивать живое. Даже потом, когда стал старше и друзья звали на охоту, наотрез отказывался – не мог он застрелить даже маленькую птичку…

За то, что сын помогал ей в работе, в поле и в школе, купила Юлия Степановна сыну мяч. Самый настоящий – футбольный, крепкий, упругий. Видимо, хотела женщина отвлечь сына и его друзей от пиротехнических занятий. Думала, наверное, пусть мяч гоняют по лугу, чем отыскивают в окопах смертельные остатки от войны.

Понравился мяч Толику. Понравился и его друзьям. Уже сыграли два матча, собирались провести и третий.

Через дорогу жил Виктор Кузьменок. Он был старше Толика лет на десять. У него было ружьё, ходил на охоту. Он сидел на скамейке у калитки своего дома. Увидев Толика с мячом, подозвал к себе.

– Садись, расскажи, куда идёшь?

Виктор лущил стручки гороха, отправляя в рот зелёные плоды.

– На луг, – ответил сосед, держа под мышкой подарок матери. – Гонять мяч будем.

Витя посмотрел на мяч, попросил подержать его в руках. Повертел, посмотрел со всех сторон, вынес вердикт:

– Слабый мяч. Горошиной можно пробить.

– Как горошиной? – посмотрел на него недоуменно Толя. – Его отвёрткой трудно проткнуть, а горошиной…

– Не веришь?

– Не верю, – стоял на своём пиротехник, – обманываешь.

– Доказать?

– Докажи.

– Поспорим?

– На что?

– Да хотя бы на бутылку твоего самогона.

Толя согласно кивнул головой.

Витя достал из-за спины незаряженное ружьё, вынул из кармана пустой патрон. Насыпал на дно немного пороха, затем бумажный пыж, а сверху положил, сколько вместилось, несколько десятков сырых горошин, закрыв их опять же бумажным пыжом. Всё это время Толя наблюдал за действиями Виктора, до конца не веря в то, что сырым горохом можно пробить толстый кожаный и крепкий мяч.

А когда сосед попросил отнести мяч на несколько метров и положить его на столб забора, и вовсе подумал, что бутылку соседу нести не придётся, наоборот, он отдаст ему свою.

Витя, не вставая даже с места, направил ствол ружья в сторону мяча. Прицелившись, держа оружие в одной руке, словно играючи, нажал на курок.

Прозвучал выстрел – вылетело пламя из ствола, и мяч, лежав-

ший на столбе, пробитый насквозь, весь в дырках, упал на землю.

Толик был потрясён увиденным и происшедшим на его глазах. Никак не мог поверить, что сырой горох разнёс подарок матери вдребезги. Он не расстроился. Он задумался, наверное, впервые в жизни над этим необычным явлением. С мячом всё ясно, его больше не существует, но неясно только, как мог горох сотворить такое. Сам же видел, что в заряде не было ни одной дробинки.

Видя недоуменный взгляд соседа, Витя пояснил:

– Это не горох разнес мяч на куски…

– А что?

– Сила, с которой летел горох. Есть такое понятие – убойная сила.

Тот случай запал в память будущего учёного на всю жизнь. Это он с годами понял, что каплей воды можно убить животное и человека, да тот же космический корабль можно поразить той каплей. Всё дело в скорости этой капли и её энергетике.

...Когда работал в институте полимеров, занимался проблемой скорости. И одной из тем была «Скоростные пушки». Разрабатывали проекты по достижению скорости до десяти-пятнадцати километров в секунду. Для этого изготавливались специальные пушки, которые стреляли не из пороха, потому что порох не мог дать такую скорость полёта снаряда. Движение снаряда – шарика на поршне – предлагалось создать из очень длинного ствола с помощью сжатого и раскалённого водорода. Чем меньше атомный вес газа, тем больше скорость его истечения. А самый лёгкий газ – водород.

При испытаниях решили поставить металлические сетки, чтобы определить скорость полёта снаряда между ними. Когда однажды выстрелили, то оказалось, что сетки невредимы, а стальной шарик сделался «лапшой», пройдя через сито сетки. Пришли к выводу: такой сантиметровый шарик может свободно пробить броню полуметровой толщины. Энергия пробивает, а не сталь, вода и тот же горох…

Над этим он задумался ещё в детстве, и был благодарен соседу, который преподнёс ему главный урок по знаниям о скорости. Он наглядным примером ускорил его курс обучения и постижения тайны такого загадочного явления как скорость. А параллельно со скоростью – и понимания ускорения, без которого нельзя набрать эту скорость.

Второе открытие пришло, когда он узнал, что Земля движется

вокруг Солнца со скоростью двадцать девять километров в секунду. Почему не ощущаем этого? Почему? Он сам себе задавал вопрос. И тут же отвечал: «Господь распорядился так, создавая космос и землю. Мы привыкли к этой постоянной скорости и не ощущаем движения нашей планеты. А если вмешаться в творение Всевышнего и увеличить или уменьшить скорость, пусть даже самую малость, что тогда? Тогда начнутся необратимые процессы, и погибнет на земле всё живое, и сам Человек…»

Убеждался, что не абсолютная скорость опасна, а опасны относительная скорость и ускорение.

Когда он с друзьями совершал поджоги, взрывы, другие шалости, то в полной мере понимал опасность этих занятий. И никогда никто из друзей не подвергался опасности, никто не был ранен или даже опалён взрывной волной. И сколько раз предостерёг опасность, когда они самостоятельно хотели что-то взорвать, поджечь в ёмкости порох.

Когда мать обнаружила, что домой он пришёл без мяча, ответил с горечью:

– Потерял…

И он не врал. Потерял, но нашёл вместо него что-то более важное и существенное, которое будет сопровождать его всю жизнь, – знания.

Мать только укоризненно покачала головой, но на сей раз наказывать почему-то не стала.

А самые первые ракеты, которые придумал и сделал Анатолий, были… паровыми, работающими на воде. Бывало, найдёт пустую гильзу где-нибудь в лесу, в блиндаже или окопе, нальёт в неё на две трети воды, а если нет рядом воды – написает в неё. Затем эту гильзу открытой частью необходимо было на одну треть забить в какую-нибудь деревяшку. Долго не удавалось забить, не разлив жидкое «топливо», так как для этого приходилось переворачивать патрон и содержимое из него выливалось. Потом догадался забивать патрон камнем снизу вверх в ветку дерева. Затем, срезав ветку ножом, который, как и спички, всегда был в кармане, сооружал свой первый «космодром».

Уже на земле можно было направить патрон вверх, соорудив вокруг из сухих веточек стартовую площадку. Вокруг патрона разводил небольшой костёр, и вода начинала нагреваться, затем закипать, пока давление не достигало сотен атмосфер. Патрон вырывался из плена и улетал на сотню метров, оставляя за собой след из пара.

Когда жили в Донбассе, Анатолию было лет шесть.

В кармане было три рубля, которые он стянул у матери. А мать всегда строго наказывала, что на глупости деньги нельзя тратить.

Но когда Тамара увидела, как детишки уплетают мороженое, вымазав щёки белым молоком, попросила у брата:

– Толик, купи мне мороженое… Купи, а…

Дрогнуло сердце у брата, купил сестричке мороженое. Вдобавок и ситро с булочкой – пусть порадуется, пусть усладит душу.

А потом, когда надо было перейти дорогу, взявшись за руки, стояли на обочине и колебались: переходить или не переходить. Машины по дороге мчались и не так часто, можно было смело перейти, не спеша, но нерешительность чуть не погубила их. Дёргали друг друга за руку, а потом побежали. Споткнулись, упали. Завизжали тормоза грузовой машины, колесо остановилось в десяти сантиметрах от головы Тамары, рядом лежал Анатолий.

…Это стало уроком на всю жизнь: не воруй деньги, пусть даже у своих близких, будешь наказан. Не ты, так твои близкие.

Умолчали о том случае. А Тамара рассказала матери лишь тогда, когда ей исполнилось двадцать восемь лет.

Денег не было, а хотелось попробовать и мороженого, и конфет. Что делали, на какую хитрость шли? Опять же семилетний Толя подходил и к этому вопросу «с научной точки зрения». Узнал, что когда копеечную монету долго тереть ртутью, она белеет, становится похожей на десять копеек. А разве будет присматриваться продавщица к той монетке? Конечно же, нет. Заветное мороженое оказывалось у него и его друзей. Правда, он даже не догадывался о вреде для здоровья этих экспериментов с жидким металлом…

Узнал о гиперболоиде инженера Гарина. Решил сам сделать этот фантастический прибор, когда нашёл серебряную монетку, знал, что серебро идёт на изготовление зеркал, правда, не знал по какой технологии. Решил приспособить для этого электрическую лампочку, причём побольше размером, чтобы эффектнее было. Взял нитку, намочил её в керосине, обернул нитку вокруг стеклянной колбы и поджёг. Затем резко опустил стекло в воду. Лампочка идеально, по следу горящей нитки, разделилась на две половинки – одна из них и стала заготовкой параболоида. Затем расплавил серебро, пришлось для этого долго помучиться, и вылил его внутрь заготовки, надеясь, что серебро покроет стекло равномерным отражающим слоем, как и у зеркала. Затем можно будет ставить в фокусе свечку и гиперболоид готов. Однако серебро окислилось, почернело, стало пористым и никак не хотело прилипать к стеклу, а само стекло

взяло да и лопнуло. Испортил два продукта – и серебро, и лампочку. Но своим детским умом понял: любая технология имеет свои секреты и просто так до них нельзя додуматься…

Но желание заниматься «ракетостроением» не пропадало, наоборот, усиливалось. Горючее заменяли легковоспламеняющиеся расчёски, но они слабо горели. Перешли на киноленты. Конструировать ракеты «помогали» лётчики, сбрасывая на землю серебристые ленты. Никто не знал, что это за ленты, для чего предназначены. Потом он узнает, что они «заметали» следы, прячясь во время учений от радаров.

Так вот из тех лент получались отличные корпуса для ракет. Накрутит в несколько слоёв, обвернёт вокруг «формы» – металлической трубы, склеит, чтобы готовую можно было содрать с остова, и тогда можно делать к ней начинку, готовить к полёту в «космос».

В деревне электричества не было, учились при лучине, а потом уже при керосиновых лампах. Кинопередвижка приезжала с движком, который и давал электричество для кинопроектора. А когда рвалась лента во время демонстрации фильма и киномеханик отбрасывал в сторону обрывки ленты, то Толя подхватывал её на лету и тут же прятал в карман. Так он добывал горючее для своих ракет – эта плёнка горела не хуже пороха.

Не забывал при этом, что нужно и фильм смотреть. Запомнилось, что он очень удивился непонятному факту: в школе учились на белорусском языке, а герои киноленты разговаривали всегда на русском, и многие слова для него были непонятны.

Когда задавал этот странный вопрос взрослым, ни от кого не услышал внятного ответа. Даже от учительницы, которая учила детей родному языку.

Она отвечала невнятно:

– Понимаешь, Юницкий, все должны знать язык Пушкина.

– А Коласа и Купалы?

– Тоже.

Но ответ для него был непонятен.

Губернатор Громов

Тот день в начале 2001 года не предвещал ничего: ни плохого, ни хорошего, день как день, как все, что чередой пролетали до этого.

Помнится, что проблем в компании накопилось более чем достаточно, и как с ними можно было справиться, не знал. Создан-

ная им вместе со стратегическим партнёром Березиным компания «Научно-производственный комплекс Юницкого» сначала взяла хороший темп в работе, а потом всё пошло на спад. Из десяти миллионов долларов, что нужны были для полнокровной работы компании, партнёр вложил лишь пятнадцать процентов. В подчинении генерального директора А. Юницкого было более ста творческих работников, и каждый из них работал, не зная ни сна ни отдыха.

А как всё хорошо начиналось!

В самом начале, когда были обещаны золотые горы мэром Озёр Ващихиным, когда проводили презентацию проекта струнного транспорта, приехал на это мероприятие и губернатор Московской области Борис Громов.

Тогда и познакомились, тогда и услышал Анатолий Юницкий из уст Громова отзыв:

– Очень интересный и перспективный проект!

А Ващихин ему в такт нахваливал и нахваливал, обещая:

– Мы же сможем построить эту дорогу до Москвы. Людям будет удобно добираться до столицы, потому что железной дороги нет. Мы прославим Озёры на весь мир. Представляете, жители Озёр дорогу в сто пятьдесят километров смогут проехать за полчаса. Более того, мы приняли решение именно на территории Озёр строить научно-производственную базу, в которую войдут завод по производству транспортных модулей, опытный участок по испытаниям струнной транспортной системы, депо, вокзалы и многое-многое другое.

Никогда в Озёры не приезжало такое высокое начальство, тем более губернатор. И благодаря посещению Громовым выставочной презентации, благодаря тому, что об этом факте написали многие крупные газеты, городок стал известен на всю страну.

Строительство полигона было начато значительно позже, чем планировалось, был перечислен первый аванс. Правда, не стратегическим партнёром Березиным, не правительством Московской области, не администрацией Озёр, а губернатором далёкого Красноярского края Александром Лебедем. Первые сто пятьдесят метров первой в мире грузовой струнной дороги должны были в скором будущем вступить в строй. Такого транспорта нет нигде на всём земном шаре.

Громов приезжал и позже, и не один раз, интересовался, как продвигается строительство, а потом перестал посещать «струнный город»: то ли интерес к дороге пропал, и он охладел к этому

проекту, то ли закрутили высокого чиновника более важные правительственные дела, неизвестно.

А с зарплатой пока не выходило так, как было задумано вначале. Коллектив начал роптать: сколько можно работать без зарплаты, уже четыре месяца – и ни рубля. Но как объяснить работникам, что за деньги Лебедя можно только покупать арматуру, бетон, вести строительные работы, а за заработную плату отвечает партнёр Березин.

Юницкий не раз обращался к Березину, но тот только отмахивался от него, словно от надоедливой мухи:

– Нет денег, проблемы с бизнесом.

Тогда он вышел на Громова, губернатора Московской области. Тот с удивлением, словно не был в курсе дел, спросил:

– А что, разве Березин не финансирует? Нет? Я с этим разберусь. Возвращайтесь спокойно, мы утрясём все вопросы.

Но воз проблем не сдвинулся с места ни на миллиметр.

За полгода до этого…

С работы до своего места обитания идти было около получаса. Своего угла у него не было, снимали с Надеждой у хозяев двухкомнатную квартиру.

Зима. Крещенские морозы. Автомобильные дороги посыпают песком и солью, иногда посыпают и тротуары.

Ожидая, когда загорится зелёный свет, он сделал шаг в сторону, чтобы сойти с бугорка. Когда сделал первый шаг, нога скользнула по ледяной поверхности, покрытой снегом, и он в мгновение ока оказался на земле. Упал на правый бок, больно ударившись бедром о мёрзлую землю. При этом что-то подозрительно громко хрустнуло, будто разорвалась крепкая ткань.

Перевернулся на спину, увидел, что ботинок на левой ноге неестественно повернут в сторону, как если бы Анатолий лежал не на спине, а на левом боку.

Кто-то наклонился над ним, спросил:

– С вами всё в порядке? Сможете подняться?

Он попробовал пошевелиться, но все тело пронзила тупая боль.

– Вам вызвать «скорую»?

– Да нет, я сам справлюсь.

Но он сначала позвонил Надежде, которая приехала к нему из Крыма. Жила она в Саках. Она ещё не была женой, но они уже год

состояли в гражданском браке.

– Надюша, – набрал номер её сотового телефона, – я, кажется, сломал ногу и лежу на тротуаре недалеко от нашего дома. Вызови «скорую» и сама подходи ко мне.

Надежда прибежала сразу, а скорую помощь на морозе под тридцать пришлось ждать больше часа. Она наклонилась над ним, спросила, что случилось.

– Нога, что-то с ногой…

Когда приехали медики и положили его на носилки, попросили повернуть ногу, потому что она лежала как-то неестественно.

– Я не чувствую её, разве вы не видите, что она сломана?

Ещё было шоковое состояние, боль ещё не приходила к нему. Врач не сразу определил, что нога сломана в двух местах.

Отвезли в больницу, положили в хирургическое отделение. Надя проявила чудеса изобретательности. Не было мест в палате, так она «нашла подход» к влиятельным медикам: одному сунула в карман бумажку, второму…

Нашлось хорошее место, сразу же занялись им врачи: сделали уколы, внимательно осмотрели переломы. Дрелью просверлили гипс, продели в отверстие толстую проволоку и подвесили к ней тяжёлую гирю.

Неотступно рядом с ним находилась Надежда.

А когда не было её рядом, когда лежал недвижимо на вытяжке, а это целый месяц, думал, вспоминал, анализировал. И всё сходилось к тому, что он всё же счастливый человек.

Ещё раньше, в Гомеле, после того, как у него отняли Центр научно-технического творчества молодёжи «Звёздный мир» и два миллиона честно заработанных денег, он создал небольшую коммерческую компанию «Юнитран». Стал искать инвестора, чтобы развить струнный транспорт, раздавал рекламные листки, публиковал свои проекты в областной газете, в республиканских СМИ.

Стратегическим инвестором и партнёром оказался Александр Харитонов. Он жил в Мозыре, занимался бизнесом: сначала строительным, потом перешёл на нефть.

Не его нашёл Анатолий Юницкий, а наоборот, прочитав в журнале об идеях гомельского изобретателя, узнав, что он сын Эдуарда Петровича, предложил ему сотрудничество.

В начале своей деятельности он сам очень нуждался в чьей-то помощи. И первым помощником по стечению разных обстоятельств оказался отец Анатолия – Эдуард Петрович Юницкий.

С первой встречи Анатолий понял, что Александра ему Бог послал – энергичного, добродушного, улыбчивого. Подумал, что на него можно положиться, довериться.

И Анатолий понравился ему.

При первой же встрече признался:

– Ты мне сразу понравился. Мы с отцом твоим дружим, и я считаю его порядочным и честным человеком. Он не только мне помог, одолжив необходимую сумму денег, а и другим помогал. Верю, что и ты такого же характера.

У отца было на сберкнижке более тридцати тысяч рублей. Деньги немалые по тем временам, можно было считать себя с такими деньгами богатым и независимым человеком, в определённом смысле.

Харитонов, узнав об этом, пришёл к Эдуарду Юницкому, начал умолять его помочь в своём бизнесе. Обещал, что долг вернёт в самое ближайшее время, когда развернётся, когда начнёт изготавливать и продавать шлако-бетонные блоки.

– Но это все мои деньги, что имею, – пробовал слабо возразить Эдуард Петрович. – Если они пропадут, я гол как сокол.

Но Александр проявил настойчивость и напористость, всё своё обаяние и хитрость, бил кулаком в грудь, крестился:

– Не пропадут, я сдержу своё слово. Только ты, Петрович, мне можешь помочь, только ты, со своим отзывчивым сердцем и душой.

Вздохнул старший Юницкий, для верности ещё с женой посоветовался, но Зоя Дмитриевна особо не возражала, всегда полагалась на мудрость мужа, потому и махнула рукой:

– Поступай, как сам знаешь… Тебе виднее.

Добившись своей цели, Александр с головой ушёл в бизнес.

Вот в это время, уже достигнув первых успехов в строительном деле, заработав первый миллион долларов на нефти, и стал он потенциальным инвестором Анатолия Юницкого.

Позвонил по телефону, назвался, сказал, что есть обоюдный интерес. Это было осенью 1993 года.

А за полгода до этого, весной, Анатолий стал фермером, дополнительно занялся сельским хозяйством. Встретились, поговорили. На вопрос, почему Александра заинтересовал его проект, тот ответил:

– Мною движут патриотические чувства. И потом, хочу прославиться вместе с тобой. А в то, что со временем прославишься, я твёрдо верю. С чего, Анатолий, начнём?

В ответ Анатолий предложил подписать лицензионное соглашение о совместном бизнесе, 50% на 50% при условии, что инвестор вложит в научные исследования три миллиона долларов в течение трёх лет.

– Нет проблем, – сразу взял инициативу в свои руки Харитонов. – Сначала мы откроем совместную компанию в Минске. Потом – в Германии, в городе Хертен, где у меня есть хорошие связи в «Русском доме», там нас поддержат. Зарплата у тебя будет тысяча долларов в месяц. Нужно только придумать название компании.

– «Новые Транспортные Линии», «НТЛ». Да и на немецком будет так же звучать – «NTL». А как же финансирование?

– Не волнуйся за это, я вкладываю первый миллион долларов. Дальше, по мере продвижения вперёд, вложу и второй, и третий. Уверен, что наши «НТЛ» заработают успешно и с большим экономическим эффектом. Когда будет идти доход, мы его будем делить пополам – пятьдесят на пятьдесят. Но не деньги, наверное, главное, а то, что мы взялись за такую отличную идею.

– Ты отцу долг вернул? – спросил почему-то Анатолий, глядя ему в глаза.

– Что, нажаловался уже? – нахмурился инвестор. – Да пусть не боится твой отец, верну я ему долг с лихвой.

Юницкий улыбнулся:

– Нет у него такой привычки жаловаться. К слову пришлось, вот и спросил.

От разговора остался осадок, чувствовалась какая-то недосказанность, фальшь в словах. Александру ещё не было и тридцати, амбициозен, уверен в себе. Анатолий помнил, что были какие-то нефтяные разборки в Белоруссии, которые коснулись и Харитонова, но всё обошлось.

Но как бы ни относился Анатолий к будущему инвестору, выбора не было никакого, как и вариантов, поэтому ответил кратко:

– Я согласен.

Надо было оставить фермерское хозяйство на кого-то. И он оставил его на Александра Карасевича, поселил его с женой в своём доме, который купил в деревне рядом, всё отдал в его распоряжение.

Сам перебрался в Минск. Снял квартиру, хотя Харитонов обещал купить квартиру в первые дни работы.

Начал сколачивать коллектив, пообещав каждому сотруднику хорошую зарплату, согласованную с Харитоновым. Офис сняли в

центре города, в бывшем здании ЦК комсомола. Работали месяц, второй, пятый…

Анатолий Юницкий публикует монографию о струнном транспорте, которую писал в течение нескольких лет. Связывается с министром транспорта Тайваня, встречается с учёными и академиками Беларуси. Об Анатолии Юницком узнают не только в Республике Беларусь, не только в Москве, а и за рубежом – в Англии, Японии.

В офисе однажды раздался телефонный звонок. На другом конце провода был Александр Харитонов.

– Как там у вас идёт работа?– спросил раздражённым голосом.

– Нормально, не считая, что ты не платишь коллективу обещанную зарплату.

– Это не твои вопросы! – воскликнул Харитонов. – Чтобы ты завтра к вечеру был у меня. Есть о чём поговорить.

А когда Анатолий предстал перед его «светлыми очами», тот сразу, взяв оскорбительный и хамский тон, набросился на руководителя минского офиса:

– Да как ты смеешь? Как ты смеешь печатать свои научные труды во всевозможных журналах, а меня нигде не вспоминаешь? Не ты должен выступать автором, а я – Александр Харитонов. Только я! Понял?!

– Как раз ничего не понял. Ты что ли придумал струнные дороги?

– Неважно кто, а важно, кто вкладывает деньги в проект и руководит компанией!

– Вкладываешь деньги? А где они, обещанные деньги? Ты самый обычный аферист и лгун. Я на всё тратил только свои деньги, от тебя практически ничего не было, не считая «понтов» – хорошего офиса, полётов на вертолёте над Германией, фуршетов и казино. Слава богу, что у меня есть фермерское хозяйство на Мозырщине и фирма «Юнитран» в Гомеле со своим валютным магазином, которые дают хоть какие-то деньги. Но ты здесь при чём? Я не получаю зарплату вот уже три года. Ты мне должен 36 тысяч долларов. Сколько можно слышать – завтра, послезавтра, куплю тебе квартиру?! А твои представления о проектном бюро, без которого мы не выполним ни одного заказа? Забыл свои недавние слова: «… Вот здесь поставим диван. Возьмём на работу трёх конструкторов, пусть работают в три смены, круглосуточно, и спят на диванчике. Купим им бесплатные проездные, чай тоже будет бесплатный. Пятидесяти

долларов в месяц на жизнь им хватит … и пусть пашут, как папы Карлы. А если что не так – по печени им, по печени…»

– Ты ещё вякаешь? – таращил негодующий взгляд инвестор. – Отдавай всё и уходи из компании. Ты же никто в ней, просто примазался. Уходи, а нет, так и в асфальт можно закатать.

Харитонов приказал сжечь все книги с его авторством, но Юницкий успел разослать свою монографию в библиотеки Лондона, Америки, России. Себе оставил один-единственный экземпляр.

За это время Харитонов сам создал в Германии «NTL», пообещав Анатолию сначала, как и договаривались, половину дохода, затем треть, а потом, передумав, сказал, что и десяти процентов много для него. А ещё позже сказал: «Слушай, а как ты вообще попал в эту компанию? Какое ты к ней имеешь отношение?»

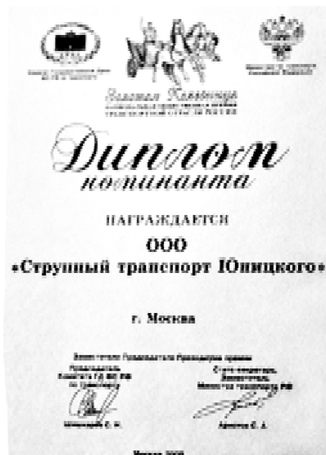
Через шесть лет, когда Анатолий снова стал работать с Харитоновым, узнал, что тот заплатил пятьдесят тысяч дойчмарок одному немецкому юристу, чтобы тот против воли Юницкого выкинул его из «NTL». Юрист взял деньги и «выполнил» заказ. Обманул немец Харитонова: когда в 2002 году поехали в Германию восстанавливать Юницкого в этой компании, оказалось, что из неё он и не был выведен. Не смогли юристы обойти немецкие законы. В этот раз Анатолию просто увеличили долю до 49 процентов, как и договорились во второй раз сотрудничества с этим инвестором.

Почувствовав, что угрозы от партнёра начали исходить реальные, а убивали тогда бизнесменов довольно часто, вынужден был обратиться с заявлением в республиканский КГБ, изложив суть дела. Написал, что Харитонов грозился его «закатать в асфальт» и даже показывал исполнителей-бандитов. Харитоновым занялись вплотную, он натворил много дел в Беларуси и, видя, что ему на «хвост» сел КГБ, укатил в 1996 году в Украину.

А Юницкому пришлось скрываться в Москве, пока улягутся страсти. Он знал, что его ищут люди Харитонова, которые выполняют его специфические заказы. Поэтому через месяц сам позвонил в Киев и предложил приехать на переговоры. Харитонов согласился. На встрече Юницкий показал копию завещания, где он оставляет в случае своей смерти всю интеллектуальную собственность по струнному транспорту правительству Беларуси. Оригинал завещания находился в Совете Безопасности республики.

– Саша, тебе ничего не стоит меня убить, я это знаю, – объяснял Юницкий. – Но тогда тобой серьёзно займётся КГБ, потому что, кроме тебя, это никому не нужно.

– Анатолий, ты всё не так понял. Никто тебе не угрожал. Давай снова работать вместе, у меня столько планов! Вон правительство Тайваня заинтересовалось, хочет заказать исследование по струнной трассе между островом и материком.


Диплом номинанта

НАГРАЖДАЕТСЯ

ООО

«Струнный транспорт Юницкого»

г. Москва

Юницкий отказался, и они мирно расстались. Ушёл без сожаления. На него давили «партнёры» и «инвесторы». Не вложить, но отнять. Пообещать, но не сделать. Такие у них принципы.

Сказать, что Анатолий отчаялся, разочаровался в людях, опустил руки и обиделся на весь мир? Да не из того теста он создан и не по тем моральным принципам жил, в которых присутствовали обиды и зависть, отмщение и злость. Наоборот,



Творческий коллектив единомышленников, г. Кейптаун, ЮАР. Действующая модель СТЮ на международном форуме ООН, октябрь, 2000 г.



Парк «Коломенский», г. Москва, 2001 г.
Действующая модель СТЮ, масштаб 1:5

чем больше у него было таких эпизодов – измены друзей и «пробрасывание» инвесторами, непонимание окружающих его людей, неудачи и многое другое, тем закалённее он становился, в нём, как ни странно, утраивалась сила творчества и изобретательства.

Но никогда не было



Закладка «нулевого километра» струнной дороги
в г. Озёры Московской области.
А. Юницкий с мэром города и местным священником, 2001 г.



На полигоне в г. Озёры
В центре – А. Юницкий, Б. Громов (октябрь, 2001 г.)

обид на тех, кто предавал его, отворачивался от него. Вступало в действие пожелание Христа: «Да любите врагов ваших…» И потому он принимал как должное, то что случалось с ним, зная, что враги и недоброжелатели посланы к нему неспроста.

Ох и берёг своё здоровье Харитонов! Ну, ел икры вдоволь, пил дорогие коньяки, но не злоупотреблял – пил в разумных пределах, бегал, поднимал штангу, боксировал, подтягивался на перекладине. Часто молился на иконку. Всю жизнь человек хотел быть молодым и здоровым. Хотел сберечь себя, укрепить физически. Но забыл о самом



На полигоне в г. Озёры,
октябрь, 2001 г.



А. Юницкий выступает на заседании выездного научно-технического Совета Минтранса и МПС России, г. Озёры, апрель, 2002 г.

главном: нужно было беречь всё смолоду, особенно свою душу, оградить её от дел злых и неправедных. Отнимал у других бизнес, часто с перестрелками и жертвами, торговал дорогими вороваными иномарками – нужно же как-то зарабатывать. Но и на строительство церквей щедро давал деньги.

Летал на частном самолёте в Москву – кровь свою омолаживал, не жалея двадцать тысяч долларов за один сеанс, переливали



На встрече с председателем ЛДПР В. Жириновским, 2003 г.



Действующий макет струнной дороги.
г. Москва, парк «Коломенский», январь, 2001 г.

ему неизвестно чью и непонятно какую кровь.

Харитонов женился во второй раз, взял в жёны молоденькую девушку, модель, на много лет себя моложе, которая, как она утверждала, безумно в него влюбилась. Трое детей. Чтобы поддерживать физическую потенцию, выписывал из-за границы очень дорогие лекарства.

Инсульт случился у человека. Говорить не мог, вставать не мог. Кто будет ухаживать за немощным, прикованным к кровати? Сразу же ушла от него «безумно влюблённая» жена с тремя детьми. Всё полетело прахом. Полностью разорился, за душой – ни копейки.

…Погиб Лебедь – и Березин отвернулся от компании, даже не заводил разговор о финансировании. Приближался полный крах надежд, планов, завершения строительства струнной дороги в Озёрах. Но деньги, триста тысяч долларов, были вложены в бизнес. Деньги от губернатора Лебедя.

– Что будем делать дальше? – спросил Березин при встрече. – Твои предложения?



Встреча с послом Малайзии Д. Я. Баба, 2002 г.

Юницкий уже обдумывал вариант, как поступить, поэтому и высказал свои соображения:

– Раз вы меня не финансировали, а это сделал частично Лебедь, то пятьдесят три процента моих акций, а сорок семь – ваших, потому что мы договаривались, что вы покупаете пакет акций по 100 тысяч долларов за один процент. Необходимо теперь не 5 миллионов ваших инвестиций, а 4,7 миллиона долларов, чтобы выполнить программу, на которую между нами заключён лицензионный договор.

Тогда Березин предложил выкупить эти три процента за 100 тысяч долларов:

– Анатолий Эдуардович, я знаю, что ваша жена скоро родит. Купите себе хорошее жильё, сколько можно мотаться в Москве по съёмным квартирам.

Юницкий согласился, и они пожали друг другу руки, закрепив эту договорённость.

Березин пообещал в ближайшее время подготовить все необходимые документы. И здесь доверчивость Анатолия Юницкого сыграла злую шутку. Юрист Березина подсунул два экземпляра документов, на которых не стояла дата. Анатолий подписал их как



Строители полигона СТЮ в г. Озёры Московской области

два экземпляра одного договора, один – для себя, второй – для партнёра, на договор поставят дату позднее, после второй подписи, как обычно и практиковалось. Березин же сделал из этого одного документа два разных договора, поставив в них разные даты. По одному из них Юницкий уступал ему 50 процентов акций и по второму – 50 процентов, итого – 100 процентов. И вышло так, что Анатолий уступил ему все акции в «НПК Юницкого».

А потом, подделав документы, его и вовсе вывели из состава компании, хотя он занимал в ней должность «генеральный директор – генеральный конструктор».

Но за продажу тех трёх процентов акций, сто тысяч долларов, Анатолий купил себе квартиру в Москве. К тому времени уже родилась первая дочь Настенька. К Анатолию приехал сын Денис, жил у них. Сын переменился, не смотрел на отца исподлобья, как раньше, улетучились ершистость, внутренняя неприязнь. Подрос парень, наверное, понял что к чему в этой жизни.

Сын оказался башковитым парнем, как и отец, решал любые задачи. Но главное, что он решил самую важную для себя задачу в жизни – сошёлся с отцом.

Когда Анатолий Юницкий попробовал выяснить с Березиным



А. Юницкий и С. Сибиряков на строительстве полигона СТЮ, г. Москва, 2001 г.

отношения, узнать, почему он пошёл на такой подлог и фальсификацию, тот, переменившись в лице, воскликнул:

– Будешь выступать – пожалеешь! И не таких обламывали!

Разговор тот происходил в мае 2002 года.

И в тот же вечер раздаётся телефонный звонок. В трубке бодрый и весёлый голос:

– Привет, старик! Как дела, Толян? Как настроение?

Это звонил Харитонов.

Анатолий удивился – говорит так, будто он и не пробрасывал его с финансированием, не заплатил ни копейки коллективу, поставив под угрозу всю работу, и не грозился его убить, причём та угроза была реальной, а не шуточной.

Юницкий молчал, собирался с мыслями.

– Слышь, старик, забудь, что было. Не прав я, не прав, извини. Забудем старые обиды. У меня есть дельное предложение. Я теперь в Киеве прочно обосновался, работа идёт нормально. Теперь есть реальная возможность заняться струнными дорогами. Я сейчас в Москве, сижу в «Метрополе», подскочи ко мне, обсудим детали.

Шесть лет молчал Харитонов, шесть лет следил за работой и деятельностью Анатолия, а сейчас объявился, решил снова втянуть Юницкого в какую-то авантюру. Юницкий не верил в искренность Харитонова, но решил всё же съездить – чем чёрт не шутит.

– Понимаешь, Толя, я снова воспрянул духом, и потекли денежки, – уже когда Анатолий сел напротив за столиком, когда выпили по первой рюмке, расплылся в улыбке несостоявшийся инвестор Харитонов. – Я теперь в Киеве. И вот что подумал – а давай-ка мы под Киевом, в Гостомеле, построим скоростную струнную дорогу. Покажем, что мы с тобой умеем, возведём трассу длиной в три километра. Для начала. А потом, когда развернёмся, протянем ещё дальше. Выпал шанс нам с тобой прославиться и заработать деньги.

Анатолий не выдержал, возразил:

– Так ты ещё не расплатился с нами за несколько лет работы, мы работали на энтузиазме, а ты о трассе ведёшь разговор.

– Не волнуйся, расплачусь. Забудем о том, что случилось, я всё исправлю. Ты построишь в Германии себе коттедж, сыну построишь. Я куплю тебе BMW последней модели в счёт погашения моих долгов по твоей зарплате. Зарплата же у тебя будет пять тысяч долларов в месяц.

– Но ты же меня вывел из состава компании, для этого заплатил юристам пятьдесят тысяч дойчмарок.

Харитонов замахал руками:

– Что было – то было, забудь. У нас теперь новые с тобой отношения. Мы вышли на новый уровень. Признаю, поступил глупо. Не по-дружески. Прости.

Юницкий вздохнул, сцепил пальцы на столе. От предложенной следующей рюмки отказался. Он задумался над предложением ненадёжного Харитонова. Стелет мягко, да как бы жёстко не спалось на его предложенном диване.

– Ну так как, принимаешь моё предложение переехать в Киев

и работать, создав новую компанию «НТЛ» – Новые Транспортные Линии?

– Сомневаюсь, однако, – посмотрел уже прямо в глаза инвестору, словно хотел увидеть в них искренность его слов и желаний, – ты столько раз обманывал меня, что уверенности нет никакой, что ты и на сей раз не окажешься тем пройдохой.

– Прочь сомнения, мой друг! Я пообещал депутатам Верховной Рады, что отниму тебя у россиян, и ты будешь Украине строить струнные дороги. Дай я пожму твою руку, и это будет твоим согласием и подписанием устного договора о нашем сотрудничестве.

И снова, до конца не веря в душе в искренность Харитонова, подал ему руку. Да и что делать, если в Москве никаких просветов нет, да ещё Березин выкинул его из совместной компании, в которой вот уже пятый месяц не платят зарплату. А здесь есть хоть какой-то шанс.

Переехал в Киев вместе с семьёй с маленькой Настенькой, которой исполнилось четыре месяца. Набрал новый штат конструкторов и специалистов по строительству висячих и вантовых мостов и проектировщиков самолётов из конструкторского бюро Антонова во вновь созданную компанию «НТЛ». Несколько человек приехали с ним из Москвы, а остальные – местные, из Киева. Из остальных конструкторов, которые ушли от Березина, создали ещё одну компанию «НТЛ», только в Москве, потому что перетаскивать всех конструкторов в Киев было бы слишком накладно.

Харитонов сдержал слово: регулярно выплачивал зарплату. Правда, через три месяца сказал, что хватит и трёх тысяч долларов в месяц. Уже начали возводить первые опоры, чтобы крепить между ними «струны», конструкторы работали над высокоскоростным юнибусом, который должен развивать скорость 300 километров в час. Заключили договор с заводом-изготовителем юнибуса.

Приходил домой радостный, в приподнятом настроении, брал на руки Настеньку, носился с ней по квартире. Она щебетала что-то детское в ответ, радуя сердце отца.

А потом неожиданно прекратилось финансирование. Месяц без зарплаты, второй.

Анатолий решил разобраться, пришёл к Харитонову.

– Не понял, почему не плачу? – встретил Юницкого вопросом. – А на какой хрен ты мне нужен? Получил часть денег – и хватит. Ты мне больше не нужен. Я всё знаю и без тебя. И ничего я тебе не должен. Если и приползёшь ко мне когда-нибудь, так и быть, дам

тебе пару тысяч долларов.

Харитонов подошёл к окну, посмотрел во двор.

– Вон стоит машина BMW, покатался на ней, и хватит. – Он поворачивается к своей охране. – Сергей, забери у него машину.

– Саша, так это же твой подарок. Ты и подарки отнимаешь? Тем более это не просто подарок, а возврат твоего долга по моей зарплате за Минск аж за три года. К тому же машина не моя, я записал её на тёщу, вряд ли она отдаст тебе обратно.

Пришлось потом продать его «подарок», и это позволило ещё несколько месяцев продержаться на плаву, когда вернулся в Москву и организовал конструкторское бюро «СТЮ» у себя в квартире.

Расставаясь, Харитонов поинтересовался:

– Анатолий, я всё понимаю, что обидел тебя тогда, в Минске, обошёлся с тобой несправедливо. Но почему ты написал заявление в КГБ, что я тебя пытал и раскалённый паяльник тебе в задницу засовывал? Это из какой оперы?

– Я писал, что ты грозился меня убить, закатать в асфальт. Или ты будешь это отрицать? Чтобы обезопасить себя, я и вынужден был написать то заявление. А о паяльнике… Чушь. Не писал я такого. Есть и в КГБ сказочники.

– А чего тогда эти козлы ко мне приезжали? Я у них и спросил об этом. Они ответили: «Мы арестовывать тебя приехали». И наручники показали, и ордер на арест гражданина Беларуси Харитонова. А я им показываю бумаженцию, где чёрным по белому написано, что со вчерашнего дня являюсь гражданином самостийной Украины. Улыбаясь, говорю им, что если бы они приехали днём раньше, тогда да, а сейчас, будьте добры, оставьте мой дом. Добавил, что если они будут ещё выступать, так и их арестуют за превышение своих полномочий, а если я вам так нужен, то добивайтесь экстрадиции. Вот тут они и рассказали о твоём заявлении, о паяльнике, которым пытал тебя.

«И тут выскользнул, – подумал Анатолий, – толкачом в ступе не словишь. Как вьюн, изворотливый и скользкий…»

– Ладно, Саша, прощай! Больше мы с тобой никогда не увидимся. Бог видит, никогда. Живи долго и счастливо!

Но жизнь всегда расставляет точки над «i». Как в народе говорят – Бог шельму метит? Так и здесь.

Главное, что Саша Харитонов оказался человеком слова. Брал у отца Юницкого тридцать тысяч рублей в долг на развитие своего бизнеса? Брал. И вернул всё до копеечки. Один, правда, нюансик.

До перестройки за те деньги можно было купить три «жигулёнка», а когда долг возвратил, то уже те деньги тянули на три… булки хлеба. Но долг всё же «вернул». Какие при этом могут быть обиды? Так и отец сказал, кисло улыбаясь.

Не обижался Анатолий, как всегда, на человека, который причинил зло. И на Харитонова не обижался. «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим…»

Когда ушёл Анатолий Юницкий из компании Харитонова по строительству струнной дороги, оставшиеся сотрудники не знали, чем заниматься. Они не представляли до конца, что такое СТЮ. Вместо струн стали класть монорельс. Вместо трёх километров за три миллиона долларов, как планировал Юницкий, построили участок дороги длиной 150 метров за пять миллионов долларов. Вместо скоростного юнибуса сделали гибрид трамвая с троллейбусом.

Модуль весил пятнадцать тонн, в котором только шесть сидячих мест. Дорога колышется, неустойчива, получилось совершенно другое, не то, что предлагал генеральный конструктор. Харитонов на том жалком подобии СТЮ думал, что, увидев его дорогу «Капвей», бросятся к нему в объятья инвесторы и заказчики. Настроили баров и кафе, бассейнов и саун, а самого главного так и не добились.

Харитонов на презентацию «Капвея» пригласил даже Президентов Украины и Беларуси – Кучму и Лукашенко, хвастался достижениями «по строительству струнной дороги Харитонова». Были накрыты богатые столы, приглашены «нужные» люди, которые могли стать инвесторами. Но прошло с той поры шесть лет, а воз и ныне там. Кого могли заинтересовать монорельсы и подозрительные «гибриды»?

И ещё раз убедился генеральный конструктор струнных дорог – там, где соприкасаются деньги и изобретательство, никогда не будет достигнут компромисс. Деньги постараются подмять под себя изобретателя, либо раздавив его, либо отняв всё и выкинув автора за ненадобностью. Просто разработка СТЮ и его автор оказались слишком мощными, не по зубам мелким акулам капитализма.

Если даже и найдётся олигарх-инвестор, он не будет ожидать годами главного – когда он получит свои дивиденды, которые во сто крат покроют его расходы, потраченные на дорогостоящий проект. Он захочет иметь всё сразу и сейчас, а не потом, в светлом будущем. И назначит своим главным врагом кого? Конечно же, главного разработчика – Юницкого.

Только государство, увидев в этом выгоду для страны и людей,

может взяться за претворение в жизнь проекта такого масштаба. Перед этим, конечно, рассчитав и взвесив всё до мелочей, убедившись, что деньги не пропадут, а вернутся, умноженные во много раз, в государственную казну. И при этом не будет нарушена экология, а промышленность в разы уменьшит свои энергетические расходы по перевозке грузов, не применяя при этом традиционные бензин и дизельное топливо.

Но плод должен созреть, как и «созреть» в умах новое мышление и подход к новым неожиданным открытиям и изобретениям. Вопрос только – когда наступит то время, та осень, когда созреет урожай и человек умело воспользуется им?

Во благо своё и всего человечества.

Давно брошен клич человечеству. Когда возвратится эхо?

И каким оно будет – эхо?

Галина Алексеевна – первая жена

Учились в одной группе. На неё засматривались многие парни не только из группы, но и института. На студенческие вечера приходили из города врачи и лётчики, журналисты и инженеры.

Запала в душу, ночи не спал. Простаивал вечерами у окон её общежития, стихи писал, зная, что дарования у него к этому никакого.

Слушая его стихотворные признания, хохотала:

– Не Пушкин, но что-то близкое к Байрону.

Издевалась, конечно, шутила, но и не отвергала его ухаживания. И он, набравшись храбрости и уверенности в своих силах, в своей неотразимости, добился того, что она стала его женой.

От счастья был на седьмом небе.

Это она потом говорила, упрекала:

– Я же была первой красавицей на курсе. За мной увивались директоры заводов, лётчики, а вышла за тебя – неудачника и простого инженеришку… Ты же ничего не достиг, даже зарплата у тебя нищенская.

Не права была Галина, ой, не права. Квартиру имели, Анатолий кроме основной зарплаты получал за изобретения немалые деньги, читал лекции, постоянно находил источник побочного дохода. Грешила Галина перед Богом, очень грешила.

Отмечали день рождения сотрудника, выпили. А дома скандал – алкоголик, бабник, развратник… И так постоянно, методично и настойчиво.

Более того, могла в ярости бросить в него кухонным ножом, а то и топором, сковородкой. Что под руки попадало, без разбору бросала, не опасаясь, что топор или нож могут нанести смертельную травму.

Не выдержал, решился, как раз в то время, когда в Гомеле проходила Международная конференция, на которой он делал обстоятельный доклад, подал на развод. Сыну тогда было пятнадцать лет. И сын к нему относился чуть ли не враждебно – сказывалось влияние матери.

Идя на бракоразводный процесс, Анатолий положил в «дипломат» те предметы, которыми она бросала в него. Это на тот случай, когда судья задаст вопрос о причине развода.

Но судья спрашивал о другом:

– Вы любили друг друга?

– Я был очень влюблён, – ответил Анатолий. – Она – не знаю. Сегодня я уверен, что Галина Алексеевна выходила замуж по расчёту. Но я не оправдал её надежд, она очень многого ожидала от меня. Я ведь был лучшим студентом на курсе, и за меня боролись три кафедры, чтобы я пошёл в аспирантуру к ним. Правда, жена потом меня попрекала, что когда вышла за меня, за студента, у меня всё имущество насчитывало два предмета – трусы и майка.

– Анатолий Эдуардович, вы не хотите забрать своё заявление назад?

– Нет.

– Галина Алексеевна, вы согласны на развод?

– Да, – твёрдо и уверенно прозвучал ответ.

Но развестись для Анатолия вовсе не означало, чтобы порвать со всем, отказаться от сына. Хорошо знал, каково жить без отца. Жили, как и раньше, вместе. Юницкий помогал семье, помогал сыну. Сын окончил среднюю школу, потом поступил в институт, закончил его.

Из семьи ушёл только в 1999 году. Через двенадцать лет после развода. Но на это уже были другие причины…

Позвали его в Минск на одно крупное мероприятие, в котором

участвовали представители администрации Президента, крупные учёные, бизнесмены. Дали и ему, Анатолию, слово. И он рассказывал о своём струнном транспорте, говорил о перспективах, которые могут открыться в ближайшем будущем.

Был после этого фуршет, бокалы шампанского.

Держа в руке бокал, подошёл к нему человек, назвался:

– Моя фамилия Халфин, я – генерал. Учусь здесь, в Минске, в университете повышения квалификации при Президенте Беларуси. Меня очень заинтересовали ваши гениальные идеи. Сам я живу в Крыму, в Симферополе. У меня там прекрасно обстоят дела, я знаком со многими бизнесменами, представителями власти.

– Для чего вы мне всё это говорите? – не понимал Юницкий, без особого внимания рассматривая этого человека. – У вас есть какое-то конкретное предложение ко мне?

– Да, есть! – живо отозвался Халфин. – Я бы помог вам реализовать ваш проект в Крыму. Там очень нужна ваша струнная дорога, просто необходима. Я познакомлю вас с председателем Крымской Рады, он заинтересуется вашими «струнами». Как вы смотрите на моё предложение?

Анатолий молчал. Столько раз обжигался, что и сейчас отнёсся к предложению Халфина без особого энтузиазма.

Потом Халфин уехал в Крым, Анатолий вернулся в Гомель. Халфин потом приезжал к Анатолию в Гомель, снова расписывал перед ним радужные перспективы по построению струнного транспорта в Крыму.

Потом позвал Юницкого в Симферополь, привёл к Грачу, председателю Рады. Анатолий Эдуардович дал ему свою визитку генерального конструктора СТЮ. Средних лет чиновник терпеливо и внимательно слушал Анатолия, кивал головой, а потом спросил:

– Очень интересный проект, сколько же лет нужно было на него потратить? Скажите, а сам Юницкий жив или давно умер?

Посетитель кабинета мгновение молчал, услышав глупый вопрос, ответил:

– К счастью, живой.

– И где же он в данный момент?

– В данный момент Анатолий Эдуардович Юницкий перед вами. Вот он – я! – постучал для верности кулаком в грудь.

Халфин, видя такое, низко опустил голову.

Так ни к чему и не пришли. Грач сказал, что пока в бюджете



Галина, Денис и Анатолий Юницкие, 1973 г.

нет денег, а проект предполагается очень дорогой, поэтому необходимо немного повременить.

Юницкий приезжал в Крым несколько раз, разумеется, за свой счёт. Везде, куда они ни приходили, Халфин представлял его как генерального и гениального конструктора струнного транспорта и технологического круга вокруг планеты, который может подняться в космос в любой момент.

Не знал Анатолий одного: Халфин под каждый его приезд собирал с людей деньги. Собирал с инженеров, депутатов, мэров городов, и суммы те были немаленькие – от двухсот долларов до пятисот с каждого, а то и больше. В Джанкое он намечал провести большое мероприятие с участием генерального конструктора, который начинает строить в Крыму «струнные дороги».

«Нужно раскошеливаться, братцы, идея того стоит, – говорил он, получая нужную сумму от чиновника или депутата. – Отдача будет огромная…»

В Джанкое и в самом деле происходила демонстрация действующей модели СТЮ. Затем модель демонстрировалась в Артеке, где в это время отдыхала жена Лукашенко, Галина, она тоже задала пару вопросов. Все участники мероприятия отмечали, что транс-

порт Юницкого интересен и перспективен.

В это время Анатолий Юницкий, получив грант на обоснование своего проекта от Организации Объединённых Наций, в Сочи организовал международный семинар. Были представители из Москвы и Нижнего Новгорода, приехали эксперты из ООН.

Семинар получился интересный и разносторонний.

В этот раз, в 1999 году, Анатолий Юницкий приехал не один, а с бывшей женой Галиной. Он поддерживал с ней отношения, хотя давно уже они не были мужем и женой. Предложил ей без всякой, как говорят, задней мысли: «Поехали вместе, в море покупаешься, отдохнёшь…» Она согласилась.

А потом, когда приехали в Симферополь, Халфин предложил Юницкому:

– А давай-ка, друг мой, завалимся в Саки. Там есть чудесный ресторанчик на море, мы и проведем прекрасно там время. Мы же столько отдали с тобой сил на продвижение твоего проекта.

Юницкий ни разу не был в Саках, поэтому принял предложение.

В ресторане собралось много народа.

Пили, пели, гуляли. А потом перешли в кафе, которое располагалось на улице. Анатолий предложил Галине идти отдыхать в домик, который им предоставили, а сам остался в кафе.

Рафаэль Энгельсович Халфин ещё перед этим «перебрал», устроил дебош в ресторане. Его еле уняли. А в кафе он ещё больше разошёлся, бросался долларами направо и налево.

– Генеральный конструктор Анатолий Эдуардович Юницкий угощает всех, находящихся в кафе, шампанским! – пафосно восклицал Рафаэль, подняв, как дирижёр оркестра, руки. – На каждый столик подать мускатное шампанское!

Потом песня по заказу Юницкого, танец по заказу Юницкого, по просьбе Юницкого цыганский ансамбль.

Он пробился к Халфину, взял почти за грудки, спросил:

– Ты почему от моего имени делаешь такие заказы?

– Не дрейфь, прорвёмся! – не унимался Рафаэль, доставая из кармана пачку долларов, размахивал ими над головой.

Ничего не понимая, Юницкий снова сел на своё место. Кто-то из зала громко задал вопрос:

– А где же сам генеральный конструктор, за здоровье которого мы пьём шампанское, покажитесь?

Анатолий нехотя встал, поклонился. В этот миг ему показа-

лось, что от Халфина, нагнувшись, уходил давний знакомый – бывший инвестор Сашка Харитонов. И снова до сознания Юницкого ничего не доходило.

– Танцуем все! Танцуем! – снова воскликнул ведущий вечера.

Все вскочили из-за столов, столпились в центре зала.

Было где-то около двух часов ночи. Бодрая мелодия, приводящая в восторг подвыпивших людей, перед глазами Анатолия – глаза незнакомой, но красивой девушки. А мелодия ускоряла и ускоряла темп, девица подскакивала всё выше и выше.

И в этот самый момент тупой удар по голове, потом по спине и ногам. Падая, он обернулся: это бывшая жена «ласкала» его поленом.

– О брошенной семье не думаешь, а разбрасываешься здесь тысячами долларов! Ты был подонок, и остался им! – Оказывается, она лежала в домике больше часа и слышала, как динамик, который висел на улице, громко, от имени бывшего мужа, то раздавал шампанское, то заказывал музыку.

Он хотел сказать, что к заказам шампанского и музыки не имеет никакого отношения, что это чьи-то проделки, а чьи – не знает. Но не сказал, потому что потерял сознание, провалился в беспамятство, и его сопровождал какой-то нудно звенящий гул.

Приехала «скорая», перевязали ему голову. А перед глазами стояла скачущая девушка, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами, улыбалась, звала куда-то, в неизвестность, в другой мир…

Придя в себя, спросил, что это была за девица, что прыгала выше всех. Никто не мог припомнить ни её саму, ни как её звали, ни откуда она была.

Уехал, но образ незнакомки неотступно стоял перед глазами.

После этого он окончательно порвал с Галиной Алексеевной, твёрдо решил – больше с ней никаких контактов, никаких разговоров и выяснений обстоятельств. Навсегда разорвал непонятные с ней отношения – не жена и не любовница, совершенно чужой человек…

Заместитель главы Джанкойской администрации подошёл к Юницкому, уточнил:

– Анатолий Эдуардович, а для чего вы собираете со всех деньги?

– Какие деньги? Я ни у кого не брал.

– Халфин попросил у меня семьсот долларов. Сказал, что для вас. Для чего?

Анатолий пожал плечами:

– Не знаю для чего, у него спросите. Вы давали семьсот? Возьмите. Но это мои, личные. От него я не получал ни копейки.

Подходили к Юницкому и другие. Одни говорили, что Халфин у них взял тысячу, другие, что две тысячи долларов.

Это потом Анатолий узнал, что Халфин щедро «раздавал» должности тем, кто платил. Пояснял: скоро нужен будет самолёт для компании «Струнный транспорт Юницкого», поэтому нужна команда пилотов. Строить офисы нужно. А для этого надо назначить директора строительной компании. А тот возглавит службу безопасности компании, но эта должность стоит пять тысяч долларов.

С размахом работал Рафаэль, ничего не скажешь, щедро раздавал должности.

Люди, поняв, что с ними работал простой аферист, подали на него в суд. А заодно и на Юницкого. Аферист ударился в бега. Его долго не могли найти.

А образ танцующей девушки стоял перед глазами. Когда стало невыносимо от тоски по ней, решился снова поехать в Саки. Не знал ни имени, ни фамилии, ни где работает или учится, но глаза запомнил чётко и ясно.

Встретился с теми, кто был тогда в кафе, те пожимали плечами, отвечали:

– Ты на базу сходи, может, там что разузнаешь.

И там толком ничего не узнал. А когда зашёл в продовольственный магазин, увидел девушку, стоящую за прилавком, что-то вздрогнуло в груди: «Она! Это она!»

Некоторое время не решался к ней подойти. Смотрел и смотрел, не сводя с неё глаз. Уже она почувствовала на себе пристальный взгляд стоящего человека.

Сначала удивилась, не зная, чем привлекла его внимание. А затем улыбнулась, вспомнив, что это он танцевал с нею в кафе, и потом, потеряв сознание от удара по голове, упал на пол.

– Ты?

– Я. Откуда ты здесь?

– Еле нашёл тебя. Потому что не знал, как тебя зовут.

Попросила подруг, чтобы её подменили. Вышли на улицу.

– Надежда… – назвалась она. – Ну, а о тебе я тогда наслушалась много. Ты в самом деле такой миллионер, что сорил деньгами?

– Да нет, это, прикрываясь моим именем, Халфин занимался неблаговидными делами. Он сейчас в бегах. На него подали в суд.

И на меня тоже. Поэтому я приехал инкогнито, только чтобы разыскать и увидеть тебя.

– Не ожидала, что ты будешь меня искать. Тогда же только перебросились двумя словами.

Он улыбнулся:

– Порой и двух слов достаточно, чтобы их продолжение длилось всю жизнь.

В тот вечер они под покровом ночи гуляли до утра. У их ног плескалось ласковое море. Волны, набегавшие на берег, шептали им нежную мелодию зарождавшихся чувств. Не умолкали цикады, радуясь ночной теплоте.

Они молчали, думая каждый о своём. Даже в молчании вели диалог, и в памяти стоял тот вечер в кафе, мелодия и песня «Ах, какая женщина!..»

Та песня была о них. И той женщиной была Надежда. Только она не была «чьей-то», а была его, Анатолия.

Потом он утвердился в своих мыслях о Харитонове, а потом и о Рафаэле.

Это Сашка уговорил Халфина «подставить» Юницкого, уговорил и тех, у кого Халфин брал деньги, чтобы они подали в суд на Анатолия.

Но что получается? Не было бы инициативы Харитонова посадить его за решётку, не позвал бы его в Саки Халфин, не встретил бы он свою Надежду, надежду на будущее счастье. А если бы не избила его публично на танцплощадке бывшая жена, не имея на то никаких оснований, не запала бы в его душу Надежда. Так может ли он злиться на своих обидчиков? На того же Халфина и Харитонова? Нет, никогда в жизни. Он благодарен им за всё, и это было самой настоящей правдой.

И благодарен ещё судьбе, что сломал ногу, серьёзно сломал, с двойным переломом. Во-первых, Наденька стала его женой, там, в больнице, когда он лежал на вытяжке, а во-вторых, он познакомился там же со знаменитым генералом Лебедем…

Счастлив, что тогда в больнице произошло бракосочетание. Неизвестно, что было бы позже, если бы он этот важный момент перенёс «на потом» – могли закрутить его неотложные дела, нырнул бы весь в работу, и, может, не до женитьбы было бы ему.

А так работница ЗАГСа пришла к нему в палату, и в присутствии друзей и знакомых они оформили законный брак.

Губернатор Лебедь

Всё произошло, можно сказать, случайно, хотя вся жизнь Анатолия Юницкого соткана из закономерных случайностей.

Сергей Анатольевич Сибиряков. Он даже не работал в компании Анатолия, был простым чиновником, хотя должность занимал высокую – начальник департамента одного из министерств.

Ездили вместе на различные конференции и симпозиумы, рассказывали с высоких трибун «о струнах».

Сблизились с ним, а потом и подружились. Сергей проникся его идеей струнного транспорта и старался ему всячески помочь. У него в кабинете, прямо над рабочим столом, были натянуты струны, и он демонстрировал всем работу модели СТЮ. Это он нашёл в 2000 году инвестора Дмитрия Березина, убедил его стать стратегическим партнёром Юницкого.

Когда Анатолий лежал в больнице на вытяжке, не имея возможности ни повернуться, ни передвинуться, заскочил к нему в палату Сергей. Надежда неотступно находилась возле больного. Это был февраль 2001 года.

– Анатолий, я отлучусь на недельку, – расставаясь, сказал Сибиряков, – ты уж тут как-нибудь без меня. Хотя у тебя надёжная помощница, – посмотрел он с улыбкой на «внештатную медсестру».

Надя почему-то покраснела, опустив голову.

– Куда отлучишься? В какую командировку?

– Да слетаю в Красноярск, есть там срочные дела.

– Что ж, чистого неба, – крепко пожал руку Сергею. – Возвращайся.

Это уже потом рассказывал Сергей, когда возвратился. Поездка в Красноярск, как оказалось, была послана самой судьбой.

Случилось так, что тем же рейсом летел в Москву и губернатор Красноярского края Александр Лебедь. У Сергея сразу же созрел дерзкий план. Такая возможность могла представиться один раз в сто лет.

Ему нужно было сесть рядом с Лебедем, чего бы это ни стоило. Но как это сделать, когда все билеты были распроданы. Он находит человека, который смог ему в этом помочь. Не пожалел за услугу несколько сотен долларов. Всё связалось, получилось. Его место оказалось сзади, но это и ещё лучше, не так заметна будет его навязчивость.

Когда взлетели в небо и прошло немного времени, он осмелил-

ся обратиться к красноярскому губернатору:

– Александр Иванович, можно ли к вам обратиться?

– Обращайтесь, – хрипло ответил Лебедь.

– Фамилия моя Сибиряков, работаю начальником департамента министерства. Но я обратился к вам не по служебным делам, но и не по личным. У меня есть друг, который изобрёл струнный транспорт, когда не нужно прокладывать асфальтовые дороги, а можно двигаться над землёй. Очень перспективные дороги.

Лебедь уже повернулся к Сергею, посмотрел на него.

– Давайте поступим с вами так. Я сутки не спал. Я пару часов подремлю, а потом мы вернёмся к вашим струнам. Идёт?

– Конечно.

Сибиряков терпеливо ждал, когда проснётся Александр Иванович. Вновь и вновь пересматривал бумаги, готовился к разговору. И не заметил, как сам задремал. Вздрогнул, когда до плеча дотронулся Лебедь.

– Ну, выкладывайте ваши предложения. Слушаю вас.

Сидящий рядом паренёк согласился поменяться местами с Сергеем.

– Александр Иванович, технология струнной системы очень проста. Вот смотрите, фотографии и рисунки.

Александр Иванович взял в руки листы бумаги, начал внимательно рассматривать фотографии.

– Устанавливаются столбы-опоры. К ним крепятся рельсы. Рельсы изготовлены на основе преднапряжённых струн. Что это такое? Каждая струна набрана из нескольких сотен высокопрочных проволок и помещена в прочный стальной корпус, а он, в свою очередь, заполнен специальным бетоном. На высоте от пяти до десяти-двадцати метров подвешена трасса, по которой будут двигаться многоколёсные транспортные модули с приводом от двигателя. Система прочная и в то же время гибкая.

– Ну и какую же скорость может развивать транспорт? – задал первый вопрос красноярский губернатор.

– Юнибус может развивать скорость до 350 километров в час. Но и это не предел. Скажу ещё, что такая дорога разрешит многие проблемы в отдалённых районах, где трудно и сложно проложить железнодорожное полотно или автомобильные дороги.

Александр Иванович сложил листы бумаги, отдал соседу, задал новый вопрос:

– А сколько по такой дороге можно перевозить груза и пасса-

жиров?

– Свыше ста тысяч пассажиров в сутки. Груза за одни сутки можно перевезти более чем 200 тысяч тонн.

Губернатор удивлённо повертел головой, задумался. Сибиряков выжидал паузу, не «нагружал» больше уставшего собеседника. Терпеливо ждал, когда тот, если его заинтересовала идея, задаст новый вопрос.

– И последнее, Сергей Анатольевич, дорого ли обойдётся строительство вашей струнной трассы?

И к этому вопросу был готов друг Юницкого. Он подал губернатору расчёты по строительству струнной дороги, пояснил:

– Вот все расчёты. Если строительство одного километра железной дороги обходится в три-пять миллионов долларов, автомобильной – пять-десять миллионов долларов, то затраты на прокладку километра струнной системы обойдутся всего до полутора миллионов долларов – максимально. Реально – чуть больше миллиона долларов.

Александр Иванович не отрывался от листа бумаги, на котором пестрели цифры.

– Но дорога, как я понимаю, только в виртуальном виде? – посмотрел на собеседника генерал. – Её же нельзя увидеть на практике?

– Стометровую действующую модель струнной дороги в масштабе 1:5 можно сегодня посмотреть в парке «Коломенский» в Москве. А ещё мы хотим построить испытательный полигон в городе Озёры, на юге Московской области.

– Кто руководит всем проектом?

– Анатолий Юницкий, академик, он возглавляет ОАО «НПК Юницкого».

Лебедь всегда был человеком дела, и поэтому задал практический вопрос:

– В Красноярске потом можно будет построить такую дорогу?

– В любых болотах, тайге, в горах.

Генерал словно отдал приказ своему подчинённому:

– Готовьте договор! Вам будут выделены деньги для окончательного строительства полигона. Первый транш вы получите в течение следующего месяца.

А когда вышли из самолёта, Лебедь спросил у Сибирякова:

– Мы можем сейчас посмотреть действующую модель?

– Можем, если в парк «Коломенский» приедем до темноты.

Жаль только, что Анатолий Юницкий в больнице – сломал ногу, возвращаясь с работы домой.

«Благодаря» тому, что Юницкий попал в больницу, демонтаж модели в Коломенском перенесли на месяц. А если бы разобрали дорогу, нечего было бы показывать Лебедю. Стечение обстоятельств опять сыграло в пользу Анатолия.

– Ничего. Поехали в Коломенский!

Помощник напомнил генералу, что в администрации Президента через два часа деловая встреча, но Лебедь только отмахнулся:

– Подождут… Здесь важнее дела.

Когда приехали на место, Лебедь искренне удивился, глядя на эстакаду. А когда по струнам начал двигаться агрегат, не выдержал, встал на колено в глубокий снег, начал всматриваться во что-то.

– Я думал, что здесь магнитный подвес, а тут колесо катится по рельсу.

– Да, по струнному рельсу, потому что внутри каждого рельса натянута струна усилием в две тонны.

Он отряхнул с колен снег, поправил ремень на длинном, почти до земли, кожаном пальто, ещё раз посмотрел на струнную дорогу, произнес чётко и громко:

– Вот такой транспорт нужен России! Хотя она у нас могла бы быть двадцать лет назад.

И, повернувшись к Сибирякову, уточнил:

– Здесь будет построен испытательный стенд?

– Нет, в Озёрах, под Москвой.

– Сколько нужно денег для его строительства?

– Триста тысяч долларов, Александр Иванович.

– Готовьте договор. Пусть подпишет его Юницкий, и приезжайте в Красноярск за моей подписью.

Когда Сергей Сибиряков пришёл в больницу к Анатолию, чуть ли не с порога объявил об этом радостном событии.

Сначала Юницкий не поверил, думал, что друг подкалывает его, но когда Сергей показал визитку губернатора и проект уже составленного договора, который нужно было немедленно подписать, радостно воскликнул:

– Ну ты и молодчина! Я плашмя лежу на больничной койке, а ты решаешь за меня такие важные вопросы.

– Будешь должен, нальёшь когда-нибудь фужер шампанского.

– Обязательно, и даже в ближайшее время. Слушай, Сергей, здесь одна история произошла…

Сибиряков посмотрел на Анатолия.

– Мне свидетель нужен.

Сергей нахмурился, подумал, что друг снова попал в какую-нибудь судебную историю и в чём-то нужно свидетельствовать. Уточнил:

– Это связано с твоей травмой? Может, в суд кто подал, и тебе нужны свидетели?

Юницкий засмеялся:

– И с травмой тоже всё связано. Но главное, что во всем виновата Надежда.

Сергей недоумевал ещё больше, переводил взгляд с девушки на Анатолия и наоборот.

Чтобы больше не мучить Сергея, Анатолий на всю палату заявил:

– Женюсь я! А для бракосочетания мне нужен свидетель. У нас в Беларуси называют «шафер» – с ударением на «а». Так как, Сергей, будешь моим шафером?

Только после этого Сергей Сибиряков пришёл в себя, поднял радостно руки, воскликнул:

– Буду, буду! С радостью соглашусь! Поздравляю, Анатолий! Поздравляю, Надежда!

Бракосочетание наметили на следующей неделе. Подготовку к этому мероприятию Анатолий Юницкий поручил своему другу.

Первые сто пятьдесят тысяч долларов пришли через две недели.

Александр Лебедь сдержал свое слово, как и всегда, когда обещал что-нибудь сделать.

Березин, партнёр Юницкого, который обязан был финансировать проект, потому что дал на это согласие и подписал лицензионное соглашение, обрадовался:

– О, так у нас и финансирование идёт нормально!

– Но это не от вас исходит, – возразил Анатолий Юницкий, – это губернатор Красноярского края Александр Лебедь даёт нам деньги.

Березин удивился, пожал плечами. Непонятный был человек. Вначале пообещал помогать и выделять деньги, но, видя, что нет быстрой «отдачи», прекратил финансирование.

Из Красноярска деньги пришли в феврале, и на май наметили пустить в строй полигон. Наметил не Юницкий, а красноярские чиновники. Анатолий понимал, что это нереально, потому что ещё даже не было проектной документации. А само строительство предполагалось быть сложным.

Возмутился и Лебедь, почему так долго, но Юницкий назвал причины, по которым невозможно осуществить раньше. Убедил

генерала, понятливый был человек, он никогда не любил спешки, а особенно в новых проектах.

Но, тем не менее, через несколько месяцев пришло еще сто тысяч долларов. Лебедю докладывали о ходе строительства каждую неделю напрямую.

Анатолий уже к тому времени отказался от костылей, пробовал ходить самостоятельно. А потом, когда почувствовал, что твёрдо стоит на ногах, вплотную занялся испытательным полигоном.

Символичный камень нулевого километра будущей трассы заложили десятого марта 2001 года, а на октябрь наметили первые испытания. На берегу Оки начала вырисовываться ажурная стальная конструкция.

Струнный путепровод держался на двух анкерных опорах. Одна из них находилась на уровне земли, а другая – на пятнадцать метров выше. Расстояние между опорами 150 метров. Между ними натянуты две струны, каждая из которых сформирована из девяти стальных арматурных канатов диаметром 15 миллиметров каждый. А они в свою очередь заключены в трубы из нержавеющей стали, диаметр которых сто миллиметров. Натянуты они гидравлическими домкратами с суммарным усилием около 450 тонн, закреплены на опорах оригинальными анкерами.

Поддерживали путевую структуру от провисания четыре промежуточные опоры и система растяжек – испытывали разные варианты струнных пролётных строений.

В качестве имитатора транспортного модуля прибегли к услугам обычного серийного грузовика ЗиЛ-131. Переоборудовали только колёса – заменили на стальные, сделав их с двумя ребордами. И в этом случае не нужен был руль, его отключили. Контактный профиль колеса повторял геометрию самой трубы путепровода, за счёт чего обеспечивалось оптимальное сцепление при минимальном износе пары.

Всё шло успешно. На горизонте виднелся финиш всей работы.

За две недели перед пуском, в первой декаде октября, неожиданно приехал губернатор Громов. Походил, посмотрел, убедился, что работы подходят к концу, удовлетворённо спросил у Юницкого:

– Значит, финансирование открыто?

– Открыто, но не Березиным, а губернатором Красноярского края Александром Ивановичем Лебедем.

Лицо у губернатора Московской области, казалось, потемнело:

– Как Лебедем? При чём здесь Лебедь? Вас должен был финансировать Березин. Не так ли?

Он строго посмотрел на озёрского мэра.

Тот, потупившись, отвернулся в сторону.

– Твою мать… Не проследишь, ничего сделать не могут. А как вы вышли на Лебедя?

Вопрос адресовался Анатолию Юницкому.

Анатолий ответил спокойно и тихо:

– Александр Иванович сам на нас вышел. Мы отрабатываем деньги с тем, чтобы построить такие дороги в Красноярском крае – от Красноярска до Норильска.

Строительство шло полным ходом. Громов почему-то заинтересовался ходом работ. Осматривал придирчиво опоры, каркасы, щурился от сполохов электросварки. Одну опору пришлось возводить за отведённой территорией: она стояла в болоте.

– Она же может опрокинуться, – высказал опасение Громов.

– Это невозможно, – успокоил генеральный конструктор. – И пусть убедятся проверяющие, что и в болоте могут уверенно стоять опоры.

Анатолий подошёл к водителю-испытателю Кравцову, попросил:

– Геннадий, тебе нужно проехать от этой опоры до третьей, остановиться в пяти метрах от неё – ни одного метра дальше. Если заедешь дальше, всё обвалится, рухнет. Я буду стоять внизу, чтобы показать Громову, что уверен на сто процентов в прочности струн. Хорошо?

– Да, Анатолий Эдуардович! Сделаю.

Он остановился в том месте, которое указал Юницкий.

Громов с восхищением смотрел, как «ЗиЛ» поднимался по струнным рельсам вверх и остановился над Юницким на высоте шести метров.

Здесь же присутствовали фоторепортёры, журналисты, они всё это фиксировали, чтобы запечатлеть для истории и прессы.

Громов ещё раз подтвердил:

– Грандиозно! Впечатляет! Нам нужно поговорить. После всего этого у мэра Озёр будет фуршет. Приезжайте туда, там и поговорим.

Был накрыт стол. В зале были областные министры, разного ранга чиновники. Тосты, здравицы, пожелания успехов.

Отведя в сторону Юницкого, задал ему главный и конкретный вопрос:

– Чтобы сделать нормальный полигон, Анатолий Эдуардович, сколько нужно денег на осуществление проекта?

– Пять миллионов долларов.

Громов подозвал к себе министра финансов, распорядился:

– Решите этот вопрос. Дело того стоит.

В самом разгаре беседы, когда у всех было хорошее и благостное настроение, взял слово глава администрации Ващихин. Обвёл всех взглядом, произнёс:

– Товарищи! Дорогие друзья! Вот вы всё о струнном транспорте, о великом экономическом скачке. Это всё замечательно, прекрасно! Я понимаю. Но у нас в городе столько житейских проблем: крыши в домах текут, асфальт потрескался, пришла в негодность канализация. Предлагаю те деньги, которые вы намечаете выделить на строительство полигона, отдать нам, городу. Мы ж из него куклу сделаем, домов жилых настроим, людям радость и счастье подарим!

А в итоге вышло, что тех денег ни городской бюджет не увидел, ни компания Юницкого по строительству полигона. Из всех громких обещаний, как всегда, ничего не было реализовано.

Громов укатил со своими министрами, а через две недели приехал Александр Лебедь. Но за три дня до его приезда в быстром темпе заканчивали работы. Аврала не было, происходило ускоренное строительство. Работа не прекращалась ни на минуту. И ночью работали. Было очень много сварочных работ, необходимо было закачать бетон в полые рельсы, чтобы объединить их со струнами. Словно подгоняя строителей, уже напоминал о себе первый мороз – ночью доходило до минус 10 градусов. А ещё же покрасить всё надо, придать необходимый лоск и красоту.

Сто пятьдесят метров, уклон – один к десяти. Осталось только заполнить бетоном трубу наружным диаметром в сто миллиметров.

Скептики возмущались: «Какой бетон? В такой мороз и закачивать на высоту 15 метров? Через трубу с внутренним диаметром 80 миллиметров и с девятью канатами внутри? Нереально…»

Но закачали, сделали всё как надо. Бетон прочный, специально разработанный, с пластификаторами и модификаторами марки «900». А когда явился Лебедь, струнная дорога работала на всех ста пятидесяти метрах.

Но… вот это неожиданное «но». Анатолий всегда доверял людям, шёл им навстречу, помогал. Ему трудно было определить с первого взгляда – честный человек перед ним или нет. Глаза чистые, умоляющие, чуть ли не слеза выкатится на щеку. Ну как такому не поверить? А когда ещё люди на государственной службе, обязаны блюсти этикет, добропорядочность, совесть иметь, в конце концов.

Узнали телевизионщики об огромном проекте, о большом событии в Озёрах, нагрянули, установили телевизионные камеры. Микрофон под нос суют – скажите несколько слов для центрального телевидения.

– Ребята, – отвечает им генеральный конструктор, – вы рано приехали. Завтра у нас основное действо. Красноярский губернатор Лебедь приедет – у него возьмёте интервью. Вон для него палатки военные разбили, приготовили всё необходимое.

Миловидная женщина, держа в руке сигарету, слёзно начала просить:

– Анатолий Эдуардович, мы приедем и завтра, но сегодня мы должны снять основной материал. Завтра будет много народу, мы не сможем снять нужный материал, нам будут мешать… Помогите нам, пожалуйста, выручите! На вас вся надежда.



Рельсовый автомобиль весом 15 тонн у анкерной опоры, октябрь, 2001 г.

Анатолий сдался, но с оговоркой:

– Я дам вам интервью, но с вас должен взять обещание, что в эфир материал вы дадите завтра. Согласны?

– Мы на всё согласны! – обрадовалась она и сразу же дала ему в руки микрофон. – Расскажите о своей струнной дороге, как долго вы шли к завтрашнему дню. Кто вам помогал, кто финансировал?

Не подозревая ничего дурного, Анатолий Юницкий рассказал о своём детище.

Снимали несколько операторов. Один объектив телекамеры направили на опоры, другой – на движение «ЗиЛа», просили рабочих сказать несколько слов.

Всё сделали быстро, поблагодарили конструктора и весь коллектив за помощь. Усаживались в «рафик», радостно обсуждали сделанную работу.



Генеральный конструктор СТЮ А. Э. Юницкий демонстрирует надёжность струнной дороги, октябрь, 2001 г.

– Только смотрите, чтобы завтра в эфир! Не подведите!

– Завтра в двадцать один ноль-ноль, – уверили ребята, – не пропустите.

Вечером того же дня подал голос мобильный телефон. Анатолий взглянул на экран – Лебедь.

– Слушаю вас, Александр Иванович!

– Это я тебя слушаю, Анатолий! Почему так получилось? Я тебя совершенно не понимаю, товарищ конструктор.

Голос в трубке звенел, губернатор негодовал, слова не подбирал.

– В чём дело, Александр Иванович?

– У тебя телевизор включён?

– Нет, а что?

– Почему ты без моего ведома и согласия тараторишь на весь мир о струнной дороге? Я не отнимаю у тебя право на авторство, но почему раньше времени об этом рассказывают журналисты? Открытие же завтра. Кому нужен вчерашний снег?

– Они уговорили меня снять сюжет сегодня, а завтра, когда вы приедете, отснять остальное и дать вечером в эфир. Они слово мне дали!

– Слово, слово! – гремел голос разозлённого генерала в мобильнике. – Ты что, не знаешь о продажных душах этих шелкопёров?!

– Извините, Александр Иванович, но я поверил им. Я просто…

Но Лебедь, обидевшись и высказав свою обиду, отключил телефон.

Ощущение было такое, что кто-то бросил в лицо мокрую тряпку, которой только что вытирали грязный пол. Чувствовал, как грязные струйки стекали по лицу. А виски начали колоть невидимые иголочки, вонзаясь всё глубже и глубже.

Видя перекошенное от внутренней боли лицо, Надежда подошла к нему:

– Что случилось, Толя?

– Телевизионщики на день раньше дали сюжет в эфир. А я им поверил, думал, что они честные люди. А сейчас позвонил Лебедь, отчитал по первое число. И правильно отчитал, я заслужил, чтобы он меня презирал.

Надежда молчала, боялась даже его успокаивать, чтобы не подлить масла в огонь.

Позже Лебедь приезжал на испытательный полигон, приезжал не один, а с олигархом Совменом – президентом ЗАО «Золотодобывающее предприятие «Полюс».

– Вот с ним будешь дальше иметь дело, – познакомил Александр Иванович генерального конструктора с Х. Совменом, – он заинтересован в твоей дороге.



Губернатор А. И. Лебедь (первый справа)
на полигоне СТЮ в г. Озёры, октябрь, 2001 г.

Совмен кратко ввёл Анатолия Юницкого в курс событий. Рассказал о том, что в 2001 году предприятие добыло тридцать тонн драгоценного металла. А в России всего добывают 132 тонны золота за год. Рассказал и о главной проблеме предприятия – перевозке больших масс породы. Эту задачу пока выполняют 32 мощных самосвала, стоимость каждого из них – несколько миллионов долларов. Работа и обслуживание дорог в экстремальных условиях Севера, прокладка новых дорог…

– Вот поэтому мы и обращаемся к вам за помощью, – подвёл итог своего разговора золотопромышленник. – Мы хотим заказать сравнительный экономический анализ. А если условия вашей фирмы окажутся предпочтительнее, мы поручим вам строить трассу не только до Москвы, а и в любую точку, пусть и самую отдалённую.

Только через три месяца Лебедь позвонил ему на мобильный телефон. Расспросил о делах, о жизни.

– Приезжай ко мне в гости, – неожиданно предложил губернатор. – У меня есть к тебе деловое предложение. Думаю, оно тебя заинтересует.

– Приеду. Обязательно.

По голосу Анатолий чувствовал, что обида у Лебедя прошла, говорил спокойным голосом, шутил.

А позже сказал, что был на приёме у Президента Путина и рассказал ему о струнной дороге. Добавил утвердительно в конце разговора, что струнный транспорт – будущее России. Путин пообещал вникнуть в суть проблемы, признался, что до этого не слышал о таком проекте.

В тот же день Президент вызвал к себе министра транспорта Франка, сказал, что у него был красноярский губернатор Лебедь и рассказал ему о струнных дорогах Анатолия Юницкого, что уже полным ходом идут испытания на полигоне.

– Впервые слышу, – ответил министр. – Разберусь, позже доложу вам, Владимир Владимирович.

Еще в 1997 году в Минске на международной конференции по Второму Критскому транспортному коридору Анатолий Юницкий рассказывал министрам транспорта Европы о струнном транспорте. Даже потом Франк подходил к Юницкому и говорил, что у его проекта огромная перспектива. Подходил также министр транспорта одной из европейских стран, обменялись визитками. Ему понравилась идея построить струнную дорогу по маршруту Лондон – Париж – Минск –Москва – Екатеринбург.

Это был первый этап. Второй – до Владивостока с ответвлениями на Сахалин, в Китай и на север, через Берингов пролив – в Канаду и США. Участники конференции поддержали проект Юницкого, все тогда единодушно захлопали в ладоши. В том числе и московский министр Франк. Под аплодисменты и было зачитано решение международной конференции:

«Рассмотреть возможность использования струнно-транспортной системы в качестве скоростной составляющей Критских транспортных коридоров».

Бюджет этих коридоров составлял на то время около двухсот миллиардов долларов. Тогда и деньги были, и возможность была взять их под проект. Но дальше решения конференции дело не пошло. Никто не занимался этим, не нашлось заинтересованного и преданного этой идее чиновника, и проект повис, как говорят, в воздухе.

Так что проект не был тайной за семью печатями. Тогда непонятно, почему Франк через четыре года не признался, что знает и Юницкого, и про его изобретение? Не хотел нагружать себя лишними проблемами и ушёл от решения вопроса? Наверное. Зачем связываться с сомнительными проектами, где трудно увидеть выгоду?

За одну ночь разыскали руководителей ОАО «НПК Юницкого». А утром к Юницкому приехала целая делегация из двадцати человек – представителей министерства транспорта. Был Насонов – первый заместитель министра, который на удивление активно поддержал творческий коллектив «струнников».

В тот же день вся делегация посмотрела действующую модель. После этого составили целую кучу протоколов и заключений, отдельно изложили восторженные отзывы, сложили их в одну папку.

Крепкие рукопожатия, пожелания успехов…

– Наконец-то сдвинулось с мёртвой точки, – удовлетворённо докладывал Александру Ивановичу генеральный конструктор. – Первый заместитель Насонов дал слово, что министерство поддержит нас и выделит деньги для строительства струнной дороги. Пообещал всяческую помощь.

Лебедь некоторое время молчал, а потом заметил:

– Обещают те, кто ничего не хочет делать. Что ж, поживём – увидим. Но я буду теребить их, спокойно жить не дам – Красноярску эта дорога необходима как воздух.

…А несколько месяцев спустя с Александром Ивановичем слу-

чилось несчастье. О трагедии узнал весь мир.

Для Анатолия Юницкого это была личная трагедия. Он гордился, что судьба свела его с этим замечательным и выдающимся человеком, и его уход из жизни больно отозвался в сердце.

Позже министерство транспорта совместно с губернатором Громовым утвердило постановление о создании рабочей группы по струнным дорогам, в которую включили ряд министров Московской области, а также генерального конструктора Анатолия Юницкого.

Но шло время, а группа так ни разу и не собралась. Не было неравнодушного толкателя вроде Александра Лебедя, и никто из группы не осмелился протрубить сбор, напомнить о решении, поставить вопрос ребром.

В министерстве не подписали подготовленные для оплаты документы, получалось, что все отказались от первоначального энтузиазма. Так и оборвалась надежда, словно лопнула струна невидимого музыкального инструмента, издав жалобный и грустный звук.

А когда приехал в Озёры Х. Совмен (был у него какой-то интерес в администрации города), повстречав Анатолия Юницкого, сказал:

– Понимаешь, я закупил более десяти «Катерпиллеров» – огромных самосвалов стоимостью каждый по три миллиона долларов, так что струнный транспорт нам уже как будто бы и не нужен.

Но опять же, если рассматривать это событие с точки зрения удачи или провала, то Анатолий Юницкий смотрит на всё оптимистично, с улыбкой:

– Неудача? Да что вы, наоборот! Благодаря Лебедю, его поддержке, финансовой и моральной, мы доказали всем и всему миру, что наш проект боеспособен. Он прошёл с успехом испытание, что засвидетельствовали представители министерства транспорта – а это главное! – убедились, что научно-техническая часть абсолютно верна и не имеет ошибок. Доказали, что мы умеем выполнять инженерные расчёты и создавать сложнейшие конструкции, готовить чертежи и документацию, строить любые конструкции в самые сжатые сроки, как в военное время.

Когда строгие проверяющие обмеряли данные – деформации, напряжения, устойчивость, то оказалось, что всё соответствовало проекту, и «детище» – СТЮ – отвечало самым строгим требованиям науки и техники. А неточности в 2-3 процента – так это же идеальный результат! В таких сложных строительных конструкциях меньше пяти процентов точности достичь очень сложно, почти

невозможно. Как и невозможно, например, изготовить на заводе идеальную стенку рельса-трубы толщиной в десять миллиметров. Её толщина будет либо девять, либо одиннадцать миллиметров. Разброс характеристик – толщин, модулей упругости материалов и других – более чем пять процентов. Поэтому мне так и хочется воскликнуть: «Так это же успех, друзья мои!..»

Кто-то может упрекнуть Анатолия Юницкого в том, что пока не получил продолжение его проект, его замысел воплотился только в виде полигона, которому будет скоро десять лет.

И тогда скептик услышит в ответ:

– А самолёт «Боинг» был создан сразу, с первого дня? Да нет, первый самолёт братьев Райт пролетел всего несколько секунд и рухнул на землю. Но отсчёт самолётостроения начинается именно с того дня, когда пилот потерпел будто бы неудачу. А он же доказал всему миру, что предмет, который тяжелее воздуха, смог оторваться от земли. Первые цельнометаллические самолёты, которые имели коммерческий успех, появились только через 15 лет. А тот же Форд? Авто созданы точь-в-точь, как он предложил? Первый экземпляр, изготовленный им в сарае, сломался через несколько сот метров. И его не приглашал тогда на приём президент Америки, а сегодня автомобили с маркой «Форд» завоевали весь мир.

Так и струнные дороги. Доказано, что они имеют право на существование? Доказано. А время для их строительства придёт, обязательно придёт. Жаль только, что с большим опозданием.

Но это уже не от нас зависит…

Часть четвёртая

Проучил доминошников

Анатолию пятнадцать лет. Все мальчишки в этом возрасте проходят медкомиссию – военкоматы обязывали медиков проводить в школе медицинские осмотры.

Женщина долго вслушивалась в сердце Юницкого, прикладывала эндоскоп то к груди, то к спине, вынесла вердикт:

– Сердечко слабое, думаю, что порок сердца. Недостаточность митрального клапана. В больницу его надо положить.

Так Анатолий попал в Никольскую городскую больницу, что недалеко от Джезказгана.

Палата, в которую положили Толю, находилась напротив холла, посередине него стоял металлический стол. На нём любители домино устраивали свои баталии, то и дело от них доносились слова «рыба», «козёл» и многие другие, режущие ухо.

На них прикрикивали, грозились пожаловаться врачу, но ничего не помогало – каждый вечер садились за стол азартные игроки, и всё начиналось снова.

Двери в холл были всегда открыты, потому что палата была маленькая и свежего воздуха не хватало. Поэтому щёлканье костяшками о металлическую поверхность, полуцензурные и даже нецензурные восклицания игроков беспрепятственно залетали в палату через открытые двери. Играли допоздна, когда больные уже ложились спать.

А Толя Юницкий набрал ворох журналов и книг, время даром не терял. Он в это время «осваивал космические просторы», строил ракеты, придумывал топливо для межпланетных кораблей, не зная, что в далёкой Америке этим занимался, и успешно, второй белорус – Борис Кит. На изобретённом им топливе и полетели в - космос первые космонавты США.

«Придётся вас проучить, – подумал о доминошниках, – потому что простых слов вы не понимаете…»

Анатолий к этому времени пиротехнику освоил в совершенстве. Кое-что и сам изобрёл. Все необходимые компоненты для самодельного безоболочечного устройства, как сейчас бы сказали, были в любой аптеке. Да их и немного – два компонента. Толя решил изготовить «бомбу». Ну не бомбу, и даже не бомбочку, а так, размером с небольшую горошину. Конечно, ненастоящую, но со взрывным эффектом и без осколков, чтобы никому не навредить. Смысл заключался в следующем. Игроки клали костяшки не на голый стол, а всегда подстилали газету. На этом и решил сыграть Толик. Он оставил между листами газеты несколько капель изготовленного раствора. Потом дал высохнуть каплям. Полученный сухой остаток взрывается от малейшего прикосновения, даже если сядет муха, поэтому детонатор не нужен. За час до того, как доминошники должны были сесть за стол, всё было готово.

Предполагалось, что когда игроки начнут стучать костяшками, от первого же удара по поверхности стола и произойдёт маленький взрыв. Небольшой такой взрывчик, безобидный, никто от него не пострадает, но он должен был напугать «козлятников»… Таким вот способом решил пиротехник отучить их от полуночных

посиделок.

Но в тот вечер почему-то играть они не стали. Не было, наверное, настроения. Посидели, поговорили, стали расходиться. Но самый главный заводила – грузный человек, лысый, в очках, взял со стола газету почитать. Идя по коридору, он развернул её, начал бегло смотреть на заголовки и фотографии.

Сзади него шла медсестра с подносом – лекарства, бутылочки с раствором. Разносила по палатам.

Когда доминошник листал на ходу газету, видимо, коснулся пальцем пиротехнической начинки. И в тот же момент раздался громкий хлопок – в газете образовалась большая дыра. Доминошник был сердечник, как и все, кто лежал в кардиологии, и среагировал соответствующим образом: тут же упал на пол, потеряв сознание. Медсестра от испуга выронила поднос и на пол полетели, разбиваясь, бутылочки, скляночки.

– Убили! – закричала она. – Убили человека!

Больные, ничего не понимая, выскочили в коридор. Тут же к упавшему доминошнику поспешил дежурный врач – женщина. Она осмотрела его, сделала укол.

Дошло до главного врача. Как-то вычислили, что это мог сделать только Юницкий. Разговор происходил один на один.

– Ты понимаешь, чем это пахнет? – спрашивал у больного Юницкого главный врач. – Мало того, что я тебя раньше времени выпишу из больницы, так ещё и милиция может завести уголовное дело – дело о взрыве и усугублении состояния здоровья больного.

Юницкий вздохнул:

– Я не думал, что так получится… Я не для него персонально подготовил хлопушку.

– А для кого?

– Для доминошников, которые не давали отдыхать больным. Все больные на них жаловались, а они не реагировали.

Главврач неожиданно улыбнулся:

– И ты их хотел проучить?

– Да.

– Ну у тебя и методы... Партизанские какие-то. Тебя бы в бригаду подрывников во время войны – не один десяток немецких эшелонов пустил бы под откос.

На том и закончился разговор.

Но после этого за стол никто из доминошников не садился.

А Анатолия Юницкого, как и грозился главный медик больни-

цы, выписали раньше времени. Так и пошёл служить в армию «пиротехник», не зная, в самом деле у него порок сердца или врачи «сделали» его здоровым, наказав его в свою очередь за «подрывное дело» в больнице…

Шутки с хлопушками не прекращались и в армии.

Когда надоело лежать в госпитале из-за сыпи на ногах, а служил он на Дальнем Востоке, и его не хотели выписывать, он сделал так, что у уборщицы ни с того ни с сего загорелась вода в ведре. Она испуганно кричала на весь госпиталь.

Или когда поступали в индустриальный институт в Тюмени… Собрались из разных мест ребята, познакомились. Спали в школе на матрасах, брошенных на пол. Все уже считали себя взрослыми – курили почти все. Денег ни у кого не было, а курить всем хочется.

Нашёлся один «стрелок», который «стрелял» у всех сигареты «на халяву». День «стрелял», два, три…

Анатолий решил проучить его. И всем сказал об этом. Для этого специально купил пачку сигарет. А в аптеке приобрёл несколько безобидных лекарств.

Зашёл вечером Николай Анисимов – так звали «стрелка», поинтересовался:

– Ребята, нет ли у вас сигаретки?

Анатолий показал пальцем на тумбочку:

– Есть. Возьми сам, вставать лень.

Обрадованный «халявщик» направился к тумбочке. Взял в руки распечатанную пачку, начал вытаскивать из неё сигарету… И в этот момент раздался оглушительный хлопок – пачка разлетелась на мелкие кусочки. Руки окровавлены, сам трясётся от испуга.

Все смеялись, глядя на него, говорили:

– Николай, возьми и у меня пачку на тумбочке!

Анисимов бросился сразу же в травмпункт, чтобы остановить кровотечение, забинтовать раны. Когда медик осмотрел руки, сказал, что их перевязывать не надо – на руках была не кровь, а йод. И ожога не было. Ни одной царапины. Было только временное онемение кожи из-за резкого удара.

С того момента Анисимов не только перестал просить у своих товарищей курево, но и вовсе отказался от этой вредной привычки.

Ещё эпизод, связанный со взрывчатыми веществами…

Это когда жили в Никольском, в Казахстане. С новым другом Юрой лазали по карьерам, искали невзорвавшиеся заряды, ссыпали из мешков остатки взрывчатки, оставленной взрывниками. Когда взрывают тонны взрывчатки, всегда можно насобирать кило-

грамм.

Мешал жителям огромный камень, который лежал у самой дороги. Попросили Анатолия применить свои способности. Он рассчитал, какой силы должна быть взрывчатка, и подорвал камень. Раздробил его на несколько частей. Потом научился делать направленные взрывы и мог обвалить целую скалу в заброшенном карьере.

Толина мать попросила ребят утопить котёнка – родился с травмой, и было видно, что не жилец он, никто не возьмёт на воспитание. Толя взял котёнка, и ребята пошли в карьер. Толя мыслил так: всё равно ему погибать, так какая разница – утонуть или подорваться.

Посадили его рядом со взрывчаткой, сами отбежали и спрятались за валуном.

Послышался взрыв. Когда подбежали к месту, где находился котёнок, ничего не увидели, кроме воронки.

Что-то больно пронзило сердце. Понял, что поступил жестоко. Тот котёнок не раз приходил к нему во сне, жалобно мяукал… Он не мог себе простить того жестокого случая, горько сожалел о случившемся.

После того он никогда не занимался такими глупостями, навсегда выбросил из головы даже мысли о настоящей взрывчатке. И никогда больше не возникало желание что-то соорудить, изготовить, тем более если это касалось жизни самого безобидного существа.

Котёнок своей неизбежной смертью отучил его от безобидных, на первый взгляд, занятий, заставил задуматься над тем, для чего он использует свои знания и умения. Конечно же, не во вред самому себе и другим живым существам.

…Детско-юношеские шалости закончились, он перешёл на другие ступени взрослой жизни, с каждым разом приближаясь к вершинам изобретательства.

«…Нет ничего случайного в этом мире», – утверждал и утверждает всегда Анатолий Юницкий. Сложилась бы иначе жизнь у отца – никогда бы он не попал в Брагинский район, а в то время – Комаринский район Полесской области. Не встретил бы в Крюках Юлию, в которую влюбился, которая стала его женой. И не родился бы он, Анатолий.

Не забыть ему рассказы матери, как было трудно в военное время.

– Не раз сжигали фашисты нашу деревню, – вспоминала мать, – а мы прятались в болотах, куда не могли зайти немцы, иногда сиде-

ли там неделями. Жили в куренях – выкопанных в земле углублениях, накрытых сверху ветками ели или сосны. После войны не до учёбы было – я за старшую в семье, а нас всех пятеро. Поэтому всего четыре класса и проучилась в школе. Эдуард, твой отец, потом помог определить моих младших в детдом, они все пошли на государственное обеспечение.

Когда невыносимо стало жить в затерянных среди болот Крюках, мать решила поехать к своей младшей сестре Лене, на Украину, в Донбасс. Там Анатолий и пошёл в первый класс.

Мать стала шахтёром. Рано утром уходила в забой.

Анатолий вспоминает, как она, боясь, что он может проспать, оставляла его, первоклассника, у закрытых дверей школы за час до того, как она откроется, так как смена в шахте начиналась в семь утра. Зимой мороз пробирал до костей, и потом он долго не мог согреться.

Мамину сестру почти ежедневно избивал муж. Она, однажды не выдержав побоев и унижения, повесилась. Тогда он впервые увидел мёртвого человека, да ещё свою родную тётю.

Но жить стало ещё труднее, и мать приняла решение вернуться в Крюки.

…Снова Крюки.

Потом, через несколько лет, снова уехали из Крюков – уже поехали в Казахстан к другой сестре. Стало совсем невыносимо жить в Крюках. Это был 1962 год, Анатолий учился в седьмом классе, сестра Тамара – в четвёртом. Матери нужно было одной поднимать двоих детей, но как это сделать, если в конце трудового года ей объявляют, что она должна колхозу, а не колхоз ей, и семье просто не на что жить.

За три года до этого Людмила, вторая младшая сестра матери, уехала в Казахстан поднимать целину. Тогда многие там искали своего счастья, много белорусов оказалось на степных просторах. Привлекало то, что хлеба там было всегда вдоволь.

Люда неудачно вышла замуж, развелась. Снова вышла замуж – за Михаила. Жили в Никольском, который потом переименовали в Сатпаев. Жили вместе в двухкомнатной квартире.

Потом матери, когда она устроилась кочегаром в котельную, предприятие выделило комнату в общежитии…

Монолог Анатолия Юницкого

Детство моё прошло среди болот и лесов, где было полно змей, грибов и ягод, птиц и животных. Мы бегали босиком от ранней весны до глубокой осени. Мы с Тамарой чувствовали себя одинаково прекрасно в поле и на реке, в лесу и на болоте. Собирали чернику и малину, смородину и ежевику, а без «тихой охоты» – сбора грибов – не представляли свою жизнь.

Если отец из Крушников добрался до Ташкента и Ашхабада, то мы из Крюков поехали на целину – к сестре. Жизнь была не то чтобы тяжёлой, а невыносимо тяжёлой. Младшая сестра матери устроилась на работу и написала маме письмо, что можно приехать к ней. А жила она под Джезказганом – город Никольский, на расстоянии двухсот километров от Байконура. И вот мать с двумя детьми решила поехать туда.

Запомнилось… Мы сидим в летнем кинотеатре, смотрим какой-то фильм. Уже темно. И видим: слева от огромного экрана устремляется в небо горящая свеча. Она поднимается всё выше и выше и потом уже исчезает из поля зрения. Все знают – свершился очередной полёт ракеты с Байконура. Об этом заранее не пишут в газетах, а на следующий день об этом будет знать весь мир.

Перед этим стояла страшная жара, за несколько месяцев не выпало ни капли дождя. И когда закончился фильм, все зрители стали расходиться по домам. И тут неожиданно на землю обрушивается такой дождь, даже ливень, что ничего не видно. Дороги сразу же превратились в месиво, и трудно вытащить ноги из вязкой глины.

Я сразу же связал полёт ракеты с приходом ливня. Подумал, что это не благо, хотя все радуются, когда идёт дождь. Тот дождь был ненатуральный, он был искусственный, вызванный тем, что ракета разорвала озоновую оболочку, нанеся вред космосу. Я брёл домой по колено в воде. Это было всё неестественно, против самой природы.

Прочитав в который раз Циолковского, понял одно: каждый полёт ракеты создаёт такие необратимые процессы и проблемы, которые не поддаются никакому осмыслению. В первую очередь, экологические проблемы – разрушение озонового слоя.

В это самое время я увлекался моделированием. Строил ракеты, сам изобрёл дымный порох, опять же из того, что продаётся в аптеках и хозяйственном магазине. Научился изготавливать реактивные двигатели. Уже научился строить трёхступенчатую ракету. В третий отсек посадил мышку с парашютом. Ракета поднималась

очень высоко, её нельзя было увидеть невооружённым глазом, только в бинокль. Когда отделялась третья ступень, мышка с парашютом опускалась на землю. Куда падал парашют, нам было хорошо видно, и мы с друзьями бежали туда, чтобы увидеть, что стало с мышью. Она была жива и здорова. Если с Байконура запускали Белку и Стрелку, то мы запускали Мышь. И она для нас была первым космонавтом.

Это я демонстрировал в школе. Директор школы Ким вручал мне «Похвальную грамоту» за то, что успешно моделировал ракеты и космодром и запустил «в космос» действующую модель с живым существом. А позже наградили грамотой областного управления народного образования – за творческие успехи в области ракетного моделирования и за первое место в области за действующий космодром.

Школу закончил в Сатпаеве и поехал поступать в институт в Тюмень. Но учиться там расхотелось, и я пошёл работать. Был сантехником, сдал на третий разряд. Не понравилась работа, пошёл в геофизическую экспедицию. Работал рядом с Байконуром, даже на закрытой территории площадью в тысячи квадратных километров. Увидел там такое количество обломков ракет, валялись целые корпуса и блоки, что в голове не укладывалось, сколько было уничтожено дорогостоящего металла. Я знал уже, что это отваливались первые ступени и падали на землю. Узнал ещё, насколько опасны для человека те ракеты, особенно топливо в них, два миллиграмма могут убить человека. Это во много раз ядовитее, чем цианистый калий.

Запуская в детстве свои ракеты в космос, получая за это «Похвальные грамоты», зная опасность, которая исходит от топлива настоящих ракет, я задумался вот о чём: а нет ли какого-нибудь другого способа полёта в космос, кроме ракеты. Полететь в космос, но не при помощи ракеты. Тогда при помощи чего? И эта мысль мне сверлила голову на протяжении многих лет. Спать не давала, будоражила, заставляла искать новые пути.

Зуд изобретательства не давал мне покоя. Мне хотелось всё и везде модер-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЛКСМ

ГРАМОТА

ДЖЕЗКАЗГАНСКИЙ ГК ЛКСМ
НАГРАЖДАЕТ УЧЕНИКА 10 КЛАССА
СШ 3 ЮНИЦКОГО, ЗАНЯВШЕГО ПЕРВОЕ
МЕСТО НА ГОРОДСКОЙ ВЫСТАВКЕ
ДЕТСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО И ИЗОБРА-
ЗИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА УЧАЩИХСЯ
ЗА 1965 ГОД,ЗА ДЕЙСТВУЮЩУЮ МОДЕЛЬ
-РАКЕТОДРОМ.

СЕКРЕТАРЬ ГК ЛКСМ: [illegible]ОНОВ.

22/I-66г. г.Джезказга

низировать, вносить рацпредложения, создавать изобретения, делать расчёты и экономические выкладки. Это я потом назову – путь к Изобретательству.

Решил снова податься в Тюмень. Туда многие стремились. Там нефтедобыча, там шло строительство новых городов, селений. Идя по улице, наткнулся на вывеску – «Тюменский индустриальный институт». Решил поступать. Но на какой факультет? Выбрал тот, где был самый малый конкурс, меньше одного человека на место, – «Автомобильные дороги». Я не собирался поступать, поэтому и не готовился. Была надежда на то, что в школе учился хорошо, в совершенстве знал математику, физику, химию. Не любил только историю, где нужно было запоминать даты и события, а память у меня на эти вещи была слабая. Учился в школе, выводя свои формулы. С Эйнштейном я был на «ты» – о нём знал почти всё, если не всё. Его формула – основа мироздания – и вела меня всю жизнь. Каждый свой шаг я сверял с формулой жизни – желание, энергия, результат.

И неожиданно для себя сразу поступил. Потом понял, что сделал правильный выбор, что это меня Господь за руку водил по лабиринтам моей сложной жизни, заставил переступить порог института. А приехал в Тюмень как будто случайно. Опять же – случайная закономерность.

Череда закономерностей продолжалась.

Во-первых, город Тюмень на то время – шестьдесят седьмой год – был огромным индустриальным и интеллектуальным явлением. Потому что со всего Советского Союза туда съезжалась молодёжь, зная, что там можно найти достойную работу. Да и преподаватели в институте все были молодые, энергичные, инициативные, с новыми идеями, новыми методами преподавания. Действительно, старые догмы ломались, а предлагались новые.

Если человек имел мозги, хотел достичь интеллектуальных высот, приобрести знания, ему помогали в этом сами педагоги, подталкивая к эксперименту, изобретательству, нестандартному мышлению.

Я получил тогда такой уровень образования, что и московским вузам было далеко до Тюмени.

Во-вторых, мне повезло в том, что, сам не подозревая, я выбрал делом всей своей жизни транспорт. Ракеты – это тоже транспорт. Космический транспорт.

В институте, когда начал изучать высшую математику, строительную механику, сопромат, начерталку, которые очень любил, ре-



Анатолий Юницкий со школьными друзьями-одноклассниками. Второй справа – лучший друг Саша Скавыш. 10-й класс

шал в уме уравнения и инте-гралы, потом звали меня, когда увидели, на что я способен, на кафедры математики и физики, гидравлики, автомобильных дорог.

Я отказался. Не моё это было – преподавательская работа.

Более того, я вообще надумал бросить институт.

Преподаватель Семёнов, кандидат наук, хотя ему было только 28 лет, с которым мы подружились, друг в друге, как говорят, души не чаяли, набросился на меня:

– Да ты что, в своём уме – такой институт бросить?! Ну, сплавай на плоту по речке, выбей из себя всю блажь и дурь и возвращайся. Ты нужен институту.

Я остался. Правда, не плавал на плоту, само прошло.

И сегодня благодарен Александру Семёнову, что отговорил меня бросить институт. Я закончил его успешно и горжусь этим.

Начал после этого всерьёз заниматься проблемами транспорта и дорогами. К этому меня уже обязывала моя специальность – инженер путей сообщения. Но увлечение космосом не угасало, наоборот, приобретало притягательность и серьёзность. Из мальчишки, который запускал в небо самодельные ракеты, я превратился в изобретателя сложнейших конструкций будущих летательных аппаратов. Увлечение и хобби переросло в главное дело моей жизни.

Проанализировав строение ракеты, поняв, что это такое, пришёл к удивительному открытию. Ракета? Поднялась в космос? Ну и что? Сколько она груза доставила? Много? Как много, если коэффициент её полезного действия менее одного процента! Это же абсолютно невыгодно с точки зрения экономики. И ракету при этом называют самой совершенной техникой?!



Юлия Степановна провожает Анатолия после каникул на учёбу в Тюмень. Вокзал, г. Джезгазган

И та мощь в виде струи газа с температурой 4–5 тысяч градусов, со скоростью истечения четыре километра в секунду, тогда как скорость пули 600–800 метров в секунду, и всё это выбрасывается в самые уязвимые верхние слои земной атмосферы. Выбрасываются высокотоксичные вещества, убивающие всё живое. Убивается озоновый слой, который служит щитом для земного шара, оберегает его от гибели. От озонового слоя рождается на земле погода: разумно чередуются жара и холод, дождь и снег, от чего хлебороб получает урожай хлеба, не скачет у людей артериальное давление, ровно бьётся сердце. В хороших условиях человек должен жить более ста лет, не иметь болезней. А так получается, что человек ещё не родился, а уже больной. Озоновый слой для планеты, как кожа для человека.

Один старт ракеты делает озоновую дыру размером с Францию. Посчитайте количество запусков, посчитайте, сколько раз исчезает с лица земли эта страна! Да наверное, сотни «франций».

Поэтому, чтобы как-то успокоить и как-то предостеречь, и придумали синоптики «сатанинские дни», «благоприятные и неблагоприятные периоды», «возмущение природы», «действие магнитных полей». Вы уничтожаете озоновый слой, а нам твердите, что «виновато солнце», другие факторы.

Господа! И вы хвалитесь и кичитесь своими достижениями?! Я как инженер путей сообщения утверждаю, что ваш путь выхода в космос губителен для планеты и для всех живущих на ней! Пока вы научитесь что-то там делать, построите станции и города с завода-



На квартире у хозяйки с однокурсниками, 12 февраля 1970 г.

ми и фабриками, на земле человеку от ваших действий не будет чем дышать, не будет что пить, есть…

Вы на земле сначала создайте условия для жизни человека, а потом хоть на Марс, хоть на Юпитер летите, но не бросайте только на наши головы сотни и тысячи тонн токсических веществ!

Когда учился в институте, очень увлекался фантастикой и сказками, приключениями барона Мюнхгаузена. А придумал его приключения немецкий писатель Э. Распе. Выдернуть себя из болота, таща за волосы, на ядре летать – фантастика или реальность, большая глупость или намёк на что-то?

И я неожиданно наткнулся у барона на две идеи, вплотную связанные с космосом. Вы улыбнётесь? И я вместе с вами.

Первая идея: когда он спускался с луны по лиане. Помните? Но это же идея Циолковского на самом деле. И лифт в космос – Арцутанов. А потом Артур Кларк, с которым я переписывался, написал книгу «Фонтаны рая», в которой он описывал эти идеи.

В космос можно подниматься не на вредной ракете, а при помощи лифта. Фантастика? Нет. Смею утверждать, что нет. Эти идеи есть и у Циолковского. Сейчас этим проектом заинтересовалось даже НАСА, решили эту идею проработать на инженерном

уровне.

А вторая идея… Она лучше, чем лиана-верёвка. Верёвку нужно отрезать, привязывать, стачивать. А барон попал в беду – угодил в болото. В его распоряжении не было ни подъёмных кранов, ни вертолётов, которые, зацепив его крюком, подняли бы над землёй. И поэтому он сам к себе пришёл на помощь. Каким образом? Взяв себя за волосы, вытащил самого себя из болота. Глупость, конечно, скажете вы. И я соглашусь с вами. Но… с одной оговоркой.

Идея эта хороша тем, что, понимая проблемы экологии, более чистого вида транспорта нельзя найти. Его рука – это тот же транспорт. Он не опирался ни на воздух, ни на землю, ни на реактивную струю, ни на магнитное поле – он никак не взаимодействовал с окружающей средой. Источник энергии и движитель держал внутри самого себя.

И тогда я задал себе вопрос: «А можно ли изобрести космический транспорт по принципу барона Мюнхгаузена? Чтобы вот так же поднять самого себя на орбиту?» Я нашёл решение этой проблемы. Что удивительно, это решение не противоречило законам механики и физики.

Барон нарушил только один закон, который гласит, что за счёт внутренних сил системы нельзя переместить центр масс системы в пространстве. А он пытался за счёт внутренних сил поднять центр массы системы «Барон – Конь» над болотом. Плохо физику в школе учил барон. А может, вообще не учил?

Решение задачи лежит на поверхности – раз нельзя переместить центр масс, то пусть он остаётся на месте. И этот центр масс должен совпадать с центром масс Земли, иначе равновесия не будет ни в статике, ни в динамике. Техническое решение здесь одноединственное – транспортное средство дожно быть в виде кольца, охватывающего планету.

А подниматься это кольцо в космос должно за счёт увеличения диаметра, причём диаметр необходимо увеличивать за счёт внутренних сил. Центр масс этого кольца всегда будет находиться в центре планеты.

Моё решение затем вылилось в научные статьи, монографии. К настоящему времени Общепланетное транспортное средство проработано на инженерном уровне, для чего понадобились сотни дополнительных изобретений. Это будет самое сложное инженерное сооружение на планете. Намного сложнее ракеты вместе с кос-

модромом. Но так и природа развивается – от простого к сложному. Человек потому и человек, что он намного сложнее амёбы, от которой, собственно, и произошёл. Впрочем, не это важно. Важнее технико-экономические преимущества, так как ОТС должно служить людям.

Главные преимущества, разумеется, в сравнении с ракетой:

во-первых, повышается энергетический КПД транспортной системы примерно в сто раз;

во-вторых, производительность системы (количество доставляемых на космическую орбиту пассажиров и грузов в течение одного года) может быть выше в миллион раз;

в-третьих, себестоимость перевозок снижается примерно в тысячу раз;

в-четвёртых, воздействие на экологию планеты и биосферу ниже в миллион раз (при одинаковом грузопотоке), никаких токсических выбросов в атмосферу, никаких загрязнений, в том числе электромагнитных.

При этом не нарушается ни один закон физики! Это не противоречит технике, имеет инженерные решения, реализуемые на современном уровне научного развития.

Потом меня приняли в члены Федерации космонавтики СССР. После этого была проведена в Гомеле в апреле 1988 года Международная конференция по проблемам индустриального освоения космоса. Это когда я работал в Гомеле. Тогда я собрал более пятисот человек, пригласил двух космонавтов – Волка и Александрова. В то время Игорь Волк готовился к полёту на советском «Шаттле» – «Буране».

О «Буране» он тогда отозвался крайне отрицательно, говорил, что на нём нельзя летать в космос, хотя сам являлся руководителем центра подготовки к полётам на том виде транспорта. Он, будучи космонавтом, не одобрял и не поддерживал целесообразность этого вида космического транспорта. Приводил пример, когда происходила посадка, он чувствовал, что «Буран» садится с отклонениями, хочется поправить, скорректировать, а на нём даже нет ручного управления. Тренировался он тогда на имитаторе «Бурана», который переделали из самолёта ТУ-154. Тренировки проходили и в Минске, нужно было больше десяти раз за ночь взлететь и сесть на специально построенную полосу. Игорь предлагал мне «покататься», но я отказался, так как мой вестибулярный аппарат вряд ли выдержал бы такое. И много чего другого он приводил в каче-

стве примера, как несовершенна та космическая «посудина»…

Когда «Буран» входил в плотные слои атмосферы, то от большого перегрева (более полутора тысяч градусов) и нагрузок отваливалась термозащитная плитка – не выдерживала. Где плитка отваливалась, там прогорала конструкция. Просто повезло, что в эти прогары не попали ответственные узлы. По той же причине и сгорел аналогичный американский корабль, он просто развалился на части, сгорая в атмосфере, как незащищённый метеорит.

Анализируя сначала детские увлечения, потом взрослые, когда уже осознанно начал заниматься созданием космического транспорта, когда учился в институте, пришёл к выводу: всё это привело меня к тому, чем я и занимаюсь сегодня, к изобретательству.

Тетрадь Казимира Семеновича, которую подарил Юницкому первый изобретатель ракеты

Реактивный снаряд ещё задолго до нас изобрели китайцы. Так же, как и порох, который потом распространился по всему миру.

О, мой противоречивый, ласковый и жестокий, умный и непросвещённый XVII век! В нём всё сплелось и распалось, родилось и сгорело, ушло в небытие и возродилось.

Огонь для человечества – и добро, и зло. Мрачно и жестоко вошёл в этот мир мой XVII век! Я всю свою жизнь посвящу огню, а на нём в самом начале столетия сожгли величайшего человека планеты – Джордано Бруно. И Господь Бог не уберёг его от костра, хотя Бруно и доказывал, что мы – творение Божье.

Парадокс – он сгорел, а я в это время (а может, и одновременно) родился на своей Витебщине.

Мучила меня ракета, покоя не давала, в снах моих возникала, словно образ моей любимой Барбары. Трудно изложить словами мой труд, так как ещё бедно правописание, трудное для изложения своих мыслей – как душевных, тайных, так и открытых для всех, научных и филологических направлений. Поэтому в дополнение ко всему я нарисовал, начертил, заштриховал, чтобы понятно было лю-

бому, даже непросвещённому. Но в первую очередь я хотел донести тому человеку, который имел ум пытливый и смелый, – инженеру. Это как книга для детей. Сказочка интересная, но как же она может существовать без картинок? Так и здесь. Я всё изложил в подробностях.

Все помешались на этих ракетах. Правда, не столько на ракетах, сколько на том, что огонь «может прыгать, взлетать, плавать по воде, изображать в небе живые гирлянды цветов, ожерелий, орнаментов».

У китайцев бамбук улетал в небо. Они отверстие заполняли порохом, подмешивали ещё компоненты, чтобы «полено» не взорвалось, а, отталкиваясь от земли пороховым огнём, устремилось в небо.

«Агонь вяртае сваю сілу, калі выцякае і з вялікай магутнасцю кідае ракету...» Я ещё в душе и поэт, потому что влюблённый, и только для неё создаю всё то, чем богат мой ум и воображение моё. И я пишу на своём, литвинском языке, потому что с молоком матери впитал его и считаю, что прекраснее его нет на свете. И так будут говорить и после меня великие люди, которые оставят память о себе будущим поколениям.

«Огонь возвращает свою силу, если вытекает и с огромной мощностью бросает ракету...»

Я сказал об огне, что он, огонь, и есть движущая сила, заставляющая ракету взлететь. А это – реактивная тяга и реактивная сила. В моё время такой терминологии не было, это после меня будут так говорить. А о «сіле, якая выцякае з вялікай магутнасцю...» – это своего рода формула, поэтическая формула, расшифровывающая отталкивание от чего-то ракеты. Знаю, не сразу разберутся учёные головы, что это за формула, спишут на мои поэтические потуги. А потом, неожиданно увидев в ней истинный смысл, начнут проверять на практике.

Все считают почему-то, что ракета может летать только в воздушных слоях атмосферы. И очень глубоко ошибаются. Да, вначале она отталкивается от земли, «встаёт на ноги», а потом, войдя в те слои, где нет воздуха, что случается с ракетой? Падает на землю, потому что имеет силу притяжения?

Да нет, дорогие мои, совсем нет. Я запускал свою ракету в безвоздушное пространство, и она летела дальше, не падала. Забыв о моей доказанной истине, найдутся «первооткрыватели», которые будут утверждать, что это только к ним пришло это откровение. Да ладно, я не обижусь, если затеряюсь, как маленькая

звёздочка в огромном созвездии Вселенной. Одни звёзды сгорают, исчезают из памяти людской, другие рождаются вновь.

И потому напишут вашим, современным языком, литвинским или русинским, что «возникающая при сгорании топлива реактивная тяга создает реактивную силу, которая-то и «толкает» ракету. «Толкание», «отдача» не есть результат отталкивания от воздуха, а только действие струи газа.

Я предвижу и вижу моих последователей. Когда молодому поколению изобретателей и начинающим инженерам ракетно-космической техники будут показывать мой чертёж, и поинтересуются, кто же автор, назовут имена Кибальчича или Циолковского, Вернера фон Брауна.

Фейерверки окрашивали небо над многими городами европейских стран, даже в России. Они радовали глаз Наполеона и Петра I. Но их глаза видели и мои труды по построению ракет, и, как говорили их современники, они удивлялись и восхищались «открытию века артиллерии мелкого шляхтича Казимира Семеновича», каждый из них представлял и мечтал, как под их мудрым руководством будут палить пушки в неприятеля…

Меня разделили на отдельные части. Я принадлежу каждой стране в отдельности. Могу сказать, что я поляк, и это будет правдой. Я подолгу работал в Нидерландах, Италии, Франции, Бельгии, Литве. Везде меня будут почитать, но только не на своей родине. «Нет пророка в Отечестве своём?» И обо мне так сказано, что поделаешь, судьба такая, рок такой.

Это, наверное, потому, что я был врагом для Московии.

Речь Посполитая, в которую входит и моя Литва, воюет с Российским государством. Сложились так обстоятельства. Вопрос о войне решал сам царь Алексей Михайлович, и патриарх Никон благословил царя на это «богоудобное предприятие». Богдану Хмельницкому было сообщено, что царь согласен взять Украину под свою «высокую руку».

Воеводы близлежащих к Литве – Беларуси – городов через своих шпиков и агентов-информаторов, а главным среди них был дьяк и царский гонец Георгий Кунаков, собирали подробные сведения о внутреннем положении Великого княжества Литовского. И все эти сведения докладывались непосредственно царю.

Открыто проявлять агрессию царь опасался. Нужно было дипломатически замаскировать её, придать вид справедливой миссии, вроде спасти «люд литвинский от западной агрессии». Но тем временем набирали добровольцев в армию даже из стран Европы. На-

бирали стрельцов, закупали мушкеты и карабины. В Голландию был направлен капитан фон Керн-Говен для набора мастеров-оружейников, туда же отправился и подьячий Головин. Он закупил 20 тысяч мушкетов и 30 тысяч пудов пороха и олова. Из Германии везли «ружья, и шпаги, и латы». Австрийскому императору Фердинанду III царь писал: «И если Ян Казимир король станет у вас или у курфюрстов просить против нас помощи, то вы бы ратных людей и никакой помощи ему не давали».

А в обращении к герцогу курляндскому царь писал, что он вовсе не виноват, что его спровоцировали на войну, просил ни в чём не поддерживать Речи Посполитой, обещал свою приверженность к Курляндии. К середине мая 1654 года подготовка к агрессии была полностью завершена.

Численность царского войска, которое двинуло на Беларусь, очень удивило властителей соседних держав. Якуб Кетлер, курляндский герцог, писал, что «подобного войска никто никогда не имел».

К сожалению, Великое княжество Литовское не владело такой военной силой, чтобы выставить её для сражения. В его распоряжении было не более 12 тысяч ратников, чтобы противостоять казакам Богдана Хмельницкого.

Януш Радзивилл одобряет в Берестье каштарис на 15 тысяч воинов. Московские шпионы, которых удалось изловить, признались, что первый удар царь хочет нанести Смоленску, а потом Полоцку и Витебску.

Так я попал, чему был безмятежно рад, под покровительство Януша Радзивилла. Так стал я артиллеристом, потому что артиллерия стала главным делом в моей жизни.

Артиллерия, но не война. Я ненавижу войну, потому что это смерть и кровь.

Под Смоленском в это время, а в разгаре было лето, уже стояла вся царская армия. На подходе к самому городу у реки Колодно её передовой полк был неожиданно атакован. Оказалось, что это полковник Корф, стремясь сдержать двигающуюся царскую лавину, вывел из Смоленска четыреста конных и двести пеших воинов. Но, потеряв несколько десятков своих смельчаков, вынужден был вернуться опять за стены крепости.

Но уже на следующий день полк воеводы Одоевского укрепился обозом на берегу Днепра – под самым Смоленском. А через два дня около города была размещена царская ставка, а потом перемещена и ещё ближе – на Девичью гору. Всё теснее и теснее сжималось кольцо окружения.

Палатка Виленского воеводы и Великого Гетмана Януша Радзивилла находилась с нами совсем рядом. Со своими помощниками решал, кого отправить в царский стан с дипломатической миссией. Мы слышали возбуждённые голоса, споры. Он несколько дней назад получил наконец-то от короля на Варшавском сойме булаву Великого Гетмана, поэтому был полон решимости действовать, решил «Литву боронить».

И уже когда переговоры зашли в тупик (никто не вызвался добровольно идти в штаб царя и отдать ему петицию от Великого Гетмана), я не выдержал, пошёл к палатке. На пороге меня остановил часовой, и я сказал ему:

– Я с донесением к Янушу Радзивиллу.

А когда зашёл вовнутрь, на меня удивлённо посмотрели военные начальники, спрашивая взглядом, кто я и почему осмелился без предупреждения зайти в ставку.

– Великий Гетман Януш Радзивилл, прошу простить, что прервал вашу беседу, но я пришёл, чтобы известить вас, что знаю, как доставить ваше послание Алексею Михайловичу.

Он нахмурился, переглянулся со своими стратегами, бросил на меня испытующий взгляд:

– Это каким же образом?

– Я доставлю послание по воздуху.

Ещё больше нахмурился Януш, но и ещё с большим интересом впился в меня глазами.

– По воздуху, Великий Гетман, и привяжем петицию на шею мыши.

Все, кто был в палатке, захохотали. Сначала несмело, будто боялись своего командира, а потом, когда и сам Радзивилл взялся за живот от смеха, дали волю своим эмоциям. Я ждал, когда они утихнут, смотрел себе под ноги. Я понимал их, ой как понимал. Мои слова для них звучали не иначе как слова скомороха, полоумного.

– Как звать тебя? – спросил у меня Великий Гетман, и тут же сразу смех прекратился. – Откуда родом?

– Здесь моя родина, под Витебском родился. Мелкий шляхтич Казимир Семенович. С детства увлекаюсь огнём и порохом. Пускаю ракеты. Я могу запустить такую ракету прямым попаданием в царскую ставку. Я это умею делать.

Только тогда серьёзно и внимательно офицеры Великого Гетмана с интересом посмотрели на меня.

– Не шутишь?

– Нет. В таком деле шутки неуместны.

– А мышь – не шутка?

– Нет, мышь – это дополнение к посланию, что будет говорить о том, что хотя царь и бряцает оружием, но сам по себе он трусливый, как мышь.

– Интересно, шляхтич Казимир, и заманчиво, – промолвил виленский воевода и, посмотрев на членов своего штаба, уточнил: – Ну что, поручим это дело артиллеристу Семеновичу?

Все в знак согласия склонили головы.

– Но мы запустим две ракеты. Первая – для убеждённости, что прицел верный, и полетит мышь, а вторая – уже с посланием. Но во вторую мы поместим голубя. Если царь соизволит нам дать письменный ответ, то его они могут прикрепить к лапке голубя-почтальона. А он прилетит в наше расположение. Такой план подходит?

Все одобрили моё предложение.

Единственное, о чём я попросил, чтобы они уменьшили в размерах послание, чтобы легче был груз ракеты, потому что мышь будет на борту летательного аппарата. Согласились. А для голубя я подготовил совершенно другую конструкцию ракеты. Пришлось, правда, поломать голову над изобретением нового вида горючего, но и тут я преуспел.

Я готовился к запуску ракеты весь день и ночь. Изготавливал из пороха и других смесей горючее для неё. А в это время мои друзья соорудили мышеловки, куда попалось несколько мышей. Мы отобрали самую лёгкую мышку, привязали на ниточку петицию и обмотали вокруг шеи.

И на следующую ночь я показал князю Радзивиллу свои ракеты. Он внимательно осматривал, трогал руками, пожимал плечами:

– Точно долетят?

– У вас, ваша светлость, есть подзорная труба. И с горы, в ночной темноте, увидите, куда полетят ракеты.

Перед стартом я перекрестился, попросил Бога не подвести меня. Не хотелось опозориться перед виленским воеводой и своими товарищами.

– Посылай, Казимир, свою ракету! – стоя на горе, подал знак Януш Радзивилл.

Маленький огонёк приблизился к подножию летательного аппарата. Слабо зашипел начальный порох, из отверстия выплеснулся жёлто-красный огонь, и ракета медленно на наших глазах начала отрываться от земли. Будто раздумывала – лететь или не лететь,

а потом в доли секунды сорвалась и устремилась в небо. Поднявшись на значительное расстояние, она изменила курс и полетела в сторону Смоленска. Белая точка уменьшалась и уменьшалась, и видно было, как она направлялась в заданное место.

– Есть! Попала! – закричал радостно Януш Радзивилл. – Рядом с царской палаткой упала. Все испугались и упали на колени. Молодец, шляхтич Семенович! Посылай вторую – с голубем!

И голубь благополучно добрался до вражьего стана.

Меня представили к награде. Правда, я не получил её, потому что вскоре начались активные боевые действия, и было не до этого.

Ответа от российского царя, конечно же, мы не дождались. Да и не надеялся Януш Радзивилл, что получит его.

В первый день июля Януш Радзивилл отправил под Смоленск обер-лейтенанта Ганского с трёхтысячным корпусом. Герман Ганский – псевдоним, а настоящее имя – Ганскопф, имел компанию немецких рейтеров, 13 хоругвей лёгкой конницы и 4 компании драгунов. Он перешёл около города через Днепр, и под Богдановой околицей ночью напал на лагерь одного из московских полков.

«Несколько десятков сотен положивши, а своих и трёх десятков не потерявши», Ганский захватил в плен множество боевых стягов и после ещё одной удачной вылазки в бою с неприятелем благополучно вернулся в обоз под Оршу.

Но Ганского не радовала такая победа. Он любил воевать, а не брать в плен сонных мух. Дело в том, что царские ратники в ту ночь были все, как один, пьяны и потому не могли оказать никакого сопротивления нападавшим.

Пленные, близкие к царскому окружению, подтвердили, что в одну из ночей в царскую ставку прилетела неизвестно откуда «пылающая толстая стрела». За ней – вторая. Царские слуги догадались развернуть «стрелу», и оттуда выпала живая мышь. Царь пришёл в ярость, посчитал всё это дурным предзнаменованием. А как он поступил с голубем, никто не знал.

Награда меня настигла в тот момент, когда её и не ожидал. Видя мою храбрость в сражениях с московскими ратниками, присовокупляя к этому ещё мою заслугу «в воздушном послании петиции царю», я поднялся по служебной лестнице, и в скором времени Великий Гетман поздравил меня с высоким званием полковника его армии.

Видя, что меня не прельщают ни звания, ни почести, а только одной науке привержен, Януш Радзивилл разрешил оставить войско и войну. И не только это. Он даже попросил короля Речи Поспо-

литой, чтобы тот посодействовал мне перебраться в Нидерланды.

– Ты должен воевать на поприще науки, – прощаясь, напутствовал меня виленский воевода, – там твои успехи будут наиболее значительными. Там твоё поле битвы, там твои победы на полях естественных наук, европейской культуры, артиллерийского дела. Я так и сказал королю и великому князю Яну Казимиру. Он знает о тебе и твоих изобретениях.

Мы обнялись, как родные, как близкие друзья.

Хочу сделать небольшое отступление…

Перед Янушем Радзивиллом светлую память о себе оставил Ян Кароль Ходкевич. Я только родился, а Ходкевич уже стал великим человеком, известным на весь мир. О гетмане Великого княжества Литовского знали все образованные люди нашего времени.

Наливайко с отрядами казаков безнаказанно грабил города Беларуси. Никто его не мог остановить. Ян Кароль положил конец его кровавому разгулу. С этого и начал гетман свою военную карьеру. Началась война со шведами – сражался в Инфлянтах. Войско содержал за свой счёт. Разгромил в пух и прах шведов под Коккенгаузеном. В 1604 году сразился с ними под Белым Камнем. В своём распоряжении имел две тысячи жолнеров, а у шведов было семитысячное войско.

Но это была, так сказать, репетиция. Наибольшую славу067 сыскал гетман на поле боя под Кирхгольмом 27 сентября 1605 года (который потом потомки-латыши переименуют в Саласпилс). Имея четырёхтысячный корпус, наголову разбил шведскую армию, которая насчитывала 14 тысяч воинов. Своих же на поле боя потерял сотню. Европейские монархи и даже сам папа Павел V признали это триумфом, поздравляя его с этим огромным событием.

А в 1611 году он уже вёл свои хоругвы на Москву – на помощь осаждённым войскам Великого княжества Литовского. В 1617–1618 годах возглавлял последний московский поход. В 1621 году, уже будучи фактическим начальником войска Великого княжества и Польши, под Хотином он вынужден был с 70 тысячами противостоять втрое превышающей по численности орде турок и татар и одержать блестящую победу. Имя славного сына Быховской ветви рода Ходкевичей должны помнить благодарные потомки. Вот какие прекрасные люди рождались на нашей литвинской земле!

Так и Януш Радзивилл покрыл себя славой на века. Ещё будучи полевым гетманом князь Януш успешно провёл свои первые кампании против тех же казацких отрядов, которые засылал к нам

на Беларусь Богдан Хмельницкий.

Я принимал участие в том сражении, которое происходило под Лоевом в 1649 году. Соединение полковника Кричевского насчитывало шестнадцать тысяч казаков.

И мы разбили огромное казачье скопление. А через два года после того князь разбил войско и Небабы, даже мы зашли в Киев, туда, откуда засылались агрессоры в наш край. А украинские казаки считались мощной военной силой, не раз разбивали польскую армию.

А когда началась московская агрессия в 1654 году, на Януше как на высшем гетмане держалась оборона всей страны. У нас было всего десять тысяч воинов, а у царя Московского государства сто тысяч. В десять раз больше! Произошла крупная битва с врагом под Шкловом. Мы выиграли ту битву. Но через некоторое время нас окружили под Шепелевичами. Януш потерпел поражение – первое поражение в своей жизни.

Чтобы оправиться и вернуть себе былую славу непобеждённого и защитить Отечество от польской экспансии и агрессии со стороны Москвы, он заключил в Кейданах договор со Швецией. И ему удалось бы совершить задуманное, но… Но засланные к нему шпионы подсыпали яд в чашу с вином.

Я же, отойдя от военных дел, активно и с удовольствием занимался собственными исследованиями со взрывчатыми веществами. Добился на этом поприще немалых успехов.

Но меня неожиданно отрывают от моих опытов, отзывают из Нидерландов. Мне приказано, не откладывая, явиться в расположение королевской артиллерии. Видимо, Януш Радзивилл не забывает обо мне, следит за тем, чем я занимаюсь. И не только следит, а оказывает всяческую помощь в моём предприятии. Спасибо ему, умный и добрый человек. Великий человек!

Но оказалось, что призвали меня не на военную службу, а продолжать те эксперименты, над которыми я трудился всё время. Меня занимала баллистика – дали возможность заниматься ею. Запускать ракеты? Нет никаких преград.

А потом я ещё выше поднялся по служебной лестнице, мне присвоили звание генерал-лейтенанта. После этого осмелился попроситься в отставку – и мою просьбу удовлетворили. Я снова вернулся в Нидерланды.

Меня пригласил на аудиенцию эрцгерцог Леопольд-Вильгельм Габсбург. Долго говорили обо мне, о жизни, о военном искусстве.

Он даже попросил меня, чтобы я прочитал ему несколько своих стихотворений, признался, что они ему понравились, и он желал бы их иметь у себя.

– Вы проявили себя как великий артиллерист, – промолвил в конце аудиенции эрцгерцог, – и это похвально. Мы имеем к вам, шляхтич Казимир, огромную просьбу. Даже не просьбу, а заказ.

– Какой? – я насторожился, думая, что поручит исполнить какую-нибудь монаршую прихоть.

– Вы должны написать свою главную книгу – трактат об искусстве артиллерии. И назвать его хотя бы так – «Великое искусство артиллерии». В Европе об этом ничего не написано. Вы будете первым. Я же буду вам оказывать всяческую помощь, никто вам никаких препятствий чинить не будет.

Я только склонил низко голову, о таком я даже не мог мечтать.

– Казимир, вы влюблены? – дотронулся до моей руки мой покровитель. – По стихам вижу – «мой ангел небесный, к тебе я ракетой лечу...»

Чтобы спрятать своё покрасневшее лицо, склонил виновато голову.

– Так это же здорово! – воскликнул Леопольд-Вильгельм, хлопнув меня по колену. – Тогда вы достигнете в своих делах небывалых высот!

Я так и оставил заглавие трактата. А разве можно было заменить название каким-то другим? Конечно же, нет. О, какая это была работа! Наслаждение! Рай! Моя душа пела и радовалась стечению таких благоприятных обстоятельств!

Книга писалась легко и трудно, поэтично и прозаично. Я старался изложить текст обычным, доступным всем языком. Писал на двух языках – на латинском и языке той страны, в которой жил.

Сам не ожидал, что ею сразу же заинтересуются и переведут на многие не только европейские, но и заокеанские языки. Не думал, что мой скромный труд станет самой популярной научной работой по артиллерии, что ею заинтересуются и будут читать с большим вниманием Наполеон и российский царь Пётр I. Не говоря о том, что проявлял живой интерес король и великий князь Ян Казимир.

Но я не изложил свои главные мысли, изобретения, которые держал до поры до времени втайне, надеясь, что напишу и издам ещё более значимый и огромный труд.

Да, не утаю и главный факт своей жизни, но утаю детали, чтобы не мучила меня недосказанность и на том свете. Да, это было в Амстердаме.


Казимир Семенович

Да, любил, очень любил. До безумия. Как и она меня. Я боготворил её двух сыновей, учил их искусству пиротехники и построения воздушных транспортных средств. Никто не догадывался о наших отношениях. Наши встречи были и не частыми, но и не редкими.

Она жила недалеко от меня. Часто выходила на крышу своего дома, как и было договорено, когда хотела известить меня, что я могу видеть её.

Муж её был одним из моих покровителей, и я не был виноват в том, что так случилось. Любовь, как оказалось, была выше нас, сильнее нас.

А потом она перестала выходить на крышу, не знаю почему. Я никак не мог с ней связаться. Зная, что на крышу кроме неё никто не выходил, решил отправить ей свою записку. От отчаяния, от безнадёжности.

«Любимая моя! – писал я ей, не называя даже имени, чтобы не вызвать подозрения. – Я могу умереть без тебя, не видя тебя, не слыша ни твоего голоса, ни дыхания… Что с тобой? Я написал для тебя целую тетрадь стихов, и каждая строчка написана моим дыханием и молитвой к тебе. Отзовись, выйди в своём белоснежном платье на крышу, покажи, что ты жива и здорова, что думаешь обо мне…

Когда ты мне призналась, что носишь под сердцем плод нашей грешной любви, я чуть с ума не сошёл от радости и счастья. Отсюда и родились стихи к тебе.

Ты призналась ещё, что очень больна и вряд ли тебя сможет вылечить какой-нибудь эскулап, это меня повергло в ужас. Если бы я смог, то отдал бы жизнь за тебя и за того, кого послал нам Бог…»

Как когда-то, отправляя на Смоленск царю русичей послание от Януша, зарядил я в ракету тетрадь стихов и выстраданные строч-

ки письма.

Я нацелил ракету на то место, где она должна была стоять. Направление ракеты было определено правильно, слишком правильно. Но я впервые в жизни пожалел, что она не сбилась с курса, потому что на крышу в тот самый момент вышел её муж. Он не испугался, когда ракета упала у его ног, наоборот, поднял её, раскрыл содержимое. Конечно же, он знал, кто автор и ракеты, и написанных строк.

Кажется, в этот момент я упал в обморок.

Через день пришли ко мне офицеры из королевского двора. Препроводили меня в крепость. Ничего не сказали, ничего не поставили в вину. Но я знал, что было тому причиной.

Единственное, что мне не запретили, – это заниматься артиллерией. Я даже и не просил их, чтобы они мне предоставили стол и бумагу. Они заточили меня в крепость как любовника, а как учёному дали полную свободу.

Я взялся за написание учебника для артиллеристов. Поэтому в нём я изложил всё то богатство мысли, почитаемое в моём времени, – труды военных специалистов, а их я знал по памяти. Кроме них, я прибегнул к античности – Аристотелю и Эвклиду, Архимеду. Они были как бы ширмой, а за их спиной я выстроил колонны способов определения калибра орудий, качества пороха, радиуса и веса ядра. Даже предложил стрелять двумя ядрами, чего до меня не было и в мыслях.

Я сформулировал абсолютно правильный закон упругого столкновения тел. До этого в моём любимом городе Амстердаме вышла книга Р. Декарта «Начала философии». Я осмелился не согласиться с автором, хотя у него были влиятельные покровители, и они не могли мне простить таких нападок и критики. Утверждал, что Декарт сформулировал ошибочные законы упругого удара. Может, и это сыграло свою роль в том, что случилось позже со мной, не знаю, утверждать прямо не могу.

Я излагал такую мысль: хотя артиллерия и является главным оружием в сражениях между неприятелями, но выше неё всё же стоит ракета. Чтобы доказать своё утверждение, я представил на суд читателей и учёных десятки ракет. К ним приложил чертежи, рисунки, формулы. Пришлось выделить эту тему в отдельный раздел «О ракетах».

Что представляла из себя ракета? Когда порох (или иное топливо) сгорает в первой ступени, она отбрасывается. Потом порох

горит в другой ступени – и облегчённая ракета продолжает движение. А когда и она выгорает, наступает очередь третьей ступени. Это позволяет ракете подниматься выше и выше. Это принципиальное решение, и такого на сегодняшний день ни у кого нет.

Не говоря уже об аэродинамических свойствах и особенностях.

Я утверждаю, что на дальность и устойчивость полёта сильное влияние оказывает внешний контур. Я это учитывал всегда, и поэтому не было сбоев, что, конечно же, и подвело меня и определило путь в крепость. Но я не об этом. Второе условие – соотношение диаметра и длины корпуса. Я даже высказал рекомендации тем, кто будет после меня заниматься конструированием тех ракет. Например, высота ракеты должна обязательно быть пропорциональна диаметру сопла. Ещё – поднимаемый ею груз должен иметь такую форму, которая бы создавала как можно меньшее сопротивление воздуха при вертикальном взлёте. Ракета с прикреплённым грузом (моей книги стихов или мышь – «подарок» для царя) должна иметь форму пирамиды или конуса. Сотни рекомендаций и пожеланий я высказал будущим конструкторам. Бери – изобретай, черти, взвешивай соотношения и параметры! Находи взаимосвязь между расположением сопла ракеты и её опрокидыванием во время полёта.

Кроме этого, я описал ракеты с хвостовыми стабилизаторами-крыльями различной конфигурации. И не забыл напомнить о том, что «полезно сверлить отверстия в пороховом заряде для того, чтобы «огонь достиг нутра и зажёг материал…»

Я мог добиться успехов и в политической карьере, ведь я занимал генеральский чин заместителя начальника артиллерии Речи Посполитой, но меня влекли тайны науки и мироздания. Это было моё главное занятие.

Кстати, позже историки напишут:

«Казимир Семенович принадлежал к роду мелких князей, с гордостью называл себя «шляхтич-литвин». Родился около 1600 года. С детства проявил себя в арифметике и истории. И поэтому родители хотели, чтобы он избрал себе путь политика. Но он пошёл по другому пути, его тянуло к постижению тайн военной службы, особенно притягивала артиллерия.

Он одинаково успешно проявлял себя в арифметике и геометрии, архитектуре и людвисарстве – мастерстве отливки пушек, имел огромный талант в резьбе по дереву и металлу. Проявил себя на

поприще войны как смелый артиллерист – тогда происходила война между Речью Посполитой и Московским государством, участвовал в сражениях с татарами. Применял свои ракеты в войне».

Выехав в Нидерланды, принимает участие в Тридцатилетней войне, хотя всей душой ненавидит саму войну. Там он приобретёт и усовершенствует новый опыт, близко познакомится с нидерландскими фейерверками и пушечниками. Проведёт свои собственные эксперименты и опыты. Днями и ночами будет пропадать в богатых библиотеках, знакомясь с трудами по европейской культуре, артиллерии и пиротехнике, не отказывая себе в удовольствии читать книги по истории.

А в 1646 году король Речи Посполитой и князь Великого княжества Литовского неожиданно отзывает Казимира Семеновича из Нидерландов – назначает его на службу в королевскую артиллерию, определив ему ежемесячный оклад в 100 золотых. Через два года королевским указом он назначается заместителем начальника артиллерии.

Казалось, жизнь у генерала безоблачная и счастливая. Но неожиданно наступает чёрная полоса.

1648 год, 28 мая

Семенович, следуя письменному распоряжению Самуэля Асинского, выдаёт из военного арсенала сто голландских мушкетов и шестьдесят копий. Но по непонятным причинам не взымает за них плату.

Наверное, само собой подразумевалось, что королевский полк, вступая в военные действия, защищая свою страну, имел полное право на бесплатное вооружение из королевского арсенала.

Однако же его непосредственный начальник артиллерии – генерал Артишевский – думал по этому поводу совершенно иначе. Он расценил поведение своего заместителя не иначе как аферу, считая, что тот взял деньги и положил в свой карман. Потребовал немедленно возбудить уголовное дело по поводу растраты казённых денег.

Ян Казимир, видя, что дело оборачивается неожиданным образом, позволяет будущему изобретателю многоступенчатой ракеты выйти в отставку. Даже запретил взыскивать с него те деньги и разрешил изобретателю уехать без скандала из страны.

Снова Нидерланды. Там он дописывает свой труд, а в 1650 году в типографии Яна Янсона на латинском языке выходит его знаменитая книга «Великое искусство артиллерии». Все восхища-

лись её оформлением. В ней размещались гравюры, выполненные по эскизам самого автора известным голландским гравёром Якубом Ван Мейрсом. Книга насчитывала 304 страницы текста. На 22 страницах изображены таблицы, на 206 – рисунки, сделанные самим Казимиром Семеновичем.

Издание уникальное, до него никто таких трудов не издавал. Труд бесценен не только с точки зрения полиграфии, а и содержания. В первом разделе излагались методы определения калибра пушек, радиуса и веса ядер в зависимости от рода материала.

Для сравнения веса ядер одинаковых размеров из разных материалов Казимир Семенович даёт таблицу относительного веса ядер из 19 материалов, взяв за 100 единиц вес ядра из золота.

Следовательно, ученый даёт таблицу удельных весов.

Во втором разделе идёт описание способа получения так называемого чёрного пороха – единственного взрывчатого вещества того времени.

А в других разделах книги содержится классификация ядер, пиротехнического и артиллерийского оборудования и много других открытий и новшеств.

А вот о третьем разделе разговор особый. Называется он «О ракетах».

Изобретатель приводит описание конструкций и способов производства нескольких десятков видов таких ракет.

Но это уже тема сугубо для специалистов.

Рыбалка, друзья и обиды

Крюки находились от реки далековато, рядом были только болота и небольшие озёрца. Были рыбаки-любители, но были и такие, кто болел рыбалкой, жить без неё не мог. И поэтому для таких фанатов расстояние – не преграда. Но таких людей в Крюках были единицы.

Анатолия Юницкого и его друзей больше привлекал лес, куда отправлялись за грибами и ягодами, а рыбалка была как-то в стороне. Сходили раз на Припять с удочками, но не поймали даже и по одной рыбёшке, поэтому охладели к этому занятию.

Зато днями могли пропадать в окопах и блиндажах, где во время войны проходили бои, выкапывали из земли снаряды, патроны, порох…

Это уже когда в Казахстан приехали, позвали новые друзья на

озеро и показали, как можно ловить рыбу на крючок, заинтересовался. Домой уже приносил сетку с карпами и карасями, сам готовил рыбу на сковороде, угощал мать и сестру.

Но потом, когда опять приехал в Гомель, и начал работать в институте полимеров, однажды отец сказал:

– Я научу тебя настоящей рыбалке. Всё, что было перед этим, – это баловство, репетиция. А учить я тебя буду на самой прекрасной в Европе реке – на Припяти.

– А разве в Припяти много рыбы?

Эдуард Петрович улыбнулся, обрадовавшись, что сын заинтересовался его предложением, решил блеснуть своей эрудицией.

– Ну, сегодня её не столько, сколько было в прошлом столетии, но всё же…

Анатолий снова «зацепился за крючок», поинтересовался:

– Расскажи о прошлом…

– Вторая половина пятнадцатого столетия в Беларусь приезжало множество путешественников и подорожников. Их привлекала красота наших мест, реки Нёман, Свислочь, Сож, Припять… Интересные заметки о Беларуси оставил посол Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн – он был родом из Словении. Он называл «рыбным» приток Припяти Тур. Михалон Литвин (псевдоним литовского шляхтича Михаила Тишкевича, посла в Крыму) рассказывал такие подробности об этих местах: «В реках здесь множество осетров и других больших рыб, которые поднимаются из моря вверх по рекам, в пресную воду. По этим причинам многие реки называются «золотыми», особенно Припять, которая в одном месте, недалеко от Мозыря, при впадении реки Тур, когда в начале марта ежегодно собирается из источников свежая вода, наполняется таким количеством рыбы, что брошенное в её стаю копье, задерживается и стоит торчмя, будто бы воткнутое в землю – так густо собирается там рыба. Я не поверил бы этому, если бы сам часто не видел, как оттуда черпали рыбу и за один день ею наполняли до тысячи телег, которые принадлежали купцам, ежегодно приезжающим в это время».

Анатолий с удивлением посмотрел на отца:

– Откуда ты об этом знаешь?

– Я много о ней знаю. Потому что Припять не дала нам умереть с голоду. Извини за метафору, но я понимаю так: есть сердце

родителей, которые заботятся о нас, и есть сердце у природы, которая даёт нам силу, ум, доброту. Сердце природы – в Припяти. Она живая, одухотворённая, созданная Творцом. Когда ты полюбишь рыбалку, полюбишь Припять так, как я её люблю, когда мы будем сидеть тихими вечерами с удочками на берегу, я тебе много расскажу интересного и об этой милой реке, и о себе, и о твоих дедах, и прапрадедах. Потому что род Юницких – исторический род, хотя и не знатный, но след оставил на земле глубокий.

«С отцом мы ещё так ни разу не говорили, – подумал Анатолий, – у него прекрасная память, интересное видение жизни. Он – дитя природы, как и его младший брат, о котором мне рассказывал, а меня почему-то тянет ввысь, в космос, хотя я, как и отец, утверждаю, что мы – дети земли, дети природы, и в никаких заоблачных далях мы не сможем ни поселиться, ни прижиться. Нас Бог создал землянами. На земле был Эдем, в котором поселил Он Адама и Еву. Поэтому и наша здесь обитель…»

Задумался Анатолий, глядя на поплавок, на душе хорошо, уютно. Приятно сидеть рядом с отцом, чувствовать его душевное тепло и благосклонность. Жаль, что в детстве был обделён отцовским теплом и лаской, может, меньше трудностей выпало бы на его долю и всей семьи. Но, опять же, не любил он осуждать, критиковать, негодовать: как сложилось, так и сложилось. Богу было угодно, чтобы так было, а не иначе…

Знал, что отец натерпелся за свою жизнь, что не каждому под силу и вынести то, что выпало на его долю. Чудом остался жив. Но отец только намекал, но никогда не вдавался в подробности своего выживания, своего становления. Верил Анатолий, что придёт то время, когда отец раскроется перед ним своими неожиданными гранями, расскажет о таких своих страницах жизни, о которых он, Анатолий, и не догадывался, всему своё время.

…Такой уж характер у Анатолия Юницкого – если чем увлекается, то отдаётся тому увлечению весь, без остатка. Так и здесь. Ловля рыбы… Но это, как он считал, не забава, не увлечение, это целый научный процесс, действие, действо.

На что ловится рыба? На крючок. А крючки стандартные, советские, из года в год их используют рыбаки и не задумываются, почему зачастую возвращаются домой с пустой сумкой. Ссылаются

на то, что день был неудачный, дождливый или, наоборот, солнечный… Причины всегда найдутся.

Но Анатолий решил поломать этот принцип, не ссылаться на удачу или неудачу, на погоду или непогоду. Он решил действовать так, как подсказывала ему пытливая мысль.

Сначала решил изучить происхождение тех рыб, которые водятся в реках Беларуси. Какая основная рыба? Лещ. Он таскал домой из библиотеки книги, отложив в сторону «спасательный круг человечества».

Итак, лещ. *Abramis hrama.* Относится к семейству карповых отряда карпоподобных. Живёт в реках, прудах, водохранилищах Европы, в СССР акклиматизирован также в некоторых озёрах Сибири и Казахстана. В Беларуси встречается практически во всех реках, водохранилищах и в прудах. Питается ракоподобными, моллюсками, личинками хиранамид, растениями. А мальки любят зоопланктоны.

Рыболовы-любители ловят леща на хлеб, горох, каши, тесто и многие другие привады растительного происхождения.

Анатолий записывает в своей рыболовецкой тетради: «Тело высокое, плоское со сторон, высота в три раза больше толщины. Длина достигает тридцать, а то и пятьдесят сантиметров, масса – от одного до шести килограммов. Спинной плавник – высокий, короткий, анальный долгий, заходит на хвостовой стебель. Луска толстая, сидит плотно. Бока серебристые с золотистым отливом, спина серо-зелёная. Молодь леща – подлещики – имеет серебристую окраску. Придонная рыба…»

Он записывал всё подробно, чтобы потом «выудить» из всей информации нужное. Например, вот это: «Живёт стаями, в основном в местах с медленным течением, где имеются глубокие ямы с илистым дном». Это и есть главное, на что он должен обратить внимание. Но записал ещё несколько фраз: «Половое созревание наступает на четвёртом-шестом году жизни. Нерест наступает с конца апреля до начала июня в прибрежной зоне водоёмов, при температуре воды выше одиннадцати градусов. Икру откладывает в зарослях подводных растений. Плодность – до шестисот тысяч икринок».

Кроме этого, он начал изучать повадки этой интересной рыбы. Открыл для себя главное – лещ не просто плавает, он «ходит» по своим тропам, как человек по своим дорогам. Как он научился оп-

ределять тропы, это он держит в секрете.

Для этого провёл десятки экспериментов. Когда убедился, что безошибочно может определять главные дороги и тропинки, перешёл к другой части своих исследований и изобретений.

Кроме этого, не последнюю роль в подготовке рыбалки играла подкормка. И не простая подкормка. Она должна иметь специфический запах, который должен привлекать рыб, чтобы они приплыли на нужное место за два километра. Чтобы рыба приплыла не случайная, а «твоя», которую ты «позвал», заманил.

Ему не понравились стандартные советские крючки. Все они были тупые и примитивные, очень редко подсекали рыбу, не цепляли её. Поэтому и жалуются рыбаки зачастую, что поклёвка была, но ни одна не вцепилась.

Анатолий, призвав на помощь сопромат, применяя для этого свою уникальную формулу, изобретает свои крючки – «юнитки». Он долго их обтачивал, изгибал под нужным углом и изгибом, пока не добивался своего.

Менял даже окраску лески и самого крючка, а потом проверял их на практике. Результат был ошеломляющий.

Но и это ещё не всё. Он молол красную глину, смешивал с варёным горохом, пшеницей. Потом из этого месива делал «кирпичи». Или «буханки хлеба», затем грузил в мешок и нёс на реку.

Он не просто прикармливал, а кормил рыбу. Хорошо кормил, чтобы она ещё и вес набирала.

Год готовился к рыбалке. Готовил снасти, крючки, удочки. А потом уже выходил «на охоту».

… – Эх, скоро рыбалка начнётся! – произнёс мечтательно Анатолий, раскладывая перед собой лист ватмана – нужно было сделать чертеж изобретения по аэродинамике. – Чудесное занятие – рыбалка! Ни с чем не сравнимое.

Рядом сидит Володя Смуругов, не отрываясь от бумаг, спрашивает:

– И рыбу ловишь сетями?

– Никогда ими не ловил. Считаю, что это не совсем правильно. Отсутствует ощущение азарта и спорта. А вот удочка – это удовольствие! Это радость! Это полёт!

– В космос? – ехидничает добродушно второй друг – Семён Тишков, который давно знает о «колесе вокруг земли».

– Да, это сравнимо только с космосом, – не обижается Анатолий, – удовольствие колоссальное! Ни с чем не сравнимое!

В этот момент невозможно было понять, что главное для Юницкого: космос или рыбалка.

Он так вдохновенно расхваливал прелести «тихой охоты», что друзья не выдержали и задали ему вопрос, как говорится, прямо в лоб:

– И сколько же ты на ту удочку смог подцепить тех лещей – пять, десять?

Анатолий встаёт из-за стола, подходит к Владимиру.

– А я не считал – пятьдесят, может, и больше.

– Заливает, как и все рыбаки, – глядя на Семёна, Володя кивнул в сторону Юницкого. – И скажет ещё, что каждый лещ больше килограмма.

– Да, это действительно так, – улыбается изобретатель «колеса», – прошу поверить на слово.

– И где же ты ловишь столько рыбы?

– В любимой реке отца – в Припяти. Под Мозырем.

Володя пожал плечами:

– Я люблю рыбалку, в Соже могу поймать два-три леща, но чтобы сотню, как ты говоришь, это нереально.

– Реально, друзья мои. Реально.

Семён отличался от всех заводным характером. Услышав слова Юницкого, вскочил со стула, неожиданно спросил:

– А поспорить слабо?

– Нет, не слабо, – спокойно ответил Анатолий. – Я готов идти на спор. Определяйте предмет спора. На что спорим?

Подумав, Володя предложил:

– Давай поспорим, что ты не поймаешь обещанное количество лещей – пятьдесят штук.

– Ребята, если серьёзно спорить, то зачем мелочиться? Я удваиваю количество – сто штук.

Друзья переглянулись – шутит, когда дело дошло до апогея, сразу в кусты, как и все рыбаки, оказался хвастуном.

– Ну вот, – вздохнул, улыбаясь, Володя, садясь снова на своё место, – всё и вышло наружу.

– Что значит «вышло наружу»? – удивился Юницкий. – Давайте поспорим на ящик коньяка, что мой улов составит больше ста лещей. На эти выходные я зову вас на рыбалку – на Припять. Каждый берёт свои снасти. Устраиваем соревнование.

Друзья ничего не понимали – не шутит? Хочет проиграть ящик коньяка. Бросает им вызов?

Ну что ж, пусть пеняет на самого себя, раз вызвался на такой спор. Такого ещё не было в рыболовецкой практике, чтобы на удочку надёргать столько лещей.

– Мы согласны! – воскликнул, уже разозлившись, Семён, протянул руку. – Спорим! Перебивай, Володя.

Потом Володя подал руку, перебил Семён.

– Ну, не мы предложили коньяк, ты сам напросился, – весело заговорил Семён, предвкушая сладость триумфа, уже строил планы, как они распорядятся выигрышем, – только коньяк принесёшь сюда сам, в кабинет, лады?

– Да, в этот кабинет. Согласен. А если вы проиграете – то же самое, несите сюда, на мой стол.

Договорились так – первым едет Анатолий, чтобы подготовить снасти и всё необходимое, выберет место ловли, а потом звонит им по телефону. Возражений с их стороны не было.

… Они приехали вечером, чтобы переночевать, а утром, с рассветом, отправиться на Припять.

Утро…

Что может быть прекраснее туманного утра на Припяти? Это из области сказки, нежной песни, это как слова или шёпот любимой, это признание в любви ко всему человечеству.

Ещё утро не сделало первый вздох, и вокруг стояла тишина необычайная; даже Припять не проснулась, её зеркальная гладь не шелохнётся, не вздрогнет; берег ещё не лижет волна, шепча свою таинственную мелодию…

И в эту тишину, в это неповторимое царство девственной красоты ворвались мужской разговор, восклицания, смех, радость встречи и предвкушения рыбалки.

– Какая красотища! – восхищённо воскликнул Семён.

– Рай! – поддержал его Володя.

Анатолию приятно, что его места понравились друзьям, что они отдохнут в это утро душой и телом. Приехали пять человек – все они решили включиться в соревнование, в спор, который родился в кабинетах института.

– Так, не будем терять, друзья, времени! – взял Анатолий инициативу в свои руки. – Перед нами три лодки. Со мной садится

Семён, остальные – по два в каждую лодку. Всем понятно?

Размотали удочки, расселись. У каждого своя наживка – у кого червяки, у кого горох или тесто.

Удочки забросили почти одновременно. Не прошло и минуты, как клюнуло у Анатолия.

Он сделал подсечку и медленно подтянул к лодке рыбу. Вытянул её. Это был лещ, и на глаз можно было определить, что он килограммовый.

Как только забросил удочку, снова поклёвка.

Следующий заброс – новый улов.

Анатолий бросал и бросал в садок леща за лещом, не обращая внимания на реакцию своих друзей. Через полчаса они забыли о своих удочках, устремили взгляды на «волшебные» действия Анатолия.

Каждые несколько минут он вытаскивал из воды лещей. Все они были одинаковы по весу – один в один.

– Давай пересядем, ты для себя специально подкормил рыбу, здесь и дураку понятна твоя хитрость.

Это предложил Володя. Его больно задел «обман» Анатолия. Позвать друзей, самому сесть на насиженное место, а их оставить в дураках? Не выйдет.

– Пожалуйста, – согласился Юницкий. – В какую лодку мне сесть?

– Вот в мою, крайнюю, и садись.

– Договорились. Иди на моё место.

Снова все забросили удочки. И снова первый клёв был у Юницкого. И не просто клёв, лещи сами, словно напрашиваясь, цеплялись на крючок. Анатолий бросал и бросал рыбу в садок, даже не смотрел, как она трепыхалась, подскакивала, стремясь выскочить за борт.

Считал количество вытянутых из воды лещей не Анатолий, вёл счёт Семён.

– Сто … Сто один… Сто два…

Он уже давно проиграл, не вытянув из воды ни одной рыбины, поэтому теперь получал удовольствие от счёта. Такого он никогда не видел, это было за чертой возможного – невероятно, но факт. И это он произнёс обидную для всех, как и для самого себя, фразу, перефразировав дедушку Крылова:

– А вы, друзья, как ни садитесь, ловить рыбку не годитесь!

Один Семён отнёсся к своему поражению философски и с улыб-

кой. Он подошёл к Анатолию, пожал ему руку, произнёс:

– Ты победил. Извини, что я не поверил твоим способностям. Спасибо за науку!

Но остальные обиделись. Нахмурившись, отвернулись. Они не могли снести обиду и душевную травму, нанесённую Анатолием Юницким. Они не привыкли в жизни проигрывать, а тут им такая пощёчина.

Уехали, даже не попрощавшись.

А потом Анатолий им всем привёз по мешку вяленых лещей.

Один из друзей не разговаривал целый год.

Вот на что способна рыбалка. Она может объединить друзей, сплотить, укрепить дружбу, а может и внести раскол. Но это лишь только в том случае, когда проигравшие не могут признать свою вину, тем более поражение.

Но это уже совершенно другая тема…

...Анатолий никогда не стремился к расколу, вражде, не понимал тех, кто носил в своей душе зависть, копил обиду, чтобы потом отомстить своему обидчику. Не понимал тех, кто не умел прощать, получив даже самую большую обиду или душевую травму. Всегда руководствовался библейским советом о прощении своих врагов, даже о любви к ним.

– Ребята, нельзя поверхностно относиться к жизни, – говорил он после того, как угостил всех вяленой рыбой, и все вместе пили холодное пиво, – нужно всегда вникать в суть проблемы. Вы думали, понуждая меня к спору, что я проиграю? И не знали, что прежде, чем заключить со мной пари, вы должны были подумать, почему я согласился на это. Я же год готовился к этой рыбалке. У меня свои секреты, свои подходы, свои формулы. Прежде чем что-то сделать, я глубоко вникаю в проблему, изучаю её, проверяю, а только потом могу сказать, что уверен в себе, в том, что не ошибся, что выиграю любое пари.

Молчали друзья, соглашаясь с ним, убедившись, что он слов на ветер не бросает.

И он ещё им рассказывал о многих вещах. Например, об идее. Говорил, что любая идея – понятие поверхностное, ничего не значащее, ни за что не отвечающее. У каждого может родиться идея – полететь на Марс или Юпитер. Замечательно! Но что из того, что вы даже претворите её в жизнь? Ну слетаете, побудете там, увиди-

те, сфотографируете, а дальше что? Результат? Выгода? Обогатится ли от этого человечество? Вы хотите на Марсе посадить яблони, и планета будет вся в цвету? А кому, скажите, нужен будет тот сад? Марсианам, если они там есть, точно не нужен, а нам и подавно: плоды вредны для нас, потому что они выросли не на нашей земле…

Есть другие идеи? Выкладывайте. На Луну хотите слетать? Пожалуйста. А зачем? Вот так и все остальные идеи – это пустой звук, ничего не значащий.

А вот решение какой-нибудь конкретной задачи, экономически оправданной, подтверждённой формулами и законами науки, имеющими эффективность, дающими пользу людям, – да, с этим можно согласиться, но вы докажите при этом, что ваша задача выполнима.

И в адрес Анатолия были брошены реплики:

– Скажи, а кому нужна твоя струнная система?

Ответ прозвучал спокойно и убедительно:

– Спрашиваете, кому? А вы знаете, сколько сегодня сжигают нефти автомобили всей планеты? Не задумывались? Два миллиарда тонн! А ещё пятьсот миллионов тонн нефти уходит в битум, без которого не уложишь асфальт. Мы все дышим канцерогенными бензиновыми выхлопами автомобилей, а они в это время убивают в год на планете до полутора миллионов человек и более десяти миллионов – делают инвалидами и калеками. Мы вдыхаем в жару битумные испарения, мельчайшую пыль от истирания автомобильных шин и асфальта, почва вокруг дорог пропитана продуктами выхлопа и антиобледенительными солями. Площадь этих уничтоженных почв превышает территорию таких стран как Великобритания и Германия вместе взятых. Нефть закончится – и что дальше? На телеги пересядем? Но это давно уже отошло в прошлое. Изобретателям, которые повысили коэффициент полезного действия двигателя внутреннего сгорания на десять процентов, присуждают Нобелевскую премию. Я предлагаю транспорт, который снижает расход топлива в десять раз – это тысяча процентов! – а мне все говорят: «Зачем это надо?»

Опять же, скептики выбрасывают новый вопрос – а кому конкретно это надо?

Надо всем нам. Потому что мы – мобильная цивилизация, и без транспорта мы обречены на вымирание. Даже с тем транспортом, который мы используем, потому что настоящий транспорт выполняет функцию кровеносных сосудов. Мы можем представить

наш организм без артерий, вен, капилляров?

Чтобы человек был здоровым, нужно, чтобы все части тела чётко выполняли свои задачи. Больные сосуды – больной человек. Так и со страной, с её транспортом и технологическими сосудами.

А если подходить заинтересованно к струнным дорогам, то они, кроме того что сберегут ресурсы, дадут экономический эффект в пятьсот триллионов долларов. Так этот эффект – для всей цивилизации за весь XXI век. А когда приходит Анатолий к чиновнику любого, даже самого высокого, уровня, то и слышит в ответ недоуменное: «А кому, скажите, это нужно?» Намекая при этом, есть ли что в конверте специально для него. Пустой конверт? Нет его совсем? И указывает на дверь.

Поэтому инновация и встречается с такими требованиями – это нужно обществу, члены общества это понимают, потому что у Юницкого сторонников больше, чем противников. Сегодня мы живём уже в новом столетии и тысячелетии. Сегодня можно вернуться к тем инновациям, которые в своё время казались неосуществимыми.

Тогда Анатолий Юницкий пояснял чиновникам Совета безопасности, когда они его расспрашивали о струнной дороге. Он приводил им один довод. О том, что в Америке много десятилетий назад пришёл в патентный отдел один невзрачный человек, сказал, что он придумал что-то важное. Он продемонстрировал своё изобретение. А оно заключалось в следующем. Пришедший подложил магнит под дощечку, на ней расположил лист белой бумаги. Насыпал чёрного порошка и ударил по доске. На бумаге отпечаталась некая неразборчивая копия. Но на это не обратили внимания, потому что стол и эксперт были все в саже. Человека тут же выгнали из кабинета, повертев пальцем у виска. Это уже потом придумали название изобретения – ксерокс.

Американцы потом посчитали, какие страна понесла убытки из-за того, что не приняла вовремя это изобретение – сто миллиардов долларов. Это – десятилетний бюджет Беларуси. Вот цена нерешительности и тупости тех, кто не увидел в неприметном человеке гениального изобретателя.

Посмеялись чиновники и над Юницким. Более того, откровенно сказали:

– Как вы нам всем надоели с вашими гитарными струнами! У нас в стране нет в достаточном количестве одноразовых шприцов и лекарств, а вы лезете к нам с какими-то бредовыми идеями.

Но сегодня действительно другое время. Кризис дышит в затылок, требует от людей пересмотреть своё отношение и к инновациям, и к тем идеям, от которых в своё время отмахнулись. Бумеранг кризиса летает над каждым из нас, он может поднять нас на небывалую высоту, но может и опустить до самой земли, да ещё в огромную лужу.

С пониманием и заинтересованностью отнеслись в администрации Ханты-Мансийского автономного округа, когда возглавлял его губернатор Александр Филипенко. Они планировали заказать струнную дорогу для города Ханты-Мансийска, выделить для её строительства восемьсот миллионов рублей.

ООО «СТЮ» – разработчик струнных технологий – предложил построить в округе три тысячи километров струнных дорог: грузовых, городских, междугородных высокоскоростных. Эти дороги здесь очень нужны, так как этот северный округ, в котором проживает всего полтора миллиона человек, занимает территорию с Францию. И даёт в бюджет страны денег больше, чем любой другой регион, в том числе Москва. Экспертами подсчитано, на что имеется технико-экономическое обоснование, что за двадцать лет социально-экономический эффект от предложенной сети струнных дорог составит один триллион двести миллиардов рублей. Это около сорока миллиардов американских долларов.

Если реализовать такой проект в Беларуси, то эффект будет ещё большим.

А ведь это предлагалось раньше. Тогда помощник Президента, доктор экономических наук Капитула писал в своей докладной записке, что экономика России и Беларуси может быть построена вокруг этой инновации, потому что мы можем завершить разработку отраслеобразующей инновации, а технологию затем продавать по всему миру, зарабатывать на этом. Не на нефти, которой у нас нет, не на руде и каменном угле, которых нет в Беларуси, а на инновации, на интеллектуальном богатстве страны. Это как автомобилестроение Генри Форда. Это же десятки и сотни миллиардов, их можно было заработать. Но для этого нужно было хоть немного вложиться в технологию, а не пытаться отнять её у разработчика, ничего не предлагая взамен.

Что же будет завтра?

Идёт реклама по телевизору: как можно быстро долететь на самолёте из Минска до Москвы. От двери до двери. «Лететь» надо

часов пять, не меньше, со скоростью девятьсот километров в час, преодолевая при этом мощное аэродинамическое сопротивление, поднимаясь на высоту десять километров и больше. Это как сходить в гости в соседний аул, перелезая при этом через Эверест и ещё одну горку высотой с километр с гаком. Да ещё с рюкзаком за плечами под тонну весом – столько приходится веса самолёта с топливом на одного пассажира. Ну очень «эффективное» и «экологичное» путешествие.

По струнной же дороге мы сможем добраться «от двери до двери» всего лишь… за два часа, по горизонтальной линии, без всяких подъёмов и спусков, на что тратилось бы дополнительно топливо. При скорости в триста пятьдесят километров в час. И обойдётся это в несколько раз дешевле.

Важна не скорость как таковая, а важно потраченное время и с каким комфортом и сколько выложим денег за путешествие. В струнном транспорте ехать не только дешевле, но и удобнее и безопаснее.

И, как говорят у нас на Полесье, колесом дорога!

По пути в санаторий

Приехала Юлия Степановна с Тамарой в Гомель.

Захотелось на внучка Дениску посмотреть, с сыном увидеться.

Анатолий возил их по Гомелю, знакомил с достопримечательностями областного центра. На лебединое озеро ходили – лебедей кормили. Не забыли и белок угостить, которые прямо из рук брали семечки и орехи.

К обеду вернулись домой.

В коридоре раздался телефонный звонок. Ближе к дверям сидела Тамара – она и подошла к телефону.

– Алло, слушаю!

– Здравствуйте, с кем имею честь разговаривать?

– С Тамарой, отец, – узнав голос Юницкого-старшего, произнесла Тамара.

Эдуард Петрович на мгновение от удивления замолчал, а потом переспросил:

– В гости приехала к Толику?

– Да, и приехала вместе с мамой. Толя и Галя на работе. Денис в школе. Мы одни дома.

– Дочка, я еду на машине в аэропорт. В санаторий путёвку

выделили. У меня в запасе будет полчаса – можно я загляну, навещу вас? Как мать отнесётся к моему визиту?

Тамара, прикрыв трубку ладонью, спросила у матери:

– Мам, отец хочет заехать к нам, как ты – не против?

Мать пожала безразлично плечами:

– Имеет такое желание – пусть заезжает.

Тамара ответила отцу:

– Приезжай.

Он приехал через час. Тамара выбежала в коридор, обняла отца, расцеловала. Он вручил ей огромную коробку конфет, бутылку коньяка. Зайдя на кухню, не знал как поступить: мать сидела на кухне, не поднималась. Только взглянула безразлично на него, еле заметно кивнула головой, ответив на его приветствие.

Тамара поставила на стол рюмки, добавила закуски, зелени.

Эдуард разлил коньяк по рюмкам, предложил тост:

– За ваш приезд и нашу встречу!

Тамара выпила с отцом, Юлия Степановна только дотронулась губами, отставила рюмку в сторону. Разговор как-то не клеился, и она, видя это, молча вышла из-за стола.

– Как живёшь, дочка?

– Да как тебе сказать? Хотя немного и ошибочно избрала свою дорогу, но жизнью, можно сказать, довольна. Только устаю страшно. Не думала, что работа хореографа и культработника такая тяжёлая…

– А какая работа, Тамара, может быть лёгкой? Все мы устаём на работе, когда полностью ей отдаём себя. Но, я так понимаю, ты выбрала работу по душе?

– Да, согласна, отец.

– Расскажи, чем занимаешься? В чём заключается твоя работа?

Тамара посмотрела на него, как будто удивилась, что его заинтересовала её жизнь, пожала плечами:

– О работе можно рассказывать ночь и день, но если кратко, то и нескольких слов хватит. Тогда я не поступила в московское училище. Поступила в другое и в другом городе – в хореографическое. Гастроли, поездки по Сибири и Уралу, на корабле по Оби с народным театром недавно долго плавали. Была воздушной гимнасткой, падала, травмы получала. Растянула позвоночник, проблемы с ним. Зато у меня грамоты всесоюзного масштаба, так сказать, имею международный авторитет…

В глазах отца и радость, что она достигла таких высот на поприще культуры, и сожаление, что многого о ней не знает.

– М-да… – произнёс, вздохнув, Эдуард. – Проблемы, проблемы… А как семейная жизнь? Всё ладится?

– Это отдельный разговор, отец. Немного сожалею, что тогда не прислушалась к твоему совету не выходить замуж за Виктора. Что ж, ошибки юности… У меня сын и две дочери, правда от разных мужей – от Виктора и Казбека.

– И у тебя… – вздохнул отец и нахмурился. – Жаль.

Эдуард посмотрел на часы.

Он снова налил в рюмки – на посошок, выпил до дна.

– Я с благодарностью вспоминаю, как ты прислал мне туфли, когда я пошла в восьмой класс. А потом, когда ты привёз мне туфли в Тюмень для выпускного, когда мы на Толикову свадьбу съехались. Я специально в них сфотографировалась, чтобы осталась о тебе память. А варежки я долго носила, они защищали меня от холода.

За окном посигналил водитель.

– Мне пора, дочка, как время летит быстро… Как и вся жизнь.

– Я проведу тебя, хорошо?

Когда они вышли в коридор, из комнаты вышла Юлия Степановна, тихо произнесла:

– До свидания…

Тамара проводила его до машины.

На прощание обняла, прислонилась к нему.

– Светлого неба, отец, и хорошего отдыха!..

Вопросы к матери и самому себе

Не выдержал Анатолий – бросив все дела, перенеся деловые встречи на следующий месяц, полетел к матери. Взял билет на самолёт, предупредив Надю, помчался в аэропорт.

Мать не удивилась приезду сына, только обрадовалась.

Улыбнувшись, сказала:

– А я знала, что ты приедешь. Светлый сон видела о тебе. Будто ты летишь по небу и мне рукой машешь. Я так и подумала – ко мне прилетишь. Соскучилась я по тебе, Толик.

– И я тоже. Потому и прилетел.

…Он проведал Тамару, которая жила рядом с матерью – в соседнем доме, прошёлся по городу. Навестил своих друзей, заглянул в школу.

И отлегло от сердца. Он погасил огонь ностальгии по родным местам.



Вверху (слева направо): Тамара,
Виктор Панигоровский (первый муж), Галина.
Внизу: Анатолий, Денис, Саша и Юлия Степановна, г. Гомель, 1976 г.

А в третий вечер, когда не хотелось уже никуда идти, решил вместе с сестрой побыть у матери. Мать испекла пирог и заварила чай в огромном фарфоровом чайнике.

Угощались пирогом, запивали чаем, запах которого разлетался по всей квартире. Молчали. Но за этой молчаливостью настойчиво просился в их сердца откровенный разговор.

Трое почувствовали, что пришла пора поговорить.

Мать расспросила о делах сына, как думает жить завтра.

Но как-то все не по главной дороге шли, а второстепенной. Анатолий никогда не задавал матери вопросы, которые могли её обидеть. Как и мать не углублялась в проблемы сына, ожидала, когда ему самому захочется о них рассказать…

…Помнится, тогда, когда они жили в Крюках, он надумался съездить в гости к отцу. Спросил осторожно у неё:

– Мам, можно я съезжу к отцу? На всё лето.

Мать не удивилась, не обрадовалась, как-то безразлично отнеслась к его просьбе. Ответила не сразу. Подпёрла щеку рукой, задумалась.

– С чего бы это вдруг?

– Не вдруг, и ни «с чего». Просто хочу побывать у него.

– Но у него же другая семья.

– Ну и что? Я же его сын. Как и Тамара, моя сестра.

– А он знает, что ты собираешься приехать к нему?

– Нет. Я сначала отпрашиваюсь у тебя, а потом спрошу разрешения и у него. Напишу ему письмо. Думаю, что он мне не откажет…

Мать вздохнула, подтвердила его предположение:

– Да, не откажет… Но он и так уже два раза приезжал за тобой.

– А сейчас я хочу к нему сам приехать.

– Что ж, езжай, если надумал…

– И я хочу к папе в гости, – неожиданно напросилась сестрёнка, стоя у него за спиной.

– Ты ещё маленькая, Томочка, подрастёшь, тогда будем говорить об этом.

Сестра не обиделась, отошла в сторону.

Мать не противилась, чтобы Толик встречался с отцом. Тем более, что Эдуард хотел его чаще видеть.

… Некоторое время молчали за столом.

Мать держала в руке чашку с чаем, подносила к губам, сделав несколько глотков, ставила снова перед собой.

Анатолий почувствовал, что мать расположена к беседе. Как и Тамара. Наверное, в душе за много лет накопилось многое, и теперь пришла пора поделиться своими мыслями. Мать всю жизнь была Учителем, Воспитателем, Советчиком, Утешителем… На то она и мать, чтобы принимать на себя боль и радости сына и дочери, оберегать их от несчастий и бед, необдуманных поступков.

– Помнишь, когда мы в гости с Тамарой к тебе приезжали? Зашёл твой отец, а у меня ни одна жилка не дрогнула. И вроде не чужой, но и своим назвать не могу. Когда-то я с ним прожила хоть и короткий, но счастливый отрезок времени. Я верила ему во всём, боготворила его, радовалась его успехам. И сама хотела дотянуться до него…Хотела выучиться, стать образованным человеком.

Сын молчит, не перебивает.

У матери голос спокойный, у неё нет душевного волнения от

тяжёлой прошлой жизни, как и сожаления, она просто проверяет свои мысли, чтобы убедиться в правильности своих поступков по отношению к детям.

– Но кто-то невидимый столкнул нас с избранного пути, по которому мы шли вместе с твоим отцом. Соединил нас Бог, но вмешался тот, кто противился нашему счастью. То ли я не молилась, как должно было, Господу, то ли понадеялась, что само счастье упало к моим ногам с небес, но, ослепнув, я не заметила, что вместо главного пути, большака, как у нас называют главную дорогу, перед нами пролегла дорога через болото.

Мать снова отпивает из чашки ещё не остывший чай, щурится, вглядываясь в то далёкое время, когда она девчонкой встретила молодого мелиоратора, когда бродили росными ночами по полям, мечтая о совместном счастье…

Юлия Степановна улыбается, и от этого появляются у неё морщинки, словно от солнца растекаются лучики светлости и воспоминаний о прошлом, и она на глазах молодеет, светится женским счастьем и любовью к сыну.

– Мы смотрели с Эдиком на звёзды, любовались красотой неба. И, видимо, хоровод звёзд закружил нас в волшебном танце, ослепив нас, сделав глухими и незрячими… Видимо, звёзды те были заряжены не добротой, а несчастьем.

– Мам, звёзд хороших или плохих не бывает. Они просто звёзды. Яркие или тусклые, тёплые или холодные.

Он как будто защищал «свои» звёзды, не хотел, чтобы мать посылала на них своё недоверие и обиду.

– Может, и так, сынок, я не спорю. Бог посылает нам счастье и любовь, а кто же тогда отнял их у нас? Кто?

Сын пожал плечами. Не только он, но и никто во всём мире не может ответить на такой вопрос.

– Помнишь соседку нашу, бабусю Настю? Она ткала сказочные «простирадла». Так звали у нас на Полесье сотканные на самодельном ткацком станке покрывала, простыни – по-разному их называли. Бабушка Настя, казалось, ничем не выделялась среди других ткачих наших Крюков. Но что удивительно… Первый раз, глядя на сотканный сувой, ничего не увидишь удивительного: узор как узор, чёрный цвет, жёлтый, красный… Но потом, тщательно присмотревшись, открываешь для себя совсем иное – целый мир перед твоими глазами, чужая жизнь, наполненная разными красками. И, с другой стороны, это и твоя жизнь, и жизнь соседей. И

наматывались на вал не метры и не льняные шедевры, а страницы истории со всеми жизненными перипетиями, трагедиями, радостями, историями… Получалась, что сотканное изо льна полотно превращалось в биографию каждого, отдельно взятого, человека – жителя не только Крюков, но и всей Беларуси…

Анатолий удивлялся матери. Никогда она не говорила такими словами. Словами философа и литератора. Всю жизнь она добывала хлеб насущный, копаясь в земле. Спускалась в забой – давала уголёк стране, не гнушалась никакой тяжёлой или грязной работой, только бы прокормить и одеть своих детей. А тут… А тут она открывалась ему с незнакомой, неожиданной стороны, обнажая перед ним свою душу, словно стараясь показать, что её волновало, что не давало покоя.

– Отец тебе говорил, что я ему нанесла душевную травму на всю жизнь. Это когда я с вами приехала к нему в Калинковичи без предупреждения. А у него оказалась «новая жена», которую он привёз из Узбекистана. То же самое я могу сказать и о нём – боль, которую он мне нанёс, не проходит и до сегодняшнего дня. На сердце рана, которую не в силах вылечить ни один хирург. Но с годами я поняла: это не мы нанесли раны друг другу, а кто-то другой. Может, время, в котором мы жили, может, чья-то ревность или зависть, не знаю. Это сложно объяснить, невозможно объяснить. И никто, наверное, это не сможет объяснить, не так ли, сын?

Анатолий пожал плечами, не зная, что ответить. И у него, как и у Тамары, не было ответа на поставленный матерью вопрос.

– Но что это у вас, Юницких, получается? Один сбился с дороги, перескочил на другую. Сын поскользнулся, свою дорогу избрал. Почему вы не пошли одной дорогой с Галиной?

Мать посмотрела укоризненно на сына, ожидая, что он ответит.

– А вот тут уже точно звёзды виноваты, и – Циолковский. Она хотела, чтобы я был на земле, а я находился там, в небе…

Мать помнила, что в детстве не понимала его. Учителя говорили ей, что сын её не похож на остальных учеников, что он космосом бредит и Циолковским, что не помнит ни одной исторической даты, но уравнения по математике, тригонометрии, формулы по химии решает лучше самих учителей… И сказали, что он больше знает о звёздах, чем о жизни на земле.

Это её радовало и огорчало. Она помнила, как он однажды упал с лошади, как принесли его, бездыханного, домой. Она уже и не верила, что он останется в живых – сердце еле-еле билось в его



Анатолий с мамой Юлией Степановной.
Аэропорт, г. Джезказган, 2010 г.

груди. Когда очнулся, первое, что он спросил, было: «А они уже прилетели?»

Мать только кивнула в знак согласия головой, ощутив в тот момент, что он находился в другом мире, на другой планете Юнита, которую он придумал тогда, в детстве… И он всё время мечтал отправиться на ту планету. Она не спрашивала о том, кто «они» и откуда «прилетели».

Просто прижала его голову к своему сердцу, забрала всю его боль себе.

– И у тебя не было обиды, сын, на неё, что она так обошлась с тобой: поленом да по голове?

– Нет, наоборот, рад был этому. Больше скажу – я счастлив.

Мать с удивлением посмотрела на сына – на шутку его ответ не похож, но и принять его как серьёзный тоже невозможно.

Видя, что мать ничего не поняла, постарался объяснить ей более простыми словами:

– Я не только простил обидчикам и врагам своим, но и полю-

бил их с большой душой. Господь заповедовал нам любить врагов своих. Я и сам вначале не понимал этой заповеди. А оказывается, она настолько проста и естественна, как вдыхание воздуха в наши лёгкие. Ты с отцом не нашла общего языка, как ты сама говоришь, кто-то вмешался в ваши отношения и разорвал ваши узы. Отец признаётся, что боль, которую ты причинила ему, до сих пор саднит. Ты говоришь, что никогда не сможешь ему простить, как он с тобой поступил, даже уйдя из этой жизни. Ты так говорила, мам?

Она молча кивнула головой, потому что спазмы сжали её горло – никогда и никто не говорил с ней так, а здесь родной сын… Не могла она сейчас встать и уйти, прервав разговор, потому что знала, что больше такой возможности поговорить откровенно никогда не будет.

– А задумывалась ли ты, мать, над тем, виноват ли кто из вас, не виноват, но ваша боль передаётся не только нам, а и нашим детям, внукам, правнукам. И если человек уходит из этой жизни, не простив, не покаявшись, он тем самым нанесёт огромную травму самому себе, и горе тем, кто придёт после нас. Юницкие будут страдать всю жизнь. Мой сводный брат Эдик женат третий раз. Валентин Юницкий, двоюродный брат отца, также женат третий раз. При невыясненных обстоятельствах нашли мёртвой на льду Припяти мою сводную сестру Людмилу. Меня оглушила на берегу Чёрного моря моя разъярённая бывшая жена. У Тамары пошло всё наперекосяк – дважды разводилась. Родственники разводились, вешались… Мне не удаётся претворить в жизнь мои многие проекты, которым посвятил свою жизнь. Неужели вы не знаете, что вы в некотором роде эгоисты, думаете только о себе, о своих обидах и травмах. Вы уйдёте из жизни со своими обидами и упрёками, не заботясь о нас. А кто подумает о потомках? Кто? Или вы хотите, чтобы на наш род – род Юницких и Яковцов – обрушивались одни несчастья и неудачи? Если вы любящие родители, почему не можете полюбить тех, кто будет появляться после вас на свет? Вы в ответе за них, хотя вас и не будет среди ваших потомков. Или вы хотите снять с себя всякую ответственность? Тогда вы будете держать ответ перед Богом… Как и мы.

Своими вопросами Анатолий застал мать врасплох. Она даже не ожидала, что разговор повернётся в другую сторону. Сын не обвинял её и своего отца, он просто спрашивал, чтобы и самому разобраться в этом сложном клубке семейных и бытовых отношений. Он одинаково любил и отца, и мать, и братьев, и сестёр сво-

их – сводных и родных, и не хотел, чтобы кому-то из них не повезло в жизни и счастье обошло их стороной.

– Недавно у меня состоялся откровенный разговор со священником. Случайно познакомились. Не в церкви, в сквере. Я сидел на скамейке, и он подсел ко мне. Он почувствовал, что в моей душе творится неладное, поэтому и спросил, что мучает меня. Я вначале не хотел открываться перед ним, но потом как будто кто подтолкнул меня, и я рассказал ему всё не только о себе, а и обо всех нас. Это было вроде исповеди, вроде моего покаяния. Он внимательно слушал меня, а я говорил, говорил, говорил… Выговорившись, я почувствовал, что у меня стало легче на душе, словно и в самом деле я был на исповеди. А потом говорил он. Легко укорял меня, что я не прихожу в храм и не доверяю Богу свои сомнения и грехи. Он сказал мне главное – жизненные неурядицы у нас будут происходить до тех пор, пока мы не покаемся в своих грехах, в грехах родителей, придя на исповедь и причастие, что в этом сокрыта великая тайна и что без прощения грехов не может жить ни один человек. И ещё сказал: никто из детей не имеет права осуждать или укорять своих родителей, какой бы грех они не совершили. Это касается и меня, и Тамары, и наших детей и внуков. Я с Тамарой не могу укорять отца, почему так случилось, как не может меня укорять мой Денис, что мы разошлись с его матерью, а тебя, Тамара, – Саша, Карина и Эвелина.

Юлия Степановна молчала. Для неё в этот момент сын был и строгим судиёй, и укорителем совести, и врагом, и другом, и мягким, и одновременно жестоким и справедливым открытием, какое место должен занимать человек в этой жизни.

Толя не был обвинителем, не был адвокатом, он просто хотел примирить боль с бальзамом, огонь с живительной водой, любовь с ненавистью, горе с радостью, прозу с поэзией…

– Толик, как я рада, что ты ни на кого не имеешь обид, что ты живёшь в мире радости и согласия. Спасибо тебе, и прости меня…

Она обняла сына за шею, прислонилась к нему. Сын поцеловал её в лоб, прошептал:

– Ты самая лучшая в мире мама…

– А раз я лучшая в мире мать, то ты должен выслушать и мою исповедь. Ещё время не позднее – успеем наговориться.

– Успеем, мама, мы никогда так с тобой не говорили.

Их поддержала и Тамара…

Исповедь матери, или Ветви и корни

– Мама, расскажи о себе – кто ты, откуда, кто твои папа и мама, дедушки и бабушки.

– Вам это интересно?

– Да, очень.

И тогда она достала из своего тайника металлическую коробочку, в которой хранила документы и фотографии. Разложила перед ним выцветшие от времени фото, начала рассказывать...

– Моего отца звали Степан Тимофеевич Яковец. Мама – Евдокия Силовна, в девичестве – Критенкова. Мама моей матери Дуня умерла при родах. Отец Сил женился, а её, маленькую, взяла на воспитание старшая сестра Анна. Все знали, что Сил был богатым человеком, родом из богатой семьи. Прожил он более девяноста лет. Когда умер, его богатство – имущество – было поделено между восемью его детьми.

– А родители Степана Тимофеевича, твоего отца?

– Отец моего отца – дедушка Тимофей Степанович Яковец – с женой Анастасией – Настей – приехал в Гомель. Пошёл к помещику и купил у него хороший надел земли. На той земле, недалеко от Крюков, находился хутор. Там и поселился дед Тимофей. Места там красивые, земля давала богатый урожай. Дед хотя и отдал большие деньги за землю, но она стоила того. Со временем Тимофей развёл большое хозяйство: коровы и свиньи, гуси, куры. Пасеку развёл огромную. В семье один за другим рождались дети. Когда выросли, они все помогали родителям. Работящие все были, здоровые и сильные.

А потом война… Увидел Тимофей, что к его хутору приближаются немцы, бросился в лес. Не надо было этого делать. Его бы никто не тронул. А так немцам показалось, что это партизан убегает к себе в лес, и открыли стрельбу. Это было в 1943 году. А его жена Настя умерла сразу же после войны…

– А твой папа – наш дед? Что с ним стало?

– Пропал, детки мои, без вести. Я писала запросы в разные инстанции, чтобы рассказали об отце, сказали хотя бы, где погиб, где похоронен… Ничего мне не сообщили.

А мама – Евдокия Силовна – умерла осенью 1949 года, когда Толику было полгода. Строили хату, а её чем-то крыть надо. Мать собирала по пояс в воде камыш. Тогда холодная осень была. Мать

простудилась, воспаление лёгких. Не оказали ей вовремя помощь, умерла.

Ну что рассказать ещё об отце? Родился он в 1899 году. Когда исполнилось ему восемнадцать лет, женился на пятнадцатилетней Евдокии Критенковой. У них родилось девять детей. Третьей среди них родилась я. Как только стала ходить, начала помогать родителям. Потом в школу пошла. Но доучилась только до четвёртого класса. Нужда заставила идти работать. В одиннадцать лет пошла нянькой в семью агронома колхоза. А потом тот же агроном определил меня на работу в колхоз.

Днём в поле, а вечером домой спешу, на моих руках младшенькие Сеня, Леночка, Татьяна, Людмила, Вася и Петя. Постирать, накормить, помыть их – работы хватало, за ночь не переделать.

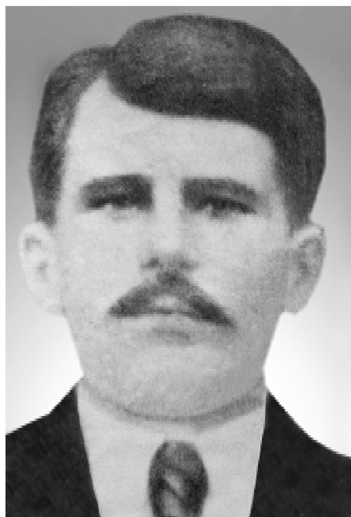
Так что, деточки мои, детство прошло у меня в трудах и заботах. Радостью в детстве меня Бог обделил. А потом война… Жили в землянках, в холоде и голоде. Каждый день наша жизнь была в опасности, мы находились на волоске от смерти. Но Бог помог нам выстоять и выжить в тех нечеловеческих условиях.

День Победы. Победили врага, у всех радость, а нам нужно опять выживать: никакой помощи от государства. Была бы на руках «похоронка» – тогда другое дело, а так… «Может, он в плен сдался во время войны, – отвечало нам местное начальство, когда мы обращались за помощью, – пишите, может, и отыщутся следы…»

Писала – никаких следов. Пошла на самую тяжёлую работу, на торфоразработки. Торфозавод платил гроши за наш непосильный женский труд. И пыли той так наглотаешься за день, что вечером харкаешь одним торфом.

И вот тогда, в 1948 году, приехал в нашу деревню молодой мелиоратор. Познакомились, вечера проводили вместе. Это и был ваш отец – Эдуард Петрович. Поженились… Сначала ты, Толик, появился – 16 апреля 1949 года, а потом и Тамара – 17 августа 1952 года.

Счастливы были мы восемь лет – ровно столько, сколько был с нами отец. Хотя он и служил в армии, потом ездил поступать учиться, но не поступил в академию, не допустили до учёбы из-за того, что считался сыном врагов народа. Мать и отца его расстреляли энкавэдисты. Мой отец пропал без вести на войне, а его отца расстреляли свои в смутные тридцатые. Рассказывал, что воспитывался в детском доме, а в войну их Дорошевичский лагерь эвакуировали под Ташкент. Хлебнул и он горя, еле жив остался… Потом отец уехал в Ташкент – учиться в инженерно-строительном институте. Там и встретил ту женщину – Зою…



Степан Тимофеевич Яковец



Евдокия Силовна Яковец



Юлия Степановна Юницкая (Яковец)

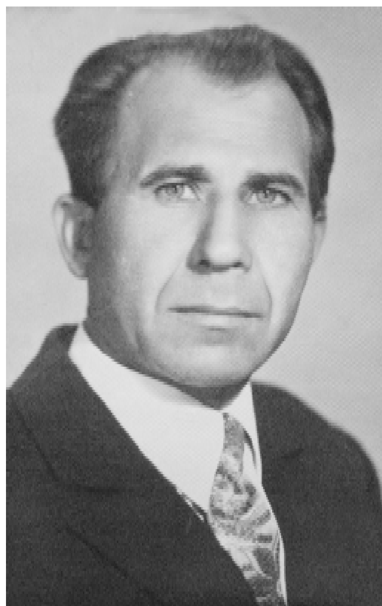
Ты, Толик, очень поздно научился говорить, почти в два года. Но рос очень умным и сообразительным.

А потом мы поехали к моему брату Сене и сестре Татьяне в Украину – в город Коммунарск. Я пошла работать в шахту – спустилась в забой. А вас определила в садик. Очень много мне помогал Толик, был уже почти как взрослый. Первый класс он закончил на одни пятёрки. А потом приехал отец и забрал нас к себе в Чернигов. Проработав четыре месяца, он оставил работу и переехал работать в Калинковичи, что недалеко от Мозыря. Мне же сказал, что скоро заберёт и нас к себе. Не дождавшись от него вызова, я решила вместе с вами приехать к нему



Юлия Степановна, дядя Анисим Яковец и брат Сеня

сама. Начальник ПМК очень удивился нашему приезду, сказал, что у Юницкого уже есть жена. Я ему и показала брачное свидетельство и паспорт. Он удивился, и потом уже говорил с Эдуардом наедине. А потом так получилось, что его исключили из партии. Мы опять с вами очутились в Крюках. Я работала в колхозе. И жили мы там до 1962 года…



Брат Юлии Степановны – Сеня

Мать замолчала, склонив голову. Она держала в руках фотографию своего отца, о чём-то думала. И была она где-то далеко-далеко, в своём детстве и юности, когда в её сердце впервые постучалась любовь…

Анатолий и Тамара, перебирая фотографии, передавая их друг другу, вглядывались в лица своих родных, для них они были молодыми и красивыми, представляли то трудное и сложное время, удивлялись, как они смогли выжить в том жестоком и кровавом мире и времени…

Сочувствие друзей

Встретили его через много лет Владимир Кузьменок, Николай Пугач и Виктор Драпезо…

Сказать, что случайно встретились – так нет. Прочитал кто-то из них информацию о Юницком, разыскал, узнав адрес, и вышел с предложением встретиться.

Анатолий и Михаил тогда, как и все, увлекались «ракетостроением», мечтали о космосе. Запустили в космос не одну самодельную ракету. И прямо в небо, и по определённой цели, как когда-то Казимир Семенович, о котором они тогда не знали.



Юлии Степановне (слева) 37 лет, её подруге Нине Кузьменок – 24. У своего дома в Крюках



Донбасс. Встреча Нового года. Слева направо: Юлия Степановна, Тамара, Толик, Света (дочь Елены), Николай, Елена (на руках – Саша)

В тот вечер к запуску готовил ракету Виктор Драпезо. Да то ли перестарался с количеством пороха, то ли бикфордов шнур оказался коротким, но когда огонёк дополз до сопла ракеты, неожиданно вспыхнуло огромное пламя.

Витя успел отвернуться, а вот Анатолий доли секунды промедлил. Он понадеялся на друга, что тот сделает всё правильно, но, оказывается, ошибся.

Пламя ударило в лицо, обожгло

до крови…

Долго не сходил ожог. Мазали тело и медицинскими мазями, и народными средствами. После того Анатолий стал более осторожно относиться к строительству самодельных ракет, начал изобретать более безопасное топливо, но ещё более мощное, чем то, которым пользовались перед этим. Изобрёл, конечно. Но это было уже позже, когда переехали в Казахстан, когда жили бок о бок с Байконуром.

– Да, это я, тот Толя Юницкий, с которым ты, Виктор Михайлович, запускал самодельные ракеты, – ответил Юницкий другу, когда тот неожиданно позвонил.

– Давай встретимся, – предложил друг детства.

– Давай.

Встретил его Виктор как министра, как лучшего своего друга. На вокзал примчался на служебной машине, привёз к себе на квартиру.

Анатолий почувствовал себя не совсем уютно: в квартире обстановка, под «евро» всё сделано, пол блестит, натёртый до блеска, на стенах дорогие картины.

Обратил внимание гость на то, что дом обычный, как все, но стенки как-то переставлены, «отодвинуты».

– Да, лично сам сделал перепланировку, – понял его молчаливый вопрос Виктор. – Не хватало ума у проектировщиков, так я поправил изъян, если бы этого не сделали рабочие, потом бы всё равно переделывали.

– Почему? – не понял Анатолий.

– Я у них не принял бы дом.

– А кем ты работаешь?

– Не министром, конечно же, а простым начальником пожарной охраны нашего города.

За встречу выпили они дорогого импортного коньяку и бросились после этого в воспоминания. А потом Драпезо спросил у друга:

– А кем ты работаешь?

Вместо ответа Анатолий начал рассказывать ему о «колесе» вокруг земного шара, о трудностях, встреченных на изобретательском пути. О своих победах, о грантах, о патентах…

Виктор слушал, слушал, и Анатолий не видел, как он хмурился и поджимал зубами нижнюю губу – знак разочарования, продолжал увлечённо рассказывать о своём новом проекте.

– Так, значит, ты всё это время тем и занимался, что запускал ракеты?

В голосе послышались нотки сочувствия, даже жалости – друг

думал, что Анатолий достиг чиновничьих постов, вот-вот станет министром отрасли по строительству дорог и мостов, а он как играл в детстве в ракеты, так и остался на том же уровне… Чувствовалось, что хозяин квартиры относил себя к удачливым и «великим людям» и, услышав рассказ о жизни своего друга, сразу определил дистанцию между ним и собой: не ровня ему друг детства, не ровня…

Так и позже произошло всё, когда встретились в Москве с остальными друзьями.

Володя Кузьменок был капитаном дальнего плавания – бороздил моря и океаны, выглядел солидным государственным человеком. В голосе начальницкие нотки, баритон, чётко выговаривает каждое слово. Одним словом, от него исходили удачливость, уверенность, внутренняя сила.

Обнялись, прижав друг друга к себе, обрадовались встрече.

И второй друг – Николай Пугач – присоединился к ним.

А потом пошли в ресторан, заказали себе столик отдельно ото всех, чтобы уединиться, чтобы поговорить, вспомнить босоногое детство.

Николай тоже высоко поднялся по служебной лестнице: руководил коллективом, имел приличную зарплату, дом, машину, дачу.

И час сидели, и два, и на четвёртый перевалило время. Они радостно «купались» в том далёком времени, вспоминая те далёкие вечера, когда они сидели у костра, мечтали о будущем…

– Кстати, – вспомнил Николай Пугач, – мы тогда загадали каждый желание. Обещали, что раскроем тайну своей мечты, когда пройдет тридцать-сорок лет. Теперь мы можем это сделать. О чём ты тогда мечтал, Володя?

Капитан лайнера улыбнулся, обвёл друзей взглядом:

– Об этом и мечтал – водить корабли, хотя я тех кораблей и в глаза не видел.

– Твоя мечта сбылась. Прекрасно. Я же мечтал о солидной должности, быть приближённым к высшим лицам страны. И считаю, что и моя мечта в некотором смысле удалась, ну а ты, Толя, какое тогда загадал желание, когда горела зничка на небе?

Анатолий чувствовал, что ему перед ними похвалиться нечем, вряд ли поймут его с детской мечтой. Но всё же попробовал ответить честно, не завышая, но и не опуская своё социальное положение. Но и подумал при этом, не высказывая им вслух свою мысль, что если у них осуществились мечты, то почему не может осуще-

ствиться у него? Что, уже жизнь прошла, всё главное разве позади, в прожитых годах? Да нет, друзья мои, осознанная и насыщенная жизнь изобретателя только начинается.

– А я тогда загадал желание связать свою жизнь с космическими дорогами.

– Значит, остался в детстве?

– Да. Другой мечты у меня не было.

– Не жалеешь? – спросил сочувственно Николай.

– О чём?

– Ну… что не поднялся выше своей мечты. Ты же отлично владел физикой и математикой, мог достичь вон каких высот.

И почувствовал Анатолий, что они, его друзья детства, разочарованы в нём, даже жалеют его, сочувствуют, что у него не задалась жизнь. Спросили даже, может, помочь ему чем-то надо, хоть материально, хоть по службе, потому что у них огромное влияние на людей, от которых зависит многое.

– Да нет, друзья мои, – заулыбался Анатолий Юницкий, – благодарствую… У меня всё нормально, у меня всё отлично. И я рад, что следую своей мечте детства. Спасибо, что организовали эту встречу. Я стал богаче ещё на одну встречу, на одно воспоминание…

Детство ушло куда-то в небытие. Друзья, сидевшие рядом, казалось, пришли не из детства, а из другого мира. И друзья ли они были или просто односельчане – соседи-мальчишки из Крюков?

Расставаясь, Николай и Виктор обещали в ближайшем будущем вновь встретиться, но Анатолий знал, что их пути разошлись. Разошлись навсегда. Они не только не проявили интерес к его космическим проектам, а даже не попытались и расспросить подробнее о них. Хотя бы для вида усладить его душу. И он пожалел о зря потраченном времени в ресторане, хотя не признался в этом друзьям.

…Пути Господни неисповедимы.

Американская одиссея, или В гости к миссис Гравес

Была же у Эдуарда Юницкого мечта, ну пусть не мечта, а простое детское желание: под американским флагом попасть в Америку. Хотел просто маршрут дальше проложить: Крушники – Ташкент – Вашингтон…

«Где вы сегодня, мои дорогие Сашка-цыган и Аркадий Талецкий? – спрашивает у себя и у времени Юницкий. – Может, вы

раньше меня добрались до Соединённых Штатов, а я – только на закате своей жизни… Да и то не сам, а по приглашению внучки Катерины, которая стала американкой и позвала к себе...»

Катенька уже взрослый человек, мать, и поэтому он должен много чего рассказать о себе. Он, сидя в кресле огромного лайнера, который летел над океаном, задремал.

И почему-то Эдуард Юницкий оказался в Ефимовском детском доме. Среди своих братьев по несчастью. Рядом – Маринка Шабалтас, Сашка-цыган, Аркадий Талецкий… Все они, как будто и взрослые, но с детскими лицами, пытливым взглядом, грызут сухари, которыми угостила тётя Нюра, ждут, когда он расскажет о своём путешествии в заокеанскую загадочную страну. Тётя Нюра перестала мешать в кастрюле затерюху, на табуретку села, кулаком щеку подпёрла, приготовилась слушать…

Тепло на душе у Эдика, хотя в помещении прохладно: зима на улице вьюжит, заметает дороги и тропы, словно их детские следы и горестную судьбу, в которую ввергло их тяжёлое время…

…Так уж случилось – не заладилась семейная жизнь у дочери Людмилы и Виктора Лагуна. Разошлись. Людмила осталась с дочерью Катериной, жили в Минске. По долгу работы часто выезжала по странам СНГ или в дальнее зарубежье. Катерину постоянно оставляла у дедушки и бабушки.

Виктор Лагун тут же женился. Им сразу же предоставилась возможность выехать за границу.

– Дочка, я, как обустроюсь, сразу же тебя заберу к себе, – пообещал Виктор Катерине. – К себе заберу…

Уехали в Америку, в город Бирлингтон – штат Вермонт.

И сразу же, как и обещал, в 1998 году прислал дочери все необходимые бумаги на выезд, снабдил деньгами. Хороший друг отца проводил Катерину до Варшавы, купил билет на авиарейс «Варшава – Нью-Йорк», и пятнадцатилетняя Катерина улетела в заокеанскую страну к своему отцу.

К тому времени Виктор Лагун развернул широкую предпринимательскую деятельность, сколотил капитал на торговле недвижимостью, стал состоятельным человеком, известным в широких кругах деловых людей…

…Приехала к родителям в Мозырь дочь Людмила из Минска. Приехала на похороны своей бабушки, Эдуардовой тёщи – Екатерины Николаевны. А через пять дней было Восьмое марта…

Друзья пригласили посидеть вместе с ними, выпить шампанского. Там присутствовали и представители правоохранительных органов, которых она хорошо знала. Согласилась, но с условием, что побудет в их компании не более получаса. И, не задерживаясь, ушла с той встречи – не до веселья ей было.

А утром, ограбленную и раздетую, её нашли мёртвой на льду Припяти…

…Катерина училась в школе и работала. За короткое время освоила английский язык, владела им в совершенстве. Заработала денег на легковую машину. Отец помог с квартирой.

Поступила потом в университет и успешно его закончила. Работала в банке. Вышла замуж, и у Эдуарда есть сегодня две американские внучки – Алексиса и София.

А Виктор Лагун привёз из Минска новую жену, медика по специальности.

Катерина не смогла приехать на похороны матери: посольство Беларуси в Вашингтоне не выдало ей визу. Приехала только спустя два месяца.

В том же году она вместе с отцом прислала Эдуарду Юницкому приглашение приехать к ним в гости. Оплатила все расходы по его путешествию.

Если тогда, в голодное и холодное время, у детдомовской «тройки» было одно-единственное желание пересечь океан и очутиться в Америке только ради того, чтобы наесться досыта, «от пуза», как говорили они, то сейчас он летел просто в гости к своей внучке…

Сидя в кресле лайнера, думал: «Какая же ты, Америка? Наверное, нелюдимая и жестокая, холодная и прагматичная…» У него, как и у всех советских людей, сложилось определённое мнение об этой стране. Советско-большевистские идеологи не жалели чёрных красок, описывая заокеанскую страну. И не дай Бог, чтобы советский человек узнал, что там живут и богаче, и веселее, что там не было такого чёрного времени, как 37-й год в СССР… И не говорили о том, что каждый человек в Америке – кузнец своего счастья. Есть голова, есть желание проявить себя – никаких преград к достижению своей мечты.

Нет, совсем другое говорили об этой стране, противоположное, будто боялись, что советский человек узнает, что где-то люди живут лучше, чем в Стране Советов…

У Эдуарда советско-сталинский строй отнял родителей, брата

и сестру, отнял детство, и всю жизнь он помнил, как от голода в животе были постоянные рези, как сердце постоянно напоминало ему о прожитых впроголодь годах…



Дочь Людмила

Но время способно залечивать раны, даже больше того – партия подняла строителя Эдуарда Юницкого до карьерных высот, надеясь, что он всю жизнь будет претворять в жизнь её идеи и планы, забыв обиды, забыв смерть отца и матери, брата Яна…

Так что летел коммунист Эдуард Петрович Юницкий в Соединённые Штаты Америки настороженный, недоверчивый, в душе называя всех (согласно установке советских идеологов), кто покинул страну Советов, не иначе как изменниками родины. Внучка была не в счёт – её же пригласил отец…

Когда вышел из самолёта и вошёл в огромное здание аэропорта, сразу же увидел, что незнакомый ему молодой человек держит в руках плакат, на котором было написано по-русски – «Юницкий».

А потом Фима Рубинштейн – друг отца Катерины – усадил его в роскошную машину, и через пару часиков они подъехали к дому. Навстречу выбежала Катерина, бросилась в объятия, расцеловала гостя, радостно воскликнула:

– С приездом тебя, дедуля!

Обнял, встречая гостя, и Виктор Лагун – бывший зять. Они всегда с уважением относились друг к другу.

…И неделю, и две, и три жил белорус Эдуард в Соединённых Штатах Америки.

Удивлялся всему и не мог поверить, что можно так прекрасно жить на свете – никого не боясь, ни от кого не зависеть, зарабатывать свободно деньги. Какое отличное медицинское обслуживание!

Кстати, о медицинском обслуживании…

Решил побродить по городу, посмотреть, порадоваться чужой

жизни. Английского языка не знает, но отец Катерины написал на листке бумаги домашний адрес и положил Эдуарду в карман – на всякий случай.

Полдня ходил по городу. В парке сидел, отдыхал. Катерина дала на дорогу бутерброд. Когда решил перекусить, его окружили синицы. Они садились ему на плечи, на голову, «тинькали» что-то весёлое на ухо…

И тогда он догадался протянуть руку с бутербродом. Они садились одна за другой. Отщипнут крошку – и улетают, уступают место следующим. А он радовался, как ребёнок, смотрел на порхающих желтогрудых птиц и вспоминал Яника, когда его, словно рой пчёл, осыпали сотни лесных пернатых и ждали, когда он угостит их хлебом…

Эдуард держал вытянутой руку до тех пор, пока синицы не склевали с его ладони последнюю крошку хлеба. И потом так же внезапно и исчезли.

С прекрасным настроением он возвращался домой.

Как только перешёл первый перекрёсток, что-то кольнуло в левом боку. Потом ещё и ещё… Всё поплыло перед глазами, зашаталась земля. Если бы не прислонился к стенке, упал бы на асфальт.

Эдуард испугался. Испугался, что находится в чужой стране и не знает языка, не знает, как позвать людей на помощь и сказать, что у него сердечный приступ.

Ему навстречу шёл пожилой человек, и Юницкий решил обратиться к нему. Превозмогая боль, сделал шаг вперёд, навстречу незнакомцу. Тот догадался, что человек старается обратить на себя внимание.

– Помогите, у меня очень сильно болит сердце, – заговорил Юницкий, показывая рукой, где у него болит, приложил руку к груди.

Прохожий улыбнулся, обрадовался, подошёл к Эдуарду, обнял его. Он просто подумал, что ему признаются в сердечных чувствах, поэтому обнял белоруса, прижал к себе.

– Сердце, у меня болит сердце…

Эдуард уже отталкивал прохожего от себя, досадуя, что тот не понял его. Тот недоуменно пожал плечами, пошёл своей дорогой.

Эдуард вспомнил, что, кроме домашнего адреса, внучка написала телефон службы спасения. Он с трудом дошёл до телефонной будки, набрал номер. На другом конце ответили сразу же, заговорили на незнакомом ему языке.

– Помогите, ради Бога, у меня сердечный приступ…

Женщина взволнованным голосом переспросила его, что он хочет.

Он сказал ещё два слова и осел тут же, в телефонной будке.

«Всё, кранты, – подумал Эдуард, теряя сознание и одновременно жалея, что отправился один на прогулку, – диспетчер ничего не поняла, что я ей говорил… А у меня уже нет сил дойти домой, не выдержит сердце. Глупо всё вышло, необдуманно… Предлагала Катерина сопровождать его, не послушался, хотелось одному прогуляться, не отходя далеко от дома…»

Сидел и слышал, как в груди вздрагивает и отзывается болью сердце. Закрыл глаза, стараясь успокоиться, часто дышал…

Не слышал, как в двух шагах от него остановилась белая большая машина. Из неё выскочил полисмен и подошёл к сидящему на земле человеку. Говорил что-то, при этом показывая жестом, не он ли вращал диск телефона.

– Да, это я звонил, – кивнул головой больной, поняв сразу, о чём спрашивал полисмен.

К нему поднесли носилки, уложили. А потом отнесли в машину службы спасения. Сразу измерили давление. Дежурный врач схватилась за голову – 270 на 180! Об этом он узнал потом, когда его привезли домой. Тут же, за секунды, сделали все необходимые анализы и безошибочно выставили диагноз.

В вену ввели спасительную жидкость – и он сразу же почувствовал, как начала к нему возвращаться жизнь. Он уже увидел удивлённо-радостные глаза женщины-врача, попробовал слабо улыбнуться.

– Спасибо, большое спасибо, – прошептал тихо, почувствовав огромное облегчение.

Он уже мог достать из кармана спасительный клочок бумаги, подал врачу.

Когда «скорая» подъехала к дому Катерины, внучка выбежала на улицу, почувствовав тревогу. Она уже подумала про самое страшное.

А когда дед Эдуард, улыбаясь, сам спустился по ступенькам из машины, спросила встревоженно:

– Что случилось, дед?

– Катенька, – попросил её дед, – скажи им огромное спасибо, что вернули меня к жизни. Скажи, что я прибыл к вам из далёкой Беларуси…

Когда внучка перевела на английский язык его слова, и полисмен, и врач улыбнулись, закивали радостно, приняв его благодарность.

А он, приложив руку к сердцу, которое уже не напоминало больше о себе, сделал глубокий поклон.

Идя к калитке, думал: «Как же они смогли отыскать меня, не понимая, что произнёс по телефону? Как они узнали, из какой телефонной будки был сделан звонок?

Удивительная страна, сказочная! Фантастическая! У нас домой могут приехать через час, а тут через три минуты они остановились возле меня на улице в нужное время…»

Сколько гостил ещё Эдуард у Катерины, сердце не тревожило его ни разу. Более того, он почувствовал бодрящую силу, радость и уверенность в себе.

Удивительный укол сделали тогда ему! И несколько лет после того случая сердце не напоминало о себе.

У него раскрылись глаза на Америку. И он после этого и после десятка эпизодов, которые круто поменяли его отношение к этой стране, не поверит никаким россказням комментаторов и журналистов, распространяющих ложь об этой стране.

Он теперь не поверит никаким репортажам, никаким статьям в газетах и журналах, которые выходят на родине.

Ибо своими глазами, своим сердцем почувствовал и убедился, что каждый человек в этой стране окружён заботой и вниманием, любовью и душевной теплотой.

Спасибо, и – слава тебе, Америка!..

…А через два года Катерина, когда выходила замуж, позвала к себе в гости свою бабушку Зою Дмитриевну на свадьбу.

Внучка стала миссис Катериной. Её мужа зовут Стивен Гравес. Он потомок династии королей Франции и до сих пор хранит у себя портрет своего предка – короля Людовика XIV.

Так что сегодня Эдуард и Зоя Юницкие имеют двух американских правнучек – Алексису и Софию.

Катерина несколько раз приезжала в Беларусь – навещала родственников в Минске и обязательно гостила у деда Эдуарда и бабули Зои в Мозыре. Навещала могилу своей матери, которую похоронили в Мозыре…

Когда Эдуард Юницкий летел над Антлантикой назад, приснился ему удивительный сон. Детство приснилось. Детдом приснился и друзья. Приставали с вопросами: «Расскажи, как там, в той Америке?»

Много чего интересного рассказывал детдомовец Эдик Юницкий своим друзьям. Они слушали его с раскрытыми ртами.

Сашка-цыган не выдержал, спросил о главном:

– Эдик, а кормили тебя чем? Ты хоть отъелся там?

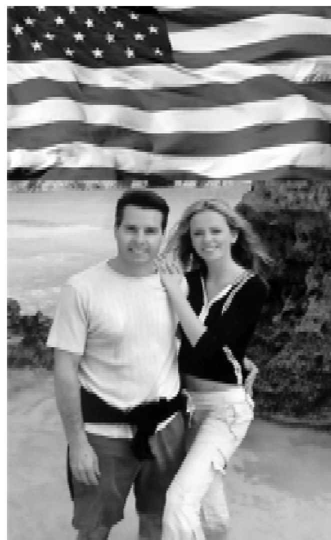
– Так отъелся, что хватит на всю оставшуюся жизнь…

– Везёт же некоторым, – сглотнув слюну, прошептал Аркадий Талецкий. – Мы рады, Эдик, за тебя, очень рады.

Эдик достал из сумки огромный пирог-пиццу, который испекла внучка. Разрезал его, чтобы хватило на всех. Взяв один кусок, положил на пластмассовую тарелочку, первой отнёс детдомовской поварихе.

– Спасибо, тётя Нюра. За всё спасибо – и что спасали меня от голодной смерти, и что наставляли вместе со старушками на путь истины, веры и правды…

На глазах у женщины выступили слёзы…



Внучка Катерина и её муж Стивен Гравес

Часть пятая

Жизнь в… вакууме

Более двух десятилетий назад, а если точнее, в 1987 году в пятом номере тонкого журнальчика-бюллетеня Советского комитета защиты мира «Век XX и мир» (выходил ежемесячно на русском, английском, французском, испанском и немецком языках) напечатал Анатолий свой главный труд «Спасательный круг» планеты» под рубрикой «СССР – США: семинар общественности».

Тогда же, когда он спорил со своими друзьями после рыбалки, выиграв пари, и выложил по их просьбе свою идею ОТС. Они слушали, не перебивая, не задавая ему никаких вопросов, потому что перед ними сидел не тот человек, который бросается словами, а отвечающий за каждое своё слово.

– Мы поверили в твой проект, – только и сказали его друзья, – но обсудим его в другой раз, когда осмыслим, когда подготовимся.

Итак, публикация вызвала живой интерес у космонавтов, учё-

ных, людей Советского Союза.

«Спасительный круг» планеты

«...Уже в наши дни пора задуматься о грядущем промышленном освоении околоземного пространства», сказал, выступая на советско-американском семинаре, инженер из Гомеля А. Юницкий. Выдвинутый им проект принципиально нового космического транспортного средства призван обеспечить грандиозные переброски грузов на орбиту.

Осуществим ли этот проект? Автор утверждает, что технически – безусловно, да. Затраты же сравнимы с расходами на рейгановскую систему «звёздных войн».

Для осуществления этого сугубо мирного глобального проекта потребуются объединённые усилия всего человечества...

Именно в наши дни, более или менее освоив казавшуюся бескрайней Землю, посмотрев на неё со стороны, из космоса, мы вдруг осознали, что ресурсы нашей прекрасной голубой планеты – будь то пространственные, сырьевые или энергетические – имеют предел, к которому наша цивилизация стремительно приближается.

И уже всё большее количество людей начинает осознавать и понимать, что человечество может оказаться в ближайшем будущем перед труднейшей дилеммой: либо нужно вообще отказаться от всякого дальнейшего существенного прогресса, остановить его стремительное развитие, либо... либо остановить рост своей численности (рождение людей) и законсервировать научную технологию на одном уровне. Сделать это только ради одного: самим себе устроить, обеспечить, «подарить», в конечном счёте, более или менее комфортабельную и стабильную жизнь на своей планете. Но кто может остановить прогресс, остановить рождаемость? Никто. Время нельзя повернуть вспять.

Тогда напрашивается вопрос: что делать? Ответ таков: нам всем вместе нужно стать на путь поиска новых жизненных пространств и ресурсов. А они есть в необъятном космосе. Мы только должны сделать выбор.

Хотя выбора, собственно, может и не быть, так как из-за естественной инерции технологического прогресса мы при всём желании можем не успеть вовремя – до катастрофического перегрева, засорения окружающей среды и исчерпания доступных человеку ресурсов – затормозить своё развитие. Слишком велик, практически возможный, минимальный «тормозной путь» стихийно разви-

вающегося человечества в современных условиях политических и социальных разногласий.

Это не моё мнение. Таково мнение пессимистов. Я оставляю за вами право быть на той стороне или на этой. Выбор за вами.

Оптимисты же считают, что массовый выход в космос и его освоение будут отнюдь не бегством, а стремлением к свету и пространству. И если выражаться словами гениального Циолковского, то и переселением в иные сферы космического бытия. Космос будет необходим человечеству из-за его необъятных просторов, неисчерпаемых ресурсов и качественно новых условий космической среды обитания как основы развития производства, науки, количественного роста человеческого общества и его социального расцвета.

Это то, что касается мирных планов.

Но у человечества есть «злокачественная опухоль» (военно-промышленные комплексы индустриальных стран), которая может дать метастазы в космическое пространство и привести в конечном итоге к гибели в ядерном пожаре всего «организма» – неповторимой и, возможно, единственной в просторах Галактики цивилизации. Но если эти триллионы долларов будут направлены не на реализацию программы «звёздных войн», а на мирное освоение космического пространства, то человечество не только не погибнет, но и вступит в качественно новый этап своего развития.

Таким образом, в любом случае колонизация космического пространства представляется неизбежным этапом в развитии нашей цивилизации. Но будет ли человечество готово к такому шагу, если будет опираться лишь на традиционные представления и взгляды относительно возможных путей решения возникающих при этом проблем?

Слова «космос», «освоение космического пространства» у нас ассоциируются со словами «ракета», «ракетно-техническая техника». За неполные тридцать лет практическая космонавтика, начинающая свой отсчёт 4 октября 1957 года с запуска первого искусственного спутника Земли, достигла огромных успехов, которые не раз удивляли и поражали весь мир.

Но давайте мы посмотрим на ракетно-космическую технику с другой стороны, а именно: только как на транспорт. На сегодняшний день усилиями всего человечества в космос выведено около десяти тысяч тонн полезной нагрузки. Много это или мало? Сегодня трудовой космос начинается на высоте 200–300 километров от поверхности планеты. Там летает большинство орбитальных стан-

ций и спутников. И если провести аналогию с наземным транспортом, то за этот же срок на такое же расстояние в 200–300 километров и такое же количество грузов перевезёт на земле одна крепкая телега и пара хороших лошадей.

И тогда получается, что на одной чаше весов транспортный эквивалент одной, всего лишь одной телеги, на второй чаше – сотни миллардов рублей и долларов и титанический многолетний труд сотен тысяч рабочих, инженеров, учёных. Труд, который не под силу экономике многих государств.

Уже подсчитано, что только 85 частых запусков американского орбитального самолёта «Шаттл» приведут к катастрофическому и необратимому разрушению озонового слоя планеты продуктами сгорания ракетного топлива. А это вызовет, если так и случится, гибель всего живого на территории в миллионы квадратных километров под воздействием свободного проникающего к поверхности планеты мощного ультрафиолетового излучения солнца.

Поэтому экологический транспортный предел ракетной техники типа кораблей «Спейс шаттл» – величина порядка 10 тысяч тонн грузов в год. Такая транспортная работа, которая является предельной на трассе «планета – орбита», на поверхности Земли выполняется одним грузовым автомобилем средней грузоподъёмности.

А теперь давайте вместе с вами проведём мысленный эксперимент: уберём с планеты весь транспорт, то есть все легковые и грузовые автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, поезда, самолёты, вертолёты, речные и морские суда, мотоциклы и велосипеды, и гужевой транспорт тоже. Оставим на Земле лишь один-единственный грузовой автомобиль. Обеспечит ли он транспортные нужды нашей цивилизации, нужды промышленности и энергетики всей планеты? Закономерен и второй вопрос: а обеспечит ли эквивалентный одному автомобилю ракетный транспорт (и это его предел!) индустриализацию космического пространства, где со временем, а это рано или поздно произойдёт, будет создана индустрия, соизмеримая и даже превосходящая по своим масштабам современную наземную?

В то же время закономерно возникает и третий вопрос: а может, космос нам вообще не нужен, тем более что попасть в космическое пространство для нас так сложно и так баснословно дорого?

…Жизнь на Земле зародилась около четырёх миллиардов лет назад. Срок огромный. Поэтому эволюция за эти миллиарды лет создала такие формы жизни, для которых земные условия являются идеальными. Мы – дети планеты Земля. Нигде в необозримых про-

сторах Вселенной для нас, землян, не может быть лучших условий, чем на нашем столь небольшом и хрупком голубом шарике. Поэтому на орбите семена, посеянные в грунт, не желают всходить, а космонавт, здоровью которого может позавидовать любой из нас, некосмонавт, после возвращения с орбиты целые дни, а иногда и недели, мало чем отличается от тяжело больного человека. Это естественно и объяснимо.

Но кто возьмётся утверждать, что, например, для выплавки стали нужна только сила тяжести, эквивалентная ускорению в девять целых и восемьдесят одну сотую метра в секунду в квадрате (именно такая сила тяжести дана нам на планете, и мы не в состоянии её изменить)? И кто сказал, что для той же выплавки стали идеальной является газовая среда, состоящая из 78 процентов азота и 21 процента кислорода (именно такой состав атмосферы имеет наша планета, и нам не дано, да и не нужно его изменять). Точно такие же слова можно сказать о любом другом технологическом процессе. Для большинства процессов идеальными являются нулевые параметры окружающей среды – отсутствие силы тяжести, то есть невесомость, отсутствие газовой среды, то есть вакуум.

Получить один кубический метр глубокого и сверхглубокого вакуума на земле стоит дороже, чем выплавить кубический метр стали или добыть тонну нефти. В то же время у нас над головой, всего на расстоянии 300 километров и выше, он бесплатен. А невесомость на планете вообще нельзя получить, не считая кратких мгновений свободного падения.

Что дадут для той же выплавки стали указанные космические технологические параметры: невесомость и вакуум? Повышение её эксплуатационных характеристик на порядок. В таком случае в мире понадобится выплавлять не полмиллиарда тонн стали в год, как сегодня, а около 50 миллионов тонн, в то время как только СССР вынужден выплавлять 160 миллионов тонн стали ежегодно, а её постоянно не хватает. Тогда девять из каждых десяти карьеров по добыче железной руды можно было бы закрыть, как можно было бы закрыть и шахты по добыче угля, сталелитейные производства. А если использовать космическое сырьё, то ни один новый карьер не уродовал бы тогда лик нашей прекрасной планеты и ни одна заводская труба не выбрасывала бы дым, так чуждый голубому небу нашей планеты и чувствительным лёгким наших детей.

Или взять ту же энергетику, на развитие которой индустриальные страны тратят до сорока процентов своего бюджета. Милли-

оны людей сегодня заняты тем, что бурят многокилометровые скважины в Сибири, на Аляске, далеко в океане, роют огромные карьеры практически во всех уголках земли, чтобы добыть нефть и уголь. Другие миллионы людей везут добытое с большим трудом топливо за тысячи километров, чтобы третьи миллионы сожгли их в топках и двигателях. Четвёртые же, которых уже сотни миллионов, вдыхают, по определению Дмитрия Менделеева, полученные от сгорания «ассигнаций» дым и копоть, и всё чаще задумываются о том, что скоро противогаз станет столь же необходимой в домашнем хозяйстве вещью, как зонтик или плащ.

В космосе же не нужны ни первые, ни вторые, ни третьи миллионы людей. Ведь там с одного квадратного километра освещённой поверхности можно получить до миллиона киловатт мощности. Ажурный каркас в виде параболоида с натянутой на него тонкой светоотражающей плёнкой диаметром в несколько километров, в фокусе которого размещён обычный парогенератор замкнутого цикла с криогенным теплоносителем, заменит несколько таких мощных электростанций, как Чернобыльская атомная.

И не будет ни дыма, ни копоти, ни радиоактивных отходов, хороня которые сейчас на земле, мы возлагаем контроль за их сохранностью на двадцатое, на тридцатое наше поколение. Не будет и аварий, так как природный термоядерный реактор – солнце – запрограммирован на безаварийную работу в течение многих миллиардов лет.

Итак, именно в наши дни возникла острая необходимость поиска путей широкомасштабного освоения космического пространства. При этом должны быть соблюдены следующие условия.

Во-первых, себестоимость геокосмических перевозок должна быть снижена в сравнении с современной примерно в тысячу раз, то есть до уровня, близкого к себестоимости наземных перевозок. Иначе индустриализация космического пространства окажется не по карману человечеству. Например, если при нынешних ценах доставлять в космос ежегодно всего миллион тонн грузов (сравним: объём грузовых перевозок только на территории СССР составлял несколько миллиардов тонн ежегодно), то это обойдётся в несколько триллионов долларов ежегодно.

Во-вторых, транспорт не должен иметь экологических ограничений на рост объёмов транспортировки грузов с Земли в космос, вплоть до миллиардов тонн грузов в год, что обеспечит его развитие на столетия вперёд. Развитие без опасения нанести вред

биосфере планеты.

В-третьих, геокосмический транспорт должен базироваться на современных, а не будущих достижениях науки и техники, чтобы он мог быть реализован в те же сроки, что предусмотрены для СОИ администрацией США. Если нет, то космос быстрее освоят военно-промышленные комплексы, и тогда у человечества просто не останется больше ни сил, ни средств, ни времени на мирные усилия такого же масштаба.

В-четвёртых, проект должен исключить возможность своей реализации одной страной. Тогда он послужит основой для объединения всех стран одной общей и благородной целью и, в конце концов, сделает невозможным давление и диктат сверхдержав. Глобальные проблемы должны решаться всем мировым сообществом, а не диктоваться интересами одной страны.

В-пятых, реализация проекта должна быть выгодна всем странам, всему мировому сообществу, в том числе и военно-промышленным комплексам. Возможность ВПК влиять на судьбы мира нельзя сбрасывать со счетов. Они могут быть подключены к проекту на самых ранних этапах с более высокой рентабельностью для себя, чем в случае реализации военных программ. Это позволило бы со временем перевести военно-промышленные комплексы на мирные рельсы и, наконец, списать в архив военные конфликты на нашей многострадальной планете.

Тогда напрашивается вопрос: кто может нас спасти от ненужного и насильственного давления обстоятельств и создавшейся ситуации?

Отвечу так – таким «спасительным кругом» планеты смогла бы стать космическая транспортная система, или Общепланетное транспортное средство (ОТС), способное за один рейс доставить на орбиту сотни миллионов тонн грузов и сотни миллионов пассажиров. Оно удовлетворяет всем перечисленным требованиям. Сооружение такого ОТС, масса которого составит сотни миллионов тонн, а потребляемая мощность – сотни миллионов киловатт, – дело достаточно отдалённого будущего, середины XXI века, не ранее. Однако строительство ОТС будет многоэтапным процессом, на начальной стадии которого (по времени – начало следующего века) я и хочу подробнее остановиться.

Давайте вместе с вами представим ажурную эстакаду типа пешеходных переходов через железнодорожные пути, идущую за горизонт в обоих направлениях. Она охватывает планету по экватору или проходит в плоскости, параллельной ему. Эстакада копи-

рует крупный рельеф местности и сглаживает микрорельеф земной поверхности. Над водными просторами, которые протяжённее суши, эта конструкция будет поддерживаться на заякоренных плавучих платформах. Опорами эстакады будут служить также энергетические и административные сооружения, заводы и цеха космического уклона, жилые здания и станции формирования космического грузопотока.

Поверх эстакады будет размещён идущий вдоль неё путь, представляющий собой линейный электродвигатель и систему магнитного подвеса. Вдоль двигателя и магнитного подвеса уложена, с возможностью дальнейшего подъёма, вакуумируемая трубчатая оболочка с ротором внутри. Лёгкая тонкостенная оболочка и размещённый внутри ротор, имеющие в поперечнике 30 и 10 сантиметров соответственно, и охватывают таким образом планету, имея длину 40 тысяч километров. Ротор предназначен для выведения в космическое пространство, поэтому выполнен из доставляемой на орбиту полезной нагрузки: сырья и материалов, которые будут переработаны в космосе в изделия и конструкции, а также – из конструктивных элементов и их полуфабрикатов, необходимых для строительства различных сооружений.

Но каким образом этот ротор, находящийся в герметической оболочке, опоясывающей планету, выйдет в космическое пространство? Включаются линейный электродвигатель и магнитный подвес. Ротор, зависнув по центру оболочки, приходит в движение вдоль неё и соответственно во вращение вокруг планеты. Он движется всё быстрее и быстрее, и как только достигает скорости спутника (в зависимости от подводимой мощности он достигнет этой скорости через несколько часов или дней работы двигателя), становится невесомым. Но скорость продолжает расти, пока не достигает 10 тысяч метров в секунду. Затем отключают линейный двигатель и магнитный подвес, который удерживал ротор от преждевременного подъёма.

Поскольку ротор имеет скорость движения, достаточную для перехода на более высокую круговую орбиту, и представляет собой кольцо, охватывающее планету, то это кольцо будет продолжать вращаться по инерции и в то же время плавно увеличиваться в диаметре, пока целиком не выйдет в ближайший космос, затратив на этот путь всего несколько десятков минут. Хотя ротор будет иметь скорость метеора, он не сгорит в атмосфере, так как, поднимаясь, будет нести с собой вакуумированную оболочку, в которой он всё время до этого находился. Для этого оболочка имеет систему

автономного магнитного подвеса относительно ротора.

В процессе выхода на орбиту по мере увеличения диаметра кольца, образуемого вакуумированной оболочкой с ротором внутри, они удлиняются на 1,57 процента на каждые 100 километров подъёма над землёй. Такое удлинение без нарушения сплошности материала оболочки и ротора легко достижимо. После выхода из плотных слоёв атмосферы оболочка сбрасывается на Землю для повторного использования, а ротор разделяется по длине на отдельные фрагменты, связанные друг с другом в виде телескопических соединений, либо движущиеся по независимым орбитам.

При массе ротора 25 килограммов на один метр длины за один рейс в космос будет доставлено ровно миллион тонн груза.

Первый же запуск ротора образует вокруг Земли на высоте 500–1000 километров или выше кольцевую структуру, которая в дальнейшем послужит основой для создания космического ожерелья планеты и свяжет транспортными и энергетическими коммуникациями в единую систему создаваемые в космосе заводы, фабрики, энергетические установки и жилые комплексы. Последующими запусками ротора в космос будет доставлены элементы солнечных электростанций, например, свёрнутые в рулон и размещённые внутри ротора плёночные отражатели, а также стержни для сооружения каркаса электростанций, каждая из которых будет иметь площадь в десятки квадратных километров. Одного запуска ротора будет достаточно, чтобы доставить материалы для сооружения солнечных электростанций общей мощностью свыше 100 миллионов киловатт. Вырабатываемая на них электроэнергия будет затем использоваться для нужд разворачивающегося на орбите производства, а также частично будет транслироваться на Землю для нужд ОТС.

Объём геокосмических перевозок и, соответственно, темпы индустриализации космического пространства будут определяться лишь электрической мощностью, потребляемой ОТС. Например, если США отдадут для нужд ОТС избыточные, не используемые в настоящее время мощности своих электростанций, а это 200 миллионов киловатт, то в космос ежегодно будет доставляться свыше 50 миллионов тонн грузов. Для сравнения можно отметить, что если бы американцы захотели отправить в космос такое же количество грузов к 2100 году с помощью «Спейс-шаттла», то они должны были бы начать осуществлять свою программу (при максимально планируемом количестве запусков, равном 60 в год) примерно в те же дни,

когда на нашей планете появился первый хомо сапиенс – человек разумный (это произошло около 40 тысяч лет назад). ОТС же будет отправлять в космос такое же и большее количества грузов каждый год.

Общая стоимость такого ОТС может быть оценена в 500 миллиардов долларов, а масса его металлоконструкций – в 200 миллионов тонн.

Поэтому строительство ОТС в течение 10 лет под силу даже одной стране, не говоря уже о мировом сообществе.

При стоимости электрической энергии десять центов за киловатт-час себестоимость выведения грузов на орбиту с помощью ОТС будет в пределах одного доллара за килограмм, что в тысячи раз дешевле в сравнении с ракетным транспортом.

После того как грузовое ОТС вступит в строй и начнётся индустриализация космического пространства, потребность в геокосмических перевозках возрастёт. Одновременно с этим повысится потребность в пассажирских перевозках, которую ракетно-космический транспорт удовлетворить уже не сможет.

Тогда будет осуществлена первая реконструкция ОТС. Ротор будет изготовлен не из доставляемой в космос полезной нагрузки, а выполнен стационарным, с массой порядка 10 миллионов тонн (250 килограммов на погонный метр).

Линейный двигатель и система основного магнитного подвеса будут размещены не на эстакаде, а в стенках вакуумированной оболочки. Это позволит оболочке с ротором выходить на расчётную круговую орбиту и доставлять на внешней подвеске – специальных грузовых и пассажирских контейнерах – за один рейс миллионы пассажиров и миллионы тонн грузов.

Расходуя на реконструкцию ОТС и индустриализацию космоса 100–200 миллиардов долларов в год (эти средства будут изыматься из расходов на гонку вооружений), человечество к середине будущего века смогло бы завершить индустриализацию ближнего космоса.

А что взамен? А взамен самое главное – планете останутся чистый воздух, незамутнённые воды рек и морей, тишина, не нарушаемая выстрелами и взрывами, и перспективы беспредельного и гармоничного развития рода человеческого.

Ведь освоение звёздного океана человеком будет столь же важным этапом в развитии жизни на нашей планете, как и выход рыбы на берег в доисторические времена...»

От страницы до страницы

Анатолий Юницкий написал много статей, монографий, часто публикуется в печати – как в отечественной, так и зарубежной, выступал с докладами на международных конференциях и симпозиумах, посвящённых проблемам космоса и наземного транспорта…

И всех их не перечесть. Если всё собрать воедино, то это получится огромный том печатных трудов.

Отберём из них некоторые, наиболее характеризующие его главные идеи – струнные скоростные дороги и «спасательный круг» человечества.

…Кто из нас не задумывался над завтрашним днём? Над будущим? Как над своим, так и всего человечества. И невольно задавал сам себе вопрос: что будет с нами через двадцать, пятьдесят, сто-триста лет?

Как изменится сам человек, как изменится окружающий мир?

Прогресс – это благо для человека, или человек станет заложником того же прогресса?

Кто проложит дорогу в завтрашний день?

Что мы возьмём с собой, а что оставим в прошлом? От чего откажемся?

Предоставим слово Анатолию Юницкому – президенту фонда «Юнитран» содействия развитию струнного транспорта, руководителю проекта ООН № FS-RUS-98-S01 «Устойчивое развитие населённых пунктов и улучшение их коммуникационной инфраструктуры с использованием струнной транспортной системы», академику Российской академии естественных наук (2000 год).

Он ещё десять лет назад выступил со своей монографией в журнале «Национальная безопасность и геополитика России» в № 6–7 за 2000 год, и называлась она –

«Дорога в XXI век»:

«…Развитие коммуникаций всегда имело основополагающее значение в общественном прогрессе, обеспечивая связь между народами, способствуя усилению торговых и деловых отношений. В историю человечества вошли такие известные великие торговые

пути как из «варяг в греки», Великий Шёлковый путь.

Сначала на реках, водных путях, затем с развитием наземного транспорта вдоль и на пересечениях основных дорог, возникали и развивались малые и большие человеческие поселения. Особенно в начале XX века, когда с развитием железных и автомобильных дорог экономический прогресс приобрёл невиданный в истории размах, укрепляя и обогащая экономику целых стран и континентов.

Дороги в человеческом, общественном, государственном организме – это своего рода кровеносные сосуды, по которым проходит живительная энергия, питающая все его органы и клетки. Дороги имеют отношение ко всем без исключения сферам жизнедеятельности и видам безопасности: социальной, политической, культурной, военной, демографической и так далее.

Дороги – это неотъемлемое условие личного и общественного блага; это средство человеческого общения в территориальном и интеллектуальном пространстве; это образ жизни и одна из фундаментальных ценностей культуры, показатель уровня цивилизованности; это, наконец, жизненный путь, который мы выбираем и который нас выбирает. Только такое восприятие дорог даёт нам ключ, с одной стороны, к надёжному обеспечению устойчивого развития, а с другой – к оптимальному решению проблем всего мирового дорожного хозяйства.

В качестве примера рассмотрим состояние транспортной сети России. Она включает свыше 600 тысяч километров автомобильных дорог с твёрдым покрытием, свыше 160 тысяч км железных дорог, свыше 210 тысяч км газопроводов и около 100 тысяч км нефтепроводов. И это при том, что, согласно расчётам, для обеспечения потребностей экономики страны и решения социальных проблем минимальная протяжённостъ транспортной сети должна составлять 2 млн. км. То есть в России недостаёт более миллиона километров дорог.

Для сравнения: в США, территория которых меньше территории России в 1,8 раза, построено свыше 6 миллионов километров дорог. Без сомнения, это является основой могущества и процветания Соединённых Штатов Америки. Эти дороги, сначала железные, затем автомобильные, создали экономику сверхдержавы, стали её фундаментом. Нефтедобыча и нефтепереработка, металлургия и машиностроение и многие другие отрасли народного хозяйства – это прежде всего транспорт.

Автомобилестроение и авиация, судостроение и подвижной

состав железных дорог, строительство автомобильных, железных и других дорог и их инфраструктуры, портов, аэропортов, мостов, путепроводов, виадуков, тоннелей, вокзалов, станций, терминалов и т. д. и т. п. – основной потребитель сырья, материалов, машиностроительной и другой продукции, энергии, важная область приложения труда миллионов человек. Без дорог немыслимо развитие строительной индустрии, промышленности, сельского хозяйства и любой другой отрасли народного хозяйства, существование городов, в которых сегодня проживает более половины населения планеты.

Неудовлетворительное состояние дорожной сети ведёт к нарушению нормального функционирования экономики, спаду производства в смежных отраслях народного хозяйства, неоправданным потерям урожая, ограничению доступа к сырьевым ресурсам, сокращению рабочих мест, повышению стоимости товаров и услуг, снижению уровня жизни населения и возможностей для развития образования и культуры, ухудшению экологической ситуации, затруднениям в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, снижению обороноспособности страны, сдерживанию внешней торговли и туризма, повышению смертности населения.

Как построить, ремонтировать и содержать недостающий миллион километров дорог в России с её сибирскими морозами, снегопадами, болотами, вечной мерзлотой, тайгой, тундрой, горами и другими проблемами, которыми её щедро наградила Природа? Традиционными методами осуществить это просто нереально, так как такой путь потребует колоссальных материальных и финансовых ресурсов и не менее 100 лет времени.

Писатель Николай Васильевич Гоголь сказал, что у России две беды: дороги и дураки. Этим самым он дал гениальное определение состояния безопасности и для своего, и для нашего времени. По мнению президента Фонда национальной и международной безопасности генерал-майора запаса Леонида Ивановича Шершнёва, Николай Васильевич вкладывал в это выражение, ставшее весьма расхожим, когда хотят поиздеваться над нашей страной, более глубокий смысл, чем просто грязь и слякоть на дорогах да глупость чиновников. Видимо, он имел в виду и тот сакральный смысл пути, который мы выбираем, наши связи, взаимодействия и отношения друг с другом, в обществе, в различных социумах, с природой.

Смысловое соединение дороги и дурака в одно понятие беды



Юнибус прибыл на вокзал

может также означать плутание в жизни, утрату почвы под ногами, потерю духовных и нравственных ориентиров, разрушение базовых основ жизнедеятельности.

Сегодня Россия с её весьма обширной, слабо заселённой территорией и бездорожьем подобна человеку, потерявшему путь, уходящему от одного и того же места и возвращающемуся к нему же и обратно. И не мудрено. Пожалуй, с начала перестройки Россия живёт в условиях концептуальной (программной) неопределённости, не имея ни стратегии национального развития, ни стратегии национальной безопасности. Такое положение уже само по себе является опасным, поскольку бездумное блуждание в потёмках или послушное следование чьим-то ложным ориентирам таит в себе немалые риски и угрозы расшибиться насмерть или попасть в западню и стать чьей-то лёгкой добычей. Концептуальная неопределённость обрекает Россию на неустойчивое существование, делает её уязвимой со всех сторон, открывает каналы для продвижения и внедрения в сознание россиян чуждых им идей, образов, ценностей.

Россия, формально ставшая в 1991 году самостоятельным государством, как правопреемница Советского Союза унаследовала не только его место в Совете Безопасности ООН, но и его поражение в холодной, третьей мировой войне со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для побеждённого государства. Из великой державы, определявшей судьбы мира, Россия опустилась до положения почти полностью зависимой от победителей в лице США, Запада, НАТО второразрядной страны. Она относится сейчас к числу наиболее уязвимых стран мира в сфере безопасности. Её государственность как основа жизнедеятельности общества, человека, гарантий их безопасности оказалась разрушенной.

России необходима программа коммуникационной безопасно-

сти, которая станет основой других видов безопасности (сырьевой, энергетической, продовольственной, питьевой и т. д.), а также фундаментом экономики страны. Ведь дороги – это не только транспортировка пассажиров и грузов. С дорогами могут быть совмещены и другие типы коммуникаций: транспортировка энергии, в том числе электрической, и передача информации, в том числе электронной.

Но для того, чтобы перейти к транспорту будущего, необходимо дать оценку транспорту сегодняшнему.

С каким транспортом человечество входит в XXI век?

1. Железнодорожный транспорт. В современном понимании зародился в начале XIX века, хотя первые колейные дороги существовали ещё в Древнем Риме. Во всём мире построено более миллиона километров железных дорог.

В современных условиях километр двухпутной дороги с инфраструктурой стоит 3–5 млн. USD, пассажирский вагон – около 1 млн. USD, электровоз – около 10 млн. USD. Требует при строительстве много ресурсов: металла (стали, меди), железобетона, щебня. Объём земляных работ в среднем около 50 тыс. $м^3$/км. Отнимает у землепользователя много земли – около 5 га/км, а с инфраструктурой – до 10 га/км.

В сложных географических условиях требуется строительство уникальных сооружений – мостов, виадуков, эстакад, тоннелей, что значительно удорожает систему и усиливает негативное воздействие на Природу. Средневзвешенная скорость движения – 100–120 км/ч.

Шум, вибрация, тепловые и электромагнитные излучения от движущихся поездов влияют на среду обитания живых организмов и жителей прилегающих к дорогам населённых пунктов. Пассажирские поезда в течение года выбрасывают на 1 км полотна и полосы отвода до 12 тонн мусора и 250 кг фекалий.

Железнодорожный транспорт в огромных количествах потребляет воду и загрязняет водные бассейны. Например, общее потребление воды объектами железнодорожного транспорта одной только России составляет около 1 млрд. $м^3$/год, при этом сточные воды предприятий транспорта содержат нефтепродукты, фенол, креозол, смолы, соли тяжёлых металлов. Попадая в водоёмы, стоки, ухудшают качество воды, условия жизни обитателей водных бассейнов, так как один грамм нефтепродуктов делает непригодной для

питья 2 тонны воды.

В год под колёсами поездов в России погибает около тысячи человек и миллионы животных.

2. Автомобильный транспорт. Появился в конце прошлого века. Построено за прошедший период свыше 30 млн. км дорог, выпущено около 1 млрд. автомобилей.

Современный автобан стоит 5–10 млн. USD/км, изымает из землепользования около 5 га/км земли, а с инфраструктурой – до 10 га/км. Объём земляных работ превышает 50 тыс. $м^3$/км. Среднестатистический автомобиль стоит около 15 тыс. USD, средневзвешенная скорость движения на дорогах 60–80 км/ч.

Стал основным источником шума и загрязнения воздуха в городах. Выхлоп автомобиля содержит более 10 канцерогенных веществ и более 100 токсичных соединений. Источником загрязнения и истощения окружающей среды стал как собственно автотранспорт, так и сама трасса и её инженерные сооружения, объекты обслуживания, особенно места хранения нефтепродуктов, автозаправочные станции, станции технического обслуживания, мойки и т. п., вызывающие трансформацию природной среды на прилегающих территориях.

Вредные вещества выхлопных газов автомобилей, продукты испарения нефтепродуктов загрязняют атмосферный воздух и, оседая на поверхность земли, вызывают загрязнение почв и поверхностных вод. С дождевыми и талыми водами загрязняющие вещества мигрируют в грунтовые и более глубокие водоносные горизонты. И, как следствие, через воздух, почву и воду происходит деградация растительного покрова. Основными загрязняющими веществами при строительстве и эксплуатации являются пыль, выхлопные газы, нефтепродукты при их испарении, продукты истирания шин, тормозных колодок и дисков сцепления, асфальтовых и бетонных покрытий, противообледенительные соли и песок. Наибольшему загрязнению подвержены территории, непосредственно прилегающие к трассам. Полоса загрязнения достигает 300 м и более.

К автотранспорту необходимо отнести и негативное воздействие той части сопутствующих систем, которые обслуживают его: нефтяные скважины и нефтепроводы, нефтеперерабатывающие и асфальтобетонные заводы и т. д.

Насыпи и выемки автодорог приводят к деградации лесных массивов из-за заболачивания одних и обезвоживания других прилегающих территорий.

Автомобильные дороги и их инфраструктура отняли у чело-

вечества свыше 50 миллионов гектаров земли (такова суммарная территория таких стран, как ФРГ и Великобритания), причём отнюдь не худшей земли.

В последние десятилетия автомобиль стал основным рукотворным орудием убийства человека. По данным Всемирной организации здравоохранения, на автомобильных дорогах мира ежегодно гибнет (в том числе и от послеаварийных травм) свыше 900 тыс. человек, несколько миллионов становятся калеками, а свыше 10 млн. человек получают травмы. Для сравнения: в военных конфликтах в среднем гибнет на планете около 500 тыс. человек в год.

3. Авиация, история которой насчитывает около 100 лет.

Самый экологически опасный и энергоёмкий вид транспорта. У современных самолётов суммарный выброс вредных веществ в атмосферу достигает 30–40 кг/100 пассажиро-километров. Основная масса выбросов концентрируется в районах аэропортов, т. е. около крупных городов, во время прохода самолётов на низких высотах и при форсаже двигателей. На малых и средних высотах (до 5000–6000 м) загрязнение атмосферы окислами азота и углерода удерживается несколько дней, а затем вымывается влагой в виде кислотных дождей. На больших высотах авиация является единственным источником загрязнения. Продолжительность пребывания вредных веществ в стратосфере много дольше – около года. По своей токсичности современный реактивный лайнер эквивалентен 5–8 тысячам легковых автомобилей и расходует столько кислорода на сжигание топлива, сколько необходимо его для дыхания более 200 тысячам человек. На восстановление содержания такого количества кислорода в атмосфере необходимо несколько тысяч гектаров соснового леса или ещё большая площадь планктона океана.

Каждый пассажир во время многочасового полёта за счёт космического естественного гамма-излучения получает дополнительную дозу облучения в несколько тысяч микрорентген (доза облучения в салоне самолёта достигает 300–400 мкР/ч при норме 20 мкР/ч).

Важным является также тот фактор, что под аэропорты необходимо отводитъ земли, по площади сопоставимые с полосой отвода под железные и автомобильные дороги, но расположенные в непосредственной близости от городов, а значит, более ценные.

Авиация оказывает очень сильное шумовое воздействие, особенно в районах аэропортов, а также происходят значительные электромагнитные загрязнения от радиолокационных станций.

Воздушный транспорт – самый дорогой. Стоимость со-

временных аэробусов достигает 100 млн. USD и более, затраты на строительство крупного международного аэропорта могут достигать 10 млрд. USD.

4. Высокоскоростные железные дороги (ВСМ). Начали строить в последней четверти нашего века. Максимальная скорость движения 400 км/ч, среднеходовая скорость 180–200 км/ч.

ВСМ представляет собой обычную железную дорогу, но с улучшенной и усиленной путевой структурой (рельсы, шпалы) и подушкой (специальная усиленная насыпь и балластное основание) и со специальным высокоскоростным подвижным составом.

Стоимость километра дорог – 10–20 млн. USD и более, одного вагона – 2–3 млн. USD и более. Воздействие на окружающую среду более сильное, чем обычных железных дорог. Например, экологи оценивают экологические последствия для России при строительстве высокоскоростной железной дороги «С.-Петербург – Москва» как второй Чернобыль. При этом себестоимость проезда по данной дороге составит 123 USD/пасс. (протяжённость трассы 660 км). Другой пример: по оценкам экспертов, если такая густонаселённая страна как Китай с его ограниченными и уязвимыми сельхозугодьями в XXI веке сориентируется на строительство сети ВСМ, то через 20–30 лет это может вызвать в стране такой же по масштабам голод, что и в дни культурной революции, когда от голода умерло около 30 миллионов человек.

ВСМ требует шумозащитных экранов, специальных ограждений для исключения выхода на путь крупных домашних и диких животных, так как столкновение с ними может привести к сходу поезда с пути. Насыпь ВСМ становится непреодолимым препятствием для диких животных, поверхностных и грунтовых вод.

К 2000 г. в Европе построено всего около 3100 км ВСМ.

5. Поезда на магнитном подвесе.

5.1.«Трансрапид» (Германия) с электромагнитным подвесом на обычных проводниках. При длине вагона 25 м зазор между подвижным составом и путевой структурой должен быть не более 10 мм, иначе подвес перестанет работать. Это предопределяет весьма высокие и трудно реализуемые требования к строительству и эксплуатации таких дорог.

Стоимость трассы 25–50 млн. USD/км, одного вагона – 6–10 млн. USD. Например, согласно бизнес-плану немецкой компании «Сименс», представленному московскому правительству, трасса

«Трансрапид» «Аэропорт Шереметьево – центр г. Москвы» протяжённостью 29 км будет стоить около 1,5 млрд. USD (без учёта стоимости земли и затрат на снос зданий и строений). На строительство необходимо много железобетона, стали, так как балки пролётных строений должны быть массивными (хотя длина пролёта всего 24 м), опоры – мощными (под нагрузкой они не должны смещаться даже на доли миллиметра).

Скорость движения до 500 км/час. Характеризуется сильным шумом при высоких скоростях движения, так как юбка вагона охватывает несущую балку со всех сторон (сверху, с боков и снизу), и в зазор втягивается с большой скоростью воздух. Имеет очень низкий энергетический коэффициент полезного действия: КПД подстанции – 34% (подстанция задаёт переменную частоту тока для создания бегущего магнитного поля вдоль путевой структуры), КПД линейного электродвигателя – 40%. После перемножения получим общий энергетический КПД 13,6 %, т. е. немного выше, чем у паровоза.

5.2. «Маглев» (Япония) – сверхпроводящая магнитно-левитационная железная дорога. Вагоны имеют сверхпроводящие катушки, магнитное поле которых столь мощное (такого мощного магнитного поля в природе нет не только на планете и в Солнечной системе, но даже в нашей Галактике, поэтому можно представить её опасность для всего живого), что обеспечивает подвес на высоту 10–20 см. Скорость движения до 500 км/ч. Катушки, находящиеся в вагоне с пассажирами, охлаждаются тремя криогенными контурами: жидкого гелия, газообразного гелия и жидкого азота. В случае скачкообразной потери сверхпроводимости произойдёт взрыв катушек с эквивалентом в несколько килограммов тротила.

Стоимость километра трассы 20–30 млн. USD и более, одного вагона – более 10 млн. USD.

6. Монорельс – получил развитие в США, Канаде, Франции и других странах. Движение колёсной кабинки осуществляется по балке (ALVEG) или под балкой (SAFEGE). Балка должна иметь большое поперечное сечение, благодаря которому и обеспечивается устойчивость кабины. Характеризуется большим расходом материалов на пролётные строения, опоры. Из-за системы подвеса вагончик имеет неблагоприятную динамику колебаний и плохую аэродинамику, поэтому монорельсовые дороги являются низкоскоростными, так как скорость в 200 км/ч для них недостижима. Стоимость 1 км монорельсовой трассы 4–10 млн. USD и более.

7. Троллейбус. Используется как городской транспорт. Один из самых экологически чистых видов транспорта. Требует строительства дорог с твёрдым покрытием и специальной инфраструктуры с контактной сетью. Поэтому троллейбусные трассы дороже обычных автомобильных дорог. Стоимость современного троллейбуса около 500 тыс. USD.

8. Скоростной трамвай. В последние годы получил развитие в США, Канаде, Европе, Юго-Восточной Азии. Скорость движения – до 120 км/ч. Стоимость трасс – 6–12 млн. USD/км. Стоимость одного трамвая – около 1 млн. USD.

9. Рельсовый автобус – разновидность трамвая, только вместо электродвигателя – дизель. В Германии его начали выпускать с 1995 г. Стоимость одного рельсового автобуса – 2 млн. USD.

10. Канатные дороги. В Канаде, США и Германии уже эксплуатируется разработанная швейцарским инженером Г. Мюллером система подвесного транспорта, где вагоны с пассажирами передвигаются по тросам, подвешенным на лёгких металлических опорах. Такая конструкция является достаточно дешёвой, 1,5–2 млн. USD/км, однако здесь нельзя достичь высокой, более 50 км/ч, скорости.

Перечислены основные виды транспорта, причём каждый из них имеет свои разновидности. Например, разновидностью самолёта является экранолёт, автомобиля – электромобиль. Над этими и другими видами транспорта, а их более 200, работают во многих странах мира. Даже над такими экзотическими, на взгляд автора, как авиатрассы для самолётов с укороченными крыльями для полёта по подземному тоннелю диметром 50 м (Япония) или летающая тарелка, создающая разрежение (вакуум) перед носовой частью летательного аппарата (Россия).

Анализ показывает, что существующие традиционные и перспективные виды транспорта чрезвычайно дороги и экологически опасны, требуют значительной площади отчуждения ценных земель. Ни один вид транспорта (за исключением велосипеда) не удовлетворяет требованиям норм по уровню шумов, а мероприятия по шумозащите ещё больше удорожают обустройство скоростных магистралей.

Системный анализ также показывает, что в XXI веке с точки зрения экологии, экономики, коммуникативности, землепользования,

безопасности, лидирующей может стать лишь такая наземная транспортная система, которая обеспечит движение транспортных средств со скоростью 300–500 км/час и будет удовлетворять следующим требованиям:

1) трасса с инфраструктурой будет не дороже канатной дороги – до 1,5–2 млн. USD/км, при этом ресурсоёмкость транспортной системы (потребность в строительных материалах и конструкциях, объём земляных работ, расход чёрных и цветных металлов и т. п.) также должна быть на уровне канатной дороги;

2) транспортный модуль обеспечит комфорт для пассажира на уровне современного аэробуса и будет стоить не дороже легкового автомобиля;

3) обеспечит себестоимость проезда на уровне современных пригородных электропоездов в России – до 1–2 USD/100 пассажиро-километров (или 10–20 USD/1000 пассажиро-километров);

4) изымет у землепользователя не более 0,1 га земли на один километр протяжённости трассы с инфраструктурой;

5) не потребует сооружения насыпей, выемок, строительства тоннелей, мощных эстакад, путепроводов и виадуков, нарушающих ландшафт и биогеоценоз и неустойчивых к воздействию стихийных бедствий (землетрясения, наводнения, оползни и др.);

6) по удельному воздействию транспортного модуля на окружающую среду будет экологически безопаснее, чем троллейбус и электромобиль – выброс вредных веществ не более 10 граммов на 100 пассажиро-километров;

7) на высокоскоростное перемещение (300 км/час) потребует в 5–10 раз меньших энергозатрат (расхода топлива), чем современный легковой автомобиль – в пересчёте на бензин до 0,5 литра на 100 пассажиро-километров;

8) обеспечит уровень безопасности движения на уровне авиапассажирских перевозок;

9) обеспечит пропускную способность одной трассы более 100 тыс. пассажиров в сутки и более 100 тыс. тонн грузов в сутки;

10) будет многофункциональной коммуникационной системой – обеспечит не только высокоскоростное перемещение по трассе пассажиров и грузов, но и передачу электрической энергии и электронной информации.

Проведённый анализ укрепил автора во мнении, что ни одна из существующих и перспективных транспортных систем не удовлетворяет перечисленным требованиям XXI века.

Это и побудило автора к созданию принципиально новой коммуникационной системы, исключающей недостатки существующих и включающей достоинства перспективных транспортных систем. При этом основным требованием при поиске решения было: никакой технической и научной экзотики – магнитных подвесов, сверхпроводимости, левитации, антигравитации и т. п. Система должна базироваться на хорошо опробованных материалах, технологиях и технических решениях.

Идея струнной транспортной системы (СТС) зародилась в 1982 году в Гомеле (Беларусь) после того, как автором были сделаны первые публикации в журналах «Изобретатель и рационализатор» и «Техника молодёжи» об общепланетном транспортном средстве для неракетного освоения ближнего космоса. От этого проекта, собственно, и отпочковалась идея СТС.

Свыше 10 лет ушло на теоретическую проработку системы, поиск технических, технологических и конструкторских решений, оптимизацию экологических, экономических и технических составляющих, анализ достоинств и недостатков. Первая публикация об СТС (без раскрытия технической сущности) была сделана только в 1993 г. в одном из журналов Беларуси. Три года ушло на патентование принципиальной схемы СТС в ведущих странах мира путём подачи международной заявки во Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности.

Последние годы – разработка рабочих чертежей на рельс-струну, опоры, элементы инфраструктуры, основные узлы транспортного модуля, исследования аэродинамики высокоскоростного движения по жёсткой нити, каковой является рельс-струна, изготовление действующих моделей.

Поэтому, хотя ещё не построено ни одного километра струнных дорог, уже можно говорить об основных технико-экономических характеристиках СТС.

СТС представляет собой размещённую на опорах предварительно напряжённую растянутую канатно-балочную конструкцию, по которой движутся специальные модули (рельсовые автомобили) грузоподъёмностью до 50 тонн и вместимостью до 200 пассажиров. Запитка электрической энергией осуществляется через колёса, которые контактируют с токонесущими головками специальных рельсов. При использовании автономного энергообеспечения модуля или контактного провода головка рельса и, соответственно, вся путевая структура, будут обесточенными. Основу путевой структуры СТС составляют струны из высокопрочной стальной прово-

локи диаметром 1–5 мм каждая, собранные в пучок и размещённые с провесом внутри пустотелого рельса.

Вместо проволоки может использоваться стальная высокопрочная лента. Рельс монтируется таким образом, что после фиксации струн путём заполнения полости рельса твердеющим заполнителем, например, на основе цемента, битума или эпоксидной смолы, головка рельса оставалась идеально ровной. Поэтому головка, по которой и будет двигаться колесо транспортного модуля, не имеет провесов и стыков по всей своей длине. Струны и рельсы жёстко крепятся на анкерных опорах, размещённых через 2–5 км. Под действием веса конструкции провесы струны, например, в размере 50 мм, будут иметь место в следующих случаях: усилия натяжения 300–500 тонн, длина пролёта 25–50 м, масса рельсового пути 50–150 кг на погонный метр. Такие провесы легко спрятать, «зашить» внутри полого рельса высотой 15–20 см.

Наибольшее количество в СТС будет промежуточных опор, которые устанавливаются через 25–100 м. На одну анкерную опору приходится 40–100 промежуточных, которые и будут определять стоимость опорной части.

СТС спроектирована таким образом, чтобы промежуточные опоры испытывали преимущественно только вертикальную нагрузку, причём незначительную – 25 тонн при пролёте 50 м. Примерно такую же нагрузку испытывают опоры высоковольтных линий электропередач, поэтому они конструктивно и по материалоёмкости близки друг к другу. Максимальные горизонтальные нагрузки на всей трассе испытывают только две концевые анкерные опоры (на них действует односторонняя нагрузка): 1000 тонн для двухпутной и 500 тонн для однопутной трассы. Промежуточные (или технологические) анкерные опоры составят более 90% от всего количества анкерных опор. Они не будут испытывать значительных горизонтальных нагрузок в процессе эксплуатации трассы, так как усилия, действующие на опору с одной и с другой стороны, уравновешивают друг друга.

Струна и рельс не будут иметь деформационных швов по длине, а сама их работа при изменении температуры аналогична работе телефонного провода, провода линии электропередач или каната висячего моста, которые аналогично подвешены к опорам с провесом и тянутся без стыков на многие километры. Рельс выполнен сборно-разборным. Расчётный перепад температур принят равным 100 градусов Цельсия. Такой перепад температур бывает раз в 100 лет в странах с резко континентальным климатом либо в горах.

В субтропиках и тропиках расчётный перепад температур будет ниже на 20–30 градусов.

Для струны СТС подойдёт проволока, выпускаемая сегодня промышленностью для стальных канатов (предел прочности этой проволоки до 250 кгс/мм^2), а также – для предварительно напряжённых железобетонных конструкций и канатов висячих и вантовых мостов. Для головки рельса-струны по своим физико-механическим свойствам подходит сталь, используемая для изготовления железнодорожных рельсов.

СТС спроектирована с очень жёсткой путевой структурой. Например, при пролёте 50 м абсолютный статический прогиб пути от сосредоточенной нагрузки в 5000 кгс, размещённой в середине пролёта, составит всего 12,5 мм или 1/4000 от длины пролёта. Для сравнения: современные мосты, в том числе и для скоростных железных дорог, проектируют с допустимым относительным прогибом в пять раз большим – 1/800. Динамический прогиб пути СТС под действием подвижной нагрузки будет ещё ниже – до 5 мм, или 1/10000 пролёта. Такой путь будет для колеса транспортного модуля более ровным, чем, например, дно соляного озера, где, как известно, в конце XX века автомобиль впервые преодолел скорость звука – 1200 км/час.

Предельную скорость в СТС будет ограничивать не ровность и динамика колебаний пути, не проблемы во фрикционном контакте «колесо-рельс», а аэродинамика. Поэтому вопросам аэродинамики в СТС уделено особо пристальное внимание. Получены уникальные результаты, не имеющие аналогов в современном высокоскоростном транспорте, в том числе и в авиации. Коэффициент аэродинамического сопротивления модели пассажирского экипажа, измеренный при продувке в аэродинамической трубе, составил величину Cx = 0,075. Намечены меры по уменьшению этого коэффициента до Cx = 0,05–0,06. Благодаря низкому аэродинамическому сопротивлению двигатель мощностью 80 кВт обеспечит скорость движения двадцатиместного экипажа в 300–350 км/час, 200 кВт – 400–450 км/час, 400 кВт – 500–550 км/час. При этом механические и электромеханические потери в СТС будут невелики, так как КПД стального колеса составит 99,9%, а мотор-колеса в целом – 92%.

Известно, что с увеличением скорости движения сцепление колеса с рельсом ухудшается. Для обеспечения скорости в 300–350 км/час в СТС коэффициент трения в паре «колесо-рельс» должен быть не менее 0,04 (чтобы обеспечить тягу в 100 кгс), 400–450 км/час – не менее 0,07 (требуемая тяга 180 кгс), что легко достижимо. Проблемы со сцеплением начнут возникать лишь при скорости 500 км/час

и выше, для обеспечения которой требуется тяга свыше 300 кгс. Но эта проблема в СТС также легко разрешима. Например, разработана принципиальная схема обрезиненного тягового мотор-колеса мощностью 100 кВт, которое обеспечит требуемое сцепление и тягу. Однако в достижении таких высоких скоростей в обозримом будущем не будет необходимости, так как оптимальной скоростью в СТС является скорость, лежащая в диапазоне 300–400 км/час. В этом случае будет легче обеспечить высокую безопасность движения, к тому же будут снижены энергозатраты на проезд, стоимость которых в значительной степени определяет стоимость проезда в любом виде высокоскоростного транспорта, в том числе и в СТС.

Наличие на каждом колесе двух реборд (гребней) и независимая («автомобильная») подвеска каждого из них значительно снизят вероятность схода транспортного модуля с путевой структуры, что, например, является основной причиной аварий на автомобильном и железнодорожном транспорте.

Сход модуля с пути под действием аэродинамических сил и порывов бокового ветра исключается полностью, что подтвердили испытания в аэродинамической трубе.

Надёжность путей структуры и опор СТС как строительной конструкции будет на уровне надёжности висячих и вантовых мостов, так как они конструктивно очень близки друг к другу, при этом струны в СТС значительно лучше защищены от климатических и механических воздействий, чем канаты мостов.

Ответственные узлы электромодулей (ходовая часть, подвеска, привод) и системы электронного управления будут отвечать требованиям, существующим в авиационной технике и на высокоскоростных железных дорогах. Поэтому в целом мы не видим препятствий к тому, чтобы СТС стала в будущем самым безопасным и надёжным видом наземного транспорта.

В экономическом плане можно отметить, что при серийном производстве стоимость обустроенной двухпутной трассы СТС с инфраструктурой (вокзалы, станции, грузовые терминалы, депо и т. д.) составит, млн. USD/км: 1,0–1,5 – на равнине, 1,5–2,5 – в горах и на морских участках при размещении трассы над водой и 5–8 – при размещении в подводной или подземной трубе-тоннеле.

Транспортный модуль конструктивно проще легкового автомобиля, поэтому при серийном производстве его стоимость будет на уровне стоимости микроавтобуса – 20–40 тыс. USD, или на одно посадоч-

ное место – 1–2 тыс. USD/место (для двадцатиместного модуля). Для сравнения приводим относительную стоимость подвижного состава в других скоростных системах: самолёт – 100–200 тыс. USD/место, поезд на магнитном подвесе – 100–200 тыс. USD/место, высокоскоростная железная дорога – 20–30 тыс. USD/место.

Себестоимость проезда пассажира и транспортировки груза на СТС будет зависеть от многих факторов, в первую очередь, от пассажиро- и грузопотока (для скорости движения 300 км/час):

а) пассажирские перевозки, USD/1000 пасс.-км: 20–25 (10 тыс. пасс./сутки), 10–15 (20 тыс.пасс./сутки), 5–10 (50 тыс.пасс./сутки);

б) грузовые перевозки, USD/1000 тонно-км: 6–8 (20 тыс. т/сутки), 2–3 (100 тыс. т/сутки).

Структура затрат в себестоимости перевозок (для скорости движения 300 км/час):

а) пассажирские перевозки: амортизация трассы и подвижного состава – 65–80%, эксплуатационные издержки – 10–20%, электроэнергия – 5–10%;

б) грузовые перевозки: амортизация трассы и подвижного состава – 45–65%, эксплуатационные издержки – 10–20%, электроэнергия – 25–45%.

СТС могут строиться как технологические и специализированные трассы:

– вывоз мусора за пределы мегаполисов;

– доставка руды из карьеров на обогатительную фабрику;

– траспортировка угля к тепловой электростанции;

– транспортировка нефти от месторождения к нефтеперерабатывающему заводу; поставка в большом объёме – порядка 100 миллионов тонн в год – высококачественной природной питьевой воды в густонаселённые регионы мира на расстояние 5–10 тысяч километров и т. п.

Струнные дороги могут быть также грузовыми, пассажирскими (в том числе чисто туристического назначения) и грузопассажирскими магистралями.

Таким образом, технико-экономические и экологические характеристики предлагаемого вида транспорта чрезвычайно привлекательны:

1) для прокладки струнных трасс потребуется незначительное отчуждение земли (в 150–200 раз меньше, чем для автомобильных и железных дорог);

2) отпадает необходимость в устройстве насыпей, выемок, тон-

нелей, в вырубке лесов, сносе строений, поэтому СТС легко внедряема в городскую инфрасреду и реализуема в сложных природных условиях: в зоне вечной мерзлоты, в горах, болотистой местности, пустыне, в зоне водных препятствий (реки, озёра, морские проливы, шельф океана и др.);

3) повышается устойчивость коммуникационной системы к стихийным бедствиям (землетрясения, оползни, наводнения, ураганы), неблагоприятным климатическим условиям (туман, дождь, гололёд, снежные заносы, пыльные бури, сильная жара или холод и т. п.);

4) благодаря низкой материалоёмкости и высокой технологичности трассы СТС будут дешевле обычных (в 2–3 раза) и скоростных (в 8–10 раз) железных дорог и автобанов (в 3–4 раза), монорельсовых дорог (в 2–3 раза), поездов на магнитном подвесе (в 15–20 раз), поэтому проезд по СТС будет самым дешёвым – до 1–2 USD/100 пасс.-км и до 1–2 USD/100 тонно-км.

Трассы СТС легко совмещаются с линиями электропередач, ветряными и солнечными электростанциями, линиями связи, в том числе оптико-волоконными.

Предельная пропускная способность двухпутной трассы: до 500 тысяч пассажиров в сутки (около 200 миллионов человек в год) и до 500 тысяч тонн грузов в сутки (около 200 миллионов тонн грузов в год).

Степень проработанности СТС в настоящее время такова, что её работоспособность и реализуемость не вызывает сомнений ни у разработчика, ни у экспертов. Главная причина того, почему программа СТС до сих пор не реализована практически, – отсутствие финансирования.

Работы над струнным транспортом вот уже в течение 20 лет ведутся за счёт автора и его энтузиазма, чего, безусловно, недостаточно для того, чтобы заявить о нём на весь мир.

Реальная поддержка в виде гранта, начиная с января 1999 года, осуществляется только со стороны Центра ООН по населённым пунктам (Хабитат) и небольших частных инвестиций.

Возникает закономерный вопрос: а как быстро можно практически реализовать струнную систему?

Рассматривались и анализировались различные возможные варианты прокладки трасс СТС, в частности, для 2-го Критского транспортного коридора по трассе «Париж – Москва». Международная конференция по данному транспортному коридору, со-

стоявшаяся в Минске в октябре 1997 года, в которой участвовали транспортники 14 стран, именно СТС рекомендовала Европейскому Союзу в качестве высокоскоростной составляющей Критских коридоров. С таким же предложением правительство Республики Беларусь обратилось в 1998 году к правительству города Москвы. В этой связи необходимо отметить, что Совет Министров ЕС принял решение о выделении на девять Критских коридоров 400 миллиардов USD на период до 2010 года.

Если, например, финансирование создания СТС «Париж – Москва» будет открыто в 2001 году, то в 2006 году трасса может быть введена в эксплуатацию. Один строительный отряд сможет построить свыше 300 км трассы в год. Поэтому восемь отрядов, работающих одновременно на разных участках, построят магистраль в течение одного – 2005 – года.

На разработку моторного блока, ходовой части и салона транспортного модуля, электронных систем управления и безопасности, а также других составных элементов СТС в 2001 году будут объявлены международные тендеры. В них активное участие могут принять такие крупнейшие корпорации, как «Дженерал электрик», «Даймлер-Бенц», «Майкрософт», «Интел», «Мицубиси» и другие.

Во-первых, потому, что работы будут оплачены, а, во-вторых, СТС – новый рынок, причём очень ёмкий (по оценкам экспертов, мировой рынок для СТС превышает 10 триллионов USD), который захотят освоить и занять со своей элементной базой упомянутые и другие корпорации.

Разработку объявленных в тендер элементов СТС они завершат в течение 3 лет – к 2004 году. В 2004 году все эти системы, а также системы, созданные собственными силами, будут испытаны и оптимизированы на опытном участке, проектирование которого завершится в 2001 году, а он может быть построен в России в 2002 году.

Общий объём затрат для трассы СТС «Париж (Лондон) – Москва» составит 5,7 млрд. USD (протяжённость трассы 3110 км), из них 5,2 млрд. USD – на трассу и инфраструктуру, а 0,5 миллиарда – на подвижной состав.

Затраты по годам:

2001 год – 10 млн. USD, 2002 год – 100 млн. USD, 2003 год – 500 млн. USD, 2004 год – 1 млрд. USD, 2005 год – 4,1 млрд. USD.

С 2006 года трасса, введённая в строй, начнёт окупаться, и к

2009 году полностью окупит все затраты. Себестоимость проезда из Москвы в Париж при этом составит 32 USD/пасс., время в пути – 7 часов 10 минут (расстояние 2770 км, расчётная скорость движения 400 км/час).

Начиная с 2010 года эта струнная магистраль будет давать в среднем около 2 млрд. USD в год чистой прибыли, общий объём которой к 2020 году достигнет 20 млрд. USD. Поэтому программа СТС станет очень привлекательной для инвесторов и полностью может быть реализована за счёт негосударственных инвестиций и акционерного капитала.

Для создания сети высокоскоростных дорог в России не потребуются государственные средства. Например, сеть трасс СТС «Лиссабон (Лондон) – Москва – озеро Байкал – Пекин (Сеул – Токио) – Дели – Эль-Кувейт» протяжённостью около 30 тысяч километров может быть создана в течение ближайших 10 лет за счёт иностранных инвестиций в программу «Живая вода России». Данная программа позволит выйти на доходную часть в 100 – 200 млрд. USD/год и окупит созданную сеть дорог в течение одного года.

Не меньшие валютные доходы для России даст природный холодильник – морозы Сибири и северных территорий, так как уже сегодня стоимость пищевого природного льда на мировом рынке достигает 7 тыс. USD/т (против 500–1000 USD/т для высококачественной природной питьевой воды). Это выше стоимости меди и алюминия и дороже, например, нефти в 50 раз. В то же время потребность человечества в бутилированной питьевой воде высокого качества, более половины мировых запасов которой сосредоточены в России (Байкал, озеро Таймыр, Онежское озеро и др.), уже сегодня достигает 10 млрд. тонн/год (для сравнения: годовое потребление нефти – около 2 млрд. тонн, угля – 3,5 млрд. тонн). Только СТС способна обеспечить реализацию такой программы, так как в этом случае себестоимость байкальской воды, доставленной, например, в Мадрид, будет 0,1 USD/литр, пищевого льда – 0,15 USD/кг, а в Москву, соответственно, 0,05 и 0,10 USD.

Реинвестируя половину заработанных с помощью СТС только на данной программе средств, можно будет построить в России в течение 40–50 лет недостающий миллион километров дорог. Причём дорог скоростных, которые простоят 100 лет, а не развалятся

через две–три зимы и не утонут в болоте или вечной мерзлоте. Дорог, которые зимой не надо будет чистить от снега и льда и посыпать песком и антиобледенительными солями, а также латать после каждой зимы.

СТС позволит соединить Европу и Азию с Америкой сухопутной скоростной трассой «Лондон (Париж) – Москва – озеро Байкал – Якутск – Берингов пролив – Калгари – Нью-Йорк». Такая трасса протяжённостью 21 тыс. км и стоимостью около 40 млрд. USD окупила бы своё создание за 4–5 лет.

Могут быть предложены десятки вариантов прокладки струнных трасс, стратегически и геополитически важных практически для всех континентов и стран мира. Если СТС будет доведена до серийного производства в России, то именно Россия сможет занять ключевые позиции в формировании новой коммуникационной мировой политики XXI века.

Хотя не исключён вариант, что, как всегда, России это не надо, и она затем втридорога всё это будет приобретать на Западе или на Востоке, оставаясь на задворках большой политики. Например, сегодня на запрос Министерства иностранных дел Российской Федерации, соответствует ли СТС «задачам нынешнего этапа социально-экономического развития страны, российским интересам и приоритетам в области международного сотрудничества в деле развития национальных транспортных систем, а также целесообразности продолжения данного проекта в международных организациях системы ООН…», Министерство науки и технологий бодро отвечает: «…На данном этапе не ясна возможность технической реализации идеи, считаем преждевременным делать выводы о целесообразности и областях применения «Струнной транспортной системы».

Конечно, если бы предлагался поворот северных рек, всеобщая мелиорация или, наоборот, всеобщая ирригация, строительство БАМа или ВСМ «Санкт-Петербург – Москва», термоядерные электростанции, космический самолёт или другие сомнительные грандиозные проекты, куда можно было бы закопать миллиарды долларов, то тогда наука точно была бы «за». А тут какая-то СТС, на которую даже и деньги бюджетные не надо тратить, так как их даёт ООН. Нет, нельзя. Поэтому – не пущать!

В настоящее время по программе СТС ведутся переговоры в США и Канаде, Малайзии и Израиле, Китае и Тайване, ряде

европейских стран.

Но больше всего в такой высокоскоростной коммуникационной системе XXI века нуждается Россия – как самая большая страна мира с самой малоосвоенной территорией и с самыми плохими дорогами.

Прошло более ста лет с момента высказывания об этом великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. И что же? Справедливо его замечание, как ни обидно и горько это признать, сегодня о том, что в России две беды – плохие дороги и дураки.

А если взяться за ум?

Тогда реализация СТС продемонстрирует всему миру, что в России в новом тысячелетии будут самые лучшие дороги, и сделают это умные и прозорливые люди. И старт может быть дан в том же городе-курорте Сочи, администрация которого выступила заказчиком на строительство высокоскоростной трассы СТС «Сочи – Адлер – Красная Поляна – Энгельмановы Поляны». Если, конечно же, разрешат те, о которых говорил Гоголь, так как, к сожалению, они как решали 150 лет назад, как нам жить, так и решают это сегодня...»

Публикация вторая –

«Транспортная система «второго уровня» – струнный транспорт Юницкого»

Материал напечатан в журнале «Инновационная экономика России (ИЭР)» – май 2007 года. Автор – Анатолий Юницкий, генеральный директор, генеральный конструктор ООО «Струнный транспорт Юницкого».

«...Протяжённость мировых путей сообщения сегодня – около 35 миллионов километров, из них более 32 млн. км – автомобильные дороги, 1,2 млн. км – железные дороги, 1 млн. км – трубопроводные магистрали.

Транспорт – это огромная индустрия, и её в XXI веке ожидают большие перемены, связанные со следующими основными факторами:

– на планете происходит изменение ситуации, связанное с проблемой энергетических ресурсов. Современный транспорт почти полностью зависит от нефти, запасы которой быстро истощаются, и наступит время, когда она станет недоступной для использования на транспорте. Различные способы повышения эффективности использования нефти могут отодвинуть, но не предотвратить наступ-

ление этого времени;

– существующая сеть дорог потребляет значительное количество материалов как на стадии строительства, так и на стадии эксплуатации, в то время как в будущем многие ресурсы будут исчерпаны, а на те ресурсы, которые будут истощены, значительно возрастёт цена;

– мировая транспортная система, основные стандарты которой, например, железнодорожная колея, были заложены еще в XIX веке, является устаревшей. Некоторые элементы мировой транспортной системы устарели уже давно, так как в них вносились лишь небольшие и малосущественные изменения, не затрагивающие основ системы; основные же стандарты модернизации не поддаются;

– в XXI веке еще острее встанут глобальные проблемы экологии и безопасности, так как транспорт из-за масштабности своего использования стал наиболее опасным изобретением человечества. Из-за транспортных катастроф на планете ежегодно гибнет около 1,5 миллионов человек, около 20 миллионов получают травмы, становятся инвалидами и калеками, что неприемлемо с позиций гуманизма и обеспечения устойчивого развития цивилизации;

– пользователей станет больше – около 8 миллиардов человек, при этом, по данным ООН, уже к 2030 году коммуникативность людей возрастет в 6 раз, а население городов мира увеличится на 3 миллиарда человек. Поэтому пропорционально будет расти и потребность в скоростном безопасном и экологически чистом транспорте;

– доля транспортных издержек в стоимости продукции во всём мире постоянно растёт, причём в России она в 1,5–2 раза выше, чем в индустриально развитых странах;

– в XXI веке стоимость земли, как весьма ограниченного ресурса на нашей планете, будет существенно расти, поэтому она составит основную часть стоимости вновь возводимых дорог. Путевая же структура основных транспортных коммуникаций, созданных в XIX и XX веках, размещена непосредственно на поверхности земли. Под эти дороги уже изъято около 60 миллионов гектаров земли, что, например, равно суммарной площади таких стран, как Германия и Великобритания. Эта земля не дышит, не производит кислород, так как уничтожены растения с растительным слоем, гумус в котором создавался живой природой в течение миллионов лет. На этих участках нарушено движение грунтовых и поверхностных вод, что приводит к эрозии почвы, заболачиванию одних и опустынива-

нию других соседних участков поверхности земли, которые значительно превышают площадь непосредственного землеотвода под дороги. В регионах, прилегающих к транспортным магистралям, нарушено перемещение крупных и мелких домашних животных (их гибнет на дорогах более миллиарда в год). На территории, превышающей на порядок указанную площадь, почва и всё, что на ней живёт и произрастает, загрязнены канцерогенными и вредными веществами (их более 100), попавшими туда из продуктов горения топлива, износа шин и дорожного полотна, антиобледенительных солей и т. п.

Таким образом, в настоящее время возникает острая необходимость в появлении новой транспортной системы, основанной на новых технологиях и новых стандартах, способных привести к радикальным изменениям в способах транспортировки.

Будущая транспортная система для перевозки пассажиров, мало- и крупнотоннажных грузов должна удовлетворять многим противоречивым требованиям:

– высокая пропускная способность при малой площади занимаемой земли и низких затратах на содержание и ремонт путей сообщения;

– минимальное негативное воздействие на окружающую среду при сохранении большого суточного пробега транспортного средства;

– высокая средняя скорость движения при снижении расхода топлива и числа дорожно-транспортных происшествий;

– транспорт должен быть как общественным, так и индивидуальным, обеспечивать оперативную, безопасную и комфортную связь независимо от расстояния и быть доступным непрофессиональному пользователю;

– транспортная система должна быть “всеядной”: в начале развития она может работать на относительно дешёвом нефтяном топливе, затем может быть электрифицирована либо переведена на альтернативные экологически чистые виды топлива или другие возобновляемые источники энергии без значительных дополнительных затрат.

Сегодня известно более 300 видов и разновидностей транспортных систем и только одна из них удовлетворяет вышеперечисленным требованиям.

Это – струнный транспорт Юницкого (СТЮ).

СТЮ – принципиально новая многофункциональная коммуникационная система, представляющая собой предварительно напря-

жённую растянутую рельсострунную конструкцию, размещённую на опорах высотой 3–5 и более метров. Основу конструкции составляют рельсы-струны путевой структуры, предназначенные для движения по ним грузовых и пассажирских колёсных транспортных модулей (рельсовых автомобилей, установленных на стальных колёсах, оснащённых противосходной системой), имеющих в качестве привода электродвигатель, двигатель внутреннего сгорания или любой другой известный двигатель.

Рельсы-струны выполнены по длине без стыков, так как головка рельса по всей длине трассы сварена в одну плеть. Струны в рельсе предварительно напряжены (растянуты) до усилий 50–300 тонн и более (в зависимости от длины пролёта, массы рельсового автомобиля и скорости его движения), омоноличены с корпусом рельса в единую жёсткую конструкцию специальным бетоном и закреплены на анкерных опорах, установленных на расстоянии 1–5 километров и более друг от друга. В промежутках между анкерными опорами путевая структура размещена на лёгких поддерживающих опорах. Оптимальное расстояние между ними 30–40 метров, максимальное – 2500–3000 метров.

СТЮ имеет важное преимущество по сравнению с другими разработками в сфере создания новых видов транспорта – относительная техническая простота исполнения. Рельсо-струнная путевая структура и опоры – это, в основном, строительная механика и разновидность висячего и вантового моста. Многие конструктивные элементы в СТЮ уже давно опробованы и широко используются в технике, например: стальное колесо, привод колеса, струна, рельс, предварительно напряжённая путевая структура, опоры.

Это выгодно отличает струнный транспорт от других наукоёмких программ, связанных с НИОКР в области транспорта: монорельсовой дороги и поезда на магнитном подвесе.

При создании СТЮ были использованы лучшие стороны всех существующих видов транспорта. Например, металлическое колесо и рельс, несколько видоизменившись в лучшую сторону, перенесли из железнодорожного транспорта низкое сопротивление качению колёс и высокую безопасность движения; наработки в аэродинамике современных самолётов и гидродинамике подводных лодок помогли разработать высокоскоростные рельсовые автомобили с наименьшим среди всех известных транспортных средств аэродинамическим сопротивлением; принцип расположения трасс на «втором уровне» (над поверхностью земли) и исполь-

зование предварительно напряжённых высокопрочных проволок были взяты из конструкции канатной дороги и предварительно напряжённых железобетонных конструкций, подвесных и вантовых мостов.

Важным конкурентным преимуществом струнного транспорта, по сравнению с другими ноу-хау в транспортной сфере, является то, что рельсострунная путевая структура и опоры СТЮ спроектированы как транспортная эстакада в соответствии с требованиями российского СНиП 2.05.03-84 «Мосты и трубы», а также с учётом основных положений мостовых норм США и ЕС, поэтому не требуют сертификации. Для каждой спроектированной струнной трассы, как и для любого другого транспортного сооружения, необходима лишь экспертиза проектно-сметной документации в соответствующих государственных структурах и испытания при вводе в эксплуатацию.

При этом несущая часть высокоскоростного рельса-струны спроектирована как предварительно напряжённая балка моста или путепровода и имеет относительную жёсткость 1/3000 – 1/5000 под воздействием расчётной колёсной нагрузки (у автомобильных и железнодорожных мостов, в том числе для высокоскоростных магистралей, нормативная относительная жёсткость пролётных строений составляет 1/800–1/1000). Причём чем выше будет расчётная скорость движения, тем более жёсткой будет спроектирована путевая структура СТЮ.

Поэтому рельс-струна проектируется таким образом, чтобы в совокупности с проектным натяжением струн и изгибной жёсткостью рельса обеспечить большие значения вертикальных радиусов кривизны рельса под движущимся колесом юнибуса, например, для скорости 500 км/час – более 20 тысяч метров. Поэтому колёса юнибусов не будут «прыгать» ни в середине пролёта, ни над опорой во всём диапазоне расчётных скоростей движения и при любых погодно-климатических условиях.

От других, аналогичных по производительности транспортных систем, СТЮ отличают следующие конкурентные преимущества:

1) меньшая потребность в капиталовложениях при строительстве трасс и инфраструктуры и изготовлении подвижного состава, обусловленная следующими факторами:

– низкий удельный расход материалов при строительстве трасс (например, потребность в металлоконструкциях на двухпутную трассу скоростного СТЮ – 200–250 тонн/км; у традиционной низкоско-

ростной монорельсовой дороги – 1000–2000 тонн/км);

– низкая стоимость строительства – стоимость двухпутной высокоскоростной трассы СТЮ (без инфраструктуры и подвижного состава) – 2–3 млн. USD/км, высокоскоростная железная дорога – 30–40 млн. USD/км и более);

– низкая стоимость подвижного состава: стоимость посадочного места серийного рельсового автомобиля, названного юнибус, – 4–6 тыс. USD/пасс., как у современного легкового автомобиля (например, у современного аэробуса аналогичная стоимость составляет 150–200 тыс. USD/пасс. и более, у поезда на магнитном подвесе – 100–150 тыс. USD/пасс.);

– меньшее изъятие земли под строительство трасс – до 0,1 га/км (например, на автомобильных и железных дорогах – до 5 га/км, а с инфраструктурой – до 10 га/км);

2) меньшая себестоимость перевозок, обусловленная следующими факторами:

– низкие издержки при эксплуатации трасс (например, не требуется очистка путевой структуры от снега и льда в зимний период; это подтвердили испытания на опытном участке СТЮ в городе Озёры Московской области: модифицированный автомобиль ЗиЛ-131 уверенно шёл на подъём с уклоном 1:10 при толщине льда, специально намороженного на головку рельса, в 50 мм);

– экономичность рельсовых автомобилей (по расходу топлива экономичнее, например, традиционного автомобиля в 3–5 раз как благодаря стальным колёсам, у которых сопротивление качению в 10–20 раз ниже, чем у пневмоколеса, так и благодаря высокой аэродинамичности рельсового автомобиля, на что получено более 10 патентов);

3) экологичность СТЮ – прокладка струнных трасс не сопровождается невосполнимым уроном, наносимым окружающей среде, так как не потребует специальных сооружений (насыпей, выемок, строительства тоннелей, мощных эстакад, путепроводов и виадуков), нарушающих ландшафт и биогеоценоз и неустойчивых к воздействию стихийных бедствий – землетрясений, наводнений, оползней, смерчей и др.;

4) всепогодность – СТЮ будет устойчив к воздействию ураганного ветра (до 200–250 км/час и более), снега (высота снежного покрова до 3–5 метров и более), града, оледенения, тумана, песчаных и пылевых бурь, землетрясений (с силой до 9–10 баллов по шкале Рихтера), цунами, смерчей, наводнений (с глубиной воды до 3–5 метров и более), сильной жары (до 100°С на солнце) и сильного

мороза (до –70°C);

5) безопасность – транспортная система «второго уровня» обеспечит безопасность движения на более высоком уровне, чем у современных авиационных и железнодорожных перевозок, так как у СТЮ не появятся новые причины аварийности, но будут исключены основные причины сегодняшней аварийности наземного транспорта, благодаря подъёму путевой структуры над поверхностью земли (для сравнения: в авиакатастрофах в 2006 году в мире погибло около 900 человек, на автодорогах – более 1220000 человек, то есть в 1350 раз больше);

6) многофункциональность – СТЮ является не просто транспортной, а коммуникационной системой, так как в рельсе-струне возможно разместить продуктопроводы (диаметром до 50 мм), линии электропередач (например, высоковольтный кабель), линии связи, как проводные, так и оптико-волоконные.

Транспортные линии СТЮ легко совмещаются с радиорелейными линиями связи и сотовой связью, путевая структура и опоры – с солнечными и ветряными электростанциями. Благодаря своей многофункциональности отдельные трассы СТЮ будут окупаться в 2–3 раза быстрее;

7) высокие потребительские качества (высокая скорость передвижения, комфорт, безопасность, дешевизна и т. д.).

Инфраструктура струнной транспортной системы включает в себя станции, вокзалы, грузовые терминалы, депо, заправочные или электрозарядные станции, стрелочные переводы и другое.

Благодаря подъёму путевой структуры на «второй уровень» расширяются возможности по устройству станций и терминалов. Более благоприятные режимы эксплуатации рельсового автомобиля уменьшают потребность в гаражах и заправочных станциях в сравнении с традиционным автотранспортом. Компактность рельсового автомобиля позволяет уменьшить размер, и, соответственно, стоимость вокзалов, станций и длину перрона в 5–10 раз в сравнении с железнодорожными. Лёгкая, компактная, «воздушная» инфраструктура СТЮ, выполненная из современных материалов, легко вписывается как в городскую среду, так и в природные ландшафты, не нарушая при этом общую гармонию окружающей среды.

СТЮ является универсальной транспортной системой, имеющей широкий спектр применения. Она может использоваться для перевозок пассажиров и грузов в городе (скорость до 100–120 км/час),

между городами (300–350 км/час), странами и континентами (450–500 км/час), а также для специализированной перевозки в промышленных объёмах сыпучих, жидких, штучных, контейнерных и специальных грузов (скорость до 100 км/час).

Кроме этого, навесной СТЮ может иметь несколько стандартов по ширине колеи – 1,0, 1,25, 1,5, 1,75 и 2,0 м, а также СТЮ может иметь подвесной вариант выполнения с рельсами-струнами, поднятыми на большую высоту (10–100 метров и более) и имеющими пролёт 100–3000 метров.

Струнная система может также использоваться при строительстве недорогих технологических трасс для перевозки строительных материалов, доставки руды в порт или на обогатительную фабрику, транспортировки угля, нефти к нефтеперерабатывающим заводам, вывоза мусора за пределы мегаполисов, перевозки морских контейнеров из порта на склад и многого другого.

На основе технологий СТЮ можно строить недорогие быстровозводимые струнные пешеходные переходы, автомобильные и железнодорожные мосты, путепроводы, эстакады, паромные переправы, эстакады для монорельсовых дорог и поездов на магнитном подвесе, как более дешёвые варианты струнной несущей конструкции в сравнении с традиционными балочными и вантовыми пролётными строениями.

Основные конструктивные и технологические решения в СТЮ защищены сорока одним патентом на изобретения, полученным в России и за рубежом.

В настоящее время имеется полная готовность для серийного производства струнных дорог, необходимы лишь заказы на них. Подготовлена проектно-конструкторская документация и разработаны типовые конструкции рельса-струны, опор, станций, вокзалов и других элементов инфраструктуры. Спроектированы низкоскоростной, высокоскоростной и сверхскоростной юнибусы, которые станут базовыми для создания более двадцати модификаций пассажирских, грузовых и грузопассажирских рельсовых автомобилей. Выполнены предпроектные работы и подготовлены предложения по созданию целого ряда трасс СТЮ как в России, так и за рубежом: кольцевая дорога вокруг Москвы, Москва – Санкт-Петербург, Москва – Сочи, Санкт-Петербург – Калининград, Нижний Новгород – Москва, Сургут – Ханты-Мансийск и другие.

Технико-экономические преимущества СТЮ позволят в сжатые сроки создать принципиально новую коммуникационную инфраструк-

туру «второго уровня», совмещённую с линиями электропередач, оптико-волоконной связью и ветряными электростанциями. Она будет более дешёвой, безопасной, экологичной и долговечной в сравнении с традиционной инфраструктурой в любых регионах России – от вечной мерзлоты, тундры и болот Сибири до гор Кавказа.

СТЮ может и должен стать локомотивом создания динамично развивающейся экономики XXI века так же, как, например, основой роста и нормального функционирования любого живого организма является разветвлённая и здоровая кровеносная система.

В США в XX веке была создана мощная промышленность и построена «одноэтажная Америка» благодаря тому, что в начале века изобретатель Генри Форд, вопреки мнению специалистов-транспортников, организовал массовое производство принципиально нового транспортного средства – автомобиля. В результате только в этой стране было построено более 6 миллионов километров автомобильных дорог (в России протяжённость дорог почти в 8 раз ниже) и были созданы миллионы рабочих мест, что, в конечном итоге, способствовало значительному росту валового внутреннего продукта.

Мы можем обогнать другие страны навсегда в принципиально новом направлении, построив скоростные коммуникации:

1) «Москва – Минск – Вильнюс – Калининград», что решит проблему изоляции Калининградской области и бестаможенного проезда в обоих направлениях по воздушному коридору;

2) «Санкт-Петербург – Воркута – Норильск – Хатанга – Тикси – мыс Дежнёва» – трасса навсегда закроет проблемы северного завоза; продление же трассы на запад (до Лондона) и на восток (через Берингов пролив до Нью-Йорка) позволит соединить через Россию кратчайшей сухопутной высокоскоростной (500 км/час) артерией три континента;

3) «Москва – Комсомольск-на-Амуре – Южно-Сахалинск» (с ответвлениями во Владивосток и мыс Дежнёва) – магистраль приблизит Дальний Восток к Центру России (время в пути – меньше суток), а её продление на запад (до Лондона), на восток (до Токио) и на юг (до Пекина, Сеула и Дели) позволит нашей стране стать скоростным сухопутным мостом между регионами, где проживает более 3 миллиардов человек (только на транзите грузов по этой дороге мы сможем зарабатывать десятки миллиардов дол-

ларов в год).

В настоящее время программа СТЮ разрабатывается под эгидой ООН:

– выполнены проекты ООН-ХАБИТАТ № FS-RUS-98-S01 «Устойчивое развитие населённых пунктов и улучшение их коммуникационной инфраструктуры с использованием струнной транспортной системы» и № FS-RUS-02-S03 «Обеспечение устойчивого развития населённых пунктов и защита городской окружающей среды с использованием струнной транспортной системы».

В рамках этих проектов была проведена международная экспертиза СТЮ, которая показала положительные результаты; было предложено использовать струнный транспорт в городских условиях, а также при междугородных перевозках.

Прогноз и вывод:

– если в XXI веке произойдёт хотя бы 50%-е замещение автомобильного транспорта более безопасным струнным транспортом, это спасёт в нашем столетии 50–60 миллионов человеческих жизней и предотвратит 1,5–2 миллиарда случаев травм и инвалидности людей;

– если оценить стоимость преждевременно оборвавшейся человеческой жизни и инвалидности по среднемировым страховым нормативам в 1 миллион долларов и 100 тысяч долларов соответственно, суммарный экономический эффект от снижения транспортного травматизма в масштабах земной цивилизации составит около 200 триллионов долларов. При этом стоимость земли, которая будет выведена из-под существующих дорог и будет возвращена землепользователю (около 30 миллионов гектаров), можно оценить к середине XXI века в 50–100 триллионов долларов.

Есть над чем задуматься...»

В международной аналитической газете «Инвестиции & строительство», в третьем и четвёртом номерах за сентябрь 2006 года было опубликовано интервью Владимира Полисмак с Анатолием Юницким: **«Струнная транспортная система Юницкого: максимальная эффективность, абсолютная новизна, другие транспортные выгоды».**

«...То, над чем работает Анатолий Эдуардович Юницкий уже не первый год, постепенно получает признание и становится самым перспективным в мире направлением развития сухопутного

транспорта.

Коллектив редакции гордится тем, что является непосредственным участником зарождающейся транспортной (и не только) революции. Нет никаких сомнений, что струнный транспорт Юницкого не имеет реальных конкурентов среди уже существующих видов транспорта. Углублённые технические и экономические расчёты, сделанные А. Юницким и его коллегами, выполненные проектные проработки и проведённые натурные испытания, заключения авторитетных экспертов свидетельствуют о том, что мы имеем дело с явлением уникальным по своей масштабности и грядущей перспективой изменения не только транспортной структуры планеты, но и всего облика Земли. Речь идёт о кардинальном улучшении экологии, высвобождении значительных земельных площадей от застройки транспортными магистралями, о создании высотных зданий нового типа, элегантных и застрахованных от воздействия различных земных катаклизмов.

Во время наших первых публикаций проектов Юницкого всё казалось красивой научной фантастикой, хотя и написанной серьёзными и образованными людьми. Сейчас же мы становимся свидетелями гордой поступи главной транспортной технологии XXI века. Количество заказов, поступающих из разных городов и регионов России, постоянно растёт. Также растёт коллектив разработчиков Струнного транспорта Юницкого.

Возрастает количество производственных графиков, расширяется география заказов, и на карте России в московском офисе компании ООО «Струнный транспорт Юницкого» еженедельно появляются флажки с названиями проектов СТЮ.

Естественно, есть и скептики, и критики – как же без них?

А тем временем серьёзные государственные мужи в Москве, Петербурге, на юге и Дальнем Востоке России серьёзно планируют решение региональных транспортных проблем с применением технологий СТЮ. И не только планируют, но и заключают договоры на разработку технико-экономических обоснований и рабочей проектной документации.

Появились заказчики, спешите присоединиться!»

Пилотный проект в Хабаровске

– Анатолий Эдуардович, предыдущее интервью с Вами было опубликовано в нашей газете весной прошлого года. После этого Вы часто бывали в командировках по России, проводили множе-

ство переговоров в Москве и других российских городах, выезжали за рубеж, напряжённо работали в столичном офисе. Что удалось изменить в ситуации 2005 года?

– В прошлом году у нас были просто идеи, которые, конечно, мы основательно рассчитали, сделали анализ всех видов транспорта. Такого детального изучения под тем углом зрения, под которым провели его мы, до этого никто в мире не делал.

Был выполнен анализ трёхсот видов и разновидностей транспортных систем. Мы нашли причины их недостатков, определили пути их устранения. В результате и была создана оптимальная транспортная система, которую мы назвали струнной. Она оптимизирована по законам физики, механики, аэродинамики, сопромата, строительной механики, которые существуют в нашем реальном мире.

Вообще, большинство изобретателей живут в мире эмоций, а не расчётов. И их, как правило, постигают неудачи. Нас же выручает точный и основательный инженерный расчёт. Наша оптимизированная система наконец-то нашла заказчика – администрацию города Хабаровска. В 2005 году мы подписали с ней договор на предпроектные работы, выполнение которых потребовало от нас немалых усилий. Пришлось делать аванпроект на струнную транспортную систему, потому что не было ни технических условий, ни СНиПов, ни ГОСТов. Поэтому мы создали собственные технические условия, которые утвердил мэр Хабаровска. В них выполнили всю расчётную часть струнной путевой системы для условий Хабаровска. Для их климатических особенностей с зимней температурой до –50°С градусов и летней до +60°С на солнце, с ветровыми нагрузками, которые бывают лишь раз в 100 лет – 102 килограмма на один квадратный метр, с оледенением наружных структур. Учли и особенности местных грунтов. Аванпроект струнной путевой структуры выполнен с инженерными расчётами по мостовым нормативам.

Затем в это обоснование проекта в предпроектных работах вошёл аванпроект на подвижной состав, потому что его в мире тоже не существует. Мы разработали три варианта пассажирского модуля – юнибуса для струнной транспортной системы вместимостью до 60 человек. Это комфортная вместимость, хотя в модуле могут разместиться и 100 человек. Разработали и описали конструкцию, определили стоимость в трёх вариантах исполнения. Делали также расчёты тяговые, расхода топлива и другие выкладки, необходимые для трёх вариантов исполнения модуля.

Первый – когда стоит дизель и сделан привод на колёса, второй – дизель-генератор и электрические мотор-колёса. И третий вариант – когда стоят накопитель электроэнергии (может быть различного типа: аккумуляторы, молекулярные накопители и конденсаторного типа) и мотор-колёса.

Представители администрации Хабаровска выбрали третий вариант, при котором не надо электрифицировать саму трассу. И это большой плюс. Просто зарядка будет производиться на станции в накопитель энергии в считанные секунды, пока заходят и выходят пассажиры юнибуса. Этой зарядки будет достаточно, чтобы доехать до следующей станции. Если же система вдруг обесточится, то тогда зарядки хватит на 60 километров пути и юнибус сможет добраться до депо.

Третья часть обоснования СТЮ в Хабаровске – технико-экономическое обоснование проекта. Себестоимость проезда на СТЮ будет ниже, чем на традиционном трамвае. Если учесть все затраты на строительство, в том числе и стоимость городской земли, занимаемой дорогой, СТЮ будет не дороже трамвайно-транспортной системы и дешевле монорельсовой дороги в 8–10 раз.

– Всё это подготовительные дела. А в чём суть самого проекта? Какие проблемы города поможет он решить?

– Мы рассмотрели два варианта прокладки трассы. Один – это навесной СТЮ на высоте 6–7 метров из центра города до берега реки Амур, с шириной колеи 2 метра, с юнибусами, которые могут двигаться со скоростью около 100 километров в час. При этом средняя развиваемая мощность двигателя лишь 20 киловатт. Поэтому, если перевести энергию в жидкое топливо, расход его юнибусом будет равняться пяти литрам в час. Столько примерно тратит малолитражка. А у нас – городское транспортное средство, которое везёт 60 пассажиров.

Выходит, что юнибус – самое экономичное транспортное средство в мире за счёт того, что здесь работают стальные колёса и стальные рельсы, имеющие низкое сопротивление качению.

Во-вторых, путь у нас выровнен, нет ухабов, подъёмов, спусков, на которые тратится энергия. А в-третьих, у нас работают накопитель энергии и электропривод мотор-колеса. В результате максимальная мощность здесь порядка 60 киловатт и нужна она только для разгона, это всего лишь 20–30 секунд.

Дальше идёт движение с нужной скоростью, а затем происходит торможение в генераторном режиме, вырабатывается

электроэнергия, заряжающая накопитель. Потом модуль стоит на остановке и не расходует энергию, двигатель не работает. А в автобусе на остановке он не выключен, тратит горючее, отравляет воздух. Поэтому на юнибусе средняя мощность получается всего 20 киловатт.

Второй вариант трассы – подвесной СТЮ, новый тип струнной трассы, о котором мы ещё не рассказывали в газете. Подробнее я опишу его в ходе интервью, а пока – о самой хабаровской трассе.

В городе протекает широкий Амур, и левый берег его не освоен, точнее, большие острова – Уссурийский и Кабельный – перед китайской границей, с которыми нет транспортной связи. Единственный мост, который находится на Транссибирской магистрали, расположен далеко и, чтобы добраться до него, надо проехать десятки километров. Мы решили перекрыть реку Амур одним двухкилометровым пролётом подвесного СТЮ. Высотные здания – составную часть такой трассы – можно расставить вдоль правого и левого берегов, создать транспортную систему «второго» и «третьего» уровней. Она свяжет город с противоположным берегом, где могут быть созданы жилые микрорайоны.

Таким образом, будет освоена новая территория. В перспективе можно развивать эту трассу «второго» уровня – навесного СТЮ – до Владивостока и в сторону Москвы. И на север – до Берингова пролива, а через него – до США.

На юг трассу можно протянуть до Китая и Индии. Хабаровск находится в стратегически важном месте, и поэтому начало работ там приведёт к созданию транснациональных дорог, связывающих не только разные страны, но и разные континенты.

Поэтому предложенный проект очень важен для России со стратегической точки зрения.

Через Ставропольский овраг

– Проекты струнного транспорта в Хабаровске, безусловно, очень интересные и перспективные. Они позволят показать дорогу в действии, возможно, побудят федеральные власти к активной поддержке Вашей работы. Но, видимо, Хабаровск – не единственный российский город, уже пожелавший создать у себя новое чудо света?

– Второй заказчик у нас – администрация города Ставрополя,

у которого другая проблема. Город рассекает овраг глубиной до ста метров и шириной до двух километров. Он был образован за миллионы лет, на дне его течёт маленькая речушка. Ряд жилых микрорайонов оказались отделёнными от центра города этим оврагом. Чтобы объехать овраг, автотранспорту приходится преодолевать много километров.

Власти города попросили нас разработать вариант проекта соединения одного из микрорайонов с центром города через овраг. Когда мы начали работать, то поняли, что этот проект не решит всей проблемы. Ну, соединим мы один микрорайон с центром, а пробки в городе, смог, особенно летом, всё равно останутся, потому что через центр люди едут из разных микрорайонов на работу, с работы, на отдых и с отдыха.

Поэтому мы предложили несколько вариантов создания высотных дорог – подвесного СТЮ. Один проект – дорога через овраг, а другой – создать сеть дорог с высотными зданиями. Поставить центральное здание высотой сто пятьдесят метров, где можно расположить пятьдесят тысяч квадратных метров жилья. Построить ещё несколько высотных зданий, связанных между собой и с центральной высоткой струнной дорогой. В них можно разместить ещё несколько сот тысяч квадратных метров жилья. Сделать депо и станции наверху в каждой высотке. Это решило бы транспортную проблему города, потому что трассы СТЮ взяли бы на себя 30–40 процентов пассажирских перевозок в нём.

Расчёты показывают, что потребуется всего лишь двадцать сорокаместных модулей. Они будут работать на открытом пространстве, где нет пересечения с другими дорогами, отсутствуют привычные помехи. Кроме того, модули – всепогодные и высокоскоростные, их скорость будет достигать ста двадцати километров в час. В результате двадцать юнибусов по своей эффективности заменят все автобусы и троллейбусы города, а их около трёхсот.

Этот проект высокорентабелен, он быстро окупится. Есть инвесторы на высотные здания, потому что проект инвестиционно привлекателен. Это не просто дорога, а развитая инфраструктура: жилая, офисная и плюс дорога. В башнях могут быть и коммерческие центры, в зависимости от пожеланий заказчика. Инвестируя средства в здание, они получают площади, которые быстро окупаются. Станция струнной дороги в высотном здании будет занимать всего несколько процентов и по площади, и по стоимости.

Потом мы эту идею развили для других мегаполисов, где су-

ществует проблема связи мегаполиса с областью. Создали проектное предложение для Москвы и Московской области – радиально-кольцевую высотную рельсовую транспортную систему «Москва – Подмосковье – СТЮ». Этой работе ввиду её важности и высокой актуальности мы посвящаем отдельную публикацию здесь же, в праздничном номере газеты.

Подробнее о подвесном СТЮ

– В начале нашей беседы Вы обещали рассказать более подробно о новом типе струнной дороги – подвесном СТЮ. Мне думается, здесь кроются огромные перспективы.

– Вы не ошибаетесь, у этого типа дороги есть преимущества даже по сравнению с предыдущими вариантами струнной дороги уже хотя бы потому, что здесь уменьшается вдвое расход материалов на дорогу, снижаются потери на движение. Ведь вместо мощных горизонтальных рельсов навесного СТЮ здесь будут лёгкие струнные рельсы, размещённые с провисом в несколько метров между соседними зданиями-станциями.

Здесь эффективно работают силы инерции. Высотные дома-башни одновременно являются и анкерными опорами для струнной дороги.

Подвесной СТЮ позволяет прокладывать трассы с большими пролётами (до двух и более километров), имеет высокую скорость движения, но в то же время является относительно недорогой высокорентабельной системой с невысокими эксплуатационными издержками и низкой себестоимостью проезда.

При создании такой дороги были использованы лучшие стороны всех существующих видов транспорта.

Сейчас мы стали обладателями нового патента, автор и изобретатель которого – ваш покорный слуга. Название его «Новые конструкции и технологии возведения высотных зданий для использования в струнной транспортной системе». Ведь у нас нагрузка идёт вверху значительная: натяжение струны в одном рельсе может быть более ста тонн да ещё на высоте ста и более метров. Каркас и фундамент здания должны выдержать эти нагрузки.

И мы дали такое решение, при котором здание даже удешевляется, строительство его может быть ускорено вдвое по сравнению с традиционными вариантами.

У нас струнное армирование по всей высоте общее, без сты-

ков, и монтаж перекрытий идёт сверху вниз одной опалубкой. При обычной технологии для каждого этажа нужно перемонтировать опалубку, ещё и криво-косо получается. Посмотришь на такой потолок и диву даёшься: там ещё очень много поработать надо, чтобы его ровным сделать. А ведь в таком виде квартиры сдают жильцам. У нас потолки будут ровненькие, потому что делаются одной опалубкой, которая спускается сверху вниз. Сначала будет выполняться несущий каркас, потом – технический этаж сверху. А оттуда уже на струнах будем опускать опалубку. Специальный каркас станет дешевле традиционного, хотя он рассчитан на нагрузки от здания и от натяжения струн. Поэтому и технология, и конструкции будут дешевле. И квадратный метр площади будет меньше стоить.

Таким образом, мы предлагаем экономичное комплексное решение не только дороги, но и зданий.

В СССР не могли сделать нормальный автомобиль всей промышленностью. А мы предлагаем суперэкономичный, суперскоростной транспортный модуль, причём разных типов. Предлагаем принципиально новую путевую структуру, которая лучше железной дороги, трамвая, троллейбуса и так далее. И более того, предлагаем ещё инфраструктуру, которая лучше существующих. Инженерные коммуникации будут внутри наших небоскрёбов. В высотках будут автономные водопровод и канализация. Не нужно будет труб диаметром в метр, которые потом не работают, ржавеют, прорываются. Не нужно будет закладывать в землю кабель. По нашим дорогам мы можем проложить линии электропередач и связи.

Вокруг высотки можно сделать низкоэтажную застройку, коттеджный городок построить. Правда, эти постройки будут уязвлёнными, например, перед наводнением. Высотным же зданиям ничего не угрожает. Даже если растают, не дай Бог, ледники Антарктиды и море поднимется, а вода всё затопит кругом, система подвесного СТЮ с высотками будет работать.

Для нашей струнной системы всех этих проблем не было бы. Наши здания будут сейсмоустойчивыми, потому что армирование будет вестись сверху вниз непрерывно и бетонирование тоже. Поэтому, чтобы разрушить такую конструкцию, надо приложить огромные усилия. Это же не карточный домик.

Эвакуировать людей при чрезвычайных ситуациях можно как снизу, так и сверху, через СТЮ. Эвакуацию можно проводить даже на высоте 150–200 метров. Через станцию могут приезжать пожарные, спасатели, различные технические службы.

– И последний вопрос – о перспективах Вашей работы. Какими Вы их видите?

– Недавно мы вернулись из Ханты-Мансийска, проводили там очередные переговоры. Подписали с губернатором протокол о предпроектных работах по четырём проектам СТЮ. Многое предстоит здесь сделать. У нас есть серьёзные проработки и для других российских городов: Волгограда, Краснодара, Калининграда, Сочи и ещё десятка городов. Тяжело всё идёт потому, что нет пока у нас наглядных серийных трасс. Не хватает и хорошего полигона, где мы могли бы отрабатывать все типы СТЮ. Помоги нам государство с этим полигоном – и дело быстро пошло бы вперёд. Как это сейчас необходимо! Ведь нашими разработками интересуются не только в России. Большой интерес проявляют к нам Арабские Эмираты, где я недавно был. Оттуда уже поступило десяток предложений.

Нам с удовольствием сделали бы заказы Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Оман, Пакистан, Индия, Китай, Южная Корея, Канада, Австралия. Список можно было бы и дальше продолжить – программа наша пошла бы там ускоренными темпами…»

В том же номере напечатан материал:

«Струнный транспорт Юницкого: ПОДМОСКОВНЫЙ ПРОЕКТ РЕШИТ ТРАНСПОРТНУЮ ПРОБЛЕМУ!»

Радиально-кольцевая высотная рельсовая система «Москва – Подмосковье – СТЮ»:

«…Московская область на сегодняшний день представляет собой уникальный транспортный узел, в котором взаимодействуют все виды транспорта, включающие в себя сеть железных дорог, международные аэропорты, автомобильные дороги и разветвлённую сеть внутренних водных путей. В этой связи вопросы комплексного развития объектов транспортной инфраструктуры области приобретают решающее значение.

Сегодня в ближнем Подмосковье имеется 6 гражданских аэропортов и 32 аэропорта другого назначения. К московскому авиационному узлу относятся четыре ведущих порта: «Быково», «Внуково», «Домодедово» и «Шереметьево». Однако централизованного прямого сообщения между аэропортами московской зоны не существует. Из одного аэропорта в другой можно попасть, только сделав несколько пересадок, а это, в свою очередь, ведёт к неоправданным потерям времени и увеличению стоимости проезда.

Естественно, что перед администрацией Московской области

встаёт острый вопрос об организации транспортного сообщения между крупнейшими авиационными узлами региона.

Есть и другая серьёзная проблема. Последние несколько лет всё ближнее Подмосковье задыхается в преддверии надвигающегося транспортного коллапса. Пропускная способность федеральных автодорог, связывающих область с Москвой, не соответствует современному уровню урбанизации.

О том, что дорожная тема – одна из самых болезненных в Подмосковье, знают не только жители области и проезжающие транзитом автолюбители страны. Ничуть не хуже эту проблему ощущают на себе москвичи, а особенно те из них, кто имеет дачный домик вдали от оживлённой трассы.

Это положение усугубляется резким развитием жилого строительства в ближнем Подмосковье (5 миллионов квадратных метров в год), которое по своим объёмам уже сравнялось с московским и даже начинает его обгонять.

Несмотря на реализованные и разрабатываемые в Московской области транспортные проекты, окончательного решения дорожных проблем Подмосковья пока не видно. Значительная часть жителей Подмосковья ежедневно съезжается в столицу. Чтобы вместить всех желающих, трассы должны быть бесконечно широкими. Сейчас, правда, наметилась новая интересная тенденция: стали строить бизнес-центры не только в центре Москвы, но и в других районах, в том числе за МКАД. Здесь создают производственные и офисные зоны, некие точки притяжения, в которых сосредоточена вся необходимая инфраструктура. Это должно несколько разгрузить центральную часть города. Однако главное препятствие для успешного развития положительных процессов – отсутствие современных скоростных пригородных транспортных систем.

Концепция

Общая протяжённость транспортной системы «Москва – Подмосковье – СТЮ», совмещённой с 342 высотными зданиями (жилыми, офисными, торговыми, многофункциональными и т. д.), составит 508,8 км, из них 207,8 км – протяжённость Большой кольцевой линии (117 высотных зданий-станций) и 205 км радиальных линий (143 высотных здания-станций).

При поддержке проекта администрацией города Москвы ради-

альные трассы могут быть продлены до центральных станций метрополитена.

Уникальность предлагаемой транспортной системы «Москва – Подмосковье – СТЮ» заключается не только в том, что будет введено в строй более 500 км высотных, экологически чистых, недорогих (значительно дешевле более короткого МКАДа) и безопасных скоростных трасс нового поколения, но и будет сдано в эксплуатацию в области около 14 миллионов квадратных метров недорогих жилых, административных и торговых помещений, а также будут созданы десятки тысяч новых рабочих мест в Московской области.

Предлагается также вынести в ближнее Подмосковье на Большую кольцевую линию СТЮ:

– железнодорожные вокзалы и автовокзалы (освобождение Москвы от железных дорог, сортировочных станций);

– оптовые магазины-склады;

– гипермаркеты;

– заводы (учитывая высокую степень их доступности на новом месте для работников из Москвы).

Планируется разместить здания-станции высотного СТЮ Центральной кольцевой линии в непосредственной близости от станций московского метро и соединить их между собой подземными переходами (возможно, ввести для них единую оплату за проезд).

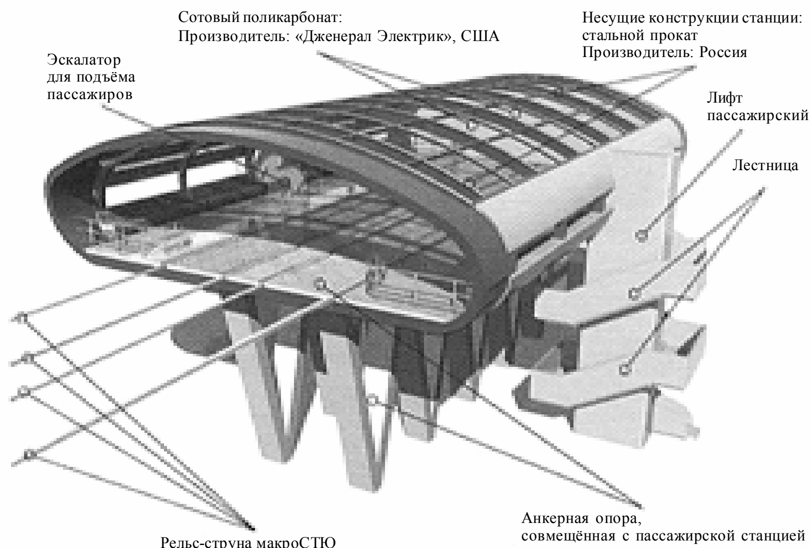
Высотные здания-станции станут доминантами.

Вокруг них можно построить небольшие малоэтажные (однотрёхэтажные) жилые поселения.

Методы реализации проекта

Для реализации предлагаемого Проекта планируется широкое использование частных инвестиций. Чтобы привлечь их, ООО «Струнный транспорт Юницкого» проводит серию достаточно успешных предварительных переговоров с ведущими девелоперами (застройщиками) Москвы и Московской области.

Проект будет реализовываться группой крупных застройщиков поэтапно в рамках единой концепции, но на разных участках будущей транспортной системы и в разных районах Московской обла-сти и города Москвы. В перспективе должно произойти их объединение в единый транспортно-производственно-жилой комплекс, не имеющий аналогов в мире.



Чтобы организация инвестиционной деятельности группы инвесторов была успешной, необходима разработка общей концепции, которая задаст главные параметры для всех участков высотного СТЮ в Московской области и в Москве. Соблюдение этих параметров станет гарантией для будущего вхождения отдельных, построенных в разное время участков системы в единый комплекс.

Основные работы по проектированию новой струнной транспортной системы предполагает взять на себя ООО «Струнный транспорт Юницкого» как владелец всех патентов, технологий и ноу-хау СТЮ.

Преимущества городского транспорта «второго» уровня

Особенно ярко преимущества транспорта «второго» уровня будут проявлены в подвесном СТЮ в Москве и Московской области:

– подъём юнибуса над поверхностью земли и отказ от сплошного полотна, создающего эффект экрана при скоростном движении, улучшает аэродинамику транспортного средства и, соответственно, снижает расход энергии (топлива) только за счёт этого примерно в два раза;

– выполнение пути с провисом в несколько десятков метров на пролёте 1000–2000 метров позволяет отказаться от сложных

материалоёмких и дорогих поддерживающих конструкций, используемых в традиционных большепролётных мостах: поддерживающих канатов, вант, стержневых ферм и других элементов, установленных на высоких и дорогостоящих пилонах;

– отказ от резиновых шин и переход на стальные колёса уменьшает сопротивление качению колеса в 15–20 раз и на весь период эксплуатации системы (100 лет) решает проблему гололёда и уборки снега. Снег и лёд толщиной до 5 сантиметров на головке рельса будут раздавливаться колесом до контакта «сталь-сталь» и сбрасываться им с рельса (резиновые колеса не раздавливают, а уплотняют снег и лёд);

– при совмещении анкерной опоры СТЮ с несущим каркасом высотного здания транспортная система не займёт ни одного квадратного метра городской земли (землю займёт здание – жилое, офисное, торговое и т. п., имеющее самостоятельное, нетранспортное назначение). При этом стоимость анкерной опоры войдёт в стоимость здания, которое не станет дороже аналогичного здания с традиционным несущим каркасом;

– низкий коэффициент сопротивления качению стальных колёс с цилиндрическим опиранием, снабжённых противосходной системой, самые высокие в мире аэродинамические качества корпуса юнибуса, использование для разгона подвижного состава гравитации (а не двигателя), а для штатного торможения – также гравитации (вместо тормозов) сделают подвесной СТЮ в Москве и Московской области самой экономичной транспортной системой в мире (требуемая средняя мощность двигателя сорокаместного юнибуса, развивающего скорость 120 км/час, составляет всего 9 киловатт);

– отсутствие ездового полотна, лежащего на грунте, бесстыковой идеально ровный путь, задемпфированность рельса-струны (на опорах) и стальных колёс, имеющих резиновую прослойку между ободом и ступицей; малая неподрессоренная масса колеса, большая высота размещения пути (более 20–30 метров), упругий прижим рельса к колесу, которое даже на неровностях не может оторваться от рельса (безотрывное движение колёс обеспечивает то, что рельс-струна на пролёте упруго прогнут на несколько метров под колесом), бесшумные безредукторные электрические мотор-колёса и другое обеспечат самые высокие экологические показатели – СТЮ будет бесшумным, не создаст вибрации почвы и зданий, будет самым экологически чистым видом городского пас-

сажирского транспорта (не будет выбрасывать в окружающую среду никаких загрязняющих веществ).



А. Юницкий у действующей модели СТЮ, Сочи, дача Сталина, 1999 г.

Организация проекта

Первую очередь трассы предлагается выполнить в ближайшем Подмосковье в виде замкнутого кольца, соединяющего, помимо аэропортов «Шереметьево», «Внуково», «Домодедово» и «Быково», 11 крупных подмосковных городов-спутников.

Кроме самого кольца предусмотрены радиальные трассы, соединяющие аэропорты с конечными станциями радиальных линий московского метро.

В перспективе могут быть построены дополнительные радиальные трассы высотного СТЮ, связывающие с Москвой города-спутники и районные центры.

Первый типовой модульный участок трассы протяжённостью 1,8 км может быть построен в Московской области в течение 24–30 месяцев с начала финансирования работ при условии поддержки проекта правительственными структурами Российской Федерации, Москвы и Московской области в решении полного объёма финансирования Проекта, отвода земель и проведения необходимых согласований, а также проведения сертификации СТЮ и экспертизы Проекта на национальном и международном уровнях. Потребуется содействие ведущих проектных организаций, например, таких как «Аэропроект».

Одновременно со сдачей в эксплуатацию первого модульного участка будут представлены материалы проектирования последующих участков радиально-кольцевой трассы.

Ожидаемая скорость строительства составляет 3–5 пролётов

в год (5–8 км/год) для одного строительного отряда. Строительство кольцевых участков дорог и радиальных отрезков может осуществляться несколькими отрядами (10–20 отрядов и более) одновременно.

При условии стабильного финансирования и своевременном отводе земельных участков кольцевая трасса высотного СТЮ со всеми радиальными ответвлениями может быть завершена в течение 5–6 лет с момента окончания работ по созданию модульного участка струнной трассы. Отдельные участки системы (например, между отдельными населёнными пунктами) могут быть сданы в эксплуатацию уже через 2–3 года.

Создание радиально-кольцевой трассы СТЮ позволит существенно улучшить качество жизни в московском регионе и обеспечит, в частности, значительный рост доходов от Московского авиационного узла.

Люди должны жить на природе

Комментарий Анатолия Юницкого, генерального директора, генерального конструктора ООО «Струнный транспорт Юницкого»:

– Ежедневно в столицу из Подмосковья устремляется на работу, а в конце дня возвращается обратно около миллиона человек. В результате на автомобильных трассах утром и вечером образуются многочасовые пробки, а на дорогу люди тратят несколько драгоценных часов. Это около половины свободного времени, отпущенного им на личную жизнь. Вдумайтесь в абсурдность ситуации: на сидение в автомобильных пробках и вдыхание при этом выхлопных газов, запаха асфальта и тратится значительная часть нашей жизни. Мы медленно убиваем самих себя.

Поэтому для Москвы и Подмосковья, в частности (а такие же проблемы есть в Токио, Париже, Пекине, Мехико и других мегаполисах мира), мы предлагаем прекрасный проект струнных дорог с высотными зданиями.

Он позволит только Подмосковью дать жилья около 15 миллионов квадратных метров (это трёхлетняя жилищная программа области).

Будут построены офисные и торговые помещения. Люди будут расселены в комфортных условиях, связаны между собой, со станциями метро и аэропортами всепогодной скоростной дорогой. И тогда они поедут не в Москву, а из Москвы на работу.

Здесь появятся торговые и развлекательные комплексы, зоны

отдыха, станции и вокзалы – всё это будет вынесено из столицы.

Часть активной сферы будет перенесена в область. И тогда уйдут в прошлое пробки, не нужно будет держать на улице миллионы автомашин.

Мы сможем вернуть Москву в пятидесятые годы, когда машин было совсем немного. И не было тогда столько шума на улицах, не было такого количества копоти, которая ежедневно оседает не только на занавесках московских окон, но и в наших лёгких.

Мы же можем значительную часть транспортной нагрузки столицы переложить на СТЮ и решить проблему мегаполиса.

Тогда улучшится атмосфера в городе, удобнее станет транспортная инфраструктура, снизится стоимость проезда, потому что люди будут ездить на большие расстояния за меньшие деньги. Возрастёт скорость. На работу тогда можно будет добираться значительно быстрее, чем сегодня.

Многим не надо будет ездить далеко, потому что работа будет рядом. При затратах, по нашим оценкам, в 15 миллиардов долларов (в нынешних условиях стоило бы 50 миллиардов, и даже больше, построить только одну 600-километровую дорогу на магнитном подвесе) мы получим около 600 километров экологически чистых дорог и 300 высотных зданий с 15 миллионами квадратных метров жилья (один квадратный метр жилья, с дорогой в придачу, – 1000 долларов).

Появится инвестор, которого дорога не пугает, а наоборот, привлекает, потому что с дорогой многое можно вынести в область. А не было бы дороги, то всё превратилось бы в фантастику и глупость.

Кому небоскрёбы в поле нужны без дорог?

А у нас всё связано в единую транспортную структуру. В поле или в лесу я бы, например, с удовольствием жил. Представляете? Среди леса стоит высотное здание.

Наши дети бегают по лугу или среди деревьев и не боятся машин, любого вида транспорта, движущегося по дороге, потому что нет таких дорог и нет машин.

Надо срочно уехать? Поднялся на лифте на тридцатый этаж – и через пять минут оказался в метро. Фантастика? Да нет, реальность. Сказка? Но мы её сделаем былью. Это уже как в песне – у нас «ничего невозможного нет…»

В нынешней схеме – сегодня! – небоскрёб в поле или лесу, на острове, на берегу реки – это прожект, невыполнимая вещь.

А вот наш проект струнных дорог, соединяющий воедино всё и вся, очень полезен столице и Московской области, он просто необходим. Жизненно необходим. Как говорят, дальше уже некуда: задыхаемся, толкаемся, негодуем, возмущаемся, не видя выхода. А выход есть – и простой выход.

Кто решил, что небоскрёбы необходимо строить в центре Москвы? Москва должна быть нетронутой, в крайнем случае отреставрированной, но не перелицованной, ведь она же – историческое прошлое, визитная карточка, и «омолаживать» её не надо, возводя бетонные «зубы», её можно только улучшить, дать второе дыхание…



Высотное здание со струнной дорогой сверху

А человек – продукт природы – должен находиться вдали от копоти и шума, жить там, где свежий воздух, где поют птицы и будит утром не будильник, а горластый петух.

Этим человек продлит себе жизнь, и дети будут расти здоровыми и крепкими, потому что употребляют в пищу здоровую еду и кристально чистую воду. Можем ли мы сегодня в Москве попить воды из крана? Подышать свежим воздухом?

Нас спасёт природа. Только природа. Потому что роднее её у человечества нет никого – и не будет. Её не заменят ни космос, ни далёкие Миры и Созвездия.

Нас спасёт разумное и быстрое передвижение по земле.

Мы будем больше времени уделять самим себе, не чувствовать усталости на работе.

Люди должны и обязаны жить на природе…»

Часть шестая

Вышли на Ульяновск

Так случилось, что компания СТЮ вышла на губернатора Ульяновской области Сергея Ивановича Морозова. Как это произошло?

Виктор Узлов, партнёр Анатолия Юницкого, работал раньше в Москве вице-президентом компании «Миракс-групп».

Когда на совместном совещании решали проблемы размещения своего проекта, струнного транспорта, Виктор Узлов неожиданно предложил:

– Анатолий, а давай предложим свои услуги губернатору Ульяновской области Морозову. Он человек, думающий категориями будущего, должен заинтересоваться струнными технологиями.

– Ты с ним встречался до этого?

– Да, наши дороги пересекались. Мне он показался прогрессивным человеком.

– Прогрессивными нам казались и губернаторы других областей. И писем десятки писали, ездили, встречались, и что из этого?

– Давай попробуем. Думаю, он заинтересуется нашими предложениями.

Виктор написал письмо на имя Морозова с изложением всех позиций по СТЮ, какой видится Ульяновская область через «струнную призму», и Анатолий тут же его подписал. Морозов откликнулся сразу, предложил встретиться на выставке, которую будет проводить Минтранс России по случаю 200-летия транспортной отрасли.

В той же выставке участвовал со своим проектом и творческий коллектив СТЮ. О струнных дорогах на большом экране показывали трёхминутный фильм.

Сергей Иванович сразу же отыскал их, радостно пожимал всем руки, улыбался. У Анатолия сложилось впечатление, что они давно знакомы, что понимают друг друга с полуслова.

– Ну, показывайте своё детище, – сразу же перешёл губернатор на серьёзный тон. – Знакомьте меня с вашим предложением.

С интересом посмотрел фильм, экспонаты. Задумался, потёр ладонью подбородок, посмотрел на Юницкого:

– Дело стоящее. Дело будущего.

Все молчали, ждали, что скажет дальше Сергей Иванович. Анатолий Юницкий был ко всему готов. Сколько раз он встречал тех

людей, которые, проникшись идеей струнных дорог, обещали всякую поддержку и помощь, но после этого никаких действий не предпринималось.

– Обещать ничего не могу, – промолвил Морозов, глядя в глаза Юницкому, и в его взгляде блеснули искорки интереса, живого участия в разговоре, – но на следующей неделе у нас, в Ульяновске, состоится заседание президиума Госсовета под председательством Президента Дмитрия Медведева. Разговор будет идти о транспорте России. Вот я на этом заседании и предложу вашу идею, скажу, что ваш струнный транспорт – это будущее России. Поддержит Дмитрий Анатольевич – будем строить в нашей области струнную дорогу. Телевидение будет вести прямую трансляцию, следите.

И ушёл, оставив Анатолию и Виктору всего лишь маленькую надежду.

Его провожал Виктор Узлов. Он потом рассказывал, как Морозов подошёл к Министру транспорта Юрию Левитину, который присутствовал на выставке, хотел рассказать ему о струнном транспорте и о том, что он будет докладывать на Госсовете об этом, но министр только отмахнулся от него:

– Потом, потом, на президиуме и поговорим…

И поддержал Медведев…

Этот сюжет был показан по российскому телевидению.

Вести. Прямой эфир. Ульяновск.

Внизу по жёлтой полосе бегущая строка: «Медведев уволил ряд военачальников в связи со взрывами в Ульяновске».

Круглый стол, за которым собрались члены правительства России, местные чиновники. Заседание Госсовета. Решаются глобальные вопросы сегодняшнего дня.

Но парадокс в том, что говорили не об инновациях на транспорте, как и определили повестку дня, потому что инновации – это завтрашний день российских дорог, а говорили о вчерашнем дне: что сделано, что внедрено…

Перед этим губернатор Петербурга Валентина Матвиенко предложила закупать трамваи в Италии, а Министр транспорта Юрий Левитин и вовсе заявил, что в России нет инноваций по транспорту и что нужно всё закупать за рубежом, а для этого нужны огромные деньги…

Президент России Д. Медведев:

– Выступления, пожалуйста. Сначала предоставляется слово губернатору Ульяновской области. Пожалуйста, Сергей Иванович.

С. Морозов:

– Спасибо, Дмитрий Анатольевич! На мой взгляд, нам надо не столько догонять мир, о чём мы говорили сегодня, а и значительно обгонять его, используя новые направления. И я уверен, что сегодня нашей стране нужна такая большая, сверхамбициозная сверхзадача. Я не согласен с министром транспорта, который говорил, что в стране нет инноваций. Они есть, и о них давно идёт разговор. Есть транспорт будущего у нас в России. На мой взгляд, таким выигрышным направлением может стать транспорт нового поколения, который может эксплуатироваться в любых климатических условиях, при этом быть сверхэкономичным и экологически безопасным. Для некоторых, может быть, покажется странным, но у нас есть такие разработки. Разговор идёт о струнном транспорте Анатолия Юницкого.

Исходя из вопросов разработок по струнным технологиям, мы сегодня можем утверждать, что при введении в строй этого вида транспорта мы как минимум на пятнадцать лет можем опередить Запад. Струнный транспорт может быть новой формой развития транспорта как внутри мегаполисов и крупных городов, так и в сообщениях между ними.

Отступление первое: в то время, как выступает губернатор области, сидящий рядом с Медведевым вице-премьер Иванов отводит взгляд в сторону, стараясь не рассмеяться.

Ему, Иванову, вторил и министр транспорта Левитин, хихикал в кулак, пряча язвительную улыбку, высказывая тем самым полнейшее неприятие инновации.

Медведев же, внимательно слушая выступление, смотрит на губернатора.

– Для тех, кто сомневается и скептически слушает меня, могу привести мнения экспертов, которые утверждают: «При обеспечении расчётной скорости движения 300 километров в час и объёме перевозок до 100 тысяч пассажиров в сутки трасса «Москва – Санкт-Петербург», работающая на струнном транспорте Юницкого, будет на 700–900 миллиардов рублей дешевле аналогичной высокоскоростной железной дороги в эстакадном исполнении при себестоимости перевозок 350 рублей на пассажира. А исполнение

железобетонных взлётно-посадочных полос по струнным технологиям повышает их несущую способность, ровность и долговечность покрытия, безопасность взлёта и посадки самолётов. Экономия, как утверждают эксперты, только на одной такой взлётно-посадочной полосе составляет более одного миллиарда рублей.

Поэтому мы в Ульяновской области приняли решение и создали буквально на этой неделе инновационный «Центр струнных технологий» с полигоном сертификационных и демонстрационных трасс. В перспективе мы будем строить в Ульяновске городскую трассу подвесного транспорта Юницкого. Исходя из этого, я хотел бы внести в перечень поручений по итогам Госсовета следующие пункты для правительства России:

– рассмотреть вопрос о включении струнных технологий в перечень критических технологий Российской Федерации;

– включить вопрос о разработке и реализации новой инновационной транспортной технологии «второго» уровня – струнного транспорта Юницкого – в транспортной системе Российской Федерации с последующим формированием федеральной целевой программы.

Д. Медведев:

– Спасибо. У вас интересное выступление, Сергей Иванович. Я не знаю, что из названных вами новых видов транспорта может быть реализовано в ближайшей перспективе но, как минимум, это желание думать о будущем. Полёт фантазии… Я тут посмотрел, наши коллеги, представляющие крупнейших российских перевозчиков, так… улыбались в кулак… *(глядя на Иванова)*… Напрасно… Иногда нужно уметь мечтать… *(Иванов, опустив голову, что-то чёркал в своём блокноте, не переставая иронически улыбаться)*. Лет сто-двести назад, когда рассказывали про паровоз, специалисты в области конных перевозок сидели вот так же, говоря и думая – чушь какую-то разводят… Но потом, как вы знаете, из этого получилась целая отрасль, которую, кстати, вы возглавляете… *(Сергей Иванович, глядя на Президента, чувствуя его поддержку, не скрывает свою удовлетворённую улыбку)*. Именно это, кстати, и есть инновации, если так говорить по-честному, но такие – уже серьёзные.

С. Морозов:

– Дмитрий Анатольевич, так давайте и включим в перечень поручений, и мы докажем через несколько лет всему миру, что мы будем самыми лучшими транспортниками в мире.

Д. Медведев (глядя на Иванова):

– Давайте включим, найдём финансирование и докажем всему миру…

С. Морозов (чуть ли не перебивая Президента):

– Дмитрий Анатольевич, у нас, кстати, по струнному транспорту Юницкого есть стратегические партнёры и со следующего года мы начнём этим заниматься.

Д. Медведев:

– По поводу этого струнного транспорта, о котором вы говорите, я недаром отозвался… Мне этот проект принесли лет восемь назад. Я просто помню его. Бумага с предложением о струнном транспорте начала ходить лет восемь назад. Как я понимаю, за это время ничего не сделано. Одно из двух: или этот проект нереальный, или действительно никто не хочет помогать.

С. Морозов:

– Совершенно правильно вы говорите. Вы, работая тогда в правительстве, написали такое поручение. И тогда все единодушно написали, что это очень интересный проект, жизненно необходимый, но это не относится к нашему ведомству. Это относится к Минтрансу, другим областям и ведомствам. Оттолкнулись так технично, отмахнулись…

Д. Медведев:

– Ну, ладно… Понятно. Значит, будем продолжать работу.

Этот сюжет Анатолий Юницкий с огромным вниманием смотрел, не отрываясь от телевизора. Он в этот день не смог поехать в Ульяновск – была важная встреча в Совете Федераций с председа-



Станция СТЮ

телем комиссии по антимонопольной политике Николаем Рыжковым и членами комиссии, сенаторами, где вёлся разговор о будущем транспорта России.

Второй губернатор встречается на его жизненном пути, который проникается его идеями, готов не только оказать помощь, но и сам принять непосредственное участие в создании струнных дорог.

Если Лебедь выделил сотни тысяч долларов из своего губернаторского фонда для строительства опытного полигона в Озёрах, чтобы доказать всему миру, что в России есть гениальные инновации, то Сергей Морозов пошёл ещё дальше: просит Президента России, чтобы тот помог найти средства для строительства струнных дорог в Ульяновске.

Нужно было иметь огромную смелость, чтобы не согласиться с мнением представителей транспортной отрасли, доказать, что они ошибаются, когда не верят в будущие инновации на транспорте. Он доказывал, что они как монополисты, сдерживают, хоронят любые предложения и инновации.

Перед самым заседанием Госсовета Виктор Узлов, партнёр Анатолия Юницкого, приехал в Ульяновск. И хотя губернатору было не до него – в городе происходили взрывы, горели оружейные склады, были жертвы, и нужно принимать срочные меры и решения по этим вопросам, но Сергей Иванович уделил ему внимание. И не несколько минут, а целый час. И внимательно слушал, что говорил собеседник. А Виктор, поблагодарив его за понимание вопроса, постарался изложить свои взгляды на мировую транспортную проблему. В частности, говорил о том, что министерство транспорта всегда закапывало (хоронило) свежие идеи и предложения, потому что они эксплуатируют уже построенные дороги. Они не могут заглядывать в будущее, потому что латают-перелатывают существующие дороги. И чем чаще будут приходить в негодность дороги – для них это слаще мёда. Потому что на это выделяются беспрепятственно огромные средства из бюджета.

Говорил, улыбаясь, что паровоз появился тогда, когда «Министерство транспорта» было гужевым. Поэтому оно было против – не допускали вмешательства в их монополию. Когда появился автомобиль, Министерство транспорта было против его внедрения. Сегодня продолжается то же самое.

Более ста лет назад Форд вывел своих акционеров в поле и сказал, что на том месте будет построен завод и будет выпускаться миллион автомобилей. Ему никто не поверил, и посчитали его

чуть ли не сумасшедшим. А потом что получилось? Сегодня в России есть авиация, автомобильная промышленность, железнодорожный транспорт. На всё стабильно отпускаются деньги – из года в год, как необходимая пища для поддержания жизни. И эти виды транспорта поглощают огромные средства, живут за счёт этого транспортники, и очень хорошо живут. И тут вдруг как снег на голову предложение: объединить все виды транспорта со струнным транспортом, который является более дешёвым, экономичным и экологически чистым. Конечно, чиновники от транспорта подымут крик и объединятся в общем несогласии и противлении внедрять «струны» в жизнь…

Морозов слушал с неподдельным вниманием, ни разу не бросив взгляд на часы, чтобы показать, что надо закруглять разговор. А Виктор приводил и приводил вопиющие факты, которые не давали ему покоя все годы, не понимая, почему не краснеют транспортные чиновники за свою бездеятельность, получая из государственной казны незаработанные деньги.

В России за сто пятьдесят лет построили меньше ста тысяч километров железных дорог и менее одного миллиона километров автомобильных дорог. В США – более двухсот тысяч километров железных дорог и более шести миллионов километров автомобильных дорог. Есть разница? И огромная. Дорог в России, которая территориально больше Америки в 1,8 раза, а большая часть её территории практически не освоена транспортными коммуникациями, нужно построить не менее пяти миллионов километров дорог.

И не напрасно потом Президент Медведев на Госсовете скажет, что создаётся такое впечатление, что дороги строят не на земле России, а на Луне. Разве это экономически оправдано, что строительство в России одного километра автобана обходится в сто, двести и триста миллионов долларов. Эта сфера оказалась сильно коррумпированной и неподвластной проверке. Как можно узнать, сколько асфальта и щебня вложено в километр дороги, на сколько – двадцать-тридцать-пятьдесят сантиметров она заужена, кто докопается до истины? Всё в земле, всё закопано, как и благосостояние страны…

Струнным же дорогам не нужны никакие проверки – всё наверху, ничего не спрятано.

– Да, новое всегда трудно пробивает себе дорогу, – подытожил разговор Сергей Иванович. – Всегда присутствуют непонимание и осторожность, даже боязнь.

Этот разговор губернатора с Виктором Узловым происходил в

присутствии членов правительства Ульяновской области – шла подготовка к завтрашнему заседанию Госсовета. В конце встречи Морозов задал всем своим чиновникам вопрос: «Вы уверены, что этот проект принесёт нам известность, что дороги в России получат новое рождение? Кто уверен – шаг вперёд». Все сделали шаг назад, лишь один человек сделал два шага вперёд.

И это был Виктор Узлов. Он уверенным голосом произнёс:

– Я лично верю в будущее струнных дорог. Это не только дороги, это мосты и взлётно-посадочные полосы. Это всё очень нужно нашей области, как, кстати, и всей России. Пожелаем всем нам успеха!..

Морозов, поднявшись, подал Виктору руку.

Пожатие губернатора было по-дружеским крепким.

На следующий день Виктор Узлов, используя свои личные связи – он восемь лет проработал в Ульяновске и у него был успешный и крупный бизнес, сумел пройти в здание областной администрации, где должен был заседать Госсовет. На первом этаже, на пути движения членов Госсовета, сделал мини-выставку СТЮ. Расставил рельсы-струны, выполненные в масштабе 1:1, разложил рекламные материалы, публикации, предложение для Президента страны – в отдельной папочке.

Заседание задерживалось на несколько часов: не было Президента и губернатора Ульяновской области. И вдруг они появились и, не подходя к выставке, посвящённой инновациям на транспорте, стали подниматься по широкой лестнице на второй этаж. Видя, что ему не удастся сделать презентацию струнного транспорта Главе государства, Виктор набрался смелости и окликнул уходящего Президента.

– Дмитрий Анатольевич, можно Вас на минутку? – Медведев остановился на середине лестницы, обернулся и посмотрел сверху вниз на Виктора.

– У нас есть замечательный инновационный проект – струнный транспорт академика Юницкого, который очень нужен экономике России. Я готов сделать презентацию.

Медведев с Морозовым спустились вниз и подошли к минивыставке СТЮ.

В течение десяти минут продолжался заинтересованный разговор о проблемах транспорта и о том, как можно эти проблемы эффективно решить. Особенно обрадовался Президент, когда узнал, что СТЮ – чисто российская разработка и что мы опережаем весь мир на 15–20 лет:

– Этим гордиться надо.

В конце разговора подержал в руках струнный рельс и удивился:

– Почему он такой тяжёлый? Вы же утверждаете, что струнный транспорт имеет очень низкую материалоёмкость.

На это Виктор ответил:

– Дмитрий Анатольевич, если бы разработчики московского монорельса решили презентовать вам свою дорогу, то такой же длины фрагмент этой дороги не вошёл бы в дверной проём, и этот «кусочек» дороги пришлось бы поднимать подъёмным краном.

Президент остался доволен ответом, повернулся к Морозову и сказал:

– Возьмите у разработчиков все необходимые материалы и предложения по струнному транспорту.

Виктор передал две заранее подготовленные папки – одну для Президента, вторую – для губернатора. Уходя, Президент посмотрел в глаза Виктору, спросил:

– А деньги вы найдёте, чтобы поднять такой масштабный проект?

Когда делегация поднялась на середину лестницы, Виктор опять окликнул Президента:

– Дмитрий Анатольевич, та синенькая папочка у Сергея Ивановича – для вас.

Президент, обернувшись, широко улыбнулся и кивнул головой…

Здесь необходимо отметить, что в России разработчики так и не нашли денег, чтобы поднять этот отраслеобразующий проект. Помня о напутствии Президента России, они искали финансирование по всему миру, а не только у себя на родине, для которой этот проект – хуже нелюбимого пасынка, в то время как есть у неё и родные дети: автопром, авиапром, РЖД – Российские железные дороги.

И через девять месяцев всё-таки нашли возможность практически реализовать инновацию и построить в последующие 2–3 года демонстрационно-сертификационные полигоны всех вариантов струнных технологий: для грузовых перевозок, для городских перевозок и для междугородных высокоскоростных перевозок. И по струнным портам, размещённым не на берегу, что очень дорого, а на расстоянии 5–10 километров от береговой линии, где достаточна глубина для швартовки крупных кораблей. Связь с берегом у такого порта – с помощью струнного транспорта. Нашли также правовую площадку, где работает британское право с многовековыми традициями, где работают законы в поддержку инноваций, где, как нигде в мире, защищается частная собственность, в том числе интеллектуальная. Где не надо пробиваться к Главе государства, наде-

ясь на его поддержку. Где не надо убеждать министра транспорта и многочисленных чиновников, с которыми вопрос поддержки можно решить только двумя способами: либо крупной взяткой сразу, либо крупным «откатом» потом, когда пойдёт финансирование, ставя весь проект под угрозу уголовного преследования.

Площадка эта – далёкая Австралия, город Сидней. Там созданы четыре публичные компании – каждая для своей разновидности струнных технологий, – которые на деньги акционеров и реализуют свои планы. И акции акционеров не пустые бумажки – это ценные бумаги, которые стремительно растут в цене. На момент создания компаний акции струнных технологий стоили 2 цента. Через 2–3 года они будут стоить 2–3 доллара. И никто там на Юницкого не смотрит как на строителя финансовых пирамид. У них другой опыт, другая история, когда имеются тысячи примеров подобной реализации инноваций. Любая успешная сегодня публичная компания в рыночной экономике именно так стартовала в своё время…

Сюжет, показанный по ТВ. «Эксперт» ТВ. Инновационный транспорт

«Транснациональная коммуникативная система»:

По мнению аналитиков, внедрение транснета произойдёт в ближайшие 2–3 года.

Екатерина Мишина, корреспондент:

– Сегодня информация доставляется за секунды, деньги – за минуту, а грузы – месяцами. Очевидный разрыв между информационными и транспортными технологиями всё настойчивее требует увеличить скорость перевозок. Создание транснета – транснациональной коммуникативной системы – сегодня жизненная необходимость. Покрыть весь мир дорогами скоростными и безопасными, эффективными и экологичными…

Струнный транспорт Юницкого отвечает всем этим необходимым требованиям. Тем не менее, сам разработчик ходит по инстанциям уже более тридцати лет.

Анатолий Юницкий, генеральный директор, генеральный конструктор ООО «Струнный транспорт»:

– Движение в струнном транспорте осуществляется по рельсу-струне, струнному рельсу, имеющему огромную прочность и огромную жёсткость, изгибную жёсткость, потому что это не канат. Это целый композиционный блок, если рассматривать в разрезе. Вот это корпус, это – головка рельса и, собственно, струна. И всё это объединено наполнителем в единую конструкцию.

Корр.: – Юнибус развивает скорость 350–500 км/час. То есть из Москвы до Питера можно доехать за полтора часа. Дорога расположена на десятиметровой высоте над землёй. Проект рассматривает проходимость дороги по глухой тайге и по территории вечной мерзлоты. Строительство инновационной дороги не требует особой инфраструктуры и высококвалифицированной рабочей силы. Кроме того, стоимость прокладки струнных дорог намного дешевле строительства любого другого вида транспорта. Единственный недостаток струнной дороги, как считает Анатолий Юницкий, – это отсутствие сертифицированных участков системы, на которых можно было бы показывать потенциальным заказчикам возможности СТЮ. Он уверен, что через пару лет этот досадный недостаток исчезнет – планируется построить Центр продаж струнных технологий.

Сергей Сибиряков, профессор кафедры макроэкономического прогнозирования НИ ВШУ:

– Об этом можно говорить очень много, потому что струнный транспорт – технически просчитанная система, обоснованная, экспериментально опробованная, и сегодня она находится в стадии технологического внедрения. Строить эти трассы можно было ещё вчера.

Корр.: – Совсем недавно прошла информация о том, что губернатор Югры Александр Филипенко хочет соединить Ханты-Мансийск и Сургут струнной дорогой за счёт частных инвесторов. В Центральной России таких энтузиастов, конечно, не найдётся. Не стоит забывать, что российские дороги – это самая коррумпированная из российских систем. В прошлом году на строительство и ремонт дорог федеральный бюджет выложил 1,3 триллиона рублей. Это три процента бюджета страны. Эти суммы традиционно обогащают миллионы чиновников, подрядчиков из строительных компаний. Сдвинуть эту структуру пока ещё не удалось никому. Низкое качество дорог с давних пор воспринимается как данность, а не как проблема, которую надо решать.

Антон Беляков, председатель Общественного антикоррупционного комитета:

– Система вот этих госдотаций устроена таким образом, что эксплуатирующие организации, ремонтные и подрядные организации заинтересованы в завышении расходов. Дорожникам намного выгоднее каждый год тратить деньги на ремонт дорог из бюджета страны, а они закладываются ежегодно, чем построить основательную дорогу, которая не будет ломаться.

Корр.: – Очевидно, что при серьёзной нехватке магистралей

транспортные сети будут двигаться вширь, а не вглубь. Подтверждением этому стало недавняя презентация скоростного поезда «Сапсан». РЖД закупила восемь немецких поездов общей стоимостью 276 миллионов евро. Тридцатилетний контракт на обслуживание дороги стоил дополнительно 354 миллиона плюс на депо – 100 миллионов.

Но чтобы развивать техническую скорость в 350 км/час, нужно ещё перестраивать и само железнодорожное полотно. А это ни много ни мало – 50–70 миллионов долларов за километр.

Иван Сидельников, директор института альтернативных технологий:

– У нас мало вариантов что-либо развивать без новой инфраструктуры. Новой в прямом смысле: от систем связи и транспорта до систем навигации. У нас сегодня единое пространство в России сохраняется только по сути тремя операторами большой тройки мобильной связи и единым рублём.

Строка: прибыль от транснета составит 30 триллионов рублей в год. Струнным транспортом заинтересовались ОАЭ, Китай, Южная Корея, Малайзия и другие страны.

Корр.: – По скромным оценкам прибыль от транснета составит от 30 триллионов рублей в год. Плюс обслуживание сети. Но стоит ещё добавить, что удалённые регионы будут вовлечены в экономику страны. Количество грузовых перевозок увеличится в разы. По словам Анатолия Юницкого, сегодня заказчиков на струнный транспорт достаточно, и все они иностранцы. В итоге разработчикам остаётся либо продавать транснет за границу, либо дожидаться благосклонности государства и повторить судьбу монорельсовой дороги.

Последним принципиально новым средством передвижения стал монорельс. В Москве его построили пять лет назад, и только в начале 2008 года он стал полноценным видом общественного транспорта – безопасным и экологичным. Правда, городским властям нередко приходится оправдываться: скорость монорельса не превышает 20 км/час, а сам проект до сих пор не окупился.

Тем не менее, когда в России впервые в мире построили такую дорогу, её преимущества казались фантастическими. Правда, было это двести лет назад…

Заручившись поддержкой

Была блестящая возможность превратить в мировой центр

Ульяновск, как когда-то американский Детройт превратился в мировую автомобильную державу. Но там – автомобильная корпорация, а здесь «струнная»…

А это – развитие промышленности, создание огромного количества рабочих мест, создание учебных заведений по обучению специалистов этой отрасли. Это большое привлечение инвестиций. Когда будет создан полигон и «живая» струнная технология, будут приезжать заинтересованные инвесторы со всего земного шара: шейхи и министры, президенты и мэры городов, губернаторы областей… Посмотреть, взять на заметку, потом заказать себе проекты струнных дорог. Всё закрутится на Ульяновске, и он станет мировым центром транспорта двадцать первого века.

На конец 2009 года подписано соглашение о создании в Ульяновске Центра струнных технологий. Началась плановая работа по отведению земли, по выбору участка. Обещано бюджетное финансирование на 2010 год. Уже включился в поддержку Совет Федераций на уровне Николая Рыжкова, бывшего советского премьер-министра, а сейчас возглавляющего комиссию по монополиям. Он вместе с губернатором Морозовым обратился с письмом к министру транспорта Левитину о выделении средств на струнные технологии – одного миллиарда рублей.

Кроме этого, произошло акционирование программы СТЮ в городе Ульяновске. Это, так сказать, подстраховка, запасной вариант в случае чего. Сделана оценка интеллектуальной собственности компании, и она оценена в 4,8 миллиарда рублей. Эта оценка внесена в уставной капитал открытого акционерного общества «Центр струнных технологий», такое произошло впервые в России.

Всё делалось для того, чтобы в Ульяновске был создан мировой Центр СТЮ. Будут продаваться акции, чтобы привлечь капитал как от корпоративных инвесторов, так и от частных лиц – пусть сам народ участвует в инвестициях. Плюс ко всему – кредитование. Пусть и заинтересованные в этом проекте банки примут непосредственное участие в кредитовании проекта.

Лёд тронулся, господа присяжные заседатели, как говорил один известный персонаж литературного произведения.

В данном случае лёд тронулся от потепления обстановки и отношения государства к проекту академика Анатолия Юницкого. В его жизни наступила весна, потому что начал таять лёд недоверия и молчания.

В добрый путь! Но в путь, проложенный СТЮ, самый надёжный, самый необходимый не только России, а и всем странам Земли!

В путь!..

Но так только казалось. Не пошли отечественные инвесторы: им во всех крупных начинаниях мерещатся финансовые пирамиды и тень Сергея Мавроди, крёстного отца «МММ», обобравшего миллионы россиян на миллиарды долларов. Не пошли и отечественные банки: зачем вкладывать деньги в рискованные инновации, если их можно заработать без всяких проблем и головных болей на разнице в курсах рубля и доллара. Тем более, что государство поддержало банки в кризизные годы, выделив им сотни миллиардов долларов на льготных условиях. Не пошли и зарубежные инвесторы.

Они ведь не дураки – если российское государство не только не вкладывается в собственные инновации, хотя и провозглашает «инновационный путь развития экономики», но и хранит все свои денежные запасы, «подушку безопасности», не у себя дома, а в Америке, то и инвесторы поступают так же. Лучше проинвестировать экономику США, чем этой непонятной и странной России.

Наручники для академика

Путь Анатолия вырисовывался не в сторону Варшавы, откуда и пошёл род Юницких, не в Париж или Нью-Йорк, а в направлении России – в Москву…

Спал на вокзале, подстелив под бок самодельный матрасик, денег не было на еду, в парке собирал одуванчики и готовил себе салат…

А потом, как и подсказала цыганка, вышел на директора Центра ООН-ХАБИТАТ. Чудом отыскал в своих бумагах его телефон, тут же побежал к телефону-автомату, набрал его номер… Он тогда в Минске сказал, что может позвонить ему в любое время дня и ночи.

На другом конце послышался спокойный голос.

– Владимир Кузьмич?

– Да, я. Слушаю вас.

– Звонит вам Анатолий Юницкий, если помните такого. Мы с вами в Минске познакомились на международной конференции. Я предлагал струнные технологии.

– Да, очень хорошо помню, но куда вы запропастились? От вас никаких вестей. Где вы сейчас? Где живёте?

– На вокзале.

– Я спрашиваю, где живёте?

– На вокзале, несколько месяцев здесь живу…

– Ничего не понимаю. Вот что, Анатолий, срочно, сейчас же приезжайте ко мне, не откладывая.

С ним Анатолий познакомился в Минске в октябре 1997 года, когда проходила международная конференция по Критским транспортным коридорам. В ней принимали участие и одиннадцать министров транспорта европейских государств.

Тогда в решении конференции было записано: «Рассмотреть возможность применения струнного транспорта как скоростной составляющей…» И только лоббирование проекта администрацией Президента Беларуси позволило сделать такую запись – все транспортники были против.

Тогда и рассказал подробно о себе Анатолий Юницкий.

Вздохнув, Владимир Кузьмич укоризненно покачал головой:

– И за эти месяцы ты не позвонил мне?

– Так уж получилось… Это трудно объяснить.

– Что ж, всё понятно. Вот что, Анатолий Эдуардович, давай готовь документы для получения гранта Организации Объединённых Наций на твоё изобретение.

– Грант? – не поверил он, глядя на руководителя Центра ООН-ХАБИТАТ.

– Да, для выделения гранта. Получишь не завтра, а по прошествии нескольких месяцев. Много времени займёт оформление бумаг.

И снова Анатолий бросился в омут, уже особо и не надеясь на успех – сколько раз птица счастья отворачивалась от него.

Несколько месяцев вылились в год.

В ООН приняли его идею к рассмотрению. Был составлен двухсторонний договор на выполнение работ. С одной стороны подписал его заместитель генерального секретаря ООН, бывший министр инфраструктуры и транспорта Германии Клаус Тёпфер, человек, безусловно, знающий, что такое транспорт. От российской стороны договор подписал председатель Госстроя, министр строительства Южанов.

Какая это была радость, когда Анатолий получил известие, что ему выделяется грант для начальной разработки струнного транс-

порта.

Чтобы продолжить практическую деятельность, он решил создать в Москве общественный региональный фонд поддержки струнного транспорта. На него вышло казацкое движение, и лидер, генерал казачьих войск, пообещал всяческую поддержку. Анатолий для создания фонда одолжил на десять дней полторы тысячи долларов, хотя это можно было сделать, как он узнал позже, и за триста. Одолжил под процент в день – казаки обещали щедро инвестировать струнные технологии, поэтому этот долг можно будет вернуть в один день.

Это было весной 1998 года, перед самым днём его рождения.

Он уехал в Гомель, доверившись казакам, что они без проблем зарегистрируют фонд. Вернулся, спросил как дела. Сказали, что всё нормально, на днях получат бумаги. А когда документы ему отдали на руки, то оказалось, что он посторонний человек в фонде: казаки просто выбросили его из списков учредителей.

А он поверил бывшему кэгэбэшнику, полковнику ГРУ. Казалось, что люди серьёзные, отвечающие за свои слова и действия.

Вот тогда Анатолий записался на приём к замминистра МВД, к Рушайло. Тот принял его, выслушал. После проверки деятельности казаков, которые примазались к «струнам», возбудили против них уголовное дело. Вернули Юницкому печать, уставные документы, счёт в банке. Он перерегистрировал фонд. И только после этого занялся струнным транспортом. Именно в этот фонд пришли деньги по гранту ООН.

Клаусу Тёпферу был написан подробный отчёт о деятельности фонда на английском и русском языках. О том, что такое струнный транспорт, как и где он может использоваться для обеспечения устойчивого развития населённых пунктов. Для того, чтобы получить дальнейшее финансирование на СТЮ, нужно было строить опытные полигоны, чтобы доказать практически, что «могут» струнные транспортные системы.

Снова вышел на директора Центра ООН. Тот подсказал, как нужно действовать дальше.

В 1999 году в Вене, в штаб-квартире одного из структурных подразделений ООН, провели переговоры, на которых отчитались перед этой международной организацией о проделанной теоретической работе по полученному гранту, заверили, что готовы при-

ступать к практической работе. Им пошли навстречу, отдел по финансированию пообещал выделить необходимые средства – 30 миллионов долларов. Но с условием, если правительство России напишет официальное обращение-просьбу к ООН через российское Министерство иностранных дел, как и положено в таких случаях.

Министр строительства России, тогда это был Шамузафаров, пишет письмо руководству МИДа России. Подтверждает, что струнные системы очень помогут России с решением транспортных проблем, что это решит также многие проблемы в экономике, строительстве, добыче полезных ископаемых.

Стоило бы тогда министру МИДа или даже его заместителю подписать официальное письмо, его проект был подготовлен самими же представителями ООН, – и были бы выделены деньги, и уже давно началось бы строительство струнных дорог. Но... Но сыграла свою роль российская перестраховка и боязнь «кабы чего не вышло». Министерство иностранных дел решило перестраховаться, получить дополнительно согласие ещё двух ведомств – Министерства науки и Министерства экономики. Вот когда они будут полностью согласны, тогда и мы скажем своё веское слово.

Что странное произошло в этой ситуации? Министерство строительства приняло предложение «на ура», проголосовало двумя руками, а родное Министерство науки, которое и обязано было двигать научные инновации вперёд, ответило уничижительным отказом. Даже не отказом, а утверждением, что «...в России все транспортные проблемы давно решены. Существующие автомобильные и железные дороги не загружены, поэтому привлекать деньги международных организаций для развития новых направлений в транспорте... считаем нецелесообразным...»

Денег, естественно, выделено не было. И кто «помог»? Министерство науки. И разве можно было после этого назвать его «Министерством науки»? Наоборот, антинаучное министерство, которое губит свою же науку.

То заключение готовил некий начальник отдела Соколов, который когда-то, во времена СССР, занимался поездами на магнитном подвесе, глядя, как в Японии и Германии они успешно применяются. «Вбухали» более пяти миллиардов рублей – шесть миллиардов долларов. Работали на «магнитные подвесы» десятки институтов, писались сотни кандидатских и докторских диссертаций, появля-

лись новые академики.

Скажите или покажите, где в России построен хотя бы один километр той дороги на магнитной подушке? Не увидите. Своих родных, российских, пять миллиардов рассовали «по карманам», а когда ООН предлагало 30 миллионов долларов для новых дорог России, эксперту, видимо, стало обидно не столько за Державу, как за то, что кто-то, умнее его, решил проложить в той же Державе Дороги Будущего… Как потом рассказывали Юницкому, этот эксперт в одной из приватных бесед как-то сказал: «Юницкий обязательно украдёт из этих денег, как минимум, процентов 30, это ж 9 миллионов долларов! А мы где?» Ну что ж, каждый меряет по себе…

То, что сейчас разворачивается, слава Богу, в Австралии, уже осуществилось бы более десяти лет назад за ООНовские деньги в России. Обидно… Очень и очень обидно...

В 2000 году Анатолий Юницкий познакомился с Березиным, позже тот стал его партнёром.

Следующий грант ООН был также небольшой – менее 100 тысяч долларов. А чтобы построить полноценный опытный полигон СТЮ, необходимо было тогда порядка 25 миллионов долларов. Нужно было ездить за границу в различные страны, вести переговоры, заключать договоры на поставку оборудования. А у Анатолия Юницкого был паспорт гражданина Беларуси, с ним за границу не очень поездишь, тем более от имени российской компании.

И он подаёт заявление и документы на оформление российского гражданства в строгом соответствии с действующим законодательством.

И в 2000 году он становится гражданином Российской Федерации. Получает в паспортном столе районного отделения милиции российский паспорт, а затем – заграничный паспорт. Поезжай хоть в Японию, хоть в Америку… Первая поездка была в Африку – в Кейптаун, где проходила одна из конференций ООН. К тому времени уже была сделана действующая модель струнной трассы, которую можно было демонстрировать на любой международной выставке. Когда оформляли вылет, оказалось, что из-за модели был перевес по багажу в 120 килограммов. За каждый килограмм перевеса нужно было доплачивать 42 доллара.

Потом Анатолий женился, украинка Надежда также стала россиянкой, как и её муж. Родившаяся вскоре дочь Настенька тоже

стала гражданкой России.

Расстался с Березиным, разошлись пути и с Харитоновым. Нужно было искать новые источники финансирования своего проекта.

Была надежда на Арабские Эмираты: представители этой страны давно интересовались струнными дорогами Юницкого.

Несколько раз ездил туда в 2002–2005 годы. Ему предлагали даже остаться у них, предлагали все необходимые условия: дом, работу, поддержку. Но его волновало, прежде всего, продвижение СТЮ на своей родине.

2004 год… Надя с Настенькой уехали на лето в Крым, на свою родину, там был домик в деревне.

Анатолий остался один. Однажды поздно вечером, около 22.00 в дверь кто-то позвонил.

– Кто пожаловал ко мне в столь позднее время? – весело спросил хозяин квартиры, думая, что кто-то из друзей или знакомых заглянул к нему на огонёк.

– Криминальная милиция! – громко воскликнул кто-то за дверью.

Опять же подумал, что это розыгрыш, кто-то изменённым голосом решил его разыграть.

– Кто так шутит со мной?

– Откройте, и вы увидите, гражданин Юницкий, кто с вами решил пошутить.

Они били ногами в дверь, стучали металлическими предметами, орали на весь коридор, угрожая выломать кувалдой дверь.

В это время он пошёл к телефону, набрал номер отделения милиции. Сказал, что к нему в дверь ломятся какие-то бандиты, называясь криминальной милицией.

– Ждите, к вам выслан наряд милиции.

Через несколько минут послышался топот ботинок. «Кто такие?» – был первый вопрос. Потом разговоры стали тише, тише, и снова послышался топот ног, понятно было, что наряд милиции, разобравшись, удалился.

Снова начали стучать в дверь непрошенные гости.

Подумал, что в ночное время нельзя никому открывать двери, так гласил внутренний распорядок проживания. Но «гости» распалялись всё больше и больше, не было уже сомнений, что они взломают дверь. Так продолжалось больше часа. Из своих квартир стали выглядывать соседи.

Пришлось открыть. Действительно, на пороге стояли люди в

форме и с автоматами.

Не спрашивая разрешения, грубо переступили порог квартиры, ворвались в коридор.

– Ну что, преступник Юницкий, проб на тебе уже негде ставить. Собирайся, поедем с нами.

– Куда?

– Вопросы задаём мы, а не ты. Живее собирайся!

Издали показали некую бумагу, в которой указывалось, что в Украине завели на него уголовное дело.

– А вот оно что, Харитонов никак не может забыть меня, – улыбнулся Юницкий, – никак не может успокоиться… Я готов ехать с вами, но должен позвонить жене, чтобы она знала, где меня искать.

Надежда, услышав его, заплакала:

– За что они арестовывают тебя?

– Харитонов прислал им бумагу, что я для Украины – уголовник…

Долго он не говорил, потому что из рук вырвали трубку, отключили телефон.

Взяли под руки и вывели его из квартиры. На хорошем и новом джипе, видно, что в милиции неплохо «зарабатывают», повезли в отделение и учинили допрос по всем правилам. Вопросы задавались глупые и отвлечённые, главный вопрос прозвучал под утро, уже в конце допроса:

– Во сколько ты оцениваешь свою свободу?

Он не понял вопроса, переспросил:

– Как – вообще или в частности?

– В частности, конечно. Сколько ты имеешь денег, чтобы купить у нас свободу и через час завалиться в тёплую постель и спать мирным сном? Или ты желаешь провести некоторое продолжительное время в грязи и холоде, находясь в СИЗО? Там сидят убийцы и насильники. Можем пустить тебя по кругу. Выбирай…

«Вот оно что, – дошло до его сознания, – самое настоящее вымогательство… И это они, блюстители закона, занимаются этим?»

– Я не знаю, сколько оставила мне денег жена, может, тысяч пятьдесят рублей…

– Вот поехали домой, и ты посмотришь, какая щедрая у тебя жена…

В квартиру одного не пустили – смотрели, как из потайного места достал деньги. Его квартиру уже один раз грабили, унесли

все деньги, драгоценности и ценные вещи, в том числе золотые швейцарские часы, подаренные год назад лидером Ливии Каддафи. Поэтому деньги стали прятать. Да, нашёл сорок пять тысяч. Приехали назад, и он отдал всю сумму милицейскому начальнику. При этом снова забрали мобильный телефон и проверили, выключен ли он, чтобы ничего не вздумал записать. Затем составили протокол, что к нему нет никаких претензий.

– Дайте хотя бы сотню на такси, – попросил на прощанье Анатолий Эдуардович.

– А ты, товарищ академик, по своей струнной дороге можешь запросто доехать до своего дома. Счастливо добраться!

Вот такие нравы у московской криминальной милиции.

…Надо было снова ехать в Эмираты, заключать договор о работе на 2006 год. Но оказалось, что у него истекает срок действия заграничного паспорта. Когда он пошёл менять заграничный паспорт, ему сказали, что и обычный паспорт у него испорчен.

– Почему? – уточнил Анатолий.

– А потому, что когда вы были в Украине, вам таможенники ставили печати. А этого нельзя было делать в общегражданском паспорте. Так что вам нужно заменить и обычный паспорт.

Он пошёл в то отделение милиции и в тот паспортный стол, где ему выдавали паспорт гражданина Российской Федерации.

Начальник долго искал его в базе данных МВД, а потом, пожав плечами, произнёс:

– А знаете, нет вас в списках граждан России.

– Как нет? Вот же паспорт, выданный вами…

Так в 2006 году он потерял своё гражданство. Неизвестно по каким причинам. И невозможно было выяснить, кто виноват в этом. Никто не давал конкретного ответа. Даже и не пытались докопаться до истины.

– Что же мне делать? – спрашивал Анатолий у работника паспортного стола.

– Подавайте новое заявление и оформляйте новые документы, иного выхода нет.

– Но мне нужно ехать в ближайшее время за границу.

– Ничем помочь не сможем…

Пришлось писать новые заявления, предоставлять справки и документы.

Только через полгода он получил новое гражданство и новый паспорт. Одновременно получил и новый заграничный паспорт. Все волнения, казалось, остались позади. С большим опозданием прибыл в Эмираты, поэтому первоначальные замыслы не осуществились. За время, пока Анатолий Юницкий был невыездной из-за паспорта, монорельсовую дорогу в Дубае было предложено построить фирмам «Сименс» и «Мицубиси», хотя у СТЮ были большие шансы.

Через четыре года в Дубае была построена семидесятикилометровая монорельсовая дорога стоимостью в четыре с половиной миллиарда долларов. А струнная дорога стоила бы только 300 миллионов долларов. Но, как говорят, поезд ушёл… Как будто кто-то специально устроил ту диверсию с паспортом.

По этим паспортам, уже по второму российскому гражданству, Анатолий побывал во многих странах как на деловых переговорах, так и на отдыхе с семьёй. Но оказалось, что из-за него, паспорта, коллизии ещё не закончились. Наоборот, ещё больше всё усложнилось…

Снова предстояли деловые поездки за рубеж – в Индонезию, Иран, Австралию. В конце ноября 2009 года Анатолий Юницкий пошёл в Сбербанк, чтобы снять немного денег со своей сберкнижки. Подал оператору, средних лет женщине, сберегательную книжку. Войдя в компьютерную базу данных, она подозрительно посмотрела на него, почему-то замешкалась, произнесла:

– Подождите минутку, у меня проблемы с компьютером…

И куда-то ушла с паспортом и сберкнижкой.

По своему опыту зная, что просто так это не делается (поэтому, когда на улице он видит милиционера, переходит на другую сторону, от греха подальше: его раз пять арестовывали только за то, что, будучи белорусом, он в 90-е годы попадался на глаза московским милиционерам, которые, забрав все деньги, затем его отпускали, Анатолий Эдуардович позвонил с мобильного жене: «Надюш, подъедь в отделение Сбербанка возле нашей станции метро, мне кажется, сейчас будут «маски-шоу», связанные с моим паспортом». Прошло минут двадцать, а оператор всё не возвращалась.

Подъехала Надежда.

И тут случилось невероятное. В зал вошли три милиционера с автоматами и арестовали Юницкого.

– По какому праву я арестован?

– Потому что у вас паспорт липовый, как и гражданство. Юницкий Анатолий Эдуардович не является гражданином Российской Федерации. В отделении милиции вам всё объяснят.

– Но не я же выписывал себе паспорт и оформлял гражданство, а ваши службы.

В милиции действительно ему популярно объяснили, что он не является гражданином России и у него из-за этого много проблем. Уже второй раз у него изымают паспорт, и он во второй раз стал человеком без гражданства. Правда, отпустили. Видимо потому, что был не один, а с женой – свидетелем. Отпустили до следующего ареста. Был бы человек, а повод, как говорится, найдётся.

Пришлось в третий раз оформлять вид на жительство и российское гражданство. И не только на себя, но и на дочь Настеньку, потому что она родилась в Москве весной 2002 года от «нероссиянина» Юницкого, прописанного в Москве и имеющего квартиру в Москве. А то, что её мать – россиянка, в то время в расчёт не бралось.

Когда в третий раз оформлял гражданство, то в московской миграционной службе его «успокаивали»: «…Да не расстраивайтесь так, таких, как вы, – тысячи. Есть даже олимпийские чемпионы, солисты Большого театра… Против тех, кто занимался махинациями с гражданством, завели уголовные дела. Один из них даже повесился…»

… Академику Анатолию Эдуардовичу Юницкому, когда милиция неожиданно требует предъявить паспорт, каждый раз кажется, что в очередной раз ему объявят железным голосом:

– Господин Юницкий! Вы – преступник и не являетесь гражданином России, вы объявлены персоной нон грата!

Одна на всех дорога

– Первая встреча с Анатолием? – переспрашивает Надежда Юницкая и улыбается. – О, она была достаточно романтичная, неожиданная и загадочная… Да, я помню ту дискотеку в Саках, помню, как звучало имя Юницкого, когда он заказывал мускатное шампанское на каждый стол. Я тогда ещё удивилась, какой щедрый московский гость. А потом он неожиданно оказался передо мной на танцевальной площадке – как и все, веселился, был в хорошем настроении. А потом, когда я отвернулась на секунду от него, тут же увидела, как он лежит на полу…

Я ничего не поняла из того происшествия. Слышала только злые слова какой-то женщины, которая склонилась над ним, но не оказывала ему никакой помощи, а только упрекала его, что он тра-

тит деньги на своих женщин лёгкого поведения, что не смотрит семью, не заботится о сыне…

Это я потом поняла, что это была его бывшая жена, которая приехала вместе с ним в Крым, чтобы отдохнуть, и что они были в разводе около десяти лет. И ещё узнала, что не сам Анатолий, а от его имени щедро угощал шампанским всех присутствующих Рафаэль Халфин, перед этим обойдя не один десяток человек, собирая от имени Анатолия деньги. Грязная, неприятная история.

Анатолий приехал через месяц. Я и не подозревала даже о его приезде. А он не знал моего имени, только объяснял тем, у кого расспрашивал обо мне, что разыскивает ту девушку, которая на дискотеке прыгала выше всех… Вот и допрыгалась, что называется.

Когда он разыскал меня, я очень удивилась. Вот тогда и рассказал мне о своих коллизиях судьбы. Я предложила прогуляться по городу.

– Лучше ты приезжай ко мне в Москву, – предложил Анатолий, – столицу тебе покажу. А с Саками как-нибудь потом познакомишь.

– Хорошо, тем более я собираюсь навестить своих знакомых и друзей, – ответила я, – и тебя навещу.

Перед Новым, 2000-м, годом я и приехала в Москву. После того, как погостила у своих друзей, позвонила ему. Он в то время снимал квартиру по улице Ивановской, недалеко от гостиницы «Молодёжная». Квартира была трёхкомнатная, но все комнаты проходные, как вагон поезда. В одной комнате находились его папки с изобретениями и чертежами, вторая пустовала, а в третьей был телевизор и пара кресел.

Погостила у него, собралась уезжать, а он заявил мне:

– Не хочу тебя отпускать. Оставайся. У меня впереди много дел, и одному мне не справиться…

А в то время Анатолий искал инвесторов для реализации своего проекта по струнным дорогам. Сначала вышел на него посол Малайзии, несколько раз встречались, обсуждали вопросы сотрудничества. И параллельно предлагал свои услуги Березин. Посол запросил все бумаги по «струнам», как мы понимали, надеясь «перекачать» идею, сделать своей. Малайзийские специалисты-транспортники долго ломали голову над схемами и инженерными выкладками, где не были раскрыты ноу-хау, поняли, что ничего у них не получится. Видимо, сказали, что они не могут расшифровать проект, а чтобы расшифровать его технологию, нужно

лет десять и очень-очень много денег… Юницкий, как тот Леонардо да Винчи, зашифровал всю глубину, а оставил на поверхности только намёки…

Посол возвратил папки, пояснив безнадёжность сотрудничества.

Тогда Анатолий и сказал Березину: «Давай вместе осуществлять проект». А потом телефонный звонок: «Надя, я лежу на проспекте со сломанной ногой, приезжай…» А после этого генерал Лебедь заинтересовался «СТЮ», предложил свои услуги – строительство опытного полигона в подмосковных Озёрах. Построили, а для продолжения работ над струнным транспортом нужны были ещё большие деньги.

Пообещал Лебедь заказать струнную дорогу «Красноярск – Норильск», даже заключили предварительный договор. Но центральное телевидение дало репортаж об успешном испытании «дороги на струнах» в городе Озёры. На один день раньше приезда Лебедя дали, за что он сильно тогда обиделся на Юницкого, хотя его вины в этом и не было – обманули его телевизионщики, захотели первыми дать репортаж. Помнит Юницкий и обидные слова, сказанные Лебедем, посмотревшим в вечернем выпуске новостей по Первому каналу тот злополучный репортаж: «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки».

Потом забыл ту обиду Александр Иванович, человеком он был незлым и отходчивым, через три месяца снова стали встречаться в Москве, строить планы на будущее. Весной 2002 года собрался Анатолий ехать по приглашению к нему в Красноярск, а потом неожиданное известие: губернатор Красноярского края погиб – вертолёт налетел на высоковольтную линию электропередач…

Как любой другой инвестор, который хочет сразу же получить отдачу, Березин, не будучи очень богатым человеком, потребовал от Анатолия деньги. Как ни убеждал Березина, что нужно сначала заработать деньги, а потом только брать прибыль, тот стоял на своём – возвращай деньги. Потом появляется известный Харитонов, опять обещания дружбы и совместной реализации «струнных дорог»… И опять всё впустую. За это время Анатолий продал часть своих акций, легковой автомобиль, и за счёт этого купили себе трёхкомнатную квартиру в Москве.

Родилась Настенька. Анатолий с головой окунулся в свои проекты, но всегда старается находить время, чтобы побыть с дочерью, почитать сказки перед сном, погулять вечером в парке, рассказать

ей о Вселенной, о нашей планете, о струнном транспорте. С пяти лет Настенька изобретает – будет кому продолжить дело отца. А потом в семье появилась и Марьяна.

Скажу вот о чём. С первых его рассказов об идеях как «в космос без ракеты», так и создания струнного транспорта, я сразу же и безоговорочно поверила ему.

Он тогда приехал ко мне в Саки с журналом «Изобретатель и рационализатор», похвалился публикацией, и попросил прочитать и высказать своё мнение. Он как бы проверял меня, смогу ли я быть ему в будущем не только помощницей, но и единомышленником. Хотя я тогда над этим не задумывалась.

Я с детства увлекалась фантастикой, любила этот жанр литературы. Но к идее «в космос без ракеты» отнеслась не как к фантастике, а как к научному труду, подтверждённому инженерными выкладками и формулами.

– Серьёзная идея, – ознакомившись с текстом, сказала ему. – И это не фантастика. Чтобы осуществить это и воплотить в жизнь «колесо вокруг земного шара», нужна добрая воля всех людей.

– Согласен, – стал серьёзным Анатолий, – на это может уйти не одно столетие. Но у меня есть и другой проект. Струнные дороги. Пассажирские юнибусы и грузовые юникары, летящие над землёй по струнным рельсам со скоростью триста-пятьсот километров в час… Но об этом позже, расскажу, когда приедешь ко мне…

Считала тогда, в первые годы совместной жизни, и убеждена сегодня, что СТЮ обязательно пробьёт себе дорогу, что это будущее всего человечества. И уже Настенька заразилась идеей отца, рисует и рисует струнные эстакады и «юнибусы», фантазирует, признаётся, что ей снился удивительный сон, как она каталась по струнным дорогам. Настенька учится в первом классе, любит рисовать и танцевать – занимается в школе танца.

Не только я увлеклась идеей Юницкого, а заставила всех своих родственников и знакомых прочитать всё напечатанное о нём. И все они теперь с нетерпением ожидают новых публикаций, телерепортажей, информации в Интернете… С интересом отнёсся к идеям Анатолия мой двоюродный брат Николай – всегда следит за прессой и ищет в Интернете новые данные об изобретателе.

Родственники мои живут в Крыму, в городе Саки. В городе находится известный грязевый курорт и лечебницы опорно-двигательного аппарата.

Там же живёт моя бабушка, Зинаида Александровна. Она всю

свою трудовую жизнь проработала поваром – шеф-поваром при санатории. Это каторжная работа. С четырёх утра надо быть на месте, а что такое накормить пять тысяч человек, пояснять не надо.

Когда раскулачили бабушкиного отца в деревне Михайловка, пришла в город, попросилась на работу. Имела три класса образования. Жила по улице Малиновского. Сегодня это уже черта города. Улица носит имя моего прадеда. Александр Илларионович слыл зажиточным человеком. Имел землю, в его хозяйстве были свиньи и коровы, овцы, гуси, куры и много другой разной живности. Огромный сад. И было у него огромное семейство – тринадцать душ детей. А сами они выходцы из Польши. Илларион вначале переселился в Крым, а потом пошла уже династия Малиновских.

И опять же – случайность, что и у Анатолия предки – выходцы из той же страны? Конечно же, нет. Так Богу, видимо, было угодно, чтобы потомки Малиновских и Юницких сошлись и создали свою семью. Всё предначертано свыше.

Александр Илларионович имел характер строгий, даже где-то и деспотичный. Был педантом во всём: в отношении с людьми, в работе, в бытовых мелочах. Но главной чертой у него была справедливость. Никого не мог обидеть, обмануть, накричать.

А дедушка – Николай Акимович – из-под Комсомольска-на-Амуре. Приехал в Крым, встретил бабушку с двумя детьми, влюбился в неё без памяти – и остался. Первый муж бабушки неожиданно умер. Потом у них родилась моя мама – Елена Николаевна.

Зинаида Александровна, моя бабушка, под стать своему мужу – моему дедушке, Николаю Акимовичу. И характеры одинаковы, и увлечения, и любовь к детям. В семье – полный матриархат. Бабушка всегда была главой семьи. Дедуля был у неё как бы «заместителем». У бабушки родились дочки, у её дочерей родились почти все дочки. У всех рождаются девочки. Я у мамы одна дочь, и у меня две дочери. У старшей сестры моей матери, Людмилы – три дочери и сын. К сожалению, она умерла не так давно.

У средней сестры Татьяны – дочь и сын.

Когда отмечали в 2006 году восьмидесятилетие бабушки, «порвали два баяна» и голосовые связки – пели сутками, не останавливаясь. Всем весельям веселье, чем очень обрадовали юбиляршу.

Дедушка был ранен на войне. Пережил два инфаркта. Третий не выдержал…

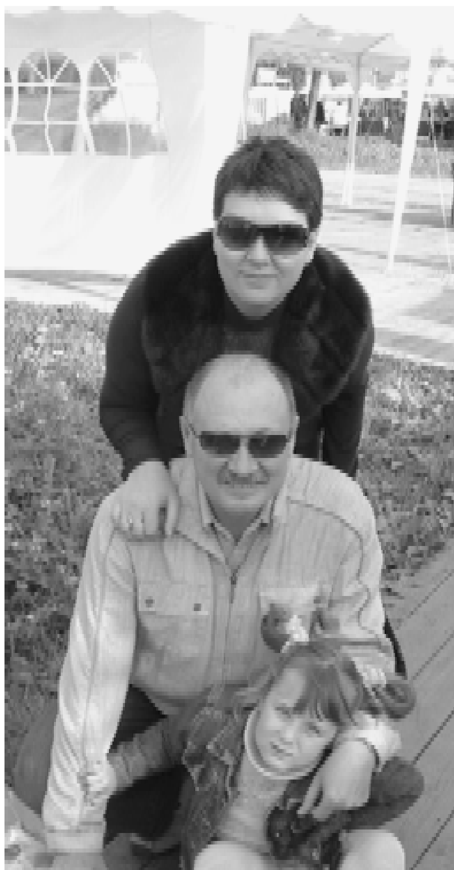
Всегда добрым словом вспоминаю первую учительницу Марину Олеговну. Что, казалось, может дать педагог первокласснику?

Научит писать или читать первые слова. И всё. Но в моём случае случилось невероятное.

Что именно? Она говорила с нами языком сказки. Полушёпотом, как добрая фея или сказочница, держа в руке книгу, под большим секретом открыла большую тайну:

– Наденька, когда научишься хорошо читать, ты будешь знать обо всём на свете. Книги дают человеку умственную силу и огромные знания. Полюбишь книгу – полюбишь жизнь. В книгах много секретов и тайн. Научишься их разгадывать – будешь знать всё.

Вот и все её слова. Нет никаких секретов. Но она смогла так мне преподнести «свой секрет», что я поверила ей безоговорочно. Научившись читать, научилась вникать в сущность и содержание книги, умею отделять главное от второстепенного.



Надежда, Анатолий и Настенька Юницкие, 2006 г.

И вспоминаю, как учительница географии Зинаида Петровна говорила, смеясь:

– Да, у тебя восемь океанов и семь материков может быть в ответе, но ты врёшь так умело, так талантливо, что я и сама могу усомниться: «А может и в самом деле это так?...» Знаю, что ты не знаешь, где находится тот Гондурас или Того, но ты с такой уверенностью покажешь это на карте, что и я поверю в правильное местонахождение государства...

Моя уверенность в ответе её всегда подкупала, и она всегда



*Юницкие (слева направо): дочь Анастасия,
внук Савелий (продолжатель рода), внучка Ульяна, дочь Марьяна
и кот Тиша-Тимофей, 2010 г.*

мне ставила «пятёрки». Но это вовсе не означало, что, не зная предмета, я прикрывалась фантазиями, вовсе нет. Она утвердила меня в мысли, что у человека никогда не может быть сомнений и половинчатых решений, уж если ты сомневаешься, то с уверенностью принимай что-нибудь одно. И оно всегда будет правильным.

Марина Олеговна своей фразой «будешь знать всё» раскрыла передо мной неизведанные тайны и главное качество – любознательность. Книги я читала запоем. И читала их очень быстро, не пропуская ни единой строчки.

В первом классе моим любимым стихотворением было «Бородино». Я его выучила ещё задолго до того, как пошла в первый класс. И посылали меня на всевозможные конкурсы чтецов, где я всегда побеждала. Как и побеждала потом на олимпиадах по физике и химии, географии и математике. Когда я победила однажды в интеллектуальной олимпиаде «Что? Где? Когда?» и меня наградили поездкой в Артек, радости моей не было предела. На школу выделили десять путёвок. Один победитель от класса. Среди учеников восьмых классов победила я. От нас лагерь был недалеко, и море, и южное солнце для нас не в новинку. Но конкурс есть конкурс, победа есть победа.

С классной руководительницей у нас были слегка натянутые

отношения. Я не могла спокойно относиться к тому, что она оценки ставила не за знания, а своим любимчикам. И когда я стала лауреатом олимпиады, она осталась не довольна результатом.

Она неожиданно проводит собрание класса, на котором объявляет, что я победила, что мне выделяется путёвка в Артек. Но, продолжила она, в классе есть ученица из трудной семьи, что её мать лишена родительских прав, и девочку воспитывает одна бабушка, и потому, по мнению классной, нужно отдать эту путёвку ей.

Если бы это выглядело как-то иначе и не исходило от классного руководителя, я смогла бы и сама отдать путёвку, но на моих глазах происходила несправедливость, и было обидно. И я ничего не могла сделать, изменить. Но в дальнейшем, побеждая на конкурсах и в олимпиадах, я отстаивала свои права, училась постоять за себя. Поняла одну истину: за себя нужно бороться. Себя нужно отстоять. Но за отнятую тогда победу до сих пор обидно. Победа досталась мне в честной борьбе, поэтому и всё должно было произойти честно и по справедливости, разве не так?

Отца своего, к сожалению, я не знала. Он ушёл от нас ещё до моего рождения. Показал он себя, как говорила мама, не с самой хорошей стороны. Поэтому меня воспитывали мама и бабушка с дедушкой. Мы жили вместе, потому что моя мама – младшая, и потому самая любимая в семье, а я – любимая единственная внучка, и они для меня стали самыми любимыми…

Так что я могу сказать, что главным мужчиной-воспитателем для меня был мой любимый дедушка.

Бабушка научила меня ценить свою семью. Она не раз говорила, что в жизни главное – не подруги, не друзья, хотя этого никто не отрицает, но главнее всего – это семейный очаг, который воспитывает для будущей жизни своих детей. И сегодня мне это очень пригодилось. Правда, воспитывать Настеньку и Марьяшу помогает мне моя мама, Елена Николаевна, которая живёт вместе с нами…

И всё же закончить я хочу добрыми словами о своём дедуле.

Помню, как бабушка собирала его на работу. А работал он составителем на железной дороге. У него все годы был один и тот же неизменный чемоданчик, куда она складывала бутерброды, яблоко, несколько яиц. И, как всегда, он что-то не доедал, и приносил домой. Если это было яйцо, помятое со всех сторон, он, садясь рядом со мной, держал его в руке.

– Наденька, – говорил он с затаённой улыбкой, – а сегодня зайчик передал тебе вот это яйцо. Сказал, чтобы ты скушала его…

А оно пахнет паровозным дымом и шпалами, долгой дорогой и самим дедушкой. Чищу его, скорлупу аккуратно складываю на блюдечко, а потом впиваюсь в него зубами…

Ничего вкуснее в жизни я не пробовала, вкуснее того яблока, что передал зайчишка на следующий день, на свете не существовало… Это больше, чем сказка, это прекраснее, чем детская мечта, и это осталось во мне на всю жизнь.

И мне казалось, что я знаю того серенького зайчишку, который живёт не только в моей душе, а и наяву, и хочу длинноухого передать по наследству – своим дочерям…

Дедушка имел огромное и доброе сердце. У него была нежная душа. У мамы есть две старшие родные сестры, но они его иначе как папой не называли. Их дети называли его всегда дедушкой.



*Настя Юницкая.
Парк «Коломенское»,
Москва, 2009 г.*

У нас никогда не было разделения между родными и неродными детьми. Или – ты родная дочка, а ты – неродная. Все – любимые и родные.

Пришёл человек в семью, где двое неродных детей. И он сразу же принял их, они стали для него родными.

Мать рассказывала мне, что детей купал всегда папа, в садик или в школу – тоже он, потому что мать была всё время на работе.

Но так уж случилось, что не стало его. И нужно было ехать на похороны. А здесь Анатолий с переломанной ногой лежит на вытяжке в больнице. Помолилась, попросила прощения у Николая Акимовича, что не смогла его провести в последний путь, осталась при Анатолии.

И каждый раз, когда прихожу в храм, обязательно ставлю свечку за упокой и прошу, прошу дедушку Николая не таить на меня обиду. В душе и в сердце он останется для меня самым любимым и



Слева направо: Тамара, Юлия Степановна, Анатолий и Надежда, сноха Тамары Настя (жена Саши), Тамарины дети: Эвелина, Карина, сын Саша и внучка Юля, 2001 г.

добрым дедушкой, царство ему небесное!

Хочу добавить несколько слов об Анатолии.

Толя очень любит животных. На нескольких фотографиях он с котом.

Интересная история произошла и с нашим «членом семьи» – Тишей. Когда я находилась с Настенькой в Крыму, звонит мне Анатолий. Говорит, что Тиша полетел с третьего этажа на асфальт, поломал лапы и не двигается. Вызвал ветеринарную службу, чтобы оказали помощь. Но они посоветовали Тишу усыпить. Анатолий решил посоветоваться со мной. Я ему сказала: «Ни в коем случае усыплять нельзя – а вдруг выкарабкается. Кошки сами себя вылечить могут». Он согласился, сказал, что и сам так думал. И Толя выхаживал его, как ребёнка, более месяца.

И случилось чудо: Тиша выжил и сегодня радует нас. Но нет в нём той прыти, что была раньше: может соскочить с кровати, а потом прихрамывает на одну лапу.

Вот такой у меня Анатолий Юницкий, любитель природы и животных.

Каждому из нас выпала своя дорога, но все они сходятся в одну, и идти нам по ней, сколько хватит жизненных сил и энергии. А потом идти по ней нашим детям и внукам.

Рассказ Тамары Юницкой

– Приезжай, – позвонил мне в Гомель Анатолий Юницкий, – ко мне в гости приехала сестра Тамара. Она больше меня помнит о том времени, и тебе будет интересно её послушать.

На следующий день я переступил порог Толиной московской квартиры по Нагатинской улице.

Улыбаясь, меня встретила невысокого роста блондинка, подала руку:

– Тамара.

Толя высокий, а сестра ниже его, в глазах искорки заинтересованности, походка лёгкая, пружинистая. Не знал бы её возраст, дал бы ей тридцать или того меньше. Вглядываюсь в черты лица и вижу что-то от матери, что-то от брата, а глаза, показалось мне, отображали взгляд отца – Эдуарда Петровича.

Надежда, жена Анатолия, оставила нас наедине, а сама поехала по своим делам. Настенька и Марьяна находились в Крыму, на родине, у Елены Николаевны, и поэтому Надежда занималась бытовыми вопросами, покупками.

– Так что, приступим, троюродная моя сестра?

– Да, я тут набросала на листках тетради то, что рассказывала мне мать – брала у неё, так сказать, интервью. И, чтобы не забыть, что мне нужно изложить, я обозначила темы и эпизоды.

Я нажал кнопку диктофона на запись…

– С чего начать свои воспоминания? – прищурилась Тамара Эдуардовна, стараясь перенестись в то далёкое время детства, в родную деревню Крюки, вспомнить чуть ли не по дням проживание на родном Полесье. – Ох, как недавно и давно всё это было. Я не строила никакой сюжетной линии, поэтому буду рассказывать эпизоды, запавшие в память.

Она снова перелистывает свои листочки, исписанные мелким почерком, одни откладывает в сторону, остальные держит в руках.

– Главный разговор о моём брате, поэтому начну с него… Мы с ним были, как говорят, не разлей вода. Куда он – туда и я. Хотя он



Член семьи – Тиша-Тимофей

и не пускал меня в свою команду друзей, но я всё равно старалась быть рядом с ним.

Толя вначале не любил учиться. Как пошёл в первый класс, первые полгода никак не мог понять, что от него требовалось. Писал в тетради не с первой страницы, а переворачивал и так и сяк – как ему нравилось.

Мать приходила с работы, видела его писанину в разных местах тетради и рвала её, как испорченную. И добилась всё же того, что он писал задания учительницы с первых страничек и аккуратно. Более того, как только прошло первое полугодие, он резко изменился в своём поведении. Толя понял: лучше сделать добросовестно раз, чем что-то несколько раз переделывать. И во втором полугодии начал учиться только на отлично.

Мы с ним вместе и колхозное поле пололи, выдёргивая сорняки. Жара невыносимая, в тень хочется, а Толя и просит меня, и угрожает, что, пока не прополем следующие двадцать метров, купаться не пойдём. Каждой семье в деревне выделяли участок для прополки. Никакой скидки на норму для нас бригадир колхоза не делал.

А шишки… Мы зарабатывали и на шишках. В зимнюю пору, мороз за двадцать градусов, мы в лес уходим. Толя выбирает сосну с шишками, забирается на неё, срывает их и бросает на снег. А я их собираю и складываю в мешок.

– Ага, – говорю ему с укором, – тебе там, наверху, хорошо, сидишь себе на ветке, а мне здесь, внизу, очень холодно.

Не знала, что ему там, вверху, ещё холоднее. А когда он по неосторожности подрубил сук, на котором сидел, да и полетел на землю с топором с высоты метров десять, я очень испугалась за него. Хорошо, что я не была под ним, мог топор попасть в меня.

Толя потом отнёс мешок шишек леснику. Тот принял их, по-

хвалил даже, что шишки огромные, значит, и семена из них будут хорошие. Но деньги пообещал выплатить через месяц-два. И отдал лесник заработанные нами деньги в первые дни марта. Как Толя распорядился деньгами? Он к 8 Марта купил своей любимой учительнице колготки или чулки, не помню, и то же самое – для матери. А мне купил красивые варежки. А на себя денег не хватило…

А летом мы становились заготовителями лекарственных трав для аптеки. Толя знал, где искать корни валерианы, других трав; мы собирали сетками подорожник, мыли его, сушили… Да чем мы только не занимались, чтобы заработать хоть какие копейки, – и всё для того, чтобы облегчить заботу матери о нас. Драли кору лозы, собирали грибы и ягоды. Даже собирали кости животных в лесу и на полях – их принимали заготовители и платили какие-то копейки. А ещё Анатолий в лесхозе несколько лет подряд, с третьего по шестой классы, сутками напролёт, потому что даже в детстве был трудоголиком, высаживал маленькие саженцы сосны. Не ошибусь, если скажу, что он посадил несколько сот тысяч деревьев. Сейчас там, где когда-то был песок, вырос густой сосновый лес, посаженный братом. Правда, этот лес стал недоступен – он находится в центре Чернобыльской зоны.

Толя одинаково отлично знал русский и белорусский, химию и физику, немецкий. Единственная трудность для него – он плохо запоминал исторические даты и стихотворения, так как с детства отличался слабой памятью.

Учительница немецкого языка часто просила его, чтобы он подменил её, поручала ему вести урок. А когда мы уезжали из деревни, слёзно просила мать, чтобы она оставила Толю в Крюках, что она будет его воспитывать, кормить и одевать…

…Но наша помощь слабо пополняла семейный бюджет.

Помню, что к матери приходили свататься мужчины. Но она всякий раз отказывала им, придумывая разные причины. Но мы знали истинную причину отказа: мать никак не могла забыть отца.

Помню такой эпизод. Едем с Толиком на возу с сеном. Мать уговорила бригадира, чтобы выделил подводу. Лошадка ушла с прямой дороги, да ещё колесо попало на кочку, и воз опрокинулся. Мы вместе с Толей упали в канаву, и нас накрыло стогом сена. Мать еле откопала нас, думала, что мы задохнулись или зашиблись насмерть.

Мимо проезжал на «бобике» – так мы называли «газик» – председатель колхоза. Посмотрел сверху на нас, а матери с издёвкой

сказал:

– Вот так и будешь ты мучиться без хозяина в доме. Сколько приходило к тебе, а ты их гнала. Вот и результат…

Пошёл к машине, сел, громко стукнул дверью. И уехал… А потом слышим, как снова к нам подъехал «газик». Уже вдвоём вышли из машины – с водителем. Видимо, взыграла у них совесть. Ни слова не говоря, поддели плечом «драбины», поднатужились – и воз встал на все четыре колеса.

Председатель посмотрел на мать, произнёс:

– Извини, Юлия Степановна… Неловко вышло.

Тот же председатель, встретив меня на улице с братом, шутливо спрашивал:

– Томочка, а почему ты такая беловолосая? Наверное, лён воровала в колхозе?

Я, не понимая его шутки, отвечала серьёзно:

– Нет, мама нам не разрешает красть и брать чужое…

Светлым воспоминанием о нашей жизни в Крюках осталось такое…

Ростом, как я говорила, была маленькая. Мне уже было пять лет, а можно было подумать, что мне чуть больше трёх. Толе тогда было восемь, он учился во втором классе. Не помню как, но мы с Толей дома начали заниматься акробатикой. Он с детства любил брать меня на руки и подбрасывать. Мне это очень нравилось.

Толя изображал из себя силового акробата, а я изгибалась на его руках, делала «шпагат», крутилась колесом…

Однажды увидела наши занятия учительница и предложила:

– А вы в школе покажите свои этюды.

Когда в школе был концерт художественной самодеятельности, в него включили и наш номер. Ведущий объявлял:

– С акробатическим этюдом выступают брат и сестра Юницкие – Анатолий и Тамара.

Я, как помню, нисколечко не волновалась. И не боялась, когда меня брат подбрасывал вверх. Даже и страховки никакой мы не применяли. И был первый оглушительный успех – нас поздравляли все, кто был в зале. Только мать не поздравила – она сидела и смотрела на нас, а в глазах её были слёзы радости. Она от волнения не могла встать с места…

А когда проходил районный смотр художественной самодеятельности, нас включили в общую программу. Концерт проходил в Комарине, в Доме культуры. Мне тогда зал показался огромным и

просторным, как в театре. Выступали взрослые коллективы. Когда очередь дошла и до нас и ведущий объявил о нашем выступлении, мы легко выбежали на сцену, раскланялись.

Волнения никакого не было. Мы уже сотни раз проделывали одно и то же, поэтому и тут легко, без особого напряжения, исполнили свой номер. Зал молчал, зал смотрел на детское выступление, казалось, равнодушно, не проявляя особого интереса. И нам казалось, что нет никакой сцены, нет зрителей, а мы просто репетируем номер у себя во дворе, и никто нам не мешает…

Но когда я соскочила со спины брата, сделала несколько шагов к краю сцены и низко поклонилась, зал взорвался аплодисментами. Аплодировали долго и громко. Что-то кричали, но мы не понимали что, только чувствовали, что наше выступление понравилось зрителям.

Вот тогда я получила первую в жизни грамоту. Это и было, как оказалось, началом моего пути в культурную сферу деятельности. Кроме грамот, нам потом вручили ценные подарки. Толику – лото, в котором были маленькие бочечки, а мне… Мне подарили набор акварельных красок. Да не простых, в картонной коробке, а в деревянной, огромной, и закрывалась она фанерной крышкой.

Радости моей не было предела…

А потом приехала к нам мамина сестра Людмила. Она по комсомольской путёвке уехала в Казахстан, выучилась там на швею, работала в ателье. Посмотрела на нашу жизнь, головой покачала:

– Сестра, разве это жизнь? Это же рабовладельческий строй какой-то. Ты же не поднимешь на ноги детей. Уезжай отсюда. Что ожидает Толю и Тамару здесь? Ему дорога в пастухи, а Тамаре – на ферму.

И так мы очутились на целине. Да не одни. После нас приехали и наши соседи по Крюкам – Кузьменки. Маме от производства выделили две небольшие комнаты. И пришлось одну комнату уступить для Кузьменков…

Хочу отметить, что мать всю жизнь трудилась не покладая рук. Всю себя положила на нас, своих детей. Мать стала ударником коммунистического труда, её портрет как передовика производства был помещён на городскую Доску почёта города Никольский, сегодня он – Сатпаев. И в городе Джезказгане два года – на областной Доске почёта. Мы гордились своей мамой, а она гордилась нами.

Я плохо знала русский язык. Это наложила свой отпечаток жизнь

в Крюках, потом в Донбассе – в Украине. Всё никак не могла себя переломить и правильно произносить слова с мягким «р»: тряпка, брюки, брюнет… В классе надо мной смеялись, и я замкнулась в себе.

Проводил со мной уроки произношения Толя уже дома. И за короткий период добился от меня поразительных результатов: я все слова выговаривала правильно и легко.

Мы всю жизнь с ним рядом, даже если нас разделяли тысячи километров. Мы слились с ним духовно и физически. Он был для меня и отцом, и советчиком, и наставником. Всю жизнь помогал мне. Об этом я не раз говорила, поэтому могу повториться.

Я всегда удивлялась его эрудиции, не могла понять, откуда у него были такие познания в разных областях науки.

Мать не могла прожить без земли. Она и там, на целине в Казахстане, брала участок, обрабатывала его. Каждый год на новом месте – настолько бедная там земля, больше одного урожая дать не могла. Мы помогали ей. Мать могла пойти на огород только тогда, когда она работала в ночные смены. А она была бригадиром конвейера, по которому круглосуточно подавался уголь в городскую котельную, у неё в подчинении были люди.

Мы идём по степи под палящим солнцем часа два-три. Нам нужно полить огород. А воду давали только в определённое время. Толя был неплохим слесарем – подводил к нашему огороду трубы и змейки. Мы приходили и включали кран.

Дорога долгая – около пятнадцати километров. А огород от Джезказгана – всего около двух километров. Мы идём с ним, а я забрасываю его вопросами:

– Толя, а почему под нашими ногами камешки такие гладкие, отшлифованные?

– Потому что на этом месте было когда-то море. Как и наши Крюки – на дне моря Геродота.

Я не понимала, как это может быть – вокруг горы, возвышенности. Как же могло быть море? Он снова и снова пояснял мне, как появилась жизнь на земле, как вымирали динозавры…

– Ладно, – соглашалась я, до конца не понимая его ответ, – земля, суша, реки, а что находится за облаками? Выше облаков?

– Там – вселенная, космос. Там – бесконечность.

– Как – бесконечность? Не понимаю…

– Там нет ни начала, ни конца… Когда мы сядем с тобой в ракету и отправимся в путешествие по космосу, то будем лететь миллиарды и триллионы лет и не долетим до конца.

Я замолкаю. Мне ничего не понятно. И задавать снова и снова вопросы – всё равно не пойму ответы. Толя в седьмом классе, а

мне он казался таким эрудированным и всезнающим человеком, что умнее его не было на свете.

И тогда я спрашиваю у него:

– Толик, а откуда ты это всё знаешь?

Он пожимает плечами, прижимает меня к себе, отвечает:

– Книги надо читать, в них много интересного написано…

Толя начал ходить в клуб юных космонавтов – делал ракеты. Он так увлёкся космосом, ракетостроением, что и дня не мог прожить без своего увлечения. Он брал пористую коричневую (тонкую, почти папиросную) бумагу, пропитывал её клеем и делал из этих заготовок реактивные двигатели, стабилизаторы, обтекатели, а сами корпуса ракет склеивал из ватмана.

Если он занят ракетами, к нему лучше не подходить. И если я, делая уборку в комнате, не дай Бог, сдвину хотя бы на миллиметр его бумагу, получу по первое число. Я его тогда не узнавала – он преображался, становился другим человеком и был далеко, наверное, от наших земных забот…

Он делал для ракеты три ступени. На аптечных весах с точностью до миллиграмма взвешивал приготовленный по собственному рецепту чёрный дымный порох, заправлял им ракету. Для этого он изготовил специальное приспособление, потому что двигатель можно заправить только трамбованием пороха, причём для заданного режима горения твёрдого топлива в нём должен быть сформирован специально рассчитанный воздушный канал. Неправильно заправишь топливом – ракета либо взорвётся, либо не взлетит, так как порох будет гореть так медленно, что не даст нужной тяги.

Он уже умел правильно рассчитать траекторию полёта, чтобы потом попасть в намеченный квадрат земли.

Вы видели когда-нибудь, чтобы летал карандаш? Да, да, обычный карандаш. И я не видела до той поры, пока мне это не продемонстрировал мой брат. Он однажды спросил у меня:

– Тамара, а карандаши могут летать?

Я с недоумением посмотрела на него:

– Карандашами рисуют и пишут, как же они могут летать?

Он взял со стола карандаш, показал его мне:

– Вот он и может летать. Не веришь?

Толя поднёс горящую спичку к кончику карандаша – и он тут же зашипел, «ожил». Толя положил его на ладонь. Карандаш оторвался от ладони, взмыл вверх. И он полетел не по прямой, а начал летать по окружности и над нашими головами. С задней части летели искры, падая на пол. Я удивлённо смотрела на летающий ка-

рандаш, а потом начала кричать от страха, что он может попасть в висящие занавески и зажечь их.

Карандаш упал на стол, перестав издавать шипящие звуки.

– Не говори только маме, – попросил он, – она нас не поймёт.

Я выполнила его просьбу-предупреждение – не хотела и мать злить, и брата подвести.

– А сейчас пошли на балкон, – предложил Анатолий. – Будем ракету запускать.

Через дорогу находился больничный городок. От улицы он был отгорожен высоким забором. Здания больницы были двухэтажные и четырёхэтажные.

– Вон видишь, в центре двора находится клумба?

– Вижу – и что?

– Я запускаю вверх ракету. Она будет подниматься в небо ровно тридцать секунд. А потом, уже пустая и лёгкая, начнёт медленно опускаться в течение нескольких минут. И приземлится около той клумбы. Как только я подожгу её и она полетит, мы побежим туда…

Ракета взмыла в воздух. Мы выбежали из квартиры, чтобы побыстрей оказаться в указанном месте. Остановились, запыхавшись, у клумбы. Я смотрела в небо и ничего не видела.

– Скоро прилетит, – успокоил меня брат, – я всё рассчитал.

И действительно – прошло менее минуты, и последняя ступень ракеты упала возле клумбы. Фантастика!

А иногда он сажал в качестве космонавта мышку, которая затем спускалась на парашюте, изготовленном из папиросной бумаги. Не могла поверить, что мой брат способен творить такие чудеса. И я гордилась им, восхищалась.

– Ура! – крикнула я и бросилась брату на шею. – Ты – гениальный конструктор!

Мы радовались вместе удачному завершению его эксперимента.

Мы ходили с братом в одну школу, а потом меня перевели в 25-ю школу. И наши школы находились недалеко одна от другой – через площадь.

Учился Анатолий всегда отлично. Помню даже, как учителя математики, физики и химии ставили ему за ответы нестандартные оценки – 5+5+5+++.

Если бы не его сверхпринципиальность и сверхчестность, закончил бы он школу с золотой медалью.

Однажды во время урока, увидев, что учительница неправильно истолковывает формулу, поднялся и поправил учительницу. Ему не нужно было этого делать – какому педагогу может понравиться,

когда его поправляют при всех, тем более при воспитанниках. Толя не учёл этого, ему было не до этики, его возмутило, что учительница мало смыслила в том, что излагала…

Когда он начал её поправлять, она покраснела, попросила его сесть. Но он упорно стоял на своём. Учительница согласилась с его доводами, но после этого она выше «четвёрки» его знания не оценивала.

Аналогичный случай произошёл и на литературе. Не согласился Анатолий с характеристикой главного героя повести, которую давала учительница. Высказал свои контраргументы – и поплатился. Всегда за свои ответы он получал только «четвёрки»…

Таким он был во всём. Никогда не шёл на сделку с совестью. Никогда не юлил, чтобы добиться своего, никогда и никого не обманывал. Таким его воспитала мать.

Да, наши пути с Анатолием разошлись. В смысле нашего акробатического дуэта. Он пошёл в технический кружок, а я не изменила своему «хобби». Я поняла, что уже никогда не сойду с избранного пути…

А потом Толя «перерос» технический кружок. В нём он уже не мог почерпнуть для себя интересное и полезное. Руководитель кружка не мог ответить на многие его вопросы.

Он побеждал в школьных технических конкурсах, потом в районных. А потом проходил областной конкурс изобретателей. И Анатолий решил удивить всех.

Старт ракеты с космодрома, спроектированного и построенного юным изобретателем, Толя определил на детской площадке. Собралась детвора, с интересом ребятишки смотрели на то, как он готовил к запуску ракету.

А членов областного жюри Толя попросил собраться возле входа в школу. Он даже обозначил квадрат – десять на десять метров, куда и должна была приземлиться его ракета. Члены жюри недоверчиво переглянулись – не верили, что юный конструктор способен на такую точность. Я стояла, как и приказал мне брат, рядом с учителями и членами жюри. Они даже не знали, откуда будет лететь ракета. Я же была уверена в успехе брата.

Намеченное время старта приближалось, и все поглядывали на свои часы. Ровно в десять ракета должна опуститься в квадрат. Оставалось пять минут, три, две, одна… В намеченное время в воздухе показался парашют, на котором спускалась третья ступень ракеты. Она попала в квадрат. Бурные аплодисменты…

Тогда все зааплодировали, била в ладоши и я, радуясь такому

огромному успеху своего талантливого брата.

Вот тогда и присудили ученику 10-го класса Анатолию Юницкому первое место на областной выставке детского технического и изобразительного творчества учащихся за 1965 год – наградили грамотой Джезказганского Комитета комсомола за действующую модель ракетодрома.

…Юницкие – народ настойчивый и твёрдый в своих решениях.

Скажу о себе… 1969 год, Тюмень. Когда я была студенткой, то ещё занималась и художественной гимнастикой. Училище отправило меня на соревнования среди юниоров. А перед этим, на репетиции танцевального номера с верчением, я здорово подвернула ногу. Нога была опухшей, болела. Меня положили на вытяжку. А через неделю соревнования. Не смогла я улежать – с забинтованной ногой приехала на зональные соревнования. Думала, что займу престижное место на вольных упражнениях, так как я бывшая акробатка и воздушная гимнастка, но оказалось, что я заняла третье место на самом трудном – труднейшем виде! – по упражнениям на бревне.

Я и этой грамотой горжусь, потому что она мне досталась в трудной борьбе – с вывихнутой ногой.

Являлась неоднократной победительницей различных конкурсов по бальным танцам, в которых принимали участие Урал, Сибирь и Алтайский край. Со своим напарником Юрием Хакимовым мы были самыми лучшими – лауреатами конкурсов разных уровней. Мы с ним стали дипломантами Всероссийского конкурса, который проходил в Челябинске в 1975 году.

Я уже была к тому времени замужем. Была на пятом месяце беременности. Партнёр отговаривал меня от участия в конкурсе, но я строго приказала ему никому не говорить, что я в положении. И мы победили! Мы стали дипломантами Всероссийского конкурса бальных танцев. Юра, обнимая меня на радостях, сказал: «Ты – мужественная женщина, Тамара!»

А в сентябре я родила Сашу. Значит, он был третьим исполнителем в нашем парном танце…

К сожалению, нет сегодня среди нас Юрия Хакимова, царство ему небесное, талантливый был человек, одержимый танцевальным искусством… И настоящий и преданный друг.

…Бамбук – с ударением на «а». Не бамбук – «дерево». Это так называют в цирке шест, на котором я вертелась волчком, держа его в зубах. До меня никто не был воздушным гимнастом, я

стала первой. Шест, на нем перекладинки, я на нижней ступеньке, а партнёр наверху. Сначала им был Гера, а потом Любовь Ивановна, жена режиссёра. Там была петля… Ногу в петлю, а всё остальное она держала на себе. Я ей даю руки, запрыгиваю на плечи. У нее в зубнике была двойная петля, а я была на шпагате. Она удерживала меня.

Я ей зубник, она мне зубник. А какие тогда были зубники? Мы их делали из солдатских ремней. Ужас! Она меня раскручивает на этом зубнике. Отсюда и зубы все «полетели»… Всё на энтузиазме, всё на русском «авось пройдёт». Не прошло, не пронесло. Я и по проволоке ходила, прыгала на батуте, но коронными для меня остались два номера.

Чтобы совершенствовать своё тело, я два года посещала балетную студию. Мать оплачивала мою учёбу. Окончила я учёбу с отличием.

Но мой учитель хореографии сказал мне однажды – как в воду глядел: «Ты будешь не циркачкой, а хореографом». Так оно и получилось.

Когда я поехала в Москву поступать в высшее учебное заведение, то мне дали «от ворот поворот». Не за плохие выступления и экзамен, а за то, что я выслала не ту фотографию, которая нужна была для поступления. Нужно было мне предстать перед объективом не в «чешках», в которых я выступала, а... на высоких шпильках, в купальнике, демонстрируя свою фигуру.

Я была стеснительной и тихоней, даже не взбунтовалась, не поинтересовалась, почему не прошла конкурс. Девушка, которую я увидела, была намного меня выше и толще, а на фото выглядела иначе. А талия у меня тогда была пятьдесят восемь сантиметров. Так было до тридцати пяти лет. А потом, когда я родила третьего ребенка, – шестьдесят четыре.

Вспомнила, что тётя Люда дала мне запасной адрес, сказала, что если вдруг я не поступлю на цирковое, то есть и другое – хореографическое. Так оно и случилось… В Тобольске Тюменской области находилось областное хореографическое училище. Сегодня оно называется «училище искусств». Так я при поступлении набрала самое большое количество баллов. А потом стала преподавателем хореографии – работала в колледже культуры. А в своей, 25-й школе работала завучем по воспитательной работе. У меня сотни выпускников, и я радуюсь их успехам, потому что они прославились на весь мир. Ни с кем не теряю связь. Они всегда для меня родные и близкие.

Сегодня из числа моих выпускников созданы талантливые творческие коллективы, которые демонстрируют свое искусство в Индии и Германии, Китае и Чехии…

Мы с гордостью несём фамилию нашего отца. Анатолий, когда я развелась с первым мужем, даже предложил мне, чтобы я осталась на девичьей фамилии.



С мамой Юлией Степановной и сестрой Тамарой

Я была самая гибкая среди сверстников. И мы позже сколотили цирковую труппу, ездили и выступали, и нам потом присвоили звание «Народного цирка».

Я со временем стала инвалидом – у меня началось ущемление позвоночника.

Если об Анатолии Юницком писали республиканские и всесоюзные газеты как о талантливом изобретателе, то обо мне – как о талантливой циркачке. Такое определение давали мне и журналисты, и зрители, и члены жюри. И признаюсь, мне было приятно, когда я шла по улице родного города и слышала возглас:

– Вон Юницкая пошла! Циркачка!

Расскажу о таком эпизоде. Как в кино, нарочно не придумаешь.

Приехали на гастроли в Тюмень. Заходим в кафе, чтобы перекусить. Я и говорю своим подругам:

– Здесь у меня братик учится, Толя, разыскать надо.

– Так ты в общежитие института сходи, разузнай. А как фамилия твоего брата?

– Анатолий Юницкий.

А не вижу, что за спиной сидят четверо парней и, услышав фамилию, не донесли ложку до рта. Оказывается, мой братик сидел у меня за спиной.

Он подошёл и обнял меня сзади. Бывает же такое!

На радостях мы пошли в фотоателье и сфотографировались на память.

Как и наша мать находит свою радость в своих детях, так и я – в своих троих: Александре, Карине и Эвелине. Александр нашёл себя в деревообработке, как сам признаётся, запах дерева преследует его всю жизнь.

Благодаря Анатолию две дочери учились в Москве. Они и жили у него с Надеждой, были членами их семьи. И я, как могла, помогала дочерям. Чем мы только с матерью не занимались, чтобы раздобыть денег. Изготавливали с ней ковры и потом их продавали. Вязали шарфы, шапки, пуловеры.

Карина закончила автомобильный институт, работает сегодня в престижной фирме. А Эвелина, имея склонности к рисованию и творчеству, закончив ВГИК и получив профессию художника-аниматора, закончила ещё и гуманитарный университет имени Шолохова – факультет «художник-дизайнер компьютерной графики». Сегодня она оформляет детские книжки как художник.

Если Карина ещё не определилась с замужеством, то Эвелинку уже сосватали – коллега по работе, художник, предложил ей руку и сердце.

Я это всё веду к тому, что талантливая жилка нашего отца – Эдуарда Петровича – привела меня к вершинам культурно-просветительской сферы, а Анатолия – к научным достижениям, а мы уже, в свою очередь, проложили-продолжили ту дорогу и своим детям.

Продолжалась наша беседа и вечером, когда Анатолий пришёл после работы домой. Я выставил на стол банку маринованных опят: белые и другие грибы не собираем – в них накапливается радиация.

Когда лесные дары выложили на тарелку, Тамара не выдержала, наклонилась и, зажмурив глаза, втянула в себя воздух.

– Сто лет не слышала запаха грибов Полесья, – произнесла она. – Сразу родиной дохнуло…

И наш разговор продолжался до глубокой ночи…

История струнных технологий А. Юницкого с позиций ТРИЗа – Теории Решения Изобретательских Задач

Паренёк из глухой деревеньки Крюки, расположенной в центре болот белорусского Полесья, на Гомельщине, в шесть лет увлёкся космосом. Он ещё ничего не знал о Константине Циолковском, не читал ничего о Фон Брауне и Сергее Королёве, тогда ещё не совер-



Встреча с братом в Тюмени (Тамара – крайняя справа)

шил свой исторический полёт первый космонавт Юрий Гагарин… Но он, сам не зная почему, начал рисовать и конструировать ракеты.

И не только конструировать, но и запускать их «в космос». В качестве «горючего» использовал советские расчёски, которые горели в то время не хуже пороха, обрывки советских кинолент, которые выбрасывал киномеханик во время перемотки лент, готовясь к демонстрации фильма в сельском клубе. Горела эта киноплёнка, как и расчёски, не хуже пороха.

Но лучше всего, как оказалось, подходил для этой цели немецкий бездымный порох, похожий на длинные макаронины. Он находил его в большом количестве на месте взорванного партизанами немецкого оружейного склада, который находился на железнодорожной станции Посудово – всего в восьми километрах от родной деревни. Это занятие было небезопасным. На месте бывшего склада оружия стояли кресты. Они были поставлены для тех любознательных мальчишек, которые пробовали разбирать найденные там снаряды и мины и подрывались на них.

Но это не останавливало юного изобретателя, хотя он и пони-

мал, что ходит каждый раз по минному полю. Старался быть очень осторожным.

Походы те совершались в середине 50-х годов, а того паренька звали Анатолий Юницкий.

В 1962 году семья переехала в Казахстан, в город Джезказган, в поисках лучшей жизни: в своей деревне, без хозяина, матери с двумя детьми прожить было невозможно.

Недалеко от того места, где стала жить мать с двумя детьми, находился космодром Байконур. И, видя, как взлетают настоящие ракеты в небо, ещё больше усилился интерес Анатолия к ракетам. Он уже конструировал более сложные ракеты, чем раньше. Пришлось разрабатывать технологию монтажа моделей ракет и реактивных двигателей из бумаги и клея – единственно доступного материала для школьника тех лет. Пришлось изобретать чёрный дымный порох из тех компонентов, что продавались в аптеках и хозяйственных магазинах. Когда он начал учиться в восьмом классе, его ракеты были уже способны подниматься в высоту на несколько километров. Были у него и свои «космонавты» – серые мышки, которые потом спускались на бумажных парашютах.

Быстро пришло к Анатолию Юницкому понимание несовершенства и недостатков ракет. И не только в его моделях. Он заметил однажды, что об очередном запуске – старте ракеты с Байконура, до которого было более 200 километров, – можно узнать не только из завтрашних газет, но и по тому, что сразу же после этого менялась погода – и не в лучшую сторону. В то время об успешном запуске сообщали утренние газеты, а когда что-то срывалось, замалчивали.

Приобретя начальные знания по физике и математике, участвуя в многочисленных математических олимпиадах, изучив досконально труды Циолковского, Анатолий Юницкий приступил к самостоятельному анализу ракетного пути освоения космоса. Увлёкся научной фантастикой, стал изучать научные труды зарубежных учёных и изобретателей. Он не сомневался и твёрдо верил в то, что будущее человечества – только космос.

Но его, к сожалению, ждало разочарование.

Оказалось, что энергетический КПД ракеты-носителя, если учитывать дополнительные затраты энергии на получение компонентов топлива и на сбрасываемые одноразовые элементы конструкции, – ниже одного процента. Даже у паровоза КПД был выше – 15 процентов. А КПД фотонного корабля, с помощью которого фантасты бороздили просторы Вселенной, вообще оказался значительно менее одной тысячной процента. Это открытие – он сам выполнил все необходимые расчёты – ошеломило юного изобретателя.

Космические научно-технические достижения:

– чрезмерная мощность реактивных двигателей ракеты-носителя – порядка 100 миллионов лошадиных сил;

– высокие скорости истечения реактивной струи – во много раз выше скорости самой быстрой пули;

– высокие температуры продуктов горения – в два раза выше температуры в мартеновской печи.

Эти достижения не только не вдохновили изобретателя, а наоборот, сильно его огорчили и привели в недоумение. Ведь вся эта ракетная мощь выбрасывалась не просто в земной атмосфере, в которой мы все живём, а в наиболее ранимых и уязвимых разрежённых её верхних слоях – в озоновом слое и ионосфере.

Перед Анатолием сразу же открылись и стали понятны экологические проблемы ракетного пути освоения космоса: изменение и нарушение климата, магнитные «бури», резкое похолодание или жара. Всё усугублялось чрезвычайно высокой токсичностью ракетного топлива и продуктов его горения: некоторые виды топлива оказались настолько ядовитыми, что достаточно было двух миллиграммов, чтобы убить человека, – цианистый калий отдыхает.

Ещё больше удивился Анатолий Юницкий, когда подсчитал, какую транспортную работу способна выполнить ракета-носитель. Ведь ракета – всего лишь транспортное средство, и не более того. Средство!

Если подсчитать, применяя элементарную математику, то окажется, что за несколько десятилетий в космос, на околоземные орбиты на высотах около 300 километров, усилиями всего человечества выведено всего лишь около десяти тысяч тонн полезных грузов. За эти же годы, такой же объём грузов и на такое же расстояние в 300 километров на Земле перевезёт… всего лишь одна лошадь, запряжённая в одну-единственную телегу.

Поэтому и напрашивается парадоксальный и неутешительный вывод: все достижения современной космонавтики обеспечены одной-единственной, при этом безумно дорогой, даже не золотой, а бриллиантовой, «космической телегой» с бриллиантовой же «космической лошадью», имеющей коэффициент полезного действия на порядок меньший, чем у паровоза, и более опасной, чем самая ядовитая змея.

Так Анатолий разрушил, как говорят, собственными руками, свои же юношеские мечты о светлом будущем – космических городах, орбитальных заводах и электростанциях. Их ведь нельзя построить и потом обслуживать с помощью одной лишь телеги.

И поэтому неудивительно продолжение краха его иллюзий. Когда Юницкий через 15 лет опубликует эти свои выводы и рассуждения в советских научно-популярных журналах, им пристально заинтересуется ведомство, именуемое КГБ. Причины? Их две. Первая – он осмелился усомниться в грандиозных достижениях советской космической науки и техники. Вторая – предложил лженаучный путь неракетного освоения космоса. Но это совсем другая история, не имеющая к основной теме никакого отношения.

Анатолий ещё больше углубляет свои знания. Он поступает в Тюменский инженерно-строительный институт по специальности инженер путей сообщения (автомобильные дороги и сооружения). В дальнейшем пригодятся полученные здесь знания по сопротивлению материалов, теории упругости, теоретической механике, строительной механике, физике, высшей математике, проектированию висячих и вантовых мостов, теории механизмов и машин и другим предметам.

Для студента Юницкого открылись величайшие возможности для исследований. Он начинает понимать, что наиболее экологически чистый способ выхода в космос с поверхности планеты – использование в качестве движителя внутренних сил космической транспортной системы так называемого принципа «Барона Мюнхгаузена». Всем известно, что находчивый барон поднял себя и коня над болотом, потянув себя за собственную косичку. Казалось бы, фантастика, сказка, и этот принцип практически нереализуем.

Но Анатолий именно в этом увидел главное преимущество: этот принцип хорош тем, что транспортная система «Мюнхгаузен – Конь», поднимаясь вверх, не опиралась на внешнюю среду, и поэтому никак не могла взаимодействовать с ней, то есть была абсолютно экологически чистой по отношению к этой среде.

Здесь, правда, есть одна оговорка. Барон не учился в советской школе и поэтому не мог знать, что он нарушил один из законов сохранения: нельзя за счёт внутренних сил системы переместить центр масс системы в пространстве. Мы же знаем, что барон мог только оторвать себе косичку или сломать руку, но никак не смог бы поднять (вытащить из болота) себя и коня.

Но, выйдя за рамки простого обывателя, Анатолий Юницкий спросил себя: «А что будет, если транспортная система выйдет в космос, а её центр масс при этом останется на месте, то есть на Земле?» И тут же пришёл к нему ответ: «Тогда не будет запрета на использование внутренних сил системы, и после этого уже можно

будет создать самый экологически чистый космический транспорт».

На первый взгляд кажется, что у этой задачи нет решения. Но, по Юницкому, оно есть, и оно даже очень и очень простое. Космический аппарат необходимо сделать не в виде ракеты, а в форме кольца. А кольцо это надето на Земной шар. Оно может увеличиваться в диаметре и достигать высоты 300 километров и более, для чего необходимо его растянуть примерно на 5 процентов, ведь начальный диаметр кольца равен диаметру планеты – 12756 километров. В обоих случаях – кольцо лежит на поверхности планеты или кольцо находится на орбите – центр масс транспортной системы будет совпадать с центром масс планеты и относительно неё он перемещаться не будет.

Возникает вопрос: а как же увеличить диаметр кольца? Можно, к примеру, его надуть, как воздушный шарик. Правда, давление газа в этом случае должно быть равно миллиардам атмосфер, и известно, что ни один материал стенок кольца не выдержит такого давления. Самонесущей такая конструкция, как в одной из идей Николы Теслы, также не сможет быть, так как это будет равносильно строительству арочного моста с пролётом, равным диаметру Земли, то есть более 12 тысяч километров. Но таких прочных материалов не существует в природе, да и сжатая чудовищными нагрузками конструкция потеряет устойчивость, так как поперечные её размеры будут бесконечно малы в сравнении с длиной.

Даже если мы допустим, что в поперечнике этот тор будет иметь размер 10 метров, то отношение этого поперечного размера к длине кольца (40 000 км) будет равно 1 : 4 000 000.

Такая конструкция может быть устойчивой только в одном случае: если она будет растянута, то есть если будет струнной. Причём эту конструкцию необходимо растянуть внутренними, а не внешними силами. Технически это можно сделать с помощью центробежных сил, если внутри тора выполнить кольцевой вакуумный канал, охватывающий планету, внутри которого будет размещён бесконечный (также кольцевой, охватывающий планету) ротор, подвешенный магнитным полем без касания стенок.

Когда с помощью линейного электродвигателя ротор будет разогнан внутри вакуумного канала, то есть вокруг Земли, до первой космической скорости, то он станет невесомым. Если же его продолжать раскручивать дальше, то появится избыточная центробежная сила, которая будет стремиться увеличить диаметр кольца. Если же эта сила превысит вес конструкции, то каждый погонный её метр

начнёт подниматься вертикально вверх, и кольцо, бесшумно увеличиваясь в диаметре и, соответственно, растягиваясь, за пару часов займёт круговую орбиту, например, на высоте 300 километров, подняв в космос за один рейс миллионы тонн грузов и, если это необходимо, миллионы пассажиров.

Найдя принципиальное решение, уже став инженером, Анатолий Юницкий продолжил разрабатывать конструкцию Общепланетного транспортного средства (ОТС) на инженерном и конструкторском уровне.

В 1986 году он становится членом Федерации космонавтики СССР, а в 1988 году проводит Первую международную научно-техническую конференцию «Безракетная индустриализация космоса: проблемы, идеи, проекты», где ОТС стал основным проектом будущей индустриализации космоса. Он создаёт свою научную школу и публикует в 1995 году первую научную монографию «Струнные транспортные системы: на Земле и в космосе».

Анатолий Юницкий одержимо работает над проектом. И в это же время на него обрушивается шквал критики, недоброжелатели со всех сил стараются сбить его с избранного пути. Их главный довод нереальности проекта заключался в том, что для его осуществления – сооружения эстакады вокруг Земли, с которой и должна стартовать ОТС, – не хватит строительных материалов. Чтобы опровергнуть их аргументы, ему пришлось заниматься оптимизацией эстакады. И это дало свой «плюс». Оптимизация привела к облегчённой струнной конструкции, для сооружения которой хватило бы бетона, уложенного в плотину всего лишь одной Саяно-Шушенской ГЭС, и металла, который ушёл всего лишь в каждый двадцатый автомобиль, изготовленный на планете Земля.

Наступил следующий мысленный шаг изобретателя: «А почему бы на эту струнную эстакаду не поставить рельсовый автомобиль, а саму эстакаду не упростить до рельса-струны?»

Шаг за шагом – и так появился струнный транспорт Юницкого (СТЮ) в двух типах исполнения: навесной (рельсовый автомобиль стоит на двух струнных рельсах) и подвесной (автомобиль подвешен снизу струнной путевой структуры, состоящей из одного или двух струнных рельсов), и в пяти классах исполнения: сверхлёгкий, лёгкий, средний, тяжёлый и сверхтяжёлый для диапазона скоростей от 40 до 500 км/час.

Развитие струнных несущих конструкций привело в дальней-

шем к созданию струнных мостов и эстакад, струнных взлётно-посадочных полос, струнных высотных зданий, струнного вакуумного стекла и других, самых различных струнных технологий, потому что струнные конструкции широко используются Создателем. Например, трубчатые кости нашего скелета такие прочные потому, что они струнные: одни волокна в них растянуты (предварительно напряжены), другие – сжаты. Даже весь наш материальный мир, вся наша Вселенная – всё сводится к одной Конструкции, созданной Богом, она собрана из мельчайших квантовых струн.

Об истории холдинга

История холдинга «Струнные технологии Юницкого» – это, прежде всего, история жизни его основателя – Анатолия Юницкого.

Он, как говорится, начинал с нуля и с чистого листа. Возводил в уме, а потом и на бумаге свои идеи и конструкции, просиживая над своим детищем дни и ночи, добиваясь точности инженерных решений, и вот уже более тридцати лет предлагает всему миру новое уникальное отраслеобразующее направление в транспортной сфере.

Его творческий и жизненный путь не был усыпан розами, как и у Джордано Бруно, которого сожгли на костре на площади цветов в Риме; или у Константина Циолковского, этого глуховатого «деревенского дурачка» из Калуги, которым занимался НКВД, и он чудом остался жив; или у Сергея Королёва, «врага народа», отсидевшего почти два года в одиночной камере, а затем четыре года отпахавшего на Колыме землеройным рабочим… Да разве можно перечислить имена всех тех новаторов, кто оставил своё имя в истории, но был гоним властями при жизни…

И происходило это не потому, что все их новшества или они сами были плохими и совершали какие-то нехорошие дела. Отнюдь нет. Их вина была только в том, что они обгоняли своё время и занимались тем делом, которое не воспринималось ни властью, ни простым обывателем. При этом они были «виноватыми» лишь только до определённого времени: пока их изобретения не входили в жизнь и не становились обыденными и привычными. И тогда, ещё гонимые вчера, они становились востребованными и нужными всем, даже тогда, когда их уже не было в живых… Парадокс и несправедливость.

Струнные технологии. Услышав или прочитав эти два слова, читатель засомневается в правильности их сочетания: струны и технология. Струны – это часть музыкального инструмента, а технологии… И будет ломать голову, сомневаться даже в самой идее. И напрасно.

– Мы сегодня находимся на той стадии, когда нужно не сомневаться, а принимать как данность, – отвечает скептикам Анатолий Юницкий. – Мы выходим сегодня на мировой рынок с серийной и сертифицированной продукцией. А она не имеет аналогов в мире. «Струнные транспортные технологии» – это продукция, имеющая на порядок более высокие потребительские качества, чем обычные дороги, поэтому может быть востребована в любой стране. «СТТ» – это продукция, имеющая нишу на мировом рынке, оцениваемую в триллионы долларов, поэтому в этой сфере хватит места всем тем, кто уже стал или станет нашим инвестором и кто хочет на этом не только честно заработать, но и оставить своё имя в истории.

История холдинга, описанная ниже, пусть послужит примером или уроком тем, кто берётся за разработку сложнейших технологических задач, думая и веря в то, что его идея будет принята «на ура», что его везде будут встречать с распростёртыми объятиями. Отбросьте иллюзии, наберитесь терпения и стойкости, отправляясь в этот трудный путь…

Когда-то Форд собирал свой первый автомобильчик в сарае. Но перед этим он истратил сотни и сотни листов бумаги, нанося на них первые рабочие чертежи. И родился первый автомобиль.

Так сейчас и у «СТТ». Чтобы идею струнного транспорта воплотить в жизнь, нужно было показать на бумаге – в чертежах, а потом изложить до мельчайших подробностей весь спектр подвижного состава – как пассажирского, так и грузового. Городского и сельского, внутреннего и междугородного, низкоскоростного и высокоскоростного. Кстати, своего высокоскоростного транспорта никогда ещё в России не было, так как это чрезвычайно сложно осуществить.

Ко всему перечисленному выше нужно присоединить ещё и весь спектр принципиально новой путевой структуры «второго уровня» и соответствующей инфраструктуры. Это не под силу одному человеку. Этим должен заниматься Научный Центр, специалисты высокого уровня.

Несмотря на все трудности и проблемы, которые встречались на каждом шагу в процессе работы, задача перед коллективом единомышленников стояла одна – двигаться только вперёд. Первый этап – народное акционирование. Что это даст? Созданные в 2010 году в Австралии, в Сиднее, частная компания «Струнные технологии Юницкого» (СТЮ) и несколько публичных компаний, по каждому направлению – своя компания, не будут зависеть от какого-то конкретного чиновника или от одного из олигархов: у них свои специфические планы на будущее. Успех СТЮ теперь будет зависеть от каждого взятого в отдельности человека. От миллионов людей. И каждый из них может решать самостоятельно: можно ли доверить холдингу свои кровные деньги и не обманет ли он под видом создания крупного международного бизнеса, строя очередную банальную «финансовую пирамиду»?

Чтобы глубже вникнуть в суть проблемы, нам необходимо вернуться немного назад – в 1976–1988-е годы…

Идея общепланетного транспортного средства (ОТС) пришла к Анатолию в 1976 году. И натолкнул его на эту идею не кто иной, как барон Мюнхгаузен. Да-да, не удивляйтесь и не улыбайтесь. И именно подсказал тот эпизод, когда уважаемый барон сам себя вытащил из болота за волосы. Позже Анатолий назовёт свою идею «принцип барона Мюнхгаузена».

Идея заключалась в том, что в ближний космос можно выйти и без ракеты, которая наносит непоправимый вред экологии планеты и всему человечеству. Он категорически против ракет. Утверждает, что с поверхности Земли в космос можно выйти и за счёт внутренних сил системы, то есть наиболее экологически чистым способом, не противореча ни одному из законов физики, что это решение – абсолютно корректно с научной точки зрения. Скептики и Фома Неверующий скажут: «Да абсурд всё это… Ну, барон мог себя вытащить из болота, взявшись за свои собственные волосы, он же большой фантазёр и выдумщик. А попробуйте вы себя поднять хотя бы на миллиметр от земли, что получится? То-то…» И будет прав скептик в своём ограниченном мышлении.

Анатолий Юницкий, по первому образованию инженер путей сообщения, закончил Белорусский политехнический институт. Тогда, после института и службы в армии, он работал в Гомельском дорожно-строительном тресте старшим инженером. Ему в ту пору

было двадцать семь лет.

Вот именно с той поры и начался отсчёт нового периода в его жизни – работа над струнным транспортом. Он потом так и озаглавит своё детище – «Струнный транспорт Юницкого, (СТЮ)» так как Общепланетное Транспортное Средство (ОТС) является максимально возможным на Земле (по размерам) вариантом реализации струнной транспортной системы, эстакада которой должна опоясать планету по одной из параллелей, а лучше всего – по экватору.

Он и жил и бредил космосом и этим изобретением. Но огромным желанием и мечтой было, чтобы об этом узнал мир. И не только узнал, но и реализовал его идею.

Для начала нужно было получить авторское свидетельство на изобретение ОТС. Ткнулся в одни двери – отказ. Постучался в другие – от ворот поворот. Все заявки возвращались по одной причине – как неправильно оформленные.

И тогда Анатолию Юницкому пришла мысль: у него не хватает знаний в области изобретательства и патентоведения. Поэтому в 1977 году он перешёл работать в единственный в Гомеле академический институт – Институт механики металлополимерных систем Академии наук Белорусской ССР. Там и получил дополнительное образование и знания. А потом стал начальником патентно-лицензионного отдела Института и консультантом областного Совета Всесоюзного Общества изобретателей и рационализаторов. И за десятилетие помог стать изобретателями более чем тысяче новаторам.

Казалось, всё теперь у него в руках. Он уже был не новичок, знал, как правильно оформлять заявки, как спорить с теми, от кого зависело, принять или отклонить заявку. Он опять пошёл по тем кабинетам, где ему было отказано. И результат получился прежний: авторское свидетельство на ОТС ему не выдали. Отворачивая глаза, мямлили что-то о том, что его идея интересна, но… Глядя на него, чуть ли не крутили пальцем у виска.

И тогда он понял: в СССР не любили изобретателей-одиночек, предлагавших крупные разработки.

Анатолий Юницкий в то время стал автором более пятидесяти «служебных» изобретений. Около тридцати из них были использованы в народном хозяйстве и экономический эффект от этого превысил 100 миллионов рублей. Выплачивались вознаграждения, иногда по максимуму – 20 тысяч рублей. Четырежды стал лучшим изобретателем Института по итогам года – в период 1979–1988 годов. Ока-

зывал практическую помощь изобретателям Гомельской области в получении авторских свидетельств СССР – оформил сам или помог оформить около двух тысяч заявок на изобретения.

В этот же период Институт стал лидером в патентно-изобретательской работе в СССР. В Институт со всей страны приезжали учиться и перенимать опыт, о чём неоднократно писала центральная пресса.

Чтобы защитить приоритет и авторство в струнных технологиях, Юницкий в 1982 году опубликовал свои первые работы по данному направлению – «Пересадочная, космическая, кольцевая» – во всесоюзных журналах «Изобретатель и рационализатор» (№ 4) и «Техника молодёжи» (№ 6).

Поскольку ряд личных заявок Анатолия Юницкого на крупные изобретения шли через закрытый отдел патентного ведомства СССР (ВНИИГПЭ), то против редакций этих журналов и автора публикаций были поданы иски в различные суды в Москве и Гомеле.

Автор, как оказалось, вмешался в святая святых – ведомство, которое не впускало в свои сферы изобретателей без их ведома. А Анатолий на весь земной шар раскрывал секреты своих новых типов летательных аппаратов, энергетических установок, вооружений и даже «антиСОИ», альтернативу американской Стратегической оборонной инициативе. Впору крикнуть: караул, раскрывает секреты нашего ведомства! Наказать его! А на свои изобретения – более тридцати «неслужебных» заявок – он не получил ни одного авторского свидетельства!

Судебные иски были надуманными и абсурдными (за ними стояло, конечно же, определённое ведомство) – Анатолий Юницкий обвинялся в том, что:

– статьи по ОТС написал не он, а некий В. Таран под псевдонимом «Анатолий Юницкий». (Таран шёл тараном на автора и гонорар за статью в размере сорока пяти рублей, которые тот якобы получил «незаконно», требовал вернуть «настоящему» автору);

– Юницкий – телепат;

– Юницкий выдал некие государственные секреты неизвестному немцу на Олимпиаде в Москве в 1980 году (секрет действительно государственной важности – «… перочинный нож с двумя шарнирами…», как ни смешно это звучит).

И так далее, и так далее… Обвинения абсурдные и фантастические, но тем не менее состоялось шесть судов, самых «гуман-

ных» в мире, в период с 1983 по 1986 год.

Слава Богу, все они были Юницким выиграны. Но сколько на это было потрачено времени, денег, физических и духовных сил! И это стало одной из причин распада семьи. Кому такой муж нужен?

Параллельно в центральной прессе вышли одна за другой статьи с критикой «инженера-параноика» из города Гомеля. Авторы в своих статьях утверждали, что Юницкий замахнулся на достижения советской ракетно-космической отрасли. И как он только посмел сравнить ракету с паровозом и телегой!

«Это же уму непостижимо, – пыхтели «писаки», – когда он утверждает, что КПД паровоза в десять раз больше КПД ракеты! А все достижения за двадцать пять лет полётов в космос сравнил (додумался до чего!) с одной-единственной телегой и одной лошадью. Утверждает, что на одной-единственной телеге за такой же период времени можно перевезти по земле на такое же расстояние (в 300–500 км) такое же количество грузов – десять тысяч тонн… Действительно, у него что-то не в порядке с головой…

Мол, и ракета, и телега являются транспортными средствами, поэтому их можно и нужно по производительности сравнивать друг с другом. При этом он посмел говорить, что в эту космическую «лошадь» неоправданно вложены сотни миллиардов полноценных советских рублей! Да как такое смогли напечатать советские журналы! Да за решёткой он должен сидеть, а не писать такие абсурдные материалы! Гнать его из нашей страны!..»

Сначала Анатолий пропускал всё это через свою душу и сердце, а потом решил вовсе не обращать внимания – ветер дует, собака лает, а караван идёт. А ещё ему пришлось по душе высказывание Конфуция: «Если тебе плюнули в спину – радуйся, значит ты впереди».

На фоне той оголтелой критики и психологического давления Юницкий в 1986 году стал членом Федерации космонавтики СССР (секция «Неракетные космические транспортные системы»), а в апреле 1988 года организовал и провёл в Гомеле совместно с Федерацией космонавтики СССР и Всесоюзным обществом «Знание» Первую научно-техническую конференцию «Безракетная индустриализация космоса: проблемы, идеи, проекты». На ней присутствовало более пятисот участников.

В том же году по заказу Госкино СССР киностудия «Беларусьфильм» сняла о программе неракетной индустриализации космоса и её авторе тридцатиминутный научно-популярный фильм «В небо

на колесе», который демонстрировался в кинотеатрах СССР и за рубежом.

В мае этого же года, получив грант Советского Фонда мира в размере 150 тысяч рублей (около 200 тысяч долларов США), при активной поддержке Федерации космонавтики СССР и с разрешения Совета Министров БССР Анатолий Юницкий создаёт второй по счёту в Республике Беларусь Центр научно-технического творчества молодёжи под названием «Звёздный мир».

Это была первая организационная структура, созданная автором для разработки струнных технологий и для финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по ним за счёт собственной хозяйственной деятельности. В том же году молодой коллектив Центра реализовал более десяти своих разработок, заработав на этом около двух миллионов рублей. Наиболее крупная из них – кормоуборочный комбайн, который всего в течение девяти месяцев был спроектирован, изготовлен и испытан. На это ушло около 20 тысяч рублей.

В тот же время в Гомеле завершалось создание альтернативного комбайна. Когда начали его испытывать, оказалось, что он показал в два раза меньшую производительность, чем комбайн Юницкого. А он создавался государством и градообразующим предприятием «Гомсельмаш» да ещё при непосредственной поддержке генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва. В течение пяти лет над этим комбайном трудилось более чем пятьсот конструкторов. И что в итоге? На создание его было затрачено, вместе с покупкой лицензии за рубежом, более 50 (!) миллионов полновесных советских рублей.

Всё это советская власть позднее припомнит Юницкому.

В тот период Анатолий Юницкий работал как энтузиаст-одиночка. Этот период он считает наиболее важным в разработке струнных технологий. Не имея реальной поддержки ни от кого, в том числе в своей семье, он заложил основу СТЮ, который «отпочковался» от ОТС как самостоятельное направление (путевая структура СТЮ – это разновидность струнной эстакады для ОТС).

Более десяти лет непонимания, насмешек и преследований не только не сломили, а, наоборот, заставили его учиться и получить дополнительные знания по многим научным направлениям. Пришлось

овладеть многими смежными профессиями, чтобы выполнить качественно многочисленные инженерные расчёты и технико-экономические анализы. Вместе с этим приходилось оптимизировать все составные элементы принципиально новой транспортной системы «второго уровня», находить нестандартные изобретательские решения по всем её основным узлам и разработать новые транспортные стандарты.

Он освоил теорию решения изобретательских задач (ТРИЗ) и получил огромный практический опыт, например, аналогичный опыту, который получил в свое время Эйнштейн, поработав несколько лет в патентном ведомстве Швейцарии: «Я научился там отделять зёрна от плевел». Без этого опыта великий физик вряд ли создал бы свою теорию относительности, без него невозможна была бы в дальнейшем и разработка Юницким своего струнного транспорта.

Таким образом, несмотря ни на что, идея принципиально нового вида транспорта «второго уровня» не была заброшена изобретателем и забыта на десятилетия, как это, например, произошло с изобретением поезда на магнитном подвесе после получения в 1934 году в Германии патента на изобретение. К этой разработке компания «Сименс» приступила только в 1969 году, то есть через 35 лет, только после получения заказа от Министерства транспорта.

Вторая страница биографии и творческих мук – целое десятилетие: 1989–1999 годы.

В 1989 году беспартийный Анатолий Юницкий баллотировался в народные депутаты СССР по городу Гомелю. Имел все шансы обойти первого секретаря обкома партии. Поэтому, чтобы не допустить этого, был задействован для атаки весь «административный ресурс» – партийные органы, прокуратура, КГБ. В «зачёт» пошло всё мыслимое и немыслимое, даже и неракетное освоение космоса, и струнный транспорт, и то, как посмели эти «рационализаторы» создать альтернативный кормоуборочный комбайн…

– Вы что, хотите оставить без работы тридцать тысяч человек на «Гомсельмаше»? – упрекали его партийные чиновники. – Придумали, понимаешь, свой молодёжный кормоуборочный комбайн! Да он через минуту поломается, а вы возомнили себя Энштейнами…

– Эйнштейнами…

– Какая разница! Дилетанты вы, самоучки. А еще в депутаты

лезете!

И заработанные к тому времени 2 миллиона рублей – большие по тем временам деньги – просто отняли. Пришлось оставить планы строительства полигона СТЮ и уйти из Центра «Звёздный мир». А под полигон был уже отведён участок земли в Подмосковье, и были заработаны на это деньги, но…

Но от него попросту решили избавиться, итог – с дипломатом пришлось уйти на улицу.

Потом, в последующие пятнадцать лет, бандиты или «стратегические партнёры», а на поверку – те же бандиты, ещё семь раз проделывали ту же операцию – отнимали у Юницкого практически всё: деньги, земли, имущество, компании… Но, к счастью, им не удавалось отнять главного – свободы и жизни. А ещё – созданной им интеллектуальной собственности, которая была оценена на тот период независимыми оценщиками в 14 миллиардов долларов США. Неоценимый для нашего времени опыт. При этом, несмотря на отсутствие поддержки на родине, он не пытался, как многие разработчики, уехать за границу. А мог бы, приглашали. И был бы принят тем обществом как гениальный изобретатель, и со своими изобретениями стал бы богатейшим человеком. Но он не сделал этого.

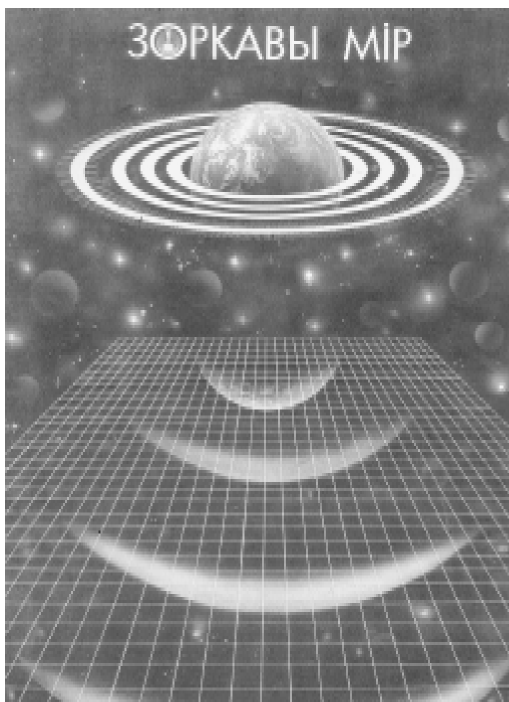
В 1992 году Анатолий Юницкий стал фермером. Да-да, сельскохозяйственным фермером. Получил на своей родине, в Мозырском районе Гомельской области, 30 гектаров земли «в вечное пользование с правом наследования» (так было сказано в документах) – он хотел на своей земле построить полигон СТЮ и финансировать струнную науку и исследования за счёт своей сельскохозяйственной деятельности.

Правда, «вечное пользование» длилось недолго.

В сентябре 1997 года вышло постановление администрации города Сочи № 628 «О включении инвестиционной программы «Струнные транспортные системы» А. Э. Юницкого в Федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие города-курорта Сочи на период до 2010 года»:

«…Учитывая значительные преимущества масштабного использования принципиально новой высокоскоростной струнной транспортной системы в экономике, социальной сфере, планетарной экологии по сравнению с традиционными видами транспорта…

Фонду «Юнитран-Сочи» выступить заказчиком по разработке пилотного проекта СТЮ по трассе «Сочи – Адлер – Красная Поляна – Энгельмановы Поляны ...»



Казалось, удача начала улыбаться Анатолию. Но, к огромнейшему сожалению, из-за отсутствия реального финансирования и антипатии к проекту специалистов-транспортников это направление реализации СТЮ не получило дальнейшего развития.

...В октябре 1997 года Анатолий выступает с докладом «Создание струнной транспортной системы «Париж – Москва» на Международной конференции по развитию транспортного коридора «Париж – Берлин – Варшава – Минск – Москва».

В рекомендации конференции, в работе которой приняли участие одиннадцать министров транспорта Европы, несмотря на активное противодействие Минтранса Беларуси, записано: *«По развитию новейшего вида транспорта, как составляющей трансевропейских коридоров № 2 и № 9: «Рекомендовать изучить возможность использования разработанной в Республике Беларусь Исследовательским Центром «Юнитран» струнной транспортной системы в качестве высокоскоростной составляющей Критских транспортных коридоров».*

Однако опять же из-за отсутствия у разработчика финансового, административного и лоббистского ресурсов эта поддержка не получила дальнейшего развития... Осечка, снова осечка...

В период с 1991 по 1998 годы Юницкий создаёт несколько небольших коммерческих компаний в Беларуси и в Москве, из прибыли которых финансирует разработку СТЮ.

С 1994 по 1996 годы он работал в Минске вместе с предпринимателем А. Харитоновым (совместно с ним в 1994 году были созданы компании «Новые транспортные линии» в Минске и в Германии), который по лицензионному договору обещал вложить в разработку 3 миллиона долларов.

Но после того, как проектом СТЮ в 1996 году серьёзно заинтересовались на Тайване, «партнёр», не вложив ни одного рубля и ни одной дойчмарки в разработку, вдруг заявил, что Юницкий попал в этот бизнес случайно, и если он не передаст всю свою интеллектуальную собственность лично ему, Харитонову, то изобретателя «закатают в асфальт». Затем Харитонов, нарушая действующее законодательство, вывел Юницкого из всех совместных компаний.

На защиту автора стали КГБ Беларуси и Президент страны. Тогда Харитонов сбегает из Беларуси в Украину, в Киев.

Анатолий уезжает в Россию, в Москву, и затем становится гражданином Российской Федерации…

В Москве, естественно, его никто не ждал.

Не к кому и некуда было ему идти. Он вспомнил рассказы отца о его беспризорном детстве, о том, как ночевал на вокзалах, как переезжал из одного города в другой, жил впроголодь, без одежды и обуви… Неужели всё повторялось? Так на роду написано? И кто виноват в этом? Те, кто народом правит, кто указывает, какой идти правильной дорогой?

На вокзале ночёвка бесплатная, можно прислониться к стенке и продремать всю ночь. Сегодня на Белорусском вокзале, завтра – на Курском… Питался салатиками из одуванчиков, которые он собирал в Коломенском парке. На трамвае ездил «зайцем» и, когда его высаживали и пытались сдать милиции, показывал свои публикации: «Я – изобретатель, откуда у изобретателя в нашей стране могут быть деньги?»

Однажды среди ночи кто-то тронул его осторожно за плечо. На него смотрела цыганка сочувственным взглядом. В руке она держала кусок хлеба и колбасу.

– Поешь, Толя, ты совсем ослаб.

Он долго не приходил в себя, не понимал, где он и что с ним. Удивился, что женщина зовёт его по имени.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – спросил он, принимая от неё бутерброд.

Рядом с цыганкой сидели её дочь и сын, смотрели с интересом на него.

Анатолий жадно начал жевать – двое суток ничего не ел, а попрошайничать не умел, как и отец его когда-то.

– Да знаю… Как и знаю, что родителей твоего отца Эдуарда сталинские опричники отправили на тот свет. И знаю, что отец оставил твою мать. Но ты не обижайся на него, он не виноват. Как и мать твоя не виновата. Злой рок вмешался в вашу судьбу. А он на вас висит несколько столетий и переходит от одного поколения к другому…

Анатолий перестал жевать, смотрел с внутренним страхом на черноволосую цыганку. Думал и удивлялся: откуда ей известны такие подробности? Спросить не осмелился.

– И в твою жизнь вмешается тот рок. И твой сын станет чужим для твоего дома… Но ты счастливый человек, Толя. Твоя звезда ещё не видна на небосклоне. Ты будешь великим человеком, но не сегодня. Придёт твое время… Утром ты не сиди здесь, а поезжай к своему знакомому, с которым ты когда-то встречался. Он поможет тебе.

Женщина поднялась и молча пошла между рядами скамеек, на которых сидели транзитные пассажиры.

Не оглянулась. Рядом с ней шли её цыганята…

Анатолий сожалел, что не успел поблагодарить за её слова и за то, что она накормила его и подала надежду на завтрашний день. Через минуту она смешалась с толпой пассажиров…

Когда он хотел снова притронуться к бутерброду, увидел на своем дипломате скомканную «пятёрку». И опять послал вдогонку своё запоздалое «спасибо».

Утром пошёл в то ведомство, в котором работал тот человек, с которым он познакомился на симпозиуме в Минске.

Через полгода, в 1998 году, Анатолий Юницкий создаёт в Москве региональный общественный Фонд содействия развитию струнного транспорта «Юнитран» для работы с международными организациями. Партнёрство, поддержку и юридическое сопровождение струнных технологий взял на себя один из казачьих фондов. Прав-

да, в процессе регистрации Фонда «Юнитран» казаки, подделав подписи соучредителей, вывели из руководства фонда всех представителей со стороны струнных технологий.

Пришлось обращаться за защитой к замминистра МВД России В. Рушайло. После восстановления статус-кво Фонд в этом же году получает первый грант ООН на выполнение работ по проекту № FS RUS-98-S01 «Устойчивое развитие населённых пунктов и улучшение их коммуникационной инфраструктуры с использованием струнной транспортной системы» (грант в размере 180 тысяч долларов США; из них 45 тысяч долларов ООН затем заплатила, а российское правительство 135 тысяч – нет).

Проектный документ со стороны Правительства Российской Федерации подписал министр (председатель Госстроя) И. Южанов, со стороны ООН – заместитель Генерального Секретаря ООН К. Тёпфер. Работа по гранту была полностью выполнена и получила высокую оценку в ООН.

В апреле 1999 года в Сочи в рамках проекта ООН был проведён международный семинар «Устойчивое развитие населённых пунктов и улучшение их коммуникационной инфраструктуры с использованием струнной транспортной системы». В работе семинара приняли участие представители Центра ООН-ХАБИТАТ, а также – 31-й научно-исследовательской и проектной организации, производственных, строительных и консультационных компаний, общественных и некоммерческих организаций.

В рекомендациях семинара отмечено: «…Просить Штаб-квартиру ООН-ХАБИТАТ расширить сотрудничество по Проекту СТЮ. С этой целью провести переговоры с руководством ПРООН, ЮНИДО и Глобального экологического фонда (ГЭФ) о разработке совместного пилотного проекта по внедрению струнного транспорта в других регионах России и в других заинтересованных странах…»

После такой поддержки были проведены переговоры в Вене, в штаб-квартире ЮНИДО, о необходимости дальнейшего финансирования разработки. Эта международная организация была готова выделить безвозмездно 30 миллионов долларов на строительство опытно-демонстрационной и сертификационной трассы СТЮ на территории России.

Когда же правительство (Председатель Госстроя А. Шамузахаров) официально обратилось в ЮНИДО через Министерство иностран-

ных дел России (как это и требовалось в международных отношениях), то это министерство, ссылаясь на заключение Министерства науки о том, что «... в России все транспортные проблемы решены, существующие дороги не загружены, поэтому нет необходимости развивать новое направление – струнный транспорт…», официально отказало Госстрою в обращении за грантом в ООН.

Как ни странно, но в это же время Министерство экономики России поддержало предложение Международного семинара, однако оно было проигнорировано МИДом. Осечка, опять осечка…

В 1989 –1999 годы Юницкий предпринимал многочисленные попытки заинтересовать в развитии нового направления в транспорте международные организации, а также правительства Беларуси и России. Поддержку небольшим грантом оказал только Центр ООН-ХАБИТАТ. При этом выяснилось, что основными противниками нового вида транспорта являются как раз те, кто по долгу своей службы отвечает в государстве за его создание – Министерство науки и Министерство транспорта.

Поэтому снова, уже второе десятилетие подряд, приходилось вести разработку, в основном, за собственный счёт автора и конструктора, который к этому времени вырос до генерального конструктора СТЮ.

Наступила новая эра на земле, новое тысячелетие…

Летом 2000 года совместно с инвестором и стратегическим партнёром Д. Березиным, с которым был заключён договор о партнёрстве в соотношении 50:50, начали практические действия по осуществлению проекта.

Создаётся в городе Озёры Московской области холдинг: головная компания «Научно-производственный комплекс Юницкого» и пять специализированных компаний – научно-исследовательских, проектно-конструкторских, строительных...

Намечалось выполнение проектных и конструкторских работ по путевой структуре и опорам, по подвижному составу, по инфраструктуре, а также – выполнение строительных работ.

Инвестор взял на себя обязательства – внести 5 миллионов долларов только в НИОКР. В Озёрах была отведена земля под полигон и начинаются работы по всему комплексу работ. Формируется необходимый штат во всех этих компаниях.

Однако когда был достигнут объём финансирования работ примерно в 15% от потребного (со значительным отставанием от согласованного с инвестором графика), инвестор неожиданно прекращает дальнейшее финансирование. Практически все деньги уходят в накладные расходы.

Начинают расти долги по заработной плате (долг по зарплате достиг четырёх месяцев для коллектива более чем в 100 человек).

Но, как говорится, нет худа без добра.

Неожиданно выразил согласие оказать посильную помощь губернатор Красноярского края А. Лебедь.

После ознакомления в феврале 2001 года с действующей моделью СТЮ масштаба 1:5, имеющей трассу длиной 100 м, установленную в парке «Коломенское» в Москве, он сказал:

– России это нужно! Как воздух надо!

И профинансировал проект.

Поступило на расчётный счёт коллектива 300 тысяч долларов из личного фонда губернатора – через Фонд «Юнитран», который должен был обеспечить выполнение работ по полигону в Озёрах.

Уже в апреле начались работы на площадке, а в октябре действующий полигон демонстрировался А. Лебедю и губернатору Московской области Б. Громову (все центральные каналы ТВ и пресса освещали это событие).

Затем Лебедь докладывает Президенту страны о том, что надо решать нерешённые вопросы с Северным завозом, с освоением Сибири, Севера и Дальнего Востока страны, убеждал Президента:

– Нужно натягивать струны над тайгой. Струны Юницкого – будущее нашей страны.

И случилось невероятное – губернатор погиб.

Прекратилось финансирование. Разработчик лишился поддержки. Затем так называемый «инвестор» и «стратегический партнёр» осуществили полный юридический захват «НПК Юницкого», по поддельным документам отняв долю в 50% у А. Э. Юницкого, в том числе и полигон СТЮ в Озёрах (через 2 года эта компания прекратила своё существование).

… В 2002 году Фонд «Юнитран» получает второй грант ООН в размере 30 тысяч долларов по проекту № FS-RUS-02-S03 «Обеспечение устойчивого развития населённых пунктов и защита го-

родской окружающей среды с использованием струнной транспортной системы».

От Правительства Российской Федерации проектный документ был подписан Председателем Госстроя А. Шамузафаровым, от ООН – Исполнительным директором Центра ООН-ХАБИТАТ А. Тибайджука (затем она станет заместителем Генерального Секретаря ООН).

Проект был выполнен, прошёл экспертизу, и СТЮ был рекомендован к реализации.

…Летом 2002 года Юницкому из Киева неожиданно позвонил А. Харитонов, с которым расстались в Минске ещё в 1996 году.

– Извини, Толян, – виноватым голосом говорил на другом конце провода бывший друг и партнёр, – несолидно я обошёлся с тобой. Признаю свои ошибки.

Анатолий молчал, не знал, что хочет от него Харитонов.

– Я очень разбогател и хотел бы вложить деньги в дело, – неожиданно предложил он свои услуги. – Я хочу исправить свои ошибки и предлагаю тебе свои услуги: хочу быть твоим стратегическим партнёром… Здесь, на Украине, в Киеве… Ты как?

Анатолий выдержал паузу, вздохнул:

– Я не против. Но как ты видишь своё участие?

– Я предлагаю построить сертификационную трассу СТЮ протяжённостью в три километра под Киевом, в городе Гостомеле. Приезжай ко мне, обсудим всё на месте.

Вновь создаются совместные компании «НТЛ» (Новые Транспортные Линии) в Киеве, Москве и в Германии, в Берлине. Начинается финансирование, и Юницкий с семьёй и своей командой (основной частью конструкторов и проектировщиков, оставшихся без работы) переезжает из Москвы в Киев.

Набираются на работу киевские конструкторы и начинается их обучение струнным технологиям. Через шесть месяцев работ, когда объём финансирования не достиг и десяти процентов от гарантированного инвестором объёма, Харитонов делает Юницкому «подарок» ко дню рождения, неожиданно заявив:

– Я теперь всё и сам знаю, как строить струнную дорогу. Поэтому ни ты, ни твои конструкторы мне в дальнейшем не нужны.

– Как не нужны, ты же подписал документы…

– Я всё сказал. Вон из моего кабинета! И все твои люди – на

улицу!

Мало этого, так он подаёт на партнёра иск в суд, чтобы вывести его из всех компаний «НТЛ», мотивируя это тем, что Юницкий попал в компании случайно, а его струнный транспорт вовсе не его, а принадлежит на самом деле компании «Капвей». Подчёркивал, что проект «струн» разрабатывался Харитоновым ещё с 1994 года, и даже полигон в Озёрах Московской области построен им, а не Юницким.

Чтобы Юницкий не мешал, против него возбуждается уголовное дело, и он становится невъездным в Украину. Через год компания «Капвей» построила в Гостомеле двухсотметровую опытную монорельсовую дорогу, так как набранные Харитоновым конструкторы, не зная и десятой доли всех ноу-хау, отказались от струнных технологий в пользу монорельса, причём в одном из худших вариантов его исполнения.

Затем не было сделано ни одной продажи, и сразу же после этого Харитонов и «Капвей» полностью разорились…

Юницкий возвращается в Москву и в 2004 году один, без всяких «инвесторов», «партнёров» и «стратегических партнёров» создаёт компанию «Струнный транспорт Юницкого».

Сначала с уставным капиталом десять тысяч рублей. Затем перерегистрирует её в 2008 году уже с уставным капиталом 3,8 миллиарда рублей – после того, как компанию пытался захватить за 7500 рублей, то есть получить долю в 75%, С. Полонский – президент «Миракс групп», на тот момент долларовый миллиардер.

С 2004 года начинается отсчёт работы с заказчиками.

Первым заказчиком стало Министерство экономики России – оно заказало действующую модель СТЮ (масштаб 1:10) для Российской экспозиции на Всемирной выставке «ЭСПО-2005» (г. Нагоя, Япония). Действующая модель была изготовлена, испытана и оплачена заказчиком. Однако на последнем заседании оргкомитета по подготовке к выставке (председатель оргкомитета – министр образования и науки России А. Фурсенко) научный консультант оргкомитета академик Е. Велихов безапелляционно заявил:

– Струнные дороги? Нигде в мире этого нет, а мы поедем в Японию и будем позориться! Это псевдонаука! Не бывать этому.

И вычеркнул действующую модель СТЮ из экспозиции выставки (её место затем занял полусгнивший мамонтёнок Дима, най-

денный в Сибири, – это, видимо, более серьёзное и более достойное достижение российской науки). А ведь изготовлена была именно действующая физическая модель системы масштаба 1:10 – с предварительно напряжёнными струнными рельсами, анкерными опорами, пассажирскими станциями и работающим в автоматическом режиме подвижным составом (пассажирскими юнибусами, в каждом из которых был установлен даже бортовой компьютер).

При этом выпиленный из пенопласта макет Токамака (именно макет, а не физическая модель – там ведь не шёл термоядерный синтез и не было температур в десятки миллионов градусов), термоядерной электростанции будущего, которой в природе пока ещё нет и неизвестно, будет ли она когда-нибудь создана, был, тем не менее, представлен в российской экспозиции выставки. И что странно – не вызвал в Оргкомитете никаких вопросов. Почему? «Ларчик просто открывался»: это направление в науке уже много десятилетий курирует этот замечательный академик. К слову, макет не является действующим, поэтому скорее макетирование можно было отнести к псевдонауке, в то время как действующая физическая модель полностью моделирует представляемый полномасштабный объект и никак не может быть отнесена к псевдонауке.

Вывод: на всемирную выставку не должен был ехать как раз макет Токамака, так как СТЮ в природе всё же существует и был представлен в то время не только действующими моделями, но и действующим полигоном в городе Озёры. Но…

Хождения по мукам продолжались…

Краткая информация об экспертизе принципиально новой транспортной системы «Струнный транспорт Юницкого» (СТЮ) ***(в хронологическом порядке)***

№ 1. 03.04.1995 г.

После экспертизы СТЮ в Академии наук Белоруссии и Белорусском государственном университете вице-президент Академии Наук (и генеральный конструктор Минского автомобильного завода), академик М. Высоцкий и ректор БГУ, академик (и председатель правления Белорусского научно-технологического парка) Ф. Капуцкий обратились за поддержкой СТЮ к Президенту Республики Беларусь А. Лукашенко: «…Очень важно своевременно выявлять и поддерживать такие комплексные научно-технические программы, которые позволили бы Республике Беларусь выдвинуться на передовые рубежи и занять в мировой экономике достойное место…»

№ 2. 21.03.1996 г.

Струнная транспортная система была рассмотрена и прошла экспертизу на заседании комиссии Учёного Совета Петербургского государственного университета путей сообщения. Экспертизу осуществляли 7 докторов и 10 кандидатов технических наук (из них – 3 академика Академии транспорта России), а также ведущие конструкторы трёх конструкторских бюро специального машиностроения. Эксперты признали актуальность, оригинальность и техническую целесообразность СТЮ и его технико-экономическую эффективность, в основе которой находится переход от плоской системы железной дороги в пространственную систему.

№ 3. 21.02.1997 г.

Поручение Президента Республики Беларусь А. Лукашенко Премьер-министру С. Лингу: «Окажите поддержку разработчикам в завершении опытно-конструкторских работ по созданию струнной транспортной системы». Предварительно была осуществлена экспертиза СТЮ в Администрации Президента Республики Беларусь (с привлечением специалистов из науки, промышленности и транспорта), о чём было сказано в докладной записке Президенту его помощником, доктором технических наук П. Капитула: «… Приоритет создания в Республике Беларусь скоростной транспортной системы XXI века станет для мировой общественности подтверждением наличия в республике высокого научно-технического потенциала и значительно повысит её международный рейтинг (конструкторы вносят идею о строительстве высокоскоростной магистрали «Москва – Минск – Лондон (Париж)…»

№ 4. 10.09.1997 г.

Постановление администрации г. Сочи № 628 «О включении инвестиционной программы «Струнные транспортные системы А. Э. Юницкого в Федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие города-курорта Сочи на период до 2010 года». Предварительно СТЮ прошёл экспертизы и слушания во всех основных службах и специализированных организациях города Сочи и получил поддержку. Работы в дальнейшем не велись из-за отсутствия финансирования.

№ 5. 20.02.1998 г.

СТЮ прошел экспертизу Учёного Совета Русской Академии (среди экспертов – 6 академиков, 4 доктора и 2 кандидата технических наук). Эксперты отметили глубину и высокую степень проработанности всех ключевых аспектов СТЮ, несмотря на отсутствие финансирования и реальной поддержки государством, высокий интеграционный потенциал и возможность реализации программы в сжатые сроки (в течение нескольких лет) как национальной программы, опирающейся только на собственные научно-технические силы и производственный потенциал России.

№ 6. 08.05.1998 г.

Письмо заместителя Министра транспорта России В. Березина № ВБ-10/310ИС по поручению Администрации Президента и Аппарата Правительства Российской Федерации: «… На данном этапе представляется целесообразным отработать вопросы, связанные с практической реализацией проекта, в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие города-курорта Сочи на период до 2010 года». Постановление Администрации г. Сочи от 10.09.1997 г. № 628 предусматривает проектирование и строительство СТЮ на трассе «Сочи – Адлер – Красная Поляна – Энгельмановы Поляны»

Однако из-за отсутствия финансирования по проекту работы по нему в дальнейшем не велись.

№ 7. 05.10.1998 г.

Письмо № 37/510-320 Премьер-министра Республики Беларусь С. Линга мэру города Москвы Ю. Лужкову «О реализации проекта создания струнной транспортной системы» в Москве.

Данное предложение в дальнейшем было заблокировано Департаментом транспорта Москвы.

№ 8. 24.09.1998 г.

Грант ООН по проекту № FS-RUS-98-S01 «Устойчивое разви-

тие населённых пунктов и улучшение их коммуникационной инфраструктуры с использованием струнной транспортной системы» в размере 180.000 долларов. Проект был выполнен, прошёл экспертизу и получил дальнейшее развитие (был выдан в 2002 году ещё один грант ООН).

№ 9. 18.11.1999 г.

Письмо Председателя Госстроя России А. Шамузафарова Генеральному Директору Организации ООН по промышленному развитию Т. Магариносу о необходимости дополнительного финансирования модельных и стендовых испытаний по СТЮ. Это предложение было принято. В дальнейшем необходимо было официальное обращение российского правительства через российский МИД, но оно было заблокировано Министерством науки.

№ 10. 19.01.2000 г.

Письмо Заместителя Генерального Секретаря ООН К. Тёпфера Генеральному Директору Организации ООН по промышленному развитию Т. Магариносу о необходимости дополнительного финансирования СТЮ, так как эта система обладает потенциалом с точки зрения её использования в качестве реальной альтернативы существующим видам транспорта, используемым в городе Сочи.

№ 11. 22.03.2000 г.

Письмо Первого заместителя Министра по делам федерации и национальностей России Заместителю Министра иностранных дел России С. Орджоникидзе о необходимости рекомендовать UNIDO включить проект развития СТЮ в программу финансирования на текущий год.

№ 12. 10.02.2000 г.

Письмо Первого заместителя Председателя Госстроя России С. Круглика заместителю Министра транспорта Е. Казанцеву о том, что было подготовлено положительное заключение в Министерстве экономики РФ с предложением о продвижении СТЮ по линии международных организаций UNIDO и ООН-ХАБИТАТ.

№ 13. 06.07.2000 г.

Приглашение генерального конструктора СТЮ А. Юницкого от Заместителя Генерального Секретаря ООН К. Тёпфера и мэра города Кейптаун (ЮАР) на мировой экологический форум «Устойчивое развитие через совершенствование городского управления». На форуме была осуществлена презентация СТЮ с действующей моделью.

№ 14. Январь 2001 г.

Экспертное заключение Московского архитектурного института «По возможностям использования струнной транспортной системы в пригородно-городских перевозках пассажиров и грузов». СТЮ признан альтернативой современным транспортным системам: трамваю, автобусу и троллейбусу в городских перевозках; автобусу, железнодорожному и воздушному транспорту в межселенных перевозках.

№ 15. 19.01.2001 г.

Заключение Госстроя России «О технической состоятельности проекта струнной транспортной системы Юницкого»: «…Техническая состоятельность проекта СТЮ не вызывает сомнений… Все элементы системы в целом могут быть реализованы с применением достоверных методов расчётов, доступных материалов и проверенных практикой технологий. Заявленные эксплуатационные характеристики системы реально достижимы при расчётных затратах…»

№ 16. 31.01.2001 г.

Заключение Комитета по науке и высшему образованию Красноярского края «О возможности использования СТЮ для развития Красноярского края»: «… Из-за возможных препятствий со стороны автомобильных, железнодорожных, нефтеперерабатывающих компаний необходима государственная поддержка проектов СТЮ, в силу их стратегических преимуществ для экономики, промышленности и транспортного освоения России…»

№ 17. 19.10.2001 г.

Экспертное заключение Сибирского отделения Академии транспорта России по проекту ООН-ХАБИТАТ № FS-RUS-98-S01 «Устойчивое развитие населённых пунктов и улучшение их коммуникационной инфраструктуры с использованием струнной транспортной системы»: «… СТЮ может стать полноценным дополнением к существующим видам транспорта. …Актуально использование СТЮ в Северных областях России, Сибири и Дальнего Востока, где транспортный комплекс недостаточно развит. Особого внимания заслуживает область применения СТЮ в курортных районах, которые… могут стать авангардным полигоном для широкого применения СТЮ в практике пассажирских и грузовых перевозок…»

№ 18. 23.10.2001 г.

Грант ООН по проекту № FS-RUS-02-S03 «Устойчивое разви-

тие населённых пунктов и защита городской окружающей среды с использованием струнной транспортной системы» в размере 30 тысяч долларов. Проект был выполнен, прошёл экспертизу и СТЮ был рекомендован к реализации.

№ 19. 15.02.2002 г.

Распоряжение № 116-РГ Губернатора Московской области Б. Громова «О рабочей группе по координации деятельности по созданию струнной транспортной системы»: «… Для координации деятельности по созданию транспортного кольца, связывающего аэропорты Московского авиационного узла между собой и Москвой, с использованием экологически чистой, грузопассажирской струнной транспортной системы… создать межведомственную рабочую группу…»

В рабочую группу вошли четыре министра Правительства Московской области, первый заместитель Министра транспорта России и Первый заместитель Председателя Правительства Московской области.

В дальнейшем работа рабочей группы была заблокирована Министерством транспорта Московской области и до настоящего времени не состоялось ни одного заседания рабочей группы.

№ 20. 08.02.2002 г.

Письмо № АН-3/146-ис Первого заместителя Министра транспорта России А. Насонова в Министерство промышленности, науки и технологий России о формировании перечня важнейших проектов НИОКР по приоритетным направлениям развития науки и техники: «…Создание новой, экологически чистой, не имеющей аналогов в мире, транспортной системы СТЮ для соединения аэропортов Московского авиационного узла («Шереметьево» – «Быково» – «Домодедово» – «Шереметьево»). Объём финансирования, всего – 42 млн. $, в т. ч. из средств федерального бюджета – 2 млн. $».

Министерство науки не выделило средств на проведение НИОКР по СТЮ и даже не ответило Минтрансу.

№ 21. 12.04.2002 г.

Протокол выездного совместного заседания Научно-технического Совета Минтранса России, Научно-технического совета Министерства путей сообщения России и межведомственной рабочей группы по проблемам скоростного внеуличного транспорта:

«… 1. … Струнную транспортную систему … можно отнести к одному из новых перспективных нетрадиционных видов наземно-

го транспорта…

4. Просить Минпромнауки России поддержать предложение Минтранса России о включении в приоритетные направления развития науки и техники, в раздел «Экологически чистый и высокоскоростной наземный транспорт» проекта «О создании опытного участка струнной транспортной грузопассажирской системы» и финансировании этого проекта…».

Эта «поддержка» СТЮ так и осталась только на бумаге.

№ 22. 24.04.2003 г.

Заключение Московского института материаловедения и эффективных технологий (ИМЭТ): «… Привлекательными сторонами проекта СТЮ являются: обеспечение комфортности пассажиров; экологическая безопасность при эксплуатации (малошумность, сохранение окружающей среды и ландшафта); высокая скорость перемещения пассажиров и грузов; полная развязка с другими видами транспорта и коммуникациями; более низкая материалоёмкость и стоимость по сравнению с другими транспортными системами; минимальное изымание земельных площадей; возможность использования альтернативных источников энергии (электроприводов, аккумуляторов и накопителей энергии)…»

№ 23. 16.11.2004 г.

Письмо Академика Н. Байбакова Президенту Российской Федерации В. Путину «О создании коммуникационной инфраструктуры нового поколения – базовой отрасли России»:

«…Преимущества СТЮ позволят в сжатые сроки создать принципиально новую коммуникационную инфраструктуру второго уровня, совмещенную с линиями электропередач, оптико-волоконной связи и ветряными электростанциями. Она будет более дешёвой, безопасной, экологичной и долговечной в сравнении с традиционной инфраструктурой в любых регионах России – от вечной мерзлоты, тундры и болот Сибири до гор Кавказа. СТЮ сможет стать локомотивом создания динамично развивающейся экономики XXI века также, как, например, основой роста и нормального функционирования любого живого организма является разветвлённая и здоровая кровеносная система… Нам не нужно догонять Америку. Мы можем обогнать её навсегда в принципиально новом направлении…»

№ 24. 19.01.2005 г.

Протокол технического совещания в Администрации города Ха-

баровска (присутствовали: директор департамента архитектуры, строительства и землепользования, главный инженер «Дальгипротранса», главный архитектор «Хабаровскгражданпроекта»; главный специалист по горэлектротранспорту Управления транспорта, начальник Управления архитектуры и проектных работ Министерства строительства Хабаровского края, главный архитектор Хабаровска, начальник Управления транспорта Администрации города):

«…СТЮ – наиболее подходящий вариант для организации движения «второго уровня» и представляет практический интерес для организации пассажирских перевозок на территории города Хабаровска… Экспериментальный пилотный проект СТЮ явится визитной карточкой города в деле привлечения инвестиций к проектам городского развития…»

№ 25. 26.01.2006 г.

Письмо № 51/06-СФ Заместителя Председателя Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам Е. Фёдорова Заместителю Министра природных ресурсов России, Национальному координатору Глобального экологического фонда (ГЭФ) В. Степанкову:

«…Реализация в Российской Федерации двух проектов Программы ООН по населённым пунктам (ООН-ХАБИТАТ) по теме «Устойчивое развитие населённых пунктов и улучшение их коммуникационной инфраструктуры с использованием струнной транспортной системы Юницкого (СТЮ)», а также проведение в рамках этих проектов испытаний на полигоне СТЮ в г. Озёры Московской области, подтвердили практическую целесообразность продолжения работ по использованию СТЮ для решения транспортных проблем российских городов в условиях массовой автомобилизации…»

№ 26. 17.04.2006 г.

Положительное заключение Министерства природных ресурсов России по созданию типового эксплуатируемого участка струнного транспорта в городе Хабаровске за подписью заместителя Министра, Национального координатора ГЭФ в России В. Степанкова.

№ 27. 08.05.2008 г.

Положительное заключение Федерального Экспертного Совета России о реализации проекта Программы ООН по населённым пунктам № FS-RUS-02-S03 «Обеспечение устойчивого развития населённых пунктов и защита окружающей среды при помощи СТЮ», проектные материалы по строительству первой в мире эксплуатируемой пассажирской линии СТЮ в городах России, концепцию

проекта «Опытный полигон СТЮ» за подписью председателя Совета, Академика РАЕН Ю. Живлюка.

Заключение было направлено мэру города Москвы Ю. Лужкову от Федерального Экспертного Совета Российской Федерации.

№ 28. 29.08.2008 г.

Независимая экспертиза Института проблем транспорта им. Н. С. Соломенко Российской Академии Наук за подписью заслуженного деятеля науки России, доктора технических наук, профессора О. Белого, заместителя директора по научной работе доктора технических наук, профессора Ю. Искандерова, выполненная по заказу администрации ХМАО – Югры (Заключение на концепцию «Генеральная транспортная стратегия применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого (СТЮ) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», разработанную ООО «Струнный транспорт Юницкого»):

«…Для реализации СТЮ в ХМАО – Югре необходимо перейти от инвестиционной стадии проекта к этапу технического проектирования…»

№ 29. 19.02.2009 г.

Письмо № 0507-АА Руководителя Федерального Агентства по управлению особыми экономическими зонами (РосОЭЗ) А. Алпатова в Правительство Российской Федерации:

«…Бизнес-план ООО «СТЮ-Дубна» разработан с учетом возможности возведения на территории ОЭЗ «Дубна» 10-ти промышленных участков трасс основных типов новой транспортной системы – струнного транспорта. Общие затраты, необходимые для реализации проекта, составляют 4 миллиарда рублей. Срок реализации проекта, в зависимости от типа струнного транспорта, составит от 1 года до 4 лет. В настоящее время на территории ОЭЗ «Дубна» выбрана площадка под строительство полигона, в том числе и участок под высокоскоростную трассу длиной 20 километров…

Федеральное агентство по управлению особыми экономическими зонами поддерживает проект создания полигона струнного транспорта в городе Дубне и со своей стороны готово оказать содействие в скорейшей его реализации…»

Эта поддержка также осталась только на бумаге, а само агентство вскоре было ликвидировано.

Список основных научных трудов Юницкого А. Э. по программе «Струнный транспорт Юницкого»

(в хронологическом порядке по состоянию на 01.01.2010 года):

1. Юницкий, А.Э. Линейная транспортная система. Патент Российской Федерации № 2080268, кл. B 61 B 5/02, 1994.

2. Yunitsky Anatoly. Linear Transport System. Patent of Republic of South Africa № 95/2888, classification B 659, 1994.

3. Юніцкій, А.Э. Лінійна транспортна система. Патент України № 28057, кл. B 61 B 13/04, 1994.

4. Юницкий, А.Э. Беларусь может процвести на интеллекте / Газета «Гомельская праўда». Гомель, 21 снежня 1994 г., № 177, с. 3.

5. Юницкий, А.Э. и др. Анализ колебаний пролётных строений струнной транспортной системы / Белорусский конгресс по теоретической и прикладной механике «Механика-95». Тезисы докладов, 6–11 февраля 1995, Минск. Гомель: ИММС АНБ, «Инфотрибо», 1995 г., с. 253–254.

6. Юницкий, А.Э. и др. К динамике струнной транспортной системы / Белорусский конгресс по теоретической и прикладной механике «Механика-95». Тезисы докладов, 6–11 февраля 1995 г., Минск. Гомель: ИММС АНБ, «Инфотрибо», 1995, с. 254–255.

7. Юницкий, А.Э. Струнные транспортные системы: на Земле и в космосе. Гомель: Инфотрибо, 1995, 337 с.: ил.

8. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной наземный транспорт НТЛ / Ресурсо- и энергосберегающие технологии на транспорте и строительном комплексе. Тезисы докадов международной научно-практической конференции. Гомель: БелГУТ, 1995, с. 69–70.

9. Юницкий, А.Э. Струнные транспортные системы – новые технологии в высокоскоростном наземном транспорте. Диссертация в форме научного доклада на соискание учёной степени доктора наук в области информационных технологий (транспорт). Минск, 1996, 26 с.

10. Юницкий, А.Э. Рельс для струнных транспортных систем.
Патент Российской Федерации № 45523, кл. 12-03, 1996.

11. Юницкий, А.Э. Транспортное средство для струнных транспортных систем (два варианта). Патент Российской Федерации № 45722, кл. 12-03, 1996.

12. Юницкий, А.Э. Транспортное средство для струнных транспортных систем (два варианта). Патент Республики Беларусь № 220, 1996.

13. Юницкий, А.Э. Рельс для струнных транспортных систем. Патент Республики Беларусь № 221, 1996.



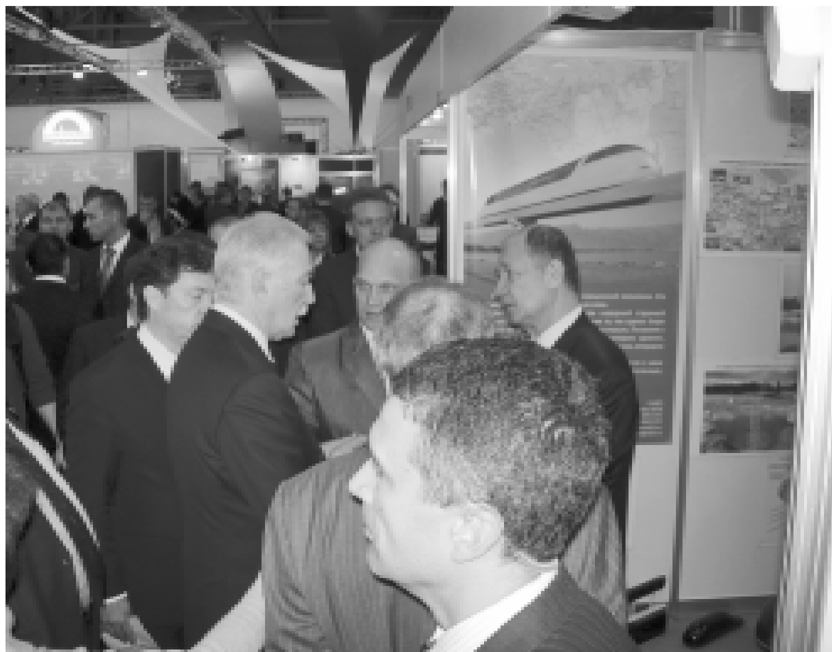
А. Юницкий и В. Узлов после получения награды транспортной отрасли России «Золотая колесница» в Государственном Кремлёвском Дворце, 2009 г.



А. Юницкий с представителями правительства Беларуси у действующей модели СТЮ. Промышленная выставка в Ганновере, Германия, 1996 г.



На переговорах в муниципалитете г. Дубая, ОАЭ, 2005 г.



А. Юницкий и В. Узлов у стенда СТЮ дают пояснения спикеру Государственной Думы России Б. Грызлову, 2009 г.

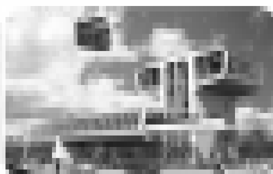


В Минске создан «мозговой центр» СТЮ от австралийской компании – представительство «String Technologies Unitsky Pty Ltd». Руководитель – генеральный директор Анатолий Юницкий



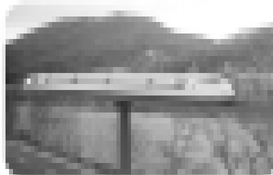
String Technologies Unitsky Pty Ltd



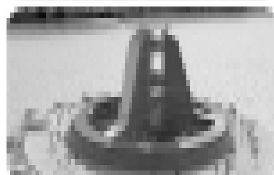


[illegible]

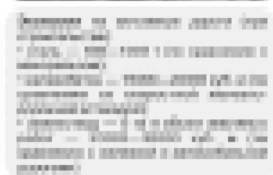
[illegible]







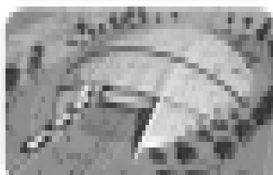
[illegible]



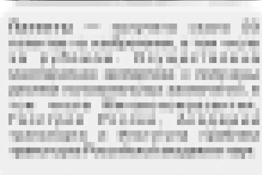




[illegible]

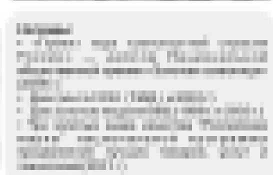


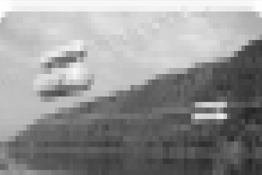
[illegible]

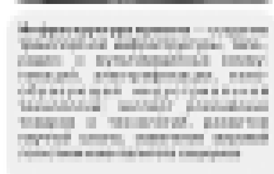


[illegible]

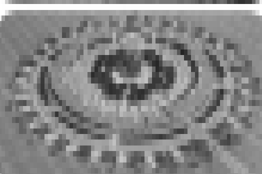












[illegible]



В минуты отдыха



По струнному транспорту – в будущее!



Анатолий Юницкий с сыном Денисом на проведённом под эгидой Организации Объединённых Наций международном семинаре по струнному транспорту, Сочи, дача Сталина, 1999 г.



Анатолий – гвардии рядовой



Анатолий Юницкий:
струнная дорога – это...



Дача отца в Лучежевичах



Приятно лежать на зелёной крушницкой земле...



Как и отца, Анатолия всегда притягивала к себе Припять



У отцовской берёзы



А когда-то, в годы фермерства, Анатолий сидел за рулём этой машины



Корни деревьев на берегу Припяти, цепляясь за землю, переплелись, как и судьбы Юницких



Анатолий с отцом в гостях у Брониславы



Дорога к Припяти



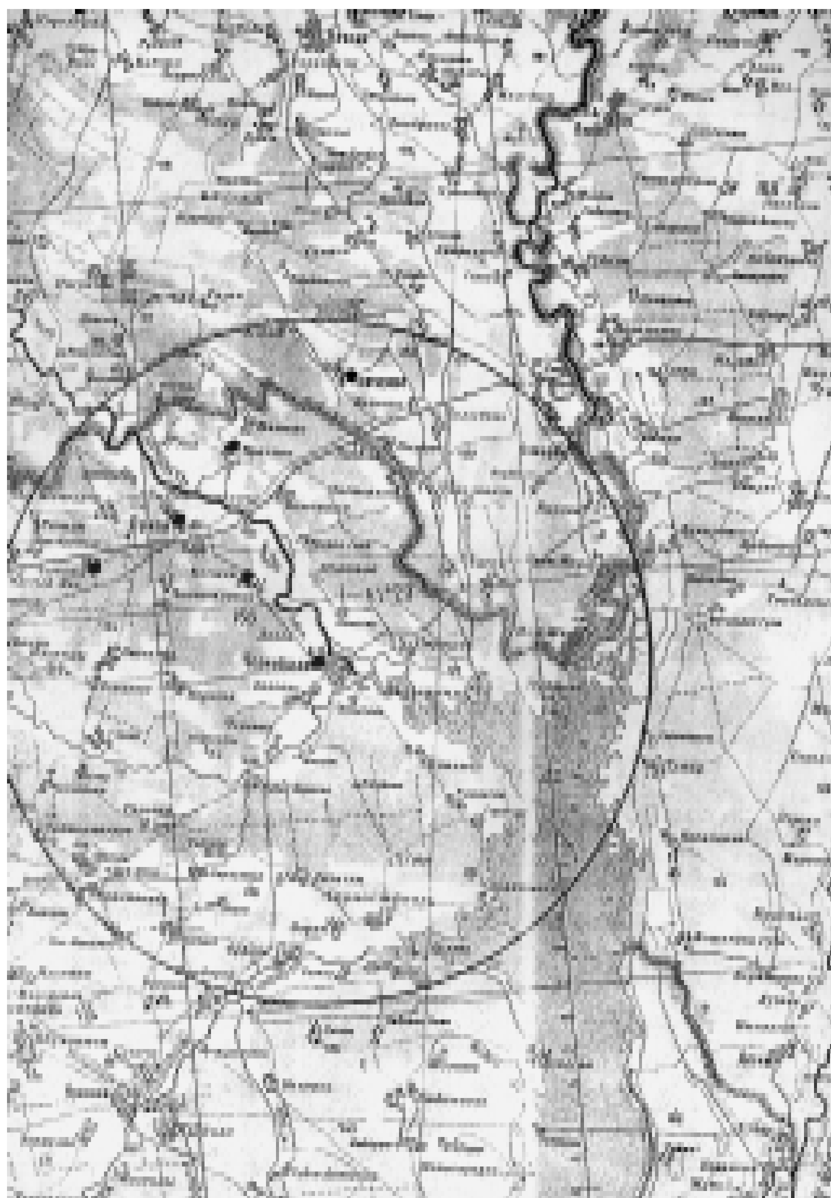
На берегу со спинингом



Дачник-пенсионер Эдуард Юницкий



Эдуард Юницкий – рыбак



От Крюков до Чернобыля рукой подать

14. Юніцкій, А.Э. Рейки для струнних транспортних систем. Патент України № 1995, кл. 25-01, 1996.

15. Юніцкій, А.Э. Транспортний засіб для струнних транспортних систем. Патент України № 1996, кл. 12-03, 1996.

16. Юницкий, А.Э. Рельс для струнных транспортных систем. Патент Республики Казахстан № 114, кл. 25-01, 1996.

17. Юницкий, А.Э. Создание струнной транспортной системы «Париж – Москва» / Развитие коммуникационной системы Париж – Берлин – Варшава – Минск – Москва / Материалы международной конференции, 28–31 октября. Минск, 1997, с. 81–84.

18. Юницкий, А.Э. Струнная дорога в XXI век / Газета «Транспорт России». Москва, 27–31 декабря 1999 г., № 52, с. 2.

19. Юницкий, А.Э. Инновационный проект «Струнная транспортная система» / Журнал «Конверсия в машиностроении». – Москва, 2000 г., № 2, с. 59–61.

20. Юницкий, А.Э. Дорога в XXI век / Журнал «Национальная безопасность и геополитика России». Москва, 2000 г., № 6–7, с. 43–49.

21. Yunitsky Anatoly. Report on the UN Centre for Human Settlements project FS-RUS-98-S01 «Sustainable development of human settlements and improvement of their communication infrastructure through the use of a String Transportation System. Moscow: Gosstroy of Russia, 2000 г., 160 p.

22. Юницкий, А.Э. Струнный транспорт Юницкого / Проект «Ноосферные транспортные системы Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Издательство НГАВТ, 2000, с. 641–674.

23. Юницкий, А.Э. Струнная транспортная система / Журнал «Наука и технологии в промышленности». Москва, 2001г., № 3, с. 55–56.

24. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого (варианты: 2 изобретения). Евразийский патент № 003484, кл. E 01 B 5/08, 2001.

25. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого. Евразийский патент № 003485, кл. E 01 B 5/08, 2001.

26. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль. Евразийский патент № 003490, кл. B 62 D 35/00, 2001.

27. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль. Евразийский патент № 003533, кл. B 62 D 35/00, 2001.

28. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль. Евразийский патент № 003534, кл. B 62 D 35/00, 2001.

29. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль. Евразийский патент № 003535, кл. B 62 D 35/00, 2001.

30. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2201368, кл. B 62

D 35/00, 2001.

31. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2201369, кл. В 62 D 35/00, 2001.

32. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого (варианты) (2 изобретения). Патент Российской Федерации № 2201482, кл. Е 01 В 25/00, 2001.

33. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2203194, кл. В 62 D 35/00, 2001.

34. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2203195, кл. В 62 D 35/00, 2001.

35. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2204636, кл. Е 01 В 25/00, 2001.

36. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого, способ его изготовления и монтажа (2 изобретения). Патент Российской Федерации № 2204637, кл. Е 01 В 25/00, 2001.

37. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2204638, кл. Е 01 В 25/00, 2001.

38. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого и способ его изготовления (2 изобретения). Патент Российской Федерации № 2204639, кл. Е 01 В 25/00, 2001.

39. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2204640, кл. Е 01 В 25/00, 2001.

40. Юницкий, А.Э. Рельс транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2208675, кл. Е 01 В 25/00, 2001.

41. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2211781, кл. В 62 D 35/00, 2001.

42. Юницкий, А.Э. Транспортная система. Патент Российской Федерации № 2211890, кл. Е 01 В 25/00, 2001.

43. Юницкий, А.Э. Высокоскоростной транспортный модуль транспортной системы Юницкого. Патент Российской Федерации № 2217339, кл. В 62 D 35/00, 2001.

44. Юницкий, А.Э. Струнная транспортная система / Градоформирующие технологии XXI века / Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции, 11 сентября. Москва, 2001, с. 12–14.

45. Юницкий, А.Э. Струнная транспортная система – транспорт будущего/ Журнал «Промышленное и гражданское строительство». Москва, 2002 г., № 1, с. 36–39.

46. Юницкий, А.Э. и др. Инвестиционный авант-проект создания в Но-

восибирске высокоскоростной струнной транспортной магистрали Речной вокзал – Академгородок / Журнал «Сибирская финансовая школа». Новосибирск, 2002 г., № 1, с. 6–14.

47. Юницкий, А.Э. и др. Струнная транспортная система / Модернизация промышленного транспорта /Труды научно-технической конференции, 12–13 февраля. Москва, 2002, с. 129–132.

48. Юницкий, А.Э. Транспортная система Юницкого (варианты) и способ построения транспортной системы (4 изобретения). Патент Российской Федерации № 2220249, кл. E 01 B 26/00, 2002.

49. Юницкий, А.Э. Транспортная система Юницкого (варианты) и способ построения транспортной системы (3 изобретения). Патент Российской Федерации № 2223357, кл. E 01 B 26/00, 2002.

50. Юницкий, А.Э. Транспортная система Юницкого (варианты) и способ построения транспортной системы (3 изобретения). Патент Российской Федерации № 2224064, кл. E 01 B 26/00, 2002.

51. Юницкий, А.Э. Струнная транспортная система – ноосферный транспорт XXI века / Драчев, П.Т. и др. Ноосферный путь устойчивого развития России и Мира. Байкальский регион как модельная территория. М.: ПР Стайл, 2002, с. 312–333.

52. Юницкий, А.Э. Использование струнной транспортной системы в горной промышленности / Технология, оборудование и сырьевая база горных предприятий промышленности строительных материалов / Сборник докладов X Международной конференции, 1–3 октября 2002 г., Минск. – М.: ГУП ЦПП, 2002, с. 201–205.

53. Юницкий, А.Э. и др. Московский авиационный узел / Под общей редакцией В.Н. Иванова. М.: Воздушный транспорт, 2002, 144 с.

54. Юницкий, А.Э. Транспортная система Юницкого и способ построения транспортной системы (2 изобретения). Евразийский патент № 004917, кл. E 01 B 26/00, 2002.

55. Юницкий, А.Э. Способ возведения многоэтажного здания, сооружения опусканием опалубки перекрытий и многоэтажное здание ствольно-стеновой системы (2 изобретения). Евразийский патент № 004188, кл. E 04 B 1/35, 2002.

56. Юницкий, А.Э. и др. Транспортная система «второго уровня» / Журнал «Мир транспорта». Москва, 2003 г., № 1, с. 34–43.

57. Юницкий, А.Э. Рельсовая путевая структура транспортной системы Юницкого (варианты; 3 изобретения). Евразийский патент № 004391, кл. E 01 B 25/00, 2003.

58. Юницкий, А.Э. Струнная транспортная система (варианты), спо-

соб изготовления и монтажа пролётного отрезка струнной рельсовой нити (3 изобретения). Евразийский патент № 005017, кл. E 01 B 25/24, 2003.

59. Юницкий, А.Э. Транспортная система будущего / Газета «Знание – Власть!» Москва, 27 января 2004 г., № 4, с. 7.

60. Юницкий, А.Э. и др. Надземный транспорт как перспективная основа развития единой транспортной системы страны / Журнал «Сибирская финансовая школа». Новосибирск, 2004 г., № 1, с. 75–77.

61. Юницкий, А.Э. Транспортная система. Евразийский патент № 005534, кл. E 01 B 25/00, 2004.

62. Юницкий, А.Э. Струнная транспортная система – транспорт XXI века / Рациональное природопользование: ресурсо- и энергосберегающие технологии и их метрологическое обеспечение / Материалы международной научно-практической конференции, 22–24 июня 2004 г., Петрозаводск. М.: ФГУП «ВИМИ», 2004, с. 92–100.

63. Юницкий, А.Э. Транспортная система Юницкого (варианты) и способ построения транспортной системы (4 изобретения). Евразийский патент № 006359, кл. B 61 B 3/00, 2004.

64. Юницкий, А.Э. Отчёт по проекту Программы ООН по населённым пунктам (ООН-ХАБИТАТ) № FS-RUS-02-S03 «Обеспечение устойчивого развития населённых пунктов и защита городской окружающей среды с использованием струнной транспортной системы». М.: Федеральное агентство по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству (Госстрой России), 2004, 155 с.

65. Юницкий, А.Э. Транспортная система Юницкого (варианты) и способ построения транспортной системы (3 изобретения). Евразийский патент № 006111, кл. B 61 B 3/00, 2004.

66. Юницкий, А.Э. Транспортная система Юницкого (варианты) и способ построения транспортной системы (3 изобретения). Евразийский патент № 006112, кл. B 61 B 3/00, 2004.

67. Юницкий, А.Э. Транспортная система второго уровня – Струнный транспорт Юницкого / Журнал «Архитектура. Строительство. Дизайн». Москва, 2004 г., № 4, с. 32–33.

68. Юницкий, А.Э. Дорогу новому виду транспорта «второго» уровня / Газета «Экономическая и философская газета». Москва, 2004 г., № 49, с. 4, 8.

69. Юницкий, А.Э. Транспортная система «второго уровня» – струнный транспорт Юницкого / Международная аналитическая газета «Инвестиции и строительство». Москва, 2005 г., № 2, с. 12–13.

70. Юницкий, А.Э. Струнный транспорт Юницкого / Проект «Ноосферные транспортные системы Сибири и Дальнего Востока». Итоги реализации. Новосибирск, 2005, с. 331–336.

71. Юницкий, А.Э. Струнная транспортная система Юницкого (СТЮ) –

ноосферный транспорт XXI века / Проект «Ноосферные транспортные системы Сибири и Дальнего Востока». Итоги реализации. Новосибирск, 2005, с. 481–506.

72. Юницкий, А.Э. Транспортная система «второго уровня» – струнный транспорт Юницкого / Международная аналитическая газета «Инвестиции и строительство». Москва, 2005 г., № 3, с. 12–13.

73. Юницкий, А.Э. и др. Внедрение новых транспортных систем «второго уровня» как альтернативы суперавтомобилизации городов – важнейшее направление оздоровления городской среды / Здоровье нации – здоровый город. Решение задач выведения качества услуг, предоставляемых учреждениями санаторно-курортных зон России, на уровень современных требований / Материалы Второго международного форума, 25–26 мая. Кисловодск, 2005, с. 51–56.

74. Юницкий, А.Э. и др. Струнная транспортная система – логическое развитие технического прогресса на транспорте / Журнал «Промышленное и гражданское строительство». Москва, 2005 г., № 7, с. 46–48.

75. Юницкий, А.Э. Оптимизация наземной транспортной системы / Журнал «Проблемы машиностроения и автоматизации». Москва, 2005 г., № 4, с. 45–50.

76. Юницкий, А.Э. и др. Технико-экономическое обоснование создания в городе Хабаровске участка струнного транспорта Юницкого. Договор подряда № СТЮ-02/05 от 05 июля 2005 г. – Москва, 2005, 156 с.

77. Юницкий, А.Э. и др. Техническое задание на разработку пассажирского рельсового автомобиля Ю-362 (юнибуса) для условий Хабаровска. Договор подряда № СТЮ-02/05 от 05 июля 2005 г., Москва, 2005 г., 72 с.

78. Юницкий, А.Э. и др. Материалы в графической форме, иллюстрирующие конструктивную и визуальную части пассажирского рельсового автомобиля Ю-362 (юнибуса) в Хабаровске. Договор подряда № СТЮ-02/05 от 05 июля 2005 г. Москва, 2005, 21 с.

79. Юницкий, А.Э. Технические условия на струнную путевую структуру для условий Хабаровска. Договор подряда № СТЮ-02/05 от 05 июля 2005 г. Москва, 2005, 39 с.

80. Юницкий, А.Э. и др. Материалы по обоснованию технических условий на струнную путевую структуру для условий Хабаровска (Том 1. Пояснительная записка). Договор подряда № СТЮ-02/05 от 05 июля 2005 г. Москва, 2005, 35 с.

81. Юницкий, А.Э. и др. Материалы по обоснованию технических условий на струнную путевую структуру для условий Хабаровска (Том 2. Инженерные расчёты). Договор подряда № СТЮ-02/05 от 05 июля 2005 г. Москва, 2005, 214 с.

82. Юницкий, А.Э. Особенности проектирования высотной струнной транспортной системы моноСТЮ, совмещенной с высотными зданиями. Москва, 2006, 49 с.

83. Юницкий, А.Э. и др. Каркас здания, совмещённого со станцией и анкерной опорой макроСТЮ в городе Хабаровске на участке «Ул. Дикопольцева – Ул. Гоголя». Москва, 2006, 43 с.

84. Юницкий, А.Э. и др. Отчёт о выполнении расчётов на прочность, устойчивость и долговечность макроСТЮ в Хабаровске на участке «Ул. Дикопольцева – Ул. Гоголя» / Договор подряда № СТЮ-01/06 от 21 января 2006 г. Москва, 2006, 90 с.

85. Юницкий, А.Э. и др. Отчёт о разработке анкерного узла анкерной опоры макроСТЮ для условий города Хабаровска / Договор подряда № СТЮ-01/06 от 21 января 2006 г. Москва, 2006, 90 с.

86. Юницкий, А.Э. и др. Отчёт о разработке опорного узла на промежуточной опоре макроСТЮ для условий Хабаровска / Договор подряда № СТЮ-01/06 от 21 января 2006 г. Москва, 2006, 69 с.

87. Юницкий, А.Э. и др. Отчёт о выпуске конструкторской документации на силовой каркас пассажирского рельсового автомобиля – макро-юнибуса модели Ю-362 для условий Хабаровска / Договор подряда № СТЮ-01/06 от 21 января 2006 г. Москва, 2006, 250 с.

88. Юницкий, А.Э. и др. Техническое предложение на моно-юнибус Ю-373П для условий города Хабаровска / В развитие договора № СТЮ-01/06 от 21января 2006 г. «Разработка проектной документации на двухпутный участок трассы СТЮ «Улица Дикопольцева – Улица Гоголя» протяжённостью 1 км». Москва, 2007, 137 с.

89. Юницкий, А.Э. и др. Проектное предложение создания радиальной трассы моноСТЮ по маршруту «Зеленоград – Митино – станция метро «Тушинская». Москва, 2006, 16 с.

90. Юницкий, А.Э. Дороги будущей России на основе технологий «Струнный транспорт Юницкого». Москва, 2006, 149 с.

91. Юницкий, А.Э. и др. Аванпроект на городской пассажирский рельсовый автомобиль (моно-юнибус) для условий города Ставрополя / Муниципальный контракт № СТЮ-02/06 от 04.03.2006 г. Москва, 2006, 117 с.

92. Юницкий, А.Э. и др. Технические условия на струнную путевую структуру для условий города Ставрополя / Муниципальный контракт № СТЮ-02/06 от 04.03.2006 г. Москва, 2006, 117 с.

93. Юницкий, А.Э. и др. Технико-экономическое обоснование «Создание в городе Ставрополе участка струнного транспорта Юницкого» / Муниципальный контракт № СТЮ-02/06 от 04.03.2006 г. Москва, 2006, 130 с.

94. Юницкий, А.Э. и др. Технико-экономическое обоснование «Созда-

ние в городе Ставрополе участка струнного транспорта Юницкого» (дополнительные варианты трассировки) / Муниципальный контракт № СТЮ-02/06 от 04.03.2006 г. Москва, 2006, 22 с.

95. Юницкий, А.Э. Функционально-планировочное предложение «Создание специальной экономической зоны в эмирате Рас-аль-Хайма, ОАЭ, на основе технологии «Струнный транспорт Юницкого». Москва, 2006, 12 с.

96. Юницкий, А.Э. Проектное предложение «Радиально-кольцевая высотная рельсовая транспортная система моноСТЮ «Москва – Подмосковье». Москва, 2006, 62 с.

97. Юницкий, А.Э. Струнный транспорт Юницкого – история в документах. Москва, 2006, 159 с.

98. Unitsky Anatoly Proposal to Toronto Transit Commission (TTC) to conduct preliminary study for alternative transit network in the city of Toronto and GTA. Moscow, 2006, 21 p.

99. Юницкий, А.Э. Проектное предложение по созданию транспортной системы «второго уровня» на основе технологий «Однорельсовый струнный транспорт Юницкого – моноСТЮ» по маршруту «Миракс Федерация – Миракс Плаза». Москва, 2006, 29 с.

100. Unitsky Anatoly. The World Exhibition EXPO-2010 (Shanghai, China). Transportation System of the «second level» based on the «String Transport Unitsky» technologies. Moscow, 2007, 22 p.

101. Unitsky Anatoly. Project proposal to open up and develop the coastal area of United Arab Emirates on the basis of «String Transport Unitsky» transportation technologies «Pearl necklace of Emirates». Moscow, 2007, 25 p.

102. Юницкий, А.Э. Предпроектное предложение «Создание грузопассажирской трассы моноСТЮ «Железорудное месторождение Гарь – ГОК в Амурской области». Благовещенск, 2007, 13 с.

103. Юницкий, А.Э. Предпроектное предложение по созданию высотной рельсо-струнной трассы общественного городского транспорта на основе транспортных технологий «Струнный транспорт Юницкого» «Волга – СТЮ». Москва, 2007, 25 с.

104. Юницкий, А.Э. Предпроектное предложение по созданию линейного города «Адлер – Красная Поляна». Москва, 2007, 30 с.

105. Юницкий, А.Э. Инновационная технология «Струнный транспорт Юницкого». Москва, 2007, 20 с.

106. Юницкий, А.Э. Предпроектное предложение по созданию высотной рельсо-струнной трассы моноСТЮ «Нижний Новгород – Бор». Москва, 2007, 26 с.

107. Юницкий, А.Э. Предпроектное предложение по созданию высо-

коскоростной рельсо-струнной трассы СТЮ «Нижний Новгород – Владимир – Москва». Москва, 2007, 24 с.

108. Юницкий, А.Э. Предпроектное предложение «Высотный скоростной монорельсовый струнный транспорт (моноСТЮ) по маршруту «Адлер – Красная Поляна». Москва, 2007, 37 с.

109. Юницкий, А.Э. и др. Аванпроект на экипажи СТЮ (юнибусы). Том 1. Пояснительная записка / Государственный контракт № 7у на разработку проекта «Генеральная транспортная стратегия применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого (СТЮ) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» от 31 мая 2007 г. Москва, 2007, 34 с.

110. Юницкий, А.Э. и др. Аванпроект на экипажи СТЮ (юнибусы). Том 2. Экипажи моделей Ю-314П и Ю-315П колеёй 1000 мм / Государственный контракт № 7у на разработку проекта «Генеральная транспортная стратегия применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого (СТЮ) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» от 31 мая 2007 г. Москва, 2007, 132 с.

111. Юницкий, А.Э. и др. Аванпроект на экипажи СТЮ (юнибусы). Том 2. Экипажи моделей Ю-321П и Ю-321ПЭ колеёй 1500 мм / Государственный контракт № 7у на разработку проекта «Генеральная транспортная стратегия применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого (СТЮ) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» от 31 мая 2007 г. Москва, 2007, 122 с.

112. Юницкий, А.Э. и др. Разработка технических условий (ТУ) на рельсо-струнную путевую структуру / Государственный контракт № 7у на разработку проекта «Генеральная транспортная стратегия применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого (СТЮ) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» от 31 мая 2007 г. Москва, 2007, 143 с.

113. Юницкий, А.Э. и др. Эскизная проработка анкерных и поддерживающих путевых опор, станций, сервисных депо и определение общетехнических показателей будущих трасс СТЮ для условий ХМАО–Югры / Государственный контракт № 7у от 31 мая 2007 г. на разработку проекта «Генеральная транспортная стратегия применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого (СТЮ) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Москва, 2007, 157 с.

114. Юницкий, А.Э. и др. Разработка технических условий на нестандартизированное оборудование станций и сервисных депо / Государственный контракт № 7у на разработку проекта «Генеральная транспортная стратегия применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого (СТЮ)

в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» от 31 мая 2007 г. Москва, 2007, 55 с.

115. Юницкий, А.Э. и др. Технико-экономическое обоснование генеральной транспортной стратегии применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре / Государственный контракт № 7у от 31 мая 2007 г. на разработку проекта «Генеральная транспортная стратегия применения и создания трасс струнного транспорта Юницкого (СТЮ) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Москва, 2007, 210 с.

116. Юницкий, А.Э. и др. Юнибусы моделей Ю-314РТ и Ю-315РЕ в составе СТЮ колеёй 1000 мм: краткое описание. Москва, 2007, 39 с.

117. Юницкий, А.Э. и др. Юнибусы моделей Ю-321РТ и Ю-321РЕ в составе СТЮ колеёй 1500 мм: краткое описание. Москва, 2007, 39 с.

118. Юницкий, А.Э. и др. По струне, аки по суху / Журнал «Югра: дороги в будущее». Ханты-Мансийск, 2007 г., № 9, с. 35

119. Юницкий, А.Э. Транспортная система «второго уровня» – струнный транспорт Юницкого / Журнал «Инновационная экономика России». Москва, 2007 г., № 5, с. 55– 60

120. Юницкий, А.Э. и др. Новые технологии в создании транспортных систем северных и восточных регионов России / Журнал Сургутского государственного университета «Региональный университет: инноватика». Сургут, 2007 г., № 1, с. 20–29

121. Юницкий, А.Э. и др. Выбор типа двухрельсового автомобиля (юнибуса) (по колее, расчётной скорости движения и вместимости) и подготовка технического предложения по нему применительно к природно-климатическим условиям города Ханты-Мансийска / Государственный контракт № 12у от 07 августа 2007 г. на выполнение работ по разработке технико-экономического обоснования строительства высотной городской пассажирской двухпутной струнной транспортной системы в Ханты-Мансийске. Москва, 2007, 142 с.

122. Юницкий, А.Э. и др. Выбор типа однорельсового подвесного автомобиля (моно-юнибуса) (по расчётной скорости движения и вместимости) и подготовка технического предложения по нему применительно к природно-климатическим условиям города Ханты-Мансийска / Государственный контракт № 12у от 07 августа 2007 г. на выполнение работ по разработке технико-экономического обоснования строительства высотной городской пассажирской двухпутной струнной транспортной системы в городе Ханты-Мансийске. Москва, 2007, 127 с.

123. Юницкий, А.Э. и др. Выбор типа рельса-струны для принятого варианта двухрельсового СТЮ (по колее, расчётной подвижной нагрузке и

скоростным режимам движения) и выполнение предпроектных прочностных расчётов по нему применительно к природно-климатическим условиям города Ханты-Мансийска / Государственный контракт № 12у от 07 августа 2007 г. на выполнение работ по разработке технико-экономического обоснования строительства высотной городской пассажирской двухпутной струнной транспортной системы в городе Ханты-Мансийске. Москва, 2007, 96 с.

124. Юницкий, А.Э. и др. Выбор типа рельса-струны для принятого варианта однорельсового (монорельсового) СТЮ (моноСТЮ) (по расчётной подвижной нагрузке и скоростным режимам) и выполнение предпроектных прочностных расчётов по нему применительно к природно-климатическим условиям города Ханты-Мансийска / Государственный контракт № 12у от 07 августа 2007 г. на выполнение работ по разработке технико-экономического обоснования строительства высотной городской пассажирской двухпутной струнной транспортной системы в городе Ханты-Мансийске. Москва, 2007, 87 с.

125. Юницкий, А.Э. и др. Построение высотных профилей, выбор типов СТЮ по высотным профилям, оптимизация выбора типов СТЮ и эскизная проработка станций и сервисных депо применительно к природно-климатическим условиям города Ханты-Мансийска / Государственный контракт № 12у от 07 августа 2007 г. на выполнение работ по разработке технико-экономического обоснования строительства высотной городской пассажирской двухпутной струнной транспортной системы в городе Ханты-Мансийске. Москва, 2007, 128 с.

126. Юницкий, А.Э. и др. Инвестиционное предложение по созданию высотной городской пассажирской двухпутной трассы СТЮ в городе Ханты-Мансийске в двух вариантах исполнения: двухрельсовом и монорельсовом / Государственный контракт № 12у от 07 августа 2007 г. на выполнение работ по разработке технико-экономического обоснования строительства высотной городской пассажирской двухпутной струнной транспортной системы в городе Ханты-Мансийске. Москва, 2007, 131 с.

127. Unitsky Anatoly. Flying over the Rails from London to Tokyo / Bulletin of Russo-British Chamber of Commerce. London-Moscow, Issue 07, September 2007, pp. 44–45

128. Юницкий, А.Э. Бизнес-план «Опытно-демонстрационный полигон Струнного транспорта Юницкого». Москва, 2007, 39 с.

129. Юницкий, А.Э. Успеть на Олимпиаду / Журнал «Сириус – транспортное обозрение». Москва, 2007 г., № 10, с. 32–35

130. Юницкий, А.Э. и др. Техническое предложение по транспортной системе СТЮ в городе Екатеринбурге по маршруту «Железнодорожный вокзал – многофункциональный комплекс «Космос-сити, Екатеринбург, Россия». Вариант 1. Двухрельсовый СТЮ / Договор № А-15/2007 от 28 мая 2007 г. на разработку технического предложения по транспортной системе СТЮ в городе Екатеринбурге по маршруту «Железнодорожный вокзал – многофункциональный комплекс «Космос-сити, Екатеринбург, Россия». Москва, 2007, 155 с.

131. Юницкий, А.Э. и др. Техническое предложение по транспортной системе СТЮ в городе Екатеринбурге по маршруту «Железнодорожный вокзал – многофункциональный комплекс «Космос-сити, Екатеринбург, Россия». Вариант 2. Однорельсовый СТЮ / Договор № А-15/2007 от 28 мая 2007 г. на разработку технического предложения по транспортной системе СТЮ в городе Екатеринбурге по маршруту «Железнодорожный вокзал – многофункциональный комплекс «Космос-сити, Екатеринбург, Россия». Москва, 2007 г., 135 с.

132. Юницкий, А.Э. МоноСТЮ для перевозки 40 млн. тонн угля в год на расстояние 68 км. Москва, 2008, 19 с.

133. Юницкий, А.Э. МоноСТЮ для перевозки 10 млн. тонн руды в год на расстояние 500 км. Москва, 2008, 19 с.

134. Юницкий, А.Э. и др. Новые технологии в создании и развитии транспортных систем: монография. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008, 238с.

Справочно: 41 патент, 65 изобретений, 93 доклада и публикации.

Вместо заключения

Это счастье, когда знаешь, что тебя ждут дома. Тебе рады, когда ты вернёшься домой среди ночи или под утро, или будешь отсутствовать несколько дней или недель и не услышишь упрёка в свой адрес.

Это относится к Надежде – жене Анатолия. Она понимает своего мужа, понимает его волнения, переживания, знает и чувствует, когда у него хорошее настроение или наоборот. Она всегда умеет разогнать серые тучи над его небосклоном и не отстанет до тех пор, пока на его лице не появится улыбка…

Но Надежда может и не прилагать никаких сил, чтобы вернуть ему радостное настроение. Сделать уроки со старшей Настенькой, узнать школьные новости, поиграть в любимые игры… Подойдя к колыбели, в которой лежит семимесячная Марьяна и даже не спит, а радостно лепечет что-то в знак приветствия, Анатолий берёт дочь на руки, прижимает к себе – и тогда забывает обо всём на свете…

И в этот миг он чувствует себя самым счастливым человеком на земле.

А из другой комнаты смотрит на эту идиллию Елена Николаевна – тёща Анатолия, которая живёт вместе с ними, помогает нянчить своих внучек, радуется, что зять так любит своих детей.

Денис, сын Анатолия, понимает радость отца. И нет у него сыновней ревности, считает дочерей отца своими сёстрами. Как принимал когда-то и его отец за своих сестёр сына и дочь своего отца Эдуарда Петровича – Эдуарда и Людмилу, когда гостил, когда жил у него сам. У Юницких – это как повторение пройденного, такой уже, видимо, у них рок, планида. И потому они научились относиться к этому спокойно и с душевным пониманием.

Род Юницких продолжается. У Дениса учится в школе дочь Ульяна, и скоро пойдёт в первый класс сын Савелий. Савелий Денисович, внук Анатолия Юницкого, правнук Эдуарда Петровича Юницкого.

Жизнь продолжается, на смену одному поколению приходит другое...

И по струнам небесной арфы Юницкие устремляются в завтрашний день, в будущее, увлекая за собой людей мыслящих и пытливых, талантливых и одержимых.

Более тридцати лет Анатолий Юницкий настойчиво пробивался к заветной цели. И нашёл большее понимание и поддержку в далёкой Австралии. Точнее, даже не так – в Австралии на него не смотрят как на врага, преступника и жулика, который хочет всех обобрать с помощью струнных технологий.

Ему и его команде просто предоставили площадку, защищённую британским правом и историческим опытом реализации инноваций путём акционирования. Причём без всякой борьбы, унижений и оскорблений, без всяких «откатов» и «распилов».

Четыре компании – одна частная, с уставным капиталом 1,156 миллиарда австралийских долларов, и три публичные – были зарегистрированы в Сиднее в течение двадцати минут.

Анатолий как-то рассказывал мне, как он вносил два года назад в ООО «Струнный транспорт Юницкого» в Москве интеллектуальную собственность в размере 3,6 миллиарда рублей (около 120 миллионов долларов). Занимал очередь в единственную специализированную налоговую (на двенадцатимиллионный город) в семь утра – был в очереди где-то 1500-м. Мороз – более двадцати градусов.

В здание налоговой попадал только через 5 часов, внутри – ещё 3 часа, чтобы сдать документы. Через десять дней их возвратили как неправильно оформленные. И так три раза, пока не пробился к руководству налоговой и не пригрозил обращением в международный суд.

Так, через борьбу и насилие, решается практически любой вопрос в России, особенно такой сложный как реализация отраслеобразующей инновации.

Нет пророка в Отечестве своём?..

Единственное требование в Австралии – работать в рамках закона. С чем Анатолий Юницкий и его команда полностью согласны.

Очень хочется, чтобы спасительный круг, брошенный академиком Анатолием Юницким, спас Человечество от войн и пожаров, от ненависти и недоверия, от непонимания своего места на Земле, которое определил Всевышний.

Человек свое счастье найдёт только здесь, на родной земле, которую подарил нам Создатель.

И эту истину хочет подтвердить учёный Анатолий Эдуардович Юницкий.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвёртая

КНИГА ВТОРАя

ОТ ЗЕМЛИ ДО КОСМОСА

Часть первая

Часть вторая

Часть третья

Часть четвёртая

Литературно-художественное издание

БОРОВСКИЙ Анатолий Николаевич

МЫ – ЮНИЦКИЕ

Документальный роман

В авторской редакции

Корректоры: *И. В. Слюсарева*
Т. А. Смурова

Компьютерная верстка *Т. И. Скибра*

Подписано в печать 15.11.2010.
Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 34,88. Уч.-изд. л. 29,1.
Тираж 400 экз. Заказ 957.

Открытое акционерное общество «Полеспечать»
РБ, 246050, Гомель, Советская, 1
ЛИ 02330/0552663 от 04.01.2010
ЛП 02330/0494157 от 03.04.2009